Александр Лукин

РОССИЯ
на рубеже веков

РАБОТЫ
ПО ПОЛИТОЛОГИИ
И РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИКЕ

Издательство «Весь Мир»

Основные работы автора этой книги А.В. Лукина

«Три путешествия по Китаю» (в соавт. с А.Д. Дикаревым, 1989 – на рус. яз., 1996 – на кит яз.); *«Невежество против несправедливости: политическая культура российских “демократов”»* (2000 – на англ. яз., 2005 – на рус. яз); *«Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII–XXI вв.»* (2003 – на англ. яз., 2007 – на рус. яз., 2007 – на кит. яз.); *«Поворот к Азии. Российская внешняя политика на рубеже веков и ее активизация на восточном направлении»* (М.: Весь Мир, 2014), *«Умом Россию понимать. Постсоветская политическая культура и отечественная история»* (с П.В. Лукиным. М.: Весь Мир, 2015), *«Возвышающийся Китай и будущее России»* (М.: Международные отношения, 2015).

В 2013 г. под редакцией А.В. Лукина вышла коллективная монография *«Россия–Китай. Четыре века взаимодействия»* (М.: Весь Мир, 2013) – фундаментальный труд российских исследователей, посвященный истории, современному состоянию и перспективам развития российско-китайских отношений.

Александр Лукин

РОССИЯ
на рубеже веков

РАБОТЫ
ПО ПОЛИТОЛОГИИ
И РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИКЕ

Москва
Издательство «Весь Мир»
2016

УДК 323(47)''1980–2016
ББК 66.3(2Рос)6
Л 84

Рецензенты:

д.и.н. С.А. Караганов
д.полит.н. М.В. Братерский

Отпечатано в России

© А.В. Лукин, 2016
© МГИМО – Университет, 2016
© Издательство «Весь Мир», оформление, 2016

ISBN 978-5-7777-0632-4

Содержание

От автора 9

Раздел 1. ПОЛИТОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА. СТАТЬИ В НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Новая международная идеократия и Россия 19

Постбиполярный мир: мирное сосуществование или хаос 45

Шовинизм или хаос? Порочный выбор для России 67

Возможна ли другая демократия? 83

Диктатура и жизнь 107

Россия после коммунизма – понимать, а не судить 113

Новое слово в исследовании России или хорошо забытое старое 132

Подходы к исследованию систем представлений социальных групп и современная политология 140

Концепция «политической культуры» и ее применение к СССР и России 199

Раздел 2. ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ВЫСТУПЛЕНИЯ В СМИ

Перспективы российского режима в международном контексте 282

Кризис российского образования и права интеллектуального меньшинства 300

Маразм власти 309

Комментарий на заметку Р. Пайпса 313
Выборы в России: от рождения до смерти 317
Грязные мысли о Родине 323
Все хорошо, прекрасная маркиза... 327
Появились молодые, превоспитанные люди... 332
Возвращение вранья 335
Россия Путина. Диктатура закона или диктатура в законе? 338
Каким будет новый парламент России? 351
Реформы для бюрократии или для людей? 356
«Шило на мыло» как основной принцип кадровой политики Ельцина 359
Борьба титанов 364
Спасут ли Россию «люди с опытом»? 370
Российские реформы и западная помощь 376
Есть ли в России кризис? 396
Тревожный май в России 401
Страсти по премьеру 405
Лужковская Москва: китайский вариант внутри польского 409
Политические представления россиян и выборы 416
На круги своя, или Россия на пути к царству Трех Толстяков 436
Что принесут грядущие выборы? При каких условиях Борис Ельцин может уйти из Кремля 447
Последний шанс. Россия после чеченской трагедии: два сценария 455
Ставрополье: пограничный край внутри России 463
Псковская область: граница без замка и ворот 468
Проблемы Прибалтики могут стать причиной серьезного осложнения отношений между Россией и США 473
Итальянские криминологи предупреждают: Россия может стать второй Сицилией 479

«Партия начальников» в выборах не участвовала, но победила. Российские регионы: раздражение центром усиливается 488
Фашистская угроза и российские власти 494
Ультиматум Гайдара 498
Станет ли Александр Солженицын следующим президентом России? 503
Новая конституция и будущее России 509
Смерть Советов и российская государственность 513
Россия: борьба вокруг двух проектов конституции обостряется 517
Ельцин выдвигает план действий, который трудно будет реализовать 521
Россия: коммунисты активизируются 525
Кто такие российские демократы? 529
Остановить распад 533
Приманка для диктатора. Интеллигенция пришла к власти, но не готова к реформам. Выход в авторитарном режиме? 542
Первые недели реформ Ельцина: успех или провал? 547
Новая Россия: парламентская демократия или авторитарный режим? 554
Выбираем «Народное согласие» 559
А паразитам никогда? Демократам лучше не ошибаться. За каждым их шагом следят 563
Не за личности, а за систему 567
Сохранится ли Советский Союз до 1991 г.? 568
Мирная революция в Москве: оппозиция у власти 577
Гдлян и Иванов: карьеристы или герои? 582
Политика Горбачева и будущее перестройки 589
Судьба Горбачева решается в эти дни 599

Раздел 3. ОБРАЩЕНИЯ, ПРОГРАММЫ, ИНТЕРВЬЮ

Отцы и дети 603
Неприкосновенный запас 611
Александр Лукин: «Мне дорого Подмосковье, здесь прошло мое детство» 615
Абсолютно хорошо или абсолютно плохо? 626
Помогите нам еще раз! 632
Заявление о роспуске Моссовета 637
Гражданский союз. К России единой, сильной, демократической, процветающей (проект программы) 639
Большевизация Моссовета 665
В союзники записать поторопились 668
Выступление на Второй сессии Московского городского Совета народных депутатов Двадцать первого созыва 671
Моссовет и рынок 675
Обращение к Верховному Совету СССР 678
Телефон на троих. (Докладная записка председателя КГБ СССР В.А. Крючкова президенту СССР М.С. Горбачеву) 681

От автора

Эта книга – плод размышлений автора над проблемами изучения политики в целом и российской политики в частности за без малого три десятилетия: с конца 80-х гг. XX в. до сегодняшнего дня. Все работы, написанные за эти годы, разделены на три вида. В первом разделе помещены статьи и материалы научного характера, в которых имеется теоретический элемент. Большинство из них были либо уже опубликованы в научных журналах, либо подготовлены в качестве научных текстов. Как известно, по определению М. Вебера, научный текст отличается от публицистического тем, что в нем должно говориться о «сущем», а не о «долженствующем быть сущим». И хотя это, говоря его же словами, не более чем «идеальный тип» и от публицистичности, в которой выражается позиция автора, совершенно уйти вряд ли возможно, но в работах этого раздела я все же старался быть объективным.

Второй раздел, напротив, составлен из работ сознательно публицистичных. В основном это статьи, публиковавшиеся в различных газетах, с оценками политического положения в стране, описанием перипетий политической борьбы и т.п. В них хотя и мог содержаться какой-то теоретический элемент, но на научность претензии не было. Зато из них хорошо видно, как изменялся мой взгляд на ситуацию в России.

Третий раздел состоит из выступлений, интервью и составленных мной документов, в которых политическая направленность видна еще более явно. Некоторые из них были подготовлены в качестве предвыборных материалов, другие – как полемические выступления, заявления и заметки. Несмотря на это, я не отказываюсь от того, что писал и говорил тогда, хотя сегодня, наверное, много сказал бы по-другому.

Я начал писать о России почти сразу после того, как это стало возможным в связи со смягчением политического климата в стране.

Первые выступления и статьи в этом сборнике относятся к периоду, когда я, вместе со многими молодыми людьми того времени, активно включился в борьбу с тоталитарным коммунистическим режимом, пытаясь создать независимые от государства политические структуры на самом низком уровне. В 1988 г. я вернулся из Китая, где два года работал в советском посольстве на самой низшей должности, которую получил сразу после окончания МГИМО. Тогда я решил уйти с дипломатической службы, так как, собственно, никогда и не собирался на ней долго оставаться. Просто после института я пошел работать в МИД, видя в этом единственную возможность поехать в страну, которую изучал шесть лет в институте (тогда востоковеды учились шесть лет), чтобы лучше ее понять и подучить китайский язык: ведь в ту пору на нем на родине разговаривать было практически не с кем.

Как потом оказалось, работа в МИДе и посольстве дала мне отличную школу понимания бюрократии. Я научился писать официальные письма и прочие «бумаги» и понимать, как реально работает система управления в стране. Но долго вытерпеть ежедневное сидение в конторе я не мог. К тому же тогда в МИДе доверялось работать только коммунистам, вскоре кончался мой комсомольский возраст, и меня все равно отчислили бы, если бы я не вступил в КПСС, а такого желания у меня не было. Поэтому я перешел на работу в Институт востоковедения РАН, где в возглавляемом известным китаеведом и общественным деятелем Л.П. Делюсиным отделе Китая царили либеральные настроения. К этому времени относятся мои первые статьи о политической ситуации в стране, которую я часто сравнивал с изучаемым мной Китаем.

Незадолго до выборов народных депутатов СССР, которые прошли весной 1989 г., я вступил в общество «Мемориал», а затем, вместе с другими активистами агитировал за «демократических» кандидатов в своем Октябрьском районе Москвы. До сих пор я храню членский билет «Мемориала» с личной подписью академика А.Д. Сахарова, который тогда был его формальным главой.

Это было горячее и увлекательное время. Мы старались противостоять довольно вялым партийно-государственным структурам, чтобы провести своих кандидатов через сито собраний выборщиков, а затем разъяснить жителям, за кого надо голосовать, чтобы жизнь стала лучше. Выборщиков, которые на своих собраниях утверждали кандидатов, тоже выбирали, и мы старались провести «демократов» и им сочувствующих в выборщики, чтобы на предвыборных собраниях не забаллотировали «демократических» кандидатов.

После выборов, в Москве прошедших для наших сторонников успешно, мы с единомышленниками занялись созданием районного клуба избирателей Октябрьского района Москвы, которому дали громкое название «Обновление». Это была уже довольно организованная структура с активистами в каждом РЭУ (ремонтно-эксплуатационном управлении, на территории обслуживания которых делились районы). Она стала частью Московского объединения избирателей, тоже базировавшегося в нашем «демократическом» Октябрьском районе. Объединение, в свою очередь, было частью движения «Демократическая Россия».

На следующий, 1990 г. мы провели большинство своих кандидатов в районный, городской и республиканский Советы. В депутаты Моссовета выбрали и меня, и я оставался им до «демократического» роспуска в 1993 г. всех Советов главным «демократом» страны – Б.Н. Ельциным. В это время я активно писал и публиковался в новых изданиях, которые были учреждены Моссоветом, одним из первых своих решений отменившим цензуру в городе: в «Независимой газете» и «Курантах». Кроме того, став депутатом, я сразу же отправился на Тайвань, так как жизнь в «другом Китае», о посещении которого в советское время и подумать было невозможно, меня, как китаеведа, крайне интересовала. Меня пригласила одна из крупнейших тайваньских газет «Чжунго шибао» («The China Times»), с сотрудницей которой, известной писательницей Лун Интай я познакомился незадолго до этого в Москве. Руководство газеты пригласило меня стать ее российским обозревателем, и с тех пор несколько лет я регулярно писал для нее политические обзоры.

В Моссовете я оказался в оппозиции по отношению к недавней оппозиции: наша либеральная фракция критиковала новое «демократическое» руководство города и страны за неуважение к закону и разрушительную экономическую политику, которая вела к распаду страны. В то же время мы выступали и против коммунистической оппозиции, тянувшей страну назад.

С нашей либеральной деятельностью связан один курьезный эпизод. Членами нашей фракции были в основном люди молодые, кое-кто, как Валерий Фадеев, с которым мы потом подружились, так же, как и я, давно работал в различных демократических группах и был склонен к демократическому радикализму и даже к некоторому авантюризму. Нас объединяло чувство, что «теперь или никогда» тоталитаризм должен быть разрушен. И мы сразу принялись обсуждать различные, порой, как сейчас кажется, довольно наивные пла-

ны в этом направлении. Но, как потом выяснилось, власти отнеслись к нашей деятельности на удивление серьезно. Свидетельство этому – публикуемый документ о результатах прослушки моего телефона, подписанный самим всесильным председателем КГБ В.А. Крючковым, на который сам М.С. Горбачев наложил резолюцию, гласящую: «Вл. Ал.![1] Надо бы сориентировать т. Прокофьева[2] (без ссылки на источник)».

Интересно, что разговор состоялся 22 марта, всего через четыре дня после выборов, то есть за нас взялись довольно быстро. Хорошо, конечно, что, как и все начинания М.С. Горбачева, наше преследование кончилось провалом. Впоследствии это письмо В.А. Крючкова было опубликовано в книге генерального прокурора того времени В.Г. Степанкова и его зама Е.К. Лисова «Кремлевский заговор» в главе «Телефон на троих», как свидетельство причастности советского лидера к незаконному прослушиванию телефонных разговоров. Кстати, М.С. Горбачев мог помнить мою фамилию, так как был моим избирателем, был официально прописан в моем избирательном округе в доме 10 на улице Косыгина и только что голосовал (естественно, против меня) там же.

Упоминаемое в этом документе приложение на шести листах – вероятно, распечатка самого разговора. Может, мы когда-нибудь сможем ознакомиться и с ней и с улыбкой вспомним былое. Мы, конечно, понимали, что телефоны в СССР прослушиваются, но боязни говорить в то время уже не было, к тому же мы, честно говоря, не ожидали столь высокого внимания.

В конце 1991 г. я вступил в основанную в ту пору знаменитым депутатом Н.И. Травкиным Демократическую партию России (ДПР), которую к тому времени возглавили те бывшие сторонники «Демократической России», которые выступали против распада СССР, а затем – против «шоковой терапии» Е.Т. Гайдара. Бурным событиям того времени и их оценкам посвящены статьи этого периода.

К этому времени относится еще один публикуемый документ, который требует пояснения. 21 июня 1992 г. на Форуме общественных сил в Москве был создан политический блок «Гражданский союз». Кроме ДПР, в него вошли Всероссийский союз «Обновление» во главе с А.И. Вольским, Народная партия «Свободная Рос-

[1] Очевидно, Владимир Александрович Крючков.

[2] Ю.А. Прокофьев – в то время первый секретарь Московского городского комитета КПСС.

сия» (лидер – вице-президент России А.В. Руцкой), парламентская фракция и движение «Смена – Новая политика» и некоторые другие организации. Блок позиционировал себя как центристский: это была реакция тех, кто не хотел возврата к коммунистическому режиму, но при этом не принимал разорительной политики гайдаровского правительства и козыревской примитивно-прозападной дипломатии. Мне, как члену Политсовета ДПР, имеющему отношение к общественным наукам, поручили написать проект программы блока. Я быстро собрал знакомых экспертов, мыслящих примерно в этом направлении, и попросил дать свои предложения, многое написал и сам, затем свел все это в один документ, который озаглавил «К России единой, сильной, демократической, процветающей». ДПР приняла программу как свои предложения, однако блок принять его не успел: все было замотано бесконечными обсуждениями, а вскоре и сам «Гражданский союз» распался, не дожив до выборов 1993 г. Сегодня наши тогдашние идеи читаются как довольно умеренные, по сравнению, например, с известной Мюнхенской речью В.В. Путина 2007 г., но в принципе имеющими то же направление. И в то же время не покидает чувство упущенных возможностей: ведь принятие подобных предложений уже тогда могло бы привести к более самостоятельному и эффективному развитию страны гораздо раньше, без потерь и эксцессов 90-х гг. и, возможно, без чрезмерных авторитарных тенденций начала XX в. Но, к сожалению, тогда ее принятие ельцинскими властями вряд ли было возможным, а сам «Гражданский союз», как и ДПР, по целому ряду причин оказался нежизнеспособным.

О том, насколько враждебно «либеральный» лагерь отнесся к нашим предложениям, говорит одна курьезная история. 14 декабря 1992 г. министр иностранных дел А.В. Козырев выступил с неожиданной речью на Сессии Совета ОБСЕ в Стокгольме. Среди прочего он заявил, что традиции России «во многом, если не в основном» связаны с Азией, «а это устанавливает пределы ее сближения с Западной Европой», подверг критике НАТО и ЕЭС, «разрабатывающих планы военного присутствия в Прибалтике и других районах бывшего СССР», потребовал отменить введенные Советом Безопасности ООН санкции против Белграда, заявив, что «в своей борьбе правительство Сербии может рассчитывать на поддержку великой России». Он также подчеркнул, что на «постимперском» пространстве бывшего СССР Россия будет отстаивать свои интересы, используя «все доступные средства, в том числе военные и экономические»,

и порекомендовал всем, кто считает, что с этими интересами «можно не считаться», не забывать, что они будут «иметь дело с государством, способным постоять за себя и за своих друзей»[3].

Сегодня в этих идеях вряд ли можно увидеть что-то особенно радикальное, но тогда они создали впечатление смены прозападного внешнеполитического курса и вызвали шок у слушателей. Взяв слово второй раз, А.В. Козырев заявил, что высказал не свои мысли, а предложения оппозиции его курсу в Москве и тем самым хотел напугать западных партнеров. Для нас здесь интересно другое: позднее А.Н. Козырев пояснил, что написал эту речь «на основе статьи наших друзей из весьма умеренной оппозиции, на основе программы "Гражданского союза"»[4]. Поскольку другой программы у «Гражданского союза» не было, речь наверняка идет об этой. Ельцинский министр утверждал, правда, что переписал некоторые ее части дословно. Однако он кривил душой. Теперь, когда текст программы доступен всем, можно легко увидеть, что он в значительной степени изменил многие ее предложения, намеренно доведя их до абсурда.

В октябре 1993 г. указом демократического президента Б.Н. Ельцина Моссовет был демократически (но неконституционно) распущен вместе со всеми советами страны. Тогда я поддержал этот роспуск и даже составил и подписал у депутатов-единомышленников заявление в поддержку этого указа, которое также публикуется в этом сборнике. Насколько я помню, а даже зачитал его с трибуны Моссовета. Тогда судьба страны висела на волоске и победа антиельцинских сил привела бы к гораздо худшим последствиям, чем те, что мы имели. В стране, скорее всего, вместо сравнительно мягкого и воровского авторитаризма мы получили бы коммуно-националистический террор. И тем не менее сегодня я бы не стал призывать к роспуску всех, особенно местных представительных органов страны. Это была ошибка, так как были ликвидированы хоть и крайне неэффективные, но все же свободно избранные и реально независимые от административной ветви органы власти. Весь опыт реального самоуправления конца 80-х – начала 90-х гг. был уничтожен. Это был шаг от хаоса к авторитаризму, однако хаос, безусловно, мог бы быть побежден и другим образом. К тому же задним числом мы знаем, что победившая исполнительная власть, вместо того чтобы воспользоваться

[3] *Попов П.* Андрей Козырев на сессии ОБСЕ // Коммерсантъ. 1992. 16 декабря. http://www.kommersant.ru/doc/33555.

[4] Андрей Козырев: настоящий камикадзе // Forbes. 2011. 28 сент. http://www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/74501-andrei-kozyrev-nastoyashchii-kamikadze.

неограниченными полномочиями для строительства современного государства с развитой экономикой, с удвоенной силой занялась разбазариванием богатств страны и созданием олигархического капитализма. Тогда мы этого не знали, но из песни слова не выкинешь.

Незадолго до роспуска Моссовета я поступил в аспирантуру Оксфордского университета по специальности «российская политика», а оказавшись без работы после его роспуска, переехал в этот тихий городок, чтобы писать диссертацию о политической культуре российских «демократов», которых я хорошо знал, так как был одним из них. Там я всерьез занялся поисками теоретических объяснений того, что происходило в российской политике. Тем не менее я следил за ситуацией в России, проводил в ней значительное время и даже дважды неудачно баллотировался в Государственную думу (хотя и занял оба раза второе место в своем округе).

Незадолго до президентских выборов 1996 г., когда стало ясно, что основная борьба разгорится между ельцинистами и коммунистами, многие в стране думали о том, что оба варианта неприемлемы. Некоторые из них, как и я, считали, что сильная власть, необходимая для дальнейших реформ, не должна сопровождаться укреплением коррупционного хаоса, уже установленного ельцинским режимом, или возвратом к коммунистическому авторитаризму. Так возникла идея обратиться с просьбой баллотироваться в президенты к вернувшемуся на родину А.И. Солженицыну, предупреждения которого о последствиях одномоментного введения в России прозападной «демократии», которые писатель высказывал еще в 70-е гг., со всех очевидностью сбылись. Я составил текст обращения, его немного подправил мой отец, который А.И. Солженицына хорошо знал (сохранился даже черновик с его правкой), и мы с моим другом по Моссовету Валерием Фадеевым собрали подписи нескольких наших активистов-единомышленников из разных городов страны. Так родилось «Открытое письмо молодых политиков А.И. Солженицыну», которое в несколько урезанном виде было опубликовано в «Независимой газете» в декабре 1995 г. Это обращение было не единственным, но одним из немногих[5]. Серьезного общественного движения за выдвижение писателя не получилось. Большинство политически активного общества все еще находилось в плену мифологии коммуно-демократического противостояния. Мы понимали, что пожилой писатель вряд ли согласится на такую ношу, как и то, что его вы-

[5] См.: *Медведев Р.А.* Солженицын и Сахаров. М.: Права человека, 2002. С. 126.

движения и тем более победы не допустят власть имущие. Но хотели сделать все, что от нас зависело. И сделали. В этом сборнике письмо впервые публикуется полностью.

Написанная в Оксфорде диссертация была опубликована в Англии и России в виде книги. Но кроме книги я публиковал статьи в различных журналах и газетах на более общие политические темы. Кроме того, остались неопубликованными несколько теоретических материалов, которые не вошли в диссертацию. Эти тексты имеют свою историю. До того как я очутился в Оксфорде, я понятия не имел, что собой представляет современная политология. Я предполагал, что это какая-то форма рационального разговора о политике, так же как история – об истории, тем более что политология в Британии так и называется: «politics», а не «political science», как в США. Но все было не так просто.

Западная политология оказалась своеобразным марксизмом-ленинизмом с обратным знаком. Ею занимались в основном два типа людей. Фанатики-теоретики строили сложнейшие теории о якобы действующих в политике абстрактных силах и законах с использованием множества малопонятных формул, которые не имели никакого отношения к реальной жизни. Смысл всех этих графиков обычно сводился к тому, что западная демократия – лучшее в мире общественное устройство, а все остальные общества ей в той или иной мере не соответствуют. Идеологи-практики доказывали то же самое проще и откровеннее, многие искренне, другие – просто профессионально, за заработную плату. В этих условиях надо было выбрать какую-то теорию для использования в диссертации, так как совсем без теории нельзя – это уже будет не высокая политология, а какая-то жалкая современная история, а ее изучали на другом факультете.

Я хотел заняться не просто историей демократического движения в России, но идеями, представлениями его активистов, которые всегда казалась мне крайне показательными. Изучив наличествующие теории, я понял, что с наименьшими потерями это можно делать, применив концепцию «политической культуры», крупным специалистом по которой как раз, что было очень удобно, был мой научный руководитель – профессор Арчибальд Браун.

Бóльшая часть результатов, к которым привело меня использование этой теории, были изложены в двух книгах: «Невежество против несправедливости» и «Умом Россию понимать...»[6]. Но два больших

[6] *Лукин А.В.* Невежество против несправедливости: политическая культура российских «демократов» (1985–1991). М.: Научная книга, 2005; *Лукин А.В.*, *Лу-*

отрывка, помещенные в настоящем сборнике, ранее никогда не публиковались. Они представляют собой попытку приспособить идеологизированный политико-культурный подход к необходимости исследовать «стиль мышления» или систему представлений социальной группы.

Приступая к работе в Оксфорде, я вспомнил, что давно, кажется еще в школе, читал первый том «Истории античной эстетики» А.Ф. Лосева[7]. В ней меня поразила, как я теперь понимаю, довольно простая мысль: у людей определенной эпохи существуют определенные общие, разделяемые всеми и принимаемые за само собой разумеющиеся представления о мире, жизни, космосе, обществе и т.п. А.Ф. Лосев по цензурным причинам облек эти соображения в марксистские формы, рассуждая о связи этих представлений в Античности с рабовладением. Впрочем, сам К. Маркс в своей теории идеологии действительно развивал подобные идеи, правда, с упором на их навязывание в интересах правящего класса.

Теория политической культуры, по сути, была упрощенной версией этого подхода с тем лишь различием, что высшей культурой здесь считалась современная западная демократия, а вместо классового анализа в гораздо более примитивном позитивистском ключе говорилось о ее зависимости от некоей абстрактной политической структуры общества. Я стал читать других авторов, которые писали о «стилях мышления» и системах представлений, и результатом этого чтения стали две большие главы, публикуемые в этом сборнике. В текст диссертации, а затем написанной по ней книги они включены не были, так как были слишком далеки от конкретного предмета исследования. К тому же в них мало говорилось о политологах, а с точки зрения оксфордской бюрократии теоретическая основа диссертации по политологии должна основываться на исследованиях тех, кто формально считается политологом, даже несмотря на то, что большинство их теорий сводилось к банальному и упрощенному пересказу идей, уже давно высказанных в философии, социологии и антропологии. Хотя эти тексты, возможно, несколько устарели, но они все же могут представлять определенную ценность как довольно полный обзор генезиса концепции «политической культуры» и ее теоретической разработки самыми различными авторами.

кин П.В. Умом Россию понимать: постсоветская политическая культура и отечественная история. М.: Весь Мир, 2015.

[7] *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Т. I. М.: Высшая школа, 1963. Глава 1.

В это же время я довольно много писал для различных российских газет на темы, прямо с диссертацией не связанные, но затрагивающие важнейшие проблемы российской политики, часто стараясь подойти к ним с теоретической точки зрения. К ним можно отнести публикуемые здесь статьи о российской мафии и теории мафии («Россия может стать второй Сицилией»), политических представлениях россиян и их влиянии на результаты выборов, влиянии западных программ помощи на становление российского авторитаризма («Российские реформы и западная помощь») и др.

Следующий пласт публикуемых текстов – работы, написанные после моего возвращения в Россию во время работы на кафедре сравнительной политологии МГИМО, в научных центрах и вузах США и Китая, в Дипломатической академии МИД России и Высшей школе экономики. В них анализируются процессы, которые происходили в тот сложный период российской политики, когда «лихие 90-е» сменялись «тучными нулевыми», а те в свою очередь нынешней патриотической стабильностью. Они посвящены внутриполитической борьбе в России, роли нашей страны в мире и некоторым общим проблемам, дискутируемым политологами. В них я значительно отошел от многих ранних подходов к российской политике, от «розового» взгляда на Запад, хотя в целом и сохранил линию о необходимости глубоких реформ, которые бы могло проводить только сильное и уважающее закон государство.

Я благодарен всем изданиям, которые все эти годы почти безотказно публиковали мои работы. Я также благодарен сотруднику НИУ ВШЭ А.С.Пятачковой за помощь в составлении сборника и бывшему коллеге по Моссовету А.Н.Фролову за поиск и предоставление стенограммы моего выступления.

Надеюсь, что книга будет интересна самым разным читателям: как тем, кого волнуют конкретные события, происходившие в стране, так и тем, кто профессионально занимается изучением политики или учится на политолога и в особенности интересуется концепцией «политической культуры» и ролью идей в политике, а также всем, кому небезразлична судьба нашей страны.

А.В. Лукин
Москва, 2016

Раздел 1
ПОЛИТОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА. СТАТЬИ В НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Новая международная идеократия и Россия[1]

В конце XX – начале XXI в. мир вступил в полосу новых международных конфликтов и военных акций, уносящих жизни многих людей и дестабилизирующих ситуацию в целых регионах. По своему характеру они принципиально отличаются от конфликтов периода холодной войны и имеют общую основу. В период холодной войны локальные вооруженные конфликты, вызванные, например, территориальными спорами между небольшими государствами, или внутренняя дестабилизация, ставшая последствием переворота или гражданской войны, часто вели к вмешательству двух основных лагерей мировой политики, возглавляемых США и СССР. Это вмешательство, с одной стороны, усугубляло ситуацию, но, с другой, проводилось в рамках определенных правил. Так, например, между двумя основными лагерями возможна была договоренность на основе применения принципа «сфер влияния», как это было в Венгрии в 1956 г. или Чехословакии 1968 г., относившихся к признанной Западом советской сфере влияния, либо во Франции в 1968, в Гренаде в 1983 или в Панаме в 1989 г., входивших в сферу влияния США. Эта линия в основном продолжала идеи разделения мира на сферы влияния, закрепленные в Ялтинском соглашении.

Затяжные войны происходили в основном на буферной территории, которая ясно не относилась к сфере влияния одного из центров и являлась территорией геополитического соперничества. Но и в этом случае иногда были возможны попытки мирного урегулирования, основанного на давлении сюзеренов на своих клиентов,

[1] Впервые опубликовано в журнале «Сравнительная политика» (2016. №1. С. 41–57).

неудачные (Вьетнам) или удачные (Корея). Хотя с обеих сторон эти конфликты имели серьезную идеологическую основу, а именно борьбу советской коммунистической идеологии коммунизма и западной **идеологии «демократизма»**, конечной целью которых было распространение идеальной общественной системы на весь мир, их также можно было рассматривать с точки зрения внешнеполитического реализма: теорий борьбы за сферы влияния и баланса сил.

После распада СССР ситуация принципиально изменилась. С исчезновением СССР умерла и советская идеология. Россия больше не рассматривала мир как объект распространения собственной идеальной политической модели. Она стала постепенно возвращаться к традиционным для поствестфальского мира подходам: защите суверенитета и влиянию прежде всего в собственном регионе. Так продолжало видеть мир и большинство других государств, не входивших в сферу влияния Запада, в том числе и сохранивших коммунистические режимы. Китай и Вьетнам, например, также отказались как от традиционного сталинского коммунизма во внутренней политике, так и от коммунистического мессианства в подходе к внешнему миру.

Расширившийся же лагерь Запада воспринял крах СССР как победу собственной идеологии, которая лишь укрепила идеологические основы внешней политики. И во внутренней, и во внешней политике Запад все более стал превращаться **в международную идеократическую систему**, в которой идеология практически полностью подмяла под себя реализм и способность оценивать проблемы с прагматической точки зрения. Согласно новой западной внешнеполитической идеологии, все сферы влияния ушли в прошлое и не признаются, за исключением сферы влияния самого Запада. Она распространяется на весь мир, так как, с точки зрения Запада, является не сферой влияния, а объектом распространения передовой модели общественного устройства, которую естественным образом должны желать принять народы всех стран мира. Поэтому вмешательство в их дела, в локальные конфликты на их территории или между ними на стороне, отстаивающей эту модель, является не только легитимным, но и необходимым. Досадными исключениями здесь стали некоторые крупные страны, особенно обладающие ядерным оружием (Россия, Китай, в какой-то степени другие государства БРИКС), демократизировать которые немедленно оказалось невозможным, но которые все равно необходимо хотя бы лишить права иметь собственные интересы во внешнем мире (так как они идут против прогресса, то есть распространения единственно верной модели). Воспользовавшись своим превосходящим влиянием в междуна-

родных организациях, США и их союзники попытались перестроить в интересах этой модели всю систему международного права, выдвинув концепции «гуманитарной интервенции», «ответственности по защите», «глобального управления» и интерпретируя в их духе понятия «международного сообщества», «универсальных ценностей» и т.п. По сути, сама идея глобального управления была направлена на утверждение доминирования Запада в мире. Другие страны, в особенности наиболее крупные из них, сначала вяло, а потом более активно начали выступать за реформирование этой системы с целью приобретения большей роли и влияния. В этом суть деятельности их крупнейшего объединения – БРИКС.

В результате большинство международных конфликтов в мире получили новый характер. Причина их обострения, а иногда и возникновения – невмешательство примерно равных центров силы с целью поддержки противоборствующих сторон, но столкновение двух иных, но не менее антагонистических факторов: идеократии Запада и традиционного подхода к государственности и международному устройству. В Югославии, Ираке, Ливии, Сирии и на Украине Запад имеет дело с совершенно непонятным ему, устаревшим с его точки зрения мировоззрением. Согласно западным идеологам, жители всех государств мира должны естественным образом стремиться к «правильной» социально-политической модели, потому что она соответствует коренным чаяниям человека – «свободе», «демократии», «благосостоянию». Если утверждение этой модели в каком-то государстве сталкивается с трудностями, это означает, что «народ» там не имеет власти: тиран, диктатор или враждебная «демократии» внешняя сила навязывает им ему неестественные взгляды. Любой внутренний и международный конфликт рассматривается как борьба прозападных демократических сил прогресса и антидемократического регресса: какая-то фракция, группа или государство назначается на роль прогрессивных, другие – на роль регрессивных, и прогрессивным оказывается всевозможная помощь, вплоть до военной. Прогрессивная сторона пропагандируется всей мощью западных СМИ, другая сторона демонизируется.

Этот подход неплохо работал в 90-х гг. XX в. в Восточной Европе, когда США и их союзники имели дело с близкими по культуре народами, которые к тому же, помня о недавнем советском господстве, рассматривали подключение к системе западных союзов и объединений как гарантию защиты от новых воображаемых угроз с Востока. Несмотря на некоторые культурно-ценностные разногласия с от-

дельными странами, не полностью разделявшими все «европейские ценности» (Греция, Болгария, Венгрия, Польша), расширение НАТО и ЕС на Восточную Европу первоначально прошло более или менее гладко. Однако дальше Запад встретился с гораздо более серьезными проблемами.

В Восточной Европе «прогрессивные» прозападные силы быстро свергли вялые коммунистические режимы, державшиеся только на репрессиях и советской поддержке. Но, что гораздо более важно, пришедшее к власти «гражданское общество» установило новую систему, более или менее отвечавшую западной идеологической модели. Некоторые трудности, связанные с коррупцией, влиянием традиционных религиозных ценностей и т.п., рассматривались как дело временное, связанное с неопытностью. Но уже свержение коммунистического режима в большинстве государств бывшего СССР выявили проблему – политическая система этих государств не соответствовала ожиданиям. Непонятна была и судьба Турции. Но особенно остро эта проблема дала о себе знать в арабских странах: вместо демократии в результате войн и «цветных революций» на смену правившим авторитарным режимам в Ираке, Ливии и Сирии вместо демократии пришли хаос и гражданские войны.

Объективная причина этого – явное противоречие между западной идеологией и реальностью. Большинство государств мира населено народами разных культурных традиций, они по-разному представляют себе оптимальную социально-политическую модель, по-разному решают конфликты. И почти нигде, за исключением США и Европы, эти представления, часто опирающиеся на различные глубоко укоренившиеся системы религиозных и мировоззренческих ценностей, не совпадают с американскими и европейскими[2]. Не по-западному видят мир и их лидеры. Они традиционно считают абсолютным свое право на суверенитет и не согласны менять свою политику по требованию из Вашингтона или Брюсселя. Частично это действительно обусловлено их стремлением сохранить власть, частично – лучшим пониманием своего народа и ситуации в стране. Например, М. Каддафи, один из наиболее жестоких и циничных диктаторов Ближнего Востока, с большим трудом объединивший Ливию и жестоко подавлявший исламский радикализм, предупреждал, что

[2] Подробнее см.: *Лукин А.В.* Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 102–113.

в случае его свержения Ливия станет базой терроризма, а в Европу устремятся тысячи беженцев[3]. Он пошел на значительные уступки Западу ради экономического сотрудничества и ожидал, что тот будет действовать прагматически, в своих интересах. Но он недооценил идеологизированности политики Запада, в результате был убит, но относительно будущего своей страны оказался прав. То же самое произошло в Ираке и Сирии.

Идеологизированный подход Запада крайне примитивен. Даже коммунистическая идеология предполагала, что идеальное общественное устройство в каждой конкретной стране должно возникнуть на определенном этапе исторического развития, когда она достигнет определенного уровня развития производительных сил. Конечно, в ряде конкретных случаев советская помощь и власть местных «прогрессивных» прокоммунистических сил рассматривались как ускоряющий фактор. Но все же в отсталых странах коммунизм рекомендовалось строить не сразу, а после переходного периода, в течение которого разрешались некоторые буржуазные послабления: частная собственность, некоторые элементы политического плюрализма и т.п. Идея о том, что народы всех стран уже сегодня готовы принять ценности «демократизма» в полном объеме, в том числе и их моральные аспекты, отвергаемые абсолютным большинством религий мира, гораздо более наивна и взрывоопасна.

Нельзя сказать, что в западном научном сообществе опасность навязывания западной модели другим обществам не обсуждалась. Одной из причин появления концепции «политической культуры» в 60-х гг. XX в. стал анализ ее авторами, Г. Алмондом и С. Вербой, того факта, что политические институты, навязанные европейскими колонизаторами народам колоний, после приобретения независимости приобретают совершенно другие функции и наполняются иным содержанием, чем те, что были задуманы европейцами. Не отказываясь от идеи превосходства западной социально-политической модели, они, вполне в марксистском стиле, создали схему поэтапного к ней движения от наиболее отсталой, «приходской» культуры (сам термин в какой-то степени говорил об «отсталости» религиозных структур) до передовой, «гражданской», характерной для современного Запада. Но в то же время они говорили и о неприемлемости передовых

[3] *Padraic F.* Colonel Gaddafi: Immigrants will invade Europe // Express. 2011. March 8. http://www.express.co.uk/news/world/233238/Colonel-Gaddafi-Immigrants-will-invade-Europe.

институтов для отсталой политической культуры[4]. Однако эти и подобные предостережения не оказали влияния на политическую идеологию и практическую политику.

Эта идеология доминирует и будет впредь доминировать на Западе, и он в обозримом будущем не сможет проводить иную политику. Это объясняется тем, что идеологизированность западной внешней политики является лишь частью всеобъемлющей западной идеократической системы, основанной на длительном развитии глубинных социально-экономических процессов.

Идеология

Хотя исследования концепции идеологии не входят в мейнстрим западной мысли, проблема идеологизации общества конца XIX – первой половины XX в. довольно хорошо изучена в рамках нескольких интеллектуальных традиций. Еще со времен С. Кьеркегора, К. Маркса и Ф. Ницше был поставлен вопрос о превращении представлений и теорий, которые ранее рассматривались как объективные, в некую систему клише и стереотипов, которые выполняют в обществе определенную функцию, связанную с личностью и интересами тех, кто их формулирует. Если С. Кьеркегор выступил против религиозного догматизма, то Ф. Ницше критиковал всю культурную систему в целом. К. Маркс, первым назвавший эти функциональные системы представлений «идеологией» (до него этот термин имел другое значение), рассматривал их как всю систему господствующей культуры, выполняющую функции оправдания привилегированного положения господствующих классов[5].

Так возник подход, который П. Рикер позднее назвал «школой подозрения»[6]: подозрения в том, что мысли и их системы бывают не тем, за что себя выдают, а именно не плодом индивидуальной работы, а использованием готовых клише, с помощью которых они обманывают окружающих, да и самих их авторов в отношении своей истинной сущности. В действительности же за этими клише стоит не что иное, как интересы социальных групп (у марксистов) или психологические особенности личности (у З. Фрейда или В. Парето).

---

[4] A*lmond G. A., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1963. P. 3–5.

[5] *Маркс К.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд., Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 25.

[6] *Ricoeur P.* Freud and Philosophy // Trans. D. Savage. New Haven: Yale University Press, 1970. P. 32.

В дальнейшем эту тему продолжали многие философы марксистской традиции (хотя и не только они). Это и понятно, так как официальные науки, в особенности зародившаяся в США политология, будучи частью официальной идеологии, продолжали рассматривать «научные» (прежде всего, западные) представления о мире как объективные и единственно верные. В результате в отношении идеологии западного общества XX в., несмотря на все различия деталей подходов различных авторов, было сформулировано несколько важных положений.

1. Положение об идеологии как системе представлений, норм и принципов, действующих как механизм сохранения и воспроизводства данной общественной системы и, следовательно, отражающих интересы тех, кто в таком сохранении заинтересован. Эта линия идет от самого К. Маркса, говорившего о фетишизации отношений, то есть о восприятии общественных отношений как предметов. Она была развита поздними марксистами, в частности Г. Лукачем, в концепции идеологии как «ложного сознания», «приписанного классового сознания», основанного на «овеществлении» общественных отношений. Постулировалось, что за «ложным сознанием» скрывается какое-то истинное, адекватно отражающее реальность. Это было характерно для марксизма, смело применяющего критический подход к любой идеологии, кроме своей собственной, что получило яркое выражение в теории пролетарской идеологии как объективной науке, сформулированной В.И. Лениным. Немарксистские теории идеологии, подтверждая ее всеобщий, господствующий и навязываемый характер, уходят от этой проблемы, склоняясь к релятивизму (К. Маннгейм, Т. Парсонс).
2. Идея о том, что идеология исполняет важнейшую функцию интеграции индивидов в общество, давая им ориентиры и создавая понятную картину мира. Еще К. Маркс отмечал, что «в буржуазном обществе различные функции взаимно предполагают друг друга», а «антагонизмы в области материального производства делают необходимой надстройку из идеологических сословий, деятельность которых, – хороша ли она или дурна, – хороша потому, что необходима...»[7]. Согласно Л. Альтюссеру, категория субъекта «является конституирующей для всякой идеологии постольку,

[7] *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости. (IV том «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд., Т. 26. М: Политиздат, 1955. С. 281.

поскольку всякая идеология имеет функцию (которая определяет ее сущность) "конституирования" конкретных индивидов в субъекты»[8]. Утверждая, что каждая идеология строится вокруг некоего центра – Субъекта (это может быть Бог, нация, государство, класс и т.п.), и вводя понятие «интерпелляции» – принятия субъектом роли, навязываемой идеологией, Л. Альтюссер отмечает, что «индивид подвергается интерпелляции как (свободный) субъект для того, чтобы он свободно следовал заповедям Субъекта, т.е. для того чтобы он (свободно) принимал свое подчинение»[9].

3. Важнейшее положение о том, что, хотя идеология существовала во все времена, в индустриальном (капиталистическом) обществе ее интегрирующая и, соответственно, закрепляющая роль существенно повысилась, что связано с существенными изменениями самого характера этого общества. Г. Лукач, например, обращал внимание на то, что при капитализме труд принципиально меняется, он абстрагируется от своего конкретного содержания, приобретает характер товара и становится жестко рациональным и четко калькулируемым. Труд отчуждается от личности работника и противопоставляется ей как чуждая объективная сила. Старые формы производства побеждаются новыми, возникает сплошная капитализация всего общества (торговый капитал, роль денег как сокровища или как денежного капитала и т.д.). «Товарный характер товара, абстрактно-количественная форма калькулируемости проявляются здесь в своей полной чистоте: эта форма, таким образом, становится для овеществленного сознания формой проявления его подлинной непосредственности, за пределы которой оно, – будучи овеществленным сознанием, – и не помышляет выходить. Напротив, оно стремится закрепить ее и увековечить путем "научного углубления" в схватываемые здесь закономерности. Подобно тому, как экономически капиталистическая система беспрестанно производит и воспроизводит себя на все более высокой ступени, точно так же в ходе развития капитализма структура овеществления погружается в сознание людей все более глубоко, судьбоносно и конститутивно», – пишет Г. Лукач[10].

---

[8] *Althusser L.* Lenin and philosophy and other essays. London: New Left Books, 1971. P. 160.

[9] Ibid. P. 169.

[10] *Лукач Г.* История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003. С. 189.

Тончайший аналитик сознания М.К. Мамардашвили выделял схожие предпосылки возникновения современных идеологий: 1) появление «идеологических социальных структур» или «массового общества» (значительного слоя населения с относительно высоким уровнем жизни, живущих за счет творческого и высокотехнологичного труда других, что сделало возможным массовое размножение труда в виде продуктов); 2) массовость духовного производства, безличный характер интеллектуального труда за счет его специализации и индустриализации. Это делает возможным и необходимым намеренную фабрикацию сознания, «чтобы охватывать головы людей так, чтобы в действиях этих людей воспроизводились, реализовывались те или иные социальные проекты и задачи», в результате чего «через одинаковость их мышления достигается какая-то одинаковость их поведения»[11].

Особая роль в этом процессе принадлежит появляющимся в XX в. средствам массовой коммуникации, что позволяет в условиях решенности основных задач просвещения (ликвидации неграмотности, демократизации культуры) любому человеку выступать в качестве производителя или потребителя продуктов духовного производства[12]. Идеология в этом новом обществе дает массовому потребителю жизненные ориентиры и делает его жизнь в обществе осмысленной и значимой, тем самым заставляя его добровольно оправдывать и воспроизводить существующую общественную структуру.

Интересно, что впитавший и переработавший марксизм, но не являвшийся его сторонником М.К. Мамардашвили относит полную реализацию этой модели к эксцессам западного развития – германскому фашизму и советскому коммунизму, но не к самому мейнстриму западного общества, которое, как он считал, восприняло подобный анализ как предостережение и преодолело последствия. Это связано с характерной для него общей линией: переносом анализа феномена мышления как продукта индивидуального постоянного творческого усилия на социальное развитие. С точки зрения М.К. Мамардашвили, создание и функционирование институтов «сложного» демократического общества, основанного на разделении властей и верховенстве закона, также требует такого усилия. В этом смысле, так же как мыслящий человек только и является человеком, такое общество (то есть западное) только и является обществом, все остальные общ-

[11] *Мамардашвили М.К.* Очерк современной европейской философии. М.: Азбука, 2014. С. 59–63.

[12] Там же. С. 63.

ности простые, в них реального развития, реальной общественной жизни «не случилось» (конечно, примеры М.К. Мамардашвили приводит прежде всего из российской и советской действительности). В этом отношении он идет вполне в стиле классической западной мысли, многие представители которой (Ш. Монтескье, Г. Гегель, Дж.С. Милль, в России – П.Я. Чаадаев и др.) считали, что истинное развитие и свобода характерны только для Европы, а другие части света, прежде всего Азия, – царство застоя, рабства, скудости мысли.

Используя разделяемый М.К. Мамардашвили подход «подозрения», в его идеализации западного общества можно увидеть и влияние Гегеля, считавшего прусскую монархию близкой к идеальному государству, и поставленный «с головы на ноги» советский марксизм, почитавший идеальным государством СССР. Кроме того, нелюбовь к СССР М.К. Мамардашвили была вызвана личным опытом и «грузинским» взглядом на советскую действительность, заострявшим собственную отстраненность от СССР как империи «русских».

Конечно, до конца холодной войны, когда М.К. Мамардашвили читал свои лекции, западное общество было еще гораздо более «нормальным», чем советское. Но все же попытка идеализации такого преходящего явления, как социальное устройство конкретного общества в конкретный период, выведение его превосходства из общих философских закономерностей со временем стали казаться устаревшими и даже курьезными.

Ход исторического развития показал, что, хотя первоначально тоталитарные советская и нацистская системы действительно были наиболее радикальными примерами господства идеологии, так называемые «демократические» государства также, хотя и в несколько более мягком и скрытом виде, пошли по пути идеологизации. В них также сложилась идеократическая система.

Идеократия

Общественную систему, основанную на идеологии, обычно называют идеократией. Авторы одного из немногих монографических исследований идеократии Я. Пекалкевич и А. Пенн пишут: «Легитимность идеократической политической системы вытекает из принципов монистической идеологии. Предполагается, что те, кто принимают решения в этой системе, используют строго определенную систему критериев, которая позволяет им абсолютно верно интерпретировать события. Поэтому их решения безошибочны. От других

типов политических систем идеократию отличает тот факт, что она выводит легитимность своих конкретных программ действия *исключительно* из положений самой идеологии. В отличие от нее в других системах политическое действие оправдывается отсылкой не только к конкретной идеологии, но и к стандартам, источниками которых являются иные своды правил, например, нормы, регулирующие политическое поведение, научные исследования, художественное творчество – нормы, вытекающие из сферы человеческого поведения»[13].

При этом идеологию они определяют как «интегрированный набор теорий, утверждений и целей, составляющих общую программу организации общественной жизни. Она состоит из взгляда на прошлое, настоящее и будущее, на котором основана программа политического действия»[14]. Отличие монистической идеологии состоит в том, что «реальность может быть интерпретирована на основе универсально верного и исчерпывающего набора идей. В то время как другие идеологии являются частичными по своему интерпретационному охвату, монистическая идеология претендует на то, чтобы быть всеобъемлющей и абсолютной. Она подразумевает объяснение *всех* аспектов реальности. В связи с этим, она отвергает любое разделение различных областей человеческого поведения, включая разделение политической, социальной, экономической, этической и эстетической сфер человеческой деятельности. Поэтому политическая система рассматривается как включающая в себя все сферы человеческого общества. Монизм также отрицает необходимость условных допущений, связанных со сложностью, но вместо этого утверждает абсолютное знание реальности, которое не принимает во внимание более непосредственное чувство неопределенности»[15].

Соглашаясь с тем, что наиболее изученным видом идеократии являются тоталитарные режимы XX в. (нацистской Германии и сталинского СССР), авторы выделяют и второй ее «идеальный тип»: популистскую идеократию. Такая идеократия «основана на ее добровольном принятии, обусловленном высоким уровнем поддержки широко распространенной монистической идеологии»[16]. Ее примерами Я. Пекалкевич и А. Пенн считают некоторые небольшие замкнутые политические образования, в частности кальвинистскую

[13] *Piekalkiewicz J,. Penn A. W.* Politics of Ideocracy. Albany: State University of New York Press, 1995. P. 26–27.

[14] Ibid.

[15] Ibid. P. 27.

[16] Ibid. P. 28–29.

Женеву и Содружество Массачусетс. Таким образом, если в тоталитарной идеократии основную роль играет насильственное навязывание идеологических постулатов, то в популистской – их добровольное (или кажущееся добровольным) принятие большинством.

Я. Пекалкевич и А. Пенн признают, что все общества, в том числе и демократические, не чужды каких-то форм идеологии. Однако демократия отличается от идеократии идеологическим плюрализмом, который противопоставляется идеологическому монизму. В качестве примера они приводят США, в политической системе которых имеется «набор широко распространенных убеждений, который способствует избирательной интерпретации истории, современной реальности и принципов, на которых основана система. В американском случае эта система убеждений включает в себя такие концепции, как правление, осуществляемое народом, управление по закону, неотъемлемые права человека, триумф демократии и т.д.»[17]. Но отличие американской плюралистической системы от монизма идеократии состоит в том, что «конфликтами по поводу значений этих убеждений и их применения полна американская история»[18], в то время как при монизме такие дискуссии невозможны.

Если сравнивать американскую или современные европейские политические системы со сталинской или гитлеровской, то американские теоретики, безусловно, сходятся в том, что первые гораздо более плюралистичны. Но плюрализм здесь – вопрос степени. Нельзя сказать, что в тоталитарных обществах не велись никакие дискуссии относительно истории или политической системы. Дискуссии были, и даже очень острые, но их область была крайне узка, а рамки и формы дозволенного серьезно ограничены. Однако и в современном западном обществе рамки дозволенного, хотя и гораздо более широки, не только существуют, но и постоянно сужаются.

Сами Я. Пекалкевич и А. Пенн указывают на эти рамки, говоря о том, что в американском обществе может вестись дискуссия по некоторому набору убеждений, однако набор этот ограничен и избирателен. Дискуссия же по другим убеждениям вряд ли возможна. Да и их пример оправдания политического действия в неидеологических системах не идеологией, а сводами правил, нормами, научными исследованиями, художественным творчеством и т.п. тоже малоубеди-

[17] *Piekalkiewicz J,. Penn A. W.* Politics of Ideocracy. Albany: State University of New York Press, 1995. P. 28–29.

[18] Ibid. P. 25–26.

телен, так все это в современном мире в большой степени также относится к идеологии.

Яркие свидетельства тому – появление идеи «политической корректности» и распространение в самое последнее время в университетах и других учреждениях различных «кодов языкового общения». По мнению некоторых наблюдателей, подобные коды порождают новое явление: «карательную оборонительность» и создают культуру, «в которой каждый должен дважды подумать, перед тем как говорить, чтобы не быть обвиненным в бесчувственности, агрессии или даже в чем-то худшем»[19].Такая культура хорошо знакома всем, кто жил в СССР.

Абсолютная свобода слова в западном обществе – не более чем идеологическое клише. В США или Европе вполне можно обсуждать вопрос о том, какая демократия лучше и как ее достигнуть, но не о том, нужна ли демократия вообще. Можно говорить о лучших способах борьбы за равенство женщин и мужчин, белых и черных, но не о том, равны ли они природным способностям. Пока еще можно обсуждать, разумны ли гомосексуальные браки, но уже нельзя считать гомосексуализм болезнью или даже отклонением. Конечно, за неправильные мнения вас не посадят в лагерь или не будут пытать в гестапо, но с большой долей вероятности уволят с престижной должности, подвергнут остракизму в прессе и отлучат от приличного общества. А за некоторые мнения уже вполне могут и подвергнуть административному или уголовному преследованию: например, за отрицание Холокоста, а в некоторых странах – и геноцида армян, за непризнание гомосексуализма нормой, за распространение нежелательной информации.

Кроме сужающихся рамок дозволенного, налицо и движение господствующей идеологии в сторону монизма. Взять хотя бы теорию естественных, неотъемлемых прав личности и выросшую из нее концепцию общечеловеческих ценностей. Еще век-полтора назад это была всего лишь одна из теорий, а основатель утилитаризма И. Бентам называл естественные права «обычной чепухой», а естественные и неотъемлемые права – «риторической чепухой» или «чепухой на ходулях»[20]. Сегодня же «права человека» – предмет веры, центр

[19] *Lukianoff G., Haidt J.* The Coding of the American Mind // The Atlantic. September 2015. http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/09/the-coddling-of-the-american-mind/399356/.

[20] An Examination of the Declaration of the Rights of the Man and the Citizen Decreed by the Constituent Assembly in France. The Works of Jeremy Bentham, Now First Collected: Under the Superintendence of His Executor, John Bowring. Edinburgh, 1839. P. 501.

господствующей идеологии, в котором нельзя сомневаться. Такими же предметами веры стали понятия «демократия», «рыночная экономика», «глобализация», «гуманитарная интервенция» и т.п. По существу, господствующая идеология превращается в светскую религию, со своими святыми понятиями, которые являются объектами поклонения, фетишами (на этот раз в прямом, а не в марксистском смысле). Причем эта новая религия выходит за рамки национальных государств, становится идеологией всего западного мира и точно так же, как и советский марксизм, пытается выдать себя за научную и универсальную.

В полном соответствии с определением монизма Я. Пекалкевича и А. Пенна расширяется сфера охвата западной идеологии: она уже затрагивает не только политику, но регламентирует семейные отношения, отношения между сослуживцами и коллегами, определяет формы воспитания и образования детей и т.п. Различные стороны жизни общества и научного знания сливаются в ней в единое целое: под нужды идеологии подстраивается медицина (доказывая, что гомосексуализм и многие психические расстройства – более не отклонения, а норма), антропология (отрицая наличие человеческих рас) и другие науки. Происходит стирание грани между научным знанием и идеологическим постулатом: и за тем, и за другим стоит не объективное, научное исследование, но интересы лоббистских групп. Идет всемирное потепление или нет, полезен алкоголь или вреден, хороши ли ГМО, эффективны ли те или иные лекарства или вредны, определяется в рекламной борьбе производителей той или иной продукции и их конкурентов, а также представляющих их интересы политиков и СМИ, которые спонсируют соответствующие исследования.

Конечно, западное общество значительно уступает тоталитарным и даже авторитарным режимам по уровню репрессий. Но это еще не означает, что его идеология не является монистической. Ее повсеместное господство обеспечивается значительно более высоким уровнем убежденности субъектов, принятием ее постулатов обществом (такая убежденность в СССР, например, особенно в последний период его существования, практически отсутствовала). Таким образом, жестокие репрессии не только не применяются в соответствии с идеологическими постулатами, но они становятся объективно ненужными. Такая система вполне соответствует модели популистской идеократии.

«Информационное общество» и глобализация

Движение западной идеологии в сторону монизма основано на значительных изменениях в уровне развития технологий и эволюции общественной структуры в конце XX – начале XXI в. Во-первых, рыночная экономика в сочетании с повышением производительности труда создавала все больше возможностей для безбедного и не требующего чрезмерных усилий существования значительной части населения.

Слой «масс», рост влияния которого заметили в конце XIX – первой половине XX вв. Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет и другие теоретики «восстания масс», значительно увеличился, чему не в малой степени способствовало создание так называемого «государства всеобщего благоденствия». При этом развитие рыночной экономики привело к зависимости элит, руководящих производством, от растущих масс, заигрыванию с ними, потаканию их интересам и вкусам.

Это привело, в частности, к снижению уровня образования, которое, согласно новой идеологии, должно стать доступным, простым, нравиться тем, кто его получает, и не заставлять их особо напрягаться. Тот же процесс привел к фактическому уничтожению высокого классического стиля в искусстве, который более не востребован и не может быть продан. Культурный низ соединился с культурным верхом, всегда существовавшая скоморошеская похабщина, ранее предназначавшаяся для развлечения необразованной части населения, захватила оперные театры и выставочные залы, а примитивные псевдофилософские рассуждения распространяются вместе с любовными романами и детективами. Эта тенденция выражается и в эстетике – например, в концепции перформанса – яркого и бессмысленного действия, которое, в отличие от статичных картин, может заинтересовать обывателя. Кумирами мира массовой культуры становятся не те, кто добивается совершенства в своем искусстве долгим обучением и упорным трудом, но женщины, так называемые «модели», прославившиеся лишь внешним видом и красивой походкой, певцы без голоса, музыканты-любители, нигде не обучавшиеся, но выступающие с примитивными и хорошо понятными большинству музыкой и словами.

На передний план выходят те, кто способны привлекать внимание примитивным эпатажем, выдавая за объекты искусства разбитые унитазы, инсталляции из использованных банок из-под кока-колы. Музыка становится примитивной, для того чтобы стать более понятной, – громкой и ритмичной. Объективные критерии художественно-

сти пропадают так же, как и критерии качества того или иного товара, верности того или иного положения, правдивости той или иной новости. И так как художником, актером, писателем и музыкантом теперь может быть любой, кто именно станет знаменит определяется интересами культурно-развлекательного бизнеса и связанных с ними СМИ.

Идеи необходимости для искусства быть понятным, «актуальным», борьба с «элитизмом» становятся частью официальной идеологии, рассматривающей продукты искусства как «товар», продающийся на «рынке». Основанное на независимом самовыражении творчество полностью заменяется на изготовление «культурного продукта» для потребностей массового рынка. Сюда же можно отнести индустрию спортивных зрелищ, также превратившуюся в составную часть государственной идеологии. В пожелании успехов группе, с которой связана твоя жизнь (городу, спортивному клубу, школу, вуз, страна и т.п.), в принципе нет ничего ненормального, однако гипертрофированная гордость за успехи коллектива, а не за свои собственные, полная самоидентификация с ним играет такую же иллюзорно-компенсационную роль, как и участие в социальных сетях. Вместо индивидуальной работы, личного усилия человек радуется за работу других и тем самым создает иллюзию собственного усилия и причастности к большому делу.

Кроме того, участие в группах спортивных и прочих фанатов (какие бывают, например, у эстрадных певцов, актеров и прочих популярных личностей) создает чувство общности на основе примитивных общих символов, что организует массу и тем самым становится полезно для содержания и самовоспроизводства существующего порядка. Та же функция у ставших возможными только в эпоху Интернета флешмобов – объединений, пусть и в бессмысленном, но коллективном действии, создающем чувство общности и сопричастности ранее незнакомых друг с другом, разбросанных по комнатам и кабинетам огромного метрополиса «нетизенов»[21], и при этом развлекающих и даже провоцирующих публику.

Во-вторых, дальнейшее развитие так называемой «демократии», то есть участия все большего количества населения в идеологически разрешенной церемонии влияния на власть путем выборов, изменило сам характер политики. Современная демократия имеет мало общего с изначальной практикой и теоретическими представле-

[21] «Netizen»: человек, живущий в Сети. От англ. «net» (сеть) и «citizen» (гражданин). Иногда переводится как «сетянин». – *А.Л.*

ниями о ней. Начиная с Аристотеля и до середины XIX в. демократия трактовалась как непосредственное правление народа, причем под народом понимались наиболее ответственные его представители – свободные взрослые граждане, обладающие личной свободой и собственностью. Этому способствовало существование различных цензов. При этом даже такая демократия большинством теоретиков считалась опасным строем, который мог привести к диктатуре большинства. Нынешнюю же систему участия народа в политической жизни через представителей Аристотель называл олигархией.

В современном мире олигархия стала неизбежной в связи с общим ростом населения, а также из-за постоянного расширения состава избирателей за счет подключения ранее не участвовавших слоев и ликвидации цензов. Видя угрозу диктатуры этого растущего большинства, отцы-основатели США (Дж. Мэдисон, А. Гамильтон, Дж. Джей) разработали систему «сдержек и противовесов» и разделения властей (они еще не употребляли термин «демократия» в позитивном смысле, а говорили о «республике»). И хотя эта система в конституции США формально сохраняется и сегодня, в области идеологии и на практике явно победила линия Т. Джефферсона, настаивавшего на неотъемлемом праве большинства править по своей воле.

Это привело к росту взаимной зависимости политиков и избирателей. Политики все более зависели от непосредственных нужд избирателей. Был выработан новый тип политика-популиста, больше всего заботящегося не о решении реальных проблем, а о собственном рейтинге, политике без стратегического мышления, постоянно откладывающего непопулярные, но необходимые решения.

К измельчанию политических лидеров и их зависимости от бизнеса ведет и маркетизация избирательного процесса, отношение к кандидатам как к товару, предлагаемому на рынке на выбор потребителю. Эта система далека от идеала демократии и не случайно недавно в докладе ученых Принстонского университета, по сути, была признана олигархией (конкретно речь шла о США)[22]. Сравните нынешних бесцветных руководителей Англии, США, Франции с Ш. де Голлем, У. Черчиллем, Ф. Рузвельтом, и это сразу станет понятным. Массы же избирателей, в свою очередь, предпочитают слабых политиков, которые им вполне понятны и не сильно выделяются на общем уровне.

[22] *Gilens M., Page B. I.* Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens Perspectives on Politics. September 2014. Vol. 12. № 3. P. 564–581.

При этом выбор избирателям обычно предоставляется небольшой. То, что в рамках официальной идеологии называется консенсусом, в действительности результат строгих ограничений. Ранее характеризовавшиеся различными программами партии сблизились до полной неузнаваемости. Чем отличается политика лейбористов при Т. Блэре от политики консерваторов, а социал-демократов от христианских демократов в Германии (несколько раз входивших в одно правительство), сказать непросто. При этом часто ни одна из избираемых партий не отражает позиции избирателей по многим вопросам. Например, по всем опросам в Великобритании большинство населения «евроскептично», но евроскептические партии из-за хитростей избирательной системы держат за пределами политического мейнстрима. То же самое происходит в Германии, где большинство населения не настроено антироссийски, но все партии занимают антироссийскую позицию. В США формально в выборах президента постоянно участвует четырепять кандидатов, но никто об этом даже не знает, так как телеканалы показывают дебаты только тех, кто выдвинут приемлемыми партиями.

Наконец, огромную роль сыграло развитие новых информационных технологий. Официальная идеология создала теорию прогрессивного «информационного общества» – не знающего границ интернационального сообщества хорошо информированных, инициативных и ответственных граждан, принимающих разумные решения[23]. Однако, давая полезную справочную информацию тем, кто в ней нуждается, для большинства населения Интернет играет совершенно иную роль.

В современной реальной экономике и политике люди еще более отчуждены от продукции и от власти. Работая в крупных компаниях, в которых заняты тысячи людей, они часто не представляют ни конечного смысла, ни результатов своей деятельности, получая довольно много за роль винтика огромной машины. Таковы двигатели современной глобализированной экономики: менеджеры «самого среднего звена», сидящие с девяти до шести в многочисленных офисах по всему миру и от души отдыхающие в выходные (кто видел дикие пьяные толпы этих белых воротничков, заполняющие пятничными вечерами улицы Лондона, Нью-Йорка, Гонконга, Токио и любого другого крупного города мира, знает, о чем идет речь).

[23] См., например: *Karvalics L. Z.* Information Society – what is it exactly? (The meaning, history and conceptual framework of an expression). Budapest, March–May 2007. http://www.ittk.hu/netis/doc/ISCB_eng/02_ZKL_final.pdf.

Казалось бы, такая судьба хоть и безбедна, но незавидна с точки зрения самооценки. Участие же в социальных сетях, где человек имеет несколько сотен «друзей», часто в других городах и странах, которых он никогда не видел (и которые могут быть совсем не теми, за кого себя выдают), постоянный обмен с ними «лайками» и порой бессмысленными «комментами», наконец, возможность «опубликовать» любое собственное «произведение» и мнение – все это создает иллюзию значительности и сопричастности какому-то важному процессу, иллюзию нужности и важности для мира и людей. Если раньше твое произведение не прошло бы творческого отбора в редакции журнала или книжном издательстве, тебя за бесталанность не взяли бы на режиссерский факультет, то сегодня ты – сам автор, издатель и режиссер, тебя читают, и ты получаешь отклики, пусть даже и от небольшого числа «друзей».

Интересно в этом плане изменение отношения к дневникам. Если раньше дневниковые записи и личные письма считались интимными, прочтение дневника другим лицом – делом постыдным, то сегодня основная часть текстов в Интернете по сути и есть личные дневники, да еще и сопровождаемые фотографиями и видеозаписями, в которых рассказывается, кто что ел, с кем спал, что купил и т.п. Причина этому – психологическая необходимость почувствовать свое значение в мире, в котором реально ты ничего не значишь. При этом, естественно, в Интернете, который служит еще и впрямую для развлечения, далеко и широко распространяются стереотипы и клише, цементирующие новую массу. Таким образом, социальные сети выполняют неоценимую для идеократии адаптивную и пропагандистскую роль, по существу являясь частью господствующей идеологии. Конечно, в Интернете можно найти и иное содержание, в том числе и призывы к свержению всего, чего угодно, но оно не является основным.

С развитием Интернета связана новая тенденция в общественной эволюции. Еще в конце 90-х гг. XX в. С. Московичи заметил начало нового процесса, который он удачно назвал «глобализацией масс», то есть возникновения «массы мирового масштаба». Он заключается в создании наднациональных сообществ «с гигантскими ядрами городов и рынками в миллионы человек, которых побуждают жить и потреблять однотипным образом» и в расцвете электронных и телевизионных сетей, которые, «с одной стороны, связывают между собой людей, находящихся на огромных расстояниях друг от друга, а с другой стороны, проникают в самые недра частной жизни

каждого». Французский социолог предсказывал, что «бурное развитие систем мультимедиа до предела ускорит этот процесс[24].

Таким образом, важнейший момент новой системы – ее **выход за рамки национальных границ**, реальная идеологическая глобализация, которая следует за экономической и благодаря которой сегодня можно говорить о сложившейся идеократии в рамках всего «западного» мира. Позитивная теория глобализации – такая же часть новой идеологии, как и теория «информационного общества». В действительности за идеологической глобализацией можно видеть самые различные интересы: и интересы международных корпораций, нуждающихся в однородной, говорящей на одном языке и разделяющей общие представления рабочей силе, и интересы растущего международного чиновничества, и, наконец, искренние порывы идеологизированных субъектов, действительно считающих, что их правительства бомбят соседние и далекие государства из благородных намерений, чтобы сделать мир лучше.

В этом новом сообществе идеократического плюрализма (в отличие от идеократического тоталитаризма) крайне трудно определить, кто, собственно, является виновником, а кто – жертвой, кто – выгодополучателем (у марксистов – эксплуататором), а кто – проигравшим (эксплуатируемым). Уже в тоталитарном обществе встает вопрос поиска конкретного виновного в преступлениях. На Нюрнбергском процессе, например, сложно было определить, кто отдавал тот или иной приказ и в какой форме, а кто его исполнял, так как преступления приняли индустриальный характер, основанный на разделении труда, и степень участия каждого была юридически не вполне определенной. В результате пришлось объявить преступными целые организации.

Но в строго централизованной государственной тоталитарной системе хотя бы есть «главный идеолог», который со своими сотрудниками изобретает формы и методы индоктринации. Есть и «главный палач», которому подчинены все более мелкие палачи и который разрабатывает стратегию репрессий. А кто определяет стратегию индоктринации в плюралистической идеократии? Кто является ее объектом? К выгодополучателям, вероятно, надо отнести высшие классы общества, так называемую «элиту». Но она не имеет четких границ, к тому же и ее представитель может субъективно не понимать объек-

[24] *Московичи С.* Предисловие к русскому изданию / Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. С. 20.

тивных последствий своих действий, истинно считая их полезными для общества и гуманными, в то время как они приносят бедствия и страдания. И в этом смысле он также будет жертвой идеократии. С другой стороны, и представитель низших слоев, искренне считающий существующую систему идеальной или, по крайней мере, лучшей из возможных и работающий для ее реформации с целью укрепления, также может считаться столпом идеократического режима.

Проблема этого общества, как и всякой идеократии и монополии вообще, – тенденция к застою. Успешно распространив власть идеологии на все общество, власти сами стали ее жертвой. Пребывая в иллюзорном мире, они часто не способны объективно анализировать возникающие проблемы и эффективно их решать.

Основные постулаты идеологии «демократизма» просты. 1) Западное политическое устройство является наиболее передовым, обеспечивающим наивысший уровень свободы и благосостояния всем членам общества. 2) Это устройство («демократия») обеспечивается широким участием всего народа во власти путем избрания власти на честных выборах, что является неотъемлемым правом каждого. 3) Государство обеспечивает права не только большинства, но и различных меньшинств (конкретный список меньшинств постоянно расширяется). 4) Все страны мира рано или поздно придут к этой системе, и Запад должен им в этом помочь. 5) Различные деструктивные, антидемократические силы мешают этому естественному процессу, и Запад должен вести с ними борьбу ради счастья порабощенных ими народов.

В эту идеологию никак не вписываются некоторые реальные проблемы Запада: сохраняющаяся бедность и социальное расслоение, миграция, снижение уровня образования, рост национализма и т.п. Больше того, как отмечал еще А.А. Зиновьев, если само существование такого серьезного вызова, как СССР, способствовало тому, что западные элиты шли на некоторые уступки в смысле расширения социальных программ, то после его распада необходимость в этом отпала. Поэтому именно в 90-х гг. произошло сближение левых партий с правыми, которые вместе стали выполнять единую программу в интересах правящей элиты. А.А. Зиновьев говорил: «Страны Запада познали настоящую демократию во время холодной войны. Политические партии имели подлинные идеологические различия и разные политические программы. Органы прессы тоже сильно отличались друг от друга. Все это оказывало влияние на жизнь простых людей, способствовало росту их благосостояния. Теперь этому пришел ко-

нец. Демократичный и процветающий капитализм с социально ориентированным законодательством и гарантиями занятости был во многом обязан существованию страха перед коммунизмом. После падения коммунизма в странах Восточной Европы на Западе началась массированная атака на социальные права граждан»[25].

Современная западная система, несмотря на свою внешнюю устойчивость, стала терять популярность в связи с неспособностью решать реальные проблемы. Это вызвало нынешний рост популярности политических сил, представляющих крайние фланги: правых, призывающих решать проблему миграции и выступающих за сохранение традиционной морали, и левых, недовольных растущим неравенством. Пока не ясно, устоит ли центр против этого растущего недовольства.

Нормальный государственный строй

В отличие от Запада, после конца холодной войны с удвоенной скоростью двигавшегося в сторону идеократии, Россия, наоборот, из тоталитарной идеократии превращалась в обычное, нормальное государство. Термин «обычное» здесь означает, что таких неидеократических государств, не старающихся навязывать свою модель другим, не считающих ее общественным идеалом и венцом социальной эволюции, а просто решающих насущные, практические проблемы, большинство в мире. В них существуют различные режимы: чаще всего авторитарные различной степени жесткости, но есть и демократические (например, Индия или Япония).

Термин «нормальное» определить труднее. Общее определение нормальности вряд ли возможно, ее легче показать на примерах от противного. В социальной жизни ненормальность – это стремление строить общественные отношения на основе выдуманных человеком идеологических догм, вступая в противоречие с законами природы, исторически сложившимися и показавшими свою полезность общественными привычками и свойствами человеческой психологии. Например, если на данной широте и почве тысячу лет возделывали пшеницу, а идеология требует сажать там кукурузу, то это ненормально. Если сотни лет крестьяне наиболее эффективно работали в собственных хозяйствах, а идеология требует согнать всех в коммуны,

[25] *Зиновьев А.А.* Запад против России. Взгляд философа. Интервью газете Фигаро 24 июля 1999 г. Русский перевод // Независимая газета. 14 авг. 2014. http://www.ng.ru/ideas/2014-08-14/4_zinoviev.html.

все обобществить и оплачивать работу «трудоднями», несмотря на гибель миллионов людей от голода, это ненормально и даже абсурдно. Если природа создала мужчин и женщин разными и механизмом размножения сделала их сексуальную связь между собой, а идеология требует считать их одинаковыми, объявляет нормальным принадлежность к другим несуществующим полам и пропагандирует сексуальную связь лиц одного пола, то это ненормально. Точно так же ненормальны системы, основанные на терроре и убийстве невинных людей: ведь людям любой культуры не свойственно бессмысленно убивать ближних. Точно так же ненормально, когда идеология требует не лечить и облегчать страдание тяжелобольных и разочаровавшихся в жизни, в том числе и детей, а убивать их, считая выбор смерти «правом человека». Ведь помогать больным, страдающим, раненым, а не добивать их считается нормальным в рамках всех человеческих культур. Ненормально и общество, где по идеологическим причинам опасных сумасшедших держат не в соответствующих закрытых заведениях, а отпускают на волю и считают «альтернативно интеллектуально развитыми». Речь здесь идет не о каких-то высоких религиозных принципах, а о простой природной, биологической и психологической нормальности, нарушение которой характерно лишь для извращенных тоталитарных и идеократических систем. Характерный признак ненормального общества – постоянный страх не за действия, а за «неправильные» слова и мысли, которые, будучи открытыми для государственных соглядатаев доминирующей идеологии, вторгающейся в самые сокровенные стороны человеческой жизни, могут вызвать самые опасные последствия.

Исходя из этих принципов, и советское общество, и современное западное, безусловно, являются ненормальными. Россия же, отказавшись от монистической идеологии, сегодня мало чем отличается от десятков других стран, где традиционные структуры и представления сосуществуют с более современными, а руководство, точно не имея идеологического общественного идеала, просто старается, как может, решать возникающие проблемы. Конечно, и в России, как и во всех странах, имеются идеологические элементы, элементы явной ненормальности. Так, идеологическими были реформы Е.Т. Гайдара, направленные на реализацию в стране абстрактной экономической модели вместо решения реальных проблем, которые привели к экономическому краху 1998 г. В последнее время, в особенности после присоединения Крыма и бешеной атаки Запада на Россию, идеологические элементы в российском обществе нарастают. Ненормально

уничтожение пищевых продуктов или запрет на усыновление сирот иностранцами, который обретает детей на жалкое существование.

Но эти элементы еще крайне любительские и несистематические по сравнению с СССР и современным Западом. Несмотря на очевидность идеологизации российского телевидения, например, его невозможно сравнить с такими пропагандистскими машинами Запада, как CNN или BBC, где альтернативные точки зрения (выходящие за рамки идеологического консенсуса) жестко не допускаются. В этом, кстати, причина большой популярности в Европе и США канала «Russia today», дающего хоть и не менее идеологизированную, но альтернативную точку зрения, которую с интересом воспринимают правые и левые критики существующих порядков.

Исторически Россия всегда была частью Большого Запада, но частью периферийной. На сегодня можно сказать, что в этом есть и позитивная, и негативная сторона. Ее население глубоко не усвоило черты западной цивилизации, сделавшие возможными ее скатывание к идеократии. Западная идеология, основанная на слиянии секуляризма, просвещенческой теории поступательного общественного развития и идеи врожденности и неотъемлемости «естественных прав», разделяется лишь небольшой частью российского общества[26]. Большинство же россиян, как показывают многочисленные опросы, живут в другом мире: политические права их особенно не волнуют, а набирающие популярность различные религиозные конфессии все больше критикуют секулярный релятивизм и пропагандируют мораль, основанную на абсолютных ценностях.

Не усвоены в России и те институты западной общественной структуры, которые и сегодня позволяют ей обеспечивать наибольший уровень личной и политической свободы граждан: верховенство права, система разделения властей, независимость суда и т.п. Недостаточно развиты и современные экономические механизмы.

Возможно ли заимствование этих позитивных сторон западной цивилизации без скатывания к идеократии, то есть, оставаясь страной нормальной, стать достаточно свободной, пока неясно. Но уже очевидно, что ситуация с соотношением уровней свободы меняется. Если говорить не только о политической свободе, которой обычно ограничивается интерес западных идеологов, то движение к меньшей личной свободе в семье, личных отношениях и т.п. на Западе очевидно.

[26] Подробный анализ этой идеологии см.: *Смирнов И.В.* Либерастия. http://supol.narod.ru/archive/books/liberast.htm.

В России есть безусловный дефицит политической свободы, но в других отношениях общество в ней гораздо свободнее западного. Если заострить этот аргумент и задаться вопросом, где будет комфортнее жить человеку традиционных взглядов: в обществе большей политической свободы, но разгула того, что он считает полной безнравственностью, или там, где можно меньше участвовать в управлении государством, но тебя не заставляют регистрировать «нетрадиционные браки», наблюдать из окна парады гомосексуалистов и не отбирают детей из семьи за «неправильное» воспитание, – вероятно, при определенных условиях выбор может быть и в пользу меньшей свободы.

В любом случае, чтобы идти по этому пути, необходимо, не скатываясь к западной идеократии, решительнее уходить от собственного идеократического и тоталитарного прошлого, порывая со сталинизмом как во внутренней, так и во внешней политике. Не боясь осуждения собственного прошлого, необходимо подчеркивать принципиально иной характер России по сравнению с СССР, а если и утверждать преемственность, то не с тоталитарным СССР, а с гораздо более правовой и эффективной царской Россией (в особенности в последний период ее существования).

Примеров успешного сочетания нормальности, сравнительно высокого уровня свободы и ускоренного развития в мире пока немного. К ним, вероятно, можно отнести такие разные страны, как Индию, Сингапур, в какой-то степени Южную Корею.

Стратегия России в сложившейся ситуации должна заключаться в попытке переждать опасные метаморфозы Запада. А метаморфозы эти неизбежны. Вызванная идеологической монополией неспособность решать реальные социальные проблемы ведет к серьезному недовольству. Проблема миграции, например, может решаться на основе правой альтернативы, усиление которой приведет к принципиальному изменению господствующей саморазрушительной идеологии в сторону большей закрытости, замкнутости. Эти изменения будут сопровождаться распадом нынешних интеграционных структур. Все это серьезно изменит характер западного общества и цивилизации.

Если же победит левая альтернатива, выступающая за еще большую открытость на классовой, а не национальной основе, западное общество, скорее всего, исчезнет или изменится еще более радикально. В перспективе возможна исламизация Европы или, по меньшей мере, существенные идеологические компромиссы с исламом, который не потерпит нынешние моральные нововведения (США будут изменяться под влиянием растущего количества мигрантов из Ла-

тинской Америки, которые также принесут иные ценности). В конце концов, наплыв чужестранцев разрушил другой интернациональный западный проект – Римскую империю. Кстати, до этого в Риме полностью сменилась господствующая государственная идеология: христианство пришло на смену язычеству. В какой мере империя после осталась этого той же, а в какой – другой, сказать не просто.

Впрочем, и крайне левые, и крайне правые действуют в рамках существующей идеологической парадигмы и вряд ли могут конструктивно решать реальные проблемы общества.

Конечно, пока еще полностью не исключен вариант поглощения России западной идеократией. В ней есть часть населения, уже живущая в этой парадигме, однако его доля невелика, вероятно 10–20%. Поэтому, такой вариант маловероятен: Запад находится на этапе цивилизационной обороны, а не наступления. Популярность альтернатив, например китайской и радикальной исламской, растет. Возможно, России в смутные годы будет суждено сохранить и какие-то элементы западной цивилизации, как, например, периферийная Ирландия сохранила христианство в «темные времена» раннего Средневековья.

Постбиполярный мир: мирное сосуществование или хаос[1]

На рубеже XX и XXI вв. мир вступил в новый период своего развития. Привычная биполярная система, господствовавшая после Второй мировой войны, рухнула в результате саморазрушения одного из полюсов. Можно долго рассуждать о том, почему это произошло, но ясно одно: советский коммунистический проект не выдержал конкуренции и распался. По сути, идеология СССР сама загнала себя в угол. Будучи порождением западной секулярно-просвещенческой традиции, от последней она унаследовала идею технического прогресса и удовлетворения материальных потребностей населения. Но советская концепция утверждала, что более быстрый прогресс достижим не за счет роста самоуправления, уважения личных прав и частной собственности, а посредством концентрации ресурсов государством, обобществления собственности и справедливого распределения. Данный проект оказался крайне неэффективен экономически. Кроме того, Советский Союз проводил политику, основанную на идеологической цели – добиться распространения собственной системы на максимальное количество государств, а в перспективе – на весь мир. Это привело к растрате значительных, но не безграничных ресурсов и усугубило экономические проблемы. У биполярной системы глобального противостояния, впервые возникшей в истории человечества, были свои преимущества и недостатки. Контроль двух центров силы над значительными территориями и определение ими правил игры в мировой политике приводили время от времени к конфликтам на нейтральном пространстве. Практически любая вспышка локального характера в третьем мире превращалась в противоборство двух основных полюсов, так как оба центра начинали поддерживать противостоящие друг другу лагери. Кроме того, население государств и территорий, находящихся под советским контролем, жило в условиях крайней несвободы и социальной ненормальности тоталитаризма. В то же время все эти конфликты не шли ни в какое сравнение с ужасами мировых войн. Международные правила, писаные и неписаные, все же существовали, и СССР и Запад демонстрировали спо-

[1] Впервые опубликовано в журнале «Мировая экономика и международные отношения» (2016. Т. 60. № 1. С. 17–29).

собность о них договариваться (наиболее яркий пример – Хельсинкские договоренности, соглашения о нераспространении ядерного оружия, о сокращении и запрете оружия массового уничтожения).

Запад

После краха советского центра силы, вызванного не войной, но давлением и внутренними проблемами, наступил период триумфа Запада. Последний, однако, переоценил свои возможности. Погнавшись за всем миром сразу, его лидеры потеряли многое из того, чего они могли бы добиться. Сложившаяся в начале 90-х гг. XX в. обстановка действительно характеризовалась значительным, если не решающим влиянием США и их союзников на мировую ситуацию. Победа в противостоянии с советским лагерем увеличила популярность присущей им политической и экономической модели. Одни части бывшей сферы контроля СССР стремились присоединиться к западному миру. В других ее частях, в том числе в самой России, к власти пришли силы, искренне симпатизирующие Западу. Военная мощь США и их союзников также не имела себе равных. В то же время распад советского лагеря не отменил другие коренные тенденции мирового развития. Продолжили свой рост и укрепление незападные центры силы: Китай, Индия, Бразилия и т.п. Они стремились самостоятельно решать собственные проблемы и защищать национальные интересы по крайней мере вблизи своих границ. Конфронтация с Западом не являлась их целью, так как они были заинтересованы в сотрудничестве, да и не имели сил для открытого противостояния. Вместе с тем в разной степени и по разным причинам представители этого лагеря не разделяли многие установки Запада, а на некоторые из них смотрели с большой опаской. На пространстве бывшей советской империи настроения также различались. Если бóльшая часть государств Восточной Европы (за исключением Сербии, в советскую сферу влияния не входившей) согласились безоговорочно включиться в западную систему в качестве младших партнеров, то новые российские власти надеялись на равноправное сотрудничество в рамках общего понимания целей мирового развития. Центральноазиатские республики опасались западного демократизаторского порыва. Некоторые из них тяготели к России, другие старались балансировать между Россией и Западом, третьи выбрали автаркию. В этих условиях США и их союзники могли дать старт реалистичному курсу, стараясь, где это возможно, максимально сохранить собственное влияние и одновре-

менно улучшая отношения с крупными мировыми игроками. Россию, например, тогда было вполне реально в значительной степени интегрировать в западную систему, либо приняв ее в НАТО, как многократно предлагал, в том числе, госсекретарь в администрации Дж. Буша-ст. Дж. Бейкер[2], либо, даже не делая этого, путем гибкой политики сочетания реальной помощи (нового плана Маршалла) и уважительного отношения к интересам и опасениям Москвы. Так можно было добиться ее близкого партнерства без формального союза по типу, например, Мексики или Египта при А. Садате и Х. Мубараке. Этот путь представлялся вполне реализуемым, но требовал некоторых уступок и компромиссов относительно идеологических целей, стремление к достижению которых начинало захватывать западную политику. Уже в течение долгого времени в интеллектуальном пространстве США и Европы укрепляла свои позиции идеология «демократизма» – своеобразное и однобокое соединение политического либерализма, концепции «фундаментальных прав человека», просвещенческого секуляризма и колониалистских теорий превосходства. В результате, как часто бывало в истории, Запад попытался силой навязать всему миру собственную модель, выдавая ее за универсальную. На протяжении ряда столетий объект навязывания менялся: истинная христианская вера времен «крестовых походов» сменилась высшей цивилизацией времен колониализма, ей в свою очередь пришли на смену причудливо понимаемые «демократия» и «права человека». Неизменной оставалась суть силовой политики. Оксидентоцентризм Европы и США – довольно обычное явление. Варварами всех, кроме себя, считали многие крупные цивилизации, например китайская или греческая. Но далеко не все пытались навязать собственные представления остальному миру силой. До развала биполярной системы таких тоталитарных идеологических[3] систем было две: советская коммунистическая и западная демократическая. Первая ушла в прошлое вместе с СССР, но получившая новый импульс после его распада идеология «демократизма» не только сохранилась, но стала приобретать все более явные тоталитарные черты. Фундаментальные принципы внешней политики, основанной на «де-

[2] *Baker J.A.* Russia in NATO? // The Washington Quarterly. 2002. Vol. 25. № 1. P. 95–103. https://muse.jhu.edu/login?auth=0&type=summary&url=/journals/washington_quarterly/v025/25.1baker.html (accessed 25.07.2015).

[3] Термин «тоталитарный» здесь употребляется как определение не политического режима, а тотального, всеохватывающего характера внешнеполитической идеологии.

мократизме», просты. Западные политики-идеологи, определяющие основное направление внешнеполитической мысли, считают, что лучший способ присоединить все «варварские» народы и страны к миру «свободы и демократии» – подчинить их своему влиянию через экономические и политические союзы. Для этого в них к власти должны прийти силы, видящие в ориентации на Запад собственную выгоду, чему необходимо всячески способствовать, если даже эти силы и не вполне отвечают «демократическим» стандартам – не страшно. Пусть сначала подчинятся экономически и политически, а затем «старшие наставники» их дотянут до нужного стандарта. Этот подход во многом соответствует другому тоталитарному, советскому идеологическому подходу к «слаборазвитым» государствам. Согласно советской теории, Монголия и некоторые страны Азии и Африки должны были перейти к «социализму» (передовое общество советского типа), минуя этап «капитализма», под руководством прокоммунистических режимов, пришедших к власти благодаря «братской помощи» СССР и правильно понимавших «истинную» волю своих народов, при массированном содействии Москвы. После распада СССР Запад избрал путь, основанный не на реализме, а на этой идеологии, его лидеры почувствовали себя победителями, которым не нужно считаться с интересами других: ведь мир и так скоро упадет к их ногам, поскольку все его народы мечтают слиться с западной цивилизацией на основе единственно верных всеобщих «универсальных» ценностей. Эта идея в наиболее примитивной форме была выражена Ф. Фукуямой[4]. Между тем в большей части мира не принимали значительную часть этих ценностей, считая их, и не без основания, идеологическим прикрытием навязывания Западом своей гегемонии. Кроме того, многие из них прямо противоречили традиционной культуре и господствующим укладам и верованиям других крупных цивилизаций. Таким образом, «новые миссионеры» переоценили себя в двух смыслах: политическом и культурном. Мир оказался гораздо сложнее, а его ценности – куда более разнообразными, чем их представляли себе западные лидеры, опьяненные успехами, но ограниченные собственной идеологией. Привлекательность Запада и его объективные возможности снижались, чему способствовал рост экономического и политического влияния новых центров силы, а также демографические процессы. В западных столицах, особенно в Вашингтоне, продолжали вести себя так, как будто «история кончилась»: давлением, а часто си-

[4] *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2007.

лой, навязывая свое видение мира и даже внутреннего устройства стран и целых регионов, которые вовсе не желали вестернизироваться. Эта тактика привела к хаосу в Ираке, Египте и Сирии, и причиной тому стал разгром существующих политических систем и попытка навязать общественную структуру и ценности, отторгавшиеся большинством населения. Некоторые западные наблюдатели задним числом увидели эту тенденцию. Так, известный американский внешнеполитический аналитик Р. Хаас пишет, что действия США усугубили всемирный беспорядок: «Порядок, установившийся после окончания холодной войны, был основан на безусловном превосходстве и гегемонии США, которые зависели не только от их реальной силы, но и от способности влиять или от желания других стран благосклонно принимать лидерство Вашингтона. Влияние ослабло после ряда серьезных ошибок и неудач, включая слабое регулирование экономики, которое спровоцировало финансовый кризис, чрезмерно агрессивную политику в области национальной безопасности, попиравшую нормы международного права, а также внутреннюю некомпетентность администрации и плохо функционирующую политическую систему». По мнению Р. Хааса, «порядок развалился в результате сплава трех тенденций. Сила в мире распределилась между большим количеством игроков. Снизилось уважение к американской экономической и политической модели. А выбор конкретной политики, особенно на Ближнем Востоке, породил сомнения в рассудительности Америки и в том, что угрозы и обещания Соединенных Штатов заслуживают доверия. Чистый итог заключается в том, что, хотя абсолютная сила и мощь США остаются значительными, их влияние уменьшилось»[5]. Если Р. Хаас пишет только о внешнеполитических просчетах, то Г. Киссинджер фактически указывает на рост идеологизированности американской политики как на одну из причин неудач, лишь используя другой термин. «Прославление универсальных принципов, – пишет он о внешней политике США, – должно быть соединено с признанием реальности истории, культуры и представлений о безопасности народов других регионов планеты», так как история «не гарантирует успеха даже самым возвышенным убеждениям в отсутствие целостной геополитической стратегии»[6].

[5] *Хаас Р.* Разваливающийся миропорядок // Россия в глобальной политике. 2014. № 6. http://www.globalaffairs.ru/number/razvalivayuschiisya-miroporyadok-17194.

[6] Henry Kissinger on the Assembly of a New World Order // The Wall Street Journal. 2014. 29 August. Available at: http://www.wsj.com/articles/henry-kissinger-on-the-assembly-of-a-new-world-order-1409328075.

В Европе в последнее время также можно встретить запоздалую критику курса, основанного на идеологии «конца истории». В одном из докладов Европейского совета по международным делам утверждается, что уклад жизни ЕС, принятый в этой части света за универсальную модель всеобщего будущего, для остального мира был исключением: «Новый европейский порядок отличался от всех предыдущих послевоенных систем... Перестройка Европы происходила в виде распространения западных институтов, большинство из которых создавалось еще как структуры биполярного мира. Моделью для объединения Европы стало объединение Германии... Европейцы хорошо осознавали особый характер своей системы, но были убеждены в ее универсальности. Европейские ценности, на которых основаны ВТО и Киотский протокол, а также Международный уголовный суд и обязанность защищать, казалось, обретали все большую силу. Европейцы были уверены, что экономическая взаимозависимость и общий стиль жизни станут доминирующим источником безопасности в мире будущего. Пребывая в эйфории от собственных инноваций, Евросоюз потерял связь с другими державами – и видел только то, в чем они не соответствуют европейским стандартам, вместо того чтобы попытаться понять другие системы представлений. Это касается и соседей ЕС, и таких великих держав, как Китай, и даже союзников в лице США. А претензия новой европейской идеи одновременно на исключительность и универсальность сделала невозможным для европейцев принятие альтернативных проектов интеграции на континенте»[7].

Конечно, между США и Евросоюзом существуют некоторые тактические разногласия. Соединенные Штаты, будучи отдаленной от Европы и самой мощной державой Запада, мало озабочены реальными последствиями своих действий. В области теории Вашингтон выступает за более чистое воплощение идеологических целей, не считаясь с (европейскими) издержками. Кроме того, курс на расширение военных операций по всему миру, раздувание различных угроз позволяет консолидировать доминирование США над Европой. В самой Европе есть чисто проамериканские силы, но находятся и те, кто хотел бы превратить ее в самостоятельный или хотя бы автономный центр влияния. Для этой цели конфронтация с другими центрами

[7] *Крастев И., Леонард М.* Новый европейский беспорядок // Россия в глобальной политике. 2014. № 6. http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-evropeiskii-besporyadok-17196.

силы в мире не нужна и даже вредна. Кроме того, в странах ЕС растет влияние открыто антиамериканских и антиинтеграционных сил (как крайне правых, так и крайне левых). Несмотря на эти тенденции, США и Европу, а также более отдаленные Австралию, Новую Зеландию и в меньшей степени Японию следует рассматривать как единый центр силы, объединенный прежде всего общей тоталитарной идеологией «демократизма»: стремлением навязать собственную модель всему миру. Споры здесь идут лишь о темпах и приемлемости тех или иных издержек.

В обозримом будущем внешняя политика этого все еще остающегося самым мощным центра будет определяться противоречием между растущими идеологическими амбициями и снижающимся относительным потенциалом. Перед Западом стоят как внешние (рост влияния незападных центров силы), так и внутренние (меняющаяся демографическая и политическая ситуация) вызовы. При этом объективно его влияние в мире снижается. Популярность западных модели и идеологии была основана в первую очередь на том, что (как считали в значительной части незападного мира, особенно после Второй мировой войны) данная политическая модель обеспечивает наивысший уровень благосостояния. Свобода, конечно, привлекательна для некоторой части населения небогатых и диктаторских государств, но не за счет материальных благ, а параллельно с ними. Большинство же всегда стремилось к западной модели именно как к гарантирующей более зажиточную жизнь.

Мощный рост китайской экономики в конце XX – начале XXI в., а также экономический и политический крах многих государств, которым США и ЕС пытались навязать собственную модель (Россия 90-х гг., Ирак, Ливия и др.), заставили многих усомниться в универсальной эффективности лозунгов «демократизации», «рыночной экономики» и «свободной торговли». В то же время западная политика диктата и перманентного бомбометания показала, что идеология «демократизма» в действительности часто служит прикрытием для установления политического господства. Это понимание значительно снизило «мягкую силу» Запада и одновременно увеличило привлекательность других моделей, прежде всего «пекинского консенсуса» как альтернативы «вашингтонскому». Кроме того, элита Запада не может, а вернее, не хочет понять, что распространение предлагаемой им модели достигло культурно-цивилизационных границ. Ее было легко распространять в Восточной Европе, где народы, страдавшие под советским господством, стремились в западные союзы по

политическим и культурным мотивам. Там ее установление или в ряде случаев восстановление давалось относительно легко (хотя и не везде). Но Северная Африка и пространства Евразии в большей степени чужды этой модели в культурном отношении. Ислам и православие, все более популярные на постсоветском пространстве, не только по политическим, но и нравственным причинам не принимают западного «демократизма» с его программой: усиливающимися стиранием общественных ролей женщин и мужчин, эвтаназией, суррогатным материнством, однополыми браками и т.п. Причем не принимают настолько резко, что готовы активно бороться против этого диктата греха. Конфликты в ряде постсоветских государств (Украина, Грузия, Молдова), где культурно-цивилизационная граница прошла внутри территории, разделив ее на части, так же как и рост антизападных движений в исламском мире, во многом вызваны этими причинами.

Подобное ранее случилось с советской идеологией, а вместе с ней и с «мягкой силой» Москвы после Второй мировой войны, а особенно в 70–80-х гг. минувшего века. Коммунистические идеалы, пользовавшиеся искренней популярностью во всем мире, в том числе в Европе и США, особенно в период антифашистской борьбы и деколонизации, поблекли, когда выяснилось, что экономически в третьем мире советская модель не работает и ведет лишь к созданию коррупционных диктаторских режимов и застою. Кроме того, ввод советских войск в Венгрию в 1956 г., Чехословакию в 1968 г. и Афганистан в 1979 г. заставил усомниться в искренности Москвы относительно создания лучшего мира, породив новое отношение к советской идеологии как к прикрытию геополитических интересов.

В действительности и в СССР, и на современном Западе геополитические цели сложно отделить от идеологических. Все тоталитарные идеологи считают, что навязываемая ими высшая и наиболее прогрессивная модель гарантирует процветание и счастье, а осуществлять ее наиболее эффективно можно с использованием, как говорили в СССР, «братской помощи» «прогрессивных» государств, то есть под их политическим контролем. Поэтому цели установления такого контроля над максимальным количеством стран мира и забота об их счастье путем насаждения единственно верного пути развития в этой идеологической конструкции неразделимы. Когда в Европе и США говорят о том, что случаи отделения Косово и Крыма нельзя сравнивать между собой, то этому не стоит удивляться. С точки зрения идеологии «демократизма» такой подход действительно нельзя назвать «двойным стандартом». Ведь Косово отделяется от Сербии – государ-

ства отсталого незападного мира – и присоединяется к миру «свободы и прогресса». Тогда как Крым незападная Россия тянет в сферу «регресса и диктатуры». Дискутировать с западными идеологами (как с советскими и любыми другими) с использованием формальной логики не имеет смысла.

В исторической перспективе Запад постепенно подвергнется определенным трансформациям. Какими будут США, если через 20–30 лет значительная часть населения будет испаноязычной? В Великобритании целые города становятся мусульманскими. Во Франции, по некоторым опросам, мусульман насчитывают уже около 10%. Во что превратится ее политика, когда их станет 30 или 40%? Вызовет ли рост миграции ответную реакцию правых традиционалистов? Их организации, типа базирующейся в Великобритании «Остановить исламизацию Европы», набирают популярность во многих государствах ЕС. Конечно, можно отвечать на вызовы миграции закрытием границ и другими жесткими мерами, но это уже само по себе означает резкий отказ от многих постулатов «демократизма», что не может не привести к существенным изменениям и во внешней политике.

В обозримом будущем, в ходе процесса адаптации «демократизма» к новым реалиям, вряд ли можно рассматривать Запад как оплот мира и стабильности. Напротив, его политика останется основным источником мировых конфликтов, которые будут особенно часто возникать на территориях, пограничных с другими, незападными центрами силами, придерживающимися иных ценностных установок.

Россия

2014 г. можно назвать поворотным для внешней политики России. В связи с украинскими событиями она окончательно отказалась от следования в фарватере Запада и вступила с ним в конфронтацию. Это фактически означало коренное изменение внешнеполитического курса Москвы, проводившегося с 1991 г. Хотя 1991–2014 гг. знали различные периоды как близкого сотрудничества, так и разногласий с Западом, Россия в конце концов всегда шла на стратегические уступки. Сегодня такие уступки маловероятны, возможны лишь тактические договоренности. Это вызвано окончательной потерей доверия РФ к США и Европе как к политическим и экономическим партнерам и пониманием, что дружественные отношения с ними без полного подчинения их правилам установить не удастся. В связи

с этим Москва начала реальный, а не только словесный (как это было до украинского кризиса) поворот к незападному миру.

Рассмотрим подробнее причины такого поворота. Постсоветский консенсус между Западом и Россией базировался на взаимном понимании того, что обе стороны будут двигаться к более тесному сотрудничеству, учитывая интересы друг друга, и идти на взаимоприемлемые компромиссы. Однако выполняла эти условия на практике только Россия. Не отказавшись полностью от идеи национальных интересов, она показывала, что готова ими в какой-то степени жертвовать ради сотрудничества с «цивилизованным миром», чтобы стать его частью. Сам же «цивилизованный мир», несмотря на обилие ободряющих слов, мыслил категориями холодной войны, искренне считая себя победившей стороной. Забыв про все обещания (например, не расширять НАТО на Восток), Запад пытался осуществить все, что не мог сделать во время холодной войны из-за сопротивления СССР, – включал в сферу своего влияния все больше стран и территорий, передвигал военные объекты все ближе к российской границе, в том числе и на территорию ее традиционных союзников. Своими действиями в 2014 г. Москва решительно отказалась принять такую политику. Когда очередь дошла до ближайшего российского партнера – Украины, Москва «взорвалась». Хотя Россия не смогла в силу недостаточности ресурсов и сложившейся экономической зависимости от Запада пойти на самые решительные меры, она делает и будет делать все возможное, чтобы остановить силовую экспансию в направлении собственных границ.

Новая Россия отвергла советскую и любую другую тоталитарную идеологию и не пытается навязать свою политическую модель другим. Более того, несмотря на авторитарную реальность, в теории эта модель провозглашается соответствующей западной, но лишь имеющей право на некоторую специфику, связанную с культурными традициями. На украинском направлении, как и повсюду вокруг своих границ, Россия ведет борьбу не за навязывание идеальной общественной системы, а за чисто геополитические цели, связанные с выживанием. Она стремится не быть окруженной, не подпасть под политический контроль США и их союзников, сохранить дружественные или хотя бы нейтральные по отношению к себе режимы у соседей. Западные теоретики и политики объявляют такой подход устаревшим политическим реализмом XIX в. По их мнению, США и их союзники несут миру передовую международную систему без войн и революций, в которой национальные государства уступают место глобальному управ-

лению. Но, учитывая, что, как мы увидим ниже, не только Россия, но и большинство других крупных государств мира видят в этом подходе прикрытие силовой экспансии, возникает вопрос: весь ли мир отстал от Запада или это на Западе выдают желаемое за действительное?

Выступая на большой пресс-конференции 18 декабря 2014 г., президент России В.В. Путин объяснил изменения в российской внешней политике не осложнениями с Западом, а общемировыми тенденциями: «Я часто слышу “разворот России на Восток”. А вы почитайте американскую аналитику. Там пишут о развороте США на Восток. Это есть или нет? Отчасти есть. А почему? Это связано с политикой? Нет, это связано с процессами в глобальной экономике, потому что восточная часть АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион – развивается быстрее, чем все остальные части мира, появляются новые возможности. С точки зрения энергетики для Китая, для Индии, для той же Японии, для Южной Кореи потребности в энергоресурсах растут семимильными шагами. Там все развивается быстрее, чем в других регионах мира. Поэтому что же нам, от этого отказываться, что ли? У нас все, что мы сейчас делаем, было запланировано давно, еще до всяких проблем в глобальной и даже в нашей экономике. Это просто реализация того, что мы задумывали раньше»[8]. Во многом это верно, но в то же время в этих высказываниях явно чувствуется тактический элемент. В любом случае политические проблемы с Западом, безусловно, делают российский поворот к Азии более реальным и безальтернативным.

США и возглавляемый ими лагерь в целом рассматривают конфликт с Россией как локальный, хотя и крайне опасный. Опасен он тем, что поведение Москвы фактически подрывает их глобальный проект мирового развития: постепенного втягивания всех государств на условиях Запада в его орбиту – то есть в качестве подчиненных учеников, старательно пытающихся довести себя до уровня стандартов учителя. Локален же он потому, что Россия – не самый опасный вызов на этом пути, хотя и наиболее острый в настоящее время. В долгосрочной перспективе складывание многополярного мира в целом вызывает у западных политиков гораздо бóльшие опасения. Совершенно неясно, как вестернизировать огромный Китай, да и с Индией, Бразилией и многими другими центрами силы не все складывается идеально.

[8] Большая пресс-конференция Владимира Путина. 18.12.2014. http://www.kremlin.ru/events/president/news/47250.

Китай

В долгосрочном плане возвышающийся Китай представляет собой куда более серьезный вызов западной идеологии мирового господства, чем все еще довольно слабая Россия. КНР – вторая экономика и самая густонаселенная страна мира, но угроза исходит не от его военной мощи, которая пока еще несравнима с американской и даже с российской. Коммунистическому Китаю удалось сделать то, чего не смог СССР, – построить модель эффективной и привлекательной экономики, не основанной на политической модели Запада. Для последнего это гораздо опаснее, так как заставляет народы и правительства многих государств усомниться в фундаментальном постулате «демократизма» – эффективная экономика и сопутствующая ей зажиточность возможны только при условии признания правильности западного пути и присоединения к нему. Более того, китайская экономика стала настолько взаимозависимой с экономиками США и государств ЕС, что в случае осложнений принять против Пекина меры, подобные принятым против России, будет крайне сложно.

Сегодня Запад зависит от Китая не меньше, чем Китай от Запада. Возможно, в случае открытой конфронтации объединенному западному лагерю и удастся в конце концов одолеть КНР, но мировой экономике это обойдется слишком дорого. Сам бурно развивающийся Китай в последнее время существенно активизирует внешнюю политику. Суть первого этапа активизации сводилась к стремлению убедить соседей и весь мир в том, что усиление страны не угрожает их интересам. В этом смысл выдвинутой в 2003 г. в период правления Ху Цзиньтао концепции «мирного подъема», которая затем, в связи с опасениями относительно термина «подъем», была заменена теориями «мирного развития» и строительства «гармоничного мира».

При Си Цзиньпине Пекин перешел от защиты к наступлению. Последнее выразилось в выдвижении новым китайским лидером амбициозных планов по созданию «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути». Кроме экономического содержания, они имеют и явный политический смысл: Китай выдвигает собственные, альтернативные западным концепции развития по крайней мере целого ряда азиатских регионов (первый план в большей степени касается Центральной Азии, Среднего Востока и частично России, второй – Юго-Восточной и Южной Азии и Океании). Они должны создать общие рамки для экономического, а возможно, и политического будущего многих расположенных здесь стран. Можно сказать, что Пе-

кин предлагает этим государствам и регионам концепцию соразвития, подкрепленную значительными материальными ресурсами. Он говорит: подключайтесь не к ареалу «демократизма», а к зоне «Шелкового пути». История присоединения, несмотря на возражения Вашингтона, ряда союзников США к инициированному КНР Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций показывает, что китайские проекты уже обладают серьезной альтернативной привлекательностью.

Другое свидетельство внешнеполитической активизации – часто раздающиеся в Китае призывы пересмотреть принцип «тао гуан ян хуэй» (держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя), который был сформулирован Дэн Сяопином в начале 90-х гг. XX в. и, как считалось, должен был определять внешнеполитический курс страны в период реформ и открытости[9]. В связи с этим российский эксперт И.Е. Денисов делает вывод, что «в современном китайском политическом дискурсе четко прослеживается как преемственность внешней политики (акцент на такие константы, как путь мирного развития, защита ключевых интересов, политика “мягкой силы”), так и стремление придать китайской дипломатии более инициативный характер, что в перспективе должно вывести КНР в число государств, устанавливающих правила игры в соответствии со своими возросшими интересами (такие намерения особенно ярко видны на примере амбициозной программы превращения Китая в морскую державу, они проявляются и в сфере военной дипломатии – корректировке подходов к использованию китайских воинских подразделений за рубежом)»[10]. Хотя, по мнению этого исследователя, принцип ограничения стратегического планирования вопросами, затрагивающими прежде всего «ключевые интересы», в период Си Цзиньпина остался неизменным, сама сфера таких интересов постоянно расширяется. Если при Дэн Сяопине к ним относились лишь проблема Тайваня и контроля над Тибетом и Синьцзяном, то сегодня это уже и защита китайской позиции в территориальных спорах с Японией вокруг островов Дяоюй (Сенкаку), и конфликт в Южно-Китайском море. Некоторые эксперты относят к ключевым интересам также не-

[9] См., например: 邓聿文：胡温的政治遗产（中）31.08.2012. (*Дэн Юйвэнь.* Политическое наследие Ху и Вэня. Ч. 2). http://www.hidg.net/news/bencandy-htm-fid-55-id-30975.html; 国防大学教授：下一艘航母决不是现在这个水平 (Профессор Университета обороны: следующий авианосец будет не такого уровня, как сейчас). 17.12.2012. http://mil.huanqiu.com/observation/2012-12/3387054.html.

[10] *Денисов И.Е.* Эволюция китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Международная жизнь. 2015. № 5. С. 40–54.

обходимость обеспечения Китаю возможности занять достойное его место в мире в целом.

Главным препятствием на этом пути, по широко распространенному в Китае мнению, являются США. Мировая держава, теряющая свое влияние, но всеми силами стремящаяся сохранить его, как считает большинство китайских аналитиков, старается сдерживать КНР, видя в нем своего основного конкурента. Для этих целей США при помощи союзников и дружественных государств пытаются окружить Китай в военном и стратегическом отношении, настраивают против него соседей, раздувая теорию «китайской угрозы». В одной из книг, написанной влиятельным китайским военным аналитиком, утверждается, например, что окружение уже удалось замкнуть почти со всех сторон, за исключением России и Центральной Азии[11]. Некоторые предлагают более активные меры по прорыву этого кольца, например посредством строительства военно-морских баз за рубежом или наделив армию полномочиями всеми средствами защищать зарубежные капиталовложения китайских предпринимателей. Но пока официальная позиция Пекина гораздо мягче.

Характерно в этом плане отношение китайских аналитиков к идее «глобального управления». Считая нынешнюю теорию и практику глобального управления западной конструкцией, призванной обеспечить доминирование США и Европы в мире, в Китае не предлагают подорвать или ликвидировать существующую систему, но выступают за такое ее реформирование, при котором КНР и другие незападные государства получили бы в ней достойное представительство и голос[12]. Таким образом, в целом Китай не заинтересован в конфронтации с кем бы то ни было или в революционном изменении механизма функционирования мировой системы. Однако он намерен настойчиво и последовательно содействовать ее эволюции в более выгодную для себя сторону.

Интересен в этом смысле китайский ответ на идею «большой двойки», выдвинутую в 2009 г. З. Бжезинским[13]. Идея З. Бжезинского

---

11 戴旭: «C型包围 – –内忧外患下的中国突围» (*Дай Сюй*. Дугообразное окружение: как Китаю прорвать окружение в условиях внутренних трудностей и внешнего давления). 山海，文汇出版社，2010，第3 – 4页.

12 庞中英、王瑞平: 《全球治理：中国的战略应对》(*Пан Чжунин, Ван Жуйпин*. Глобальное управление: китайский стратегический ответ), 《国际问题研究》, 2013年第4期.

13 *Brzezinski Z.* The Group of Two that could change the world // The Financial Times. January 13. 2009. http://www.ft.com/cms/s/0/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac.html.

полностью соответствовала идеологии американского доминирования. По сути, он предоставлял Пекину роль подчиненного союзника, который будет помогать решать американские проблемы везде, где Вашингтон не может этого сделать самостоятельно. Китаю, в частности, предлагалось содействовать решению северокорейской ядерной проблемы, помочь США бороться с мировым кризисом, прямо участвовать в американском диалоге с Ираном, стать посредником в индо-пакистанском конфликте и даже подключиться к урегулированию на Ближнем Востоке. Совместное участие предполагалось в таких сферах, как борьба с изменением климата и создание крупных миротворческих сил ООН для их размещения в «недееспособных государствах», укрепление режима нераспространения ядерного оружия путем стимулирования неядерного выбора государствами мира.

Пекин вежливо отказался от столь лестного предложения, коренным образом противоречащего основам его внешней политики, направленной на невмешательство в дела других стран и регионов. Он выдвинул встречную инициативу: строить с США «отношения нового типа между крупными державами». Смысл этой идеи можно свести к тому, что Китай станет не американским агентом в мире, а равным партнером, который разделит с Вашингтоном ответственность за решение ряда глобальных проблем, причем урегулироваться они будут на основе взаимной выгоды и компромиссов. Но на это вряд ли пойдут США.

В целом Китай, как и Россия, далеко ушел от коммунистического глобального тоталитаризма, он более не стремится навязывать другим государствам собственную модель развития. В то же время он пытается обеспечить, как он считает, достойное своей новой мощи и исторической роли место в мире, а также дружественное окружение. При этом его экономические интересы все в большей степени выходят за пределы собственной территории. Само это стремление, подкрепленное заметными успехами и серьезными финансовыми ресурсами, ростом популярности китайской модели модернизации без демократии у многочисленных авторитарных лидеров развивающихся стран, представляет собой вызов западной идеологии «демократизма», согласно которой Китай, как и весь мир, должен рано или поздно вестернизироваться и подчиниться «правильному» влиянию.

На Западе многие рассматривают китайский опыт как один из частных случаев теории модернизации. Согласно этой точке зрения, КНР в принципе идет путем Японии и «азиатских тигров»: за экономической модернизацией должна последовать и демократизация, как

это было в Южной Корее и на Тайване. На это в Пекине отвечают: масштабы страны настолько отличны от небольших государств, что такое сравнение некорректно. Китай, как целая цивилизация, будет развиваться собственным путем, не по западным, а по традиционно китайским схемам.

В последнее время в КНР появилось много статей о том, что и для мира в целом традиционные китайские концепции отношений между государствами и народами гораздо полезнее, чем западные подходы[14]. Идет ли Китай по общему пути или по особому, станет ли Большим Тайванем (восточноазиатской демократией) или Большим Сингапуром (эффективной азиатской автократией), покажет будущее. В любом случае весьма сомнительно, чтобы, даже демократизированный, он стал ориентироваться на США или кого бы то ни было другого в своей внешней политике, а не отстаивал бы собственные интересы. В настоящее время, по крайней мере, общественное мнение в Китае настроено заметно более антиамерикански и антияпонски, чем руководство страны.

Одновременно среди западных экспертов распространились прогнозы не только грядущего доминирования, но и скорого краха коммунистического Китая[15]. Хотя эти предсказания в ближайшей перспективе представляются выдачей желаемого за действительное, в целом в сравнительно отдаленном будущем серьезные проблемы и даже кризис китайской системы власти, вызванный экономическими причинами, вполне возможен. В этом смысле КНР вполне может пойти по японскому пути при том различии, что его политическая система вряд ли выдержит 20-летний экономический застой, так как не предусматривает ротацию партий у власти при сохранении правящей элиты в целом. Но, как показывает опыт СССР и России, даже гипотетический крах коммунизма и длительный кризис вряд ли приведет к вестернизации такой огромной страны, как Китай, и его подчинению западным интересам.

В любом случае в обозримом будущем при сохранении существующих тенденций усиление напряженности между Западом и КНР

---

[14] См.: 阎学通：“公平正义的价值观与合作共赢的外交原则” (*Янь Сюетун*. Ценностный подход честности и справедливости дипломатический принцип взаимовыгодного сотрудничества), 《国际问题研究》 2013年第1期; 俞新天:中国价值观的世界意义 (*Юй Синьтянь*. Значение китайских ценностей для мира). 国际问题研究》 2013年第4期.

[15] *Shambaugh D.* The Coming Chinese Crackup // The Wall Street Journal. 2015. March 6. http://www.wsj.com/articles/the-coming-chinese-crack-up-1425659198.

неизбежно. Причина этого будет лежать не в области моральных ценностей, как в случае с Россией и евразийским пространством. Для китайской прагматической культуры, чуждой монотеистической религии с ее понятием непознаваемого Бога, установления которого не могут быть подвергнуты сомнению, западные моральные инновации более приемлемы. Серьезное отличие культур кроется в сфере социальных целей – китайцам непонятно стремление ставить индивида с его правами выше общественного блага и социальной справедливости. Неясен им и идеал минимального государства, не заботящего о своих гражданах. Высшая ценность здесь – не обеспечение прав личности и меньшинств, а хорошо организованное общество, гарантирующее благосостояние большинства. Именно эти различия и будут накладываться на геополитические противоречия, добавляя им остроты. В то же время существующая экономическая взаимозависимость станет действовать в противоположном направлении, и усиление напряженности вряд ли дойдет до уровня открытой конфронтации.

Другие центры силы и их объединения

Индия, Бразилия и другие государства наряду с вышеперечисленными постепенно превращаются в мощные центры незападного мира. Индия, являясь самой крупной демократией, тем не менее отнюдь не во всем ориентируется на Запад. Как и Китай, она проводит самостоятельную внешнюю политику, стараясь поддерживать конструктивные отношения со всеми основными игроками. В 2004 г. индийский премьер М. Сингх охарактеризовал внешнеполитический курс своей страны как «кооперативный плюрализм». По его словам, «“идея единства в многообразии” и породившая ее философская традиция остаются нашим великим наследием, которое мы хотели бы видеть принятым всем миром. Понятие “кооперативного плюрализма” и уважение к многообразию, составляющие основу нашей демократии, должны также составить основу глобального управления в XXI в.»[16].

Согласно индийским экспертам, их страна обладает исключительным опытом. Будучи на протяжении веков государством мультикультурным и многоконфессиональным, она в то же время со-

[16] *Manmohan PM.* Singh’s speech at HT Leadership Summit, Nov 21, 2008. http://ibnlive.in.com/news/pm-manmohan-singhs-speech-at-ht-leadership-summit/78659-3-1.html.

храняла общецивилизационное единство, основанное на уважении чужих мнений и традиций. Этот исключительный опыт стал основой индийской демократии, и его Индия хотела бы передать миру, видя глобальное устройство таким же плюралистическим, как и ее собственное общество. Основываясь на этих взглядах, она отказывается от давления на другие страны, никогда не присоединяясь ни к каким силовым действиям Запада и мирового сообщества в целом. При этом Индия – один из основных поставщиков военных для миротворческих сил ООН, задача которых – поддержание мира, а не наказание виновных.

Ясно, что этот идеал во многом противоречит западной концепции «демократизма». Совпадая с ним в уважении к демократии, он отрицает навязывание «прогрессивных» идеалов и моделей силой и наказание за отход от них. Кроме того, в моральном отношении Индия, хотя и идет за Западом, во многом все еще более традиционна. Приход к власти в 2014 г. правительства лидера индуистской Бхаратия джаната парти Н. Моди еще более укрепил чувство индийской миссии в мире и традиционалистические тенденции внутри страны. Это может только способствовать меньшей ориентации на Запад и большей – на другие центры силы, хотя, конечно, экономические интересы и близость политических систем будут продолжать действовать в пользу западного сотрудничества.

Индия старается наладить связи с Китаем, что вызвано экономической необходимостью. В то же время значительные проблемы в индийско-китайских отношениях сохраняются. Остается нерешенным территориальный спор. Но, что более важно, в случае с Китаем и Индией мир является свидетелем зарождения геополитических противоречий между двумя растущими незападными центрами силы. Их интересы сталкиваются, например, в нескольких островных государствах, которые ранее считались сферой влияния Индии, но сегодня стали объектом экономической экспансии Пекина (Мальдивы, Сейшелы, Маврикий, Шри-Ланка).

По данным за 2014 г. Бразилия была седьмой экономикой мира, ее ВВП превышал данный показатель таких стран, как Италия или Россия[17]. При этом политически она представляет собой типичную латиноамериканскую страну с сильными левыми тенденциями, которые всегда развивались в этой части света как ответ на попытки до-

[17] International Monetary Fund, World Economic Outlook Data Base, April 2015. http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/weorept.aspx.

минирования США. Два ее последних президента – Лула да Сильва и Дилма Руссефф – представляют левые силы, и именно в этом основа нарастающих расхождений с Соединенными Штатами.

Внешняя политика Бразилии во многом противоречит американской: она не поддержала операции США и их союзников в Ираке и Ливии, выступает за мирное решение сирийского конфликта, против санкций в отношении Ирана. В 2010 г. Бразилия и Турция подписали совместную декларацию с Ираном, в которой Тегеран обязался отправлять в Турцию свой низкообогащенный уран, а Турция – поставлять ему обогащенное топливо для исследовательского реактора. Это соглашение вызвало критику в США и Европе. Американцы также высказывали опасения относительно собственной ядерной программы Бразилии. В экономической области Бразилия отказалась поддержать проект создания единой Американской зоны свободной торговли (Free Trade Area of the Americas, FTAA), что явилось одной из главных причин его провала. В США часто критикуют бразильский протекционизм и якобы осуществляемый этой южноамериканской страной демпинг своей продукции, а также нарушения прав интеллектуальной собственности. В то же время Бразилия обвиняет Вашингтон в приверженности к «монетаристской» политике и провоцировании «валютных войн» против развивающихся рынков. В перспективе, по мере усиления этого центра силы и возрастания его влияния в Латинской Америке и мире в целом, противоречия с США будут возрастать, хотя экономическая необходимость, как и в случаях с Китаем и Индией, не позволит довести дело до острой конфронтации.

Постбиполярная система

Российский отказ следовать курсу Запада – лишь первый острый симптом противостояния навязываемого США и их союзниками проекта единого мира и складывающейся многополярной системы. Таким образом, постбиполярный мир на нынешнем этапе можно было бы назвать промежуточным, переходным от глобального доминирования Запада, сформировавшегося после завершения холодной войны, к многополярному, который еще не сложился (и неизвестно, сложится ли окончательно)[18]. Для него характерно уменьшение относительного влияния пока еще наиболее мощного центра силы,

[18] См.: *Симония Н.А., Торкунов А.В.* Новый мировой порядок: от биполярности к многополярности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 30.

возглавляемого США, и увеличение влияния других полюсов (Китай, Индия, Бразилия и др.). Новые усиливающиеся центры будут пытаться создать вокруг своих границ зоны собственного влияния за счет сужения зоны влияния Запада. Со стороны последнего такая политика встретит ожесточенное сопротивление (как это уже происходит в случае с Китаем и Россией). Более слабые незападные центры силы будут стараться теснее координировать свои действия против мощного противника (БРИКС, ШОС, АСЕАН). Однако это не означает создания антизападного альянса. Там, где зоны влияния незападных центров силы придут в столкновение друг с другом, возможны и конфликты между самими этими державами (например, уже намечается борьба за сферы влияния между Китаем и Индией). Причем Запад (в особенности – США) будет использовать подобные противоречия в своих целях. В связи со сложной структурой такого мира окончательное складывание реальной многополярности с несколькими приблизительно равными по влиянию зонами не является исторически неизбежным. Большую роль в этой системе будут играть среднемощные или региональные центры силы, например Вьетнам, Южная Африка, Нигерия, Венесуэла и др., имеющие собственные цели и взгляды на региональную политику. Они могут вступать во временные альянсы с более крупными центрами для достижения собственных локальных целей (как, например, это делает Вьетнам, пытаясь использовать США в территориальном конфликте с Китаем).

В то же время постбиполярный мир не следует понимать как полностью распадающийся на отдельные большие и малые сферы влияния. В нем сохранятся и даже примут еще большую остроту глобальные проблемы, которые возможно решать только общими усилиями: нехватка ресурсов, перенаселение, загрязнение окружающей среды, нераспространение оружия массового уничтожения и т.п. Смертельную угрозу для человеческой цивилизации в целом представляет терроризм, прежде всего основанный на исламском экстремизме. Это сегодня – вторая тоталитарная идеология, за которой не стоит какого-либо государства, но которая, тем не менее, обладает значительной привлекательностью, своеобразной «мягкой силой». Причина роста ее влияния – радикальная ответная реакция на «аморальность» и «греховность» современного развитого мира. Именно поэтому исламистами часто становятся молодые мусульмане – жители стран Запада, наглядно ощутившие коренное противоречие между своими верованиями и окружающей цивилизацией.

Решение глобальных проблем поставит вопрос о необходимости поиска механизма взаимодействия. Действенные меры можно согласовать, если основные центры силы договорятся о той ограниченной сфере, где их интересы сходятся, и о том, что по всем другим вопросам они «соглашаются не соглашаться», не доводя дело до острой конфронтации. В каком-то смысле это станет возрождением реальности «мирного сосуществования» периода биполярности. Ее суть сформулирована еще во времена Н.С. Хрущева: не разделяя ни целей мирового развития, ни идеалов общественного устройства, мы отказываемся от войны друг с другом и пытаемся договориться по тем проблемам, по которым можно договориться.

Для рабочих органов этого механизма больше всего подходят уже существующие площадки глобального управления, прежде всего система ООН с ее Советом Безопасности. Это верно хотя бы потому, что им нет реальной альтернативы: все остальные организации представляют ту или иную сторону и не могут считаться объективными. Но это не означает неизменности существующей системы, напротив, она должна постепенно реформироваться по общему согласию с целью достижения более адекватного представительства растущих центров силы. Альтернатива этому – непредсказуемый мир борьбы всех против всех без каких-либо правил.

Роль России в переходном мире пока только намечается. Она пытается стать крупным независимым центром силы, позиционируя себя как базу евразийской интеграции. Однако хватит ли для этого ресурсов самого разного рода, пока неясно. Очевидно, что в нынешней обстановке серьезной экономической зависимости от Запада Россия вряд ли может позволить себе неограниченную конфронтацию. Более разумен курс позиционирования РФ и Евразийского экономического союза как части общеевропейского целого, но не проекта ЕС, то есть попытки создания альтернативы проекту Евросоюза в рамках Большой Европы.

Такая цель представляется более реалистичной и приемлемой для самых различных слоев российского населения и элит (отсечь придется лишь самых крайних западников и националистов). Подобная политика вызовет симпатии тех кругов в Европе, которые выступают против доминирования США, за более независимый курс, и позволит продолжить необходимое экономическое сотрудничество с западной частью континента. Более того, РФ вполне способна стать проводником европейских ценностей в Евразии (по крайней мере, некоторых из них). Такая теория существовала в России еще в XIX в.

В то же время необходимо жестко говорить о том, что для Евразии с ее собственными традициями приемлемы лишь коренные европейские ценности, но не все навязываемые сиюминутные установки (особенно в области секуляризма и морали). Для Азии же, напротив, Евразийский союз мог бы стать «послом» в Европе. Здесь необходимо подчеркивать не только европейскую, но и азиатскую принадлежность России. Альтернативой такому курсу стало бы создание Большой Азии вместо Большой Европы (на основе тесного взаимодействия Китая, России и Индии) как конкурента Западу[19]. В такой комбинации Россия вряд ли стала бы лидирующей силой, но сегодня конфронтационный подход Запада подталкивает ее именно к этому пути.

[19] *Тренин Д.* От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта. Московский Центр Карнеги, 13 мая 2015. http://carnegie.ru/2015/05/13/ru-60066/i8ho?mkt_tok=3RkMMJWWfF9wsRojua%2FOZKXonjHpfsX67e4kUKOg38431UFwdcjKPmjr1YcISst0aPyQAgobGp5I5FEIQ7XYTLB2t60MWA%3D%3D.

Шовинизм или хаос? Порочный выбор для России[1]

События последних месяцев вокруг Украины и Крыма, а также связанные с ними некоторые наметившиеся тенденции во внутриполитической жизни страны ставят нас перед новой реальностью. Вполне вероятно, что вся система международных отношений, да и внутренняя жизнь России уже не будут такими, как раньше. Изменяется парадигма нашей жизни, сложившаяся после распада СССР, в рамках которой действовали Россия и ее основные партнеры как в ельцинский, так и ранее в путинский период. Эту систему можно назвать постсоветским консенсусом. В чем ее основные черты? Со времени распада СССР Россия в принципе считалась партнером Запада, хотя и не таким близким, как члены его экономических и политических союзов, но все же разделяющим его основные внешнеполитические и внутриполитические цели. Некоторые разногласия (например, по Югославии, Ираку, Ирану и т.д.) списывались на ее величину и недостаточное время нахождения в западном ареале и довольно быстро улаживались. Особые подходы к внутренней политике также объяснялись несовершенством и молодостью российской демократии (об этом говорили и сами московские руководители), некоторыми национальными особенностями. Положение России можно было сравнить с Турцией, Украиной, Мексикой – государствами крупными, не полностью отвечающими западным стандартам, но стремящимися к ним и достигающими на этом пути определенного прогресса.

Крах постсоветского консенсуса

Постсоветский консенсус был основан на взаимопонимании с Западом о том, что обе стороны будут двигаться к более тесному сотрудничеству, обе будут с пониманием относиться к интересам друг друга и идти на взаимоприемлемые компромиссы. Однако выполняла эти условия на практике только Россия. Не отказавшись полностью от идеи национальных интересов, она показывала, что готова ими частично жертвовать ради сотрудничества с «цивилизованным миром», чтобы стать его частью. Однако сам «цивилизованный мир», несмотря

[1] Впервые опубликовано в журнале «Полис. Политические исследования» (2014. № 3. С. 159–171).

на обилие ободряющих слов, мыслил категориями холодной войны, искренне считая себя победившей стороной. Забыв про все обещания (например, не расширять НАТО на восток), Запад пытался осуществить все, что не мог сделать во время холодной войны из-за сопротивления СССР, – включал в сферу своего влияния все больше стран и территорий, передвигал военные объекты все ближе к российской границе, в том числе и на территорию ее традиционных союзников.

Такой подход объясняют по-разному. Во властных структурах России сегодня считается, что реальная внешняя политика Запада определяется исключительно геополитическими целями: подчинить себе больше стран и территорий и стать единственной доминирующей силой в мире (создать «однополярный мир»), а всякие там ценности (демократия, права человека) – просто идеологическое прикрытие. Такое понимание объясняется тем, что нынешние российские лидеры – в основном выходцы из правоохранительных структур позднесоветского времени, когда в официальную коммунистическую идеологию уже мало кто верил и она действительно служила прикрытием реальной политики.

В действительности сегодня западное общество гораздо более идеологизировано, чем российское, по сути Запад – это единственная сохранившаяся идеологическая империя (нельзя же всерьез считать идеологизированными коммунистические Китай или Вьетнам, страны, где официальная идеология – уже давно не более чем ритуал, и даже лидеры не могут ясно объяснить, в чем, собственно, состоит ее коммунистическая сущность). На Западе в собственную идеологию верят практически все, ее впитывают с детства, в детском саду и школе, университете и на рабочем месте. Суть этой идеологии «демократизма» (описанной И.В. Смирновым, введшим в оборот слово «либерастия», в книге с одноименным названием[2]) довольно проста: западное общество хоть и не идеально, но более совершенно, чем все остальные, оно – вершина общественного прогресса, и все в мире должны стремиться к западной модели, такой, какая она есть в данный момент. В принципе это примитивный культурный шовинизм, характерный для многих народов и стран – от небольших племен до крупных цивилизаций, считавших всех вокруг варварами, а себя – центром мира. Отличие современного Запада – в его масштабах.

Внешняя политика Запада основана на этой вере. Основное направление внешнеполитической мысли определяют, как ни пара-

[2] *Смирнов И.В.* Либерастия. http://supol.narod.ru/archive/books/liberast.htm.

доксально, идеологи-прагматики. Они считают, что лучший путь присоединить все «варварские» народы и страны к миру «свободы и демократии» – подчинить их политическому влиянию через экономические и политические союзы. Для этого в них к власти должны прийти силы, понимающие, что им самим это выгодно (то есть ориентирующиеся на Запад), чему необходимо всячески способствовать. Если даже эти силы и не вполне отвечают «демократическим» стандартам – это не страшно. Пусть сначала подчинятся экономически и политически. Затем под влиянием Запада их дотянут до нужного стандарта. Именно поэтому в Европе лишь вяло журят режимы Эстонии и Латвии за то, что значительная часть русскоязычных там не обладает гражданскими правами. Хотя официально причины такой близорукости стараются не афишировать, они иногда прорываются наружу. Примечателен, например, вывод доклада независимого немецкого фонда Бертельсманна о ситуации в Эстонии: «В Эстонии никогда не было прямых или косвенных вызовов демократизации или переходу к рыночной экономике... Хотя в Эстонии сохраняется серьезный национальный раскол, ограничительная политика в области гражданства означала, что русские получили гораздо меньшую политическую власть, обладание которой могло позволить им замедлить ход реформ»[3]. Сказано четко и ясно: русские в Эстонии – единственное препятствие для вестернизации, поэтому права их пришлось ограничить.

По той же причине не видят радикальных националистов на Украине: ведь это те, кто действует в сторону «прогресса», и исторически их можно оправдать или даже закрыть глаза на некоторые преступления (например, как было с косовскими националистами и хорватской армией в Сербской Краине и т.п.). Характерно поведение Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон, осудившей попытку захвата здания Верховной рады Украины боевиками «Правого сектора» после прихода к власти антироссийской оппозиции, но фактически поддерживавшей их, когда они делали то же самое ранее, но в Раде большинство составляли «плохие парни», не полностью ориентировавшиеся на ЕС. В то же время преступления сил «регресса» надо показать во всей красе и осудить по полной программе.

Есть на Западе и идеологи-идеалисты, говорящие о том, что нехорошо дружить даже с «прогрессивными» диктаторами, те, кто пы-

[3] BTI 2008 Estonia Country Report. http://www.bti-project.de/reports/laenderberichte/ecse/est/2008/index.nc.

тается осудить и «своих» и критикует власти за отход от идеалов «демократизма». Но они не определяют реальной политики, считаются кабинетными, непрактичными мечтателями, мешающими реальному делу. В результате стремление к глобальному геополитическому доминированию смешивается здесь с идеологическими целями, и что первично, сказать довольно трудно.

Интересно, что подобный спор велся и в другой идеологической империи, советской России, в период, когда там коммунистические ценности еще были предметом веры. Известны дискуссии о Брестском мире, когда идеалисты-коммунисты предлагали погибнуть, но не вступать в переговоры с «классовым врагом». Они даже почти взяли верх, но более прагматичный В.И. Ленин все же убедил коллег, что умирать не стоит, а главное – не чистота идеи, а власть идеологов. Пока они у власти, постепенный триумф идеологии во всем мире обеспечен, а гибель уничтожит такую возможность. Интересен также спор среди российских большевиков относительно необходимости исполнять обещания, данные в так называемых «декларациях Карахана», в которых Москва отказывалась от всех прав и привилегий царской России в Китае. Российский представитель в Китае А.А. Иоффе расценил нежелание Москвы выполнить эти обещания в полном объеме как гибельную тенденцию к возрождению империализма. В ответ Л.Д. Троцкий указал коллеге, что Россия бедна и укрепление ее материального положения как базы мирового коммунизма не является империализмом[4].

Даже во внешней политике И.В. Сталина, часто обвиняемого в возрождении традиционного российского империализма, в действительности сохранялся значительный идеологический элемент. В 1927 г. в одном из выступлений он говорил: «Интернационалист тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР»[5]. Расширение территории СССР было не традиционным империализмом, но укреплением и расширением области мирового прогресса.

---

[4] *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: АСТ; Восток–Запад, 2007. С. 175–177.

[5] *Сталин И.В.* Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля – 8 августа 1927 г. Международное положение и оборона СССР. Речь 1 августа // Сталин И.В. Соч. Т. 10. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. С. 51.

Точно так же сегодня действует и Запад. И пока он распространял свое влияние на малые страны Восточной Европы, все шло хорошо. Но с Россией случилась накладка. Она отказалась полностью входить в западную систему и настаивала на собственных подходах, хотя бы по некоторым особо важным для нее вопросам. И не потому, что ее лидеры были врожденными антизападниками. Как раз напротив, и Б.Н. Ельцин, и В.В. Путин начинали с уступок, пытаясь вызвать ответное движение со стороны партнеров. Но взамен они получали только пустые обещания, и под воздействием обстоятельств им приходилось занимать более жесткую позицию.

В чем заключались эти обстоятельства? Дело в том, что, согласно многочисленным опросам общественного мнения, большинство россиян не считают западное общество идеальным. В этом отличие России от Восточной Европы. Даже там у Запада есть некоторые проблемы: в Польше и Венгрии прочны позиции консерваторов-католиков, не приемлющих многие моральные нормы современной Европы, в Болгарии и Румынии сильна коррупция и слабы демократические институты. Но все эти страны сравнительно невелики, и их можно постепенно поглотить, к тому же союз с Западом для них дает надежду на благосостояние и гарантии безопасности. Россия же слишком велика, и ее вестернизация нереальна без поддержки большинства населения. Но население это не хочет вестернизироваться, его мало волнуют проблемы западного общества – права человека, равенство женщин, борьба за гомосексуальные браки и т.п. Напротив, многое из этого его раздражает. Активно возрождающиеся религиозные организации (как православные, так и мусульманские) считают Запад не идеальным обществом, но средоточием греха и говорят о необходимости собственного пути. Настойчивые попытки навязать чуждые ценности, оторвать от России культурно близких соседей и разместить войска все ближе к ее границам рассматриваются в ней как политика окружения и удушения.

Конечно, в России, особенно в крупных городах, сложилось вестернизированное меньшинство, но оно невелико. В результате сама демократия западного типа, при которой курс власти определяет большинство (или, по крайней мере, активно влияет на него), вкупе с враждебной внешней политикой Запада делает лидеров, обращающихся к этому традиционному большинству, все более популярными. На Западе по идеологическим причинам понять эту ситуацию не могут. Любая идеология, как показывают ее исследования, обладает свойством отталкивать факты, которые в нее не вписываются.

Характерна в этом отношения позиция М. Макфола, большинство прогнозов которого относительно России и мира оказывались неверными, но который по идеологическим причинам все равно считается ведущим американским экспертом по России, так как свято верит в истинность «демократизма».

В 1999 г. М. Макфол в «Journal of Democracy» утверждал, что в России демократическая система хотя и несовершенна (он называл ее «электоральной демократией»), но уже достаточно утвердилась институционально, чтобы преемники Б.Н. Ельцина могли отказаться от нее. Он писал, что «существующая электоральная демократия обладает такой же устойчивой властью, что и нелиберальные характеристики режима. Если состояние экономики будет еще длительное время ухудшаться, российская демократия не выживет. Страна нуждается в быстром экономическом переломе, который создал бы более благоприятную обстановку для будущей консолидации либеральной демократии... Любопытно, однако, что самый удивительный итог недавнего российского финансового краха – демонстрация стойкости демократии, а не ее слабости. Заявления о кончине российской демократии преждевременны»[6]. Все произошло точно наоборот: быстрый экономический подъем привел к усилению как раз нелиберальных характеристик режима. На такую возможность я указал в опубликованном в том же номере комментарии, в котором отметил, что высокий уровень плюрализма гарантируется скорее не институтами, но личными качествами Б.Н. Ельцина, а следующий лидер сможет сделать фактически все, что угодно, в том числе и серьезно ограничить плюрализм: «“Электоральная клановая система” едва ли способна перерасти в либеральную демократию. Он может приближаться к ситуации в нынешней Чечне или в Китае после 1911 г., когда центральное правительство существует только номинально, а местные военно-административные кланы непрерывно воюют друг с другом. Или же страну сможет консолидировать сильный недемократический лидер. В обоих случаях демократические свободы будут еще сильнее урезаны. В свете той роли, которую в России по традиции играли верховные лидеры... будущий российский президент... вполне сможет изменить нынешний временный баланс сил, либо изменив конституцию, либо вообще отменив ее...»[7]

---

[6] *McFaul M.* What went wrong in Russia? // Journal of Democracy. Vol. 10. № 2 (April 1999). P. 18.

[7] *Lukin A.* Forcing the pace of democratization // Journal of Democracy. Vol. 10. № 2 (April 1999). P. 40.

Позднее, во время пребывания М. Макфола на посту посла в России, после его выступления в Московском центре Карнеги 25 мая 2012 г., в котором он, в частности, защищал американскую поддержку революций в арабском мире, я задал ему вопрос, не думает ли он, что демократизация и разрушение светских авторитарных режимов в этих странах приведет к тем же последствиям, как ранее в Алжире, то есть к победе исламистов и хаосу. Ведь арабская мусульманская политическая культура явно не приемлет западные ценности, и народ проголосует за более понятных ему лидеров. М. Макфол ответил, что, по мнению американских экспертов, ситуация может пойти не по алжирскому, а по индонезийскому сценарию, а в Индонезии крах авторитаризма все же привел к демократизации. В основе этого анализа, конечно, может лежать простое незнание значительных различий между мягким исламом Юго-Восточной Азии, где он подвергся влиянию других, более толерантных религий: буддизма и индуизма. Но главное здесь, конечно, не это, а основанное на идеологии стремление видеть желаемое, а не действительное. Результат политики Запада хорошо виден сегодня: полный хаос в Ливии, где исламистами был убит американский посол, жестокая гражданская война в Сирии, возвращение в Египте к власти военных, которые только и оказались способными остановить хаос, вызванный правлением «братьев мусульман». Сегодня, снова не поняв сути происходящего, М. Макфол призывает к изоляции «неправильной» России в рамках идеологической схемы борьбы «демократии» и «автократии», к продолжению давления на нее по всем фронтам: на Украине, в Грузии, в Молдове[8]. Такой подход, естественно, приведет к еще большей конфронтации и окончательному распаду этих, а возможно, и некоторых других постсоветских государств. Кроме того, он значительно укрепит позиции сторонников авторитаризма в самой России и создаст предпосылки для формирования антизападного альянса России, Китая и, возможно, некоторых других государств Азии (Иран, Пакистан и т.д.).

Сегодня идеологизированная экспансия Запада разрывает на части близкие к России страны. Она уже привела к территориальному расколу Молдовы и Грузии, а теперь на глазах распадается и Украина. Особенность этих стран в том, что культурная граница прошла непосредственно по их территории и сохранять единство они могли

[8] *McFaul M.* Confronting Putin's Russia. The New York Times, March 23. 2014. http://www.nytimes.com/2014/03/24/opinion/confronting-putins-russia.html?hp&rref=opinion&_r=1/

только в случае, если их лидеры учитывали бы интересы как жителей регионов, тяготеющих к Европе, так и тех, кто хотел бы сохранить традиционные связи с Россией. Однобокая ставка на прозападных националистов в постсоветских государствах вызвала острые внутренние конфликты и притеснение русскоязычного населения, к чему Россия не могла оставаться безучастной. Когда же дело дошло до «братской» Украины и возникла угроза прихода НАТО в Крым, к которому в России испытывают особые чувства и жители которого в большинстве считали себя россиянами, окрепшая Россия решила, что отступать некуда.

Резкая реакция Москвы явно застала Запад врасплох. В конце марта 2014 г. главнокомандующий Объединенными силами НАТО в Европе генерал Ф. Бридлав с удивлением заявил, что Россия действует «гораздо в большей степени как противник, чем как партнер»[9]. Но с учетом того, что сама НАТО действовала так с самого своего основания, фактически не изменив подход к России после конца холодной войны, вряд ли тут стоит удивляться. Изменение политики России было только вопросом времени.

Что может нести это изменение? Конечно, хотелось бы, чтобы разум на Западе победил и предложения России по обеспечению прав пророссийски настроенного населения в бывших республиках СССР стали серьезно учитывать. Сегодня Россия выдвигает вроде бы разумные предложения, принятие которых могло бы привести к урегулированию ситуации на Украине: создание коалиционного правительства с учетом интересов восточных и южных регионов, федерализация, нейтралитет, придание официального статуса русскому языку и т.п. Но для западных идеологов принятие этих предложений означало бы не устраивающее всех решение вопроса, но торможение «плохими парнями» движения Украины в сторону прогресса, а это – идеологическое табу. В глазах Запада принять российские предложения – значит признать, что кто-то, кроме него самого, обладает правом определять, что есть общественный прогресс, что хорошо, а что плохо для других обществ и государств. Идеология «демократизма» вряд ли это допустит. И Запад, скорее всего, изберет другой подход – поддержку прозападных радикалов повсюду на постсоветском пространстве, что будет вызывать новые конфликты. России в этих

[9] Цит. по: *Croft A.* NATO says Russia has big force at Ukraine's border, worries over Transdniestria // Reuters. March 23, 2014. http://www.reuters.com/article/2014/03/23/us-ukraine-crisis-nato-idUSBREA2M0EG20140323.

условиях придется всерьез переориентировать свою политику на Юг и Восток. С одной стороны, это может помочь решению стратегической задачи ее развития – подъему собственных азиатских регионов. С другой – может поставить ее в зависимость от сильных азиатских партнеров, прежде всего Китая. Но выбора у нее нет – враждебность и непонимание Запада его не оставляет.

Порочный выбор

Говоря о том, что Россия, как и всякая страна, имеет право защищать собственные интересы, более того, неизбежно будет защищать эти интересы в том виде, как их понимает ее элита и большинство населения, нельзя не отметить и следующей тенденции. По какой-то причине в современной России сторонники либерализации общества в своем значительном большинстве полностью лишены понимания национальных задач страны, с пренебрежением относятся к чувствам и ценностям большинства ее населения, считая его ретроградным и не понимающим преимуществ европеизации и прогресса. Многие либералы считают, что уменьшение российского влияния в мире как влияния негативного благоприятно для внутренней либерализации и неизбежно должно ее сопровождать. В то же время те, кто выступает за собственную роль России в мире, укрепление ее влияния, часто сторонники жесткого внутриполитического режима, авторитаризма, а порой даже возрождения сталинизма.

Такая жесткая связь между внешнеполитическими и внутриполитическими программами многим представляется сегодня очевидной. А между тем так было в России далеко не всегда. Консерваторы в царской России обычно не были сторонниками активной внешней политики. Достаточно вспомнить славянофилов, выступавших за внутреннее развитие по особому пути, или, например, осторожный курс Александра III, заявлявшего, что «все Балканы не стоят жизни одного русского солдата», и в царствование которого Россия не участвовала ни в одной войне. Активная внешняя политика обычно, наоборот, проводилась либералами. Именно осуществивший либеральные реформы Александр II освободил Балканы, а лидер кадетов П.Н. Милюков за призывы продолжать войну на стороне союзников до победного конца вплоть до раздела Турции даже получил прозвище Дарданелльский.

Связано это было с тем, что тогда патриотизм понимался консерваторами в России как сохранение ресурсов страны и жизней

ее жителей и протест против растрачивания ее богатств на чуждые и непонятные внешние цели. В то же время большинство либералов считали, что модернизированная и даже вестернизированная Россия должна стать отнюдь не подчиненной частью западного мира, но ее законной и мощной частью с собственными интересами. Многие также полагали, что миссией России должна стать европеизация и вестернизация стран Востока, которые она лучше понимает вследствие географического положения и того факта, что в самой России имеется значительное мусульманское и буддийское население.

Трудно представить себе, чтобы А.С. Пушкин с его «Клеветникам России» или даже гораздо более радикальные декабристы выступили сторонниками превращения реформированной России в младшего партнера Англии или Франции, не говоря уже о возможности ее раздела. Между тем идея возможности и даже желательности раздела России на «несколько мелких зажиточных Швейцарий» довольно широко распространена среди российских либералов. Я впервые услышал такое предложение от известного и уважаемого диссидента К.А. Любарского в то время, когда он еще жил в Мюнхене. Однако уже вскоре подобные взгляды отразились в проекте конституции А.Д. Сахарова, предложившего всем народам СССР сформировать республики, имеющие право отделения, а саму Россию разделить на несколько округов, имеющих полную экономическую самостоятельность[10].

В подобных предложениях поражает два момента. Прежде всего, полное непонимание того, что раздел страны не может быть бескровен, он приведет к многочисленным кровавым конфликтам, в результате которых возникнет, скорее не несколько Швейцарий, а несколько Босний или Ливанов. Ход распада СССР в дальнейшем ярко это продемонстрировал. Это момент прагматический, говорящий о незнании или нежелании знать политические реалии.

Но есть и более важный, духовный момент. План раздела собственной страны говорит о непризнании ее исторической и культурной ценности, по сути об идеологической ненависти к ней. Ведь если считать, что любая, даже небольшая, страна представляет собой огромный интерес для всего человечества своим уникальным историческим путем, национальными представлениями и культурой, то тем более должна быть ценна всем этим такая крупная страна, как Россия, сыгравшая значительную роль в мировой истории, и раздел

[10] *Сахаров А.Д.* Проект. Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии. http://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_const.html.

ее на множество мелких частей должен вызывать по меньшей мере сожаление.

Справедливости ради следует сказать, что идеологическая ненависть к России, или, как сейчас говорят, русофобия, была характерна для некоторых либералов и в царской России. Такова была, например, высказанная в первом философическом письме концепция П.Я. Чаадаева, утверждавшего, что Россия якобы не имеет истории, так как истинная история существует только на католическом Западе. Примерно тогда же другой сторонник католицизма, литератор В.С. Печерин написал знаменитые строки:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!

Но все же в XIX в. такие взгляды не были характерны для либерального большинства и представлялись скорее курьезными.

В позднем же СССР и независимой России государствоборческие идеи стали доминировать в либеральном движении. Вероятно, связано это с несколькими причинами. Во-первых, движение формировалось в условиях советской системы, огосударствившей все сферы жизни. В этих обстоятельствах борьба за свободу неизбежно связывалась с борьбой не только против конкретного советского государства, но и против государства как такового. Интересны в этом плане слова из воспоминаний В.И. Новодворской: «В августе 1968 г. я стала настоящим врагом государства, армии, флота, ВВС, партии, Варшавского блока. Я ходила по улицам, как подпольщик на оккупированной территории. Именно тогда я решила, что за все эти дела... есть только одна мера наказания – разрушение государства. И сегодня, когда оно полуразрушено и лежит в крови и пыли, когда гибель его вместе со всем народом кажется весьма вероятной, во мне нет ни жалости, ни раскаяния. Да сгинь день, в который СССР родился! Пусть он станет всем нам братской могилой...»[11] Возможно, эти мысли чрезмерно радикальны и поэтичны, но отражают общую тенденцию.

Во-вторых, российские либералы были воспитаны на советской идеологии и ее отрицание понимали как создание новой идеологии с обратным знаком. Так, если власти считали СССР великим про-

[11] *Новодворская В.И.* По ту сторону отчаяния. М.: Новости, 1993. С. 22.

грессивным государством и альтернативой социально отсталому Западу, то их враги должны были видеть в нем государство порочное, которое нужно подчинить «цивилизованному» Западу. Это отношение передалось и на независимую Россию, которая, с оппозиционной точки зрения, сегодня все больше напоминает СССР.

В-третьих, сказывались и недостаточная образованность, плохое знание истории и культуры собственной страны, в особенности в ее религиозной части (что также последствие советского антирелигиозного образования), которая именно и обладает уникальным богатством, значительно отличающимся от европейской традиции.

Между прочим, и на Западе сторонники всемирной демократизации, либералы и защитники прав человека отнюдь не противятся внешнеполитическим и даже военным предприятиям своих правительств. Они лишь требуют, чтобы эти предприятия осуществлялись в интересах «демократии». Таким образом, в идеологии демократизма традиционный западный экспансионизм лишь сменил формы: если крестовые подходы шли во имя истинной религии, колониальные захваты оправдывались цивилизаторской миссией прогрессивных обществ, то бомбардировки «диктаторов» и «нарушителей прав человека» сегодня ведутся во имя обеспечения этих самых прав. Лицемерие и бессмысленность этого подхода хорошо проиллюстрированы в знаменитом интернет-меме, где в уста Барака Обамы вложены следующие слова: «Сирийцы убили сирийцев. Поэтому теперь мы должны убить сирийцев, чтобы сирийцы прекратили убивать сирийцев». Государствоборчество на Западе, особенно в США, свойственно скорее крайним консерваторам, но отнюдь не либералам. Таким образом, господство государствоборческой идеологии в либеральном и правозащитном движении сегодня по сути является таким же пережитком советской системы, как и попытки прямо восстановить атрибуты и символы СССР, но только с обратным знаком.

Если борьба за либерализацию в современной России монополизирована антигосударственниками и примитивными западниками, не заботящимися о национальных целях России и не понимающими, что их страна не может быть простым придатком западной системы по целому ряду причин (из-за географического положения, размеров, культурных традиций, ценностей большинства населения), то борьба за российские национальные цели фактически монополизирована сторонниками диктатуры. Эта последняя тенденция особенно ярко проявилась во время недавних событий на Украине, когда в принципе благая цель по воссоединению с Крымом стала предлогом для выхода

на свет наиболее отвратительных персонажей недавнего, но забытого советского прошлого. Главными сторонниками и пропагандистами этого события стали полуфашистские и сталинистские деятели, идеологи ГКЧП, которых раньше и близко не подпустили бы к государственным телеканалам. Несогласных изгоняют из медиасообщества, а оппозиционные СМИ закрываются. Радио и телевидение говорят одним голосом, который порой срывается на шовинистический крик и призывы к ядерной войне. Многие программы телевидения все чаще напоминают поделки советского КГБ, призванные дать отпор «классовому врагу». Казалось бы, ушедшее в небытие мировоззрение советских спецслужб, согласно которому власть окружена внешними и внутренними врагами, а с ними надо вести беспощадную борьбу, опять начинает доминировать в информационном пространстве.

Нынешняя ситуация ставит россиян перед порочным выбором: либо выступать за демократизацию, но против усиления России на мировой арене, за ее превращение в младшего, подчиненного партнера Запада, либо за укрепление России, но с обязательным установлением диктатуры, национализмом и угрозой всем вокруг. Либо Дугин с Прохановым, либо Немцов с Каспаровым. С одной стороны, новые кумиры общества в виде вороватых олигархов, гламурных телеведущих и бульварных барышень, занимающихся половыми сношениями с курицами в супермаркетах и хулиганством в церквях, с другой – агрессивные бесноватые националисты, марширующие колоннами в одинаковой форме по улицам Москвы. И никакой середины.

Первая позиция подозрительно отвечает интересам коррумпированной компрадорской прослойки во главе с олигархами и крупными чиновниками, которые опасаются за свои сбережения и недвижимость в Лондоне. Для них хаос и развал 1990-х – милое дело: можно, пользуясь связями в правительстве, безнаказанно грабить свой народ, а награбленное – вывозить за границу. Определенная доля плюрализма тут даже полезна, ведь диктатура может обратиться против воровства: не надо забывать, что именно Б. Муссолини наиболее эффективно искоренял итальянскую мафию.

Основа второй тенденции – все более поглощающая Россию идеология спецслужб, с ее знаменитой теорией авторитарного «крюка», который якобы только и мог спасти Россию от развала, психологией осажденной крепости, поисками врага в любом соседе и предателя в каждом инакомыслящем. Сегодня ее носителей, в отличие от советских и ельцинских времен, более не сдерживает политическая власть, потому что они сами и есть власть.

Кого здесь выбрать? С одной стороны, «ворюги мне милей, чем кровопийцы», способные вернуть страну в ГУЛАГ, с другой – я симпатизирую «собиранию русских земель», какой-то большей рациональности нынешнего государства, потому что авторитаризм когда-то рухнет, а страна останется. А смогут ли сохранить ее оппозиционеры-западники, многие из которых, кстати, уже были у власти и прославились только поощрением системы воровства и хаоса, весьма сомнительно. Ситуация крайне сложная. Для меня символом этой сложности стал выдающийся бард А.М. Городницкий, написавший в 2007 г. знаменитую песню «Севастополь останется русским», ставшую фактически неформальным гимном города, а сегодня подписавший письмо интеллигенции против «аннексии Крыма». Но почему такой порочный выбор вообще необходим? Почему нельзя быть сторонником свободной, но сильной и самостоятельной России? Ведь именно за такую страну всегда и боролся российский либерализм. Запад для него был идеалом лишь в смысле некоторых элементов внутреннего устройства, но российские либералы никогда не идеализировали его прагматическую, часто антироссийскую внешнюю политику. И уж только отъявленные террористы и враги Российского государства, типа большевиков, выступали за «превращение войны империалистической в войну гражданскую».

И сегодня тесная взаимосвязь демократии с внешнеполитическими целями Запада – не более чем миф российской либеральной оппозиции. Строго соблюдая верховенство закона внутри своих стран, западные лидеры гораздо более прагматично относятся к международному праву. Не Россия, а Запад уничтожил идею создания новой системы мировой политики, основанной на международном праве, возможность для чего возникла после крушения СССР. Не Россия, а Запад, уверовав в «конец истории», воспользовался временным всесилием, чтобы создать мир, в котором можно хватать все, что плохо лежит, крушить любые границы, нарушать любые договоренности ради «благой цели». Не Россия, а Запад целенаправленно разрушал послевоенную правовую систему, основанную на суверенитете государств, продвигая теории «гуманитарных интервенций», «ответственности по защите» и т.п. Не Россия, а Запад надавил на Международный суд ООН, постановивший, что односторонняя декларация независимости Косово не нарушает международное право. Россия многократно предупреждала, что прецеденты с бомбардировками Сербии, отделением Косово, военными акциями в Ираке и Ливии подорвут систему международного права, в том числе и закрепленный хельсинкскими

документами принцип нерушимости границ в Европе. Если не Совет Безопасности ООН, то любой сильный будет сам для себя определять, в чем его «благая цель» и какой кусок себе отхватить.

В результате сегодня позиция Запада по Крыму, в которой его лидеры ссылаются на принципы соблюдения территориальной целостности и нерушимости границ, воспринимается в России не более чем глубочайшее лицемерие. В условиях новой ситуации, когда сила решает все, а идеология лишь служит для ее прикрытия, следует определить, на что должна быть направлена сила, как применяться. Представляется, что, раз не сработал принцип нерушимости границ, во внимание должно приниматься желание населения. Если крымчане хотят жить в России, то почему они не могут этого сделать, так же как каталонцы – отделиться от Испании, а шотландцы – от Британии? Ведь это оказалось возможным, например, в случаях с Южным Суданом, Восточным Тимором и т.п. Подход российских противников присоединения Крыма поражает своим прозападническим доктринерством – абстрактные принципы Запада, которые там используют лишь для других, но не соблюдают сами, для них важнее, чем чаяния миллионов людей.

В то же время совершенно не прельщает перспектива жить в осажденной крепости, где власти повсюду видят врагов, а в любом инакомыслящем – предателя и пятую колонну. Несомненно, что большинство россиян не хотели бы делать этого порочного выбора. Согласно многочисленным опросам, это большинство любит свою страну, хочет, чтобы она была сильной и процветающей, но также ценит возможность свободного передвижения, выезда за границу, озабочено коррупцией и безответственностью власти и вовсе не мечтает о восстановлении сталинизма или установлении националистической диктатуры.

Необходимость порочного выбора ведет многих талантливых людей к выезду из страны. Я знаю это по многим студентам, которые, за исключением работы в органах власти и управления, где сегодня возможны высокие доходы, не видят особых перспектив трудоустройства. Ведь за все прочие профессии – в науке, образовании, медицине, на производстве, в частном бизнесе – за границей платят больше, да и жизнь там гораздо более спокойна и благоустроена. Причем речь уже идет об эмиграции не только на Запад, но и в страны Азии: Китай, Таиланд, Индию и др.

Из этой ситуации есть только один выход. Людям надо предложить третий путь, который будет отвечать чаяниям большинства.

Этот путь – соединение нормального, умеренного патриотизма, естественным образом свойственного жителям большой и гордой своей историей страны, с умеренным же либерализмом, выражающимся в стремлении жить свободнее, по закону, без воровства и коррупции, с развитым самоуправлением. Европейский путь или европейский вектор развития России должен означать не подчинение ее интересам ЕС, а заимствование позитивных и приемлемых для России элементов европейского государственного устройства, прежде всего – верховенства права, конструктивное взаимодействие с Европой и США, разъяснение своей позиции при жестком отстаивании собственных интересов. Сторонники этого пути должны не пропагандировать никому не интересные в России и раздражающие большинство граждан ценности «демократизма», типа феминизма и гомосексуальных браков, а сосредоточиться на реальных проблемах страны, заботящих население: борьбе за независимую систему правосудия, против коррупции и нелегальной миграции, против привилегий властной касты, национализма и ксенофобии. При этом необходимо пояснять, что именно эти явления как раз и мешают России стать великой и мощной страной. Только такое истинно либеральное движение способно дать стране перспективу и сделать жизнь в ней комфортной для большинства россиян, а саму ее – популярной и привлекательной в мире.

Возможна ли другая демократия?[1]

Во второй половине XX в. в политической науке и, особенно, в настроениях политических элит большинства стран мира утвердилось представление о том, что демократия является идеальным или, во всяком случае, наилучшим из возможных общественным строем. На политической арене практически не ведется споров о том, хороша или плоха демократия, спорят лишь о том, какая демократия более демократична и что является истинной демократией. В совместном заявлении экспертов, участвовавших в проведенном под эгидой ЮНЕСКО в 1951 г. симпозиуме «Демократия в мире напряженности», отмечалось: «Впервые в мировой истории никакие доктрины не выдвигаются как антидемократические. Обвинения в антидемократических действиях или подходе часто направлены против других, но практические политики и политические теоретики согласны, подчеркивая демократический элемент в институтах, которые они защищают, и в теориях, которые они отстаивают»[2].

Как замечали многие авторы, это стремление любого современного правительства и общественного движения называться демократическим настолько расширило значение термина, что почти лишило его реального содержания[3]. Тем не менее это содержание не исчезло окончательно. В данной статье говорится о понимании демократии, наиболее широко распространенном в современном мире и зафиксированном в большинстве международных документов. В рамках этого понимания важнейшими чертами демократического общественного устройства считаются периодическая смена политического руководства путем свободных выборов, основанных на голосовании, и обеспечение максимально широких индивидуальных прав и прав меньшинств, реализуемых в национальном государстве. Цель данной статьи – показать, что, во-первых, такое устройство в гораздо меньшей степени, чем ряд других, может претендовать на название «демократия», а закрепление за ним такого названия является исто-

[1] Написано в 1995 г. Обновлено и отредактировано в 2013 г. Впервые опубликовано в журнале «Полис. Политические исследования» (2014. № 1 (139). С. 10–27).

[2] *McKeon R.* (ed.). Democracy in a World of Tensions. P.: UNESCO, 1951, P. 522–523. http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001335/133513eo.pdf.

[3] См., например: *Даль Р.* Демократия и ее критики. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 8.

рической случайностью и, во-вторых, что оно, даже с точки зрения достижения целей, которые обычно провозглашаются его сторонниками, отнюдь не обязательно является наиболее разумным и предпочтительным.

Видный теоретик современного либерализма И. Берлин писал, что демократия вовсе не во всех случаях обеспечивает более высокий уровень свободы и что можно представить себе просвещенный авторитарный режим, который обеспечивает бóльшую свободу творчества, чем какой-то конкретный демократический, где доминирующее большинство установит жесткую цензуру[4]. Поэтому, если считать целями общественного развития достижение большей степени свободы и благосостояния, с чем согласятся все сторонники демократии, бездумное и повсеместное навязывание лишь одной ее формы является тем более неразумным. Попытаемся последовательно критически рассмотреть три столпа современной демократической мифологии и каждой из них предложить не менее, а может быть, и более легитимную и разумную альтернативу.

1. Власть народа и выборы

Выборы путем голосования сегодня считаются основой демократии почти во всех ее концепциях и практических применениях. Одно из наиболее мощных направлений в современной политической науке придерживается мнения, высказанного Й. Шумпетером еще в 1942 г., согласно которому выборы вообще являются единственным объективным критерием демократии[5]. Но даже те, кто считает, что демократия должна определяться некоторым набором признаков, всегда ставят выборы на одно из первых мест в этом списке. В практической же политике и общественном сознании определение Й. Шумпетера получило всеобщее распространение. Как сегодня определяют, является ли то или иное государство демократическим? Естественно, прежде всего узнавая, сменилось ли его руководство в прошлый раз путем всеобщих выборов.

По поводу подобной трактовки демократии можно высказать (и неоднократно высказывалось) множество соображений. Заострим внимание лишь на одном из них. Под определение Й. Шумпетера никак не подходит та демократия, которая, собственно, и дала нам

[4] *Berlin I.* Two Concepts of Liberty // Berlin I. Four Essays on Liberty. Oxford (New York): Oxford University Press, 1969.

[5] *Schumpeter J.A.* Capitalism, Socialism, and Democracy. N.Y.: Harper, 1942. P. 269.

это понятие, а именно, греческая, прежде всего афинская демократия. Известные источники по афинскому государственному строю, в первую очередь «Афинская полития» Аристотеля, свидетельствуют, что демократией в Древней Греции назывался строй, при котором граждане принимали непосредственное участие в управлении государственными делами. Это участие обеспечивалось, во-первых, правом каждого участвовать в периодически собиравшемся высшем органе государственной власти – Народном собрании и, во-вторых, равной возможностью каждого занять практически любую государственную должность на основании жеребьевки. Голосованием в Афинах замещалось лишь небольшое число специфических должностей, требовавших особого профессионализма, в частности стратегов (командующих войском). Строй же, основанный на выборном занятии руководящих должностей, именовался в Древней Греции аристократией либо олигархией, которая, как считалось, выражала интересы зажиточного меньшинства[6]. Такое понимание сохранилось до XVIII в. Автор статьи «Представительство» в знаменитой французской «Энциклопедии» П. Гольбах писал: «В чисто демократическом государстве нация, собственно говоря, не представлена: весь народ сохраняет за собой право излагать свою волю на общих собраниях всех граждан. Однако, как только народ выбрал своих магистратов, которым вверил свою власть, они становятся его представителями, и в соответствии с большей или меньшей властью, которую народ сохранил за собой, образ правления либо становится аристократическим, либо остается демократическим»[7].

Понимание демократии как непосредственного правления народа, основанного на избрании политического руководства жребием, сохранялось довольно долго, во всяком случае гораздо дольше, чем впоследствии ее отождествление с представительным правлением. Более того, система жребия действовала на практике и позднее, например в Венецианской республике, дожившей до наполеоновских времен. Демократия понималась как непосредственная власть народа еще у Ш. Монтескье, который поэтому считал возможным лишь частичное ее осуществление при республиканском правлении и полностью невозможным в крупных государствах.

---

[6] Как олигархию, например, Аристотель определяет правление Четырехсот, когда после крупного военного поражения в 411 г. до н. э. для управления Афинами было избрано четыреста представителей.

[7] Статьи из Энциклопедии Дидро и д`Аламбера. Представители. http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Encycl/enc-13.htm.

Даже родители современной демократии – отцы-основатели Соединенных Штатов – в действительности еще не определяли систему, созданную ими, как демократическую, предпочитая называть ее республикой (как антитезу монархии). Для наиболее выдающегося теоретика того периода Дж. Мэдисона, разработавшего концепцию баланса властей как гарантии сохранения свободы, термин «демократия» означал скорее одностороннее правление толпы, которое привело бы к разрушению этого баланса и уничтожению свободы[8].

Соединение идеи демократии с идеей представительного правления произошло уже ближе к середине XIX в., и в дальнейшем термин окончательно приобрел свое нынешнее значение.

Впрочем, сегодня вряд ли по примеру Конфуция стоит настаивать на придании словам изначального смысла (хотя понимание их изначального смысла весьма полезно). Вопрос не в том, как назвали бы современную демократию греки, а в том, не оказалась ли в ней утерянной непосредственная заинтересованность каждого в политическом процессе и связанное с ней чувство социальной ответственности. Вопрос также в том, можно ли считать общество управляемым всем народом, если бóльшая часть населения лишь раз в несколько лет голосует за своих представителей, известных им чаще всего по пропагандистским листкам и отрывочным фразам, услышанным по телевидению, а оставшееся до новых выборов время проклинает себя за недостаточно продуманный выбор. В этой ситуации выдвигаемые такими теоретиками, как Дж. Бурнхайм[9], предложения о возможности применения жребия при занятии некоторых должностей звучат не так уж нелепо.

Прежде всего, принцип избрания по жребию вовсе не забыт в современном мире окончательно. Во многих странах он эффективно действует при составлении коллегий присяжных в суде. Применяется он и при определении очередности выступлений во многих организациях, в том числе и в ООН, а также при избрании предстоятелей некоторых православных церквей[10] и в католической церкви (например, на ряде этапов избрания Папы Римского). Конечно, отбор заседателей сегодня технически выглядит иначе, чем выборы в Древних

[8] *Hamilton A., Madison J., Jay J.* The Federalist Papers / Ed. by Clinton S. Rossiter. N.Y.: New American Library, 1961. P. 81.

[9] *Burnheim J.* Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics. Cambridge: Polity Press, 1985. P. 154.

[10] До 1917 г. он неоднократно применялся и при избрании патриархов Московских.

Афинах. Имена кандидатов не пишут на глиняных черепках или на бобах, а вводят в компьютеры. Но идея та же: каждый должен иметь равный шанс, с тем чтобы всякий элемент личной или групповой заинтересованности был исключен.

Представим себе на минуту, что подобным образом будут в одной из демократических стран избирать, например, парламент или местные советы. Политическая система страны значительно изменится. Прежде всего, исчезнет целый класс профессиональных политиков, не исполнителей, которые могли бы и далее избираться голосованием, но нынешних профессиональных законодателей и контролеров, которые сегодня, получая власть от населения, издают законы и контролируют исполнительную власть не для себя, а для других. Основное возражение, выдвигаемое в связи с подобными предложениями, – это отсутствие профессионализма у избранных ниоткуда депутатов. Однако оно обычно исходит от самих профессиональных политиков, которые в этом случае лишатся престижной работы.

В действительности, если посмотреть на состав современных парламентов и тем более местные органы власти во многих странах, трудно представить, что взятые с улицы первые попавшиеся люди были бы намного менее профессиональными. К тому же, если взять за основу механизм избрания присяжных, программа отбора должна быть составлена так, чтобы в состав органа вошли представители всех слоев населения и социальных групп. Из них обязательно окажется какое-то количество юристов, экономистов, дипломатов, ученых и других опытных людей, способных возглавить комитеты и комиссии.

Впрочем, опыт и звания нельзя абсолютизировать. В конгрессе США, например, существует абсурдное правило (правда, в последнее время несколько смягченное), согласно которому главой комитета обязательно становится член, обладающий наибольшим стажем работы в нем. Это приводит к тому, что главам комитетов часто за восемьдесят и они весьма далеки от рабочей формы. В частных беседах американские политики часто признаются, что с радостью отделались бы от этого правила, но мощное лобби «старослужащих» политиков не дает этого сделать. Небезынтересно и то, что, например, архитекторы самых успешных в XX в. китайских экономических реформ Дэн Сяопин и Чэнь Юнь не закончили даже средней школы, в то время как образованнейшие российские экономисты–авторы перехода к рыночной экономике лишь завели страну в серьезнейший тупик. Так что, возможно, порой просто лучше знать реалии своей страны, чем быть в курсе последних зарубежных экономических теорий.

Гораздо более серьезным представляется возражение тех, кто полагает, что отсутствие карьерных перспектив и необходимости ответить за сделанное на новых выборах может привести к большей безответственности и коррупции. Можно сразу сказать, что отбор по жребию не является панацеей против коррупции. Его введение преследует другие цели. Коррупция же существует всегда, и спор о том, больше ли она при той или иной форме демократического правления или при жесткой диктатуре, ведется со времен Аристотеля. Нет никаких оснований говорить о том, что знание точного срока ухода с общественной должности, в результате чего будет потеряна возможность брать взятки, но в то же время и утрачены более широкие возможности по защите от правосудия, породит бóльшую коррупцию среди недобросовестных представителей народа, чем желание быть переизбранным на новый срок, для реализации которого, с одной стороны, нужны деньги, а с другой, – чистая биография.

В любом случае уровень коррупции зависит не от формы правления, а от эффективности борьбы с ней в данном государстве. Что касается ответственности перед избирателями и желания быть переизбранным, которые заставляют во многих демократических странах эффективно работать представительные органы, то они будут заменены на чувство ответственности перед членами сообщества, каждый из которых через короткий срок может оказаться на твоем месте и работать для тебя также хорошо или плохо, как ты работал для него.

Что же мы приобретем, выбирая представителей жребием? Во-первых, будет ликвидирован карьеристский интерес в политике. Партии останутся, как существовали они и в Афинах. Однако участие в них будет направлено не на занятие общественной должности, но на оказание влияния на избранного по жребию депутата, убеждение его в правоте определенной программы. Политическая борьба будет в меньшей степени борьбой личных амбиций, но в большей – реальной дискуссией о лучших решениях и путях развития. Во-вторых, значительное количество граждан (с учетом местных органов всех уровней, вероятно, большинство) получит опыт самоуправления, причем, ожидая возможного избрания, многие будут более заинтересованно относиться к общественным проблемам, стремиться больше узнать о политике.

Будет ли такое общество более соответствовать понятию «власть народа»? Безусловно. И было бы разумно в виде эксперимента, преодолевая понятное сопротивление касты профессиональных поли-

тиков, провести отбор жребием представителей для начала в местные органы власти в каком-либо небольшом регионе.

2. Власть народа и права человека

Центром современного понимания демократии является представление о праве народа избирать своих руководителей. Выше говорилось о возможных формах такого избрания. Поговорим теперь о самом понятии народа. Кто составляет тот народ, который должен избирать своих правителей или из которого они должны избираться? Сегодня это понимают просто: весь народ, все население, имеющее равные права, независимо от пола, национальности, религиозных верований, доходов и т.п. Однако такое понимание также сложилось не так уж давно. Демократия в Греции означала власть «демоса», то есть простого или бедного народа (в отличие от «благородных»), причем, по мнению, например, Аристотеля, именно власть бедных, которые могли и не составлять большинство, отличала демократию от олигархии[11]. Правом участвовать в управлении в Афинах пользовались лишь граждане-мужчины, у которых гражданами, как правило, были и отец, и мать. Естественно, они составляли лишь меньшую часть населения города, где жили также женщины, метеки (неграждане, к которым, кстати, относился и сам Аристотель) и рабы. Кроме того, на многие должности избирались лишь обладатели определенного состояния.

В современных демократиях состав народа, то есть обладателей избирательных прав, также расширялся постепенно. Женщины, например, повсеместно получили избирательные права лишь в XX в. В США демократия на протяжении столетия сосуществовала с рабством, причем негры южных штатов, формально получив избирательные права после отмены рабства, реально смогли голосовать лишь со второй половины 60-х гг. XX в. Американские индейцы также не имели гражданских прав до первого десятилетия XX в. Расширялось избирательное право путем постепенного снижения избирательного возраста и отмены имущественного ценза. Таким образом, содержание понятия «демократия» значительно изменялось со временем: если сто с небольшим лет назад демократией могла быть названа страна, признававшая рабство, где избирательными правами не пользовались женщины и значительная часть мужского населения

[11] *Аристотель.* Политика. V (7). Античная демократия в свидетельстве современников. М.: Ладомир, 1996. С. 161–162.

(а именно о такой стране писал свой классический труд «Демократия в Америке» Алексис де Токвиль), то сегодня ее, скорее всего, назвали бы диктатурой меньшинства.

В чем же причина постоянного расширения состава избирателей, то есть понятия народа, в современной демократии, реально существующей всего лишь пару сотен лет? Ведь в Греции, например, где демократия работала не менее пяти веков, ничего подобного не происходило. Причина в принципиально новом подходе к политике, господствующем в современном западном мире, который сложился в результате соединения древней идеи правления большинства с теорией естественных прав. В Греции люди не считались равными в политическом отношении только на том основании, что принадлежат к человеческому роду. Существовали не люди вообще, а люди-рабы и люди-эллины, люди-мужчины и люди-женщины, люди-граждане и люди-метеки. Поэтому и то, что такой признак, как участие в управлении, характеризует только свободных людей-мужчин, не представлялось странным. Идея прав человека как человека была чужда древним грекам, у которых, как утверждают некоторые исследователи, не существовало и единого термина для выражения понятия «право»[12]. Государство было лишь корпорацией граждан, которые, объединившись, обеспечивали себе хорошую жизнь. Оно не стремилось к метафизической цели и не имело сверхзадачи, его целью, по выражению Аристотеля, была общая (естественно – граждан) польза, великий философ даже определял государство как «свободное общение граждан»[13].

Идея естественных прав, принадлежащих всем членам человеческого рода только на том основании, что они родились людьми, принадлежит к более позднему времени. Она развилась из христианского провозглашения равенства людей в Боге, но лишь на христианском Западе, в особенности в протестантизме, и постепенно эволюционировала в идею равенства людей перед земной властью[14]. Идея демократии как правления народа, соединившись с идеей равенства всех людей, неизбежно требовала включения в состав «народа» все большего и большего количества населения: если негр человек, он равен белому, если он равен белому, он имеет такое же право голосовать (то

[12] См.: *Dagger R.R., Ball T., Farr J., Hanson R.L.* (eds.). Political Innovation and Conceptual Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 294–298.

[13] *Аристотель.* Политика. IV (7). Античная демократия в свидетельствах современников. С. 160.

[14] *Dagger R.R.* Op.cit. P. 298–303.

же для женщин, бедных, молодежи и т.д.). Исторически такой подход привел к значительному увеличению людей, участвующих в управлении, и, соответственно, к усилению ответственности властей предержащих перед все новыми слоями населения. Однако он имел и другую сторону, негативные следствия которой особенно сказываются в современных демократиях. В рамках западной цивилизации, где политический процесс был постоянно связан с борьбой за все новые права, считавшиеся принадлежащими человеку по праву рождения, самой целью существования цивилизации, государства и общества стало считаться обеспечение этих прав, права стали превращаться в самоцель. Несмотря на появление теорий типа утилитаризма, призывавшего считать целью политики наибольшее счастье наибольшего числа людей и отрицавшего теорию естественных прав. Так, основатель теории утилитаризма И. Бентам, четко уловив во французской Декларации прав и свобод человека тенденцию к абсолютизации прав, способной помешать целям общественного развития и привести к анархии, называл естественные права «обычной чепухой», а естественные и неотъемлемые права – «риторической чепухой» или «чепухой на ходулях»[15]. Но лицо демократии XX в. определялось другими теориями. Доминирующим положением идеологии западного «демократизма» стало то, что человек не может быть счастлив, не обеспечив всех своих естественных прав. Причем список этих прав, меняющийся с ходом истории, в каждый данный момент признавался окончательным и необходимым для всех обществ и исторических эпох. Идея эта, при определенных условиях играющая позитивную роль, иногда может стать вредной и даже опасной. Это происходит, когда в жертву абстрактно понимаемым естественным правам приносятся все прочие соображения, например интересы общества в целом.

Конечно, разговоры об общественном благе как цели общества в целом, отдельной от интересов его членов, доведенные до крайности, могут стать еще более опасным, чем доведенная до крайности идея абстрактных прав. Тут необходим разумный баланс. Тем не менее полная утеря общественной перспективы и принесение в жертву интересов большинства эгоистичным интересам отдельных меньшинств, к чему близки современные демократии, не только опасны для общества и государства, так как грозят им разрушением и унич-

[15] An Examination of the Declaration of the Rights of the Man and the Citizen Decreed by the Constituent Assembly in France // The Works of Jeremy Bentham, Now First Collected: Under the Superintendence of His Executor, John Bowring. Edinburgh, 1839. P. 501.

тожением каких бы то ни было прав, но и подрывают основу демократии – принцип правления большинства.

В связи с этим осмелюсь высказать еще одну мысль, грозящую вызвать негодование либерального политического истеблишмента: концепция естественных прав и ее прямая наследница – современная идеология врожденных и естественных прав человека – часто играет в сегодняшней мировой политике негативную и даже разрушительную роль.

Хотелось бы сразу подчеркнуть, что этот тезис не означает критику самой необходимости обеспечения индивидуальных прав или даже полезности их постепенного расширения. Негативную роль для общества играют вовсе не эти процессы, но идея врожденности и естественности прав, их понимание вне исторической и социальной реальности. Такое понимание прав вовсе не самоочевидно и именно поэтому, вероятно, возникло и развилось лишь в ограниченных рамках христианской, точнее, западнохристианской цивилизации и до сих пор является чуждым большей части остального мира.

Замечательная иллюстрация этого – взгляды известного сторонника и теоретика «восточноазиатского» взгляда на мир бывшего лидера Сингапура Ли Куан Ю. В одном из интервью американскому журналу «Форин афферз» он говорил, что сохранил в Сингапуре систему выборов «один человек – один голос» только потому, что она осталась в наследство от метрополии Британии. «Но лично я убежден, что наша система была бы лучше, если бы мы предоставили каждому семейному мужчине старше 40 лет два голоса, потому что он, скорее всего, будет более осторожен при голосовании, отдавая голос также и за своих детей. Он с большей вероятностью, чем капризный молодой человек до 30 лет, будет голосовать серьезно... Идеально – от 40 до 60 лет, а после 60-ти им следует вернуть один голос, но это будет трудно сделать»[16]. Не оценивая конкретное предложение восточноазиатского политика, можно с уверенностью сказать, что оно стало возможным только в рамках понимания участия в выборах не как естественного права человека (согласно которому систему «один человек – один голос» нельзя даже обсуждать), но как механизма достижения определенных общественных целей.

Напротив, самоочевидным является то, что люди, в противоположность утверждениям вождей американской и французской рево-

[16] *Zakaria F.* Culture is Destiny. A Conversation with Lee Kuan Yew // Foreign Affairs. Vol. 73. № 2. March–April 1994. P. 119.

люций, не являются равными от рождения, они различаются по всем показателям: весом, ростом, цветом кожи и глаз, общественным положением, талантом и многим другим. Что же касается прав, то младенец не имеет их вовсе и лишь может приобрести некоторые права по мере взросления и получения соответствующего общественного положения. Таким образом, теория естественных прав в лучшем случае может обозначать не общественную реальность, а общественную цель (это отмечал еще И. Бентам).

Неочевидность естественности прав, вероятно, была причиной того, что для возникновения теории общественного договора, согласно которой общество сформировалось благодаря добровольному делегированию его членами части своих естественных прав государству, потребовалась существенная аберрация реальности. Она стала возможной лишь после того, как христианство с его верой в равенство всех людей в Боге стало знаменем борьбы против социального гнета в период реформации, и особенно в период буржуазных революций. После же отхода основных теорий общественного развития от религии в эпоху Просвещения она полностью потеряла свой теологический характер: права из дарованных Богом фактически сами превратились в фетиш.

Именно эта теория и сегодня царит как в умах западных политических философов, так и в общественном сознании. Например, обе наиболее известные и во многом противоположные современные политические философии: Р. Нозика, призывающего к минимальному государству, и Дж. Роллза, выступающего за государство, обеспечивающее основные потребности граждан, основаны на концепции естественных прав и общественного договора[17]. Дискуссия между Дж. Роллзом и Р. Нозиком символизирует основной политический спор, который ведется в современной западной политике и который можно условно назвать спором между коммунитаристами и либертарианцами или социал-демократами и консерваторами. Однако в отношении существования естественных прав в западной политической теории и особенно в западном политическом сообществе господствует консенсус.

В чем опасность этого консенсуса? Требование немедленного осуществления в любой точке земного шара всех прав, которые в данный исторический момент считаются естественными общественным

[17] См.: *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008; *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.

или элитным мнением Запада, при определенных условиях способно серьезно подорвать их достижение большей свободы и большего благосостояния. Какой смысл, например, имеет введение всеобщего избирательного права и представительных учреждений в отсталой стране третьего мира, если это ведет к немедленному установлению там диктатуры и к ликвидации даже тех ограниченных свобод, которые существовали при колониальном режиме? Нужно ли требовать немедленной демократии западного образца в Китае, если это грозит расколом страны и гражданской войной в государстве с более чем миллиардным населением и ядерным оружием?

Одним из ярчайших примеров безумства демократических активистов и демократических политиков является политика Великобритании при передаче Китаю Гонконга. Добившись в результате упорных переговоров с китайскими коммунистами обещания сохранить те свободы в Гонконге, которые сами британцы осмелились дать жителям колонии лишь в самые последние годы своего векового правления, британское правительство послало в колонию нового губернатора, политика К. Паттена, большого сторонника прав человека. Против желания Пекина, но в соответствии со своими демократическими убеждениями и требованиями китайских демократов К. Паттен ввел в Гонконге полную демократию: полностью избираемый законодательный орган и прямые выборы в него. К сожалению, такая демократия просуществовала в Гонконге лишь несколько месяцев, так как пекинские руководители, не без резона считая, что англичане сделали все это только для того, чтобы им насолить, отменили практически вовсе прямые выборы в Гонконге. Чего же добились демократические доктринеры и не полезнее ли была для дела свободы позиция тех в Англии, кто выступал за поддержание взаимопонимания с Пекином, чтобы сохранить хотя бы тот ее уровень, который уже существовал?

И в современных «развитых демократиях» абсолютизация борьбы за права ведет к множеству проблем и порой доходит до абсурда, распространяя права на зародышей, коров, баранов, лисиц и томящихся в зоопарках диких животных. Чего стоит всерьез ведущаяся среди западных специалистов по «животной этике» дискуссия о том, возможен ли секс с животными с моральной точки зрения. И те и другие говорят, что на животных должно быть распространено «право на согласие», но одни считают его неприемлемым лишь потому, что животные свое согласие не могут «ясно выразить», а другие – что могут, поэтому проблем нет. В конце 2012 г. подобная дискуссия вспыхнула

в Германии уже среди законодателей, запретивших зоофилию (ранее она была разрешена) на основании необходимости соблюдения прав животных.

В Великобритании недавно всерьез говорили о праве школьников выбирать учителей (в одной из школ это право было предоставлено). Осуществление этой идеи грозит полным уничтожением уже и так практически неработающей системы государственного среднего образования. Движение за права меньшинств в США дошло до того, что во многих учреждениях введены правила о том, какими словами надлежит называть членов тех или иных меньшинств (что практически равно введению цензуры), и любое отклонение от принятых норм грозит санкциями. Многостраничные правила о «сексуальном приставании» дают возможность трактовать любой кивок в сторону женщины как покушение на ее права. Массовые демонстрации англичан против транспортировки по морю баранов, во время которой животные якобы испытывают чрезмерные страдания, приводят к разорению фермеров. Предоставление гомосексуалистам и лесбиянкам права не только создавать семьи, но и усыновлять детей грозит полностью изменить не только мораль, но и репродуктивные установки западной цивилизации и создать целый слой морально неполноценных детей.

Кроме того, инерция борьбы за права меньшинств приводит к явному перекосу общественного мнения в их пользу за счет большинства. Например, в западных странах сегодня можно до бесконечности публично говорить о необходимости развивать «черную культуру», «черные ценности», говорить о правах негров и т.п., и это почему-то не вызывает обвинений в расизме, однако подобные обвинения (и вполне заслуженно) сразу же обрушиваются на сторонников белой культуры и белых ценностей. То же можно сказать и о предпочтительном отношении к правам женщин по отношению к правам мужчин, прав инвалидов по отношению к правам здоровых, прав гомосексуалистов по отношению к правам гетеросексуалов и в отдельных вопиющих случаях (как, например, у особо ярых английских борцов за права животных или у Брижит Бордо с Андреем Макаревичем) даже прав животных по отношению к правам людям. Такой перекос ведет к подрыву основы либеральной демократии, исторически основанной на признании равенства прав граждан (в том числе прав членов меньшинства и большинства как отдельных личностей) и преимущества индивидуальных прав над коллективными.

Конечно, постановка других по отношению к правам целей общественного развития поставит вечный вопрос о том, кто и каким

способом должен определять эти цели и не приведет ли навязывание общественных целей меньшинством при игнорировании прав к их нарушению и авторитаризму. Этот вопрос законен, механизмы определения общественных целей необходимо совершенствовать, они должны быть демократичными, то есть участие должно принимать общество в целом, а не отдельные узурпировавшие это право лица или слои. Но это нисколько не умаляет необходимости понимания того, что сами права не могут быть целью общественного развития – это лишь инструмент для достижения чего-то другого, к чему стремится общество.

Соблюдение прав граждан, безусловно, жизненно необходимо для свободного общества. Однако это совершенно не предполагает сохранения мистической веры в естественные права, якобы приобретаемые самим актом рождения. Права являются общественным установлением, важно не только то, что прав нет вне общества, но и то, что и содержание понятия права, и сам состав прав, считающихся первостепенными для соблюдения, изменяются от общества к обществу исторически и географически. Например, признание в XX в. определенного набора прав необходимыми для соблюдения в странах, признающих себя демократическими, и закрепление этого набора в международных документах (прежде всего, во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г.), является важнейшим шагом в направлении гуманизации и либерализации человеческой цивилизации в целом. Однако абсурдно называть эти права «универсальными» в том смысле, что они должны служить критерием оценки любого общества и немедленно повсеместно осуществляться. Такой доктринерский подход, как показано выше, может привести к обратным результатам. Рост свобод может происходить лишь постепенно, и не нужно молниеносно навязывать всем без разбору стандарт, к которому сама западная цивилизация пришла в результате нескольких столетий борьбы и потрясений.

Для дальнейшего углубления цели демократического развития современному политическому сообществу было бы весьма полезно отказаться от теории врожденных, или естественных, прав, а также основанной на ней концепции универсальных прав человека и вернуться к более прагматичному подходу к ее осуществлению. В качестве основной цели необходимо считать не обеспечение абстрактных прав сегодня и сейчас, пусть в ущерб уровню свободы и благосостояния в обществе в целом, но достижение большего уровня свободы и благосостояния в конечном счете. Такой подход снимет табу с обсуждения ряда вопросов, которые сегодня считаются «неприличными».

Например, право голоса придется считать не врожденным правом каждого, удосужившегося родиться человеком, но предоставляемой ему обществом возможностью участвовать в общественном управлении, которая должна сопровождаться определенной долей ответственности. Для такой трактовки есть все основания. Во-первых, на практике именно таким образом и предоставляются государством избирательные права гражданам, достигшим совершеннолетия. Во-вторых, всеобщее избирательное право в чистом смысле все равно является мифом и тесно связано с тем, кто считается «зрелым» человеком в данный исторический период. Раньше таковыми не считались бедные, рабы и женщины, сегодня – молодежь до 18-ти лет, но так в доктринерском порыве можно дойти и до участия в выборах зародыша, о правах которого уже сегодня говорят противники абортов.

Понимание того, что возможность принимать участие в управлении обществом не приходит с рождением, позволяет задаться, например, таким вопросом: а осуществляет ли свободный выбор неграмотный, голосуя крестиком или отпечатком большого пальца, знающий только своего помещика или вождя, и не стоит ли в определенных случаях ввести элементарный экзамен на грамотность или хотя бы на знание партий, имен и программ тех, за кого голосуют, при предоставлении избирательных прав (кстати, неграмотных достаточно и в развитых демократиях)? Тогда тот, кто голосовал, не рвал бы на себе волосы в течение всего срока полномочий избранника оттого, что как следует не узнал, за кого голосует. Конечно, в этом случае общество будет обязано обеспечить все возможности для обучения. Или другой вопрос: имеет ли право на участие в управлении обществом тот, кто отказывается вносить свой вклад в его бюджет, например лица, принципиально не платящие налогов, преступники либо безработные и бродяги, намеренно отказывающиеся от работы. Возможно, общество из гуманных соображений и должно снабжать последних минимально необходимым для жизни, но зачем давать им право решать, кто будет управлять государством, которое им не нужно. Можно спросить, разумно ли пропагандировать права гомосексуалистов, в особенности их право на создание семьи и усыновление, если его предоставление грозит нарушить естественное воспроизводство человечества. Наконец, можно задаться вопросом, разумно ли запрещать использовать животных для медицинских опытов, если это может привести к остановке разработок новых методов лечения и новых лекарств. Дать ответы на эти и другие подобные вопросы не входит в задачу данной статьи, но начать обсуждать их надо, а для этого необ-

ходимо отказаться от абсолютизации прав, с тем чтобы политическое сообщество могло вернуться к более прагматичному подходу.

3. Власть народа и идея национального государства

В современном политическом сообществе господствует мнение о непосредственной связи между демократией и национальным государством, убеждение в том, что современная демократия родилась вместе с таким государством и только и возможна или, по крайней мере, наиболее вероятна в нем. Идея единства целей демократизации и национального самоопределения доминирует в западной политической риторике и практической политике по крайней мере с 1919 г., когда она была официально провозглашена в выступлениях В. Вильсона, закреплена в документах Версальской конференции и была положена в основу документов Лиги Наций. Однако серьезный исторический анализ заставляет согласиться с мнением, высказанным известным американским исследователем национального государства А. Коббаном о том, что «связь между национализмом и демократией и, тем самым, самой теорией самоопределения могла стать результатом не их внутренней взаимозависимости, но исторической случайности»[18].

Для понимания истоков этой случайности необходимо рассмотреть эволюцию европейских взглядов на государство и понимания самого термина «нация». Как это ни парадоксально, понятие нации пришло в мировую политику задолго до возникновения теории национализма. Когда французские революционеры в Декларации прав человека и гражданина провозгласили, что «источником суверенной власти является нация» и «никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации»[19], они имели в виду вовсе не нацию как этническую общность. Использованный здесь латинский термин нация (*natio*) употреблялся в средневековом праве для обозначения стороны договора или субъекта права, представляющей определенную территорию или ее население, но отличную от монарха. В язык Великой французской революции он попал из сочинений просветителей, которые развили его средневековое значение для обозначения совокупности лиц, проживающих на территории государства как истинного источника государственной

[18] *Cobban A.* The Nation State and National Self-Determination. N.Y.: Thomas Y. Cromwell Company, 1970. P. 44.

[19] Декларация прав человека и гражданина 1789 года // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 26–29.

власти, который только и вправе делегировать ее либо монарху, либо избранным представителям. Нация здесь противопоставлялась Богу как источнику власти монарха в средневековой идеологии и самой монархической власти, а не другой нации, и не подразумевала этнической или культурной общности. Так, французские просветители Д. Дидро и Ж. Д'Аламбер в знаменитой «Энциклопедии» объясняли, что нация – это «общее слово для обозначения значительного количества людей, проживающих на определенной территории страны, ограниченной определенными рамками, и подчиняющихся одному правительству»[20]. «Что такое нация? – спрашивал идеолог и участник французской революции Э.-Ж. Сийес. – Группа партнеров, объединенных единым законодательством и представленных в одном законодательном органе»[21].

Идея о том, что основу нации составляет культурное или этническое единство, зародилась гораздо позднее. Большинство исследователей здесь разделяет мнение, высказанное известным теоретиком демократии Э. Баркером, согласно которому «самосознание наций является продуктом XIX в.»[22]. Идея национализма зародилась первоначально в недрах немецкой философии и литературы, а затем выплеснулась в политическую жизнь в освободительных войнах в Италии, Греции, Венгрии, Польше и других регионах. Так как, в отличие от французских революционеров, подобные движения боролись не просто с монархией, но с господством чужеродной монархии (австрийской, российской или турецкой), они брали на вооружение как демократические лозунги французской революции, так и став-

[20] L'Encyclopédie // 1re édition. Vol. 11. https://fr.wikisource.org/wiki/L%E2%80%99Encyclop%C3%A9die/Volume_11#NATION.

[21] Цит. по: *Kedourie E.* Nationalism. L.: Hutchinson & Co., 1961. P. 6. Это значение слова «нация» сохраняется в европейских языках, но отсутствует в большинстве неевропейских, куда оно пришло уже после изменения значения. Например, в сочетаниях «национальная политика» (national policy), «национальные интересы» (national interests), в названиях таких организаций, как Лига Наций или ООН, часто и в обыденном английском словоупотреблении под «нацией» (nation) понимается совокупность населения государства или само государство. ООН, например, является объединением государств, а не этнических наций, и точный перевод на русский звучал бы как «Организация объединенных государств». Это значение полностью отсутствует у русского слова «нация». Далее к Востоку, например в китайском и японском языках, эти значения вообще разделились на два слова: нация-этнос (соответственно «миньцзу» и «миндзоку», 民族) и нация-государство («гоминь» и «кокумин», 国民).

[22] *Barker E.* National Character. 3rd ed., 1939. P. 123; см. также: *Kedourie E.* Nationalism. London. P. 9; *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell, 1983.

шие к тому времени модными идеи национального самоопределения, возрождения национального духа и т.п. Однако явление это было временно, и, как показал дальнейший ход истории, национализм вполне может существовать и без демократии.

Может ли существовать демократия без национализма? Конечно, в течение XX в. демократия ушла от радикально-националистических (и порой расистских) представлений, двигавших европейскую колониальную политику, согласно которым один народ (или одна раса), достигший высшего, наиболее совершенного способа управления (демократического) и тем самым более высокого уровня цивилизации, может насильственно насаждать эту цивилизацию среди неразумных и отсталых народов мира. Но и сегодня остатки этой идеологии все еще проявляются, например, в американской мессианской политической риторике и основанных на ней некоторых внешнеполитических акциях США, во французской африканской политике, наконец, во всем сохраняющемся в США и Европе ощущении морального преимущества и исторической миссии западной цивилизации. При этом национализм в виде веры в справедливость и полезность национального самоопределения, в то, что каждая этническая общность имеет право на создание своего государства, в котором только и может быть обеспечена демократия, во многом продолжает составлять основу западного политического мышления.

По сути, эта идея является неосуществимой и крайне вредной, по своей разрушительной силе нисколько не уступающей утопическим планам по созданию общества всеобщего равенства или обеспечению мирового господства одной нации. Утопична она потому, что чисто национальное государство является мифом. В мире нет ни одного государства, «чистого» в этническом или культурном отношении, причем даже те из них, которые приближаются к национальной однородности, не были созданы нациями, но, напротив, скорее нации образовались в них в рамках уже существующих государственных границ. Как верно указывает тонкий исследователь национализма Э. Кедури: «Франция является государством вовсе не потому, что французы составляют нацию, но потому, что французское государство является результатом династических амбиций, обстоятельств, удачных войн, административного и дипломатического мастерства»[23]. Даже государства, образованные национальными революциями, такие как Греция, Италия, Венгрия, Польша, весьма

[23] *Kedourie E.* Op.cit. P. 78.

далеки от идеального объединения всех граждан «титульной» национальности, которая разбросана по многим странам мира.

Что же касается демократии, то ее связь с национальным государством весьма призрачна: в мире существует множество демократических, но ярко выраженных многонациональных государств (Великобритания, Бельгия, Швейцария, Индия) и еще больше недемократических государств, где подавляющее большинство населения составляет одна этническая группа (Китай, арабские государства, Вьетнам и т.д.). Впрочем, такое разделение весьма условно, так как никто еще не дал работающего, а не мистического определения нации. Такие критерии, как общность культуры, языка, религии или государственности, всегда работают лишь в некоторых случаях. Например, индийцев не объединяет ничего, кроме культурных традиций, тем не менее на протяжении веков они считали себя общностью. В то же время, несмотря на то, что в Индии существует множество религий, Пакистан был отделен от нее по религиозному признаку волей колонизаторов и теперь провозглашает себя нацией. Китайцев, как и арабов, объединяет история и культура, но они фактически говорят на разных языках, скромно называя их диалектами. При этом Китай является единой страной, но арабы, хотя и называют себя единой нацией, живут в разных государствах. Евреи на протяжении веков не имели государства вовсе, но сохранились как народ благодаря единым религиозным традициям. В ФРГ, ГДР и Австрии говорили на одном языке. При этом население ГДР, несмотря на мощную государственную пропаганду, упорно отказывалось считать себя отдельной нацией, но австрийцы себя таковой считали без всякого давления. Одним словом, как писал Э. Кедури, «расы, языки, религии, политические традиции и пристрастия настолько неразрывно связаны между собой, что не может быть ясной и убедительной причины, почему люди, говорящие на одном языке, но история и обстоятельства жизни которых во всем остальном различны, должны сформировать одно государство, а люди, которые говорят на двух разных языках, но которых обстоятельства свели вместе, не должны создать одного государства»[24].

Идея национального государства не только утопична, но и опасна, и она показала свою разрушительную силу в XX в. Цель национального освобождения, собирания нации и создания национального государства приблизительно с середины прошлого века сменила цель

[24] Ibid. P. 79.

религиозного освобождения в качестве главной причины международных конфликтов, приведя, в частности, к двум мировым войнам. Если раньше, в эпоху крестовых походов, реформации, даже в начале буржуазного периода, сотни людей умирали за истинную веру, в XX в. миллионы людей принесли свои жизни на алтарь абсурдной по своей малой значимости (по сравнению с этими жертвами) идее создания государства из тех, кто говорит с ними на одном языке и в чьих жилах течет кровь одних с ними предков. Больше того, идеей национального самоопределения, родившейся в Европе, был заражен весь мир, и впервые и в XX в. в Азии и в Африке разгорелись войны и революции на этнической основе. По сути, эта идея возрождает примитивный племенной «национализм», основанный на простом разделении мира по принципу «свой – чужой».

Несмотря на очевидность такого положения, идея полезности национальной государственности и справедливости дела национального самоопределения живет и царствует в сегодняшнем демократическом мире. Яркое свидетельство этого – абсурдная политика Запада, направленная на расчленение СССР и Югославии, в результате чего вместо двух больших диктатур и относительного спокойствия было создано множество более мелких диктатур и спровоцировано несколько войн. Причина этих конфликтов, конечно, не только в политике Запада, которая лишь подогревала их, но и в том, что идеология национально-демократической борьбы продолжает заражать антидиктаторские движения. Яркий пример тому – российское демократическое движение, для которого уничтожение СССР как многонационального государства было одним из центральных требований, причем чисто альтруистического, доктринерского характера, основанного на глубоком убеждении в том, что, как выразился один из ярких представителей российских демократов А.Е. Шабад, «кроме прав самой личности, есть еще права, проистекающие из ее национальной принадлежности»[25].

С учетом опыта распада Югославии и СССР, некоторые западные политологи начали признавать, что идея создания национального государства может не только не соответствовать современному пониманию демократии, но и противоречить ей. В изданной в 1996 г. книге «Проблемы перехода к демократии и демократической консолидации» известные американские теоретики Х. Линц и А. Степан показали, что

[25] *А.Е. Шабад.* РСФСР – случайно объединенная территория // Демократическая Россия. 1991. 10. мая. № 7 (13). С. 5.

создание современных национальных государств как в прошлом, например, во Франции и в Испании, так и сегодня в новых государствах, объявивших себя национальными (бывшие республики Югославии и СССР, прежде всего, Эстония и Латвия), повсеместно сопровождалось и сопровождается насильственным введением единых культуры и языка в ущерб правам и интересам этнических и языковых меньшинств. Согласно этим авторам, государственная политика, направленная на создание национального государства, может гармонировать с государственной целью строительства демократического общества, только когда конфликты между двумя этими различными курсами уменьшаются. Это происходит, если «эмпирически почти все жители государства идентифицируют себя с одной субъективной идеей нации и нация практически близка государству. Эти условия удовлетворяются, когда не существует значительных невоссоединенных территорий за пределами государственных границ, если в государстве существует (или пробуждается) лишь одна нация и если там невелико культурное разнообразие. По сути дела лишь при таких обстоятельствах руководители правительства могут одновременно проводить курс на демократизацию и создание нации-государства»[26]. В любом случае Х. Линц и А. Степан приходят к выводу, что «в современных условиях, когда каждая значительная группа имеет своих интеллектуалов и писателей, распространяющих национальные культуры, когда системы коммуникаций значительно расширяют возможности мигрантов поддерживать постоянную связь со своими исходными культурами и когда демократические нормы допускают определенную долю поликультурности, направленные на обеспечение однородности меры, даже если формально не противоречат демократии, вряд ли будут способствовать ее построению. Если титульная нация действительно хочет иметь нацию-государство с подлинно гомогенным населением, соблазнительным методом достижения этой цели весьма часто становится та или иная разновидность этнической чистки»[27].

---

[26] Приводимые авторами примеры (Португалия, Греция, Польша, Чили, Уругвай и Аргентина) не убеждают. Например, большое количество греков живет в соседних странах, что создает серьезные проблемы; границы Польши сдвигались несколько раз, вокруг чего в стране ведутся споры; Португалия сталкивается с проблемами португальцев, живших в колониях и возвращающихся из них; что же касается государств Центральной и Южной Америки, то о нациях в них вообще можно говорить лишь весьма условно.

[27] *Linz J.J., Stepan* A. Problems of democratic transition and consolidation; Southern Europe, South America, and Post-communist Europe. Baltimore and London; Johns Hopkins University Press, 1996. P. 31.

В качестве альтернативы американские политологи выдвигают концепцию «государств-наций», которые «представляют собой поликультурные и даже многонациональные образования, но, несмотря на это, им удается вызывать столь сильную идентификацию и преданность со стороны граждан, которую, по мнению приверженцев гомогенных наций-государств, способны порождать только последние»[28]. В таких государствах защита коллективных прав национальных или культурных меньшинств должна сочетаться с защитой индивидуальных прав граждан, и представители меньшинств могут идентифицировать себя одновременно со своим меньшинством и с государством-нацией в целом. В качестве примеров авторы приводят США и Швейцарию.

Данную концепцию можно считать движением в правильном направлении, но все же движением недостаточным по следующим причинам. Во-первых, идея необходимости обеспечения неких коллективных прав, даже в сочетании с индивидуальными, не только противоречит коренному принципу современной либеральной демократии о высшей ценности прав личности, но и является крайне опасной. Именно призывы обеспечить коллективные права, будь то большинства или меньшинства (белых по отношению к черным или черных по отношению к белым, мужчин по отношению к женщинам или женщин по отношению к мужчинам, сербов по отношению к мусульманам или мусульман по отношению к сербам, эстонцев по отношению к русским или русских по отношению к эстонцам), являются причиной многочисленных конфликтов и войн в современном мире, причем наибольшим разрушительным потенциалом, безусловно, обладают призывы обеспечить права этнических групп путем создания независимых государств. Во-вторых, государство-нация, перенося национализм из сферы внутренней политики во внешнюю сферу, приносит туда и опасность провоцирования конфликтов. Ярким примером здесь являются США, где концепция единой «американской нации», приведшая, по мнению многих, к приглушению внутренних конфликтов на этнической почве, одновременно выразилась в крайнем национализме внешней политики и почти нескрываемой в официальной риторике теории превосходства американских ценностей и американской роли мире.

Государство в полной мере может стать демократическим не тогда, когда оно из национального превратится в некое государство-нацию,

[28] *Linz J.J., Stepan* A. Problems of democratic transition and consolidation; Southern Europe, South America, and Post-communist Europe. Baltimore and London; Johns Hopkins University Press, 1996. P. 34.

а когда станет государством граждан, проживающих на его территории и обладающих одинаковыми индивидуальными правами лишь в качестве таковых, как к этому и призывали французские революционеры. В связи с тем, что устоявшееся этническое значение термина «нация» не дает сегодня возможности вернуться к его первоначальному смыслу, единственной возможностью добиться создания такого государства является отделение демократического государства от нации, так же как ранее оно было отделено от церкви. В реальности это будет означать, что нынешние Россия, Франция, США или Германия из государств русских, французов, американцев или немцев в сознании людей и на практике превратятся в государства всех граждан, проживающих на их территории, так же как они ранее перестали быть государствами православными, католическими или протестантскими, несмотря на то, что большинство их населения продолжает исповедовать эти религии. Это предложение, естественно, вызовет негодование националистов самых различных оттенков. Однако, если вдуматься в него, оно вовсе не означает предательства интересов нации большинства. Напротив, оно создает реальную основу для сохранения многонациональных государств в нынешних границах, так как лишает национальное движение всякой основы для выдвижения требования об отделении.

Не нужно при этом отрицать реальные причины существования таких движений – наличия угнетения прав различных категорий населения. Однако большинство в целом не может угнетать меньшинство, нация – нацию, так же как и один класс – другой, так и нация, и класс являются лишь идеологическими фикциями. В действительности угнетают всегда конкретные люди конкретных людей. Поэтому идеи коллективной ответственности, коллективных извинений и коллективной национальной гордости представляются нам абсурдными. Если какая-то группа лиц (будь то этническая или иная) лишена демократических прав на обучение на своем языке, дискриминируется при приеме на работу, лишается возможности эмигрировать и т.п., то ее борьба, так же как и борьба всех демократических сил страны в целом, должна быть направлена на обеспечение этих прав каждому индивидууму в качестве такового, но не на предоставление данной группе каких-либо преимуществ по отношению к большинству и тем более не на отделение, которое в большинстве случаев приводит к еще большему угнетению местной элитой и к еще меньшей свободе. В демократическом государстве не татарин или босниец должен иметь право учиться и говорить на своем языке, в том числе обращаться на нем во все официальные органы на всей территории страны (а не только в ме-

сте компактного проживания), но все граждане должны иметь право обучаться и употреблять язык, который они считают родным, будь то английский, арабский, французский или китайский. Кстати, во многих странах такая практика уже существует, например, в британских местных советах есть переводчики с языков основных эмигрантских групп, на них же издается и вся документация.

От национальности должна быть отделена и школа: она должна быть не русской, татарской или башкирской, но вненациональной, в которой люди любой национальности могут обучаться как на своем, так и на других языках. Такие примеры уже существуют, например, в Европе. В рамках европейского сообщества действует европейская школа, где обучение ведется на всех языках сообщества, причем каждый ученик выбирает не менее трех из них. В Люксембурге, стране многоязыковой, обучение в школе ведется попеременно, несколько лет на люксембургском, затем несколько лет на французском и на немецком. Знание трех языков каждым люксембуржцем нисколько не мешает им считать себя гражданами одной страны.

Таким образом, признание нерушимости исторически сложившихся границ и отделение государства от нации должно стать перспективой развития демократического государства в XXI в. Очевидно, что быстрое осуществление этого проекта вряд ли возможно, и главным препятствием здесь является глубоко укоренившееся представление о справедливости и демократичности борьбы за национальное самоопределение. Поэтому революция должна начаться не в политике, а в сознании, прежде всего в политическом сознании Запада, идеология которого пользуется в современном мире наибольшим влиянием. Именно эта идеология повинна в распространении идей национализма в мире.

Данная статья, безусловно, вызовет резкие возражения, ожесточенные нападки, возможно, даже насмешки. Это естественно, ведь высказанные предложения не укладываются в рамки какой-либо из существующих политических идеологий: идея выборов по жребию обычно выдвигается крайне левыми или анархистами, идея ограничения избирательного права – крайними консерваторами, идея же отделения нации от государства может трактоваться и как либеральная, и как космополитическая, и как ограничивающая законные права национальных меньшинств. Такая реакция не должна никого смущать, так как ее цель – спровоцировать дискуссию по вопросам, которые не всегда принято обсуждать в «приличном» политическом обществе, хотя многие понимают, насколько насущными они являются.

Диктатура и жизнь[29]

То, что происходит сегодня в России и что лишь более отчетливо выявили так называемые «выборы», можно назвать процессом консолидации авторитарного режима, а используя более традиционную терминологию – наступлением диктатуры. Я предвижу обвинения в алармизме, ведь скажут: многие газеты еще пишут что хотят, сажают без суда и следствия только некоторых зарвавшихся олигархов, которые, к тому же, безусловно, в чем-то виновны, границы открыты, действует несколько политических партий и т.п. Я вовсе не склонен, подобно некоторым бывшим диссидентам, считать всякий режим в России, не возведший их на руководящие посты, диктаторским. Не был, например, диктаторским режим, сложившийся при Ельцине, хотя и демократическим его назвать сложно. Этот режим определяли по-разному, я предпочитаю термины «электорально-клановый» или «клановая демократия». Они выражают его сущность, заключающуюся в следующем: кланы различного типа (территориальные, идеологические, политические, отраслевые, криминальные и др.), существовавшие и при социализме, и особенно расцветшие в позднебрежневский период, но ограничиваемые централизованным партийно-государственным аппаратом, после краха этого аппарата вышли на передний план как основные субъекты политики, причем распавшиеся осколки этого аппарата сами распределились по кланам. Концепция разделения властей в СССР была неизвестна. Постсоветские кланы унаследовали от советской политической культуры восприятие основной цели политической борьбы как установление собственного всевластия и начали борьбу за контроль над наибольшим количеством ресурсов, будь то политических, экономических, финансовых или пропагандистских. Но при Б.Н. Ельцине Кремль, сам превратившийся в наиболее влиятельный клан, не претендовал на абсолютную власть, предпочитая роль арбитра между кланами и порой даже ища поддержки некоторых из них.

Подобную систему унаследовало путинское руководство. Оно ясно видело ее полную экономическую бесперспективность, неспособность решать насущные проблемы страны и твердо решило ее разрушить, преобразовав в соответствии с собственным видени-

[29] Впервые опубликовано в сокращенном виде в журнале «Полис. Политические исследования» (2004. № 1. С. 14–16).

ем. Видение это, суть которого первое время была не вполне ясна из-за противоречий в политике и риторике нового президента, на сегодняшний день совершенно очевидно. Было решено ограничить, а в перспективе уничтожить клановость, восстановив централизованную власть бюрократии. Смысл политики В.В. Путина – последовательная борьба с кланами и замена их власти прямым контролем из Кремля: 1) восстановление контроля над Чечней (самый наглый и оголтелый территориальный клан); 2) восстановление контроля над регионами (территориальные кланы); 3) удар по империям В.А. Гусинского и Б.А. Березовского (наиболее неподконтрольные экономические кланы); 5) удар по империи М.Б. Ходорковского (экономический клан, пытавшийся выйти из-под контроля); 4) разгром неподконтрольных партий (политические кланы).

Во имя чего проводится подобная политика? Возможно, президент искренне считает, что мощная бюрократическая власть станет рычагом экономического развития (сторонников А. Пиночета всегда было много в российском «демократическом движении» горбачевско-ельцинского периода и особенно среди экономистов группы Чубайса–Гайдара, взгляды которой серьезно повлияли на президента). Возможно, он по российской традиции просто любит власть как таковую. Для простых граждан это не имеет принципиального значения. Важно лишь то, что, уничтожая кланы (задача, безусловно, назревшая и необходимая для страны), нынешнее руководство использует всю свою мощь для замены власти кланов не властью закона (что предполагало бы создание системы разделения властей: независимого парламента, суда, демократически избранных органов управления на уровне субъектов Федерации и местного самоуправления), но всевластием все более разрастающегося централизованного госаппарата. Для страны это оборачивается свертыванием и тех квазидемократических элементов, которые утвердились в 90-х гг.: относительно свободных СМИ и выборов, ограниченно независимого (по крайней мере, от Кремля) судопроизводства и т.д. Замена кланов бюрократией оборачивается последовательным уничтожением областей независимой политической и общественной жизни, ведь в условиях ельцинской России именно кланы являлись спонсорами независимых от Кремля СМИ, политических сил, а также нарождающегося гражданского общества (различных общественных, исследовательских, образовательных и прочих организаций и фондов).

С точки зрения президента, все проявления независимости в стране (критика в неподконтрольных СМИ, независимые реше-

ния судов, успехи неподконтрольных партий) – не более чем козни олигархов, пытающихся повлиять на власть. Но, во-первых, с точки зрения правового государства, влияние на власть – не преступление, любой может влиять на власть, если это происходит в рамках закона. Во-вторых, даже если учесть, что олигархические кланы действительно захватили непомерную власть, замена ее традиционным для России всевластием бюрократии никак не сочетается с провозглашенной целью стать частью «цивилизованного мира». Конечно, власть денежных мешков, к тому же наполненных воровским путем в смутное время ельцинизма, – это плохо. Но власть сотен бесцветных и не менее коррумпированных чиновников с точки зрения задач демократизации гораздо хуже.

Последовательное развитие нынешней тенденции приведет к формированию в России все более жесткого авторитарного режима. Если она не будет остановлена, от уничтожения открыто несогласных кланов постепенно перейдут к формально согласным, но стремящимся сохранить автономию (Москва, Татарстан, Р.А. Абрамович и т.п.), затем – к потенциально автономным организациям и личностям, а там и вообще к способным что-либо складно сформулировать. Такова была логика развития сталинского и гитлеровского режимов. Кстати, и тогда звучали обвинения в алармизме, значительная часть элиты поддерживала «стабилизацию», а затем многие сторонники режима не понимали: «Нас-то за что? Почему за что хвалили позавчера, вчера стали ругать, а сегодня сажают?»

В экономике возможны варианты. Наиболее вероятный путь – это застой, которым всегда сопровождается всевластие бюрократии в России. В пользу этого варианта говорит то, что застой фактически уже начался. Если в первые месяцы путинского правления некоторые экономические реформы еще проводились, то потом был избран путь элементарного проедания сверхдоходов от нефти и газа. Реальные проблемы страны не решаются: реформы ЖКХ, вооруженных сил, судебная, органов внутренних дел и другие стоят на месте, национальное производство фактически не растет (основной прирост ВНП идет за счет высоких цен на нефть), системы образования, здравоохранения, социальной защиты продолжают рассыпаться, на улицах множатся массы беспризорных детей и бомжей, в милиции нормой стали избиения и пытки, и проч. и проч. И все это на фоне другой характерной черты режима «серых подполковников», отлично обученных еще в советское время необходимости эффективного «идеологического прикрытия» любой операции: в роли этого при-

крытия (частично для внутреннего пользования, но в основном для Запада) выступают бесконечные рассуждения о верховенстве закона, необходимости демократии, приверженности власти разделению властей, свободных выборах и т.п. Не случайно реформы застопорились по мере укрепления власти бюрократии, никогда не заинтересованной в резком изменении своего положения.

Другой вариант – некоторый экономический рост, вызванный благоприятной мировой конъюнктурой, более решительными действиями консолидировавшего власть президента и усилением влияния экономистов-реформаторов в правительстве. Он менее вероятен, так как сторонники бюрократизации (клан силовиков-питерцев) сегодня явно на подъеме, да и исторически в России бюрократизация ни разу не привела к экономическому росту, напротив, рост обычно сопровождал либеральные реформы (яркий пример – экономический подъем конца XIX – начала XX в.).

Впрочем, с точки зрения политической перспективы различие тут не велико. Первый вариант лишь приведет к политическому кризису быстрее. Но и второй, как показывает опыт экономически успешных диктатур (Южной Кореи, Тайваня, той же Чили), ведет к свержению диктатуры, причем во многих случаях диктаторы и их коррумпированное окружение призываются к ответу. Взяв под полный контроль Думу, правительство, регионы, партии и даже СМИ, президент уничтожил и потенциальных «козлов отпущения». Отныне ответственность за любые ошибки, любое относительное снижение жизненного уровня или кризис (которые часто случаются при любых режимах) будет крайне затруднительно переложить на кого-то другого, даже при самом благоприятном развитии ситуации какие-то источники недовольства неизбежны, и отныне любая прорванная труба будет уменьшать популярность лично президента. И сегодняшний 70-процентный запас прочности не должен никого обманывать: и М.С. Горбачев, и Б.Н. Ельцин (а в близких зарубежных системах С. Милошевич и Э.А. Шеварднадзе) в первые годы своего правления были не менее популярны, а М.С. Горбачев и через четыре года после прихода к власти считался безальтернативным лидером даже «демократами».

В свете этого опыта ясно вырисовывается задача потерпевших поражение на выборах неподконтрольных Кремлю сил. Поражение было вызвано двумя причинами. Прежде всего, выборы совершенно очевидно сопровождались использованием всей мощи государства против коммунистов, СПС и в меньшей степени «Яблока», а также

массовыми махинациями (от которых в наибольшей степени пострадало как раз «Яблоко»). Но следует признать и другую причину: неподконтрольные партии не смогли выйти к электорату с новыми идеями. Ни одна из них (в том числе и коммунисты) серьезно не работала с избирателями на уровне «корней травы», все продолжали риторику 90-х гг., как бы не замечая новой ситуации – складывающегося жесткого авторитарного режима. По сути, лидеры всех этих партий, вышедшие, как и многие кремлевские политики, из мягкого политического климата 90-х, не решились занять оппозиционную позицию, они были как бы не критиками, а советчиками власти, пытаясь доказать ей свою правоту. Теперь, когда власть очевидно отмахнулась от их советов и решила создать собственных послушных правых и левых, должно наступить отрезвление.

Но перейти в оппозицию мало. Необходимо бороться за избирателя (или просто за поддержку граждан, так как термин «избиратель» имеет смысл только при условии проведения свободных выборов). А для этого простых лозунгов свободы и демократии мало. В России идея свободы всегда консолидировала массовые оппозиционные движения, только если их лидеры могли соединить ее с идеей социальной справедливости, гораздо более близкой простым людям. Так было и в начале XX в., так было и в конце 80-х – начале 90-х гг., когда стотысячные митинги и массовое движение сплотились под лозунгами борьбы с привилегиями коммунистической бюрократии, а лидеры демократического движения смогли объяснить, что для уничтожения этих привилегий правящего слоя необходимы западнические реформы и демократизация. Сегодня по мере консолидации авторитарно-бюрократического режима, действующего в интересах коррумпированного чиновничества и связанного с ним крупного бизнеса, требования социальной справедливости будут все более нарастать. Встать на гребень этой волны, повернуть ее в конструктивное, а не всеразрушающее русло, соединить ее с требованиями свободы, демократизации и сотрудничества с внешним миром (а не национализма и изоляционизма, как это могут сделать другие) – задача оппозиционных антиавторитарных сил. Хорошей опорой здесь могут стать независимые профсоюзы, которые в некоторых случаях придется создавать (ни для кого не секрет, что сегодня в России трудовое законодательство в частных организациях не действует, а те, кто пытаются создать профсоюзы, моментально увольняются и подвергаются преследованиям), движение защиты прав потребителей (в том числе и в области ЖКХ), а также прав мелких и сред-

них предпринимателей, экологическое движение, можно подумать о создании бесплатных юридических консультаций и т.п. Оппозиция будет поддержана, когда граждане поймут, что от нее они получают реальную пользу и поддержку, а не одни малопонятные рассуждения о свободе и демократии.

Создающееся поле для широкого антиавторитарного, антикоррупционного фронта, которое условно можно назвать социально-демократическим, может быть занято одной из существующих партий, например коммунистами (если они по примеру европейских коллег сдвинутся вправо, отбросив сталинизм и расизм), «Яблоком» (если оно сдвинется влево и ближе к обычным людям) или какой-либо новой силой. Но оно будет занято в любом случае, и если не оппозицией, то кем-нибудь вроде «Родины» в попытке создать новую зубатовщину. Для подобного нового курса потребуется планомерная работа, к которой большинство традиционных партийных лидеров пока явно не готовы.

В целом складывающийся авторитарный режим, безусловно, падет. Когда власть лишает людей возможности выразить недовольство в рамках демократических процедур, они выходят на улицы. Случится ли это через пять или десять лет, сказать трудно, но о неизбежности его падения говорит опыт большинства современных авторитарных режимов, ориентированных на экономическое развитие. По основным тенденциям политической жизни Россия сегодня мало отличается от других стран СНГ, в большинстве из которых такие режимы уже давно консолидировались, а в некоторых даже успели по нескольку раз пасть. Общие процессы у нас развиваются лишь несколько медленнее. Вопрос лишь в том, как выжить в эти сложные десять лет, в какой форме произойдет падение (по более мягкому грузинскому варианту, когда власть уступила сама, более жесткому сербскому или кровавому румынскому) и приведет ли оно к демократизации или новому витку авторитаризма.

Россия после коммунизма – понимать, а не судить[1]

Опубликованные в этом номере журнала статьи М. Макфола, а также Д. Глинского и П. Реддауэя весьма показательны для современного состояния американских исследований российской политики[2]. Первое, что бросается в глаза, – это то, что обе статьи, как и многие западные работы на российские темы, в действительности не о России, вернее, не совсем о России: не к ней обращен их центральный пафос. Обе они отражают растерянность американских наблюдателей перед тем, что произошло в России после краха в ней коммунистического режима, и являются попыткой объяснить зарубежной публике крупнейший в XX в. провал западной, прежде всего американской внешней политики, направленной на «поддержку российских реформ». Этот провал, масштабы которого поняты еще далеко не всеми, сравним, вероятно, лишь с провалом политики Антанты в 1917–1918 гг., когда, расшатывая царское правительство с целью бросить усталых русских солдат на фронт, Запад вместо создания демократического союзника способствовал возникновению опаснейшего и мощнейшего врага на долгие десятки лет.

Сущность политики Запада по поддержке «реформ» в России можно вполне определить знаменитой фразой бывшего российского премьера В.С. Черномырдина: хотели как лучше, а получилось как всегда (то есть как это всегда получается в России). Хотели малой кровью, без особых материальных и политических усилий способствовать превращению России в менее мощную, но более демократичную страну с рыночной экономикой. Получили слабоуправляемую и близкую к распаду огромную территорию Евразии, которая по большей части контролируется криминальным капиталом и связанными с ним раздробленными и враждующими между собой властными группировками. Д. Глинский и П. Реддауэй совершенно правы: это трагедия, причем трагедия, касающаяся отнюдь не толь-

[1] Впервые опубликовано в сокращенном виде на английском языке в журнале «Journal of Democracy» (1999. April. Vol. 10. № 2. P. 35–40) под заголовком «Forcing the Pace of Democratization» («Ускоряя темп демократизации»).

[2] *McFaul M.* The Perils of a Protracted Transition // Journal of Democracy. April 1999. Vol. 10. № 2. P. 4–18; *Glinski D., Reddaway P.* The Ravages of «Market Bolshevism» // Journal of Democracy. April 1999. Vol. 10, № 2. P. 19–34.

ко жителей России. Не следует забывать, что речь идет не о небольшом государстве типа Сомали, Боснии или Ирака, провал в которых «международное сообщество» может более или менее безболезненно забыть, а о громадной стране, обладающей огромными запасами ядерного оружия, многочисленными атомными электростанциями, гигантскими ирригационными сооружениями, окончательный распад которой, сопровождающийся безвластием, разгулом терроризма и бандитизма, может привести к катастрофе глобального масштаба.

Авторы двух статей представляют различные объяснения создавшейся в России ситуации, и их позиции с очевидностью отражают взгляды двух американских лагерей. В этом смысле легче говорить о статье Д. Глинского и П. Реддауэя, написанной эмоционально, не содержащей явных признаков стремления к научной объективности и являющейся крайне идеологизированным текстом. Как и всякий такой текст, она представляет собой причудливое сочетание верно изложенных фактов, справедливых оценок и обоснованных предположений с рядом крайне спорных, порой необоснованных суждений, натянутых сравнений и даже с прямыми ошибками или подтасовками. Все это, взятое вместе, превращает данную авторами картину посткоммунистического развития Россию в крайне мифологизированную.

Оставляя в стороне весьма спорные и безапелляционные суждения о более ранних событиях российской истории, не имеющих прямого отношения к современности, можно вычленить следующие основные положения этого мифа: в России произошли не реформы, а победа заговора наиболее эффективной и хищнически настроенной части советского правящего класса, направленного на спасение своего господства. Этот слой, который представляло ельцинское руководство, вступил в сговор с темными силами мирового монополистического капитализма (олицетворенных, прежде всего, МВФ) для подавления истинно демократических движений и групп точно так же, как ранее большевики часто кооперировались с теми же силами, чтобы установить собственную диктатуру и подавить демократические партии. Демократические силы страны, представлявшие широкий «средний класс» и объединившиеся под знаменами движения «Демократическая Россия», были отстранены от власти и перестали быть реальной силой частично из-за целенаправленной политики «номенклатуры», частично из-за своих собственных тактических ошибок. Согласно Д. Глинскому и П. Реддауэю, «вместо справедливой денационализации собственности и создания ровного игрового

поля для законопослушных предпринимателей, режим ускорил погоню бывших советских элит советского времени за тем, что в советских учебниках называлось "примитивным накоплением капитала". Вместо того чтобы способствовать развитию демократических институтов и подлинной системы разделения властей, Ельцин и его помощники силой распустили парламент и сделали послушным его наследника, воспрепятствовали развитию независимой судебной системы и сократили власть и доходную базу местного самоуправления. К 1994 г. они создали режим, напоминающий византийский авторитаризм»[3].

Можно согласиться со многими содержавшимися в статье оценками реформ, описаниями современного режима и результатами его политики, за исключением некоторых явно чрезмерных сравнений нынешних средств массовой информации с маоистской пропагандой времен «культурной революции», а идеологии монетаристов – с полпотовской. Однако причины складывания этого режима и проводимой им политики, приведшей к краху российской экономики и государственности, излагаются авторами крайне необъективно, причем в этой необъективности явно видны «уши» двух политических идеологий: левой социал-демократической идеологии Запада (в американской терминологии – леволиберальной) и представлений левых же российских диссидентов и бывших участников «демократического» движения (типа малоизвестного в России, но весьма популярного среди левых социалистов Европы Б.Ю. Кагарлицкого). Именно те бывшие российские диссиденты, как правые, так и левые, которые оказались не востребованы новыми российскими политическими структурами, выступили с теорией, согласно которой Россия Б.Н. Ельцина ничем не отличается от СССР, у власти стоит все та же хитроумно перегруппировавшаяся номенклатура, а истинных демократов, то есть их самих, не допустили к активной политической роли. Для некоторых из них, типа В.К. Буковского, эти теории просто служат обоснованием своей комфортной жизни за рубежом: зачем возвращаться в страну, в которой ничего не изменилось. Для других же диссидентов и борцов за права человека, продолжающих жить и работать в тяжелейших условиях у себя на родине (и позиция которых уже поэтому вызывает гораздо большее уважение), теория эта служит для объяснения того, почему их рецепты по введению немедленной и широкой демократии в СССР в действительности привели совершенно

[3] *Glinski D., Reddaway P.* The Ravages of «Market Bolshevism». P. 23–24.

не к тем результатам, которых они ожидали. П. Реддауэй, написавший несколько книг о советских диссидентах и хорошо знакомый с ними, явно попал под влияние их нынешних взглядов. Поэтому необходимо иметь в виду, что, часто говоря о мнениях «большинства русских», он в действительности приводит доводы этих нескольких десятков бывших диссидентов и представителей тонкого столичного интеллигентского слоя, которые эти доводы разделяют.

Между тем из того, что и советская и нынешняя российская системы неэффективны, не обеспечивают высокого уровня жизни, недемократичны и коррупционны, то есть, с точки зрения бывших советских диссидентов и их единомышленников на Западе, плохи и не соответствуют их идеалу, вовсе не следует, что они одинаковы. По существу же современная Россия, хотя и сохраняет некоторые неизбежные черты преемственности по отношению к СССР, является совершенно другой страной. Если СССР был крайне централизованным образованием, где четкая чиновничья система, стержнем которой была КПСС, строго следила за каждой мелочью, происходившей в любых отраслях или регионах, то в современной России центральная власть фактически не контролирует регионы, которые живут своей жизнью. Если в СССР коррупция довольно строго контролировалась властью и принимала в основном формы официальных или неофициальных привилегий или, в крайнем случае, была полуофициальной прерогативой чиновничества (как это было в республиках Средней Азии), а все, что свыше этого, государство старалось строго пресекать, то в современной России с коррупцией самой по себе борьба вообще не ведется, коррупционные обвинения (будь то обоснованные или необоснованные) используются только для борьбы различных кланов и групп между собой. Чаще всего они являются средством господствующих кланов для придания неполитической видимости расправам с поверженными кланами и их лидерами (как это было, когда, например, обвинения в коррупции предъявлялись краевыми властями отказывавшемуся играть по их правилам мэру Владивостока В.И. Черепкову или когда уголовные обвинения выдвигались против уже отстраненных высших чиновников: бывшего и.о. генерального прокурора А.Н. Ильюшенко, генерала Д.О. Якубовского, мэра Санкт-Петербурга А.А. Собчака). Если и можно сравнивать нынешнюю Россию, то вовсе не с централизованными тоталитарными системами, но с распадающимися империями восточного типа, например с Османской империей начала XX в. или Китаем республиканского периода. Основная черта такой системы:

крах традиционной централизованной системы управления вследствие соприкосновения массивных автаркических политико-экономических структур с мировым рыночным хозяйством и западной политической идеологией, результатом которого становится выход на политическую поверхность различных кланов и группировок (этнических, семейных, родовых, территориальных, бюрократических, криминальных), ранее державшихся в узде сильной центральной властью, и активная борьба между ними. Я предложил называть такие системы, которые в нынешних условиях часто используют механизм выборов, играющий роль не средства выявления воли избирателей, а одного из методов разрешения межклановых противоречий, «электоральной клановой системой»[4]. Конечно, Россия еще не дошла до уровня распада Китая после Синьхайской революции, в котором местные милитаристы контролировали не только налоги, но и армию и вели между собой войны. Однако развитие ситуации (что чрезвычайно опасно в стране, обладающей значительными запасами ядерного оружия) пока идет именно в этом направлении: местные власти, часто сросшиеся с региональными этническими и криминальными кланами, все чаще отказываются платить налоги в центральную казну, получают все больший контроль над органами, ранее служившими опорой центральной власти: судами, прокуратурой, органами внутренних дел и безопасности. Даже армейские части во многих регионах фактически существуют за счет средств, выделяемых местными властями.

Причины создания такой системы не следует искать в заговоре номенклатуры: как раз наоборот, если бы номенклатура хотела спасти свою власть, она, вероятно, всеми средствами старалась бы избежать распада старой государственности, одновременно либо противясь реформам (как это происходит сегодня на Кубе и в Северной Корее), либо стараясь сделать старую экономическую систему более эффективной при сохранении политического контроля (как это делают, например, нынешние китайские и вьетнамские власти). И в том, и в другом случае это означает осмысленную, целенаправленную политику. В отличие от этих вариантов «электорально-клановая система» складывается в случае, если выход из автаркии осуществляется бессистемно, старая властная система либо крайне ослабевает, либо разваливается, а образуемая на ее месте новая центральная власть

[4] См.: *Лукин А.В.* Переходный период в России: демократизация и либеральные реформы (1999) // Полис. Политические исследования. 1999. № 2 (50). С. 134–154.

слишком слаба, чтобы проводить осмысленную политику. Парадокс российской ситуации заключается в том, что после распада СССР новая центральная власть имела все возможности восстановить контроль и, будь она номенклатурной, не преминула бы сделать это. Однако именно ее «демократический» характер и ее «демократическая» идеология (понимая под «демократическим» тот набор представлений о демократии, который существовал на тот момент в СССР) не позволил ей сделать этого.

Совершенно очевидно, что по крайней мере весь 1992 г. «демократическое» движение и его лидеры находились у власти и руководили страной. Возьмем формальную сторону дела. Демократическое движение в Советской России горбачевского времени состояло из огромного числа клубов, кружков и протопартий, которые на выборах народных депутатов СССР весной 1989 г. выдвигали и поддерживали демократических кандидатов. После выборов признанным центром движения стала Межрегиональная депутатская группа (МДГ) – демократическая фракция съезда. Перед выборами народных депутатов РСФСР, состоявшихся весной 1990 г., члены МДГ и большинство демократических групп создали движение «Демократическая Россия» (ДР). К началу 1992 г., когда было сформировано первое руководство независимой России, именно члены этого движения заняли большинство руководящих постов в государстве. Приведем лишь несколько примеров: Г.Э. Бурбулис (член МДГ и ДР, еще в 1987 г. организовавший демократический клуб «Дискуссионная трибуна» в Свердловске) стал фактическим главой правительства, а затем Государственным секретарем); С.М. Шахрай (член ДР) – заместителем премьера и фактически главным советником президента по государственно-правовым вопросам, С.Б. Станкевич (член МДГ и ДР, участвовавший в работе многих московских демократических групп) – советником президента по политическим вопросам, Г.В. Старовойтова (член МДГ) – советником президента по национальным вопросам. Демократы пришли к власти и в двух крупнейших городах. Мэром Москвы стал бывший сопредседатель МДГ Г.Х. Попов, приведший за собой многих сторонников, бывший секретарь МДГ и активист ДР А.Н. Мурашов стал начальником ГУВД по Москве, а бывший руководитель демократического клуба избирателей Академии наук СССР Е.В. Савостьянов – начальником Управления КГБ по Москве и Московской области. В московской мэрии работали и виднейшие организаторы ДР: В.О. Боксер, М.Я. Шнейдер. Мэром Петербурга стал другой один из ведущих членов МДГ А.А. Собчак.

Действительно, такие проводники ельцинского курса, как министр иностранных дел А.В. Козырев и команда экономистов, объединившихся вокруг Е.Т. Гайдара, по большей части не были активистами демократического движения. Однако если считать демократами не только непосредственных активистов, но и тех, кто разделял или даже формировал их взгляды, то и А.В. Козырев и гайдаровцы были стопроцентными демократами. Сам первый вице-премьер, а позднее исполняющий обязанности премьера Е.Т. Гайдар, избранный Г.Э. Бурбулисом на роль архитектора экономических реформ, хотя лично и не участвовал в «демократических» группах, был активным перестроечным публицистом, выступавшим с радикальными статьями по вопросам экономики, и его идеи приобрели популярность среди «демократов». В вышедшей в 1995 г. книге Е.Т. Гайдара «Государство и эволюция»[5] можно найти весь набор «демократических» представлений самого радикального прозападного вида. А.Б. Чубайс, осуществивший программу приватизации в России, был близок к «демократическим» кругам в родном Ленинграде. Министр иностранных дел А.В. Козырев хотя и не участвовал в «демократическом» движении до своего назначения, сразу же после него стал активным членом «демократической» группы в руководстве и поддерживал наиболее радикальный «демократический» прозападный курс. Он сменил практически все руководство старого советского МИДа и назначил на ведущие посты своих сторонников, некоторые из которых были «демократами» и даже бывшими диссидентами[6]. Таким образом, в 1992 г. (то есть когда определялось общее направление российской политики) именно «демократы» контролировали Кремль, центральное правительство и руководство крупнейших городов.

Наконец, взгляды самого Б.Н. Ельцина могут быть определены как полностью «демократические», по крайней мере с середины 1988 г. Переход Б.Н. Ельцина в «демократию» произошел после его отставки с влиятельных постов первого секретаря Московского горкома КПСС и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. В это время «демократы» были единственной политической силой, поддержавшей его. Конечно, можно утверждать, как это и делали позднее некоторые разочарован-

[5] *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. Название – очевидный парафраз «Государства и революции» В.И. Ленина.

[6] Например, заместителем А.В. Козырева был назначен активист «Демократической России», народный депутат РСФСР Ф.В. Шелов-Коведяев, а заведующим Отделом глобальных проблем и гуманитарного сотрудничества – бывший диссидент В.И. Бахмин.

ные «демократы», что принятие Б.Н. Ельциным «демократических» целей было лишь тактическим шагом. Однако такое объяснение явно упрощает реальную ситуацию. Существует немало других примеров перехода в «демократию» людей с подобным же прошлым (в том числе и задолго до того времени, когда они могли надеяться занять таким образом руководящие должности). Многие «демократы» были бывшими партийными работниками, искренне верившими в обещания лидеров КПСС, в социальную справедливость и боровшимися за их исполнение. Когда они терпели поражение в этой борьбе, подвергались увольнениям и преследованиям, наступало разочарование в коммунизме, который сопровождался переходом в новую, «демократическую» веру. Б.Н. Ельцин был лишь наиболее высокопоставленным из них, но его путь к «демократии» был типичным[7].

Аргумент Д. Глинского и П. Реддауэя, что демократические лидеры передали власть представителям номенклатуры, не выдерживает критики. Из всех упомянутых выше деятелей только Б.Н. Ельцин и А.В. Козырев до прихода в руководство работали в партийно-государственном аппарате (причем Б.Н. Ельцин фактически уже выпал из него, а А.В. Козырев занимал невысокую должность). Остальные были научными работниками, преподавателями вузов, редакторами журналов, то есть, как говорили в СССР, типичными представителями интеллигенции.

Изучение документов и представлений демократического движения на различных уровнях показывает, что проводимая Б.Н. Ельциным и его окружением политика была вполне «демократической». Другое дело, что курс Б.Н. Ельцина, в особенности в области экономики, был осуществлением планов наиболее радикальной прорыночно настроенной части демократического движения, в то время как это движение в целом включало сторонников самых различных экономических взглядов: от анархо-синдикализма до крайнего либерализма хайековского типа. Естественно, решительное проведение руководством Б.Н. Ельцина гайдаро-чубайсовской линии вызвало протест всех несогласных с ней «демократов», что в конце концов и привело к расколу движения. Это, однако, не означает, что сторонники Бурбулиса–Гайдара–Чубайса были меньшими «демократами», чем все остальные, что существовали еще какие-то «истинные демократы», про которых авторы все время пишут, но имени ни одного

[7] Подробнее см.: *Лукин А.В.* Невежество против несправедливости. Политическая культура российских «демократов» (1985–1991). М.: Научная книга, 2005.

из них не называют. Вряд ли это были практические организаторы движения ДР, один из которых, Л.А. Пономарев, например, призывал новое российское руководство «в революционном темпе раздать землю, провести приватизацию в промышленности, торговле... Действовать так, как действовал Ельцин в дни переворота. Да, ряд его указов, принятых в этой критической обстановке, носит антиконституционный характер. Но я назвал бы их гениальными. Они абсолютно отвечали политической потребности. То есть надо нам быть прагматиками»[8]. Вряд ли к «истинным демократам» это можно отнести и бывших диссидентов-правозащитников, которые первоначально также безоговорочно поддерживали политику Б.Н. Ельцина (наиболее показательным примером здесь является позиция С.А. Ковалева), а начали критиковать его гораздо позднее. Таким образом, к тем результатам, которые ярко описывают авторы, привел вовсе не заговор номенклатуры в союзе с мировым империализмом по разделу российских богатств, но очередная попытка фанатично настроенной группы идеологов, плохо знавших свою страну, безжалостно провести в жизнь свой абстрактный идеал. Как и в других случаях, идеал осуществлен не был, реальные результаты разительно отличались от него. Россия превратилась не в образцовую демократию западного типа с эффективно работающей рыночной экономикой, но в распадающееся криминальное государство, в котором власть и богатства попали в руки криминальных элементов и представителей бывшей номенклатуры. «Демократические» фанатики-доктринеры виноваты в этом, но это не значит, что они этого хотели. Эта ситуация не нова для России: другой идеолог-утопист, В.И. Ленин, как известно, в конце жизни тоже разочаровался в результатах своей деятельности и пребывал в крайней растерянности.

Была ли возможна демократическая альтернатива курсу Ельцина–Бурбулиса–Гайдара? Вероятно, да. В разное время Б.Н. Ельцин предлагал пост премьера члену МДГ М.А. Бочарову, а также близкому к демократам С.Н. Федорову, Верховным Советом РСФСР была принята программа Г.А. Явлинского «500 дней», наконец, до Е.Т. Гайдара пост российского премьера занимал И.С. Силаев. Все эти деятели имели собственные взгляды на экономическую политику России, которые значительно отличались от гайдаровских. И.С. Силаев вообще не проводил продуманной экономической политики, лишь

[8] Известия. 1991. 7 окт. Цит. по: *Согрин В.* Политическая история современной России. 1985–1994. От Горбачева до Ельцина. М.: Прогресс-Академия. С. 113.

реагируя на ситуацию в традиционном, советском стиле. М.А. Бочаров выступал за жесткие административные меры и восстановление централизованного управления, С.Н. Федоров – за «народный капитализм» с передачей прав собственности на предприятия их работникам, Г.А. Явлинский – за сохранение единого экономического пространства СССР при постепенных рыночных реформах. В случае проведения любого из них в жизнь Россия могла бы пойти по иному пути. Однако так же, как и гайдаровский, любой из этих курсов поддерживался бы лишь частью «демократов» и критиковался бы всеми остальными членами движения. Была ли бы альтернативная политика более эффективной, остается неясным.

В то же время большинство альтернатив, описываемых авторами статьи, совершенно утопичны и нереальны. Они заслуживают быть разобраны подробно, так как из них особенно наглядно видно неадекватное знание авторами реальной российской ситуации.

1. Авторы представляют дело так, будто Б.Н. Ельцин, подписав Новоогаревское соглашение в апреле 1991 г., в благодарность призвал шахтеров прекратить забастовку, тем самым ослабив волну низового народного движения. Шахтеры, как известно, выступали за отставку М.С. Горбачева и центрального правительства. Поддержка Б.Н. Ельциным шахтеров означала бы курс на открытую конфронтацию с Кремлем и на то, что несколькими строками ниже авторы неодобрительно описывают как «ельцинский контрпутч, захват им институтов советского центрального правительства, не обращая внимания на опасения в других республиках, и внезапный, необдуманный и заговорщический роспуск СССР»[9]. Кроме того, шахтерское движение вовсе не было демократическим. Шахтеры поддерживали Б.Н. Ельцина потому, что он выступал против правительства М.С. Горбачева, пытавшегося сократить субсидии их отрасли, однако позднее попытки российского правительства перевести угледобывающую промышленность на рыночную основу сразу же отбросили шахтеров в оппозицию. Лидер шахтерского движения Т.Г. Авалиани вступил в ряды наиболее радикальных коммунистов, а шахтеры Кузбасса поддержали коммунистического губернатора А.Г. Тулеева. В действительности, как показывают события не только в России, но и во многих других странах, шахтеры всегда выступают против правительств, сокращающих им субсидии и закрывающих нерентабельные шахты, и методы их борьбы часто далеки от демократических.

[9] *Glinski D., Reddaway P.* The Ravages of «Market Bolshevism». P. 31.

2. Критикуя российских парламентариев за предоставление Б.Н. Ельцину чрезвычайных полномочий и одобрение плана «шоковой терапии» в октябре–декабре 1991 г., авторы не учитывают обстановку в стране. После провала августовского путча Б.Н. Ельцин обладал таким авторитетом, что мог проводить любую политику и принимать любые меры. Парламент действительно полностью поддерживал его, даже его бывшие оппоненты надеялись на него, как на сильного лидера, способного преодолеть хаос и вывести страну из кризиса. Кроме того, отказ принять программу Б.Н. Ельцина ничего бы не изменил: президент либо распустил бы парламент, либо игнорировал бы его. Положение к апрелю 1992 г., когда проводился VI съезд народных депутатов РСФСР, хотя и изменилось, но не радикальным образом. Б.Н. Ельцин все еще обладал значительной поддержкой многих депутатов, а коммунисты на съезде находились в меньшинстве. Тем не менее Декларация реформ, принятая на нем, вовсе не означала безусловную поддержку Б.Н. Ельцина, но была результатом компромисса. Она позволила, например, Центральному банку проводить инфляционную политику, которая шла вразрез с планами Е.Т. Гайдара.

3. Соглашаясь участвовать в выборах и тем самым признавая конституцию 1993 г., оппозиция Б.Н. Ельцину действовала не из страха, а из расчета: неучастие в выборах привело бы компартию к полной утрате политического влияния. Ей оставалось бы, как это предлагали «отзовисты», призывавшие не участвовать в работе царской Думы, лишь вести революционную борьбу, которая вряд ли бы привела к демократизации общества. Коммунисты же избрали путь воздействия на режим в рамках существующих правил с целью способствовать его постепенной эволюции. Кстати, сегодня можно сказать, что эта их тактика привела по крайней мере к частичному успеху.

4. Мнение о том, что оппозиционные Б.Н. Ельцину силы должны были объединиться для того, чтобы предотвратить его избрание на второй срок летом 1996 г., представляется и вовсе фантастичным. Оно означает, что-либо Г.А. Явлинский и А.И. Лебедь должны были поддержать кандидатуру коммуниста Г.А. Зюганова, либо Г.А. Зюганов с А.И. Лебедем поддержать Г.А. Явлинского, либо Г.А. Явлинский с Г.А. Зюгановым – А.И. Лебедя. Однако элементарное знакомство с позициями российских политических лидеров подскажет, что для Г.А. Явлинского Б.Н. Ельцин в качестве президента гораздо более приемлем, чем Г.А. Зюганов, для Г.А. Зюганова же Г.А. Явлинский и Б.Н. Ельцин по меньшей мере одно и то же. А.И. Лебедь же во-

обще готов вступать в союзы, только если кандидатом в президенты будет он сам. Это показывает примитивность понимания авторами современной политической ситуации в России как борьбы «новой номенклатуры», представленной режимом Б.Н. Ельцина, и желающих демократии масс, интересы которых выражает оппозиция. В действительности, как показывают многочисленные опросы общественного мнения, к 1996 г. российские избиратели сгруппировались в несколько социально-идеологических направлений, которые симпатизировали различным кандидатам. Б.Н. Ельцин был вовсе не на краю, а в центре этого спектра, что (а вовсе не только действительно эффективная избирательная кампания) и дало ему возможность победить.

Представления авторов о новом ельцинском правящем классе, вообще, крайне противоречивы. С одной стороны, они утверждают, что он, хотя и подвергся небольшим кадровым изменениям, по существу остается тем же правящим классом, что и во времена СССР. С другой говорят, что до назначения премьером Е.М. Примакова он состоял из двух групп: «авторитарных рыночных реформаторов» и «олигархов» (семи банкиров и глав получастных сырьевых монополий)[10].

И то и другое утверждения далеки от истины. Как уже отмечалось выше, в 1990–1991 гг. российский правящий класс коренным образом обновился, причем доминирующие позиции во многих областях, как в центре, так и на провинциальных уровнях, заняли совершенно новые люди. В него влились не только политики-«демократы», но и новые «бизнесмены». Например, среди так называемых «олигархов» значительное число ранее ни к правящим, ни к промышленным кругам не относились (Б.А. Березовский был научным работником, В.А. Гусинский – театральным режиссером, М.Б. Ходорковский возглавлял центр научно-технического творчества молодежи, В.В. Виноградов работал инженером на заводе, А.П. Смоленский – в районном ремонтно-строительном управлении). Однако если бы авторы были правы и российский правящий класс ничем не отличался от советского, он никак не мог бы состоять только из узкого круга политиков и финансистов, так как советский правящий класс включал в себя многочисленных представителей производящих секторов экономики. Утверждение авторов об отсутствии этих представителей в узкой ельцинской элите также неверно: в различное время в ней ведущие места занимали такие яркие представители и лоббисты «производ-

[10] *Glinski D., Reddaway P.* The Ravages of «Market Bolshevism». P. 19.

ственников», как И.С. Силаев, О.И. Любов, Ю.В. Скоков, Ю.В. Петров, В.С. Черномырдин, О.Н. Сосковец и др.

Не будем подробно касаться вопроса политики Запада и иностранной помощи России. Действительно, курс Запада в отношении России и при М.С. Горбачеве, и при Б.Н. Ельцине, хотя по замыслу проводников и должен был способствовать демократизации, на практике поощрял любые, в том числе и незаконные, действия лишь одного из многочисленных российских политических кланов. Тем самым он работал против построения демократического общества, основанного на балансе интересов и верховенстве закона. Однако трудно представить, чтобы этот курс был сознательно и целенаправленно преследовал такую цель. Скорее, его реальные результаты можно объяснить плохим пониманием реальной ситуации в России и близоруким подходом, в котором сиюминутные внутриполитические потребности часто заслоняли долгосрочные стратегические перспективы[11]. Нельзя согласиться и с тем, что неадекватность западной помощи, будь то М.С. Горбачеву или каким-то российским «демократическим силам», сыграла решающую роль в провале российских реформ. Сами размеры России говорят о том, что внешний фактор не мог играть решающей роли в ее внутриполитическом развитии. Кроме того, успеху демократизации препятствовали гораздо более серьезные внутренние причины, о которых будет сказано ниже.

Статью М. Макфола, так же как и другие его многочисленные работы о современной России, отличает точное и детальное знание фактуры российской политики. В них бесполезно искать фактические ошибки, которыми изобилует статья Д. Глинского и П. Реддауэя. Тем не менее возражения вызывают два момента подхода М. Макфола: теоретический и практический. В области теории М. Макфол руководствуется модными сегодня концепциями «рационального выбора» и «транзитологии», явно игнорируя культурологические объяснения[12]. К особенностям российского транзита он, прежде всего, относит масштабы изменений. По мнению М. Макфола, на двух начальных этапах, первый из которых закончился путчем августа 1991 г. и распадом СССР, а второй – вооруженным конфликтом между президентом и парламентом осенью 1993 г., российские власти решали слишком обширные задачи: коренное перераспределение собствен-

[11] Рассмотрению этого вопроса посвящена моя статья «История чубайсизации страны. США могли, но не хотели нам помочь» (Независимая газета, НГ-сценарии. 1998. № 9 (31). С. 13. См. настоящее издание. С. 376)

[12] *McFaul M.* The Perils of a Protracted Transition. P. 5–8.

ности, изменение политической системы, а также решение проблемы суверенитета (новые границы, раздел вооруженных сил и т.п.). На третьем этапе, начавшиеся после кризиса 1993 г., вопросы государственного суверенитета, границ и распределения собственности были в целом решены, осталась нерешенной лишь задача нахождения нового политического баланса. Снижение объема решаемых задач придало российской политической системе, которую М. Макфол называет «электоральной демократией», бóльшую устойчивость, все участники политического процесса, включая и кандидатов в президенты, приняли существующие правила игры. Именно поэтому, считает М. Макфол, демократические завоевания, прежде всего само существование выборов, смогли пережить экономический кризис 1998 г. и имеют все возможности сохраниться и даже развиться в будущем, в результате чего Россия способна через определенный период превратиться в «либеральную демократию»[13].

Политическая направленность подхода М. Макфола ясна. Если Д. Глинский и П. Реддауэй резко критикуют политику Запада (прежде всего американской администрации) в отношении горбачевского СССР и ельцинской России, то М. Макфол защищает ее основное направление, как бы говоря: 1) демократизация в России в любом случае была бы крайне сложной и долгой, поэтому ее трудности связаны не с ошибками Запада, а с объективной и беспрецедентной масштабностью задач; 2) курс на поддержку демократизации был верен, Россия уже превратилась в «электоральную демократию» и, в случае продолжения поддержки, имеет все шансы превратиться и в «либеральную демократию»; 3) курс на поддержку Ельцина–Гайдара–Чубайса был в целом верен, так как Б.Н. Ельцин победил, но не смог стать диктатором, и в стране установилась система равновесия сил, благоприятного для демократизации.

Проблема подхода М. Макфола, однако, не в очевидности его политической линии, но в том, что его основной аргумент не выдерживает критики. Сравним, например, бывшие части одной страны: Эстонию, Россию, Грузию и Таджикистан. Во всех этих случаях спектр решаемых проблем был примерно одинаков: новые границы, изменение суверенитета, перераспределение собственности, пересмотр внутриполитического баланса. Отличались лишь культурно-исторические традиции населения, и результаты оказались совершенно различными. То же можно сказать о Чехии и Словакии,

[13] Ibid.

Сербии и Словении, Индии, Пакистане и Бангладеш: в некоторых из этих стран демократия закрепилась, в других ее введение сопровождалось беспорядками, переворотами, гражданскими войнами, которые приводили к длительным периодам диктаторского правления. В то же время во многих странах Африки и Азии демократизация была безуспешной, несмотря на то что масштабы стоящих проблем были гораздо меньше, чем в России.

Таким образом, М. Макфол не отвечает на важный вопрос: почему одно и то же количество изменений в одних случаях проходит легче и быстрее и приводит к позитивным результатам, а в других идет медленнее, с большими трудностями или не удается вообще. Таким образом, несмотря на различие и даже противоположность подходов Глинского–Реддауэя и М. Макфола к России, в них есть одна общая черта: все они значительно упрощают российский политический процесс. Как и многие западные, а теперь и российские политологи, они изучают этот процесс не сам по себе, не на основе конкретного материала российской истории и политической действительности, но подгоняют этот материал для обоснования заранее сформировавшихся у них политической линии или теоретической концепции, сформулированной на основе опыта стран, крайне непохожих на Россию.

Основная проблема политического развития России последнего десятилетия заключалась вовсе не в таких механических факторах, как соотношение сил между противостоящими группировками, ошибках Запада, кознях старой номенклатуры или масштабе преобразований, не в том, что кто-то предал демократию или намеренно препятствовал ее развитию. Проблема гораздо глубже – в горбачевской России не было достаточных социально-культурных условий для успешной демократизации, и это отсутствие определялось предшествующим историческим опытом страны. Неудачный опыт введения демократических институтов в одних странах (например, в некоторых странах Азии и Африки, где их оставили после себя бывшие колонизаторы) и их успех в других, как известно, послужили отправной точкой для известного исследования Г. Алмонда и С. Вербы, в котором в научный оборот было введено понятие политической культуры[14]. Таким образом, более широкий взгляд на российский переходный период настоятельно требует привлечения для его теоретического анализа культурного фактора.

[14] *Almond G.A., Verba S.* The Civic Culture, Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963.

Говоря о предшествующем историческом опыте, можно вполне согласиться с критикой М. Макфолом «мистической» теории российской политической культуры, развиваемой авторами вроде З. Бжезинского и Р. Пайпса, согласно которой политические представления в современной России фактически не изменились со времен Ивана Грозного и, следовательно, ее политическая система может быть только авторитарной. За подобными утверждениями обычно стоит плохое знание реальной истории и изменений в политической мысли. Кроме того, во всех ныне демократических странах демократия когда-то возникла впервые и закрепилась, а это означает, что политическая культура способна изменяться. Однако это вовсе не значит, что демократия, как и любой другой политический режим, основывается лишь на балансе абстрактных сил, а не на согласии и способности населения жить при этом режиме, то есть на его субъективных ориентациях. Другое дело, что ориентации способны к изменениям, которые происходят постепенно и поэтапно. Исследования политической культуры участников российского демократического движения, проведенные автором этой статьи, показывают, что политические представления даже демократических активистов, решительно порвавших с официальной советской идеологией (не говоря уже о населении в целом), формировались под сильнейшим воздействием этой идеологии и сохранили многие ее черты, а интерпретация новых, западных идей часто имела специфический характер, встраиваясь в единую систему уже существующих представлений. Для этой системы российских «демократических» представлений было характерно отношение к демократии как к идеальному обществу будущего, в котором будут решены все проблемы каждого индивидуума не только материального, но и духовного характера; считалось, что для достижения этого идеального общества можно пренебрегать многими формальностями, в том числе и «тоталитарными» законами. Главным препятствием на пути демократизации считалась государственная власть: ненависть к всепоглощающему «тоталитарному» государству передалась на государственную власть вообще, и максимальное ослабление государства считалось важнейшим условием создания идеальной демократии. Наконец, демократия рассматривалась демократическими активистами скорее не как система компромиссов между различными группами и интересами, в основе которой лежит система разделения властей, но как безраздельная власть «демократов», которая должна была сменить безраздельную власть «коммунистов». Эту идеологию С.С. Дзарасов удачно назвал

«анархолиберализмом»[15]. Естественно, что люди, придерживавшиеся подобных убеждений, не могли создать «либеральную демократию», основанную на верховенстве закона, разделении властей, уважении к личной инициативе и гарантии индивидуальных прав, которая исходила бы из реальных возможностей общества, а не из требования немедленно удовлетворить все потребности каждого его члена и, наконец, гарантией которой является сильная государственная власть, способная защитить закон.

Для тех, кто скептически относится к культурным объяснениям, проблему можно сформулировать в социальных терминах: в СССР к началу горбачевских реформ не было ни широкого социального слоя, способного осуществить переход к либеральной демократии, ни лидеров, адекватно понимавших всю сложность стоящих перед страной задач. Господствовало стремление к быстрым и простым решениям. В этих условиях избранная Западом и лидерами российских реформ стратегия реформ, направленная на немедленное введение демократических процедур и рыночных механизмов, была вредной и крайне контрпродуктивной.

В результате этой политики в России после краха СССР вместо желанного «нормального» демократического общества из осколков тоталитарной системы возникло общество кланов и клик, начавших борьбу за власть. Некоторые из этих кланов и клик называли себя «демократическими», другие «патриотическими». Одни консолидировались на территориальной основе (например, руководящие группировки некоторых областей и республик), другие на ведомственной («Газпром», «Лукойл», ОРТ и другие «приватизированные» монополисты), третьи формировались из знакомых и коллег (например, известный санкт-петербургский клан во главе с А.Б. Чубайсом), четвертые на почве старых криминальных связей (мафиозные группировки). Были и смешанные варианты. Общим между ними было то, что все, как новые, так и старые кланы ставили целью не разделить власть, но захватить максимум власти, хотя бы на подконтрольной территории, в данной области или отрасли. Борьба, таким образом, шла не между «демократами» и «консерваторами», «старым» и «новым», «истинными демократами» и «номенклатурой». С одной стороны, все кланы стремились к новому: к приватизации и монополизации власти, к «суверенитету». С другой – все они находились под влиянием старых «со-

[15] *Дзарасов С.С.* Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М.: РГГУ, 1994. С. 114.

ветских» представлений. Выборы использовались различными кланами как одно из средств разрешения межклановых противоречий. Это и есть «электорально-клановая система». Возникновение этой системы означало значительный откат в области демократизации по сравнению со временем М.С. Горбачева: сегодня по сравнению с 1990–1991 гг. российские средства массовой информации и суды гораздо более зависимы, власть гораздо более бесконтрольна, система разделения властей отсутствует, права и свободы личности обеспечиваются в гораздо меньшей степени, чем в последние годы существования СССР. Да и сами выборы становятся все менее свободными и честными по сравнению, например, с выборами 1990 г.

Говоря о перспективах современного российского общества, можно скорее согласиться с Д. Глинским и П. Реддауэем, чем с М. Макфолом. Шансы «электорально-клановой» России перерасти в либеральную демократию низки. Она либо превратится в некое подобие нынешней Чечни или Китая после революции 1911 г. с формальными полномочиями центральной власти и фактически самостоятельными враждующими друг с другом местными группировками, либо будет объединена сильным, но не демократическим лидером. М. Макфол успокаивает нас тем, что все реальные кандидаты в следующие президенты России сохранят нынешние правила игры. Зная традиционно сильную роль, которую в России играет верховный лидер, в этом можно усомниться. Любой будущий российский президент сможет легко изменить нынешние правила политической игры, либо заставив другие ветви власти внести коррективы в конституцию, либо вообще отменив ее (тем более что для этого найдется законный предлог, стоит только расследовать механизм ее принятия в 1993 г.). А уж выборы, во всяком случае, могут быть видоизменены. О том же, как будут выглядеть российские выборы при президенте Ю.М. Лужкове, можно судить по выборам в Московскую думу, организованным городской администрацией в декабре 1997 г., когда, несмотря на обилие кандидатов, московские избиратели, почти как в добрые старые времена Л.И. Брежнева, почему-то дружно и почти единодушно голосовали за кандидатуры, поддерживаемые мэром. Кстати, сам М. Макфол, утверждающий сегодня, что «на практике... ни Лужков, ни Лебедь не подтвердили свою авторитарную репутацию»[16], еще несколько месяцев назад писал, что московский мэр – «единственная на сегодня политическая фигура, обладающая волей и способностью фундаментально

[16] *McFaul M.* The Perils of a Protracted Transition. P. 10.

изменить правила игры как в политике, так и в экономике»[17]. Не согласиться тут можно только со словом «единственный». Другой реальный кандидат А.И. Лебедь часто позитивно отзывается о чилийском диктаторе А. Пиночете, выступает за расширенное применение смертной казни, пренебрежительно говорит о правах человека и открыто заявляет о необходимости обновления системы власти. А.И. Лебедь начал свою деятельность на посту губернатора Красноярского края, активно способствуя арестам людей из команды своего предшественника В.М. Зубова, которых он публично до суда провозглашал преступниками. Вряд ли избрание такого человека президентом России сулит что-либо хорошее для нынешнего статус-кво и перспектив демократизации. Пожалуй, демократические процедуры имеют наибольшую вероятность сохраниться и даже развиться в случае, если президентом станет Е.М. Примаков, проводящий курс на консолидацию государственной власти при сохранении демократии и рыночной экономики. Однако его популярность во многом будет зависеть от ситуации в российской экономике, перспективы которой пока далеко не радужны. К тому же и Запад сегодня, в очередной раз проявляя непонимание российской ситуации, делает все, чтобы популярность Е.М. Примакова снизилась, отказывая в помощи его правительству. Сам Е.М. Примаков, понимая, что в этих условиях ему вряд ли удастся обеспечить серьезное улучшение экономической ситуации до 2000 г., пока решительно отвергает возможность борьбы за пост президента.

Все это не означает, что либеральная демократия не имеет никаких шансов в России. В будущем страна может прийти к ней, однако для этого ей необходим довольно длительный переходный период, в течение которого будут созданы необходимые условия: сильная и эффективная власть, способная обеспечить верховенство закона на всей территории, независимый суд, система разделения властей, эффективно работающая рыночная экономика. Необходима также решительная борьба с мафией и коррупцией, пусть даже при сохранении некоторых ограничений в области свобод (которые уже и так довольно ограниченны). Сегодня такой период должен продолжаться гораздо дольше, чем если бы он был начат М.С. Горбачевым, 15–20 лет. Если новый российский президент будет действовать в этом направлении, тогда у России будет шанс, говоря словами М. Макфола, «выползти» (muddle through). В противном случае она обречена на «погружение в хаос» (muddle down).

[17] *McFaul M.* Perils of Yeltsin's Passion // The Moscow Times. 1998. April 2. http://www.themoscowtimes.com/news/article/perils-of-yeltsins-passion/292978.html.

Новое слово в исследовании России или хорошо забытое старое[1]

Монография молодого американского исследователя Стивена Фиша «Демократия из ничего»[2] – весьма примечательное явление в развитии американской «советологической» (а ныне «русоведческой») мысли. Она представляет собой одну из заметных работ ее новой волны, характерная черта которой – критика методов традиционной советологии. Основная тема книги – исследование российского демократического движения с 1985 по 1991 г. Однако обширные вводные и заключительные разделы затрагивают гораздо более общие вопросы и прежде всего главный – причины нестабильности и неопределенности, которыми характеризуется переход России от коммунизма к новым общественным и политическим формам. Если прибавить к этому подробный критический анализ всего комплекса англоязычной (в основном американской) советологической литературы и попытку выдвинуть новую концепцию развития России в переходный период, то можно сказать, что С. Фиш пытается подвести итог целому этапу исследования России периода социализма и предложить собственный новый подход к ее недавней истории, современности и даже будущему происходящих в стране реформ.

Насколько же автору удалось решить столь объемную задачу? Его критика существовавших до сих пор подходов зарубежных исследователей к СССР во многом убедительна и обоснованна. С. Фиш критикует две основные концепции советского общества, которые он называет «традиционной государственно-центристской» и «ревизионистской государственно-центристской».

К первой автор относит сторонников определения советской системы как «тоталитарной», которое было разработано еще известными политологами К. Фридрихом и З. Бжезинским, а также Х. Арендт[3]. Автор отмечает пренебрежение сторонников этой теории реальной жизнью советского общества (в отличие от государства,

[1] Впервые опубликовано в журнале «США – экономика, политика идеология» (1995. № 12. С. 117–121).

[2] *Fish M. S.* Democracy from Scratch. Opposition and Regime in the New Russian Revolution. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1995. P. 254.

[3] *Friedrich C., Brzezinsky Zb*. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956; *Arendt H*. The Origins of Totalitarianism. N.Y., 1968.

которое, как они полагали, охватывало все общество). Это, прежде всего, сказалось на изучении идеологии, так как, по сути дела, официальная идеология считалась и образом мысли всего общества. С. Фиш пишет, что в работах сторонников такого подхода «идеология и политическая культура оценивались по их влиянию в рамках самого партии-государства... Более поздние исследования сохранили этот упор на официальной идеологии и политической культуре и распространяли их на все общество в целом» (с. 9). Автор ссылается на статью Дж. Скенлена «Реформы и гражданское общество в СССР», в которой тот говорит о марксистско-ленинских идеях как о «советских представлениях и убеждениях»[4]. По мнению С. Фиша, Дж. Скенлен «не обратил внимания на то, что такие идеи, несмотря на свою распространенность в официальном мышлении, необязательно глубоко укоренялись в обществе в целом и тем самым могли не сковывать независимо мыслящих политических и общественных деятелей» (с. 9).

Другая группа концепций, критикуемая С. Фишем, возникла как реакция на недостатки теории «тоталитаризма» и характеризуется попытками найти различия мнений внутри советской правящей элиты, разнообразных группировок, групп интересов. Советское общество сторонниками этих теорий рассматривалось не как тоталитарный монолит, а как «бюрократически-плюралистическое», «институционально-плюралистическое» и т.п. К ним он относит работы авторов, находивших различные тенденции в самом официальном советском марксизме, например статьи и книги С. Коэна, рассматривавшего советскую историю через призму борьбы «либерального» (бухаринского) и «консервативного» (сталинского) вариантов марксизма и, соответственно, как борьбу между «друзьями и врагами» реформ.

Применение термина «плюрализм», которым обычно определяют демократические общества, приводило к тому, что некоторые авторы старались необоснованно сблизить с ними систему, господствовавшую в СССР. С. Фиш приводит выходящие за рамки всякого здравого смысла заявления таких авторов, как П. Ваннеман, о том, что советы в СССР были «барометром общественного мнения»[5], а выборы в них (по словам С. Уайта) служили «свидетельством возрастающей

[4] *Scanlan J.* Reforms and Civil Society in the USSR // Problems of Communism. March-April 1988. P. 41–46.

[5] *Vanneman P.* The Supreme Soviet: Politics and the Legislative Process in the Soviet Political System. Durham, 1977. P. 3, 25–26.

способности режима мобилизовать население и интегрировать его в политическую систему»[6] (с. 12).

По мнению С. Фиша, основным пороком такого подхода осталось пренебрежение общественным мнением: борьба различных идеологических представлений рассматривалась исключительно в рамках государственной системы. Автор отмечает, что «тенденция оценивать политику только в рамках интересов верхов, изображать политическую борьбу только в терминах дебатов между "друзьями и врагами" реформ внутри руководства не позволила многим аналитикам понять, что существуют иные источники идей, порождающих определенное давление в сторону перемен» (с. 12).

Несмотря на обоснованность такой критики, причины выявленных С. Фишем недостатков он все же, по нашему мнению, раскрывает недостаточно глубоко, рассматривая споры между зарубежными советологами как отвлеченные научные дискуссии вне политических реалий. В то же время совершенно очевидна связь борьбы между сторонниками и противниками теории «тоталитаризма» с борьбой сторонников и противников жесткого и мягкого подхода к СССР, «разрядки» и «помощи» ему (позже России) в руководстве стран Запада, прежде всего США. О своем стремлении повлиять на практическую политику России открыто пишут многие западные политологи[7]. Совершенно неслучайно сторонники теории «тоталитаризма», такие как З. Бжезинский, чаще всего оказываются сторонниками и проводниками «жесткой линии», а сторонники «плюрализма», подчеркивавшие принципиальную схожесть обществ СССР и Запада, – сторонниками левых либералов и социалистов[8].

Кроме того, особенно это касается второй группы западных специалистов по России, критика С. Фиша не всегда справедлива. Многие сторонники идеи существования плюрализма в СССР писали о том, что он был распространен не только в руководстве страной, в государственных органах, но и в среде рабочих, диссидентов, писателей и ученых, интеллигенции в целом[9]. Другое дело, что все эти

---

[6] *White S.* Political Culture and Soviet Politics. London, 1979. P. 87.

[7] См., например: *Hough J.* The Soviet Union and Social Science Theory. Cambridge (Mass.). London, 1977. P. VII–VIII.

[8] Подробнее об этом см.: *Лукин А.* О некоторых особенностях англоязычных исследований советского общества. США: экономика, политика, идеология. 1995. № 8.

[9] См., например: *Lane D., O'Dell F.* The Soviet Industrial Worker. Social Class, Education and Control. Oxford, 1978; *Churchward L.* The Soviet Intelligentsia. London, Boston, 1973; *Balzer H.* Engineers: The Rise and Decline of a Social Myth, etc. 1959.

группы чаще всего исследовались либо (как в случае с диссидентами) некритически, либо на основании произвольно обработанных официальных документов. А это наряду с политическими пристрастиями авторов часто приводило к идеализации объекта исследования. Впрочем, зацикленность многих зарубежных авторов на государственных структурах и официальной идеологии, а также изучение почти исключительно официальных документов и официальной статистики можно объяснить не только стремлением к теоретизированию, но и практически недоступностью источников для изучения реальных представлений советских людей. Хотя, конечно, стремление выдать официальную идеологию за присущую всему народу нередко объяснялось профессиональной недобросовестностью.

Но что же предлагает сам С. Фиш? Его картина общественного развития в СССР – картина противостояния государства и общества, где «государство» – все лица и организации, входившие в систему государственной власти, а «общество» – «организации, группы и просто частные лица вне государственных институтов» (с. 27). В этом случае, пишет С. Фиш, «в центре развития нового политического общества – конфликт между возникающими автономными организациями и институтами государственной власти» (с. 26). С этой точки зрения оценивает он и ход реформ сначала в СССР, потом в России. По его мнению, либерализация прав не привела к формированию гражданского общества западного типа. Напротив, сохранение структурных барьеров, государственный контроль над собственностью оказывали сильнейшее влияние на развитие новых независимых политических институтов и на их отношения с государством (с. 26).

С. Фиш решительно отказывается рассматривать причины изменений в СССР с точки зрения эволюции идей и представлений. Объясняя слабость и неорганизованность российского демократического движения давлением государства и суммируя основные черты своего подхода, он пишет: «Центральный аргумент, выдвинутый в данном исследовании, состоит в том, что характер государственной власти дает ключ к пониманию независимого политического общества, которое возникло в России в горбачевский период. Этот аргумент сводится к тому, что условия, при которых проходили выборы, государственные репрессии и контроль над участием народов в политике, а также сращенность политики и экономики, одним словом, все, что было сформировано властью, определило уровень мобилизации населения, содержание требований общественных движений, а также организационные формы, через которые они проявлялись,

поведение и стратегию независимых политических ассоциаций» (С. 201).

Но ведь совершенно ясно, что все это полностью исключает элемент осознанных общественных действий. И тогда закономерен вопрос: даже если предположить, что роль государства в СССР действительно была столь велика, как, каким именно образом осуществлялось его влияние на жизнь людей, в частности на формирование общественных организаций? Как, каким образом «структурные барьеры», «государственный контроль над собственностью», методы проведения выборов воздействовали на общество, на новые свободные политические организации? Если внимательнее рассмотреть взаимодействие государства и личности, скажем, даже представителя той или иной организации, окажется, что личность не закаляется под ударами государства, как металл при ударе молота. «Удары» государственной идеологии падают на уже сложившиеся представления человека, а если человек родился в этом государстве, то оказывают влияние на процесс формирования его представлений с самого детства, причем «удары» как наносятся, так и воспринимаются в форме языка, понимаемого не только как язык слов, но язык символов, язык культуры. Это часть процесса политической социализации. Любое событие толкает человека на какое-либо действие не механически, но воздействует на его систему взглядов, в рамках которой он принимает решение.

Исключить представления людей из процесса взаимодействия государства и общества, государства и личности – значит превратить этот процесс в голую абстракцию, в борьбу механизма абстрактного государства и абстрактного общества, в котором нет людей, так как не существует людей без их представлений. Это и делает С. Фиш, и в этом смысле его новая схема нисколько не отличается от схем критикуемых им теоретиков: в ней нет места людям с их реальными мыслями и желаниями.

Внимательное изучение системы ценностей так называемых «государственных людей» и представителей общества в России не позволяет сводить все к абстрактной схеме, ибо исследователь сразу же обнаруживает, что некоторые люди как на государственных должностях, так и в самых антигосударственных группах придерживаются иной раз одних и тех же позиций и действуют в одном и том же направлении, в то время как они могли быть «друзьями реформ» (если мы возьмем демократические организации) или их «врагами» (как члены группы Нины Андреевой, которая также совершенно «него-

сударственна»). Борьба, таким образом, идет между конкретными людьми и, естественно, организациями, в которых они состоят: М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным, М.С. Горбачевым и Е.К. Лигачевым (хотя все они и были «государственными людьми», и даже одного уровня), между лидерами КПСС и лидерами «Демократической России» (в то время как в «Демократической России» было множество членов КПСС). Конечно, на позицию человека оказывает влияние его положение в обществе, но механизм этого воздействия вовсе не прямой, и угадать позицию по общественному статусу того или иного лица, абстрагировавшись от его убеждений, невозможно, здесь неизбежны ошибки.

Нам кажется, что именно такие ошибки свойственны С. Фишу, когда он берется анализировать демократическое движение в России, подгоняя представления его членов под свою схему. Стоит только удивляться, что, основательно поработав в столице, изучив демократические группы в четырех регионах – Свердловске, Туле, Орле и Волгограде, взяв интервью у более чем 60 российских демократов, С. Фиш не заметил тех взглядов, которые противоречат его представлениям о них. По мнению С. Фиша, демократ должен выступать за демократию, как ее «обычно понимают на Западе» (с. 28). Подробного разъяснения такого понимания в книге нет, но в различных ее частях есть указания на то, что демократия связана с «выборами», «компромиссом», «партиями», которым симпатизирует или в которых состоит большинство населения. Впрочем, мы не случайно не находим в книге определения понятия «демократия». Для автора это нечто само собой разумеющееся, поскольку это «нормальное», «прогрессивное» состояние большинства государств мира, от которого отошла Россия. Язык и понятия современной западной политической системы он также считает «нормальными», а их отсутствие, например, в России, естественно, «ненормальным». Положение в России, с точки зрения С. Фиша, характеризуется «отсутствием и таких понятий, как социальная демократия, тред-юнионизм, либерализм, национализм, христианская демократия и т.д.» (с. 86). Такое видение мира явно свидетельствует об абсолютизации автором той культуры, в которой он сам вырос и к которой привык. Ведь даже сегодня в большей части мира (по населению или территории), например в Китае, Индии, большинстве государств Африки, понятия, о которых идет речь, чужды их народам ничуть не в меньшей степени, чем народам России. И отнюдь не только по причинам отсталости, ведь есть еще и традиции. Да и говорить о распространенности социал-демократии или

христианской демократии или утверждать, что большинство населения в самих США – сторонники какой-либо партии, было бы явным преувеличением.

Утверждая, что все российские демократы высказывались за «демократизацию общества» (с. 94) и за «рыночную экономику» (с. 215), американский исследователь приписывает российским демократам не присущее им единство понимания целей как в своей собственной среде, так и в среде неких обобщенных «западных» демократов. Что касается «демократизации», то автор предпочитает не замечать, что понимание этого термина в России существенно отличается от «принятого на Западе», а также не обращает внимания на существенные различия в его толковании, скажем, анархистами (весьма активная часть демократического движения на его ранних этапах, о нем С. Фиш вообще не упоминает) и, например, членами Демократической партии России. Что же касается введения свободного рынка в России, то к этой проблеме вообще отношение было и остается до сих пор неоднозначным. Многие демократы выступали за мягкий переход к рыночной экономике, совершенно отличный от варианта, позднее избранного Е.Т. Гайдаром. Автор стремится представить практически все «демократические» организации крайне демократичными по своей структуре, но приводимые им примеры (в частности, Московское объединение избирателей, которое на практике руководилось узкой группой лиц) совсем не убеждают.

Это непонимание С. Фишем реального положения дел – следствие его подхода, не принимающего в расчет мировоззрение наших демократов. Это кажется странным – ведь он имел редкую возможность подолгу беседовать с живыми людьми, изучать документы.

Но есть и более глубокая причина научной неудачи С. Фиша. Если сравнить его собственные представления о социальном устройстве и сути политического процесса в бывшем СССР, то можно обнаружить их полное совпадение с представлениями некоторых групп самих российских демократов. С. Фиш, таким образом, впадает в непростительную для исследователя ошибку: под влиянием собранного им материала, личных контактов он полностью принял взгляды объекта своего изучения. Конечно, это произошло не случайно: многие штампы обыденного западного понимания этого явления (особенно «западоцентричность») совпадают со штампами российского «демократа».

Возможно, С. Фиш не согласится с таким утверждением. Он основывает свою «государственно-общественную» концепцию на

различных, ранее опубликованных на Западе исследованиях «социалистических обществ». Практически все авторы работ, на которые ссылается С. Фиш, – бывшие эмигранты из соцстран. Таким образом, представления российских (как и восточноевропейских) демократов не родились на пустом месте. В течение длительного времени эти представления распространялись в оппозиционно настроенных кругах общества и переносились на Запад теми, кто туда ехал и публиковал там свои работы. С. Фиш просто попал под влияние российских «демократов». Вместе с тем надо сказать, что критика автором невнимания западных политологов к реальным представлениям советского общества вполне обоснованна. Представления эти, если разобраться, формировались не только под влиянием государственной идеологии, здесь важны были семейные устои, возможность получения информации из-за рубежа, российская историческая традиция. С. Фиш не пошел по сложному пути изучения этих представлений, их формирования и последующего их влияния на политические процессы. А жаль.

Подходы к исследованию систем представлений социальных групп и современная политология[1]

Понятие «представление» не является общепризнанным термином социологии или политологии, хотя, как будет показано ниже, применяется многими авторами. В том же или близком значении употребляются и другие термины: «идеи», «образы», «взгляды», «подходы», «ценности», «стереотипы» и т.д. Так или иначе, изучением систем представлений занимаются разные области общественных наук: социология, социальная психология, антропология, культурология, политология и ни в одной из них не существует единого подхода, в каждой ведутся споры относительно перечисленных выше понятий. Данная работа посвящена некоторым методологическим вопросам изучения систем представлений.

От рационализма к историзму

Социология, как отдельная наука об обществе, развилась во второй половине XIX столетия, основываясь на рационалистической идее возможности объяснить мир на основе единых принципов. Бурное развитие естественных наук вело к пониманию общества как сходного с природой «объекта исследования», который можно познать на основе поступательного развития исследовательских методов и открытия общих законов развития общества. Особенно ярко отождествление методов естественных и гуманитарных наук проявилось в позитивизме. Один из тончайших критиков позитивизма Р. Коллингвуд так писал об идеях создателя термина «социология» О. Конте: «Каждая естественная наука, утверждали позитивисты, начинает с открытия фактов, но затем она переходит к обнаружению причинных связей между ними. Приняв этот тезис, Конт предложил создать новую науку, социологию, которая должна начаться с открытия фактов о жизни человека (решение этой задачи он отводил историкам), а затем перейти к поиску причинных связей между этими фактами.

[1] Данная работа написана в 1993 г. в период подготовки докторской диссертации в Оксфордском университете в качестве введения к ней, однако затем в основной текст не вошла.

Социолог тем самым становился своего рода сверхисториком, поднимавшим историю до ранга науки, осмысливая научно те же самые факты, о которых историк мыслит только эмпирически»[2].

Идея создания «сверхистории» или «научной истории» характерна не только для позитивизма, но и для всей рационалистической традиции. Породив социологию, эта идея, естественно, стала основой крупнейших социологических теорий. Построения Ш.Л. Монтескье, К. Маркса, Э. Дюркгейма и других основоположников социологии, несмотря на все различия между ними, объединяло одно коренное убеждение: общие законы общественного развития существуют, дело лишь за тем, чтобы их открыть.

Одно из этих учений, марксизм, сконструировав, возможно, самую грандиозную и убедительную «сверхисторию», одновременно создало и предпосылки для критики идеи единых законов общественного развития. Анализ К. Марксом идеологии, под которой понималась вся система идей, существующих в обществе, как «ложного сознания», скрывающего истинные классовые интересы, применялся им в основном для критики «капитализма». Поставив вопрос о социальной обусловленности идеологии, К. Маркс не описал подробно механизма производства идеологии и не применил свою теорию последовательно, например, к себе самому, считая собственную теорию абсолютной или, в лучшем случае, выражающей интересы «пролетариата», господство которого соответствует «последнему» этапу общественного развития, а его идеология – высшему этапу развития науки. Однако идея относительности идеологии, ее социальной обусловленности стала отправной точкой для тех исследователей, кого давно не удовлетворял позитивистский подход к социальной сфере.

Другим истоком для критики позитивистской социологии стала неокантианская философия истории. Противопоставление истории как науки об индивидуальном естествознании, изучающем рода и виды, и вытекающее из этого понимание необходимости учета взглядов самого историка в историческом анализе, то есть включение личности исследователя в процесс исследования духовной сферы, который только и возможен потому, что исследователь является личностью, – эти идеи, введенные в философию истории В. Виндельбандом, Г. Риккертом, Г. Зиммелем и В. Дильтеем, во многом способствовали созданию антипозитивистской социологии. П. Бергер и Т. Лукман, сторонники «социологии знания» – одного из социоло-

[2] *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 123–124.

гических направлений, возникших на волне критики позитивизма, – признают основополагающее влияние марксизма и неокантианского историцизма: «Историцизм, особенно в дильтеевском варианте, непосредственно предшествовал социологии знания. Историцизму было присуще поразительное ощущение относительности всех перспектив, то есть неизбежной историчности человеческого мышления... Характерное для историцизма утверждение, что ни одну историческую ситуацию нельзя понять иначе, как в ее терминах, легко превратить в утверждение, подчеркивающее социальный контекст мышления», – писали они[3].

«Коллективные представления» Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля

Термин «представления» (*représentations*) как социологическое понятие было введено в научный оборот Э. Дюркгеймом. Ранее «представления» рассматривались в основном в рамках философии как характеристика индивида, хотя некоторые предшественники Э. Дюркгейма и замечали общность в представлениях различных социальных групп: Вольтер, например, писал о различиях в понимании мира на Востоке и Западе, А. де Токвиль о «чувствах американцев» и т.д. Однако только Э. Дюркгейм сделал «представления» одной из основных категорий своей социологии. Опираясь на идеи О. Конта о социальной обусловленности знания, он помимо индивидуальных представлений рассматривал «коллективные представления» (représentations collectives). В предисловии к одному из своих основных трудов «Метод социологии» Э. Дюркгейм писал: «...Для нас совершенно очевидно, что *материя* социальной жизни не может объясняться чисто психологическими факторами, т.е. состояниями индивидуального сознания. Действительно, коллективные представления выражают способ, которым группа осмысливает себя в своих отношениях с объектами, которые на нее влияют. Но группа устроена иначе, чем индивид, и влияющие на нее объекты – иные по своей сути. Представления, которые не выражают ни тех же субъектов, ни те же объекты, не могут зависеть от тех же причин. Чтобы понять, каким образом общество представляет себе самого себя и окружающий его мир, необходимо рассматривать сущность не отдельных индивидов, а общества. Символы, в которых оно себя осмысливает, меняются

[3] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр: Медиум, 1995. С. 18–19.

в зависимости от того, что оно собой представляет. Если, например, оно воспринимает себя как происшедшее от животного, чье имя оно носит, значит, оно образует одну из специфических групп, называемых кланом. Там же, где животное заменено человеческим, но также мифическим предком, клан изменил свою сущность. Если над местными и семейными божествами общество помещает другие божества, от которых считает себя зависимым, то это происходит потому, что местные и семейные группы, из которых оно состоит, стремятся к концентрации и объединению, и степень единства религиозного пантеона соответствует степени единства, достигнутого обществом в то же время. Если оно осуждает некоторые способы поведения, то потому, что они задевают какие-то его основные чувства, а эти чувства связаны с его устройством так же, как чувства индивида – с его физическим темпераментом и умственным складом. Таким образом, даже тогда, когда у индивидуальной психологии больше не будет от нас секретов, она не сможет предложить нам решение ни одной из отмеченных проблем, поскольку они относятся к категориям фактов, которые нам неизвестны»[4].

В этих рассуждениях видны основные черты понимания Э. Дюркгеймом «представлений». Он делит представления на индивидуальные и коллективные, причем выделение коллективных представлений непосредственно связано с необходимостью найти отдельную сферу изучения для социологии. Социология, согласно Э. Дюркгейму, как раз и должна изучать коллективные представления, как систему символов, их структуру, изменения, а также их соотношение с порождающими их социальными группами. Коллективные представления довольно прямолинейно зависят от состояния соответствующей социальной группы, так же как индивидуальные представления, которые порождаются физическими особенностями организма и индивидуальным «умственным складом». Кроме того, согласно Э. Дюркгейму, коллективные представления, составляющие содержание коллективного сознания, обладают своей жизнью, развиваются по собственным законам, независимым от сознания отдельных индивидов, и в качестве таковых и должны изучаться социологией. Э. Дюркгейм замечает: «Коллективное мышление целиком, как его форма, так и содержание, должно изучаться само по себе, для самого себя, с ощущением того, что в нем есть специфического,

[4] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 399–400.

и нужно оставить на будущее заботу о том, чтобы обнаружить, в какой мере оно подобно мышлению отдельных людей. В сущности, эта проблема относится скорее к общей философии и абстрактной логике, чем к научному исследованию социальных фактов»[5].

Понятие «социального факта», возникающее здесь, – основное понятие социологии Э. Дюркгейма – неразрывно связано с «коллективными представлениями». Французский социолог описывает «социальные факты», противопоставляя их «несоциальным»:

«...Каждый индивид пьет, спит, ест, рассуждает, и общество очень заинтересовано в том, чтобы все эти функции отправлялись регулярно.

Если бы все эти факты были социальными, то у социологии не было бы своего собственного предмета, и ее область слилась бы с областью биологии и психологии.

Но в действительности во всяком обществе существует определенная группа явлений, отличающихся резко очерченными свойствами от явлений, изучаемых другими естественными науками.

Когда я действую как брат, супруг или гражданин, когда я выполняю заключенные мною обязательства, я исполняю обязанности, установленные вне меня и моих действий правом и обычаем. Даже когда они согласны с моими собственными чувствами и когда я признаю в душе их реальность, последняя остается все-таки объективной, так как я не сам создал их, а усвоил благодаря воспитанию.

Как часто при этом случается, что нам неизвестны детали налагаемых на нас обязанностей, и для того, чтобы узнать их, мы вынуждены справляться с кодексом и советоваться с его уполномоченными истолкователями! Точно так же верующий при рождении своем находит уже готовыми верования и обряды своей религии; если они существовали до него, то, значит, они существуют вне его. Система знаков, которыми я пользуюсь для выражения моих мыслей, денежная система, употребляемая мною для уплаты долгов, орудия кредита, служащие мне в моих коммерческих сношениях, обычаи, соблюдаемые в моей профессии, и т.д. – все это функционирует независимо от того употребления, которое я из них делаю. Пусть возьмут одного за другим всех членов, составляющих общество, и все сказанное может быть повторено по поводу каждого из них. Следовательно, эти

[5] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 402.

способы мышления, деятельности и чувствования обладают тем примечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний... Такова, стало быть, категория фактов, отличающихся весьма специфическими свойствами; ее составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются. Поэтому их нельзя смешивать ни с органическими явлениями, так как они состоят из представлений и действий, ни с явлениями психическими, существующими лишь в индивидуальном сознании и через его посредство. Они составляют, следовательно, новый вид, и им-то и должно быть присвоено название *социальных*. Оно им вполне подходит, так как ясно, что, не имея своим субстратом индивида, они не могут иметь другого субстрата, кроме общества»[6].

«Субстратами» этих «способов мышления, действия и чувствования» (то есть «коллективных представлений») может быть социальная группа любого размера, так как «кроме общества в целом, будь то политическое общество в целом или какие-либо отдельные группы, в нем заключающиеся: религиозные группы, политические и литературные группы, профессиональные корпорации и т.д.». Кроме них к социальным фактам Э. Дюркгейм относит также «социальные течения», менее кристаллизованные формы, типа групповых настроений, а также «формы коллективного бытия», то есть сами «субстраты коллективной жизни» – формы существования общества. Однако он показывает, что «социальные течения» отличаются от «способов мышления, действия и чувствования» только степенью устойчивости, а «субстраты коллективной жизни» вообще могут быть сведены к ним, так как являются результатом навязывания форм коллективного сознания, не более чем устоявшимся способом действий. Э. Дюркгейм утверждает: «Политическая структура общества есть лишь способ, которым привыкли жить друг с другом различные сегменты, составляющие это общество... Тип нашего жилища представляет собой лишь тот способ, которым привыкли строить дома все вокруг нас и отчасти – предшествующие поколения. Пути сообщения являются лишь тем руслом, которое прорыло себе регулярно совершающееся в одном и том же направлении течение обмена и миграций»[7].

Таким образом, можно предположить, что для Э. Дюркгейма все социальные факты в конечном итоге были «коллективными пред-

[6] Там же. С. 411–413.
[7] Там же. С. 420.

ставлениями». Важнейшим их признаком Э. Дюркгейм считал их принудительное навязывание каждому члену общества. Однако это принуждение он понимал не только как прямое общественное насилие, но и как невозможность (либо в связи с реакцией общества, либо по причине незнания иного метода действия, кроме привычного) поступать или думать иначе. Одним из важных методов такого общественного принуждения социолог считал воспитание, которое, по его словам, «заключается в постоянном усилии приучить ребенка видеть, чувствовать и действовать так, как он не привык самостоятельно. С первых дней его жизни мы принуждаем его есть, пить и спать в определенные часы, мы принуждаем его к чистоте, к спокойствию и к послушанию; позднее мы принуждаем его считаться с другими, уважать обычаи, приличия, мы принуждаем его к работе и т.д. Если с течением времени это принуждение и перестает ощущаться, то только потому, что оно постепенно рождает привычки, внутренние склонности, которые делают его бесполезным, но заменяют его лишь вследствие того, что сами из него вытекают»[8].

Э. Дюркгейм называет воспитание процессом «создания социального существа», считает его изучение весьма интересным, так как таким образом можно увидеть, «как образовалось это существо в истории»[9]. На этих идеях французского социолога основаны все позднейшие концепции «социализации».

Таким образом, Э. Дюркгейм считает задачей социологии изучение «социальных фактов», то есть, в конечном итоге, систем «коллективных представлений». Системы таких представлений или «различные типы ментальности» «исторически сменяют друг друга»[10], что и составляет суть истории. Э. Дюркгейм подвергает критике теорию прямолинейного прогресса О. Конта. По его мнению, «это представление совершенно субъективно, фактически этого прогресса человечества не существует. Существуют же и даны наблюдению лишь отдельные общества, которые рождаются, умирают независимо одно от другого... Народ, заступающий на место другого народа, не является

[8] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 415.

[9] Там же. С. 416.

[10] *Durkheim E.* Review of Lucien Levy-Bruhl, Les Fonctions mentales dans les socie'te' infe'erieures // Traugott M. (ed.). Emile Durkheim on Institutional Analysis. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1978. P. 146–147; *Durkheim E.* Les Formes e'le'mentaires de la vie religieuse // Traugott M. (ed.). Emile Durkheim on Institutional Analysis. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1978. P. 146–147.

простым продолжением последнего с некоторыми новыми свойствами. Он составляет новую индивидуальность, и все эти отдельные индивидуальности, будучи разнородными, не могут слиться в один и тот же непрерывный ряд. Последовательный ряд обществ не может быть изображен геометрической линией, он скорее похож на дерево, ветви которого расходятся в разные стороны»[11].

Однако, критикуя О. Конта, сам Э. Дюркгейм фактически создает собственную, несколько более сложную теорию общественного прогресса. Он утверждает, что смена систем представлений происходит по определенной схеме: от примитивных религиозных до более развитых, основанных на рационализме и логике. Примитивные представления в этой схеме не противостоят современным, но развиваются в них путем эволюции вместе с эволюцией общества, причем более высокое общество характеризуется уменьшением сферы «коллективного сознания» и увеличением роли индивидуального. Однако полное господство индивидуального могло бы привести к исчезновению морали, которая, по Э. Дюркгейму, существует только в коллективе. Поэтому, как считает Э. Дюркгейм, на смену старым связям, основанным на сходстве, приходят новые, возникшие благодаря процессу разделения труда, который становится основой «социальной солидарности», этого нового фундамента общества. В книге «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм так описывает этот процесс: «Разделение труда не только содержит в себе черту, по которой мы определяем нравственность; оно стремится все более и более стать существенным условием социальной солидарности. По мере продвижения процесса эволюции ослабляются узы, связывающие индивида с его семьей, с родной землей, с завещанными прошлыми традициями, с коллективными обычаями группы. Становясь более подвижным, он легче меняет среду, покидает родных, с тем, чтобы жить в другом месте более автономной жизнью, более самостоятельно формирует свои идеи и чувства. Без сомнения, от этого не исчезает всякое общее сознание; всегда остается, по крайней мере, тот культ личности, индивидуального достоинства, о котором мы сейчас говорили и который теперь является единственным объединяющим центром стольких умов. Но как мало этого, особенно когда думаешь о все возрастающем объеме социальной жизни и вследствие этого – индивидуальных сознаний! Ибо так как они становятся объемистее, так как интеллект становится

[11] Ibid. P. 426.

богаче, деятельность разнообразнее, то, чтобы нравственность стала постоянной, т.е. индивид остался прикрепленным к группе с силой, хотя бы равной прежней, необходимо, чтобы связывающие его с ней узы стали сильнее и многочисленнее. Значит, если бы не образовалось других уз, помимо тех, которые происходят от сходств, то исчезновение сегментарного типа сопровождалось бы регулярным понижением уровня нравственности. Человек бы не испытывал достаточного умеряющего воздействия; он не чувствовал бы более вокруг себя и над собой того здорового давления общества, которое умеряет его эгоизм и делает из него нравственное существо. Вот что создает моральную ценность разделения труда. Благодаря ему индивид начинает сознавать свое состояние зависимости по отношению к обществу; именно от него происходят сдерживающие и ограничивающие его силы. Словом, так как разделение труда становится важным источником социальной солидарности, то оно вместе с тем становится основанием морального порядка»[12].

Таким образом, задачей социологии, как науки, становится изучение «социальных фактов» или «коллективных представлений». Это изучение, в соответствии с теорией Э. Дюркгейма, строится на отношении к «социальному факту как к вещи». Суть этого подхода в свойственной позитивизму тенденции использовать методы точных наук для изучения социальных явлений. По Э. Дюркгейму, социальные факты имеют такое же реальное существование вне субъекта, вне индивида, как и природные «вещи», поэтому исследователь должен занять по отношению к ним объективную позицию. Тому, как это сделать, и посвящен «Метод социологии». Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что здесь Э. Дюркгейм впадает в противоречие, с которым родилась социология: противоречие между стремлением создать «объективную» науку об обществе с едиными законами и пониманием социальной обусловленности сферы идей. В «Методе социологии» Э. Дюркгейм критикует О. Конта и других ранних социологов за то, что они вместо «социальных» вещей изучают «предпонятия» (он использует выражение Ф. Бэкона), т.е., проще говоря, вместо социального явления изучает готовое мнение, которое у него о нем сформировалось. Однако если, как признает Э. Дюркгейм, индивид – плод общества, а его представления во многом навязаны коллективными представлениями, то в чем же отличие исследователя? Э. Дюркгейм стремится поставить исследователя в «объективную»

[12] Там же. С. 371–372.

позицию, вне «преконцепций», вне коллективных представлений, то есть, с его же точки зрения, вне общества и морали.

Леви-Брюль и антропологическая традиция

Изучение «коллективных представлений» получило дальнейшее развитие в трудах французского философа и антрополога Л. Леви-Брюля. Под влиянием идей Э. Дюркгейма он решает проанализировать конкретную систему представлений, которая, как он считал, присуща народам на ранних этапах общественного развития. Такую систему он назвал «первобытным мышлением», которое он противопоставлял мышлению современному. В первой книге, посвященной этому вопросу, с характерным названием «Ментальные функции в низших обществах», он дал сжатое определение коллективных представлений, в целом выдержанное в дюркгеймовском духе: «Представления, называемые коллективными, если определять только в общих чертах, не углубляя вопроса об их сущности, могут распознаваться по следующим принципам, присущим всем членам данной социальной группы: они передаются в ней из поколение в поколение, они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т.д. в отношении своих объектов, они не зависят в своем бытии от отдельной личности. Это происходит не потому, что представления предполагают некий коллективный субъект, отличный от индивидов, составляющих социальную группу, а потому, что они проявляют черты, которые невозможно осмыслить и понять путем одного только рассмотрения индивида как такового. Так, например, язык, хоть он и существует, собственно говоря, лишь в сознании личностей, которые на нем говорят, – тем не менее несомненная социальная реальность, базирующаяся на совокупности коллективных представлений. Язык навязывает себя каждой из этих личностей, предсуществует ей и переживает ее»[13].

Именно идея Э. Дюркгейма о том, что коллективные представления в большей степени присуще наиболее ранним обществам, заставила Л. Леви-Брюля рассмотреть «чистую ситуацию», то есть изучить наименее развитые из них. Однако по мере изучения он приходит к отличным от Э. Дюркгейма выводам. Прежде всего, в отличие от Э. Дюркгейма, который считал более раннее «религиозное» мышление непосредственным предшественником современного,

[13] *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 9.

а процесс смены одного другим постепенным развитием первого во второе, Л. Леви-Брюль заключил, что «первобытное мышление» является полной противоположностью «современного», вернее, абсолютно отличным от него. По контрасту с современным мышлением, которое он считал основанным на «логике», Л. Леви-Брюль назвал «первобытное мышление» «пралогическим». Соответственно, смена систем коллективных представлений, по Л. Леви-Брюлю, состояла не в развитии «пралогического мышления» в «логическое», а в исчезновении первого и торжестве второго.

Вероятно, такое противопоставление приводит Л. Леви-Брюля к несколько иному, чем у Э. Дюркгейма, пониманию позиции исследователя. Критикуя методы основателей английской антропологической школы Э.Б. Тайлора и Дж. Фрэзера, Л. Леви-Брюль усматривает их ошибку в попытке представить первобытное мышление как недоразвитое современное, то есть рассматривать первобытных людей как «детей», еще не научившихся всем приемам логического мышления и потому совершающих ошибки. Возьмем лишь один пример Л. Леви-Брюля: «Существует обычай, весьма распространенный в самых разных странах и в разные времена, заключающийся в том, что в рот покойника кладут либо зерно, либо монету, либо кусочек золота. Фрэзер приводит множество данных, подтверждающих этот обычай. Затем он его объясняет: “Первоначальный обычай мог заключаться в том, что в рот покойника клали пищу; впоследствии пищу заменили драгоценным предметом (монетой или чем-нибудь другим), чтобы дать покойнику купить самому себе пищу”. Объяснение выглядит правдоподобным. Однако для одного случая, где мы можем его проверить, оно оказывается неправильным. Этот случай действительно существует с незапамятных времен в Китае, и де Гроот приводит нам подлинное его объяснение на основании древних китайских текстов. Золото и нефрит – вещества чрезвычайной прочности. Они – символы небесной сферы, которая непоколебима, неистребима и никогда не разрушается. Поэтому золото и нефрит (а также жемчуг) обеспечивают жизнеспособность лиц, которые их глотают. Другими словами, эти вещества увеличивают силу душ проглотивших их людей, душ (shen), которые, подобно небу, составлены из начала Янг: золото, нефрит и жемчуг предохраняют покойников от разложения и благоприятствуют их возвращению к жизни»[14].

[14] *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 17.

В этом и нескольких подобных примерах Л. Леви-Брюль фактически следует совету Э. Дюркгейма о необходимости избавиться от «предпонятий». «Предпонятие» английского исследователя в данном случае – его понимание функции золота и нефрита, данное ему «коллективными представлениями» его общества. Для него ценность золота и нефрита выражается в их высокой цене, благодаря чему на них можно обменять полезные вещи, например еду. Однако для китайца, как утверждает исследователь, изучивший древнекитайские представления, эти предметы означают совсем другое. Поэтому и действия китайца в отношении их непонятны для внешнего наблюдателя либо понимаются неверно. Л. Леви-Брюль, используя метод Э. Дюркгейма, приходит к отличным от него выводам: теория о том, что факты «могут быть объяснены только *единственно возможными путем*», неверна[15]. Понять жизнь другого общества, деятельность его членов можно, только изучив его «коллективные представления», исходя из их внутренней логики, а эти представления могут коренным образом отличаться от представлений «современного общества».

Конечно, Л. Леви-Брюль, как и Э. Дюркгейм, считает «современное» общество более высоким этапом развития, он называет его «нашим» и считает его нормы чем-то общепризнанным, нормальным. Однако очевидно, что за такое «нормальное» мышление он сам принимает лишь абстракцию строго логического научного мышления, которое на практике вряд ли господствовало в современном ему обществе. В поздних работах, после критики ряда антропологов-практиков, он изменил некоторые свои позиции, перестав считать первобытные общества полным царством «пралогического» мышления и признав в нем, особенно на бытовом уровне, обширную область распространения обыденной логики. В то же время он согласился с наличием и в современном обществе многих элементов того мышления, которое он назвал «пралогическим», в связи с чем перестал употреблять термин «пралогическое», предпочитая понятие «мистическое мышление». Но основу своей концепции: понимание двух видов мышления как если и не противоположных, то в корне различных, благодаря чему первобытное мышление не является источником современного, а постепенно сменяется на современное и исчезает, – Л. Леви-Брюль сохранил.

Идеи Л. Леви-Брюля оказали значительное влияние на развитие антропологии. Проверив на практике и скорректировав ряд положе-

[15] Там же. С. 13.

ний Л. Леви-Брюля, антропологи-практики развили другие его идеи. Так, британский антрополог Э. Эванс-Притчард на примере африканского народа Азанде показывал, что «коллективные представления» являются системой, которую он называет «паутиной убеждений», и их нельзя изучать по отдельности, так как ее части используются для сохранения целостности системы, даже если ее отдельная часть и вступает в конфликт с опытом. Он пишет: «Здесь нет поощрения агностицизма. Все их убеждения связаны между собой, и если бы занде отказался от веры во врачевание от колдовства, он должен был бы одновременно разувериться в колдовстве и в оракулах... В этой паутине убеждений каждая нить зависит от каждой другой нити, и занде не может выйти за пределы ее ячеек, потому что это единственный мир, который он знает. Эта сеть – не внешняя структура, в которую он заключен. Это текстура его мысли, и он не может думать, что его мысль неверна»[16].

Э. Эванс-Притчард показал также, что, как и утверждал Л. Леви-Брюль, член африканского племени не является в интеллектуальном отношении «недоразвитым» по шкале какого-то другого, скажем современного общества, его «ум» просто нельзя оценивать по этой шкале. Может быть, современному европейцу, верящему в «науку» и «логику», кажется «глупым» верить гадателям (хотя он часто отнюдь не чурается обсуждения летающих тарелок и занятий спиритизмом и даже находит этому научные обоснования), но «и, тем не менее, азанде не видят, что их оракулы ничего им не говорят! Их слепота – не результат глупости, так как они проявляют большую находчивость, оправдывая неудачи и несоответствия оракулов, гадающих с помощью яда, и экспериментальную проницательность при проверке их гадания. Она вызвана тем фактом, что их интеллектуальная находчивость и экспериментальная проницательность обусловлены шаблонами ритуального поведения и мистических убеждений. В рамках этих шаблонов они демонстрируют выдающийся интеллект, но он не может оперировать вне этих рамок. Или, иными словами, они отлично рассуждают в рамках идиомы своих убеждений, но они не могут рассуждать за рамками своих убеждений или против них, потому что у них нет другой идиомы, чтобы выражать свои мысли»[17].

В более поздней работе Э. Эванс-Притчард обобщает механизм распространения «коллективных представлений» в небольших сооб-

[16] *Evans-Pritchard E.E.* Witchcraft, Oracles and Magic among the Azande. Clarendon Press. Oxford, 1937. P. 194.

[17] Там же. С. 337–338.

ществах, какими были изучаемые им племена и народности Африки, которые он называет «закрытыми» обществами. В таких «закрытых» обществах у индивидов фактически нет никакого выбора в сфере представлений, так как альтернативных представлений извне в него не поступает. В результате даже без прямых санкций существующая система представлений, передаваясь из поколения в поколение, постоянно самовоспроизводится. В таких обществах «каждый индивид разделяет одни и те же религиозные верования и практики; их общность или коллективность придает им объективность, выводит за пределы психологического опыта любого индивида как такового, или, по сути, – за пределы опыта всех индивидов, рассмотренных по отдельности... Это в целом означает тот простой факт, что, вне зависимости от положительных или отрицательных санкций, религия, опять-таки в закрытых обществах, имеет обязательный характер, поскольку даже если бы не было принуждения, человек не имел бы выбора и принимал именно то, что принимают другие, если уж в отношении веры он имеет свободу выбора не более чем в выборе родного языка. Даже если он скептик, то мог бы выразить свои сомнения только в терминах верований, распространенных вокруг него. Родившись в другом обществе, он бы имел другую совокупность верований, так же как он бы имел другой язык. Здесь можно отметить, что интерес, проявленный Дюркгеймом и его коллегами к архаическим обществам, может вполне происходить именно из того факта, что они есть или были закрытыми общностями. Открытые общества, в пределах которых верования могут и не передаваться из поколения в поколение и в которых они разнообразны и, соответственно, менее обязательны, менее поддаются социологической интерпретации на основании дюркгеймовской или сходных моделей»[18].

Антропологи, подробно исследовавшие «закрытые» общества, обычно указывают на их различия с «открытыми». Безусловно, различия велики, так как в обществах, где соседствует несколько систем представлений, индивид получает выбор. Однако столь ли велики отличия? Еще в 20-х гг. XX в. в социологии, истории и культурологии появились теории, подошедшие к анализу представлений в современном обществе с позиций, сходных с теми, которые использовали антропологи при изучении первобытных сообществ. Это и не случайно, так как теоретическими основами подобных взглядов служили те же идеи Э. Дюркгейма, хотя кроме них большую роль играли и дру-

[18] *Эванс-Притчард Э.* Теории примитивной религии. М.: ОГИ, 2004. С. 59.

гие походы, разработанные прежде всего в рамках неокантианства и марксизма.

Социология знания: К. Маннгейм и «стили мышления»

К. Маннгейм[19], развивавший в своих трудах так называемую «социологию знания» (термин, впервые употребленный М. Шелером), начал с распространения идеи К. Маркса о социальной обусловленности знания на саму рационалистическую традицию. Поиски общих законов общественного развития, попытка создать супернауку из истории, приравняв ее к естественным наукам, все то, что свойственно и для самого марксизма, для К. Маннгейма – это не прорыв к абсолютному знанию, а такой же «тип мышления», как и все прочие, и таким же образом социально обусловленный. Каждое время, каждая социальная группа, по К. Маннгейму, характеризуется определенным типом мышления, и рационализм нового времени – лишь один из них, а предлагаемые им методы, обладая своими преимуществами и недостатками, не следует абсолютизировать. «Плодотворность формализующих наук, работающих в терминах каузальной и функциональной связи, еще далеко не исчерпана, и всякая попытка препятствовать их развитию может принести только вред. Однако одно дело проверить степень плодотворности нового исследовательского метода, другое – рассматривать этот метод как единственный путь к научному изучению объекта. Что касается последней точки зрения, то в настоящее время стало совершенно очевидным, что с помощью одного формального подхода нельзя получить все доступные нам сведения о мире и особенно о психической жизни людей», – писал К. Маннгейм в своей самой известной работе «Идеология и утопия» (1929)[20].

Вслед за К. Марксом, К. Маннгейм восстает против попытки подойти к мышлению индивида через его индивидуальную психологию или историю мысли вне связи с социальной реальностью. К. Маннгейм заявляет, что «социология знания стремится понять мышление в его конкретной связи с исторической и социальной ситуацией, в рамках которой лишь постепенно возникает индивидуально-дифференцированное мышление. Таким образом,

[19] В российских переводах встречаются различные варианты транскрипции имени Karl Mannheim (нем.), Károly Mannheim (вен.): Мангейм, Манхейм и т.п. Мы используем общепринятое написание, основанное на правилах написания немецких имен.

[20] *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 22.

мыслят не люди как таковые и не изолированные индивиды осуществляют процесс мышления, мыслят люди в определенных группах, которые разработали специфический стиль мышления в ходе бесконечного ряда реакций на типичные ситуации, характеризующие общую для них позицию»[21].

К. Маннгейм предостерегает от распространенных теорий коллективного мышления, основывающихся на некоторых положениях Э. Дюркгейма, согласно которым существует некое коллективное, надындивидуальное мышление, психология «толпы» и т.п. В то же время, согласно К. Маннгейму, члены каждой социальной группы в процессе взаимодействия друг с другом и совместного взаимодействия с миром вырабатывают некоторые мыслительные формы, штампы, общепринятые понятия, которые не могут не передаваться любому новому члену группы. Эти формы, штампы и понятия образуют «тип мышления» данной группы. К. Маннгейм указывает на непосредственную связь этого типа мышления с языком, по сути дела называя его языком в широком смысле. Он пишет:

«Основной тезис социологии знания заключается в том, что существуют типы мышления, которые не могут быть адекватно поняты без выявления их социальных корней. Верно, что мыслить способен только индивид. Нет такой метафизической сущности, которая, подобно некоему групповому духу, мыслит, возвышаясь над отдельными индивидами, и чьи идеи индивид просто воспроизводит. Однако неверно было бы вывести из этого умозаключение, что все идеи и чувства, движущие индивидом, коренятся только в нем самом и могут быть адекватно объяснены только на основе его жизненного опыта.

Подобно тому, как нельзя понять природу языка, выводя ее из наблюдения над отдельным индивидом, который ведь говорит не на своем собственном языке, а на языке своих современников и предков, проложивших для него путь, так нельзя правильно определить во всей ее полноте и какую-либо точку зрения, основываясь только на том, как она сформировалась в интеллекте отдельного человека. Лишь в весьма ограниченном смысле индивид сам создает тип языка и мышления, который мы связываем с ним. Он говорит языком своей группы, мыслит в формах мышления своей группы. В его распоряжении оказываются лишь определенные слова и их значения. Они не только в большой степени определяют его подход к окружающему миру, но одновременно показывают, под каким углом зрения и в ка-

[21] Там же. С. 8–9.

кой сфере деятельности предметы до сих пор были доступны восприятию и использованию их группой или индивидом»[22].

К. Маннгейм указывает и на механизм «навязывания» группой определенных понятий индивиду. По его мнению, такое распространение понятий происходит через совместную деятельность в группе: «Люди, живущие в группах, сосуществуют не просто физически, в качестве дискретных индивидов. Они воспринимают предметы не на абстрактном уровне созерцательного разума и не только в качестве отдельных индивидов. Напротив, они действуют совместно – друг с другом и друг против друга – в различных по своей организации группах и, совершая эти действия, мыслят друг с другом и друг против друга»[23].

Однако если все эпохи и группы обладают определенным типом мышления, то в чем причина возникновения новых форм мышления и изменения и существования различных форм мышления вообще, например различных представлений у различных социальных групп в одну эпоху? К. Маннгейм связывает эти изменения типа мышления с «волей» объединенных в коллективы индивидов «либо изменить окружающий их мир природы и общества, либо сохранить его в существующем виде», а различия – с различными условиями и спецификой коллективной деятельности, то есть с действием. Таким образом, К. Маннгейм соединяет действие и мышление в том смысле, что для него характер действий определяет формы мышления[24].

Разработав общие принципы подхода к изучению типа мышления, К. Маннгейм попытался применить эти принципы для конкретного анализа одного из таких типов: немецкого консерватизма. Его более ранняя менее известная книга «Консервативная мысль», в которой предпринята попытка такого анализа, пожалуй, еще более важна для анализа конкретных систем представлений, чем «Идеология и утопия». То, что в «Идеологии и утопии» обозначается К. Маннгеймом как «тип мышления», в «Консервативной мысли» названо «стилем мышления» или «стилем эпохи»[25], что помогает лучше понять генезис более позднего понятия. Автор подчеркивает то, что корни понятия «стиля мышления» – в понятии стиля в искусстве. К. Маннгейм утверждает, что мысль развивается также как искус-

[22] *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 8.

[23] Там же. С. 9.

[24] Там же.

[25] Термин «стиль мышления» несколько раз употребляется уже в «Идеологии и утопии» как синоним основного понятия «тип мышления».

ство, а именно стилями, причем стиль мышления представляет собой более высокий уровень стиля, в рамках которого существуют стили быта, литературы, живописи и т.п. Важнейшей задачей социологии становится выявление среднего уровня мышления, штампов и форм, объединяющих самые гениальные и посредственные произведения. «Мы не отрицаем ценности мышления об искусстве вообще, не отрицаем также различий между отдельными художниками и их вклада в искусство, но важнейшей единицей анализа должен оставаться *стиль* эпохи, на фоне которого достижения отдельного индивида можно заметить и оценить. Однако именно этого среднего уровня анализа между наиболее абстрактным и наиболее конкретным нет в истории мысли»[26].

Именно реконструкция этого среднего уровня мышления даст новое орудие в руки исследователя. К. Маннгейм пишет: «Я выдвигаю тезис, что человеческая мысль также развивается "стилями" и что различные школы мышления можно различать благодаря различным способам использования отдельных образцов и категорий мышления. Таким образом, должна быть возможна "локализация" анонимного текста, как анонимного произведения искусства, если только мы дадим себе труд реконструировать различные стили мышления, свойственные данной эпохе, и их варианты, свойственные отдельным индивидам»[27].

Далее К. Маннгейм вводит понятие «основополагающего мотива», которое соответствует понятию «эстетический мотив» в искусстве, употреблявшемуся немецким теоретиком искусства А. Риглем. Под основополагающим мотивом, суть которого описана К. Маннгеймом довольно коротко и нечетко, он, судя по всему, понимал некоторый более основополагающий, чем стиль, подход к миру, который выражается в различных стилях, «воплощается в типичных для данного стиля документах и высказываниях»[28]. По К. Мангейму, «основополагающий мотив» возникает в результате борьбы и конфликтов между общественными группами и находится в постоянном изменении. Здесь он уточняет теорию А. Ригля об «эстетическом мотиве», так как тот рассматривал чистую историю идей («Geitesschichte») вне ее связи с социальной реальностью. Споря с ним, К. Маннгейм писал об «основополагающем мотиве»: «Время от времени им можно

[26] *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 574.
[27] Там же. С. 573.
[28] Там же. С. 576.

пользоваться, трактуя его как имманентный принцип, чтобы показать, что сознание не действует атомизировано, собирая бесформенные опыты; однако мы должны отдавать себе отчет в том, что даже в процессе переживания опыта определенные детерминанты, исходящие от группы, оказывают влияние на индивидуума, формируя его потенциальный опыт и знания. Эти детерминанты можно изучать, ставя вопрос об общественных причинах (внешних по отношению к "Geistesgeschichte", которые их породили»[29].

Уточнив некоторые теоретические положения, К. Маннгейм предпринимает попытку проанализировать конкретный стиль мышления конкретного периода и конкретной социальной группы: немецкий консерватизм второй половины XIX в., возникший как реакция на проникновение в Германию рационалистических идей и «либерально-революционного» стиля мышления. В своем анализе он исходит из языка документов «среднего уровня», однако не всегда выдерживает собственную методологию, порой сбиваясь на общие рассуждения в стиле «сверхисторической» социологии. Таким образом, сформулировав принципы нового подхода к изучению общества, в их конкретном применении К. Маннгейм не освободился полностью от влияния позитивистской социологии. Это обстоятельство, однако, не умаляет значения самих принципов, которые можно кратко сформулировать в нескольких пунктах:

1. Понятия и представления, господствующие в современном обществе, в том числе и теория познания, которые формируют тип или стиль мышления, не абсолютны. Они возникли в определенной социальной ситуации, придя на смену системе взглядов, существовавшей ранее, и уступят место другой системе по мере изменения социальных обстоятельств. Весь этот уровень господствующих в обществе или группе представлений К. Маннгейм вслед за К. Марксом называет идеологией.

2. Стиль мышления непосредственно определяется социальной группой. Это система представлений, штампов, идей, разделяемых всеми членами группы, которые передаются ее отдельным членам через совместную деятельность и общение. Стиль мышления – это язык мысли. Так же, как и на языке, на котором говорят и гении, и дворники, в рамках одного стиля мышления могут быть сделаны и гениальные, и посредственные высказывания, написаны и выдающиеся, и эпигонские произведения. Однако значение гениального произве-

[29] *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 577.

дения нельзя понять до конца, не уяснив, насколько оно возвышается над средним уровнем, то есть проанализировав сам этот средний уровень. Такое уяснение, как и анализ языка, должно стать анализом значений, исследованием того, что реально понимается в рамках языка данной группы под тем или иным термином. «Ядром нашей исследовательской техники будет, таким образом, *анализ значений*. Слова никогда не означают одно и то же, если произносятся представителями различных общественных групп, даже в одной стране. А небольшие различия смысла служат лучшим проводником к различным мыслительным тенденциям определенного общества»[30].

3. Существуют различные по масштабу стили мышления, соответствующие масштабу социальной группы. Можно говорить о стиле мышления эпохи в целом, государства в определенный период, а также более мелких социальных групп, например, революционеров, интеллигенции, крестьян и т.п., живущих и действующих, естественно, в определенный период и в определенном государстве. Возможно сосуществование и соперничество нескольких стилей мышления, существующих одновременно. Такая борьба отражает взаимодействие или борьбу различных социальных групп.

4. За отдельными стилями мышления стоит «основополагающий мотив», коренное отношение к миру данной социальной группы, не сформулированное словами, но выражающееся в различных стилях мышления. Этот мотив может быть реконструирован путем изучения стиля или стилей мышления, в которых он выражается.

5. Изменение в стилях мышления происходит в результате «воли» социальных групп, направленной на изменение окружающего мира или сохранение его в неизменном виде, выражающейся в соответствующих действиях этих групп. В этом смысле действие порождает мышление.

Последний пункт является наиболее слабым звеном в концепции К. Маннгейма. Для объяснения очевидного факта изменения представлений ему приходится постулировать некую абстрактную коллективную волю к действию, которая в свою очередь никак не объясняется социально. Кроме того, находясь под очевидным влиянием марксизма, К. Маннгейм не описывает подробно механизма передачи групповых представлений отдельной личности, ограничиваясь общими словами о совместной деятельности и марксистской идеей об отражении в сфере идей интересов классов и групп. Тем не менее идея

[30] Там же. С. 575.

относительности ценностей и методов познания, теория множественности стилей культуры К. Маннгейма, а также набросанная им методология изучения этих стилей вступила в решительное противоречие с односторонней позитивистской методологией общественных наук, признающей теорию познания и ценности, возникшие в Европе Нового времени, за абсолютное и высшее достижение человечества.

Влияние идей К. Маннгейма на социологию оказалось несоразмерно их значению. Возникшая как «суперистория», общая социология могла найти свою смерть в теории К. Маннгейма, превратившись в методологически более обоснованную историю мысли. Утвердившись как отдельная специальность в университетах всего мира, социология, конечно, не могла пойти на такое самоубийство хотя бы по бюрократическим соображениям. К тому же и тяга найти всеобщие законы общественного развития, порожденная возникшим в Новое время новым единством мира, по-видимому, уже никогда не исчезнет. Именно поэтому, как признают последователи К. Маннгейма, историзм «социологии знания» оставил ее на периферии социологии, особенно в англоязычном мире, где идеи позитивизма продолжали господствовать. «Историческое наследие социологии знания предполагает, что у нее большой интерес к истории и предрасположенность к использованию по существу исторического метода. Этот факт уже сам по себе ставит ее в маргинальное положение в американской социологии», – признавались П. Бергер и Т. Лукман[31].

Из крупных социологов XX в. непосредственное влияние К. Маннгейм, вероятно, оказал лишь на Р. Мертона, однако и в работах последнего, и у непосредственных последователей М. Шелера и К. Маннгейма – таких социологов знания, как В. Старк, П. Бергер, Т. Лукман и др., идеи К. Маннгейма смешались с другими социологическими теориями и утеряли первоначальную чистоту и ясность.

Значение К. Маннгейма в другом. Появление его идей в социологии совпало по времени с расцветом весьма сходных подходов в исторической науке, литературоведении и культурологии. Речь идет о теориях школы М.М. Бахтина в России и Новой исторической науки во Франции. Между идеями К. Маннгейма и этими двумя направлениями прямой связи не прослеживается, однако во многом совпадающие идейные истоки и поразительное сходство теоретических установок свидетельствуют о том, что революция в подходе к истории мысли к концу 20-х гг. XX столетия назрела.

[31] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. С. 19.

Социокультурная психология школы М.М. Бахтина и идея «духа эпохи»

Работа выдающегося русского мыслителя М.М. Бахтина и его последователей, особенно в 20-х гг. XX в., до сих пор окутана туманом. Туман этот связан прежде всего с политической обстановкой в СССР. В течение длительного времени (вплоть до смерти И.В. Сталина) М. Бахтин опасался публиковаться под своим именем и, несмотря на это, был сослан. Вышедшие после смерти И.В. Сталина под собственным именем М.М. Бахтина работы касаются в основном вопросов литературы и языка. В то же время большинство наиболее важных для современной политологии работ, исходящих из кружка М.М. Бахтина и относящихся к концу 20-х гг., подписаны именами его учеников и единомышленников. Для современной политологии особый интерес представляют «Фрейдизм» и «Марксизм и философия языка», изданные соответственно в 1927 и 1929 гг. под именем близкого к М.М. Бахтину В.Н. Волошинова. Участие самого М.М. Бахтина в создании этих текстов не подвергается сомнению никем из исследователей, о степени этого участия ведутся горячие споры: одни считают, что автором был сам М.М. Бахтин, а В.Н. Волошинов лишь согласился поставить свое имя, другие утверждают, что автором был сам В.Н. Волошинов, хотя и находившийся под влиянием идей М.М. Бахтина. Для настоящей работы проблема авторства не имеет существенного значения: важно появление данной совокупности идей в данных обстоятельствах и в данное время.

Во «Фрейдизме» автор, так же, как и К. Маннгейм, подвергает критике попытки объяснить мышление человека в отрыве от его социальной среды, в данном случае исходя исключительно из физиологических особенностей и личных психических переживаний, и выдвигает требование новой психологии: «Психология *человека* должна быть *социологизирована*», так как «все основные существенные в жизни человека поступки вызываются социальными раздражителями в условиях социальной среды»[32].

Для автора «Фрейдизма» все представления и действия существуют или могут быть выражены в словах. Даже если эти слова и не говорятся вслух, человек обговаривает про себя свои планы и действия, используя «внутреннюю речь», которая, по утверждению

[32] *Волошинов В.Н.* Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: АстаПресс, 1995. С. 102.

автора, «так же материальна, как и внешняя речь»[33]. В «Марксизме и философии языка» эта мысль сформулирована еще более четко. Согласно автору, «*слово сопровождает как необходимый ингредиент, все вообще идеологическое творчество.* Слово сопровождает и комментирует всякий идеологический акт. Процессы понимания какого бы то ни было идеологического явления (картины, музыки, обряда, поступка) не осуществляются без участия внутренней речи. Все проявления идеологического творчества, все иные, не словесные знаки обтекаются речевой стихией, погружены в нее и не поддаются полному обособлению и отрыву от нее... Всякое *идеологическое преломление становящегося бытия,* в каком бы то ни было значащем материале, *сопровождается идеологическим преломлением в слове* как обязательном сопутствующем явлении. Слово налично во всяком акте понимания и во всяком акте истолкования»[34].

Но слово, язык – явление социальное. Автор «Фрейдизма» пишет: «*Словесный компонент поведения определяется во всех основных существенных моментах своего содержания объективно-социальными факторами.* Социальная среда дала человеку слова, социальная же среда не перестает определять и контролировать словесные реакции человека на протяжении всей его жизни.

Поэтому все словесное в поведении человека (равно и внешняя и внутренняя речь) ни в коем случае не может быть отнесено на счет изолированно взятого единичного субъекта, оно принадлежит не ему, а его *социальной группе* (его социальному окружению)»[35].

Словесные реакции, которые, согласно автору, и составляют сознание, являются основой всех оформленных теорий, концепций, подходов, сферы идей. Так как сфера идей в марксистской традиции называется идеологией, автор считает всякое словесное высказывание человека «маленьким идеологическим построением». «Мотивировка моего поступка, – пишет он во «Фрейдизме», – есть в маленьком масштабе правовое и моральное творчество; восклицание радости и горя – примитивное лирическое произведение; житейские соображения о причинах и следствиях явлений – зачатки научного и философского познания и пр. и пр. Устойчивые и оформленные идеологические системы наук, искусств, права и пр. выросли и выкристаллизовались из той зыбкой идеологической стихии, которая

[33] *Волошинов В.Н.* Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: АстаПресс, 1995. С. 100.

[34] Там же. С. 227–228.

[35] Там же. С. 164.

широкими волнами внутренней и внешней речи омывает каждый наш поступок и наше восприятие. Конечно, оформившаяся идеология оказывает, в свою очередь, могучее влияние на все наши словесные реакции»[36].

Как видим, как и К. Маннгейм, автор «Фрейдизма» относит к идеологии как оформившиеся теоретические доктрины, так и систему обыденных представлений, сформулированных при помощи языка внутренней и внешней речи. Последний вид идеологии он называет «житейской идеологией». В противопоставлении официальной и житейской идеологии – корни знаменитых выводов М.М. Бахтина, сделанных на основе изучения творчества Ф. Рабле, о существовании в Средние века, наряду с официальной, народной смеховой культуры[37]. Однако в «Марксизме и философии языка» автор гораздо глубже развивает тему языка идеологии, лишь намеченную у К. Маннгейма. Он вводит понятие знака, объявляя идеологию знаковой системой, а систему знаков – социально обусловленной частью материального мира. Согласно этой концепции «знаки возникают только в процессе взаимодействия *между* индивидуальными сознаниями. И само индивидуальное сознание наполнено знаками. Сознание становится сознанием только наполняясь идеологическим, resp. знаковым содержанием, следовательно, в процессе социального взаимодействия»[38].

Это социальное взаимодействие, или, как говорит автор в соответствии с духом времени, «классовая борьба», определяет значение знака. «Класс не совпадает со знаковым коллективом, т.е. с коллективом, употребляющим одни и те же знаки идеологического общения. Так, одним и тем же языком пользуются разные классы. Вследствие этого в *каждом идеологическом знаке скрещиваются разнообразные акценты*. Знак становится ареной классовой борьбы»[39]. На марксистском сленге здесь, по сути дела, высказаны мысли, которые уже встречались у К. Маннгейма: языки социальных групп определяются взаимодействием этих групп, а также взаимодействием членов групп. Изучение этого взаимодействия, то есть социология, а по терминологии автора «Марксизма и философии языка» «общественная психология», превращается в изучение значений. Он вводит понятие

[36] Там же. С. 166.

[37] См.: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

[38] Там же. С. 224.

[39] Там же. С. 236.

формы конкретного существования «духа эпохи», как определенной знаковой системы, языка эпохи, и ставит задачу изучения типологии таких форм, которая сходна с задачей изучения обычного языка. «Каждая эпоха и каждая социальная группа имеет свой репертуар речевых форм жизненно идеологического общения. Каждой группе однородных форм, т.е. каждому жизненному речевому жанру, соответствует своя группа *тем*. Между формой общения (например, непосредственное техническое трудовое общение), формой высказывания (короткая деловая реплика) и его темой существует неразрывное органическое единство. Поэтому *классификация форм высказывания должна опираться на классификацию форм речевого общения... Типология этих форм* – одна из насущнейших задач марксизма»[40].

Совпадения в построениях авторов круга М.М. Бахтина и теории К. Маннгейма разительны. Мы видим ту же идею существования общих для социальных групп представлений, которые обусловлены социальным опытом этих групп, то есть «стиль мышления» или форму существования «духа эпохи», ту же мысль о возможности сосуществования нескольких различных форм в один период. При этом в обоих случаях утверждается возможность придания в рамках этих различных форм разных значений одному понятию, положение об обусловленности изменений этих форм взаимодействием между группами и их членами, и, наконец, ставится задача изучения эволюции этих форм и отраженных в них общественных процессов. Идея «духа времени» и форм, в которых он выражается, близки к категориям «стиля мышления» и «основополагающего мотива» К. Маннгейма. Но, в отличие от К. Маннгейма, вероятно по политическим причинам, авторы круга М.М. Бахтина не ставили вопрос об «идеологической» относительности собственного метода, хотя этот вывод и напрашивался сам собой.

При ближайшем рассмотрении эти совпадения не могут быть признаны случайными. В основе идей круга М.М. Бахтина лежат те же источники, что и у К. Маннгейма: марксистская теория идеологии и неокантианская философия истории (ссылки на Г. Зиммеля, М. Шелера, Г. Риккерта часты в их работах). Однако у идей М.М. Бахтина и его коллег были и другие источники: это некоторые положения, развивавшиеся в русской философии, например А.Ф. Лосевым, П.А. Флоренским, Г.Г. Шпетом, а также работы русских и зарубеж-

[40] *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 233.

ных исследователей по лингвистике и семиотике. Такое соединение социального пафоса марксизма с неокантианским историзмом и вызревавшей в лингвистике идеей знака привело к созданию нового интересного направления исследования культуры, которое впоследствии превратилось в развивавшуюся с 60-х гг. XX в. в СССР «семиотику культуры».

Новая историческая школа и изучение ментальностей

Теоретические основы целой школы французских историков, группировавшихся вокруг основанного в 1929 г. журнала «Анналы экономической и социальной истории» (журнал под несколько измененным названием выходит и сегодня), определить нелегко. Одним из главных пафосов их работы была вражда ко всякой теории, к так называемой «философии истории», критика отвлеченных концепций истории. Тем не менее не подлежит сомнению, что в рамках созданной ими школы, получившей название Новая историческая наука (La Nouvelle Histoire), была создана уникальная методология исследования общественной жизни, близкая по своим принципам к рассмотренным выше общим теориям. В то же время благодаря практической направленности своих исследователей французские историки гораздо дальше продвинулись в применении этих принципов для исследования конкретных обществ и общественных групп.

Основатели школы Л. Февр и М. Блок исходили из неудовлетворенности господствовавшей в конце XIX в. в исторической науке, часто связанной с гегелевской философией, верой в непрерывный поступательный прогресс человеческого общества, а также позитивистским стремлением отождествить методологию истории с методами естественных наук. В работах Л. Февра и М. Блока нет сносок на философов истории – неокантианцев, поэтому нет и прямых оснований говорить об их влиянии на Новую историческую науку. Непосредственное влияние на них, вероятно, оказали французские авторы: Вольтер, А. де Токвиль, говорившие о важности различий в представлениях народов, а также такие историки, как Ж. Мишле и Ф. де Куланж. Однако критика позитивистской методологии в общественных науках к началу XX в. стала влиятельным движением, велением времени, и неудивительно, что идеи французских историков, как и К. Маннгейма в Германии и последователей М.М. Бахтина в СССР, питались одними импульсами и развивались в одном направлении.

Л. Февр и М. Блок начали с решительной критики двух последствий влияния позитивизма: склонности историков-позитивистов просто находить и излагать факты, основанной на убеждении, что факты выстроятся в поступательный ряд и скажут сами за себя («история-рассказ» или «историзирующая история» в терминологии Л. Февра). Критиковалось также стремление к узкой специализации, благодаря чему, по меткому выражению Р. Коллингвуда, позитивизм в истории привел к комбинации «беспрецедентного мастерства в решении маломасштабных проблем с беспрецедентной беспомощностью в решении проблем крупномасштабных»[41]. Поначалу реакцией на эти слабости стало обращение молодых французских историков к экономическим и социальным основам жизни общества, к реальной, а не «политической» истории[42]. Однако в отличие, например, от марксистов, декларировавших зависимость духовной сферы от экономики и поэтому изучавших экономические структуры как первичные, Л. Февр и М. Блок пришли к выводу о необходимости изучения сферы представлений и через нее – социальных и экономических реалий, которые в этих представлениях отражаются. При этом речь шла о среднем уровне представлений, характерных для данного периода, о мыслительных штампах, типичных способах мировосприятия, языке, символах и ритуалах эпохи. Эти элементы представлений, характерных для конкретной эпохи и конкретной социальной группы, Л. Февр называл «ментальностями» (mentalités).

Отвергая характерное для позитивизма стремление применять в общественных науках методы естественных наук, основатели Новой исторической науки выступили за «исторический синтез». Этот синтез означал, прежде всего, изучение сознания, вернее, общественного сознания, его социально обусловленных элементов. М. Блок писал в связи с этим: «В пейзаже, который я вижу из своего окна, каждый ученый найдет для себя поживу, не думая о картине в целом. Физик объяснит голубой цвет неба, химик – состав воды в ручье, ботаник опишет траву. Заботу о восстановлении пейзажа в целом, каким он предо мной предстает и меня волнует, они предоставят искусству,

[41] *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. С. 127.

[42] Критика истории как хронологии событий особенно четко сформулирована в статьях Л. Февра «История или политика?», имеющей характерный подзаголовок «Против дипломатической истории как таковой», а также «История современной России», посвященной критике «Истории России», изданной в 1932 г. во Франции под редакцией Ш. Сеньоброса, Ш. Эйзенмана и П. Милюкова. См.: *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 54–66.

если художник или поэт пожелают за это взяться. Ведь пейзаж как некое единство существует только в моем сознании. Суть же научного метода, применяемого этими формами познания и оправданного их успехами, состоит в том, чтобы сознательно забыть о созерцателе и стремиться понять только созерцаемые объекты. Связи, которые наш разум устанавливает между предметами, кажутся ученым произвольными; они умышленно их разрывают, чтобы восстановить более подлинное, по их мнению, разнообразие. Но уже органический мир ставит перед своими анализаторами тонкие и щекотливые проблемы. Биолог, конечно, может, удобства ради изучать отдельно дыхание, пищеварение, двигательные функции, но он знает, что сверх всего этого существует индивидуум, о котором он должен рассказать. Трудности истории еще более сложны. Ибо ее предмет, в точном и последнем смысле, – сознание людей. Отношения, завязывающиеся между людьми, взаимовлияние и даже путаница, возникающая в их сознании, – они-то и составляют для истории подлинную действительность»[43].

В работах основателей Новой исторической науки мы встречаем знакомые уже мотивы обусловленности личных идей и стремлений исторического деятеля общественными представлениями, определяющие границы для деятельности личности, в рамках которых она только и может самореализоваться. Как и К. Маннгейм и авторы круга М.М. Бахтина, они подчеркивают особую роль языка как средства передачи личности общественных представлений, подчеркивая не только их современную, но и историческую природу. Л. Февр так ставит проблему:

«Да и можно ли представить себе человека – в том числе историческую личность – в качестве некоей самостоятельной, независимой и обособленной силы, в качестве первозданного и непосредственного источника творческой энергии, если каждый человек подвержен столь сильным влияниям, дошедшим из глубины веков или порожденным теперешней средой, – влиянием прежде всего языковым и техническим?

Язык – это самое могучее средство воздействия коллектива на личность. Это разновидность техники, постепенно созданной человечеством и достигшей теперешнего своего состояния, беспрестанно изменчивого и подвижного, в результате усилий, длившихся не веками, а целыми тысячелетиями. Теперь, по прошествии этого времени,

[43] *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 86.

язык стал средством выражения всех различий, диссоциаций и категорий, выработанных человечеством. Он совмещает в себе функции мифов, занимавших место технических средств в ту пору, когда у человечества еще не было орудий, могущих обеспечить ему власть над природой, и функции самих технических средств в ту пору, когда у человечества еще не было орудий, могущих обеспечить ему власть над природой, и функции самих технических средств, столь родственных между собой в каждую определенную эпоху, столь одностильных, что их датировка может осуществляться без малейшего затруднения. Все это позволяет сказать, что личность всегда такова, какой ее делают эпоха и общественная среда»[44]. Это не исключает полностью роли личности, так как, по мнению Л. Февра, «личность определяется запросами общества, которые являются необходимым дополнением ее внутренних потребностей»[45].

Эти мысли весьма сходны с рассмотренными раньше построениями К. Маннгейма и школы М.М. Бахтина. Новизна состоит, возможно, в подчеркивании исторического характера ментальностей данного времени и социальной группы, их сложении на протяжении долгих лет исторического развития. Однако значение Новой исторической науки, как уже указывалось, – не в создании новой теории, а революционном применении ее в исторической науке, давшем ставшие уже классическими образцы подхода к проблемам целых эпох и государств. Упомянем лишь несколько примеров исторических работ французских историков, методы которых могут быть применены для анализа современности.

В одной из самых известных своих работ, посвященной творчеству Ф. Рабле, Л. Февр подходит к изучению мировоззрения выдающейся личности с точки зрения теории ментальностей[46]. Изучив представления людей времени Ф. Рабле, он приходит к выводу, что писатель не мог быть атеистом, поскольку ни в словаре, ни в сознании, ни в обиходе людей XVI в. не существовало еще того материала, из которого можно было сложить мировоззрение неверующего. Так Л. Февр показывает возможности, которые предоставляет изучение мировоззрения данной эпохи. Конечно, изучив распространенные представления, мы не сможем сложить из них мировоззрение выдающейся личности, так как всякая личность, тем более выдающаяся,

[44] *Февр Л.* Бои за историю... С. 100.

[45] Там же. С. 101.

[46] *Febvre L.* Le probleme de l'ncroyance au 16e siecle. La religion de Rablais. Paris, 1942 (2 ed. 1968).

уникальна. Однако понимание господствующих представлений задает определенные рамки для деятельности личности: по крайней мере известно, чего от нее ожидать нельзя. Как пишет Л. Февр, подлинный атеизм в католической Франции первой половины XVI в. не более правдоподобен, чем «Диоген с зонтиком или Марс с пулеметом»[47].

Такой подход может быть исключительно полезным для политических исследований. Он дает возможность более объективно оценивать деятельность политических лидеров не с точки зрения того, что они должны были делать с точки зрения абстрактных принципов, а с точки зрения того, каких результатов они добились из возможных в данный период в рамках существовавших у них и в обществе представлений. Определенную базу такой подход дает и для политических прогнозов. Конечно, конкретные действия политика в будущем предугадать невозможно. Однако, зная его взгляды и представления, можно говорить о его возможных реакциях на ситуацию и полностью исключить действия невозможные, выходящие за рамки его представлений.

Из более поздних последователей Л. Февра и М. Блока для исследования современной политики значительную методологическую ценность представляет работа Э. Ле Руа Ладюри «Монтайю. Окситанская деревня в 1294–1394 гг.»[48]. Французский историк восстанавливает систему представлений жителей небольшой средневековой деревни, «зараженной» альбигойской ересью, на основе уникальных документов: записей допросов инквизиции. Цель автора – не изучение ереси, а реконструкция менталитета конкретной социальной группы, не относящейся к высшим слоям общества (по высшим слоям общества материала всегда было достаточно). Несмотря на критику, которую высказывали некоторые исследователи в отношении подхода Э. Ле Руа Ладюри к источникам[49], его работа – урок для многих исследователей современных политических систем, жалобы которых на недостаток источников по представлениям, например, отдельных слоев населения в странах советского блока, не представляются основательными. Ведь трудно представить, что источников по менталитету советских крестьян 30-х гг. XX в. или рабочих хрущевского времени существует меньше, чем по менталитету средневековых французских крестьян. Работа Э. Ле Руа Ладюри показывает, что настоящий исследователь всегда найдет необходимые источники,

[47] Там же. С. 382.

[48] *Le Roy Ladurie E.* Montaillou, village occitan de 1294 a 1324. Paris, 1975.

[49] См.: *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 174.

нужно лишь поставить в центр внимания исследователя человека, а не абстрактные теории.

Сторонники Новой исторической науки считали, что любой предмет, затронутый деятельностью человека, будь то письменный документ, здание, одежда, посуда, является источником для изучения менталитета, так как в них отражаются представления людей той эпохи и той социальной группы, где они были произведены. Такой подход объединяет в одну науку изучение литературы, искусства, философии, быта и привычек, объединяя их в одну историю представлений, того, что К. Маннгейм называл «стилями мышления».

Из других историков школы Анналов, поднимавших проблемы, близкие для исследователя современного общества, можно выделить Ж. Дюби, особенно его книгу «Три разряда общества, или Воображаемый мир феодализма»[50], а также многочисленные работы Ж. Ле Гоффа. В своем исследовании учения о трехфункциональном членении французского общества начала XI в. Ж. Дюби, по сути, исследует проблему влияния официальной теории, идей о том, каким должно быть общество, на его действительную структуру. Ж. Дюби доказывает, что образцы поведения и культурные ценности, представления о том, какими должны быть общество и мир, которые он относит к «воображаемому» (l'imaginaire), формируются в основном в верхних слоях общества, а затем распространяются в низы. Эта теория решающего влияния господствующей идеологии на представления членов общества и его реалии весьма часто встречается среди, например, исследователей стран так называемого коммунистического блока и ниже будет подвергнута критическому анализу.

Ценность подхода Ж. Ле Гоффа, особенно ярко выраженного в его «Цивилизации средневекового Запада»[51], – в подчеркивании связи между ментальностями и социальными структурами. Развивая теорию ментальностей, Ж. Ле Гофф предостерегает от преувеличения значения единой ментальности эпохи, подробно изучая как общие представления времени, так и ментальности отдельных социальных групп. Ж. Ле Гофф включает в ментальности не только статичные представления, но и автоматизмы поведения, установки, жесты и т.п., в то же время, в отличие от бихевиористов, подчеркивая их связь с сознанием.

[50] Les trois ordres ou l'imaginaire du feodalisme. Paris, 1978.

[51] *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Семиотика культуры

Имеющий существенное значение для современной политологии подход к изучению истории и культуры, возникший в 60-х гг. XX в. в СССР и получивший название «семиотика истории» и «семиотика культуры», имеет странную историю. Странно в нем уже то, что родившаяся на основе развития позитивистской логики и лингвистики семиотика с ее нереализуемыми планами создать единый язык знаков для всех обществ и случаев – идеями, высказывавшимися отцами-основателями Ч. Пирсом и Ч. Моррисом, – на российской почве фактически превратилась в свою противоположность. Она выросла в теорию различия культурных кодов разных социальных общностей и необходимости диалога между ними, развивавшуюся в рамках так называемой тартуско-московской семиотической школы. Для этой трансформации, безусловно, были свои теоретические предпосылки и социальные причины. Советские исследователи искали способа исследования собственной культуры, в том числе и ее специфики, причем такого способа и такой терминологии, чтобы их нельзя было провести по ведомству истории или философии, где всякий отход от господствовавшей марксистской теории был бы заметен и чреват санкциями. Создание новой науки, близкой к политически более нейтральной лингвистике, позволяло уйти от столкновения с официальными идеологами и историками. Кроме того, на советских «семиотиков культуры» гораздо большее влияние, чем западные позитивисты, оказала русская философская, историческая и лингвистическая традиция, для которой был характерен взгляд на мир как на совокупность различных культур. Во многих докладах, опубликованных в издававшихся в Тарту «Трудах по знаковым системам», можно встретить ссылки на русских философов, особенно А.Ф. Лосева, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, русских лингвистов и литературоведов А.А. Потебню, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Р.О. Якобсона и Н.С. Трубецкого, русских формалистов и символистов. Символизирующий связь времен М.М. Бахтин, идеи которого оказали, возможно, определяющее влияние на семиотиков культуры, дожил до 1975 г., и один из сборников «Трудов» был специально посвящен его 75-летию.

Теоретический подход, характерный для тартуско-московской семиотической школы, к истории и культуре наиболее четко сформулирован Б.А. Успенским в двух статьях: «История и семиотика» и «Historia sub specie semioticae»[52]. В первый из них автор так фор-

[52] *Успенский Б.А.* История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 9–59.

мулирует свою программу: «Культурно-семиотический подход к истории предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым признается то, что является значимым с *их* точки зрения. Речь идет, таким образом, о реконструкции тех субъективных моментов, которые оказываются непосредственным импульсом для тех или иных действий (так или иначе определяющих ход событий). Само собой разумеется, что эти субъективные мотивации могут отражать более общие объективные закономерности... Такой подход предполагает, в свою очередь, реконструкцию системы представлений, обусловливающих как восприятие тех или иных событий, так и реакцию на эти события»[53].

Б.А. Успенский отказывается обсуждать вопрос философии истории о том, в чем конечная причина исторического развития, указывая лишь на то, что эта причина имеется. Для него важна ментальная реакция социума на исторические события, а не причина, эти события вызывающие. Он пишет: «В семиотической перспективе исторический процесс может быть представлен, в частности, как процесс коммуникации, при котором постоянно поступающая новая информация обусловливает ту или иную ответную реакцию со стороны общественного адресата (социума). В данном случае неважно, кто является адресатом, отправителем сообщения. Им может быть то или иное лицо, принадлежащее данному социуму (исторический деятель), – тогда исторический процесс предстает как коммуникация между социумом и индивидом...; в других случаях речь может идти о реакции на события, обусловленные внешними силами. Таким образом, исторический процесс может представать как коммуникация между социумом и индивидом, социумом и Богом, социумом и судьбой и т.п.; во всех этих случаях важно, как осмысляются соответствующие события, какое значение им приписывается в системе общественного сознания»[54].

Для семиотического понимания истории и культуры важнейшим понятием становится язык, который, как и в ранних произведениях школы М.М. Бахтина, понимается широко, как универсальная знаковая система, культурный код данного общества: «В качестве кода выступает при этом некоторый “язык” (этот термин понимается, разумеется, не в узком лингвистическом, а в широком, семиотическом смысле), определяющий восприятие тех или иных фактов – как ре-

[53] *Успенский Б.А.* История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 9–10.

[54] Там же. С. 10.

альных, так и потенциально возможных – в соответствующем историко-культурном контексте. Таким образом, событиям приписывается значение: *текст* событий *читается* социумом. Можно сказать тогда, что в своей элементарной фазе исторический процесс предстает как процесс порождения новых "фаз" на некотором "языке" и прочтения их общественным адресатом (социумом), которое и определяет его ответную реакцию»[55].

Отказ семиотиков культуры обсуждать причины хода истории, или, по их терминологии, подробно говорить об «объекте коммуникации», – пожалуй, единственный смысловой отпечаток позитивистских теорий. Теория же языка культуры превращает этот язык из универсального кода ранних семиотиков в форму выражения представлений различающихся между собой культур, то есть подчеркивает не единство, но разнообразие исторических культурных форм. К такому выводу приводят положение Б.А. Успенского о том, что, с одной стороны, такой «язык» «объединяет данный социум, позволяя рассматривать социум как коллективную личность и обусловливая более или менее одинаковую реакцию членов социума на происходящие события»[56], а с другой – его признание того, что язык этот меняется. Таким образом, реконструкция такого языка превращается в выделение «синхронных срезов, допускающих описание его именно как действующего механизма»[57]. Естественно, что такие срезы, сделанные с достаточным временным разрывом, будут значительно отличаться друг от друга, то есть, вероятно, можно говорить о различных «языках» разных эпох.

Чрезвычайно интересна идея Б.А. Успенского о том, что «язык» «некоторым образом организует саму информацию, обусловливая отбор значимых фактов и установление той или иной связи между ними: то, что не описывается на этом "языке", как бы вообще не воспринимается общественным адресатом, выпадает из его поля зрения»[58]. Таким образом, в рамках одной культуры какие-то факты, важные для другой культуры, могут быть вообще не замечены. Кроме того, в рамках разных культур возможны различные интерпретации одних и тех же фактов. Да и само понимание истории, ее хода определяется представлениями, существующими в социуме, в котором эту историю изучают, представлениями самих историков. На «семиотическом»

[55] Там же.
[56] Там же.
[57] Там же.
[58] Там же.

языке эта мысль, развивавшаяся еще неокантианцами и присутствовавшая у К. Маннгейма, формулируется следующим образом: «Одни и те же объективные факты, составляющие реальный событийный текст, могут по-разному интерпретироваться на разных “языках” – на языке соответствующего социума и на каком-либо другом языке, относящемся к иному пространству и времени (это может быть обусловлено, например, различным членением событий, т.е. неодинаковой сегментацией текста, а также различием в установлении причинно-следственных отношений между вычленяемыми сегментами). В частности, то, что значимо с точки зрения данной эпохи и данного культурного ареала, может вообще не иметь значения в системе представления иного культурно-исторического ареала, – и наоборот. При этом необходимо иметь в виду, что именно система представлений того социума, который выступает в качестве общественного адресата, определяет непосредственный механизм развертывания событий, т.е. исторического процесса как такового»[59].

Идею о возможных различиях в восприятии одних и тех же событий социумами, пользующимися различными языками, Б.А. Успенский развивает в статье «Historia sub specie semioticae». Он показывает, что для изучения этого явления особенно важны «конфликтные, контраверсные ситуации, обусловленные столкновением различных языков по отношению к одной и той же действительности и обнаруживающие вообще неадекватное восприятие одних и тех же событий»[60].

В качестве примера Б.А. Успенский приводит время реформ Петра I, когда, согласно его анализу, царь и его окружение пользовались пришедшим извне языком, который в корне отличался от языка всего общества. Это, по мнению Б.А. Успенского, предопределило интерпретацию царя в обществе как Антихриста. Однако, сравнив язык Петра и господствовавший язык общества, исследователь приходит к парадоксальному выводу: «Поведение Петра, под некоторым углом зрения, предстает не как культурная революция, но как анти-тексты, минус-поведение, находящееся в пределах той же культуры... Иначе говоря, поведение Петра, как это ни парадоксально, в большой степени не выходило за рамки традиционных представлений и норм: оно вполне укладывалось в эти рамки – но только с отрицательным знаком»[61].

---

[59] *Успенский Б.А.* История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 10–11.

[60] *Успенский Б.А.* Historia subspecie semioticae // Избранные труды. Т. 1. С. 51.

[61] Там же. С. 56.

Эти выводы Б.А. Успенского представляют необычайную ценность для современной политологии. Прежде всего, «контраверсной ситуацией», когда встречаются и вступают в конфликт несколько различных языков, можно считать любой период быстрых изменений и реформ, в том числе и в современном обществе. Кроме того, и сегодня часто у различных радикально оппозиционных или западнических групп в России, да и не только в России, можно отметить замеченное Б.А. Успенским у Петра стремление принять «правильный» язык (например, пришедший извне язык «демократии») и заменить им «традиционный» и «неправильный», что на практике выливается в использовании старого языка с обратным знаком. Все это позволяет развить гипотезу Б.А. Успенского о существовании на Руси традиции «обратного поведения», обнаруживая ее влияние и в XX в. Интересно, что, по мнению Б.А. Успенского, такая эволюция позаимствованного извне языка на российской почве привела к «неорганичности петровских реформ». Эта мысль особенно интересна сегодня, когда «демократические» реформы, поначалу крайне «неорганичные», под влиянием российской реальности все более переходят в «органичное» для России русло.

В русле «семиотики культуры» с начала 60-х гг. XX в., кроме Б.А. Успенского, работали и работают многие известные специалисты: Ю.М. Лотман, А.М. Пятигорский (с 1970-х гг. в Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета), В.В. Иванов, В.Н. Топоров и др. В их работах рассматриваются многие аспекты разных периодов мировой культуры, в основном периода древности и Средних веков. Для современной политологии, кроме общей методологии, наибольший интерес представляют работы Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского[62], посвященные российской культурной и политической традиции.

Политология и концепция «политической культуры»

Политология, развившаяся в отдельное направление общественных наук, отпочковавшись от общей социологии, в течение долгого времени глубоко не исследовала проблемы общественного сознания,

[62] За последние несколько лет было издано большое количество крупных работ авторов, которых можно отнести к тартуско-московской семиотической школе, о России. Многие из них, вероятно, были написаны ранее, но не могли быть изданы. См., например: *Успенский Б.А.* Избранные труды; *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира. М.: Гнозис, 1994; *Топоров В.Н.* Святые и святость в русской духовной традиции. М.: Гнозис, 1995; и др.

оставляя эту область антропологии и социальной психологии и занимаясь в основном поисками общих законов политики. В лучшем случае под именем идеологии анализировались официальные политические доктрины, исповедовавшиеся руководством государств и общественных движений. Лишь в начале 60-х гг. XX в. американскими политологами Г. Алмондом и С. Вербой была предложена концепция политической культуры нации. Авторы известной книги «Гражданская культура» признавали преемственность своей теории по отношению к антропологическим и социально-психологическим подходам к культуре. Однако они посчитали необходимым выделить политический аспект культуры:

«Мы используем термин "политическая культура" по двум причинам. Во-первых, если мы хотим проследить взаимосвязь между политическими и неполитическими установками и моделями развития, мы должны отделить первые от вторых, пусть даже граница между ними является не настолько резкой, как это следует из нашей терминологии. Таким образом, термин "политическая культура" отсылает к сугубо политическим ориентациям – установкам по отношению к политической системе и различным ее частям, представлениям о роли личности в системе. Мы говорим о политической культуре с тем же основанием, с каким мы можем говорить об экономической культуре или культуре религиозной. Это набор ориентаций на некую совокупность социальных объектов или процессов.

Но мы предпочли понятие политической *культуры* всем прочим еще и потому, что оно позволяет нам воспользоваться концептуальными рамками и подходами антропологии, социологии и психологии. Использование таких категорий антропологии и психологии, как социализация, культурный конфликт и аккультурация, обогащает нашу концепцию»[63].

Представляется, что концепция «политической культуры» ознаменовала запоздалое признание политологией недостаточности доминировавших в ней до этого методов общей социологии. Однако признание это не было достаточно последовательным. Книга Г. Алмонда и С. Вербы и работы их последователей во многом сохранили позитивистский подход. Этот подход на практике выразился в свойственном возникшей на Западе политологии в целом «западоцентриз-

[63] *Almond G., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. London: SAGE, 1989. P. 12. (впервые опубликовано в 1963 г.). Перевод: *Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура // Полития. 2010. № 2 (57). С. 131–132.

ме», а также в заимствованном ей из общей социологии стремлении делать выводы не на основе эмпирического анализа, а из абстрактных общетеоретических оснований. Созданная авторами «Гражданской культуры» типология политических культур явно основана на их оценке исходя из близости к «демократическому» идеалу, который при ближайшем рассмотрении оказывается моделью, подозрительно близкой к американскому общественному устройству. Само понятие «гражданской культуры», с точки зрения американских теоретиков, объединяет в себе две идеальные культурные модели: современную и традиционную, причем подразумевалось, что, хотя обе и сосуществуют в рамках одной гражданской культуры, современная культура более прогрессивна и постепенно вытесняет традиционную, по крайней мере, в странах Запада. Другой разработчик концепции «политической культуры» Л. Пай, специалист по странам Дальнего Востока, прямо связал зрелость политической культуры с близкой ему идеей «модернизации» и «политического развития», под чем подразумевалось всемирно-историческое движение «отсталых» обществ к американскому экономическому и политическому идеалу[64]. Кроме того, в изложении Г. Алмонда, С. Вербы и Л. Пая политико-культурный подход, в отличие от рассмотренных нами ранее теорий изучения систем представлений, рассматривал культуру только на уровне нации (государства), отличаясь от возникшей незадолго до этого в социальной психологии теории «национальной психологии» лишь меньшей широтой, концентрацией исключительно на представлениях политических. В то же время достижением практического подхода основателей идеи «политической культуры» стало их стремление поставить изучение представлений населения на более строгую основу, применяя методы опросов и интервью. Не менее важна и введенная ими методология сравнительного анализа различных культур, данная в «Гражданской культуре» и последующих работах этих авторов и их последователей[65].

Концепция «политической культуры» вскоре была взята на вооружение специалистами по странам советского блока, которые увидели в ее применении возможность проявить бóльшую гибкость по сравнению с распространенной тогда «тоталитарной» моделью, в рамках которой коммунистические страны представлялись цен-

[64] См., например: *Pye L. W.* Introduction // Pye L.W., Verba S. (eds.). Political Culture and Political Development. Princeton: Princeton University Press, 1965.

[65] См., напр.: *Almond G. A., Verba S.*, ed. The Civic Culture Revisited, Little, Brown and Company. Boston – Toronto, 1980 (First ed. 1963 by Princeton University Press).

трализованными монолитами, в которых новая идеология выковала новых людей. Культурно-политический подход давал возможность говорить о влиянии на новый строй некоторых традиционных, докоммунистических представлений, о различиях между политическими культурами стран отдельных «социализма», унаследовавших разные культурные традиции и т.п.

Одновременно специалисты по советскому блоку выступили с критикой слабости некоторых сторон подхода основателей концепции. С наиболее развернутой критикой выступил известный британский советолог А. Браун, который в ряде статей дал собственную, скорректированную интерпретацию «политической культуры», более подходящую для применения к исследованию СССР и вообще государств с традицией, существенно отличающейся от западной. В его определении «политической культуры» он постарался смягчить ее оторванность от общей культуры, которая понимается им в антропологической традиции как система представлений о мире. Во введении к сборнику «Политическая культура и политические изменения в коммунистических странах» он дал следующее определение политической культуры: «Она будет пониматься как субъективное восприятие истории и политики, фундаментальные убеждения и ценности, фокусы идентификации и лояльности, а также политическое знание и ожидания, являющиеся продуктом конкретного исторического опыта народов и групп. Необходимо добавить, что “политическая культура” не существует отдельно от “культуры” в самом широком социальном смысле. Напротив, она более общим образом тесно связана с культурными ценностями и ориентациями. Но она фокусирует внимание на той части культуры, которая имеет отношение к политике»[66].

А. Браун подвергает критике тенденцию основателей концепции «политической культуры» связывать ее с «сомнительными» теориями «политического развития» и «анализа систем», так как «в этой литературе характеристики развитой политической системы часто поразительно похожи на основные черты американской политической системы (часто в несколько идеализированной форме), и в целом западная литература о политическом развитии и модернизации имеет тенденцию скрывать политические и моральные оценки под видом квазитеоретических суждений»[67].

---

[66] *Brown A.* Introduction // A. Brown, J. Gray ed. Political Culture and Political Change in Communist States. London and Basingstoke: The Macmillan Press LTD, 1979. P. 1 (1st ed. 1977).

[67] Ibid. P. 3.

Для уменьшения субъективизма, вызванного доминированием политических и моральных представлений западных исследователей в их работе, А. Браун предлагает говорить о связи политической культуры не с «политическим развитием», а с «политическими изменениями» и «политической преемственностью», что не указывало бы на заранее заданное направление «позитивных» сдвигов. В то же время он полагает возможным применять термин «экономическое развитие», как описывающий процесс, который возможно измерить количественно.

Важнейшим нововведением А. Брауна стало обращение внимания на возможность сосуществования нескольких политических культур в один период. Он вводит понятия «официальной» политической культуры, то есть ценностей и представлений, пропагандируемых властями, и «доминирующей политической культуры»: суммы реально существующих наиболее распространенных в обществе представлений. Британский исследователь замечает, что огромные усилия властей коммунистических государств по внедрению «официальной» политической культуры вовсе не означают, что она полностью принимается населением: она лишь частично входит в «доминирующую» культуру, которая также формируется под влиянием исторических традиций, реальной жизни общества и т.п.[68] А. Браун предполагает возможность существования в обществе, наряду с «доминирующей культурой», культур отдельных социальных групп, используя для их обозначения термин «субкультура»[69].

Понятие «политической субкультуры», введенное Г. Алмондом и С. Вербой, использовалось ими несколько в ином значении[70]. Однако затем в «политико-культурной» литературе установилось ее понимание как политической культуры социальной группы, меньшей, чем государство или вся нация. Известный британский политолог Д. Кавана четко объясняет необходимость введения этого понятия: «Общенациональная политическая культура в действительности является метафорой и может скрывать значительные вариации в политических ориентациях различных групп населения. Этот термин, вероятно, так же аморфен, как “общественное мнение”, в реальности нам нужно говорить о мнениях секторов общества. Эти ориентации различных групп, которые могут сформироваться, а могут и не сфор-

[68] Ibid. P. 7–8.
[69] Ibid. P. 8.
[70] *Almond G., Verba S.* The Civic Culture... P. 26–29.

мироваться в интегрированную и единую культуру, мы называем "субкультурами"... Регион, религия, социальный класс, язык, поколение и занятие часто создают основу референтных групп для многих людей и служат важными разделительными линиями в политических системах. Кроме того, существуют культурные роли, возникающие из ориентаций, обычно ассоциируемых с местом человека в политической системе, например, в бюрократии, политической партии или группе интересов»[71].

В видоизмененном виде, в особенности в интерпретации А. Брауна, концепция «политической культуры» выглядит более убедительной и полезной для современной политологии. В то же время бросается в глаза ее упрощенность и вторичность по сравнению с рассмотренными выше теориями К. Маннгейма, историков школы Анналов, круга М.М. Бахтина. По сути дела, в ней нет ничего такого, о чем не писали бы эти более ранние теоретики, напротив, предшествующие теории представляются более широкими и разработанными. Интересно, что западные политологи – сторонники концепции «политической культуры» – почти никогда не ссылаются на рассмотренных нами авторов. Это, вероятно, связано с тем, что данная концепция разрабатывалась англоязычными политологами, которые с некоторым предубеждением, вызванным чисто бюрократическими причинами, относятся, во-первых, к любым теориям, формально не относящимся к политологии и ее предшественнице – социологии, а с другой обычно плохо знают литературу, впервые появившуюся не на английском языке. Это не означает, что теоретики-политологи вовсе не признают интеллектуальных истоков теории «политической культуры» где бы то ни было. И Г. Алмонд, и С. Верба в «Гражданской культуре», и А. Браун в специально посвященном этому вопросу обширном «Заключении» к книге «Политическая культура и коммунистические исследования»[72], и многие другие авторы приводят в качестве источника концепции «политической культуры» и классиков-основателей общественных наук: Вольтера, Ш. Монтескье, А. де Токвиля, и англо-американских теоретиков «социальной психологии», и англо-американских же антропологов. В то же время представляется, что по какой-то причине от их внимания ускользают некоторые теории, гораздо более близкие их взглядам, которые могли

[71] *Kavanagh D.* Political Culture. London and Basingstoke: Macmillan, 1972. P. 20.

[72] *Brown A.* Conclusions // Brown A., ed. Political Culture and Communist States. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, and London: The Macmillan Press Ltd., 1984. P. 149–204.

бы быть использованы для дальнейшей, более глубокой разработки концепции. Практически ничего нового в этом отношении не дает и новейшая подробная монография С. Уэлша «Концепция политической культуры»[73].

Главным отличием концепции «политической культуры» от предшествующих теорий, по сути дела, является выделение политических представлений из общей системы социальных представлений. Условность такого выделения, как уже говорилось, признавалась и рядом сторонников политико-культурного подхода. Но без этого выделения роль концепции «политической культуры» сводится лишь к переносу изучения систем представлений в область политологии как дисциплины, что, по сути, имеет лишь формально-бюрократическое значение и еще раз свидетельствует об актуальности призыва французских историков к синтезу в области слишком специализировавшихся общественных наук.

Неоднозначно можно оценить и конкретную методологию исследования политических культур. Для российской политологии особую важность представляют разработанные некоторыми ее сторонниками методологические принципы изучения политической культуры современного (этим исследованиям) советскому обществу, которые можно было бы применить и к последнему периоду существования СССР. Наиболее тонкий разработчик таких принципов А. Браун, отмечая трудности получения источников об общественных представлениях в странах с коммунистической системой, связанные с политической ситуацией в них, в то же время выделяет те их типы, которые могут быть доступны зарубежному исследователю, одновременно оговаривая возможный источник ошибок. Он указывает на возможность систематического интервьюирования эмигрантов (признавая, что мнения эмигрантов не могут быть признаны вполне репрезентативными). В качестве удачного примера он приводит так называемый Гарвардский проект, основанный на анализе интервью эмигрантов из СССР, оказавшихся на Западе в основном во время Второй мировой войны, и призывает повторить его для изучения изменений, произошедших в представлениях советских людей с предвоенного периода[74]. Из других возможных источников

[73] *Welsh S.* The Concept of Political Culture. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London: The Macmillan Press Ltd., 1993.

[74] На основе результатов Гарвардского проекта было опубликовано несколько книг, наиболее интересная из которых: *Inkeles A., Bauer R.* The Soviet Citisen: Daily Life in Totalitarian Society. Cambridge, Mass., 1961.

А. Браун выделяет художественную литературу, мемуары, описания жизни в СССР иностранцами, прожившими там длительное время, самиздат, официальную идеологическую и историческую литературу. Указывая на возможную необъективность всех этих источников, обусловленную различными причинами, А. Браун считает необходимым «сводить опасности до минимума, не выделяя слишком результаты, полученные путем применения исключительно какого-либо одного метода исследования, и сопоставляя результаты, полученные различными методами и из различных источников»[75].

Конкретное воплощение этих пунктов, по крайней мере в отношении СССР, оказалось, однако, далеко не идеальным. Кроме упомянутых двух сборников под редакцией А. Брауна, содержащих статьи о советской политической культуре, на эту тему было написано по меньшей мере две книги: «Политическая культура и советская политика» британского советолога С. Уайта и «Политическая культура и руководство в Советской России» американского исследователя Р. Такера[76]. О последней говорить легче всего: под видом «политической культуры» Р. Такер рассматривает, по сути, лишь официальную доктрину и влияние на нее российской традиции. Не обсуждая удач и неудач Р. Такера на этом пути, отметим лишь, что рассмотрение исключительно того, что А. Браун называет «официальной политической культурой», не имеет отношения к исследованию политических представлений, так как не доказано, что официальная доктрина когда-либо существовала в качестве системы реальных представлений какой-либо социальной группы. Попытаться доказать это можно было бы, идя от изучения представлений одной из таких групп, например руководства КПСС, однако этого Р. Такер не делает, да и вряд зарубежному исследователю в тот период возможно было узнать, что действительно думают коммунистические руководители.

Сложнее обстоит дело с книгой и другими работами С. Уайта. Его исходная точка – положение о возможных различиях официальной советской идеологии и реальных представлений населения, которое он выдвигает в полемике со сторонниками концепции «тоталитаризма». Эта идея, так же как стремление британского исследователя показать преемственность представлений советских людей по отно-

[75] *Brown A.* Introduction... P. 12.

[76] *White S.* Political Culture and Soviet Politics. London and Basingstoke. The Macmillan Press Ltd, 1979; *Tucker R.C.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia. Brighton, Wheatsheaf Books, 1987. (Большинство глав книги Р. Такера было опубликовано ранее в виде отдельных статей.)

шению к российской политической традиции, наличие в СССР региональных, национальных, профессиональных и других субкультур, вполне оправданна. И в то же время от работ С. Уайта остается впечатление какой-то банальности и поверхностности. Дело здесь, скорее всего, в применяемой им методологии, вернее, в отсутствии точных методологических установок. Определение С. Уайтом российской политической традиции исключительно как «авторитарной» излишне общо и потому неглубоко. Исследователь практически не делает различий между периодами, социальными группами, из всех традиционных теорий вырывает только те высказывания, которые подтверждают его мысли. Он плохо знаком с исследованиями дореволюционных российских ученых на конкретные темы, например об отношении различных групп населения в различные периоды к царю, царской власти, государству, внешнему миру (старообрядцев, церкви, политической элиты периода Петра I, революционеров-народников и т.п.). Не знает он и работы не вполне официальных советских исследователей (например, «семиотиков культуры») и опирается в основном на разоблачающие царизм труды официальных советских историков от идеологии и отдельные зарубежные исследования (в основном по XIX в.). Это приводит к упрощенным и неглубоким выводам.

Опора в основном на советские источники вообще порой приводит С. Уайта к совершенно абсурдным утверждениям. Например, в качестве доказательства «возрастающей способности режима мобилизовать население и интегрировать его в политическую систему» и свидетельства возрастающей политической активности советской молодежи он использует официальные советские данные об участии в выборах и о членстве в комсомоле. Такой подход серьезно обесценивает выводы С. Уайта, не обратившего внимание на реальные формы политической активности советских граждан и принявшего за них то, что формально напоминало эти формы в странах Запада. «Западоцентризм», формально отрицаемый С. Уайтом, выступившим против прямолинейной теории о том, что экономическое развитие прямо ведет к «демократизации», и утверждающим значительное влияние традиционных представлений на процесс социальных и политических изменений, все же совершенно очевиден в его методологии.

В целом можно сказать, что недостатки анализа реальных общественных представлений сторонниками концепции «политической культуры» вытекают из отсутствия в их методологии понимания представлений как некоторой единой системы, своеобразного «языка», изучение которого, как говорил К. Маннгейм, должно заключаться

в анализе значений, в установлении внутренних связей между компонентами системы. Разрыв представлений на политические и прочие, увлечение точными методиками опросов, в результате которых можно обнаружить лишь взгляды по отдельным вопросам вне общей системы, приводит к тому, что исследования «политической культуры» становятся, с одной стороны, политизированными, а с другой – поверхностными и излишне беллетристическими.

Мир политики как мир представлений. Политология Ж.-М. Дэнкена

Сторонники концепции «политической культуры», с ее подчеркиванием роли представлений в сфере политики, все же никогда не стремились сделать ее единственным методом политологии, представить всю политическую сферу в виде «царства представлений», как это делали сторонники «социологии знания» или «семиотики культуры» в отношении всей сферы общественной жизни. Однако к концу XX в. подобные идеи проникли и в сферу политологии, проявившись особенно сильно во Франции, стране с более глубокими, чем в англоязычном мире, традициями в области изучения менталитета и придания этой области основополагающей роли. Одним из наиболее ярких свидетельств этого – теоретические труды по политологии Ж.-М. Дэнкена, в которых он для определения политической реальности вводит термин «мир политики», который объявляет «миром представлений»[77].

Так же, как и во всех теориях социальной реальности, рассмотренных ранее, Ж.-М. Дэнкен сравнивает выделенный им «мир политики» с языком, показывая, что он относится к самой политике как грамматика к языку. Он пишет: «Всякая конкретная политика проявляется в определенном контексте и испытывает, очень часто безотчетно, его силу. Политика и контекст примерно находятся в таком отношении, в каком находятся написанные или произнесенные фразы на одном языке, объединенные грамматикой этого языка: французская грамматика не обязывает писать ни “Гаргантюа”, ни “В поисках утраченного времени”, но такие произведения, как, скажем, статья из газеты “Франс Суар”, имплицитно соблюдают определенное число правил как в конструкции фраз, так и выборе слов. Если бы было иначе, то эти произведения невозможно было бы понять. Кроме того, эти правила имеют ту замечательную особенность, что, даже не зная,

[77] *Дэнкен Ж.-М.* Политическая наука. М., 1993. С. 30.

их можно применять, как дети, которые свой родной язык учат посредством подражания, но можно о них также иметь ясное представление, систематизировать и сделать их нормой употребления, как грамматисты. То же самое касается мира политики. Он обладает своими имплицитными структурами, обусловливающими политическую деятельность, но которые можно и не осознавать. Ясно, что раскрытие таких структур является одной из главных задач политической науки»[78].

Очевидно сходство этой концепции со многими положениями «социологии знания» К. Маннгейма, считавшего задачей социолога «анализ значений» и изучение морфологии «типа мышления», а также с воззрениями французских историков-анналистов, указывавших на необходимость изучения именно источников среднего уровня, которые являются как бы письменными «общими местами» эпохи. Как и эти свои предшественники, Ж.-М. Дэнкен располагает эти «имплицитные структуры» «мира политики» в «мире представлений».

Французский политолог исходит из отстаивавшегося еще неокантианцами противопоставления объектов изучения наук об обществе, в данном случае политологии, и точных наук. Он обращает внимание на невозможность предсказания в политике на основе выведенных законов, что возможно в естественных науках. По его мнению, попытки делать такие предсказания привели к провалу всех крупных теорий, пытавшихся предсказать будущее, например теорий Платона и Маркса. Согласно Ж.-М. Дэнкену, провал попыток анализировать мир политики методами, применяемыми к изучению физического мира, «не есть результат случайной оплошности или бессилия, а есть следствие законной неадекватности. К этому негативному доводу добавляется другой, но уже позитивный: цельная и связная интерпретация политических феноменов предполагает признание того, что их сущность связана с сознанием»[79].

Согласно Ж.-М. Дэнкену, весь мир политики состоит не из объективных политических фактов, как это чаще всего считается в англо-американской политологии, а из фактов сознания. Он пишет, что любой факт становится политическим только в случае его существования в сознании человека, следовательно, «нет ничего политического без сознания»[80]. По мнению французского исследователя, об

[78] Там же.
[79] Там же.
[80] Там же.

этом свидетельствует, например, то, что политическая оценка факта меняется, в то время как сам факт остается неизменным. Он приводит пример вредного для здоровья квартала Парижа, существование которого в конце XIX в. оценивалось как достойное сожаления, но неизбежное следствие урбанизации, а сегодня – как банкротство ответственности политических деятелей. Таким образом, изменился не сам политический факт, а представление о нем людей.

Согласно теории Ж.-М. Дэнкена, субъектом политических представлений является индивид, так как «существуют и думают только индивиды»[81]. Индивиды получают политические представления от других членов общества, причем Ж.-М. Дэнкен выделят три их основных источника: семейное окружение, информация в широком смысле (общение, средства массовой информации и т.п.), а также и личный опыт индивида, который подтверждает или опровергает полученное знание. Французский ученый следующим образом характеризует систему политических представлений индивида: «Эти различные элементы образуют совокупность знаний, которые позволяют политическому "Я" анализировать мир политики и определиться в отношении к нему. Ясно, что эти знания ни в чем не похожи на научные знания. Знание, полученное от семьи, может быть представлено как опыт, накопленный различными поколениями, но вместе с тем может быть и тканью предрассудков. Информация тоже может быть истинной и ложной. И жизненный опыт субъекта, представляющий для него богатство пережитого, может оказаться нетипичным и не отражать политическую реальность. Сам субъект преобразовывает эти гетерогенные факторы в единую более или менее ясную и духовно структурированную систему. Но для большинства индивидов этот процесс происходит стихийно, бессистемно, без критического духа, случайно и даже отвлеченно: очень редко встречаются люди, которые рефлексируют над политическими проблемами». Впрочем, французский исследователь сомневается в точности представлений даже тех, кто думает о политике[82].

Ж.-М. Дэнкен подчеркивает основополагающее значение языка в процессе передачи политической информации индивиду, что привносит в его представления заложенные в языке оценки и формы. Таким образом, анализ политических представлений неотделим от анализа языка. Кроме того, по мнению Ж.-М. Дэнкена, политиче-

[81] *Дэнкен Ж.-М.* Политическая наука. М., 1993. С. 32.
[82] Там же. С. 33.

ские представления обладают еще двумя свойствами, которые он называет их «корыстным» и «конфликтным» характером. «Корыстный» характер означает, что политические оценки определяются интересами субъекта, а «конфликтный» – что индивидуальный субъект «становится политическим субъектом только в определенных взаимоотношениях по крайней мере с двумя партнерами», причем эти взаимоотношения потенциально конфликтны[83]. Согласно Ж.-М. Дэнкену, истина в мире политике хотя и существует, но не пользуется преимущественным положением. «В политике истинное представление не лучше и не эффективнее, чем ложное представление. Оно только другое представление и, как и ложное представление, подчинено ставке взаимодействий корыстных сознаний. Можно исчерпывающим образом описать мир политики, не прибегая к понятию истины»[84]. Больше того, согласно Ж.-М. Дэнкену, политические представления не поддаются опыту фактов, то есть открытие противоположного факта не всегда ставит под вопрос теорию. Он пишет: «В самом деле, как политический субъект может быть верным своему представлению, которое противоречит очевидности? Ответ состоит в том, что сам вопрос поставлен плохо, ибо для субъекта очевидность как раз не есть нечто единое. Политические представления являются компенсирующими механизмами, позволяющими им пережить то, что должно было их разрушить»[85].

Политическая теория Ж.-М. Дэнкена наиболее близко подводит политологию к общим социологическим теориям представлений, и можно указать лишь на ряд ее слабостей.

1. Понимание «мира политики» как «мира представлений» соседствует у французского политолога с неким противоречащим ему представлением об объективно существующей истине. Б.А. Успенский и семиотики культуры призывают опустить эту проблему, но вся их концепция свидетельствует о том, что собственные представления исследователя так же социально обусловлены, как и изучаемые представления, и изучение заключается в нахождении внутренних связей в изучаемом языке и переводе его на язык представлений исследователя и его времени. Ту же позицию можно найти и у К. Маннгейма, и у сторонников французской Новой исторической науки. Это, собственно, и есть идея «диалога культур» М.М. Бахтина. Однако у Ж.-М. Дэнкена

[83] Там же. С. 35–36.
[84] Там же. С. 36.
[85] Там же.

не вполне ясно, знает ли истину сам политолог, или все, что он говорит о политических представлениях абстрактного субъекта, относится лишь к его собственным политическим представлениям. Если верно второе, то рассуждения Ж.-М. Дэнкена об истине, корыстном и конфликтном характере представлений повисают в воздухе, ведь в этом случае нет «объективных» корысти и конфликтов, они существуют лишь в представлениях исследователя и исследуемого.

2. Критерии выделения «мира политики» из мира вообще или по крайней мере, из мира социального не представляются убедительными. Чем, собственно, представления о политике в смысле социальной обусловленности отличаются от представлений об истории, искусстве или чем-либо другом из области человеческой деятельности, то есть всего того, что, по словам Ж.-М. Дэнкена, не существует «без сознания»? Даже теории естественных наук, по мнению ряда исследователей, полностью обусловлены социально[86]. Но даже если согласиться с французским политологом в том, что физический мир и мир политики принципиально несхожи все приводимые им аргументы можно отнести ко всему миру нефизическому в целом, и выделение мира политики здесь не является оправданным. Но в случае признания этой неоправданности теория Ж.-М. Дэнкена теряет свою уникальность, так как в других областях знания подобные идеи уже высказывались. Она лишь знаменует их проникновение в такой бастион позитивизма, каким до сих пор оставалась политология.

Системы представлений – терминология и методология исследования

Выше были рассмотрены некоторые из теорий, предлагающие во многом общий подход к изучению систем представлений. Тот факт, что, развившись в рамках различных областей знаний, на основе разных теоретических предпосылок и национальных научных традиций, они пришли к весьма сходным выводам, является ярким доказательством актуальности рассматриваемого подхода, необходимости его развития и применения к конкретным исследованиям систем представлений различных государств и социальных групп. Однако те же обстоятельства приводят к определенной терминологической путанице. Кроме того, определенное различие в подходах все же существует. Поэтому представляется целесообразным дать некоторую единую трактовку значения терминов, которые можно было бы ис-

[86] См., например: *Малкей М.* Наука и социология знания. М., 1983.

пользовать в конкретных исследованиях, разработать основу методологии их применения.

1. Система представлений

Под системой представлений понимается некоторая система понятий, общих для членов социальной группы. Величина социальной группы не имеет значения. Как все человечество в целом, так и члены одной семьи будут обладать некоторым количеством общих представлений, полученных в результате социального взаимодействия, в первом случае как представителей рода человеческого, во втором – как родственники. Так называемые «национальная», «классовая», «профессиональная» и проч. психологии являются частными случаями систем представлений, как и сами эти сообщности – частными случаями социальной группы.

Термин «система представлений» в этом смысле применял Б.А. Успенский, но, поскольку в нем нет ничего специального, вполне вероятно, что он применялся и другими исследователями. В принципе он соответствует понятиям «стиль мышления» и «тип мышления» К. Маннгейма, «дух эпохи» круга М.М. Бахтина, «язык» в понимании «семиотиков культуры». Все они имеют свои преимущества. Термин «стиль мышления» указывает на аналогию систем представлений со стилями в искусстве, что подчеркивает их формальный характер и историчность, сменяемость одного стиля другим. В то же время термин «мышления» здесь не является вполне точным, так как «мышление», как и «сознание», в некоторых философских системах употребляется в другом смысле, как индивидуальная способность, хотя и проявляющаяся в социальных формах. Представления же, по сути, есть сами эти формы. Кроме того, такие термины, как «стиль» (тип) мышления и «дух эпохи», применимы только к крупным социальным общностям. Вряд ли можно говорить о «типе мышления» членов футбольной команды или учащихся одного класса, хотя общее в их представлениях, безусловно, обнаружить можно. Некоторые трактовки понятий «культуры» и «субкультуры» также соответствуют такому пониманию «систем представлений», присущих как крупным, так и более мелким социальным группам. Понятия «политическая культура» и «политическая субкультура», например в трактовке А. Брауна, могут с успехом применяться в современной политологии, однако их недостатком является механический разрыв политической и иных сфер моральных, исторических и других представлений.

2. Представления и индивид

Индивид обладает лишь представлениями, которые он приобретает в процессе воспитания (социализации), то есть в результате общения с другими людьми. Поэтому процесс изучения приобретения представлений, их источников, приобретает большое значение. Независимо от того, кто прав в споре Ж. Пиаже и Н. Холмского о врожденных формах сознания, совершенно ясно, что врожденных представлений быть не может. Большинство или все представления приобретаются в языковой форме (по этому поводу нет единого мнения, но, в любом случае, в форме тех или иных знаков), поэтому анализ представлений непосредственно связан с анализом их языковых форм.

3. Анализ системы представлений

Общие представления, объединяющие индивидов каждой группы, могут быть для удобства анализа представлены в виде системы. Это означает, что каждый индивид не обязательно будет обладать всей суммой представлений, однако каждым представлением системы будет обладать хотя бы один член группы. Такая система будет «идеальным типом» в понимании М. Вебера, так же как «идеальным типом» является язык. Языком обладает только индивид, каждый индивид не знает всех слов и выражений языка, но для удобств исследования лингвисты выделяют язык как систему, составляют грамматики и словари. В этом смысле «система представлений» – язык группы, которым его члены видят мир. Задача исследователя – найти в нем внутренние связи и понять, то есть перевести на язык собственных представлений. Эти задачи, вслед за К. Маннгеймом, Б.А. Успенским и Ж.-М. Дэнкеном, можно сравнить с задачами лингвистики: грамматики (внутренние связи системы) и лексики (анализ значений). При этом необходимо иметь в виду, что связи эти, которые могут быть основаны как на логике, так и на других принципах, часто существенно отличаются от представлений исследователя, его эпохи и социальной группы[87].

4. Понятие структуры системы представлений

От формального анализа внутренних связей и отдельных значений в системе представлений отличается другая исследовательская

[87] О нелогичности различных систем представлений и даже всех систем представлений отмечали многие антропологи, начиная с Л. Леви-Брюля, а также социологи и политологи.

задача: задача анализа внутренней структуры системы представлений. Под структурой понимается модель, вычлененная на основе нескольких сходных систем представлений и являющаяся абстракцией более высокого уровня, чем реконструированные формальные внутренние связи внутри одной системы. Применяя аналогию с языком, метод изучения такой структуры можно сравнить со сравнительным языковедением. Сравнивая две системы представлений, существовавших, например, в одном государстве в разные эпохи или в двух различных обществах одного периода, и находя совпадения на уровне более глубоком, чем форма представлений, можно прийти к выводу о наличие такой структуры.

Понятие «структуры» системы представлений соответствует «основополагающему мотиву» К. Маннгейма и «содержанию» сознания (в отличие от его формы) В.Н. Волошинова (М.М. Бахтина). Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский употребляли в том же смысле термин «глубинная структура» культуры, которая меняется медленнее, чем сама «культурная модель», и иногда возрождается в новых формах в рамках новой «модели»[88].

5. Представления и сознание

В большинстве рассмотренных нами теорий представления относятся к сознанию или мышлению. Это позиция вряд ли обоснованна и может привести к путанице. Более рационально вслед за рядом философских систем под сознанием понимать мышление, не обусловленное полностью социально, некоторую индивидуальную волю, индивидуальную способность или стремление к пониманию, хотя и существующее в социально обусловленных формах. Этот уровень активно осознанных представлений, строго индивидуальных, не следует относить к системе представлений, которая является результатом пассивного принятия общественных штампов и понятий.

Очевидно, что большинство рассмотренных ранее исследователей (К. Маннгейм, круг М.М. Бахтина) не признавало сознания в этом смысле, считая все представления жестко обусловленными социально и называя сознанием то, что мы будем называть системой представлений. В любом случае для целей политологии, занимающейся исследованием систем представлений конкретных социальных групп, дискуссия о проблемах сознания представляется совершенно

[88] *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. 1. С. 224.

излишней, и несколько высказанных выше замечаний необходимы были лишь для лучшего понимания терминологии.

6. Соотношение понятия «представления» с другими часто употребляемыми аналогичными терминами

Идеи. Термин «идеи» в связи с существующей традицией его философского понимания, в политологических исследованиях в связи сего широтой во избежание путаницы не рекомендуется использовать вообще либо возможно употреблять в его обыденном, языковом значении.

Убеждения. Понятие «убеждения» (beliefs) обычно трактуется через процесс познания мира. Американский политолог Р. Путман пишет: «Люди считают, что их мир устроен определенным образом. Некоторые из их убеждений довольно конкретны: например, что эта комната покрашена в зеленый цвет, или что мне холодно, или что в Британии парламентская форма правления. Эти убеждения конкретны тем, что они направлены на индивидуальные объекты будь то в физическом мире, социальном мире или внутри себя. Они могут быть довольно стабильными. Иногда они даже сопротивляются противоречащей информации. Но в целом они подвержены изменению, если мир (или личность) меняется»[89].

Р. Путман фактически замечает здесь системность убеждений, благодаря которой возникает возможность противостоять фактам, противоречащим отдельным элементам системы. Это показывает близость его понимания «убеждений» «представлениям», об аналогичных свойствах которых писали, например, Э. Эванс-Притчард и Ж.-М. Дэнкен. Р. Путман, называя вслед за М. Рокичем описанный вид представлений «периферийными», считает, «под» ними скрываются более фундаментальные убеждения, которые «структурируют понимание человеком окружающего мира»[90]. Эти убеждения он называет «познавательными предрасположенностями» (cognitive predispositions), а М. Рокич «примитивными убеждениями»[91]. Некоторые специалисты относят к убеждениям целые системы взглядов, например мифы[92].

---

[89] *Putman R.D.* The Belief of Politicians, Ideology, Conflict, and Democracy in Britain and Italy. New Haven and London: Yale University Press, 1973. P. 5.

[90] Ibid.

[91] *Rokeach M.* The Open and Closed Mind. New York: Basic Books, 1960. P. 40.

[92] *Brown A.* Introduction... P. 17.

В целом попытки построить иерархию представлений без изучения конкретных систем кажутся по крайней мере преждевременными. В любом случае с точки зрения понимания «представлений», которое используется в настоящей работе, любые виды «убеждений», как они определяются Р. Путманом и М. Рокичем, являются частью системы представлений.

Установки. Понятие «установки» (attitude) пришло в политологию из социальной психологии. Под ней обычно понимается ментальная предрасположенность индивида к определенному действию. Согласно одному из наиболее общепризнанных определений, данному Г. Олпортом, установка – это «умственное и нервное состояние готовности, возникшее на основании опыта и оказывающее направляющее и динамическое влияние на поведение человека, которое возникает как реакция на все явления и примеры, входящие в сферу жизнедеятельности»[93]. Зародившаяся в рамках психологии еще XIX в. (труды Л. Ланге), а также под влиянием теорий З. Фрейда, «установка» обычно рассматривается как следствие индивидуальных физических, психических или «подсознательных» процессов. Одно время получили популярность даже теории, связывающие различные социальные структуры с типами личности[94]. В СССР теорию установок активно разрабатывал грузинский психолог Д.Н. Узнадзе, фактически скрывая под этим термином запрещенное тогда «бессознательное»[95].

С точки зрения теории представлений, как это показано, например, в критике фрейдизма В.Н. Волошиновым (М.М. Бахтиным), предопределенность к действию в той части, где она не определяется чисто физическими свойствами организма, обусловлена социально, да и в первом случае формы действия диктуются обществом. В этом смысле то, что социальная психология называет «установкой», также является определенным типом представления, представлением о том, как действовать в определенной ситуации, и по своей социальной обусловленности не отличается от других представлений. Больше того, понимание социальной природы установки и ее трактовка как части

[93] *Allport G.W.* Attitudes in the History of Social Psychology // N. Warren and M. Jahoda (ed.). Attitudes. Harmondsworth, Penguin Books, 1979. P. 24. Originally published in: G. Lindzey (ed.) Handbook of Social Psychology. Addison–Wesley, 1954. Vol. 1. P. 43–5.

[94] См.: *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001.

[95] *Узнадзе Д.Н.* Экспериментальные основы психологической установки. Тбилиси: Изд-во АНГр. ССР, 1961.

единой системы дают новые возможности для ее изучения, так как позволяют обнаружить определенные общественно обусловленные рамки влияния установки, выход за которые действия, вызванного ею, маловероятен или даже невозможен.

Ценности. Существуют различные определения «ценностей» (values). Г. Олпорт, например, связывает ценности с установками, считая установку «состоянием ума индивида по отношению к ценности». Он пишет: «Ценности обычно социальны по природе, то есть они являются объектом внимания социализирующихся людей. Любовь к деньгам, стремление к славе, ненависть к иностранцам, уважение к научной доктрине являются типичными установками. Из этого следует, что деньги, слава, иностранцы и научная доктрина – все это ценности. Социальную ценность определяют как “любая часть информации, имеющая эмпирическое содержание, доступное членам каких-либо социальных групп, и значение, благодаря которому она является или может стать объектом деятельности”. Существует, разумеется, множество установок, соотносящихся с каждой социальной ценностью, например, есть относительно церкви и государства. Существует также множество возможных ценностей для одной установки. Борец с традиционными предрассудками может направить свои атаки против всех устоявшихся социальных ценностей без разбора, а обыватель принять их все, не подвергая критике. Отсюда ясно, что в общественном мире, изучаемом социологом, как ценности, так и установки должны иметь место»[96].

Эти замечания Г. Олпорта интересны по двум причинам. Во-первых, в них фактически признается социальная предопределенность «установки», несмотря на то что ее определение, данное тем же автором, не указывает на это («борец с традиционными предрассудками», например, – определение на основе групповой принадлежности, которая и определяет его «установки»). Во-вторых, приведенное здесь определения «ценности» практически совпадает с дюркгеймовским «социальным фактом», и в таком случае ценности относятся к представлениям.

Существуют и другие определения «ценностей». Р. Лэйн, например, делит ценности на то, чего индивид «хочет, объект потребности или мотив» и то, что он «чувствует, что *должен* этого хотеть, о чем можно сказать, что оно является желаемым». В последнем смыс-

[96] *Allport G. W.* The Nature of Personality: Selected Papers. Westport, CT: Greenwood Publishing Group, 1950. P. 5.

ле ценностями становятся отвлеченные понятия: «самоуважение», «честность», «дружба» и т.п.[97] А. Браун употребляет понятия «ценности» и «фундаментальные политические убеждения» фактически как синонимы, относя к ним «уровень предрасположения к безопасности, свободе, независимости, эгалитаризму, индивидуализму, коллективизму или патернализму». По его мнению, «установки» могут отражать более глубокие ценности и убеждения[98].

Ни в одном из рассмотренных определений социальная обусловленность ценностей не ставится под сомнение, и, следовательно, они могут быть отнесены к представлениям, будь то о желаемом (реальная общественная ценность), либо о том, чего следует желать (моральное представление), или относительно тех или иных общественных явлений («социальный факт» Э. Дюркгейма).

Системы убеждений. Термин «система убеждений» (belief system), как он употребляется в англоязычной социологии, в самом широком значении наиболее близок понятию «система представлений». Однако проблема состоит в том, что различные авторы по-разному трактуют «системы убеждений». Это зависит от решения довольно схоластической проблемы о том, входят ли в «систему убеждений» только убеждения, убеждения и установки или убеждения, установки и ценности. Первого мнения, опираясь на работы Г. Алмонда и С. Вербы о политической культуре, придерживается, например, Р. Путнам, второго – Ф. Конверс, а третьего – Р. Лэйн. Не вступая в эту интересную дискуссию, отметим лишь, что, как отмечалось выше, в настоящей работе «представления» трактуются как наиболее общее обозначение социально обусловленных образов, характерных для индивида. В этом смысле чем шире трактовка «систем представлений», тем ближе она нашему пониманию.

Близость концепции «системы убеждений» к используемому в настоящей работе понятию «системы представлений» заключается в подчеркивании принципа системности, взаимосвязанности и взаимозависимости отдельных элементов. На эту взаимосвязанность и взаимообусловленность указывает, например, американский политолог Ф. Конверс, согласно определению которого «система убеждений» – это «конфигурация идей и установок, в которой элементы соединены между собой какой-то формой связи или функци-

[97] *Robert E. Lane*. Political Man. New York: The Free Press, 1972. P. 179.

[98] *Brown A*. Introduction // A. Brown and J. Gray ed. Political Culture and Political Change in Communist States. London and Basingstoke. The Macmillan Press LTD, 1979. P. 17 (1st ed. 1977).

ональной взаимозависимости. В статическом случае "связь" может означать, что, заранее зная об определенной установке индивида, можно успешно предсказать, что он также обладает другими идеями и установками»[99].

В то же время существует несколько причин, по которым в данной работе понятию «система убеждений» было предпочтено понятие «система представлений». Во-первых, понятие «системы убеждений» чаще всего используется в политологии в узком значении, как «система политических представлений»[100]. О нежелательности отрыва «политических представлений» от общей системы представлений уже говорилось в параграфе, посвященном политической культуре[101].

Во-вторых, исследователи, пользующиеся термином «системы убеждений», часто, используя методы общей социологии, строят отвлеченные схемы внутренней структуры таких систем, соотношения между различными элементами, часто не подтверждая этого достаточным эмпирическим материалом, а исходя из общетеоретических соображений. Типичным примером здесь являются анализ «систем убеждений» Ф. Конверсом и Р. Лэйном. Первый выстраивает довольно абстрактную схему взаимоотношений между элементами различных «систем», утверждая, что их «идейные элементы» отличаются своей «центральностью», то есть «ролью, которую они играют в системе в целом», а между собой системы различаются «ареалом» объектов, которые затрагиваются ее элементами, то есть, проще говоря, размером[102]. Однако автор не подтверждает эти, возможно, и верные догадки сколько-нибудь полным анализом хотя бы одной реальной «системы убеждений».

---

[99] *Philip E.* Converse, The Nature of Belief Systems in Mass Publics // D.E. Apter (ed.). Ideology and Discontent. New York, London. The Free Press, Collier-Macmillan, 1964. P. 207.

[100] См.: *Lane R.* Political Man... P. 161.

[101] Необходимо отметить, что ряд авторов, пишущих в основном в широкой социологической или антропологической традициях, пишут о «системах убеждений» в целом, без отрыва «политических убеждений» (см., например: *Barnes B.* The Comparison of Belief Systems: Anomality Versus Falsehood // R. Horton and R. Finnegan (ed.). Modes of Thought, Faber and Faber, London. 1973. Вероятно, многое здесь связано с переводом появившегося впервые во французской социологии термина «repre'sentations» на английский язык. Хотя в английском языке и существует слово «representations», оно не прижилось в социологии и антропологии, где предпочитают говорить об убеждениях (beliefs), установках (attituides) и т.п. Э. Эванс-Притчард, например, работавший в очевидной дюркгеймианской традиции, предпочитал употреблять термин «beliefs».

[102] *Converse P. E.* The Nature of Belief Systems in Mass Public... P. 208.

Р. Лэйн в книге «Политический человек» подробнейшим образом характеризует составные части «систем политических представлений», однако его выводы сделаны на материале современного Запада, в основном США, и возникает сомнение в отношении возможности отнесения его выводов ко всем «системам убеждений»[103].

Идеология. В политологии понятие «систем убеждений» чаще всего связано с понятием «идеологии» в ее широком значении. Р. Лэйн, например, употребляет термины «идеология» и «системы убеждений» как синонимы, определяя идеологию как «групповые убеждения, которые индивиды заимствуют; большинство людей приобретают идеологию индентификации (или дисидентификации) с социальной группой»[104]. В другом месте Р. Лэйн смешивает широкое и узкое понимание идеологии, относя к «системе убеждений» как «примитивные, не изученные идеи, те, которые индивид и общество принимают как должное частично, потому что они не встречают противодействия», а также «более четко сформулированные взгляды правительства», то есть официальные доктрины, которые могут и не относиться к представлениям, так как могут не относиться ни к одной социальной группе.

Во избежание подобной путаницы термин «идеология» лучше употреблять только в узком смысле официальной политической доктрины государства или политической организации. Широкое значение «идеологии» для обозначения всего мира «идей», всех фактов сознания, характерное для марксистской традиции и сохраненное в произведениях К. Маннгейма, авторов круга М.М. Бахтина и некоторых современных политологических работах, не дает возможности отделить представления от сознания и официальных доктрин.

Стереотипы. Стереотипы изучает целая отрасль социальной психологии, где под ними понимаются «набор характеристик, которые, как считается, относятся к членам социальной групп». Стереотипизация, или создание стереотипов, таким образом, является «процессом приписывания характеристик людям на основе их членства в группах». Если эти характеристики разделяются другой группой, их называют социальным стереотипом[105]. В последнее время понимание стереотипов в социальной психологии, в результате значитель-

[103] *Lane R. E.* Political Ideology. Why the American Common Man Believes What He Does. New York: The Free Press, 1962. P. 159–210.

[104] Ibid. P. 15.

[105] *Oaks P. J., Haslam S. A., Turner J.C.* (ed.). Stereotyping and Social Reality, Blackwell. Oxford UK and Cambridge USA, 1994. P. 1.

ных исследований, проделало серьезную эволюцию. Если первоначально большинство исследователей вслед за введшим это понятие У. Липпманом рассматривало вслед за ним стереотип как его мнение, искаженно интерпретировавшее реальность, то есть, по сути дела, предрассудок, и противопоставляло стереотипу «индивидуализированное понимание»[106], то в настоящее время стереотип связывается с особенностями познавательного процесса человека.

В отдельное направление выделилось изучение социальных стереотипов, связанных с отношением к другим странам и народам, господствующим среди населения одной страны, к другой стране и ее населению. Так как считается, что подобные стереотипы влияют на выработку внешней политики, изучение «внешнеполитических стереотипов» с выработкой практических рекомендаций стало неотъемлемой частью исследований международных отношений.

В любом случае стереотип является социально обусловленным представлением, то есть частным случаем представления, представлением о других социальных группах, государствах, их народах и т.п.

В целом для целей конкретного исследования отдельной социальной группы вряд ли может быть использована сама идея деления представлений на более или менее глубокие, а также устанавливаться иерархия между ними, так как на основе изучения системы представлений лишь одной социальной группы невозможно делать обобщения относительно того, отражает ли она общие закономерности. Более того, подобные выводы представляются мало оправданными, так как системы представлений существуют только в конкретном времени и в конкретном пространстве, а это означает, что соотношение между различными видами представлений, выделенными в рамках одной из них, может отличаться от этого соотношения в другой системе, да и сами эти виды могут быть различными. Лишь сама способность человека иметь представления не может быть подвергнута сомнению, так как она является следствием его жизни в обществе.

[106] См.: *Lippman W.* Public Opinion. New York, Harcourt Brace, 1922.

Концепция «политической культуры» и ее применение к СССР и России[1]

Концепция «политической культуры» сегодня предлагает в политологии наиболее широкий арсенал средств изучения представлений. Тем не менее не все методы, применяемые сторонниками этой концепции, приемлемы в серьезном эмпирическом исследовании. Одно из наиболее удачных определений политической культуры было дано А. Брауном, которой понимал ее как «субъективное восприятие истории и политики, фундаментальные убеждения и ценности, фокусы идентификации и лояльности, а также политическое знание и ожидания, являющиеся продуктом конкретного исторического опыта народов и групп»[2]. В принципе это определение может быть принято (хотя противопоставление «субъективного» и «объективного» в политической культуре и будет далее подвергнуто сомнению). В то же время к этому определению необходимо сделать несколько дополнений.

Прежде всего, политическая культура понимается нами как система представлений, объединенная определенной внутренней логикой и связями. Такую систему невозможно понять точными методами опросов, предполагающих расчленение «системы» на отдельные представления. Поэтому, отнюдь не отвергая точные методы, как способные предоставить исследователю важнейший материал, мы поддерживаем мнение К. Гирца, считавшего, что концепция культуры «по существу семиотична». Он разъяснял: «Разделяя точку зрения Макса Вебера, согласно которой человек – это животное, опутанное сотканными им самим сетями смыслов, я полагаю, что этими сетями является культура. И анализировать ее должна не экспериментальная наука, занятая выявлением законов, а интерпретационная, занятая поисками значений»[3].

---

[1] Данная работа написана в 1994 г. в период подготовки докторской диссертации в Оксфордском университете, однако затем в основной текст вошла лишь частично.

[2] *Brown A.* Introduction // A. Brown, J. Gray (ed.). Political Culture and Political Change in Communist States. London and Basingstoke. The Macmillan Press LTD, 1979. P. 1 (1st ed. 1977).

[3] *Гирц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретационной теории культуры. Антология исследований культуры. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 173.

Упоминание семиотики здесь особенно важно, так как многие термины, употреблявшиеся российскими «демократами» в конце советского периода, являлись символами: кроме обыденного значения, они имели смысл, понятный только участникам движения и понимавшим этот язык. По сути дела, вся «демократическая» субкультура состояла из символов. Хотя этот «демократический» «язык» заимствовал термины из других «языков», они приобретали в нем иное значение. Сам термин «демократ» означал в нем совсем не то, что он значил для «западного либерала» или советского коммуниста.

«Политическая культура» понимается нами как непрекращающийся процесс по созданию и изменению значений индивидуальными членами общества. Это означает, что понять, как пришли «демократы» к определенному пониманию действительности, можно, лишь изучив процесс формирования их взглядов, их источники и механизм создания на их основе новых убеждений в индивидуальном сознании. Это требует того, чтобы любые документы и источники рассматривались не как свидетельства некоего мнения всех «демократов», но как отражение мнения автора или авторов. Лишь затем, после выявления типичных позиций, эти источники могли быть представлены для их подтверждения.

«Гражданская культура» как условие демократии

Хотя словосочетание «политическая культура» употреблялось некоторыми авторами и ранее, разработка теории политической культуры в политологии была начата в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. несколькими исследователями, прежде всего Г. Алмондом, С. Вербой и Л. Паем. Впервые концепция была сформулирована Г. Алмондом в статье «Сравнительные политические системы» в 1956 г. и развита совместно с С. Вербой в известной книге «Гражданская культура», впервые изданной в 1963 г.[4]

На концепцию политической культуры, сформулированную Г. Алмондом и С. Вербой, по их собственному признанию, большое влияние оказало несколько направлений, развивавшихся в общественных науках: социология действия Т. Парсонса и его коллег, «психокультурное» направление общественных и политических исследований, в особенности теория «модальной личности», а также

[4] *Almond G. A.* Comparative Political Systems // The Journal of Politics. Vol. 18. 1956. P. 391–409; *Almond G. A., Verba S.* The Civic Culture, Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton. Princeton University Press, 1963.

изначально существовавшая в политологии идея сформулировать необходимые условия существования демократии и тем самым способствовать ее развитию. Развитие методологии опросов общественного мнения дало, как считали американские исследователи, в их руки мощный инструмент объективного анализа сферы политических идей[5]. Однако теория политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы не была простой компиляцией вышеуказанных теорий. Используя для определения «политической культуры» терминологию Т. Парсонса, прежде всего его понятие «ориентации» и ее деление на когнитивную, катектическую (чувственную) и оценочную, Г. Алмонд и С. Верба во многом отходят от сути его учения.

Они определяют политическую культуру как относящуюся «к сугубо политическим ориентациям – установкам по отношению к политической системе и различным ее частям, представлениям о роли личности в системе», замечая далее, что в том же смысле можно говорить и о культурной или религиозной культурах[6]. Таким образом, Г. Алмонд и С. Верба разделяют «объекты ориентации» по областям человеческой деятельности, в то время как Т. Парсонс делил их по принципу отношения к человеческой деятельности на «физические», «социальные» и «культурные». Г. Алмонд и С. Верба следующим образом описывали объекты политической ориентации: «Классификацию объектов политической ориентации мы начинаем с “общей” политической системы. Здесь мы имеем дело с системой в целом и учитываем такие чувства, как патриотизм или отчуждение; когнитивное осмысление и оценки государства как “большого” или “маленького”, “сильного” или “слабого”, а политии – как “демократической”, “конституционной” или “социалистической”. На противоположном полюсе мы выделяем ориентации на “индивида” как политического актора, содержание и характер (quality) норм, определяющих личные политические обязательства, а также содержание и характер восприятия собственной правомочности в отношении политической системы. Обращаясь к составным частям политических систем, мы прежде всего различаем три широких класса объектов: (1) особые *роли*, или *структуры* (законодательные органы и исполнительная власть, или бюрократия); (2) *лица*, *исполняющие эти роли* (конкретные монархи, законодатели и администраторы);

[5] *Almond G. A., Verba S.* The Civic Culture, Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963.

[6] Ibid. P. 14–15. Перевод: *Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура // Полития. № 2 (57), 2010. С. 131.

(3) конкретная государственная *политика*, *решения* или *воплощение* этих решений *в жизнь*»[7].

Практически это означало выделение сферы политического как отдельного объекта исследования, и «политическая культура» становилась законным предметом «политологии». Политические объекты выделялись из сферы «социального», так как они явно не относились к физическому, а что касается «культуры», то Г. Алмонд и С. Верба, в отличие от Т. Парсонса, вообще не относили ее к «объектам ориентации». Согласно Г. Алмонду и С. Вербе, они использовали концепцию «культуры» «только в одном из его многочисленных значений, а именно в значении *психологической ориентации на социальные объекты*». Следовательно, писали они, говоря «о политической культуре общества, мы имеем в виду политическую систему, как она интернализуется в знаниях, ощущениях и оценках ее членов»[8]. Для Т. Парсонса «психологическая ориентация на социальные объекты» рассматриваемая как «компоненты части личностей индивидуальных акторов», была лишь частью культуры, результатом интернационализации ее основной части: «расположенные по определенному образцу или связанные определенной последовательностью символы, являющиеся объектами ориентации действия»[9]. Таким образом, Г. Алмонд и С. Верба значительно сузили парсоновское понимание культуры, сведя ее только к психологическим элементам личности[10].

Психологическое понимание «политической культуры» позволило Г. Алмонду и С. Вербе отделить ее от политической системы и поставить вопрос об их соотношении (в их терминологии о «конгруэнтности» или «неконгруэнтности»), который не возникает в случае понимания культуры одновременно и как части личности, и как части объективного мира. Г. Алмонд и С. Верба пишут: «Соотношение между политической культурой и политической структурой становится одним из наиболее значительных аспектов изучения проблемы политической стабильности и изменений. Вместо того чтобы заранее предполагать конгруэнтность, мы должны выяснить степень и характер конгруэнтности или неконгруэнтности, а также тенденции в политической культуре и структурном развитии, которые могут

[7] *Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура. С. 131.

[8] Там же. С. 132.

[9] *Parsons T.* The Social System, London. Tavistock Publications, 1952. P. 327.

[10] См.: *Patrick G. M.* Political Culture // Giovanni Sartori (ed.). Social Science Concepts, A Systematic Analysis. London. Sage Publications, 1983. P. 267–278.

влиять на взаимное соответствие культуры и структуры»[11]. Согласно Г. Алмонду и С. Вербе, неконгруэнтность ведет к «напряженности» (strain) между культурой и структурой, следствием которой является структурная нестабильность.

Трактовка Г. Алмондом и С. Вербой соотношения «политической культуры» и «политической реальности», в особенности воздействия первой на вторую, так же как и ранее рассмотренная идея воздействия на «политическую систему» «систем политических убеждений», возникла как противовес уклона политологии в изучение «институтов» и «законодательства». «В течение долгого времени исследователи политики занимались формальными политическими институтами. Если кто-то хотел объяснить, почему политическая система выжила или обанкротилась, почему она успешна или неуспешна, он рассматривал ее конституцию... Наш интерес... состоял в том, чтобы смотреть за пределы политических структур, на убеждения, которые влияют на формы действий людей в рамках этих политических институтов», – отмечал С. Верба[12].

Этот новый подход вызвал критику сторонников традиционных объяснений. Такие критики, как Б. Берри и К. Пэйтман, отмечали, что «убеждения» формируются под влиянием «политической структуры» и не могут представлять собой независимую область исследования[13]. Сторонники теории политической культуры не отрицали такого влияния, однако считали, что «причинная обусловленность работает в обоих направлениях таким образом, что установки влияют на структуру и поведение, а структура и деятельность в свою очередь влияют на установки»[14].

Основная задача, которую ставят перед собой Г. Алмонд и С. Верба, непосредственно связана с этой проблемой. Американские политологи пытаются найти, какие черты политической культуры в наибольшей степени соответствуют «политической системе демократии»

---

[11] *Almond A., Verba S.* The Civic Culture, Political Attitudes and Democracy in Five Nations. P. 34.

[12] *Verba S.* Comparative Political Culture // Lucian W. Pye, Sidney Verba. Political Culture and Political Development. Princeton: Princeton University Press, 1965. P. 513–14.

[13] *Barry B.* Sociologists, Economists, and Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 1970. P. 51; *Pateman C.* Political Culture, Political Structure and Political Change. British Journal of Political Science. Vol. 1. №.3 (Jul., 1971). P. 292.

[14] *Almond G. A.* The Study of Political Culture // G.A. Almond. A Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science. Newbury Park: Sage Publications, 1990. P. 144.

и в какой степени эти черты присущи реальным политическим культурам пяти стран: США, Великобритании, Италии, Германии и Мексики. Две эти задачи, как уже отмечали исследователи, в определенном смысле противоречат друг другу[15]. Чтобы узнать, какие черты политической культуры в наибольшей степени соответствуют демократии, необходимо провести сравнение политических культур значительного числа стран, в том числе демократических и недемократических, и выяснить закономерность. В таком случае исследование реальной политической культуры конкретных стран должно предшествовать созданию модели «гражданской культуры». Г. Алмонд и С. Верба же приступают к изучению конкретных политических культур пяти стран как бы уже выведя «гражданскую культуру» из общетеоретических положений.

Узкое понимание культуры позволило Г. Алмонду и С. Вербе противопоставить концепцию политической культуры четко сформулированным доктринам и совершенно по-иному, чем Т. Парсонс, трактовать «системы убеждений». Если Т. Парсонс относил к «системам убеждений» сформулированные идеологические, религиозные и другие доктрины, Г. Алмонд и С. Верба противопоставляют сформулированные «концепции» менее четким «системам убеждений» (belief systems), которые они отождествляют с политической культурой. Обсуждая политическую культуру демократии, которую они называют ее «гражданской культурой», Г. Алмонд и С. Верба пишут: «Великие идеалы демократии – свобода и достоинство личности, принцип управления с согласия управляемых – благородны и вдохновляющи. Они захватывают воображение многих лидеров как новых, так и более старых, но находящихся в процессе модернизации государств. Однако действующие принципы демократической политики и ее гражданская культура – способы принятия решений политическими элитами, их нормы и установки, а также нормы и установки обычного гражданина, его отношение к правительству и своим согражданам – представляют собой более тонкие компоненты культуры. Они обладают менее четкими свойствами систем убеждений или наборов норм межличностных отношений, которые, по свидетельству антропологов, распространяются лишь с огромным трудом, претерпевая при этом существенные изменения»[16]. Стабильность политической

[15] См.: *Welch S.* The Concept of Political Culture. London: St. Martin's Press, 1993. P. 14–29.

[16] *Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура. С. 125.

системы зависит, таким образом, не от соответствия ей официальных доктрин, а от того, насколько «конгруэнтны» с ней реальные «убеждения» населения.

Несмотря на некоторую непоследовательность, в целом и в других работах Г. Алмонд и С. Верба употребляют понятия «политическая культура» и «система убеждений» как синонимы[17]. Об этом свидетельствует и анализ составных частей политической культуры. В «Гражданской культуре», как мы видели, составной частью политической культуры называются «установки», которые употребляются как синоним «ориентаций». В другом месте С. Верба к составным частям «политической культуры» в соответствии с парсоновским делением «ориентаций» относит «эмпирические убеждения, экспрессивные символы и ценности», но через несколько страниц определяет ее как «систему убеждений о политическом взаимодействии и политических институтах»[18]. Во втором случае термин «убеждения» употребляется как более общий по отношению к «установкам» и «ценностям», то есть «для обозначения не только когнитивных аспектов мысли, которые обозначаются как “эмпирические убеждения”, но также и для оценочных и экспрессивных аспектов». С. Верба, как и многие теоретики «политических систем убеждений», например Дж. Сартори, объясняет это тем, что «конкретные мысли людей о политике четко не разделяются на когнитивные, оценочные и экспрессивные компоненты, но обычно включают в себя комбинацию всех трех»[19].

В такой трактовке С. Верба, как и другие ранее упоминавшиеся политологи, отходит от теории Т. Парсонса и следует построениям М. Рокича. Он так же, как и Р. Путман, принимает идею «примитивного убеждения» М. Рокича, хотя и предпочитает называть его «основным» или «фундаментальным» убеждением. Согласно С. Вербе, «эмпирические убеждения, которые интересуют нас в рамках этого подхода к политической культуре, – это фундаментальные убеждения о природе политических систем и о природе *других* политических акторов. В особенности важно установить содержание политических убеждений, используя термин Милтона Рокича, примитивных убеждений. Примитивные политические убеждения настолько имплицитны и само собой разумеющиеся, что отдельные люди разделяют их и считают, что их разделяют и все остальные люди. Это фун-

[17] *Verba S.* Comparative Political Culture. P. 518–20.
[18] Ibid. P. 513, 516.
[19] Ibid. P. 516.

даментальные и обычно невыраженные допущения или постулаты о политике»[20].

Отрицание прямой зависимости политического устройства общества от политических институтов или социальных условий во многом уже было выработано в рамках оказавшего влияние на теоретиков политической культуры «психокультурного» подхода. Однако Г. Алмонд и С. Верба отказываются и от упрощенных психологических объяснений: «Вместо того чтобы выводить свойства демократической культуры из политических институтов и социальных условий, мы попытались определить ее содержание через изучение установок [граждан] в ряде действующих демократических систем. И вместо того чтобы черпать представления о социально-психологических предпосылках демократии из психологической теории, мы постарались выяснить, действительно ли в действующих демократических системах существует подобная зависимость, и если да, то насколько она сильна»[21]. Метод Г. Алмонда и С. Вербы близок к подходу, применяемому социальными психологами – исследователями «модальной личности»: они прежде всего говорят о «политической культуре нации», которая понимается ими как «конкретное распределение моделей ориентации на политические объекты среди ее членов»[22]. Г. Алмонд и С. Верба пытаются сделать различие между «конкретными психологическими тенденциями индивидуумов» и политической культурой как целостной системой, характерной для данного общества, видя в последней «связующее звено» между микро- и макрополитикой. На практике, однако, различия между «политической культурой» Г. Алмонда и С. Вербы и «национальным характером» (в его политической части) А. Инкелеса и Д. Левинсона[23] почти нет, и, например, «Советский гражданин» А. Инкелеса и Р. Бауэра[24] по методу фактически ничем не отличается от «Гражданской культуры».

Г. Алмонд и С. Верба близки к некоторым сторонникам «психокультурного» метода в описании роли, которую «политическая культура» может сыграть в объяснении событий или их предсказании.

---

[20] *Verba S.* Comparative Political Culture. P. 518.

[21] *Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура. С. 130

[22] Там же. С. 132.

[23] *Inkeles A., Levinson D. J.*. National Character: the Study of Modal Personality and Sociocultural Systems // Gardner Lindzey, Elliot Aronson (eds). Handbook of Social Psychology. 2nd edition. Vol. 4. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1969. P. 418–506.

[24] *Inkeles A., Bauer R.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, Mass. Harvard University Press, 1961.

По определению С. Вербы, «политическая культура» «определяет ситуацию, в которой происходит политическое действие»[25]. В то же время, как отмечал Г. Алмонд, она «влияет на политическую и правительственную структуру и ее деятельность: ограничивая, но, безусловно, не определяя ее»[26]. В то же время он довольно резко отходят от упрощенного психоаналитического подхода к оценке механизма культурного влияния на личность. Не отрицая полностью важности «политической социализации» в детстве, он придает большое значение в формировании политической культуры «образованию, приобщению к СМИ, знакомству с управленческой, общественной и экономической деятельностью во взрослом возрасте»[27], тем самым утверждая, что процесс формирования не останавливается в детстве, а происходит в течение всей жизни человека. Впрочем, роль «взрослого» опыта признавалась и в некоторых поздних «психокультурных» работах.

Особенный интерес представляет обсуждение Г. Алмондом и С. Вербой методологии исследования. Применение точных методов для изучения политической культуры они считали одним из основных своих вкладов в политологию. Приход точных методов в политологию они называют революцией, заставляющей исследователя строго относиться к фактам. По их мнению, если раньше исследователь мог из огромного множества фактов истории или современной общественной жизни выбрать лишь те, что необходимы для иллюстрации его теории, то теперь это становится невозможным. «Систематический сбор данных... отсылает к набору правил сбора фактов, который ограничивает свободу исследователя. Он не может выбрать со склада событий лишь те, которые подтверждают мнения, составленные им заранее. Он должен рассмотреть все, что имеет отношение к делу, а если рассматривать приходится слишком многое, то составить репрезентативную выборку»[28].

Идеальное избавление от заранее существующих представлений возможно лишь в теории. Анализируя свой собственный метод, Г. Алмонд и С. Верба фактически признают, что эти представления воздействуют и на исследования, применяющие количественные методы по крайней мере на двух этапах: на стадии формулировки вопросов и на стадии интерпретации результатов. Они пишут, что

---

[25] *Verba S.* Comparative Political Culture. P. 513.

[26] *Almond G. A.* The Study of Political Culture. P. 144.

[27] Ibid.

[28] *Almond G. A., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963. P. 44.

с помощью точных методов невозможно составить «исчерпывающего описания “когнитивных карт”» какого-либо народа, поэтому им необходимо было выделить «ограниченное количество мер когнитивного содержания и процессов»[29]. Такой выбор тем более необходим, когда речь идет о сравнении политических культур нескольких народов, так как сравнение может вестись только по определенным показателям. Однако как выбрать эти показатели и сформулировать их так, чтобы для представителей каждого народа они означали то же самое? Г. Алмонд и С. Верба обращают внимание на проблему знания языков и политических реалий каждой страны, чтобы решить проблему «эквивалентности», то есть поставить вопросы так, чтобы они были одинаково поняты представителями каждого народа (в качестве примера они указывали, в частности, на различное понимание в разных странах термина «местное правительство»)[30].

Те же проблемы возникают на этапе интерпретации результатов. Одинаковые показатели могут говорить о разном. Например, Г. Алмонд и С. Верба отмечают, что одинаковый уровень участия в выборах может по-разному говорить о политической активности в государстве, где голосование добровольно, и там, где оно обязательно (как, например, в Австралии), а также у слоев населения, для которых участие в выборах не сопряжено с трудностями, и у тех, которые, как американские негры в южных штатах, за голосование могли в тот период поплатиться жизнью.

Получается замкнутый круг: точные методы применяются, чтобы «объективно» изучить политическую культуру общества, однако даже для того, чтобы его начать, а также для того, чтобы правильно понять его результаты, необходимо уже заранее иметь представление об этой политической культуре. Признавая эту проблему, Г. Алмонд и С. Верба видят ее решение в том, чтобы сделать исследование если и не абсолютно точным, то, по крайней мере, достаточно точным для того, чтобы выводы были достаточно убедительно: «Большинство показателей, которые мы пытаемся изолировать, являются в полной степени значимыми, только если они рассматриваются в контексте, но сравнение полных контекстов в реальности невозможно. Есть ли выход из этой дилеммы: общей дилеммы общественных наук или конкретной дилеммы сравнительных исследований политиче-

[29] *Almond G. A., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963. P. 79.

[30] Ibid. P. 58.

ского поведения в различных государствах? Если мы ищем идеального решения, то ответ будет "нет". Но если мы ищем приемлемого решения, такого, посредством которого мы исследуем проблемы, представляющие существенный интерес, подходя к ним настолько строго, насколько только возможно, но не позволяя при этом заботе о строгости доминировать над нашим стремлением решать важные проблемы, то ответ будет "да"»[31]. Признавая ограниченность точных методов, Г. Алмонд и С. Верба считают возможным дополнить количественные интервью с закрытыми вопросами примерно 10% открытых вопросов.

Таким образом, применение точных методов в общественных науках не дает таких точных результатов, как в математике или физике, которые не могут быть оспорены в принципе, они в лучшем случае могут быть лишь несколько более убедительными, чем те, что достигнуты без применения таких методов. Но, что особенно важно, применение точных методов в чистом виде вообще невозможно, так как элемент интерпретации, как мы видели, всегда присутствует и от верности уже существующих представлений исследователя о ситуации зависит точность результатов самого точного исследования. На примере «Гражданской культуры» можно видеть, что сама идея политической культуры, ее деление на «приходскую», «подданническую» и «культуру участия», а также модель смешанной «гражданской культуры», но, что самое главное, убеждение в том, что стабильность «гражданской культуры» определяется рядом конкретных убеждений населения (отношением к правительству, знанием политических реалий, уровнем участия в политической жизни, чувством гражданской компетентности и т.п.), выведены отнюдь не точными методами, но либо из общей «теории демократии», либо из более ранних качественных исследований политических систем (прежде всего Великобритании и США). Таким образом, точность результатов авторов во многом зависела от характера ранее существовавших у них представлений о политических реалиях исследуемых стран и от того, насколько их общетеоретические представления соответствовали этим реалиям.

В результате продолжение новаторской работы Г. Алмонда и С. Вербы было возможно в двух направлениях: 1) исследование отдельных элементов систем убеждений с применением точных методов, постепенно эти методы совершенствуя и добиваясь все более и более убедительного результата; 2) комплексное исследование си-

[31] Ibid. P. 68.

стем убеждений с целью составления полной «когнитивной карты» данных народа или группы. Данные, полученные в рамках первого направления, можно использовать как для количественного, так и для качественного сравнения отдельных элементов различных систем убеждений. В случае качественного сравнения сопоставляться должны не широта распространения какого-либо убеждения, но само его содержание, например различия в понимании «власти», «законности» или «свободы» в различных обществах. Количественные исследования дают важный материал для качественных исследований, однако, как показано выше, не могут существовать без последних. Качественные же исследования могут как использовать более точные результаты «точечного анализа», так и предоставить для последних важных исходный материал.

Рональд Инглхарт: измеряя современность

Два этих проекта не замедлили проявиться в реальных исследованиях. Мы рассмотрим их на примере двух крупнейших исследователей политической культуры: Р. Инглхарта и Л. Пая. Работы Р. Инглхарта представляют собой, вероятно, наиболее впечатляющую попытку исследования политической культуры и систем убеждений с помощью количественных методов и показывают все преимущества и противоречия такого подхода.

Р. Инглхарт определяет культуру как систему «установок, ценностей и знания, которые широко разделяются в обществе и передаются из поколения в поколение»[32]. Он признает большие культурные различия между различными обществами и значительную устойчивость культурных представлений, которые в то же время способны постепенно изменяться в результате нового исторического опыта. Как отмечает Р. Инглхарт, «превалирующие картины мира отличаются от общества к обществу, отражая различный исторический опыт разных народов. В результате, мы обнаруживаем прочные, но не неизменные различия между ценностями, установками и привычками разных народов. Это означает, что отдельные люди и группы людей по-разному реагируют на одинаковые ситуации»[33].

В качестве своей основной задачи Р. Инглхарт видел, прежде всего, исследование этих культурных изменений, а конкретно – из-

[32] *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton: Princeton University Press, 1990. P. 18.

[33] Idid. P. 423.

менений в мировоззрении населения современных индустриальных государств, используя методы точных статистических исследований. Формулируя эту задачу, в предисловии к своей книге «Культурный сдвиг» он писал: «Культурные факторы редко измеряли количественно, и они остаются плохо изученными. Тем не менее они составляют существенный компонент любой социальной системы. Представленные в этой книге данные свидетельствуют о том, что масштабные, но незаметные изменения происходят в культурном основании передового индустриального общества. Пока мы не измерим и не поймем эти события, мы будем пребывать в неведении относительно важнейших элементов социальных, политических и экономических изменений»[34].

Изменения, о которых говорит Р. Инглхарт, заключаются, по его определению, в переходе от «материалистических» к «постматериалистическим» ценностям. Он объясняет этот переход улучшением экономической ситуации: «Ценности в западном обществе смещаются от преимущественного упора на материальное благополучие и физическую безопасность на большее подчеркивание качества жизни. Причины и последствия этого сдвига являются комплексными, но основной принцип может быть сформулирован очень просто: люди более склонны беспокоиться о непосредственных потребностях или угрозах, а не о вещах, которые кажутся отдаленными и не угрожающими. Так, стремление к красоте, возможно, является более или менее универсальным, но голодные люди скорее будут стремиться к пище, а не к эстетическому удовлетворению. Сегодня беспрецедентно большая доля населения Запада выросла в условиях исключительной экономической безопасности. Экономическая и физическая безопасность остается позитивной ценностью, но их относительный приоритет ниже, чем в прошлом»[35].

Изменения в общей культуре сопровождаются, как отмечает Р. Инглхарт, не менее важными сдвигами в политической культуре: «Все большая доля населения начинает испытывать интерес и понимание внутренней и международной политики, достаточный для участия в принятии решений на этом уровне»[36]. Уже из этих рассуждений видно основное противоречие проекта Р. Инглхарта. Эмпирическое исследование ценностных изменений, подтвержденное

[34] Ibid. P. 14.

[35] Ibid. P. 5.

[36] *Inglehart R.* The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies. Princeton: Princeton University Press, 1977. P. 3.

в тексте впечатляющим цифровым материалом, соседствует с чисто теоретическим, причем вполне материалистическим объяснением его причин, которое для западного исследователя, вероятно, представляется самоочевидным: человек должен сначала наесться, а потом думать о высоком.

Доказательством «культурного сдвига» послужили положительные ответы на вопросы интервью, при этом часть из них служила, по классификации Р. Инглхарта, свидетельством «материалистических», а другая – «постматериалистических» настроений. В большинстве стран Европы «постматериалистические» настроения оказались гораздо более распространены среди более молодых жителей, и с определенного возраста они превышали половину. Данные, полученные в первом исследовании Р. Инглхарта с характерным названием «Молчаливая революция» в шести странах – членах ЕЭС, затем в «Культурном сдвиге» были распространены на другие страны и регионы мира, в том числе США, Канаду, Мексику, Аргентину, Австралию, Польшу, Японию, Китай, Гонконг. Кроме того, подход в «Культурном сдвиге» стал более широким, так как переход от «материалистических» к «постматериалистическим» ценностям здесь рассматривался уже как «лишь один из аспектов гораздо более широкого синдрома культурного изменения, которое включает в себя упадок традиционных религиозных ориентаций и обычных общественных и сексуальных норм, а также возникновение отличительных моделей экономического и политического поведения»[37].

Именно географическое расширение исследования особенно явно высветило противоречия между признанием Р. Инглхартом культурных различий и одновременной попыткой распространить единую схему культурных изменений на все культуры. Как уже отмечали некоторые авторы, уже в Европе Р. Инглхарт столкнулся с некоторыми «исключениями»[38]. Например, в Бельгии, в отличие от других европейских стран, количество людей, назвавших себя «религиозными», превысило количество тех, кто «верит в Бога», что, согласно Р. Инглхарту, нехарактерно для «постматериализма»[39]. Он объяснил это тем, что бельгийцы, возможно, по-другому понимают данные термины, то есть культурными особенностями. Из его теории о росте «удовлетворенности жизнью» с ростом благосостояния вы-

[37] *Inglehart R.* The Culture Shift. P. 7.
[38] *Welch S.* The Concept of Political Culture. P. 43–44.
[39] *Inglehart R.* The Culture Shift, P. 190 f.

бивается несколько стран, например Франция и Япония, жители которых, несмотря на средние доходы, большие, чем, например, в Австрии и Англии, гораздо меньше довольны жизнью. Та же Франция серьезно выбивается из схемы, согласно которой уровень удовлетворенности жизнью соответствует стабильному демократическому режиму, в связи с чем Р. Инглхарту приходится (на наш взгляд, несправедливо) отнести установление демократии во Франции только к 1958 г., то есть к Пятой республике. В более широком плане, согласно Р. Инглхарту, распространение «постматериалистических» ценностей в политике ведет к сглаживанию противоречий между левыми и правыми и укреплению нетрадиционных партий, борющихся за улучшение качества жизни (прежде всего *инвайроменталистских*). Противоречащее этой тенденции укрепление в ряде западных стран правоконсервативных и националистических групп он объясняет реакцией на изменения традиционного меньшинства, состоящего из лиц старшего поколения.

По мере распространения на Восток объяснения Р. Инглхарта становятся все более и более натянутыми. В Японии, например, как, впрочем, и в Китае, жители по некоторым показателям оказались крайними материалистами, а по другим – даже большими «постматериалистами», чем на Западе. С одной стороны, японцев гораздо больше, чем европейцев, беспокоит «стабильность экономики», с другой – их гораздо меньше интересует «рост экономики» (оба показателя «материализма»). С одной стороны, они гораздо больше, чем европейцы, стремятся иметь «красивые города и сельскую местность», с другой – гораздо меньше хотят влиять на решения на рабочем месте (оба показателя «постматериализма»). Формулировку же вопроса о необходимости создания «более дружественного, менее обезличенного общества» в Японии вообще пришлось изменить на «общество с гармоническими отношениями между людьми», так как, по мнению Р. Инглхарта, в отличие от индивидуалистического Запада, где для «постматериалистов» «важнейшим занятием является поиск корней», для японских постматериалистов, напротив, «самореализация требует большей индивидуальной свободы от групповых ограничений, по сравнению с той, которая позволена в традиционном обществе»[40].

Р. Инглхарт объясняет случаи превышения «постматериалистических» показателей в Японии над западным сохранением «доматериалистических культурных ценностей», что в свою очередь объясня-

[40] Ibid. P. 145.

ется материалистически, то есть по-западному: «Индустриализация, урбанизация, достижение благосостояния и другие аспекты модернизации произошли в Японии столь недавно и столь быстро, что, даже хотя Япония и занимает лидирующую роль среди передовых индустриальных государств, некоторые сегменты населения все еще находятся на этапе отхода от доиндустриальных ценностей. Переход от доиндустриальных ценностей к индустриальным наложился на сдвиг к постиндустриальным приоритетам»[41].

Так Р. Инглхарт завершает свою схему исторического и культурного развития, которая, по его мнению, состоит из трех этапов: доматериалистического, материалистического и постматериалистического, через которые проходят все общества. Экономические, а также общественные и политические изменения влияют на культуру, но и культура в свою очередь оказывает влияние на изменения[42]. Эта схема действует повсюду в мире, и отклонения от нее должны быть объяснены тем, что различные страны вступают в активно распространяющийся ныне по всему миру «постматериализм» с разных исходных позиций – более развитые западные страны с этапа «материализма», а некоторые восточные – с этапа «доматериализма», что обусловило их современные культурные особенности.

Таким образом, изначальные заявления Р. Инглхарта о значительных культурных особенностях различных стран и регионов практически сводятся на нет традиционным для политологии «евроцентристским» подходом, в рамках которого единая схема развития накладывается на все общества. При этом отождествляются такие разные общественные явления, как японские борцы за права личности и западные «искатели корней» или советские коммунистические консерваторы и американские сторонники «морального большинства»[43].

В то же время логическое развитие теории многообразия культур могло привести к другим объяснениям, например к тому, что в ряде случаев, в частности в Японии, схема «материализм–постматериализм» вообще не работает или работает весьма ограниченно, так как «когнитивная карта» японского общества в целом качественно иная. Например, кто хоть немного знаком с японской культурой, может объяснить желание многих японцев иметь «красивые города и сельскую местность» глубоко заложенным в них чувством прекрасного, которое

[41] *Inglehart R.* The Culture Shift, P. 146–7.
[42] Ibid. P. 13.
[43] Ibid. P. 13.

существовало в течение столетий. Эта особенность японской культуры не имеет никакого отношения к дилемме материализм/постматериализм или к «материалистическому» пониманию ограниченности территории при значительном развитии экономики (объяснение Р. Инглхарта). Нежелание иметь большее влияние на принятие решений на рабочем месте можно объяснить традиционными восточными представлениями о власти, которые вполне могут и не измениться в восточном индустриальном обществе. В то же время активное стремление японцев к экономическому развитию интерпретируется многими специалистами скорее не как материалистическое чувство, но как изменившаяся после поражения в войне форма доказательства превосходства японского национального духа. Одном словом, вполне возможно, что материалистически-постматериалистический дуализм не работает в Японии и вопросы здесь следовало задавать совершенно другие.

Это вывод подтверждается приведенными Р. Инглхартом, данными по КНР, которые, впрочем, весьма неполны и нерепрезентативны (опрошено всего 94 человека лишь в одной провинции). Китайцы, как и японцы, наибольшее предпочтение отдали «менее обезличенному обществу» и проявили стремление «отдать себя обществу». В то же время молодежь в Китае оказалась более «материалистической», чем старшее поколение. Р. Инглхарт объясняет это тем, что Китай еще не дорос до «постматериализма» и борьба в нем происходит между «доматериализмом» и «материализмом». Чтобы показать относительность подобных объяснений, попробуем проинтерпретировать данные, полученные Р. Инглхартом с точки зрения представителя китайской культуры. С древних времен вульгарный индивидуальный материализм и прагматизм считались в Китае признаками варварства, в то время как служение обществу, государству, достижение гармонии в отношениях между людьми, основанной на иерархии и понимании каждым своей роли, – важнейшими характеристиками культурного, то есть китайского общества. Идеальное общество виделось не впереди развития, а в прошлом, золотом веке, а современные неприятности – в отходе в сторону варварства от культурного идеала древности. Таким образом, движение истории вперед для традиционного китайца – регресс, а истинный прогресс – возвращение назад. То, что западный политолог считает движением вперед, к «постматериалистическим» ценностям, китайский ученый может трактовать как возвращение коммунистического Китая, временно зараженного западным варварством, к истинным древним ценностям и их распространение на Западе. Свидетельств тому множество: распространение моды на восточную

культуру на Западе совпадает с возникновением «постматериализма» (начало 60-х гг. XX в.), и говорить о роли западных ценностей в распространении «материализма» и затем «постматериализма» на Востоке можно не с большим основанием, чем о роли культуры Востока в распространении «постматериализма» на самом Западе. Современные китайские ученые, придерживающиеся подобных мнений, не отрицают значения западной технологии, но считают, что в соединении с истинными древними конфуцианскими ценностями она станет значительно более эффективной и полезной для человека. Именно эти теории распространились сегодня в странах и регионах конфуцианской традиции: Сингапуре, Тайване, Гонконге, да и в самой КНР. И нужно сказать, что бурное развитие экономики этих регионов создает для их популярности серьезные основания.

Таким образом, можно лишь согласиться с мнением С. Уэлша, который, оценивая подход Р. Инглхарта, писал, что его отношение к национально-культурным различиям «показывает, что, несмотря на всю тщательность осуществления социологического проекта описания истоков и последствий роста постматериализма, подход к политической культуре как к национальному и подлежащему сравнению атрибуту точно такой же, как и в теории модернизации: как ко всеохватывающей остаточной категории. Ключевая проблема: в чем заключаются “устойчивые культурные компоненты” не рассматривается»[44].

Интересно, что, так же как сохраненная Р. Инглхартом идея Г. Алмонда и С. Вербы о взаимном влиянии «политической культуры» и «политической структуры» весьма напоминает марксистские построения о взаимовлиянии «базиса» и «надстройки», «трехчленная» схема Р. Инглхарта («доматериализм–материализм–постматериализм») чрезвычайно похожа на выдвинутую К. Марксом схему смены общественно-исторических формаций как единства надстройки и базиса (докапиталистическая, основанная на личностных связях; капиталистическая – материалистическая и коммунистическая, основанная на гармонии общества и личности). Отличие схемы К. Маркса от схем и Р. Инглхарта, и официального советского марксизма состояло в том, что он предусматривал различные типы докапиталистических формаций, в частности «азиатскую», так как отличия Востока были для него слишком очевидны.

[44] *Welch S.* The Concept of Political Culture. P. 44.

Люшэн Пай: Многообразие культур и мировая культура

На эти позитивные отличия теории К. Маркса от построений как его последователей, так и традиционных западных политологов указывает один из основателей теории политической культуры Л. Пай. На подход этого ученого с самого начала значительное влияние оказало выработавшееся у него в результате многолетних исследований азиатских систем убеждений представление о принципиальном отличии культур разных народов и культурной обусловленности самих исследовательских подходов. Для Л. Пая «политическая культура» в меньшей степени, чем для таких исследователей Запада, как Г. Алмонд и С. Верба, была новым средством объяснения всеобщей политической реальности. Напротив, эта концепция стала средством выявления различий в этой реальности, в особенности различий между европейской и азиатской традициями. По мнению Л. Пая, специалисты по общественным наукам после К. Маркса «обычно не были осведомлены о том, как азиатские факты могут ограничить обоснованность теорий, основанных только на западном опыте. Будучи выходцами из интеллектуальной традиции, построенной по большей части на опыте Европы и Древних Греции и Рима, даже самые современные исследователи в области общественных наук обычно вели себя так, как будто универсальные законы человеческого поведения могут быть основаны только на анализе западного опыта. Свидетельства обратного, предоставляемые антропологами, могли быть отметены как имеющие отношение к нецивилизованным народам»[45]. Л. Пай указывал на узость подобного взгляда, предупреждая, что «игнорирование азиатского опыта в свете нынешних достижений Азии поистине чревато неприятностями, так как может быть интерпретировано как выражение продолжающегося европоцентричного подхода, который ассоциируется с эрой колониализма»[46].

Исходя из этих общих соображений, Л. Пай несколько видоизменяет определение политической культуры, данное Г. Алмондом и С. Вербой, утверждая, что к ней относятся не все «ориентации», но лишь те из них, что делают всю систему отличной от других. С его точки зрения, «первоначальная гипотеза о политической культуре должна принять форму определения, в котором отмечается, что система ведет себя, “как будто” некоторые ценности, чувства и ориентации являют-

[45] *Pye L. W.* Asian Power and Politics, The Cultural Dimensions of Authority. Cambridge, Mass. Harvard University Press, 1985. P. 8–9.

[46] Ibid. P. 9.

ся наиболее критичными для придания коллективу отличительного характера. Политическая культура, таким образом, состоит из тех "ориентаций", которые делают систему отличной от других, выделяемых из всех установок, которых может придерживаться население»[47].

Л. Пай считает, что к таким «определяющим» элементам политической культуры могут относиться не все политические убеждения, но в то же время в них могут входить и некоторые неполитические убеждения. Он пишет: «Не все политические установки и чувства людей обязательно имеют отношение к определению их политической культуры, так как некоторые из них слишком эфемерны и легки, чтобы повлиять на фундаментальное развитие. С другой стороны, многие очевидно неполитические убеждения, такие как чувства базового доверия в отношениях между людьми, ориентации по отношению ко времени и возможностей прогресса и т.п., могут быть более важны. Это происходит потому, что политическая культура состоит только из тех важнейших, но широко разделяемых убеждений и чувств, которые формируют "специфические модели ориентации" и придают порядок и форму политическому процессу»[48]. В этом отрицании чисто формального разделения сферы политического и неполитического в политической культуре, введенного Г. Алмондом и С. Вербой, Л. Пай исходит из более обостренного понимания различия культур и невозможности понять различий их политических элементов в отрыве от общекультурного контекста.

Такое обостренное понимание культурных различий ведет и к осознанию культурной обусловленности самих «западных» методов исследования, к отрицанию противопоставления «научных», «логических», «рациональных» систем убеждений «нелогическим и иррациональным». Согласно Л. Паю, «культура – не царство иррационального как антитезы объективного, рационального поведения, так как сам характер рационального суждения меняется в зависимости от времени и места. Здравый смысл существует во всех культурах, но в разных культурах он различен. Чувства по поводу изменений, суждения о полезности, ожидания относительно того, чего может и чего не может достичь та или иная форма правления, – все это подвержено влиянию культурных предрасположенностей»[49].

---

[47] *Pye L.W.* Culture and Political Science: Problems in the Evaluation of the Concept of Political Culture // Social Science Quarterly 53. September, 1972. P. 293.

[48] *Idem.* Introduction // Lucien W. Pye, Sidney Verba (eds.). Political Culture and Political Development. P. 8.

[49] *Idem.* Asian Power and Politics. P. 20.

Отличительные черты, делающие особенными конкретную культуру, согласно Л. Паю, развиваются в каждом обществе на протяжении исторического развития, в результате чего «политические системы связываются воедино чувством коллективной идентичности и, таким образом, основаны на чувствах лояльности, которые порождают приходские привязанности к уникальному историческому опыту»[50]. Именно поэтому Л. Пай призывает политологов к изучению истории, так как «политический анализ без исторической перспективы так же неглубок и лишен человеческой жизненности, как и социологическое теоретизирование без учета преимуществ, предоставляемых аналитической информацией, полученной глубинной психологией»[51].

В то же время, по мнению Л. Пая, наличие принципиальных отличий у различных культур не означает, что в них нет ничего общего. В особенности в современном мире развитие и распространение новейшей технологии (процесс, который Л. Пай называет «экономическим развитием») приводит к распространению связанных с этими процессами общих культурных элементов, что ведет к возникновению в конкретных странах «смешанной политической культуры», о которой писали Г. Алмонд и С. Верба. Л. Пай поясняет: «Именно благодаря этой необходимости некоторых элементов исторической преемственности, политическая теория развития не утверждает, как предполагают некоторые критики, перспективу конвергенции всех политических систем. Национальные культуры достаточно самобытны, причем даже в давно индустриализованных странах, чтобы оправдать страх единой, однородной современной культуры, которая охватит все человечество. Это, однако, не означает, что не происходит распространения науки и техники, которое, в сочетании с определенной формой светского и рационального мышления составляет мировую культуру, отличающуюся от более ранних феноменов вестернизации. Таким образом, в каждом обществе существует комбинация мировой культуры и местных обычаев, сосуществующих в ней в различных соотношениях»[52].

Естественно, определение политической культуры как состоящей из элементов, составляющих ее отличительные черты, является чисто качественным и не предполагает возможности ее количественного

[50] Ibid. P. 12.
[51] Ibid.
[52] Ibid.

исследования. Количественным методом можно подсчитать, лишь насколько различно отношение к власти в двух странах, например сравнив уровень ее поддержки, однако невозможно определить, что именно в каждой из них понимается под «властью». Именно понимание власти Л. Пай считает одной из основных черт культуры и, следовательно, одним из основных элементов политической культуры, который в наибольшей степени влияет на состояние политической структуры, то есть на «политическое развитие». В своем исследовании понимания власти в Азии Л. Пай находит его значительно отличающимся от европейского. Это приводит его к выводу о том, что понимание сущности власти, как и другие убеждения, являются культурно обусловленными, чего не учитывали многие традиционные политологи. Пай пишет: «Теоретики власти, начиная с Чарлза Э. Мэриама (Чарльз Э. Мерриам) и Бертрана Рассела до Гарольда Лассуэла (Лассуэлл) и тех исследователей международных отношений, кто интересовался концепциями баланса сил и геополитикой, испытывали всепоглощающий интерес ко всем проявлениям власти как единому базовому феномену, действующему в соответствии с универсальными принципами независимо от времени, места или культуры... Центральным аргументом данного исследования, по сути, является то, что понимание концепции власти людьми весьма неодинаково в различные времена в разных местах и что именно эти различия формируют идентифицируемые модели, по которым можно проследить пути политического развития. Вместо того чтобы обходить молчанием различия в том, как сила, например, становится властью, как это делается теми, кто ищет общие “научные” принципы, мы хотели бы акцентировать внимание на этих различиях. Наш аргумент состоит в том, что изменения субъективного понимания людьми природы власти, их ожиданий относительно власти, их интерпретаций того, что составляет легитимность, являются ключевыми определителями политического развития»[53].

Метод Л. Пая необычайно важен тем, что подчеркивает необходимость качественного исследования политической культуры и предполагает возможность не только количественного, но и качественного сравнения отдельных элементов различных систем убеждений. В то же время он таит в себе опасность уклона в субъективизм, произвольного выбора фактов для подтверждения заранее выработанной теории, который был характерен для периода до широкого распро-

[53] *Pye L. W.* Asian Power and Politics. P. 19.

странения количественных исследований. Эту тенденцию уже можно ясно видеть в книге самого Л. Пая о китайской политической культуре[54]. Вопрос оптимального соотношения количественных и качественных методов остро встал перед исследователями систем убеждений, что особенно хорошо видно на примере изучения СССР, где после Гарвардского проекта системы убеждений в основном рассматривались в рамках теории «политической культуры».

Структурализм против изучения индивидов

Методология изучения политической культуры с широким использованием опросов, основателями которой были Г. Алмонд и С. Верба, была подвергнута критике сторонниками структурализма. Именно интервью и опросы стали их главной мишенью. Они утверждали, что сбор и подсчет изолированных установок и убеждений не позволяет понять политическую культуру как единую систему и что этот метод недооценивает взаимоотношения между ее компонентами. Так, согласно Р. Мерелману, применившему структуралистскую методологию к изучению политических культур Великобритании, Канады и США, «отношение к равенству у американцев зависит от уважения к другим, конкурирующим ценностям, таким как справедливость, необходимость, правомерность, эффективность и обязанность. В результате для равенства в американской политической культуре нет отдельного “места”»[55].

Другой недостаток опросов, с точки зрения структуралистов, – отсутствие четких критериев включения в политическую культуру тех или иных конкретных установок, некоторые из которых могут быть незначительными или недостаточно глубокими. Так, согласно Р. Мерелману, исследования американской политической культуры показали, что многие из кандидатов на такое включение «не выдерживают обоснованного тестирования на продолжительность, интегрированность с другими убеждениями, внутреннюю последовательность, логическую целостность или надежную связь с поведением»[56].

Как показано выше, исследователи политической культуры, применяющие интервью и опросы, признают этот метод несовер-

[54] *Pye L.W.* The Spirit of Chinese Politics: A Psychocultural Study of the Authority Crisis in Political Development. Cambridge, Mass. and London: The MIT Press, 1968.

[55] *Merelman R. M.* Partial Visions: Culture and Politics in Britain, Canada, and the United States. Madison. University of Wisconsin Press, 1991. P. 43.

[56] Ibid. P. 44.

шенным. Что касается структуралистов, то, обоснованно критикуя некоторые недостатки традиционной методологии, они предлагают метод, который ведет к еще большим проблемам и искажениям. Их методология основана на понимании культуры не как аналитической модели или «идеального типа» системы наиболее распространенных в обществе политических установок и убеждений, но как реально существующего «общественного сознания», которому они приписывают существование в качестве отдельного организма. Согласно этой теории, общество генерирует культуру, а индивиды пассивно заимствуют из нее свои представления. Р. Мерелман пишет: «Культуры как коллективные представления воспринимают образы общества как целого, а не просто как ориентации на конкретные группы или проблемы. Ни один индивид не занимает такого центрального места, чтобы быть способным ясно представить общество в целом. Напротив, люди неравномерно рассеяны вокруг культурного ядра их общества. Поэтому люди в лучшем случае имеют частичные и искаженные взгляды на внутреннюю работу общества. Сбор взглядов людей в единое целое не решает этой проблемы. Частичность и искаженность, сложенные с частичностью и искаженностью, порождают лишь более сложную модель частичности и искаженности»[57].

В качестве решения Р. Мерелман предлагает изучать не только «индивидуальные образы *коллективов*, но также и коллективные образы *индивидов*»[58]. Но чтобы сделать это, необходимо найти культурные формы, в которых выражаются «коллективные представления». Р. Мерелман считает такими формами продукты массовой культуры: рекламу, корпоративные издания, телевизионные шоу и учебники. Однако неясно, чем обосновано подобное заключение. Здесь можно поставить вопрос: почему статья ученого А в научном журнале, роман писателя Б или ответы, данные в ходе опроса общественного мнения режиссером В, должны рассматриваться как отражающие индивидуальные убеждения этих людей, а учебник, написанный тем же ученым А, телевизионный сериал по сценарию того же писателя Б и поставленная тем же режиссером В – как отражающие убеждения общества в целом. Более логичным было бы предположить, что все эти документы не отличаются друг от друга в том, что они отражают: это, прежде всего, представления самих авторов, в свою очередь в какой-то

[57] *Merelman R.M.* On Culture and Politics in America: A Perspective from Structural Anthropology. British Journal of Political Science. №19, 1989. P. 480.

[58] *Idem.* Partial Visions. P. 52.

степени испытывавшие влияние убеждений различных групп, к которым эти авторы принадлежат, в том числе профессиональные, региональные, общенациональные и даже общечеловеческие. В то же время необоснованно начинать анализ с постулирования того, что тот или иной документ адекватно отражает систему убеждений конкретной группы, так как некоторые из его компонентов могут не разделяться всеми ее членами или даже никем, кроме автора.

Р. Мерелман фактически непосредственно применяет методологию структурной антропологии К. Леви-Стросса к изучению политической культуры современного общества. Однако если утверждение о том, что мифические построения отражают «коллективные представления» изолированного «примитивного» общества, свободные от какого-либо внешнего влияния и, как правило, не подверженные конкуренции со стороны альтернативных убеждений, и имеет под собой какое-то основание, то оно вряд ли применимо в современном обществе, где существует возможность культурного выбора из многих вариантов.

Это не означает, что для изучения «индивидов как индивидов» пригодны исключительно интервью и опросы. «Коллективные документы» и любые другие материалы также могут изучаться, но с одним условием: они должны рассматриваться не как прямое отражение «доминирующих» убеждений, но как свидетельства взглядов их авторов, которые могут составлять, а могут и не составлять часть доминирующей политической культуры.

Если таким образом подходить к «коллективным документам», то они не будут отличаться от интервью: никто не рассматривает тексты расшифрованных интервью как безусловное отражение идей общества или группы. Модель системы убеждений группы может быть реконструирована только тогда, когда обобщены результаты опроса всех входящих в выборку интервьюируемых. Таким же образом необходимо использовать и другие письменные источники: мемуары, художественные произведения, фильмы, тексты песен и т.п.

Пример Р. Мелермана показывает: простое постулирование того, что «коллективные документы» отражают «коллективные представления», ведет к еще большим искажениям, чем использование одних только опросов. Его собственное исследование американской политической культуры на основе анализа массовой культуры, по сути, представляет собой поиск доказательств ее «индивидуалистического» характера, который и провозглашается им в самом начале, еще до начала работы. Этот поиск мало отличается от подбора аргументов для

доказательства того, что общество находится на том или ином этапе «демократии» или в периоде «постматериализма», для которого используются данные опросов. Но если опросы по крайней мере дают исследователю интересный новый материал, работы Р. Мелермана, по удачному выражению С. Уэлша, представляют собой «скудный набор общих мест о рекламе, корпоративных журналах и комедийных шоу, который даже не только не иллюстрирует гипотезу, но даже не формулирует ее»[59].

Конструктивная сторона структуралистского подхода – подчеркивание необходимости исследования политической культуры как единой системы взаимосвязанных убеждений и анализа этих взаимосвязей. Однако абсолютизация этих взаимосвязей за счет индивидуальных значений, которые только и могут сформировать систему, ведет к другой опасности. Если согласиться с Р. Мелерманом в том, что индивиды являются лишь носителями культуры, но не творят ее и что она создается и навязывается индивиду коллективом без какой-либо роли самого индивида[60], то можно прийти к выводу, что по крайней мере некоторые «высшие» законы культуры могут быть непонятными всем конкретным индивидам и не быть частью какой-либо индивидуальной системы убеждений.

В статье, содержащей попытку применить структурный анализ к советскому законодательству, М. Урбан и Дж. Макклюр писали: «Значения, однако, могут оставаться неясными, даже неизвестными самим действующим лицам. Задача, которую ставит перед собой структурализм, заключается в обнаружении “синтаксиса” социальных феноменов, правил и отношений, их составляющих. Значение в этом случае не может быть добыто из семантического содержания, например символов. Скорее оно может быть найдено в правилах, связывающих символы в значимую систему. Эти правила, как грамматика языка для его носителя, по большей части, а вероятно, и полностью *подсознательны*, или, как предпочли бы сказать некоторые структуралисты, глубоки»[61].

То, что можно говорить на языке, не зная его грамматики, конечно, верно. Но утверждать, что, чтобы выучить язык, нужно только читать учебники грамматики, но не разговаривать с носителями языка, стараясь понять, что они имеют в виду, довольно странно. Ведь как

[59] *Welch S.* The Concept of Political Culture. P. 140.

[60] *Merelman R. M.* On Culture and Politics in America. P. 480.

[61] *Urban M. E., McClure J.* The Folklore of State Socialism: Semiotics and the Study of the Soviet State // Soviet Studies. Vol. 35, № 4. October, 1983. P. 473.

можно составить сам учебник грамматики или следить за изменениями в ней без изучения смысла высказываний отдельных людей? Учить грамматику важно, но единственный способ построить ее модель – слушать, что говорят отдельные люди. Пренебрежение «точкой зрения туземцев» ведет структуралистов и сторонников связанных структурализмом подходов к выведению правил «грамматики» культуры и «типов грамматики» из общих принципов. Так, Р. Мерелман навязывает американской политической культуре понятие «индивидуализма» в качестве основной ее черты.

Еще более сомнительный подход предлагают М. Томпсон, Р. Эллис и А. Вильдавский, которые, используя теорию антрополога М. Дуглас, ограничивают культуру или образ жизни всего пятью типами: эгалитарным, иерархическим, индивидуалистическим, фаталистическим и отшельническим[62]. На основе этого подхода его сторонники анализировали продукты массовой культуры в различных странах. Однако этот анализ в большинстве случаев, как и в случае с Р. Мерелманом, состоит в выхватывании только тех мнений и сюжетов, которые вписываются в четырехчленную типологию (отшельнический тип по какой-то причине игнорируется)[63]. Этот подход, как отмечалось выше, если чем-то и отличается от подхода Г. Алмонда и С. Вербы, то лишь бóльшим субъективизмом.

Следуя своей схеме, М. Томпсон, Р. Эллис и А. Вильдавский доходят до того, что отрицают важность изучения политической культуры народа в целом. По их мнению, любая политическая культура должна включать в себя пять субкультур, соответствующих их пяти образам жизни, и «вариации в политических культурах и ценностях внутри стран часто больше, чем между странами»[64]. Хотя с тем, что «каждый народ характеризуется многообразием образов жизни»[65], трудно согласиться (что делает особенно важным изучение политических субкультур), нет никаких причин утверждать, что различия внутри народов сильнее и важнее, чем различия между народами. Конечно, в обоих случаях различия могут быть значительными, но такие факторы, как общность языка, истории и настоящего, безусловно, предопределяют существование по крайней мере ограниченного ко-

[62] *Thompson M., Ellis R., Wildavsky A.* Cultural Theory. San Francisco & Oxford. Westview Press, Boulder. P. 2–3.

[63] *Berger A.A.* (ed.). Political Culture and Communication Theory, Transaction. New Brunswick and London, 1990.

[64] *Thompson E., Wildavsky A.* Cultural Theory. P. 219.

[65] Ibid. P. 220.

личества одинаково понимаемых символов и общих убеждений. Например, хотя российские «демократы» разделяли многие убеждения демократов всего мира, но в то же время российская демократическая система убеждений была во многом отлична от систем убеждений зарубежных демократов, так как многие ее компоненты были позаимствованы из более широкой советской политической культуры.

Исследования «систем убеждений» в СССР и России качественными или в основном качественными методами

Исследования советских и российских систем убеждений можно условно разделить на преимущественно качественные и преимущественно количественные. Мы употребляем слово «преимущественно» в связи с тем, что авторы первых, в особенности в советский период, в принципе не возражая против использования количественных методов и материалов, из-за недостатка таковых в основном базировали свои исследования на качественных оценках, в то время как чисто количественные исследования, как мы видели выше, были вообще невозможны.

Применение теории политической культуры для изучения «социалистических» стран привело к видоизменению некоторыми авторами ряда ее аспектов. Сначала Р. Фаген в своем исследовании кастровской Кубы, а затем Р. Такер и С. Уайт, изучая СССР, призвали к пересмотру «субъективного» определения политической культуры и включению в него «модели жизненного уклада, а также состояния ума, подкрепляющие и обусловливающие эти модели»[66]. Наиболее последовательным сторонником такого подхода из специалистов по СССР является С. Уайт, который определяет политическую культуру как «установочную и поведенческую матрицу, в которой расположена политическая система»[67]. Для обоснования этого изменения его сторонники обычно ссылаются на то, что подобное расширительное понимание культуры является общепринятым в антропологии[68].

Реальной причиной этого изменения послужило особенно ярко проявлявшееся в «социалистических» странах различие между офи-

[66] *Fagen R.R.* The Transformation of Political Culture in Cuba. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1969. P. 5.

[67] *White S.* Political Culture and Soviet Politics. London and Basingstoke: The Macmillan Press Ltd., 1979. P. 84.

[68] См.: *Fagen R.R.* The Transformation of Political Culture in Cuba; *Tuker R.C.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia. Brighton: Whetsheaf Books, 1987. P. 4.

циально провозглашаемыми и реально распространенными среди населения убеждениями, ценностями и нормами поведения. Развивая рассуждения Р. Фагена, Р. Такер в связи с этим пишет: «...Фаген отмечает, что, если большое количество в какой-то стране обманывают, платя подоходный налог, сторонниками психологического определения это не будет воспринято как элемент политической культуры этой страны. Я бы хотел продолжить рассмотрение данного вопроса при помощи сравнимого примера, разобранного более детально. Предположим, что в какой-то стране X значительное большинство людей убеждены, что если правительственные чиновники берут взятки, то это плохо, но эти чиновники обычно берут взятки. Согласно психологическому подходу, это убеждение будет считаться элементом политической культуры X, но в поведенческой модели не будет. Согласно более широкому взгляду на политическую культуру, однако, и убеждение, и поведенческая модель будут принадлежать к политической культуре X. При этом убеждение (по линтонианской терминологии) будет образцом идеальной политической культуры, а практика взяточничества – образцом реальной политической культуры»[69].

Этот пример заслуживает того, чтобы его разобрать. Прежде всего, Р. Такер здесь не точно интерпретирует психологическую теорию политической культуры. Как мы видели, Г. Алмонд и С. Верба начинают свое описание «гражданской культуры» с ее противопоставления «великим идеям демократии» (которые они иногда называют «демократической идеологией»), как провозглашаемым властями (речь шла о властях новых постколониальных государств), но реально не разделявшимся населением. Именно наблюдение за несоответствием того, что американский антрополог Р. Линтон называл «реальными культурными моделями» и «идеальными культурными моделями», лежит в самой основе психологического подхода и вовсе не является привилегией «широкого» понимания политической культуры. Исследователи СССР, являющиеся сторонниками психологического определения, также весьма четко проводят эту грань. А. Браун, например, делит политическую культуру СССР на «официальную» и «доминирующую», а в другом месте отделяет от политической культуры официальную идеологию[70]. Ценности официальной

[69] *Tucker R.C.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia. Brighton: Wheatsheaf Books, 1987.

[70] *Brown A.* Introduction // A. Brown, J. Gray (ed.). Political Culture and Political Change in Communist States. London and Basingstoke: The Macmillan Press LTD, 1979. P. 7–8.

идеологии могут либо разделяться определенной частью населения, например правящей элитой, но могут на определенном этапе, как писали, например, А. Инкелес и Д. Левинсон, существовать лишь в виде коллективных документов и вообще не разделяться уже никем либо приобретать в широких массах иную, своеобразную трактовку[71]. Так, идея построения коммунизма на этапе борьбы большевиков за власть и в первое время существования СССР, вероятно, разделялась по меньшей мере партийными активистами. В то же время в народных массах коммунизм трактовался упрощенно, как будущее счастливое общество, причем на формирование этого идеала влияли не только большевистские документы, но и предшествующие народные представления. В более поздний брежневский период можно с большой достоверностью говорить о том, что в коммунизм не верил уже практически никто. Таким образом, в рамках психологического подхода только в последнем случае идею коммунизма в том виде, как она зафиксирована в официальных документах, нельзя отнести к нынешней политической культуре, так как она не существует как ориентация конкретных членов общества. В случае если идея эта разделяется лишь элитой или частью общества, она становится характеристикой политической культуры, точнее, субкультуры этой элиты. И лишь если идея разделяется большинством общества и реально определяет поведение большинства, она признается составной частью политической культуры страны в целом. Таким образом, в примере Р. Такера верно как раз обратное: убеждение в том, что взятки брать можно, с точки зрения психологического подхода как раз и является частью «доминирующей политической культуры», если взятки берут все или большинство. Призывы же властей не брать взятки, напротив, могут быть отнесены к «официальной» политической культуре или вообще не отнесены к политической культуре, особенно если те, кто к этому призывает, на практике сами считают возможным их брать.

Формально между «широким» и «узким» подходами сохраняется одно различие. Если сторонники «узкого» подхода говорят об «ориентации на действие» или «установках», то те, кто использует «широкий» подход, включают в политическую культуру «шаблоны» самого поведения. Однако что такое «шаблоны поведения»? Если не счи-

[71] *Inkeles A., Levinson D.J.* National Character: the Study of Modal Personality and Sociocultural Systems // Gardner Lindzey, Elliot Aronson (eds.). Handbook of Social Psychology. Vol. 4. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1969. P. 457–458.

тать шаблоны некоей символической субстанцией, существующей как отдельно от поведения, так и отдельно от его субъекта, как это делают структуралисты, то их приходится отнести к психологии отдельных людей, то есть они, собственно, и являются коллективно разделяемыми установками или ориентациями на поведение. Если же придерживаться структуралистских теорий, то к «символической реальности» можно отнести не только шаблоны поведения, то есть установки на действие, но и другие элементы культуры, такие как убеждения и ценности. Таким образом, и в этом случае шаблоны поведения не могут быть отделены от других элементов культуры и в обоих вариантах спор между широким и узким пониманием политической культуры теряет смысл.

В то же время широкая трактовка политической культуры таила в себе опасность. В отличие от антропологии, где исследователь может долгое время жить среди исследуемой народности и записывать его нравы, обычаи и нормы поведения, постепенно выясняя, что в этом поведении является типичным и шаблонным, иностранный политолог, тем более изучая СССР, имел лишь отрывочные данные о «советском поведении», поэтому часто понять, что является типичным, а что – случайным, было для него крайне сложно. Авторы часто описывали те факты, которые оказывались для них доступными, интерпретировали их не с точки зрения внутренней логики советской культуры, но с точки зрения собственных взглядов и представлений. В этом отношении особенно показательна вышедшая в 1987 г. книга Р. Такера «Политическая культура и лидерство в Советской России», представляющая собой набор высказываний советских лидеров различных периодов, описаний различных событий советской истории, цитат из статей советских газет и тому подобных материалов, которые по какой-то причине показались автору показательными для советской политической культуры[72]. Автор не описывает собственную методологию, и уловить какую-либо связь между всей этой информацией трудно. В лучшем случае книгу Р. Такера можно назвать исследованием официальной советской идеологии и, частично, описанием исторических событий, но никак не работой по реальной политической культуре. По сути, она стала одной из ярких иллюстраций опасений Л. Пая относительно того, что широкая трактовка политической культуры может стать «не более чем претенциозным спо-

[72] *Tuker R.C.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia. Brighton: Wheatsheaf Books, 1987.

собом говорить о политическом поведении»[73]. Для справедливости отметим, что, по нашему мнению, причиной этого является не само определение, но невнимание некоторых его сторонников к методологическим проблемам и небрежность в отношении к поведению как к источнику.

Другие работы по советской «политической культуре», использующие преимущественно качественные методы, заслуживают более подробного обсуждения. Их целесообразно рассмотреть в соответствии с двумя основными проблемами, которые в них рассматриваются: 1) характер досоветской российской «политической культуры» и ее влияние на советскую и 2) характер собственно советской политической культуры и ее возможное влияние на дальнейшее развитие СССР и России.

Влияние досоветской политической культуры на советскую

Часть авторов основной чертой досоветской российской политической культуры считает ее «авторитаризм» и пишет о ее решающем влиянии на политическую культуру советского периода. С. Уайт, например, рассматривает политику большевиков как непосредственное продолжение политики царизма, которая характеризовалась лишь некоторыми усилениями уже сформировавшихся тенденций: «В доминирующей степени централизованная, коллективистская политическая культура, унаследованная большевиками в 1917 г. во многом сохранилась до сегодняшнего дня. Дореволюционная российская экономика характеризовалась сравнительно высокой степенью государственного контроля и государственной собственности, которые советское правительство затем расширило. Политическая система стала еще более централизованной после улучшения транспорта и коммуникаций и устранения тех ниш автономии, которые были реальным, хотя и вспомогательным, элементом дореволюционной системы. Предрасположенность правительства регулировать вопросы личных убеждений и поведения была еще более усилена введением обязательной официальной идеологии»[74].

Тех же позиций придерживается и А. Браун: «Невозможно не признать, что советский и российский политический опыт был в основ-

[73] *Pye L.W.* Culture and Political Science: Problems in the Evaluation of the Concept of Political Culture // Louis Schneider, Charles M. Bonjean (eds.). The Idea of Culture in Social Sciences. Cambridge, 1973. P. 68.

[74] *White S.* Political Culture and Soviet Politics. P. 168.

ном авторитарным. Так как ценности и фундаментальные политические убеждения эволюционируют в комплексном соотношении с изменениями социальной и институциональной ситуации, относительное отсутствие плюралистических и демократических структур в течение длительного исторического периода делает неудивительным, что привязанность к индивидуальным политическим свободам и поддержка их институционализации остаются слабыми»[75]. В то же время А. Браун, как и С. Уайт, отмечает существование в России и неавторитарных настроений, которые он рассматривает как субкультуры, не игравшие определяющей роли: «Авторитарная традиция – это суровая действительность, но ее лучше определять в смысле доминирующей политической культуры, не исключающей субкультур или альтернативных традиций даже среди русского населения»[76].

Однако существовали и другие мнения. Например, согласно работающему в США историку-эмигранту М.И. Раеву, в России, по крайней мере в начале XX в., сосуществовали две политические культуры – либеральной интеллигенции и отсталого крестьянства. Так как и тот и другой слой были уничтожены большевизмом, то говорить о влиянии этих политических культур на советскую и, тем более, постсоветскую неверно. Согласно М.И. Раеву, история России Нового времени «характеризовалась мощным и глубоким расколом между теми людьми, которые продолжали жить в рамках традиций, унаследованных от Московской Руси, с одной стороны, и интеллигенцией, созданной прогрессом модернизации, начатой Петром I, – с другой. Последние, полностью отрезанные от первых, пытались навязать культурные ценности и социально-политические формы организации, взятые из западноевропейских интеллектуальных источников, которые были совершенно новыми для России. С победой в 1917 г. одной идеологизированной радикальной группы интеллигенции началось правление идеократии, поставившей задачу “преобразовать” общество и человека, и в процессе она уничтожила и интеллигенцию, и дореволюционные социальные классы, в особенности крестьянство. То, что возникнет из в результате этого процесса, определит будущее», которое, согласно М.И. Раеву, остается «очень открытым»[77]. Не соглашаясь с идеей преемственности советской политической культуры по отношению к досоветской, М.И. Раев утверждает, что

[75] *Brown A.* Ideology and Political Culture. P. 18–19.

[76] Ibid. P. 19.

[77] *Raeff M.* The People, the Intelligentsia and Political Culture // Political Studies. Vol. XLI. 1993. P. 106, 100.

«1917 г. и опыт гражданской войны радикально изменили историческую эволюцию России»[78].

Другой американский политолог русского происхождения, Н. Петро, рассматривает историю России как постоянную борьбу официальной и альтернативной политических культур. Согласно Н. Петро, «эта альтернативная политическая культура... проявлялась в борьбе за определение верного объема полномочий самодержавной власти, правильных отношений между церковью и государством и подходящего для России самосознания. Эти три вопроса составили поле политической и культурной битвы между официальной государственнической и славянофильской политическими традициями в конце XIX в. В 1905 г. гражданское общество, вдохновленное альтернативной политической культурой, смогло заставить царя Николая II признать принципы народного правления и гражданских прав. Затем, в феврале 1917 г., гражданское общество заменило монархию республикой, преданной идее народного представительства, основанного на справедливых выборах. Хотя эта победа спустя всего девять месяцев была похищена, борьба за ее возвращение продолжалась в течение всего советского периода»[79].

Борьбу «демократической» и «авторитарно-патриархальной» политических культур находит повсюду в российской истории и современный российский автор Ю.В. Лепешкин, который, однако, связывает «демократическую традицию» с несколько иными слоями населения. Ю.В. Лепешкин признает, что «сталинская диктатура выросла... на хорошо удобренной почве, плодоносящей по сей день. Режим опирался на вековое подавление самодеятельной активности народа, отчужденность масс от политики». Однако, замечает Ю.В. Лепешкин, «в русской истории существует и другая – демократическая – традиция. Она имеет глубокие корни и несет сильный отпечаток патриархальных отношений. Классическим примером служат Новгородская, Псковская и Вятская вечевые республики, просуществовавшие до их присоединения к Московскому государству в XV в. Вдали от крепостничества и деспотизма формировалась казацкая вольница. Российское государство управлялось не только централизованной администрацией. Когда нужен был общий совет, созывались земские соборы. Сельские общества, охватывав-

[78] *Raeff M.* The People, the Intelligentsia and Political Culture // Political Studies. Vol. XLI. 1993. P. 106, 100.

[79] Ibid.

шие $^5/_6$ населения, оставались во многих отношениях вне влияния бюрократии». Ю.В. Лепешкин признает, однако, что в России «демократические традиции не получили развития. За реформами, открывавшими возможность формирования в стране демократической политической культуры, поистине с фатальной неизбежностью следовали контрреформы»[80].

При знакомстве с этими мнениями прежде всего в глаза бросается то, что ни одно из них не является новым. То, что по вопросу о соотношении досоветских и советских политических идей можно занять только две позиции: прошлое все предопределило или большевики полностью отбросили прошлое (или какую-либо промежуточную между ними), сами россияне поняли сразу же после революции. Уже в 1918 г., еще находясь в России, Н.А. Бердяев написал следующие слова: «На поверхности все кажется новым в русской революции – новые выражения лиц, новые жесты, новые формулы господствуют над жизнью... Но попробуйте проникнуть за поверхностные покровы революционной России в глубину. Там узнаете вы старую Россию, встретите старые, знакомые лица. Бессмертные образы Хлестакова, Петра Верховенского и Смердякова на каждом шагу встречаются в революционной России и играют в ней немалую роль, они пробрались к самым вершинам власти. Метафизическая диалектика Достоевского и моральная рефлексия Толстого определяют внутренний ход революции. Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи»[81]. Идеи преемственности большевистской России по отношению к царской Н.А. Бердяев последовательно развивал во многих своих произведениях. В то же время сами большевики и некоторые крайне правые представители эмиграции считали, что старая Россия окончательно разрушена, большевистское государство – это новая совершенно новая цивилизация (естественно, оценивалась она по-разному).

Спор этот передался и на Запад. Первоначально широкое распространение получили теории, согласно которым советский режим преуспел в формировании «нового человека», поэтому официальная идеология вполне может рассматриваться как разделяемая населением. В рамках теории «тоталитаризма» в советской идеологии находи-

[80] *Лепешкин Ю.В.* Что главное в политической культуре // Политология на российском фоне. М.: Луч, 1993. С. 260–261.

[81] *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Н.А. Бердяев. Вехи. Их глубины. М.: Правда, 1991. С. 251.

ли больше общего с фашистскими идеологиями Германии и Италии, чем с идеями, распространенными в дореволюционной России. Однако начиная с Гарвардского проекта различия между официальной идеологией и реально распространенными представлениями были увидены, и одно из объяснений таких различий было найдено во влиянии «традиционных» российских идей.

Таким образом, темы, поднимаемые сегодня в рамках споров о советской политической культуре, обсуждались в самой России, а затем в эмиграции и в самиздате, начиная с самой революции. Вопросы о том, были ли в России «демократические традиции» и если были, то почему они оказались столь слабы, является ли коммунизм продолжением царизма или его полным отрицанием, какую роль сыграли реформы Петра I, «прорубившего окно в Европу», но при этом разделившего единую культуру на народную и оторванную от нее «интеллигентско-западническую», – все это составило основную тематику для споров, которые велись представителями русской общественной мысли. Однако, как это было принято в русской мысли, правильность каждой теории доказывалась интуитивно. Русская история длинна и богата на события и факты, поэтому, как правильно пишет Н. Петро, «“проницательному” исследователю не составит большого труда найти в различных источниках подкрепляющие взгляды, которые “докажут” его мнения относительно российской политической культуры»[82].

Использование интуиции можно понять в работах русских мыслителей начала XX в., статьях эмигрантских журналистов или самиздатовских авторов, которые не имели возможности работать с необходимыми документами и литературой. Но наличие выводов и целых теорий, составленных на основе метода произвольного подбора фактов в конце XX в. в работах представителей науки, претендующей на объективное понимание политической реальности, ставит под сомнение как эти выводы, так и сам метод.

Примером того, что в российской истории можно найти аналогии для всего, чего угодно, мы обнаруживаем в статье Р. Такера «Советология и российская история». По мнению этого исследователя, распад коммунизма в СССР привел к «новому смутному времени», И.В. Сталин напоминает ему Ивана Грозного, а преобразования М.С. Горбачева – реформы Александра II. Подобный подход, ко-

[82] *Petro N.N.* The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. P. 15.

торый Р. Такер почему-то называет «историческим», на самом деле является неисторическим, если, конечно, понимать историю в рамках сложившейся в XX в. традиции, которая трактует ее как науку об особенном, а не об общем. В человеческом обществе и истории все похоже и все не похоже, вопрос лишь заключается в том, достаточно ли у нас данных, чтобы говорить о некоторой тенденции, кроме того факта, что некоторые события случились в одной стране. Постулируя «похожесть», Р. Такер даже не обсуждает этого вопроса. Позиция Р. Такера беспроигрышна – любое развитие событий можно объяснить, сославшись на тот или иной прецедент из российской истории.

Утверждая, что традиционная российская политическая культура является «авторитарной» или «этатистской», он в то же время отмечает, что либеральные реформы также не противоречат российской традиции, хотя обычно кончаются контрреформами. Таким образом, вопрос, который, с точки зрения Р. Такера, ставит современное политическое развитие России, заключается в следующем: «Созрела ли Россия и развилась ли до такого уровня, чтобы разорвать с моделью прошлого и самоизоляцией от внешнего мира, которая была частью этой модели, развивая при этом подлинно российскую форму цивилизации? Или она, выйдя из этого нового Смутного времени, пойдет по новому кругу?»[83]

Употребление терминов типа «созрела» и «развилась» (в буквальном переводе «спрогрессировала») указывает на уже замеченное нами у других авторов видение мирового развития с точки зрения приближения к модели, привычной для культуры самого американского автора, то есть к той, о которой говорил А. Браун, критикуя «теорию развития». Прогресс в этом смысле означает движение к этой модели, на пути которого страна «созревает». В своем крайнем выражении эта тенденция может привести к позиции, близкой к культурной ксенофобии или, точнее, позиции политико-культурного превосходства.

В подходе сторонников теории политической культуры к политической культуре царской России и ее влиянию на политическую культуру советского общества ярко проявляются общие недостатки не столько самой теории, сколько метода анализа. Эти недостатки в общем плане были сформулированы выше: 1) подход ко всем обществам как развивающимся по единым принципам, несмотря на провозглашаемое внимание к культурным различиям; 2) внеисторич-

[83] *Tuker R. C.* Sovietology and Russian History // Post-Soviet Affairs. №. 8, 1992. P. 193.

ность, то есть невнимание к культурным отличиям обществ не только в пространстве, но и во времени.

Советская политическая культура и будущее России

Оценки собственно советской политической культуры некоторыми авторами, придерживавшимися этой концепции, были более обоснованными, однако это вряд ли можно назвать их собственным достижением. Самые убедительные из этих оценок опираются на данные, полученные в рамках так называемого Гарвардского проекта, участники которого основывались не на теории политической культуры, но на методологии, выработанной в рамках психокультурных теорий, в особенности теории изучения «модальной личности». Наиболее полным изложением результатов этого исследования стала монография А. Инкелеса и Р. Бауэра «Советский гражданин. Повседневная жизнь в тоталитарном обществе»[84]. На основе различных видов интервью, проведенных с несколькими сотнями эмигрантов из СССР, тем или иным путем оказавшихся на Западе до или после Второй мировой войны, а также письменных вопросников, которые заполнили около двух тысяч таких эмигрантов, отобранных в соответствии со специальной выборкой, авторы нарисовали довольно объективную и разностороннюю картину жизни в сталинском СССР, а также описали их «ценности и убеждения, их мечты и разочарования»[85]. Значительная часть работы посвящена описанию этих ценностей и убеждений, которые, как показали авторы, значительно отличаются от предписываемых официальной марксистской пропагандой. Авторы сравнили эти убеждения и ценности с убеждениями и ценностями американцев, известных из результатов опросов общественного мнения, и сделали заключение о том, что в этой области у двух народов много общего, хотя и имеются существенные различия. Рассматривая систему этих убеждений и ценностей в основном как результат влияния пропаганды и практики сталинизма, А. Инкелес и Р. Бауэр высказали мнение, что влияние это может быть не прямым и результаты пропаганды в сочетании с впечатлениями от реальной жизни могут даже давать обратный результат по сравнению с задуманным. В то же время авторы не обсуждали возможности преемственности системы убеждений советских граждан по отношению к более ранним перио-

[84] *Inkeles A., Bauer R.A.* The Soviet Citisen. Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1959.

[85] Ibid. P. 4.

дам. Согласно данным А. Инкелеса и Р. Бауэра, в отличие от официальной точки зрения советской пропаганды, большинство советских людей резко не принимали колхозную систему, выступали за частную собственность в некоторых других областях экономики, в частности в легкой промышленности, отвергали репрессии и привилегии коммунистов. В то же время они поддерживали государственную собственность в тяжелой промышленности, высоко оценивали систему государственных и бесплатных медицины и образования, высказывали мнение, что законность может быть иногда ограничена государственной необходимостью и интересами большинства. Авторы в некоторых случаях показывали различия во взглядах между разными слоями населения и возрастными группами. В частности, на их окончательные выводы особенно повлияли данные о том, что поддержка тех элементов государственного устройства, которые соответствовали официальным установкам, была относительно больше среди более молодых и более образованных респондентов. В резюмирующей части авторы построили модель наиболее распространенных мнений условного большинства населения. Согласно их часто цитируемым выводам, идеалом советского человека сталинского периода было патерналистское государство «с чрезвычайно широкими полномочиями, которое решительно их осуществляет, направляя и контролируя судьбу страны, но которое в то же время благожелательно служит интересам гражданина, уважает его личное достоинство и оставляет ему значительную свободу желаний и чувство защищенности от произвольных вмешательства и наказания»[86].

Важным наблюдением авторов было то, что бывшие советские граждане по-разному относились к режиму как таковому и его политике. Так, если по крайней мере часть конкретных целей и установок режима поддерживалась, сам режим, особенно его лидеры, были предметом ненависти, и большинство опрошенных указывали, что в случае смены власти их нужно подвергнуть суровому наказанию вплоть до смерти. А. Инкелес и Р. Бауэр не смогли достаточно развить эти наблюдения в окончательных выводах, на которые значительное влияние оказали их теоретические взгляды о принципиальном сходстве всех «индустриальных обществ». В результате они рассматривали СССР как один из вариантов эффективно действующего «индустриального общества», в котором «основные принципы системы,

[86] *Inkeles A., Bauer R.* The Soviet Citizen, Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1959. P. 246–7.

как представляется, поддерживаются народным консенсусом», и как режим, который пользуется «чрезвычайно усилившейся народной поддержкой из-за целей, которым он привержен»[87].

Основываясь на этих выводах, А. Инкелес и Р. Бауэр рисуют несколько вариантов будущего развития СССР: кризис наследования власти и крушение старой системы в результате борьбы за власть, распад советской империи в результате отхода от нее некоторых восточноевропейских государств, постепенная эволюция режима в результате социальных изменений. В каждом из этих трех случаев авторы отрицают возможность движения в сторону «демократического» общества западного типа, считая, что система убеждений и ценностей, выработавшаяся при сталинизме, возьмет свое и «тоталитаризм» в той или иной форме неизбежно возродится[88].

А. Инкелес и Р. Бауэр фактически создали один из лучших образцов изучения ценностей и убеждений как системы. Они показали возможность использования количественных методов интервьюирования как эффективного дополнительного инструмента окончательной интерпретационной реконструкции такой системы при изучении таких сложных обществ, как советское, когда возможность непосредственного контакта с носителями системы крайне ограниченна. Хотя в «Советском гражданине» и не используется понятие политической культуры, в исследовании рассматриваются практически все вопросы, характерные для политико-культурных исследований за исключением, возможно, исторических аналогий. Сторонниками этой теории оно вполне может быть признано одним из первых (и наиболее удачных) опытов исследования советской политической культуры. В то же время их оценки будущего развития СССР были сделаны под значительным влиянием их теоретических представлений, сформировавшихся задолго до начала исследования.

Использование исключительно данных интервьюирования для изучения систем убеждений в принципе не противоречит методологии многих сторонников теории политической культуры. Как мы видели, как для Г. Алмонда и С. Вербы, так и для Р. Инглхарта эта методология также была основой их исследований. Однако некоторые исследователи придерживались другого мнения. Часть из них принципиально выступала за использование качественных методов. Дру-

[87] *Inkeles A., Bauer R.* The Soviet Citizen, Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1959. P. 397.

[88] Ibid.

гие, как, например, многие исследователи политической культуры «социалистических» стран, обращались за помощью к другим источникам скорее вынужденно, так как возможность проведения опросов была весьма ограниченна.

Признавая эту возможность, один из теоретиков изучения политической культуры «социалистических» стран А. Браун сначала в книге «Советская политика и политология», а затем в предисловии к коллективной монографии «Политическая культура и политические изменения в коммунистических государствах» подробно описал источники, которыми можно дополнить и частично заменить данные опросов. Перечисляя эти источники, А. Браун следующим образом характеризует их: «*Художественная литература*... приобретает важность, так как в любом государстве, где существует литературная цензура, часто легче включить социальное наблюдение популярных убеждений, ценностей и знаний в структуру художественного произведения, в котором личное отношение автора к выраженным взглядам труднее идентифицировать, чем в более открытых социально-политических работах. *Мемуары*, будучи разборчиво прочитаны, также ценны... Заслуживают изучения и *описания жизни и размышления иностранцев*, долгое время проживших в стране долгое время... *Историография* в коммунистических странах может пролить некоторый свет на политическую культуру, хотя необходимо понимать, что этот источник может непропорционально отражать взгляды тех, кому принадлежит институциональная власть, и тем самым быть гидом по "элитной", а не "массовой" политической культуре, в случае если между ними имеется различие. Литература о проблемах создания *нового человека* и *коммунистического сознания* также имеет значение в таких странах. Ее изучение важно не только из-за содержащейся в ней ценной информации об официальной политической культуре (о ценностях, которые гражданам полагается иметь), но также из-за света, который они проливают на имеющиеся "недостатки" (или ценности и установки, отклоняющиеся от нормы)»[89].

В изданной в 1995 г. книге «Возрождение российской демократии: интерпретация политической культуры» Н. Петро подверг подход А. Брауна решительной критике, смысл которой сводится к тому, что сами эти источники ведут исследователя к субъективным оцен-

[89] *Brown A.* Introduction // Archie Brown, Jack Gray (eds.). Political Culture and Political Change in Communist States. London: Macmillan, 1977. P. 11. См. также: *Brown A.* Soviet Politics and Political Science. London, 1974. P. 89–104.

кам. «В отличие от точных опросов общественного мнения, которые могут дать хотя бы некоторую объективность, подход Брауна в основном служит подтверждению *априорных* допущений исследователя относительно российской политической культуры и слишком легко оставляет без внимания свидетельства, способные привести к другой интерпретации», – пишет Н. Петро[90].

Эта критика, хотя и частично обоснована, направлена не на тот предмет. Как представляется, к субъективизму ведут не сами источники, а обращение с ними. Все источники ценны, и в то же время все необъективны. Весь вопрос в методологии работы с ними. Если исходить из того, что только интервью дают верную информацию об идеях и представлениях, не возможна ни археология, ни история. От некоторых языков, народов и цивилизаций сохранилось всего по нескольку письменных источников, и никаких интервью с носителями древней культуры, естественно, взять невозможно. Но и по немногим имеющимся артефактам историки восстанавливают картину общества. В то же время точность информации, даваемой методами интервью, также во многом является мифом. Как уже отмечалось, голые цифры не возникают без заданного человеком «качественного» вопроса и ничего не дают, пока на их основе исследователь не сделает «качественных» выводов, опираясь на свои субъективные представления. Что касается качественных интервью, то между записанным ответом респондента и статьей того же респондента или его повестью большой разницы нет. Речь в любом случае может идти лишь о большей или меньшей степени достоверности того или иного источника и о методе обработки материала, способного дать наиболее объективные данные.

А. Браун обсуждает преимущества и недостатки всех типов источников, вовсе не отрицая необходимости учета результатов опросов, но считая, что комплексное использование всех возможных источников дает наиболее объективные результаты. Он пишет: «Существуют опасности как использования данных опросов общественного мнения для исследования политической культуры, так и неиспользования их. С одной стороны, хотя установки и можно измерить количественно, гораздо сложнее определить, являются ли они глубокими убеждениями. Таким образом, особенно ценен тип опросов, в котором повторяются вопросы, заданные в предыдущих опросах, для измерения эфемерности или устойчивости конкретных ориента-

[90] *Petro N.N.* The Rebirth of Russian Democracy. P. 15.

ций или убеждений. С другой стороны, опасность игнорирования доступных данных опросов заключается в том, что приписывание ценностей и убеждений гражданам другого государства (или даже своего) без какой-либо объективной проверки этих предположений, например путем аккуратного использования количественных методов, очевидно, является рискованным делом.

Учитывая то, что набор источников, объем и надежность данных различаются от одной коммунистической страны к другой, можно или отказаться от возможности изучения политической культуры некоторых коммунистических обществ (и, соответственно, от использования их для сравнительного анализа), или попытаться уменьшить опасности до минимума, не придавая слишком большого значения результатам, полученным с использованием какого-то одного метода и сопоставляя результаты, полученные с использованием различных методов и источников. Там, где обнаруживаются серьезные аналогии между различными источниками информации, можно приступать к обобщениям: осторожным в случае с различными коммунистическими обществами и еще более осторожным в случае с различными государствами»[91].

Этот анализ ясно показывает неправоту упреков Н. Петро в том, что авторы первых работ о политической культуре СССР использовали не те источники или пренебрегали результатами количественных исследований. Но в то же время он, безусловно, прав в том, что убедительные об источниках не спасли их от крайнего субъективизма. Причина здесь не в характере источников, которые они использовали, а в том, что ни в одной из подобных работ, в том числе и работе самого Н. Петро, не предложено конкретной методологии их использования. А. Браун, например, много говорит о сочетании различных «технологий» обработки источников, однако ни в его работах, ни в работах других сторонников использования «качественных» источников ничего не говорится о том, какие конкретно «технологии» использовались. Результат оказался тем, о котором говорил Н. Петро: авторы, по сути, подбирали те факты и высказывания, которые показались им наиболее распространенными.

Предлагаемая нами методология будет изложена ниже. Здесь же мы лишь укажем на некоторые методологические подходы, которые могли вести к неверным или спорным интерпретациям результатов. И здесь, в связи с отсутствием интереса к обсуждению методологии

[91] *Brown A.* Introduction. P. 11–12.

использования «качественных» источников у сторонников теории политической культуры, мы вынуждены обратиться к работам сторонников изучения «модальной личности», которые уделяли этим вопросам значительно больше внимания. Концепция «модальной личности» непосредственно предшествовала концепции «политической культуры» и, как видно из работ Г. Алмонда и С. Вербы, оказала на нее большое влияние.

Анализируя характер источников, используемый для изучения «модальной личности», А. Инкелес и Д. Левинсон в статье «Национальный характер: исследование модальной личности и социокультурные системы» подразделяют их на данные, полученные в результате «оценки личности индивидуумов», то есть опросов и интервью (которые они считали основными), исследования «коллективных взрослых феноменов», а также «систем воспитания детей»[92]. Так как сторонники теории политической культуры опирались на уже разработанные методы опросов и интервьюирования, нас в данном случае интересует, прежде всего, методология изучения документов и поведения, то есть того, что А. Инкелес и Д. Левинсон, следуя фрейдистской традиции, назвали «коллективными взрослыми феноменами».

А. Инкелес и Д. Левинсон разделяли «коллективные взрослые феномены» на коллективные документы, то есть «высказывания, распространяемые в устно или письменной форме в крупных сегментах общества», такие как сказки, религиозные труды, популярные журналы, кинофильмы и т.п., и «коллективное поведение»: политическое поведение, институциональную практику, ритуалы и т.п.

Анализируя значение «коллективных документов» как источника, А. Инкелес и Д. Левинсон делают несколько важных замечаний: «В той степени, в которой документы являются “популярными” или соответствующими формальной культуре и структуре общества, они в каком-то смысле репрезентативны относительно коллектива. В этом случае можно обоснованно ожидать, что будут способствовать пониманию общих психологических процессов. В то же время психологические характеристики, выраженные в этих документах, могут лишь частично соответствовать тем, что существуют модально среди членов общества. Традиционные документы, такие как мифы или религиозные доктрины, могут мало что значить для современного населения, или им могут приписываться специфические значения,

[92] *Inkeles A., Levinson D.* National Character: the Study of Modal Personality and Sociocultural Systems. P. 452.

не очевидные, исходя из их буквального содержания. Производимые в настоящее время фильмы или популярная художественная литература могут быть показательны только для личностей, входящих в элиту, которые их создают, а не для широкой массы потребителей... Короче говоря, представляется, что, хотя коллективные документы и представляют большую ценность, давая некоторые подсказки для изучения национального характера, на их основании нельзя сделать сколько-нибудь законченные выводы о том, какой диапазон и какие вариации модальной личности в действительности существуют в обществе. В принципе, основной метод определения модальной личности – изучение индивидов *как индивидов*. Только четко разделяя, как в теории, так и в процессе исследовании, индивидуальные личности и социокультурные связи, мы можем адекватно изучать их взаимодействие и взаимное влияние»[93].

Подчеркивание А. Инкелесом и Д. Левинсоном особого значения данных интервьюирования, объясняемое как тем, что теория «модальной личности» вышла из социальной психологии, так и знамением времени, не следует преувеличивать. В то же время большое значение имеют их замечания о том, что «коллективные документы» совсем не обязательно отражают мнения коллектива, но скорее – мнения их создателей и социальной группы, к которой они относятся. А. Браун, как мы видели, также указывал на эту их особенность, говоря об историографических работах, однако почему-то не распространял ее на художественную литературу, мемуары и другие источники. Есть ли способ избежать искажений, заложенных в этой черте «коллективных документов»? Представляется, что это можно сделать, если рассматривать коллективные документы не как источники по убеждениям социальных групп, которые в них описаны, но *как источники по убеждениям их авторов*. В таком случае по точности они не отличались бы от интервью: никто не рассматривает данные интервью как источник для исследования тех, кого упоминает респондент (в противном случае он был бы не респондентом, а соавтором). Но в таком случае и мемуары, художественная литература, кинофильмы, песни и т.п. должны, как правило, служить источником для изучения взглядов их авторов, а не тех, кто в них описывается.

Рассмотрим пример того, как такое использование источника может привести к совершенно иным результатам. В одной из статей А. Браун указывает, что одной из «центральных ценностей доминиру-

[93] Ibid. P. 458.

ющей советской политической культуры является подчеркивание важности порядка». Он доказывает это ссылкой на одну западную статью и два высказывания советских граждан. А. Браун пишет: «Надежда Мандельштам, комментируя страх, который испытывала интеллигенция, относительно того, что "толпа" может выйти из-под контроля ("нас первых повесят на столбе"), замечает: "Услыхав вечно повторяющееся: 'нас первых повесят на столбе', – я вспоминаю слова Герцена про интеллигенцию, которая так боится народа, что готова ходить связанной, лишь бы с него не сняли пут"»[94]. Андрей Амальрик вспоминал реакцию одного русского рабочего на то, что он считал политическими беспорядками в Чехословакии в 1968 г.: «Что это за правительство, – спросил рабочий, – если оно терпит такую степень беспорядка? Власть должна быть такой, чтобы она боялась меня, а не я *ее*!»[95]

На основании этих высказываний Браун делает далекоидущие выводы о том, что настроения интеллигенции и рабочих в целом «можно считать неблагоприятными для развития демократии»[96]. А. Браун подтверждает это также заключениями английской журналистки М. Дэджевски, которая слышала на Красной площади высказывания зевак в пользу разгона митинга крымских татар.

С точки зрения метода, описанного А. Брауном, выводы обоснованны: использовано несколько различных источников, данные которых сошлись. Однако попробуем разобраться, что дают приведенные высказывания для заключений о советской политической культуре в целом? Очень мало. Прежде всего, это единичные высказывания. Если даже они служат иллюстрацией уже сформировавшегося в результате анализа мнения автора, то совершенно очевидно, что при желании можно привести сколько угодно высказываний рабочих, интеллигентов, зевак, совершенно обратного содержания[97].

Но главное даже не в этом. А. Браун использует сообщения вдовы поэта, публициста-диссидента и британской журналистки как стопроцентно объективные свидетельства. По характеру комментариев и отношению авторов к якобы услышанному можно сделать

[94] Перевод А. Брауна выправлен по источнику. См.: *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М.: Согласие, 1999. С. 30–31.

[95] Точный текст А.А. Амальрика: «Один рабочий так объяснил мне: "Что это за власть, если она меня, работягу, боится – это я должен бояться власти!"» (*Амальрик А.А.* Записки диссидента. Анн-Арбор: Ардис, 1982. С. 73).

[96] *Brown A.* Ideology and Political Culture. P. 20.

[97] В том же тексте А.А. Амальрика далее приводится еще несколько таких противоположных высказываний, которые А. Браун не упоминает.

вывод, что все трое подобные высказывания осуждают. Таким образом, приведенный текст является необъективным и, вероятно, подвергся сильному влиянию позиции авторов. Установить уровень их объективности трудно, и есть основания в ней сомневаться (речь идет не о прямом введении в заблуждение, а, например, о преувеличении распространенности таких высказываний, замалчивании противоположных мнений и т.п.). Таким образом, эти высказывания использовать в качестве источника по взглядам тех, кто в них описан, нежелательно. Однако от этого они не теряют своего значения для исследователя. О чем они говорят совершенно точно, так это о мнениях самих Н. Мандельштам, А. Амальрика и М. Дэджевски (последнее мы опустим, так как в данном случае мы не занимаемся политической культурой британских журналистов). Можно, конечно, говорить о том, что автор не всегда пишет искренне и скрывает свое собственное мнение, но это может случиться и в интервью. Это, кстати, признают и сторонники метода интервьюирования А. Инкелес и Р. Бауэр, которые в методологической части «Советского гражданина» заключают: «Вся доктрина интервьюирования и опросов в общественных науках основана на ясном допущении, что ответ человека на заданный вопрос может быть сознательно или несознательно предвзятым из-за отношения этого человека к ситуации, в которой задается вопрос. И, делая это допущение, социолог подходит к своему источнику информации так же, как историк к оценке документа, а экономист – к анализу статистических данных, которые он использует»[98].

Предлагаемый подход, таким образом, по меньшей мере приравнивает уровень объективности «коллективных документов» к данным интервью. Какой же можно сделать вывод из приведенных высказываний Н. Мандельштам и А. Амальрика об их собственных убеждениях? Мы имеем право утверждать, что по крайней мере среди части советской интеллигенции (конкретно, части диссидентов) были распространены мнения о том, что народа бояться не следует и что правительство не должно действовать методами устрашения. Эти люди также одобряли либерализацию режима в Чехословакии. Выводы эти скромнее, зато достовернее. Они в силу своей единичности могут и не противоречить выводам А. Брауна (если последние окажутся верными), так как характеризуют лишь «субкультуру» диссидентов, возможно даже ее части. Однако в случае, если окажется, что такие мнения распространены среди всего населения (а для это-

[98] *Inkeles A., Bauer R.* The Soviet Citizen. P. 42.

го должна быть проанализирована масса источников, а не несколько высказываний, как в статье А. Брауна), в совокупности они могут и опровергнуть его теорию.

Анализ выводов другого исследователя советской политической культуры С. Уайта осложняется тем, что кроме изучения убеждений, ценностей и других ее «психологических» элементов он также пытается описать «шаблоны политического поведения». А. Инкелес и Д. Левинсон предупреждали, что в отношении наблюдаемых регулярностей коллективного поведения «необходимо проявлять крайнюю осторожность при определении, насколько важна "центральность" каждых конкретных темы или сюжета. К сожалению, так же, как исследователи национального характера, работающие в основном с индивидами, часто не обращают внимания на проблемы выборки, те, кто работает с "сюжетами" и темами, не затрудняют себя пояснениями того, какой именно пример какой общей совокупности культурно структурированного коллективного поведения они выделили». В любом случае, замечают А. Инкелес и Д. Левинсон, «экстраполяция модальной личности на основе институционализированного и культурно стандартизированного поведения в самом лучшем случае может дать лишь *гипотетическую конструкцию* национального характера. Адекватная *демонстрация* этой конструкции требует, чтобы она была также получена путем широкомасштабного изучения индивидов»[99].

В данном случае необходимо согласиться с мнением А. Инкелеса и Д. Левинсона о том, что без интервьюирования или другого метода, с помощью которого можно понять смысл поведения, его чистая фиксация мало что даст и может быть неверно интерпретирована. В своем исследовании убеждений политических активистов известный американский политолог Р. Даль писал о том, что без знания правил, без понимания значения, которое вкладывают в свои действия сами действующие лица, никакой анализ этих действий, в том числе и в политике, вообще не возможен, так как, если оценивать их с точки зрения собственной системы убеждений, можно просто не понять, что происходит: «Трудно переоценить важность чисто когнитивной составляющей для наших убеждений, будь то представления о политике или о чем-то другом. Так, знание правил игры обладает нормативным, но и когнитивным значением, как обнаруживают многие иностранцы, приехав в США и впервые увидев игру в бейсбол. Иностранцу может быть все равно, "хороши" правила игры в бейсбол или

[99] *Inkeles A., Bauer R.* The Soviet Citizen. P. 460.

нет и нужно ли их соблюдать. Но поскольку он не знает, в чем заключаются эти правила, он совершенно не может понять, что происходит перед его глазами. Американец, наблюдающий за игрой в крикет, также находится в полном недоумении. В политике все происходит так же, как в бейсболе или крикете: то, во что мы верим, влияет не только на то, что мы хотим увидеть свершившимся, но и на то, что, по нашему мнению, на самом деле происходит»[100].

Представляется, что такая аберрация происходит в работе С. Уайта. Например, в главе, посвященной современной политической культуре в СССР, он оценивает уровень политической активности, приводя большое количество данных советской статистики по увеличению числа участвующих в выборах, росту численности комсомольских и профсоюзных организаций, числа посещающих лекции и политинформации и т.п. С. Уайт признает, что все эти формы активности не вполне добровольны, поэтому они не обязательно свидетельствуют об идеологической поддержке режима. Однако на основании этих данных он утверждает, что «общий уровень социально-политической активности за весь период советского правления очень значительно увеличился»[101]. Говоря словами Р. Даля, С. Уайт видит в СССР игру, по действиям и по названиям сходную с одной из игр, с которыми он знаком, и по аналогии приписывает ей такое же значение: если ты голосуешь, ходишь на собрания, слушаешь лекции – значит, ты политически активен. Однако сомнительно, чтобы все эти занятия, которые в описываемый период в СССР носили принудительный характер, вообще вряд ли имели отношение к политической активности. Возможно, как правильно указывает С. Уайт, рост участия в них (если, конечно, данные советских источников были правдивы, в чем также есть основания сомневаться) свидетельствовал о мобилизационных способностях режима, а попросту говоря, о возможности заставить людей делать то, что ему нужно. Однако в этом проявлялась скорее не их политическая активность, а скорее, наоборот, пассивность. Политическая же активность проявлялась через совсем иные каналы, например закулисную борьбу за власть в партийных организациях и государственных органах, скрытое обсуждение вариантов развития в прессе, посещение неофициальных концертов, вечеров и спектаклей, чтение самиздата и т.п.

---

[100] *Даль Р.А.* Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 148–149.

[101] *White S.* Political Culture and Soviet Politics. P. 87–9.

Практический опыт включения изучения шаблонов поведения в работы по политической культуре такими авторами, как Р. Такер и С. Уайт, свидетельствует о том, что отношение к этому изучению должно быть более осторожным. Простой перенос методов наблюдения и записи типичных действий, применяемый в антропологии, изучающей закрытые «примитивные» общества, в которых практически все действия определяются традицией и ритуалом и являются типичными, вряд ли может быть применен в политологии и вообще при анализе современного общества, где человек подвержен самым различным влияниям и может выбирать из большого числа вариантов поведения. Выяснить здесь, что является типичным и для какой именно традиции, гораздо труднее. Больше того, политолог, если, конечно, он одновременно не является шпионом на нелегальной работе, чаще всего не использует метод включенного наблюдения, а изучает политическое поведение по источникам. Источник же является кем-то записанным наблюдением или мнением и по нашему правилу в действительности должен давать материал по взглядам его автора, а не по поведению предмета описания. В этом смысле он не будет отличаться от других письменных источников, а область поведения практически полностью выпадет из области политической культуры. Таким образом, мы приходим к выводу, что «психологическое» определение политической культуры, хотя и по причинам, несколько отличающимся от тех, на которые указывают сами ее авторы, является более предпочтительным, чем «широкое» определение.

Впрочем, поскольку С. Уайт основывает свой анализ убеждений и ценностей советских людей в основном на добротной работе А. Инкелеса и Р. Бауэра, а также на собственных позднейших исследованиях эмигрантов, проведенных по аналогичному методу, его выводы во многом соответствовали дальнейшему развитию событий в СССР. Этому в немалой степени способствовала та часть результатов собственных исследований С. Уайта, которые противоречили выводам Гарвардского проекта. В целом подтверждая картину общественного идеала большинства советских людей, сформулированного А. Инкелесом и Р. Бауэром, исследования С. Уайта показали обратную тенденцию его развития: более молодые и образованные люди демонстрировали относительно меньшую поддержку ценностям и позициям, соответствующим официальной идеологии[102]. Хотя некоторые исследователи объясняют эти расхождения методологическими

[102] *White S.* Political Culture and Soviet Politics. P.186–88.

ошибками А. Инкелеса и Р. Бауэра[103], их также можно объяснить изменившейся ситуацией, большей открытостью советского общества и лучшим знакомством образованной и молодой части населения с альтернативными ценностями.

Как бы то ни было, выводы С. Уайта подтверждаются последующими более репрезентативными опросами, проведенными по аналогичной методологии среди более поздних советских эмигрантов. Так, анализируя полученные данные, Б. Силвер пришел к заключению, что уровень поддержки режима в СССР не напрямую зависит не от повышения жизни населения, но от уровня «субъективной материальной удовлетворенности». Этот уровень в свою очередь находится в положительной зависимости от улучшения «объективных материальных условий», но в отрицательной – от уровня образования. Кроме того, согласно Б. Силверу, уровень поддержки режима находится в прямой отрицательной зависимости от уровня образования (под поддержкой режима Б. Силвер имел в виду не поддержку конкретных лидеров, но одобрение официально провозглашаемых ценностей)[104]. В результате могло быть спрогнозировано следующее развитие событий: если разрыв между ростом уровня образования, стабильно продолжавшимся в СССР в течение десятилетий, и замедляющимся ростом уровня жизни будет увеличиваться, а тем более если уровень жизни начнет снижаться, это может привести к краху режима.

К таким выводам и пришел С. Уайт. Основываясь по большей части на данных Гарвардского проекта, он отмечает, что советская система, «вероятно, достигла сравнительно высокого уровня легитимности или добровольной поддержки», а «многие из ее характерных атрибутов, таких как общественная собственность на средства производства и всеохватывающее социальное обеспечение, вероятно, пользуются поддержкой большинства даже тех, кто отрицает эту систему в целом и предпочел жить в другой стране». Опираясь на данные Гарвардского проекта, он различает поддержку «системы», то есть сумму советских реальностей, и «режима», то есть конкретных партий и лидеров. В то же время он указывает на основную возмож-

---

[103] *Petro N.N.* The Rebirth of Russian Democracy. P. 11.

[104] *Silver B.D.* Political Beliefs of the Soviet Citizen: Sources of Support for Regime Norms // James Millar (ed.). Politics, Work and Daily Life in the USSR. A Survey of Former Soviet Citizens. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 100–141. Книга основана на исследовании эмигрантов новой волны, проведенном группой американских ученых под руководством профессора Иллинойсского университета Дж. Миллара.

ную причину краха советского режима, которая как раз вытекает из противоречия между ожиданиями от «системы» и неспособностью «режима» их удовлетворить, то есть связана с отличием в легитимации системы в СССР и в системах либеральных демократий: «Либеральные демократии, подкрепленные легитимацией, основанной на принципе “не важно, дождь или солнце”, которую обеспечивают ее институты, могут выживать в периоды застоя или даже снижения жизненного уровня. Для режима, легитимность которого узко основана на критерии “результативности”, это может оказаться более трудной задачей»[105].

Единственное, чего не учел С. Уайт в своих выводах, – это то, что описанный им на основе данных Гарвардского проекта политический идеал советских людей вовсе не во всем соответствовал советской системе, поэтому вернее было бы говорить не о ее поддержке, а о сформировании под воздействием официальной пропаганды и реальностей жизни определенной системы представлений о том, каким должно быть общество. Даже если некоторые черты этого идеала и совпадали с реальностями советской системы, приверженность ему вполне могла сочетаться с ненавистью к режиму в целом. С. Уайт и авторы Гарвардского проекта исходят здесь из биполярной схемы мира: или демократия, или автократия (тоталитаризм), либо советская система, либо западная. Неприятие элементов одной системы в этой схеме (например, частной собственности в тяжелой промышленности) автоматически означает одобрение советской системы. В действительности оппозиция в сознании большинства советских людей могла быть иной: не между идеалом западного ученого (который, кстати, часто не совпадает с западной реальностью) и советской системой, но между ненавистной советской реальностью и собственным идеалом, выработанным частично под влиянием этой системы. Иногда, особенно у советских «западников», этот идеал мог ассоциироваться и с идеально представляемой западной системой. В этом случае приверженность собственному идеалу могла не противоречить ненависти к реальной советской системе и желанием от нее избавиться.

В целом же, как видно из конечных выводов С. Уайта, сторонники теории политической культуры, насколько это вообще возможно, указали направление изменений в советском обществе и даже возможную причину будущего краха советской системы. Это показывает большие возможности использования этой теории для объяснения

[105] *White S.* Political Culture and Soviet Politics. P. 189–90.

политической реальности. Понятно также, что задним числом раздающаяся критика неспособности политических культурологов предсказать распад СССР, которая якобы привела к краху советологии, является односторонней и не вполне обоснованной[106].

Исследования советской и российской политической культуры в условиях открытости

Реформы, начатые М.С. Горбачевым, создали в СССР совершенно новую обстановку открытости и предоставили как советским, так и зарубежным исследователям возможность непосредственного общения с населением без сокрытия истинных его целей. Это привело к бурному всплеску опросов общественного мнения, посредством которых предполагалось проверить многие выводы, сделанные в рамках различных теорий, в том числе и теории политической культуры.

Первые исследователи, проводившие и анализировавшие данные опросов общественного мнения в горбачевском СССР, как правило, поражались тому, насколько убеждения и ценности советских людей были близки тем, которые обычно обнаруживаются в «демократических» государствах. Дж. Хан на основе опроса, проведенного в марте 1990 г. в Ярославле, Дж. Гибсон, Р. Дач и К. Тедин, оперируя результатами февральско-мартовского опроса того же года в Москве и Московской области, У. Рейзинджер, А. Миллер, В. Хесли и К. Махер, опираясь на данные трех повторяющихся опросов, проводимых с 1990 по 1992 г. в трех республиках (Россия, Украина и Белоруссия), указывали, что, хотя по отдельным показателям «демократичности» советские граждане и несколько отстают от ведущих «демократических» стран, это различие не является качественным и обнаруженный уровень «демократичности» не уступает этому уровню в некоторых других странах молодой или менее стабильной демократии. Более того, некоторые из этих ученых подтверждали положительную зависимость между уровнем образования и молодостью, с одной стороны, и «демократичностью», с другой, и приходили к выводам, что перспективы демократизации в СССР довольно хороши, тем более что на нее работает само время[107]. Основываясь на этих данных, мно-

[106] См.: *Petro N.N.* The Rebirth of Russian Democracy. P. 1–27.

[107] *Hahn J.W.* Continuity and Change in Russian Political Culture // British Journal of Political Science. Vol. 21. 1991. P. 393–421; *Gibson J.L., Duch R.M., Tedin K.L.* Democratic Values and the Transformation of the Soviet Union // The Journal of Politics. Vol. 54, № 2. May, 1992. P. 329–71; *Reisinger W. M., Miller A. H., Hesli V.L., Maher K.H.* Po-

гие авторы ставили под сомнение теорию фатального воздействия извечно авторитарной российской политической традиции на современную политическую действительность и утверждали, что «аргументы о важности “русской” политической культуры в современной российской и советской политике... слабо обоснованы»[108].

Однако по мере того, как события в СССР и затем в России принимали все менее «демократический» оборот, особенно после конфликта между Б.Н. Ельциным и Верховным Советом в 1993 г., прогнозы стали более осторожными. Так, Дж. Гибсон и Р. Дач, сопоставив результаты московского опроса с более репрезентативными данными, позднее проведенного во всей европейской части СССР, отметим, что все еще «есть основания полагать, что демократическая политическая культура в настоящее время возникает в государствах бывшего СССР и что убеждения, ценности и установки обычных граждан создадут благоприятную среду для стремления к большей демократизации». Однако далее эти авторы делали вывод, что в современной России «ценности, распространенные в настоящее время, относятся к более простым ценностям типа “правления большинства”, в то время как более сложные ценности типа “прав меньшинства” не получили широкого распространения». Исходя из этого авторы отказывались предсказывать, «будет ли процветать демократия в государствах бывшего СССР»[109].

А. Миллер, В. Хесли и М. Рейзинджер в более поздней статье и основываясь на опросе 1992 г., проведенном в России и на Украине, также смягчили свои выводы. Установив значительные различия в понимании демократии между политической элитой и массами, они заключили, что «эволюция в сторону демократического, рыночно ориентированного общества окажется медленной и трудной»[110].

---

litical Values in Russia, Ukrain and Lithuania: Sources and Implications for Democracy // British Journal of Political Science. Vol. 24. 1994. P. 183–223; *Miller A.H., Hesly V.L., Reisinger W.M.* Reassessing Mass Support for Political and Economic Change in the Former USSR // American Political Science Review. Vol. 88, № 2. June, 1994. P. 399.

[108] *Reisinger W.M.* Conclusions: Mass Public Opinion and the Study of Post-Soviet Societies // Arthur H. Miller, William M. Reisinger, Vicki L. Hesly (eds.). Public Opinion and Regime Change. The New Politics of Post-Soviet Societies. Boulder. Westview, 1993. P. 274.

[109] *Gibson J.L., Duch R.M.* Emerging Democratic Values in Soviet Political Culture // Miller, Reisinger, Hesly (eds.). Public Opinion and Regime Change. The New Politics of Post-Soviet Societies. P. 89–90.

[110] *Miller A.H. Hesly V.L., Reisinger W.M.* Comparing Citizen and Elite Belief Systems in Post-Soviet Russia and Ukraine // Public Opinion Quarterly. Vol. 59. P. 33.

Неожиданный успех В.В. Жириновского на выборах 1993 г. поставил выводы о «демократичности» россиян под сомнение. Не все объясняли результаты выборов клеймом авторитаризма, которое дает о себе знать. Например, британские исследователи С. Уайтфилд и Дж. Эванс на основе результатов проведенного незадолго до выборов опроса приходят к выводу, что успех В.В. Жириновского стал результатом не возрождения российской традиционной политической культуры или «голосования протеста», но что «сам опыт перехода переориентировал общественное мнение от утопических ожиданий в отношении рынка и демократии, характерных для периода распада старой системы, к более информированному и, безусловно, более осторожному подходу»[111].

В то же время теории возрождения искони присущей России «имперского сознания» и «авторитарной политической культуры» стали вновь активно распространяться не только среди ученых, но среди журналистов, а старые ее сторонники воспрянули духом[112]. Эти настроения подпитывало усиление авторитарных тенденций в России, рост популярности коммунистов и ЛДПР.

Почему же вместо того, чтобы предсказывать события, исследователи в данном случае шли за ними, пытаясь задним числом объяснить, чего они не учли прежде? Возможно, действительно, как писал А. Браун, количественными методами трудно определить, какие элементы «политической культуры» являются более фундаментальными и, как считает А. Даллин, первая волна проведенных по западному типу опросов захватила лишь ее поверхность, применяя подход, который был «слишком упрощенным, одномерным или “американским”»[113].

С этим мнением можно согласиться, однако это не означает, что более тщательное изучение привело бы к выявлению того, что настро-

---

[111] *Whitefield S., Evans G.* The Russian Election of 1993: Public Opinion and the Transition Experience // Post-Soviet Affairs. №. 10. 1994. P. 58.

[112] В числе примеров этой тенденции – статья Г. Симона, которая рассматривает российскую политическую культуру как абсолютно изолированную от любого «западного» влияния и «авторитарную» по своей сути и повторяет большинство аргументов украинских националистов начала века, а также книга бывшего московского корреспондента «Таймс» Б. Кларка, который интерпретирует практически все политические события ельцинского периода как признаки возврата «имперского духа». См.: *Simon G.* Political Culture in Russia Aussenpolitik. № 3, P. 245–267; *Clark B.* An Empire’s New Clothes: The End of Russia’s Liberal Dream. London: Vintage, 1995.

[113] *Dallin A.* Where Have All the Flowers Gone? // Gail W. Lapidus (ed.). The New Russia: Troubled Transformation. Boulder . Westvew, 1995.

ения россиян и в первые годы реформ были «авторитарны», а не «демократичны» и что теория «авторитарного клейма» верна. Причина здесь не в тщательности, а в неверности подхода к современной России с теми однозначными критериями, которые выработаны на примере США и других западных стран. Большинство западных опросов ставили перед собой цель выяснить, насколько для россиян характерны те отдельные элементы системы убеждений, которые, в соответствии с «демократической теорией», определяют стабильность демократического режима. Дж. Хан, например, следуя Г. Алмонду и С. Вербе, а также Р. Инглхарту, считает такими элементами следующие: политическую эффективность, показывающую, насколько, по мнению гражданина, он способен влиять на касающиеся его политические решения, уровень доверия к политикам и поддержку демократических институтов[114]. Дж. Гибсон, Р. Дач и К. Тедин опираются на мнение Р. Даля, считающего такими показателями «(1) убеждение в легитимности институтов демократии; (2) убеждения о властных отношениях между правительством и управляемыми; (3) уверенность в способности правительства эффективно решать проблемы страны; (4) политическое и межличностное доверие; (5) убеждение в возможности и желательности политического сотрудничества, смешанное с убеждением в легитимности конфликта»[115]. Задача, таким образом, проста: задать вопросы, подсчитать число положительных и отрицательных ответов, сравнить эти данные с европейскими и американскими, а также выяснить, как изменяются мнения с увеличением возраста. Если число «демократических» ответов сравнимо с их числом в «демократических» странах, а молодые – более «демократичны», то перспективы демократизации хороши, если нет – то плохи. Естественно, предполагается, что те, кто высказал «демократический» ответ на один вопрос, скорее всего и на другой ответят также «демократически». Однако здесь и оказалась главная сложность. Как и в Японии, в России разительно отличались от западных не ответы на отдельные вопросы, но их сочетания. Эти отличия выявлялись сразу же, как только исследователи пытались вывести зависимость ответов друг от друга. Вероятно, первой такой попыткой была работа А. Финифтер и Э. Микиевич, написанная на основе общесоюзного опроса, поведенного в конце 1989 г. По отдельным вопросам ре-

[114] *Hahn J.W.* Continuity and Change in Russian Political Culture. P. 401–402.

[115] *Dahl R.* Poliarchy. New Haven: Yale University Press, 1971. P. 127; as quoted in *Gibson J.L., Duch R.M., Tedin K.L.* Op. cit. P. 332.

зультаты были вполне обычными: почти никто не возражал против реальных выборов, хотя, как и раньше, многие (две трети) считали общественный порядок более важным, чем свободу слова, довольно многие одобряли забастовки, митинги и демонстрации, очень немногие поддерживали идеи уравнительства. Однако, как показалось авторам, в этих настроениях не было последовательности. Например, «принадлежность человека к "политическим демократам" или желание быстрых перемен *не* означает его желания отказаться от социалистической системы путем отрицания значительной роли правительства в заботе о гражданах. В действительности здесь вероятна обратная зависимость. Например, люди, одобряющие протест, *с большей вероятностью*, чем те, кто его не одобряют, будут считать индивидуальное благосостояние предметом заботы государства, а не индивида». Исследователи делали важный вывод: «Советские люди, требующие перемен, вероятно, хотят более эффективного и продуктивного государства, а не государства с урезанными социальными обязательствами. Коммунистическая партия как мотор государства, несущего обязательства перед своими гражданами, была отвергнута, но не были отвергнуты сами обязательства, обанкротился институт, но не норма. В действительности банкротство института, вероятно, было обусловлено по большей части его нежеланием обеспечить осуществление нормы...»[116].

С влиянием возраста у А. Финифтер и Э. Микиевич не было проблем: чем моложе были люди, тем чаще они выступали и за политические свободы, и за меньшую роль государства, и за быстрейшие реформы. Однако возникли проблемы с образованием. Большинство более образованных людей выступало за политические свободы, однако в отношении роли государства мнения разделились: лишь 35% лиц с высшим образованием считали, что человек должен сам себя обеспечивать, а 51% выступали за сохранение роли государства в этом вопросе. Эти данные также противоречили выводам проекта по опросу советских эмигрантов Иллинойсского университета (хотя и соответствовала данным Гарвардского проекта). Но главное: они противоречили теоретической оппозиции «авторитаризм» – «западная демократия», так как согласно теории «авторитарного клейма» россияне должны выступать и за роль государства, и против свобод,

[116] *Finifter A.W., Mickiewicz E.* Redefining the Political System of the USSR: Mass Support for Political Change // American Political Science Review. Vol. 86, № 4. December, 1992. P. 861.

а в случае их приверженности «западной демократии» занимать противоположные позиции.

А. Финифтер и Э. Микиевич оценили эти результаты как свидетельство мешанины в голове опрашиваемых и того, как неравномерно распространяются в стране новые идеи. В связи с этим они прогнозировали не гладкую демократизацию СССР, а нестабильное и трудное развитие в случае, если материальное положение население не будет улучшено, а власть не станет более легитимной[117].

Выводы А. Финифтер и Э. Микиевич были оспорены в статье А. Миллера, В. Хесли и У. Рейзинджера, основанной на другом опросе, в котором они нашли закономерности, подтверждающие выводы проекта по опросу советских эмигрантов Иллинойсского университета[118]. В результате, подводя итог этому спору, канадский исследователь Р. Брим сделал вывод, что имеющихся данных вообще недостаточно, чтобы сказать что-то определенное о российской политической культуре. Он предложил вести дальнейшие углубленные исследования, проверяя результаты регулярными опросами тех же самых людей на протяжении нескольких лет[119].

На наш взгляд, однако, из результатов А. Финифтер и Э. Микиевич и того факта, что разные вопросы и методики в России постоянно приводят к разным ответам, можно сделать более глубокие выводы. То, что с точки зрения привычной оппозиции «авторитаризм – западная демократия» представляется мешаниной, на самом деле, как и в случае с Японией и Китаем, может быть просто другой системой убеждений. Она отличается от других, в частности западных, систем не интенсивностью каких-то отдельных убеждений, но представляет собой уникальное явление именно как целое, в котором стремление к политической свободе вполне может сочетаться и с представлением о том, что государство должно обеспечивать граждан, и со стремлением к экономическим реформам, и со многими другими неожиданными для привычной западной модели элементами. Чтобы понять внутренние взаимосвязи и логику такой системы, недостаточно одних количественных исследований. Конечно, отслеживание отдельных представлений и особенно их зависимости друг от друга, а также проведение регулярных одинаковых количественных замеров на протяжении нескольких лет, как это предлагает Р. Брим, очень важно,

[117] *Mickiewicz F.* Redefining the Political System of the USSR. P. 869–870.

[118] *Miller V., Hesly E., Reisinger W.* Reassessing Mass Support for Political and Economic Change in the Former USSR // American Political Science Review. Vol. 88, № 2. June, 1994.

[119] *Brym R.J.* Reevaluating Mass Support for Political and Economic Change in Russia.

так как предоставляет ценные данные. Однако для верной интерпретации этих данных необходим также качественный подход, который даст возможность понять не только что думают люди по конкретному вопросу, но и почему они так думают.

Политическая культура как система политических убеждений

Понятие «системы убеждений» (belief system), ныне весьма распространенное в политологии, пришло в нее из теоретической социологии. Впервые оно было детально разработано американским теоретическим социологом Т. Парсонсом, построения которого оказали значительное влияние на целое поколение политологов и который и сам часто обращался к политической тематике.

Т. Парсонс заимствует понятие «системы убеждений» у Э. Дюркгейма, но значительно перерабатывает его. В своей первой крупной работе, опубликованной в 1937 г., Т. Парсонс приводит следующее определение религии, данное Э. Дюркгеймом в его исследовании «Элементарные формы религиозной жизни»: «Религия – это интегрированная (solidaire) система убеждений и практик, относящихся к сакральным вещам, отдельная и табуированная, которая объединяет всех тех, кто ее придерживается, в одно моральное сообщество, называемое церковью», и указывает в примечании: «Перевод мой»[120].

Однако Т. Парсонс трактует понятие «убеждение» («belief») более широко, чем Э. Дюргейм его французский аналог («croyance»). У Э. Дюргейма термин «убеждение» относится только к религии и выражает лишь феномен веры. Его «Элементарные формы религиозной жизни» посвящены доказательству того, что религиозная вера, религиозные «убеждения» являются частным случаем «коллективных представлений», к которым он также относит логические концепции[121]. Т. Парсонс же трактует понятие «убеждение» более расширительно, включая в него два элемента, которые можно обозначить «убеждение-вера» и «убеждение-знание»[122].

---

[120] «...an integrated (solidaire) system of beliefs and practices relative to sacred things, that is separate and taboo, which unite in one moral system community called a church all those who adhere to it». (*Parsons T.* The Structure of Social Action, The Free Fress. Illinois: Glencoe, 1949. P. 412 (first published 1937)).

[121] *Durkheim E.* Les formes elementaires de la vie religiuese. Paris: Librairie Felix Alcan, 1912. P. 13, 619.

[122] Это обусловлено тем, что английское слово «belief» имеет как значение «вера», так и значение «убеждение». В связи с этим Т. Парсонс отмечает «явное

На основе этого расширительного толкования Т. Парсонс разрабатывает единую концепцию систем убеждений в рамках своей теории социальной системы действия. Важнейшей чертой этой системы, по Т. Парсонсу, является взаимодействие субъектов социальной системы, которыми могут быть одно или несколько действующих лиц и объектов, подразделяемых на «социальные», «физические» и «культурные». Ориентации основаны на стремлении к получению «вознаграждения» и избеганию «потерь», что подразумевает возникновение у действующих лиц системы «ожиданий», в результате чего различные элементы ситуации приобретают для объекта «значения» в качестве «знаков» и «символов». В результате взаимодействия эти знаки и символы приобретают общий для многих объектов характер, что создает возможность коммуникации, и становятся «воплощаемыми в письменности или в графическом либо пластическом изображении»[123]. Согласно Т. Парсонсу, «когда возникают символические системы, способные быть посредником в коммуникации, мы можем говорить о зачатках “культуры”»[124].

Т. Парсонс выделяет три аспекта ориентации: «когнитивную», основу которой составляют «убеждения» или «идеи», «катектическую» (чувственную) и «оценочную». «Воплощаясь», они превращаются в три составные части культуры как объекта: системы убеждений, системы экспрессивных символов и системы ценностно ориентированных стандартов. Таким образом, «системы убеждений», по Т. Парсонсу, являются одной из составных частей культуры, заключающей в себе все ее когнитивные элементы.

Понятие «системы убеждений» быстро распространилось и приобрело популярность в политологии как дававшее новые возможности для объяснения политического действия. Еще в 1945 г. А. Лейтон, психолог, как и многие, занявшийся политическими вопросами во время Второй мировой войны, в своей книге, посвященной отношениям американской администрации и японских военнопленных в лагере для военнопленных в Аризоне, утверждал: «Человеческие группы не могут эффективно осуществлять действия, если в основе этих действий не лежат их системы представлений»[125].

различие между этими двумя установками: то есть, люди в принципе не ‘верят’ в свои религиозные идеалы так же, как они убеждены в том, что солнце встает каждое утро». (*Parsons T.* The Structure of Social Action. P. 425).

[123] *Parsons T., Shils A.* Values, Motives, and Systems of Action // T. Parsons, A. Shils (eds.). Towards General Theory of Action. New York: Harper & Row, 1951. P. 160.

[124] *Parsons T.* The Social System. London: Tavistock Publications, 1952. P. 4.

[125] *Leighton A.* The Governing of Men. Princeton: Princeton University Press, 1945. P. 292.

Понятие «системы убеждений», однако, претерпело в политологии некоторые изменения. Прежде всего, политологи почувствовали необходимость сформулировать понятие «системы политических убеждений» как объекта исследования политологии. «Система политических убеждений» была выделена из общей системы убеждений как более узкое явление, объединяющее лишь убеждения, имеющие отношение к области политики. Согласно определению известного политолога Дж. Сартори, «*политическая* система убеждений состоит из набора убеждений, используя которые индивиды находят путь и ориентируются в море политики»[126]. Система политических убеждений непосредственно связана с общей системой убеждений. На это указывал, например, Р. Лэйн, писавший, что из общей системы представлений и более широкой культуры вообще система политических представлений заимствует «некоторые методы объяснения и причинности», «познавательную основу убеждения... позаимствованного и используемого для политических целей» и «этический код, а также то, что можно назвать этическим стилем»[127].

Выделение системы политических убеждений не было простым механическим актом отделения политических убеждений от общих парсоновских «когнитивных убеждений». Само понятие «убеждения» получило в политологии несколько иную, более расширительную трактовку. Политологи почувствовали неубедительность парсоновского разделения когнитивных и оценочных элементов подхода к ситуации, на основании которого он разделял «системы убеждений» и «системы ценностно ориентированных стандартов». «Убеждения неотделимым образом основаны на ценностях, они предшествуют аналитическому разделению ценности и факта», – писал Сартори. Поэтому «дискриминационная сила понятия оценочной интеграции, и в целом обращение за помощью к ценностному измерению, практически равна нулю»[128].

Такой подход дал возможность включить в систему политических убеждений не только убеждения, но также и ценности (values) и установки (attitudes). Большинство политологов, как представляется, согласилось бы с формулировкой Р. Лэйна, определившего систему политических представлений как «набор ценностей, убеждений и установок относительно места индивида в человеческой схеме ве-

[126] *Sartory G.* Politics, Ideology and Belief Systems // The American Political Science Review. Vol. LXIII (2). 1969, P. 400.

[127] *Lane R.E.* Political Man // New York: The Free Press, 1972. P. 162.

[128] *Sartory G.* Politics, Ideology and Belief Systems. P. 400.

щей, отмеченных политикой и действиями по управлению. Она заключает в себе самые примитивные, неисследованные идеи, те, что индивид и общество считают само собой разумеющимися частично потому, что их никто не ставит под сомнение, а также более четко сформулированные взгляды на управление»[129].

В понимании политической культуры как системы политических убеждений или представлений (так как если в систему включать также ценности и установки, то естественно применить более широкий термин «представления») нет ничего нового. Как мы видели, основатели концепции прямо связывали два понятия. Однако подход к изучению систем убеждений в политологии, как представляется, эволюционировал под воздействием изначальной задачи этой науки выявить условия стабильного существования «демократического западного общества» и привел к западноцентристскому уклону. Он выразился в стремлении найти общие законы всех систем представлений на основе изучения исключительно западного общества, прежде всего американского. Понятие «политической культуры» было введено основателями этой концепции как раз для того, чтобы подчеркнуть культурные различия между разными народами, однако, как мы видели, и в рамках этой теории эти различия понимались как временные или как иерархические – более прогрессивными культурами признавались те, что были ближе к идеалу «гражданской культуры». Кроме того, исследователи систем убеждений в политологии заимствовали точные методы интервьюирования, развивавшиеся в социальной психологии и при изучении настроений избирателей, в основном для оценки уровня «демократичности» тех или иных народов по отдельным параметрам. Это привело к недооценке собственно системного характера систем убеждений, их внутренней взаимосвязанности как единого целого, которую трудно уловить точными методами. Хотя работы Ф. Конверса, определившего системы убеждений как «конфигурацию идей и установок, в которой элементы соединены вместе некоторой формой ограничительной связи (constraint) или функциональной взаимозависимости», и привели к созданию целого метода изучения этой «ограничительной связи» элементов систем убеждений точными методами, в случаях значительных культурных различий, как показано выше, применяемые методы всегда давали хорошие результаты.

Для выработки более объективного и системного похода к системам политических убеждений необходимо вернуться к истокам

[129] *Lane R.* Political Man, P. 161.

этого понятия и тому, как изучение систем убеждений развивалось за пределами политологии, прежде всего в антропологии, истории и в рамках так называемого «семиотического подхода». Понимание культуры как коммуникационной системы, своеобразного языка, задающего основные параметры развития личности как части общества, системы, состоящей из знаков и символов, могло бы быть необычайно полезным для разработки новых методов изучения политической культуры. Все эти темы можно найти уже у Э. Дюркгейма. Они нашли отражение в его учении о «коллективных представлениях», которое через его последователя Л. Леви-Брюля оказало значительное влияние на антропологию[130].

В рамках «семиотического подхода» к культуре понятие «коллективных представлений» получает дальнейшее развитие. Однако здесь появляется новый момент – культура не только «наследуется», то есть определяется коллективом, но и определяет реальность. Как писал сторонник такого подхода Б.А. Успенский: «Культура понимается при этом как ненаследственная память коллектива; эта память может быть как осознанной (сюда относятся те виды деятельности, которые усваиваются эксплицитно, путем сознательного обучения), так и неосознанной (сюда относятся стереотипы поведения). Эта система представлений в конечном счете определяет отношения между человеком и окружающей его действительностью»[131].

Семиотический подход широко использует понятия теории коммуникаций и применяет ее в данном случае к истории[132]. В рамках этого подхода культура универсальная знаковая система, составляющая некоторый код, язык данного общества. Согласно Б.А. Успенскому, в качестве такого кода «выступает при этом некоторый “язык” (этот термин понимается, разумеется, не в узком лингвистическом, а в широком, семиотическом смысле), определяющий восприятие тех или иных фактов – как реальных, так и потенциально возможных – в соответствующем историко-культурном контексте. Таким образом, событиям приписывается значение: *текст* событий *читается* социумом»[133].

Такой подход к культуре предполагает совершенно иные методы исследования: не измерение отдельных параметров с точки зрения

---

[130] *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 9.

[131] *Успенский Б.А.* Предисловие // Избранные труды. Т. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 6.

[132] *Он же.* История и семиотика // Избранные труды. С. 10.

[133] Там же.

некоторых раз и навсегда определенных критериев, но понимание внутренней логики системы представлений, понимание мотивов носителей культуры. Он ставит задачу реконструкции «тех субъективных мотивов, которые оказываются непосредственным импульсом для тех или иных действий (так или иначе определяющих ход событий)». Согласно Б.А. Успенскому, «эти субъективные мотивации могут отражать более общие объективные закономерности... Такой подход, в свою очередь, предполагает реконструкцию системы представлений, обусловливающих как восприятие тех или иных событий, так и реакцию на события»[134].

Сходный подход к изучению истории и культуры развивался и в антропологии и других направлениях исторической науки, например французской «Школы Анналов», где применялся аналогичный коллективным представлениям по значению термин «ментальность» и особое внимание уделялось реконструкции взглядов участников событий и общих представлений, характерных для данной эпохи. Определение культуры как «небиологически передаваемого комплекса» или как «всего, что передается не генетическим путем» (Э. Геллнер)[135] вело их к пониманию необходимости «реконструировать» эти в каждом конкретном случае уникальные, передающиеся из поколения в поколения комплексы знания. Эти подходы разделял и американский антрополог К. Гирц, работы которого особенно повлияли на политологию[136].

В политологии элементы семиотики и теории коммуникации были применены группой сторонников «психокультурной» теории, прежде всего Г. Лассвелом и его сторонниками. Для Г. Лассвела единое понимание символов является главным критерием существования любой социальной группы. В своей работе «Анализ политического поведения» он писал: «Группу можно отличить от совокупности индивидов по степени, в которой их члены разделяют символы общей идентификации»[137]. Кроме фрейдизма и культурной антропологии, на Г. Лассвела большое влияние оказала семиотика Ч. Морриса, при-

[134] *Успенский Б.А.* История и семиотика // Избранные труды. С. 10.

[135] *Benedict R.* Patterns of Culture. London: Routledge, 1934. P. 14; *Gellner E.* Antropology and Politics. P. 45.

[136] *Гирц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретационной теории культуры. Антология исследований культуры. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 173.

[137] *Lasswell H.D.* The Analysis of Political Behaviour, An Empirical Approach. London: Routledge and Kegan Paul, 1948. P. 204.

меняя построения которого к политической реальности он пытался вычленить символический язык политики. В соответствии с теорией Ч. Морриса он вводит понятия «политической семантики», которая «изучает ключевые термины, лозунги и доктрины с точки зрения того, как они понимаются», и «политической синтактики», занимающейся «логическими и грамматическими связями» между элементами языка политики, то есть символами и знаками[138]. Способ соединения этих элементов в единое целое Г. Лассвел называет политическим стилем, который представляет собой уникальную характеристику данной социальной группы. Определяя политический стиль, Г. Лассвел пишет: «Более пригодным является определение Бюффона[139] "Стиль – это просто порядок и движение, которое человек придает своим мыслям". Полезность терминов "порядок" и "движение" заключается в том, что ими можно обозначить то, как располагаются элементы, из которых состоит коммуникация. Коммуникация выстраивает два элемента: символы и знаки. Символы есть значения, знаки – это физические устройства, при помощи которых распространяются значения. Слово "конституция" является символом (или, точнее, группой символов), а черные знаки, появляющиеся на бумаге, когда печатают слово, – это знаки. Фильмы, рисунки, музыкальные, музыкальные записи, памятники – это также знаки. Любой коммуникационный элемент встречается в различных комбинациях одновременно с другими элементами или в других временных последовательностях»[140].

Г. Лассвел узко понимал «политический стиль» как отражение «ожидания относительно неизбежности насильственного или мирного разрешения конфликтов и оценки самого себя как сильного или слабого по отношению к поставленным себе целям» и считал, что он также «изменяется в зависимости от того, каких целей хотят добиться, в особенности от того, существует ли деспотическая потребность во "власти над" или демократически ценится "власти с"»[141]. Однако соединение «семиотического» подхода Г. Лассвела с антропологическими идеями бесконечного разнообразия культур могли привести к выводу и о таком же разнообразии политических стилей, суть которых составляли вовсе не только «организованные мысли» по поводу

[138] *Lasswell H.D.* The Language of Politics // H.D. Lasswell, N. Leites (eds.). Language of Politics. Cambridge, Mass: The M.I.T. Press, 1949. P. 9.

[139] Имеется в виду французский ученый и писатель XVIII века Жорж-Луи Леклерк де Бюффон, автор сочинения «Рассуждение о стиле».

[140] *Lasswell H.D.* Style in the Language of Politics. P. 21.

[141] Ibid. P. 37.

конкретных форм решения конфликтов или форм власти, но по поводу всей области политического, как она существует в данном обществе.

Среди исследований конкретных политических стилей, предпринятых учеными, принадлежащими к данной группе, в особенности исследований СССР, выделяются работы Н. Лейтеса. Интересно, что в своих теоретических трудах и Г. Лассвел, и Н. Лейтес настойчиво призывали к использованию точных методов изучения как политического поведения, так и языка политики (часть статей коллективной монографии под редакцией Г. Лассвела и Н. Лейтеса «Язык политики» посвящены разработке теории контент-анализа)[142]. Однако в конкретных работах Н. Лейтеса о советской политике, которые стали наиболее интересным результатом применения семиотического подхода по крайней мере в области советологии, он избрал другой метод. По своей глубине эти работы во многом остаются непревзойденными до настоящего времени. Такие труды Н. Лейтеса, как «Операционный код Политбюро» (1951) и более развернутый вариант того же исследования «Изучение большевизма» (1953), «Ритуал ликвидации» (1954, совместно с Э. Бернаут), а также более поздние «Советский стиль в войне» и «Советский стиль менеджмента», по сути дела, представляют собой уникальные исследования «систем убеждений» некоторых социальных групп в СССР методом интерпретации[143].

Американский политолог Л. Диттмер первым попытался соединить семиотический подход с теорией политической культуры. Л. Диттмер писал: «Семиологический подход к анализу политической культуры возвращает область исследования к фокусу на символах. Политическая культура – это система политических символов, и эта система существует внутри более инклюзивной системы, которую мы можем назвать “политической коммуникацией”»[144].

По мнению Л. Диттмера, основной проблемой теории политической культуры было то, что сторонники концепции ставили ее в зависимость от политической структуры или политической психоло-

[142] См.: *Lasswell H. D.* The Analysis of Political Behaviour; *Leites N.* Psycho-Cultural Hypotheses about Political Acts.

[143] *Leites N.* The Operational Code of the Politburo. New York: McGraw-Hill, 1951; *Leites N.* A Study of Bolshevism. Glencoe: The Free Press, 1953; *Leites N. Bernaut E.* Ritual of Liquidation. Glencoe: The Free Press, 1954; *Leites N.* Soviet Style in War. Santa Monica: RAND, 1992 (first edition 1982); *Leites N.* Soviet Style // Management. New York: Crane Russak, 1985.

[144] *Dittmer L.* Political Culture and Political Symbolism: towards a Theoretical Synthesys // World Politics. Vol. 19. October 1976 – July 1977. P. 566.

гии отдельных людей. Он считает, что политическая культура стала законным объектом исследования политологии в качестве явления, посредством которого можно объяснять изменения как в политической структуре, так и в политической психологии, при этом необходимо отличать от них политическую культуру, «фокусируясь на политических символах, которые служат связующим звеном между ними и функционируют с определенной степенью автономии»[145]. Согласно Л. Диттмеру, основными политическими символами являются языковые, но они выходят за рамки языка и включают эмблемы, иконы (например, тотемы, монеты), графические артефакты (статуи, картины) и конкретные явления (Иерусалим или Кремль). Важность языка заключается в том, что, хотя неязыковые символы и не обязательно возникают из языковых, они могут быть в конечном счете сведены к ним. Л. Диттмер пишет: «Системы невербальных символов могут служить знаками, и в больших масштабах, но никогда автономно. Невербальные знаки существуют как системы в той мере, в которой они выражаются посредством языка, передающего их значение (в форме терминов) и указывает на их объект»[146].

Согласно Л. Диттмеру, политический символизм меньше политического языка, так же как и политическая культура меньше политики, он является частью системы политической коммуникации, но аналитически отличен от нее. Его две отличительные характеристики: металингвистическая и коннотационная. Металингвистическая характеристика политических символов заключается в том, что символы одновременно функционируют как часть очевидного «объектного языка» и «метаязыка», «то есть кажется, что они обозначают конкретное эмпирическое событие, но в действительности они указывают на серию знаков, которые в свою очередь указывают на некоторую категорию событий»[147]. Коннотационная характеристика символа выражается в его способности выражать эмоции.

Так же, как и Г. Лассвел, Л. Диттмер, вслед за лингвистами, делит задачу изучения политических символов на прагматику, семантику и синтактику. Если отбросить странную идею Л. Диттмера, согласно которой коммуникация в политике происходит только между «элитами» и «массами», а не между всеми членами общества, что практически сводит на нет его учение, то в целом можно признать его идеи нова-

145 Ibid. P. 567.
146 Ibid.
147 Ibid.

торскими. Его трактовка политической прагматики, задач семантики как изучения металингвистического или концептуального значения политических символов, а также синтактики как изучения внутренних взаимосвязей элементов этого метаязыка внесли значительный вклад в подходы к политической культуре и потребовали новой, качественно-интерпретаторской методологии исследования. Стало ясно, что изучаться должны не отдельные элементы на уровне обыденного значения (чего можно достигнуть методами опроса), но весь «политический метаязык» как целостная система. Л. Диттмер отмечает: «Вероятно, понимание политической культуры довольно похоже на изучение языка: до того как станет более или менее понятной частота использования словарных значений, необходимо уяснить грамматическую структуру, на которой она основана... Хотя измерение сравнительного усвоения культуры путем опросов выборки индивидов, где это возможно, безусловно, полезно, политическая культура должна концептуализироваться как интеграционная переменная, свойства которой выходят за рамки суммы систем убеждений и ценностей ее членов»[148].

Справедливости ради нужно отметить, что многие темы, развиваемые Л. Диттмером, существовали в теории политической культуры и до него. Как мы видели, уже Г. Алмонд и С. Верба рассматривали политическую культуру именно как относительно независимую категорию, являющуюся медиатором между политической структурой и политической психологией. Сам Л. Диттмер приводит высказывание Л. Пая, свидетельствующее о том, что Л. Пай рассматривал политическую культуру как нечто, не совпадающее с суммой механической суммой политических ориентаций членов группы. Л. Паю писал: «Ситуация аналогична нашей способности сказать “что-нибудь” про то, как будет выглядеть здание, исходя из знания о том, как выглядят его элементы. Но чтобы действительно обрисовать здание, мы должны еще знать чертежи и общий проект»[149].

Подчеркивание неразрывного сосуществования когнитивных и чувственных элементов в политической культуре также можно найти уже у Г. Алмонда и С. Вербы, которые выражали эту идею в парсонианских терминах. Таким образом, понимание политической культуры как независимой категории, отличной от суммы индивиду-

[148] *Dittmer L.* Political Culture and Political Symbolism: towards a Theoretical Synthesys // World Politics. Vol. 19. October 1976 – July 1977. P. 555.

[149] *Pye L.* Culture and Political Science: Problems in the Evaluation of the Concept of Political Culture. As quoted in: *Dittmer L.* Op. cit. P. 555.

альных политических ориентаций, не обязательно облекать в семиотическую терминологию.

Однако в рамках семиотического подхода к политической культуре были наиболее четко сформулированы такие ее характеристики, как системный характер и наличие значения, не совпадающего с буквальным, то есть то, что было названо «метаязыком». Основываясь на учете этих характеристик, можно определить политическую культуру как «систему политических убеждений», состоящую как из языковых, так и неязыковых политических символов, передающихся из поколения к поколению негенетическим путем. Эта система состоит из убеждений индивидуальных членов группы, но не представляет собой их механической суммы, а является аналитической конструкцией, в которой отдельные индивидуальные убеждения связаны между собой сетью как логических, так и нелогических (например, чувственных) связей. Политическая культура в конечном счете определяет политическую реальность. Политическая культура неразрывно связана с общей культурой и, хотя и может быть выделена в аналитических целях как отдельный предмет изучения, в то же время не может изучаться в отрыве от некоторых неполитических убеждений (например, моральных), которые непосредственно определяют политические. Каждый член общества выбирает из общей политической культуры какую-то сумму политических взглядов, которые также соединены в его сознании в уникальную систему. В этом плане можно говорить об индивидуальной политической культуре (системе убеждений).

Это определение политической культуры в наибольшей степени выражает некоторые ее свойства. В то же время при его применении на практике для изучения конкретных политических культур возникает несколько опасностей. Одна из них связана с доведением идеи отличности системы политических убеждений от механической суммы индивидуальных убеждений до приписывания этой системе реального существования, отдельного от индивидуальных сознаний, то есть восприятия ее не как идеального типа или аналитической модели, но как реально существующей сущности. На практике это ведет к рассмотренному выше «структуралистскому» субъективизму. К такому же субъективизму ведет и понимание политической культуры как некоей мистической сущности, неподвластной логическому анализу и не выражающейся ни в словах, ни в документах, которую можно понять лишь глубоким интуитивным проникновением. Такой подход демонстрирует, например, Э. Кинан, в известной статье

которого «Политические обычаи Московии» политическая культура Руси анализируется без единой ссылки на источники и практически без привязки ко времени, конкретным лицам и событиям, так как, по мнению автора, ее суть состояла в «негласности», а носители специально скрывали ее сущность от посторонних наблюдателей[150].

Чтобы избежать субъективизма в изучении политической культуры, представляется необходимым придерживаться нескольких дополнительных принципов, которые излагаются ниже.

1. Принцип различия культур

Г. Алмонд и С. Верба ввели термин «политическая культура» именно для того, чтобы, основываясь на антропологических теориях, подчеркнуть наличие культурных различий между народами. Однако, как мы видели, под влиянием этого стремления в рамках концепции «политической культуры» вступила в противоречие с «западноцентристской» задачей политологии по созданию научной теории демократии. Культурные различия рассматривались как различия в уровне прогресса на пути к демократии, политические культуры выстраивались по шкале в зависимости от их близости к политическому идеалу исследователя, принадлежавшего к западной «гражданской культуры». Практически сторонники теории политической культуры придерживались теории, сходной с существовавшей в начале века в антропологии концепции «примитивного мышления», в рамках которой «способы мышления» подразделялись по близости к современному западному. Эта концепция подверглась критике еще Э. Дюркгейма, а затем от нее решительно отказалась сама антропология. Таким образом, несмотря на влияние антропологических учений на теорию «политической культуры», политические культурологи не усвоили одно из основных положений антропологии: из культурной обусловленности представлений вытекает и культурная обусловленность самих методов изучения общества и подхода к нему. В одну теоретическую схему не могут быть вписаны все культуры, так как сама теория является порождением одной из них. Хорошо написала об этом Р. Бенедикт, особенно ярко доказывавшая необходимость признания культурных различий: «Западная цивилизация из-за случайных исторических обстоятельств распространилась более широко, чем любая другая известная до сих пор локальная группа. Она

[150] *E. Keenan*. Muscovite Political Folkways // The Russian Review, Vol. 45. 1986. P.115–181.

распространила себя в качестве стандарта по всему земному шару, и мы, таким образом, были подведены к принятию убеждения о единообразии человеческого поведения, убеждения, которое при других обстоятельствах не возникло бы... Психологические обстоятельства этого распространения белой культуры не идут ни в какое сравнение с материалистическими. Распространение культуры во всемирном масштабе защитило нас как никогда ранее в истории от необходимости серьезно воспринимать цивилизации других народов, оно дало нашей культуре грандиозную универсальность, которую мы давно перестали объяснять исторически и которую мы, вместо этого, рассматриваем как необходимую и неизбежную... Мы защищаем именно неизбежность каждой знакомой мотивировки, пытаясь во всех случаях отождествлять наш локальный способ поведения с Поведением, а наши социализированные привычки с Человеческой Природой» [151].

Отрицая стремление ранних антропологов выстроить культуры различных народов в исторической последовательности, Р. Бенедикт указывает: так как «мы пришли к убеждению, что человеческая раса – это один вид, из этого следует, что повсюду история человека одинаково длинна»[152]. Сравнивая культурные различия с языковыми, где каждый народ выбирает свою систему звуков из тех, на что способна человеческая природа, то есть которые можно произнести с помощью голосовых связок и носовой полости, Р. Бенедикт указывает на относительность всех культурных ориентаций: «В культуре также мы должны представить огромный свод, на котором расположены возможные интересы, обусловленные либо человеческим возрастным циклом, либо окружающей средой, либо различными видами человеческой деятельности. Культура, освоившая даже значительную часть этих возможностей, будет такой же непонятной, как язык, в котором используются все щелканья, все гортанные смычки, все лабиальные, дентальные, свистящие и гуттуральные звуки от глухих до звонких и от ротовых до назальных. Его идентификация в качестве культуры зависит от выбора некоторых сегментов этого свода. Каждое человеческое общество когда-то совершило такой отбор своих культурных институтов. Каждая культура с точки зрения других игнорирует фундаментальное и разрабатывает несущественное. Одна культура с трудом постигает ценность денег, для другой они основа каждодневного поведения. В одном обществе технология невероятно слаба

[151] *Benedict R.* Patterns of Culture. P. 5–7, 18.
[152] Ibid. P. 18.

даже в жизненно важных сферах, в другом, столь же "примитивном", технологические достижения сложны и тонко рассчитаны на конкретные ситуации. Одно строит огромную культурную суперструктуру юности, другое – смерти, третье – загробной жизни»[153].

Сравнение культуры с языком важно и в смысле роли, которая она играет в образовании мировосприятия различными народами и социальными группами. Согласно Б.А. Успенскому, культура как «язык», с одной стороны, объединяет данный социум, обусловливая более или менее одинаковую реакцию его членов на происходящие события, а с другой – определенным образом организует поступающую информацию, обусловливая отбор значимых фактов и установление той или иной связи между ними. В результате все новое, с чем сталкивается социум, интерпретируется в соответствии с существующими культурными шаблонами, больше того, какая-то информация, важная для одной культуры, может быть вообще «не замечена» другой: «то, что не описывается на этом "языке" как бы вообще не воспринимается общественным адресатом, выпадает из его поля зрения»[154]. Таким образом, культурные различия обусловливаются самим «избирательным» характером языка культуры.

Б.А. Успенский отмечает: «Одни и те же объективные факты, составляющие реальный событийный текст, могут по-разному интерпретироваться на разных "языках" – на языке соответствующего социума и на каком-либо другом языке, относящемуся к иному пространству и времени (это может быть обусловлено, например, различным членением событий, т.е. неодинаковой сегментацией текста, а также различием в установлении причинно-следственных отношений между вычленяемыми сегментами). В частности, то, что значимо с точки зрения данной эпохи и данного культурного ареала, может вообще не иметь значения в системе представления иного культурно-исторического ареала, – и наоборот. При этом необходимо иметь в виду, что именно система представлений того социума, который выступает в качестве общественного адресата, определяет непосредственный механизм развертывания событий, т.е. исторического процесса как такового»[155].

Таким образом, важнейшей задачей общественных наук, стремящихся объяснить ход событий, становится изучение этой системы

[153] Ibid. P. 24.
[154] *Успенский Б.А.* История и семиотика. С. 10.
[155] Там же. С. 10–11.

представлений. Различие культур вовсе не означает невозможности понимание одних культур представителями других: несмотря на наличие самых разных языков, люди учат другие языки и общаются друг с другом. Таким же образом можно «выучить» другую культуру или политическую культуру. Но изучение это возможно только в форме «диалога культур» (выражение М.М. Бахтина), в форме перевода языка изучаемой культуры на язык культуры исследователя. В изучении другой культуры не может быть «объективных» критериев, так как эти критерии так же культурно обусловлены, как и объект изучения. Навязывание одинаковых критериев всем культурам, как мы видели выше, – одна из основных причин их неадекватных интерпретаций.

Таким образом, можно говорить не о «всеобщих законах», действующих для всех культур, а о способе восприятия одной культурой другой. То же касается и политической культуры. Изучение политической культуры должно перейти от попыток выстроить иерархию культур по отношению к «высшей» культуре к рассмотрению того, как «политическая система» одной культуры воспринимается другой. Представления одной культуры о «политических системах» других культур является важнейшим двигателем развития данной политической культуры, так же как и взаимодействие культур в целом является двигателем культурных изменений. Не случайно более изолированные культуры имеют тенденцию быть и менее изменчивыми, в том числе в политическом плане. В связи с этим восприятие других политических культур в рамках изучаемой политической культуры является важнейшей составной частью области, политологии, занимающейся исследованием политической культуры в целом.

2. Различие культур во времени, или эволюция культур

Культуры различаются во времени так же, как они различаются в пространстве. Тот факт, что мы живем на той же земле, что и наши предки, еще не является доказательством того, что мы похожи на них, думаем так же, как они. Более того, в связи с широким взаимодействием культур взгляды на мир в современной России могут оказаться гораздо ближе к убеждениям современных американцев, чем жителей Московского княжества времен Ивана III. Однако психологически признать временные различия, которые внешне менее очевидны, труднее: мы готовы видеть, что древний русский, например, одевался иначе, но как же он, русский, живущий на той же земле, что и мы, мог думать иначе? Между тем очевидно, что если материальная культура общества является отражением общественных убеждений,

то материальные различия должны свидетельствовать и о различиях в системах убеждений.

Антропологи давно заметили, что между различиями культур в пространстве и времени нет принципиальной разницы, так как язык культуры меняется во времени. Согласно Р. Бенедикт, «в действительности тот факт, что культурные различия лучше всего обсуждать, исходя из того, как они существуют в пространстве, придает видимость беззаботности. Но только ограниченность исторического материала не дает возможности вместо этого использовать примеры из культур, сменяющих друг друга во времени. А если бы мы это сделали, мы не смогли бы не заметить этой смены, а оглядываясь на одно поколение назад, мы понимаем всю степень произошедших перемен, порой даже в самых сокровенных областях нашего поведения»[156].

Признав различие культур во времени, мы можем перенести на восприятие истории те же принципы, которые характерны для восприятия другой культуры представителем одной из современных культур, то есть учесть культурную обусловленность подхода исследователя к исторической реальности. Английский историк Р. Коллингвуд, анализируя взгляды философа М. Оукшотта, писал: «Историческое прошлое – мир идей, созданный свидетельствами прошлого, существующими в настоящем. В историческом выводе мы не переходим от нашего современного мира к миру прошлого; любое движение в опыте всегда оказывается движением в границах современного мира идей»[157].

Это означает, что реальность прошлого воспринимается в рамках конкретной современной культуры, так же как и реальность другой культуры в рамках существующего языка, причем факты отбираются в качестве значимых в соответствии с требованиями этого языка, то есть «с точки зрения *настоящего* производится отбор и осмысление прошлых событий – постольку, поскольку память о них сохраняется в коллективном сознании»[158]. Так как ныне существующая система убеждений социума в свою очередь постоянно изменяется, это приводит к постоянным изменениям в восприятии прошлого, то есть прошлое переосмысляется с точки зрения настоящего. «История в этом смысле – игра настоящего и прошлого», – пишет Б.А. Успенский[159].

Для изучения политической культуры, таким образом, не имеет значения, существует ли «настоящая» история или исторические

---

156 *Benedict R.* Patterns of Culture. P. 10.

157 *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. С. 148.

158 *Успенский Б.А.* История и семиотика. С. 14.

159 Там же. С. 15.

факты зависят от современной позиции ученого, как об этом пишет Р. Коллингвуд. Вторая позиция представляется более убедительной, хотя, конечно, это не означает, что историк способен смотреть на историю более объективно, чем общественное сознание. В любом случае изучение влияния истории на общество никак не связано с вопросом, какой была история «на самом деле». Если рассмотреть механизм влияния истории на современность, механизм создания традиции, окажется, что история влияет на современность не как абстракция, а через передаваемые из поколения в поколение убеждения об историческом опыте. Рассмотрение прошлого и настоящего как взаимосвязанных абстракций ведет к двум возможным и одинаково недоказуемым предположениям: «ошибки презумпции преемственности» и противоположной ей «презумпции непреемственности». Как верно отмечает А. Даллин, сколько бы исследователь ни указывал на похожесть тех или иных событий истории на современные, «у нас просто нет техники, чтобы проверить, являются ли событие E' и более позднее событие E'' последовательным выражением одного феномена (или продукты одной мотивации), или они автономны»[160]. И спор между сторонниками и противниками «преемственности», тем более подпитываемый политическими целями, может продолжаться бесконечно. У нас есть, однако, другая возможность: установить, как живет прошлое в настоящем, как отдельные символы прошлого (отдельные деятели, их политика, события и т.п.) понимаются в метаязыке политической культуры настоящего, и таким образом выяснить, какую роль они играют в общей системе убеждений политической культуры современности. Наконец, можно проследить эволюцию этого отношения на протяжении веков, что, по сути дела, будет исследованием истории политической культуры или ее частей[161].

Таким образом, интерпретация исторических символов в рамках современной системы убеждений или анализ убеждений об истории наряду с анализом убеждений о других культурах (или о внешнем по отношению к данному социуму, мире) становится важнейшей составной частью изучения политической культуры.

3. Политическая культура и политическая структура

[160] *Dallin A.* Uses and Abuses of Russian History. P. 133.

[161] Хорошие примеры таких исследований: *Riasanovsky N.V.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New York and Oxford: Oxford University Press, 1985.

Если история и внешние культуры влияют на данное общества через представления о них, то это также верно и для так называемой «политической структуры». Для исследования политической культуры не имеет значения, считаете ли вы, что политическая структура существует где-то сама по себе, или, опираясь на теорию Э. Дюркгейма о «социальном факте», заявляете, что нет «ничего политического без сознания»[162]. В любом случае влияние политической структуры на политическую культуру происходит не механически, как, например, влияние Луны на Землю. Политическая структура или абстрактная сумма политических институтов состоит из конкретных людей, политическая культура – абстракция, состоящая из убеждений тех же людей. В реальности не институт влияет на убеждение, а человек на человека, то есть убеждения на убеждения, так как система убеждений есть язык общения между людьми. Так же как нет механизма установить влияние истории на современность, нет и механизма выявления влияния абстракции «структуры» на абстракцию «культуры», то есть установить, является ли убеждение А следствием ситуации Х или ситуация Х возникла под воздействием убеждения А. Спор этот также может вестись бесконечно. Однако, поскольку абстрактные институты существуют в человеческом воображении, их влияние на это воображение можно проследить. Для этого необходимо изучить не институт сам по себе, а его отображение в рамках данной системы убеждений. История влияния «структуры» на «культуру» будет в этом случае историей эволюции этого отображения. Таким образом, мы определили еще одну важнейшую составную часть политической культуры: убеждения об институтах власти, о политической и общественной структуре общества.

4. Будущее воображаемое и реальное

Р. Даль написал как-то: «Насколько мне известно, ни один вдумчивый человек не отрицает значение убеждений для действия. Убеждения направляют действия не только потому, что они влияют на более отдаленные цели и ценности человека или воплощают их (например, религиозное спасение, обеспеченность в старости или независимость страны), но потому, что убеждения формируют наши представления о реальности, о характере прошлого и настоящего, наши ожидания относительно будущего, наше понимание, как и почему происходит действие, короче, наше “знание”... Представляется также очевидным, что убеждения индивидов влияют на коллектив-

[162] *Денкэн Ж.-М.* Политическая наука. М.: Изд-во МНЭПУ, 1993. С. 31.

ные действия и, следовательно, на структуру и функционирования институтов и систем»[163].

Постольку поскольку индивидуальные убеждения составляют политическую культуру общества, последняя влияет на происходящие события, то есть определяет будущее. Как видно из нашего анализа, к убеждениям, определяющим будущее, относятся представления о собственном прошлом, настоящем, а также о внешнем по отношению к данной культуре мире. На основании этих знаний и убеждений общество «строит программу будущего, планирует свое дальнейшее поведение»[164]. Таким образом, четвертый важнейший компонент политической культуры представляет собой убеждения общества о собственном будущем, о желательных целях и о том, чего необходимо избегать.

Отдельным является вопрос о том, настолько политическая культура определяет реальное будущее. Р. Даль считал конкретный механизм влияния убеждений на действия малоизученным[165]. Н. Лейтес, посвятивший несколько книг изучению «операционных кодов», то есть фактически систем убеждений различных социальных групп, в предисловии к своей книге «Изучение большевизма» был еще более скромен: «Совершенно ясно, хотя полного доказательства этому нет, что большевистская доктрина политической стратегии в значительной степени влияет на решения большевиков. Я считаю, что это можно продемонстрировать на истории большевистской политики, написанной, имея в виду операционный код, который я попытаюсь сконструировать... В то же время большевистский код, представленный ниже, конечно, весьма далек от того, чтобы дать достаточные основания для предсказания поведения Политбюро в каждой данной ситуации. Нельзя предсказать счет матча на основании правил, как и нельзя сделать этого, не зная правил, а в политической игре каждый игрок (который, конечно, создает собственные правила) может нарушить правила, причем игра из-за этого не закончится»[166].

В то же время знание правил дает возможность ввести предсказание в определенные рамки, заметно сужает количество возможных вариантов поведения политика до приемлемых в рамках данной системы убеждений, и «нарушение правил» здесь также возможно в определенных рамках, полностью выйти за рамки собственной

[163] *Dahl R.* Poliarchy. P. 125–126.
[164] *Успенский Б.А.* История и семиотика. С. 15.
[165] *Dahl R.* Poliarchy. P. 125–126.
[166] Ibid. P. 16–17.

культуры вряд ли возможно. С другой стороны, как мы видели из примера Р. Даля с бейсболом, без знания правил, без понимания значения, которое вкладывают в свои действия сами действующие лица, никакой их анализ, в том числе и в политике, вообще невозможен, так как, если оценивать их с точки зрения собственной системы убеждений, можно просто не понять, что происходит.

Рассмотрим это на примере, приведенном Р. Такером: «Мы часто оказываемся в обстоятельствах, когда требуется подумать перед тем, как действовать. Вот, обычный пример: за рулем автомобиля мы приближаемся к светофору, который мигает от зеленого к желтому перед перекрестком. Нажать ли на газ, чтобы проскочить, пока не зажегся красный или затормозить и остановиться? Наш выбор будет частично зависеть от наших водительских привычек (нашей личной культурой водителя) и частично от того, как мы воспринимаем обстоятельства и оцениваем их значение по отношению к нашим целям и проблемам. Мы опаздываем на важную встречу и потому очень спешим? Если да, то мы можем нажать на газ на желтом, чтобы сэкономить время. Несется ли сзади грузовик, который, вероятно, не сможет затормозить так быстро, как наш маленький автомобиль? Тогда мы можем заключить, что быстрая остановка может быть опасной, и решить увеличить скорость. Но что, если мы не увидим грузовик в наше зеркало заднего вида? В этом случае мы можем решить, особенно если наша культура водителя диктует это, остановиться в соответствии с правилами. В общем, наши действия будут зависеть от восприятия обстоятельств и нашей оценки их значения для нас. Это можно описать как наш диагноз или определение ситуации – “проблемы-ситуации”, как мы можем ее назвать... Политические проблемы-ситуации возникают, когда обстоятельства приобретают значение по отношению к целям и проблемам политического сообщества. Что к ним относится? На практике это цели и проблемы сообщества *как они понимаются кем-то*. То, как любой член или лидер сообщества понимает их, почти всегда будет зависеть от его принадлежности к той или иной группе»[167].

Если разобрать пример Р. Такера, то окажется, что все индивидуальные соображения, которые, с его точки зрения, сыграли роль в принятии решения, по сути, также культурно, то есть общественно, обусловлены: боязнь опоздать на собрание в разных обществах может быть больше или меньше риска проехать на красный свет. От грузовика сзади в разных культурах могут ожидать разного. Даже само от-

[167] *Tucker R.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia. P. 12–13.

ношение к смерти различно: в одной культуре на нее идут спокойно и даже с желанием, в других она считается катастрофой. Таким образом, действия, зависящие от человека, и его реакция определяются его убеждениями, в принципе, с определенной степенью вероятности и могут быть предсказаны. Другое дело, что знание убеждений человека не помогут нам предсказать будущие события, не зависящие от него, но его реакцию на них предсказать можно.

В случае «политической проблемы-ситуации» дело усложняет то, что мы имеем дело с «политическим сообществом», то есть с множеством людей. Вопрос здесь будет в том, насколько адекватно мы реконструировали систему убеждений этого сообщества. Полный успех здесь невозможен. Например, зная настроения всех избирателей до единого за секунду до выборов, можно предсказать результаты голосования. Но в реальности опрос показывает лишь некоторые общие тенденции на основе выборки, к тому же за определенный срок до выборов. Любое описание политической культуры – это лишь модель системы убеждений большинства, убеждения конкретного человека могут относиться к «субкультуре», вообще быть исключением. И все же в общих чертах общественную реакцию предсказать можно, и это постоянно делают политики. Например, если восточноевропейские страны будут приняты в НАТО, реакцию различных кругов в России вполне можно предсказать.

Таким образом, чем лучше и точнее будут наши знания о политической культуре данного политического сообщества, о субкультурах и даже индивидуальных особенностях убеждений членов, постольку наши предсказания будут более верными. Постольку поскольку достижение полного понимания здесь невозможно, политическое будущее всегда будет удивлять нас неожиданностями и заставлять перепроверять наши выводы.

5. Общественное – это индивидуальное, индивидуальное – это общественное

Мы выделили четыре основные составные части политической культуры: убеждения о прошлом, настоящем и будущем собственного политического сообщества и убеждения о других сообществах. Однако политическая культура сообщества или социальной группы – абстрактная модель. Будучи политическим языком сообщества, она, как и язык, существует лишь в сознании носителей, хотя ни один отдельный носитель не заключает всю ее в себе. Следовательно, несмотря на то что политическая культура группы не совпадает с механи-

ческой суммой политических убеждений отдельных членов группы, она может быть реконструирована только путем изучения этих последних.

Эту возможность дает нам то, что индивидуальные убеждения являются общественно обусловленными. На это свойство индивидуальных убеждений обращали внимание многие социологи, начиная с основания социологии как науки. Если Э. Дюркгейм, например, создавший теорию социально обусловленных «коллективных представлений», отделял от них «индивидуальные представления», то позднейшие социологи, например представители «социологии знания», обнаруживали социальную природу всех идей без исключения. Основатель «социологии знания» К. Маннгейм писал: «Подобно тому, как нельзя понять природу языка, выводя ее из наблюдения над отдельным индивидом, который ведь говорит не на своем собственном языке, а на языке своих современников и предков, проложивших для него путь, так нельзя правильно определить во всей ее полноте и какую-либо точку зрения, основываясь только на том, как она сформировалась в интеллекте отдельного человека. Лишь в весьма ограниченном смысле индивид сам создает тип языка и мышления, который мы связываем с ним. Он говорит языком своей группы, мыслит в формах мышления своей группы. В его распоряжении оказываются лишь определенные слова и их значения. Они не только в большой степени определяют его подход к окружающему миру, но одновременно показывают, под каким углом зрения и в какой сфере деятельности предметы до сих пор были доступны восприятию и использованию их группой или индивидом»[168].

В отличие от К. Маннгейма, стремившегося найти основу общественного сознания в абстрактных «объективных» общественных процессах, другой австрийский социолог А. Шюц видел причины его возникновения в самой природе познания человеком окружающего мира. Процесс такого познания А. Шюц назвал «типификацией», то есть отождествлением нового предмета с уже существующим в обществе представлением и типом, к которому данный предмет относится. Сама по себе идея принятия индивидуумом как само собой разумеющихся общественно согласованных значений близка антропологическим теориям культуры, маннгеймовским понятиям «стиля» или «типа» мышления и т.п. Однако отличие феноменологического подхода А. Шюца заключается в том, что он отказывается от противо-

[168] *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 8.

поставления «объективных» общественных культурных явлений и субъективных индивидуальных «убеждений», причем не утверждая первичность первых или последних, а указывая на относительность существования «объективного» и «психологического», являющихся абстрактными моделями (идеальными типами) двух сторон одного процесса. А. Шюц писал: «То, что мы называем миром объективных значений,... создается в социальной сфере путем абстрагирования от образующих сознание процессов наделения значением, будь то собственное сознание человека или сознание другого. Результатом этого является анонимный характер предицируемого сознанию значения-содержания, а также его инвариантность в отношении любого сознания, которое придало значение посредством собственной интенциональности. В отличие от этого, когда мы говорим о субъективном значении в социальном мире, мы имеем в виду формирующий процесс в сознании индивида, создавшего нечто объективно значимое. Поэтому мир субъективных значений никогда не бывает анонимным...»[169]

С. Уэлш, впервые обративший внимание на важность феноменологической социологии А. Шюца для теории политической культуры, следующим образом обосновывает это: «Для феноменологии "субъективность" подразумевает осознание непрерывного процесса, в котором объекты и действия приобретают значения. Феноменология настаивает на том, что, когда субъективное конструируется как объективное социальными действующими лицами, усиливая социальное взаимодействие, эта интерпретация является временной. Для социальных действующих лиц объективное является "данностью" (это значение имеет "объективное" в феноменологии), но для аналитиков такое его восприятие грозит рядом потенциальных ошибок»[170].

С. Уэлш перечисляет эти ошибки, которые фактически совпадают с теми, о которых говорилось выше: «идея культурного отставания», теория модернизации, в которой политическая культура является и аспектом, и контекстом, неспособность смириться с тем, то он называет «мультивалентностью истории», и т.д. Чтобы избежать этих ошибок, С. Уэлш предлагает, основываясь на феноменологической теории, заменить изучение политической культуры как статичной «объективно данной» реальности «детальным исследованием процесса конструкции

[169] *Schutz A.* The Phenomenology of the Social World. Evanston. Northwestern University Press, 1967. P. 37.

[170] *Welch S.* The Concept of Political Culture. P. 116.

значения». А мы бы добавили, что, как вытекает из теории А. Шюца, этот процесс должен изучаться как происходящий в индивидуальных сознаниях членов общества, которые, взаимодействуя друг с другом, создают и постоянно изменяют абстрактное общественное.

Идея изменяемости вовсе не чужда по крайней мере некоторым теоретикам культуры и политической культуры, хотя многие авторы и подчеркивают, возможно чрезмерно, ее устойчивость к изменениям. Согласно, например, М. Томпсону, Р. Эллису и А. Вильдавски: «Политическая культура передается от поколения к поколению, но она не передается в неизменном виде, не передается она и не подвергаясь сомнению или случайно. Передача культуры вовсе не игра "передай посылку" или "музыкальные стулья". Это живая и гибкая вещь, которая является постоянным предметом договоренности между индивидами. Правдоподобная теория политической культуры не должна превращать индивида в автомат, который пассивно получает и интернационализирует политические нормы»[171].

Для семиотика культуры общественные представления, так же как и для А. Шюца, были не «данностью», а постоянно изменяющимся феноменом. Б.А. Успенский, например, вполне согласен с тем, что с течением времени «язык» данного общества меняется, однако это не исключает «возможности выделения синхронных срезов, допускающих описание его именно как действующего механизма» (в качестве аналогии Б.А. Успенский приводит действующие языки, для изучения которых не обязательно знать их историю). Таким образом, мы получаем два способа изучения политической культуры: построение модели среза ныне действующего «языка» и, если есть возможность создать несколько таких последовательных срезов, воссоздание истории его развития, а также изучение его генезиса, происходящего в индивидуальном сознании, на основе изучения приобретения и развития индивидуальных политических убеждений.

6. Время и социальные группы изучения

Понимание политической культуры как постоянно развивающегося и изменяющегося явления делает особенно важным изучение ее в периоды наиболее интенсивного взаимодействия различных культур, в тот период, когда из соприкосновения двух «языков» рождается новый язык, по выражению Б.А. Успенского, «конфликтные,

[171] *Thompson M., Ellis R., Wildavsky A.* Cultural Theory. Boulder, San Francisco & Oxford. Westview Press. P. 218.

контраверсные ситуации, обусловленные столкновением разных языков по отношению к одной и той же действительности...»[172]. Эти ситуации могут характеризоваться либо проникновением в политическую культуру терминологии и положений какой-нибудь новой научной теории, которые в общественных преставлениях начинают жить своей жизнью (например, марксизм или фрейдизм)[173], либо проникновением идей одной культуры в другую, ранее относительно закрытую культуру (например, западных идей в Россию в эпоху Петра I или в Китай во второй половине XIX в.). В результате рождается новый язык, который во многом определяет дальнейшие политические события: достаточно вспомнить русский марксизм, рожденный в результате сплетения традиционных и «западных» идей, славянофилов и западников, или движение тайпинов в Китае, лидер которого провозгласил себя братом Иисуса Христа.

Подобные движения, вызванные к жизни взаимодействием культур и состоящие из, если так можно выразиться, «активистов культурного синтеза», также особенно интересны для изучения. Р. Даль указывал на особый интерес политологии к изучению убеждений политических активистов, так как «они с большей вероятностью, чем другие люди: 1) имеют сравнительно разработанные системы политических убеждений; 2) руководствоваться в своих действиях своими политическими убеждениями; 3) и иметь больше влияния на политические события, включая события, которые воздействуют на стабильность и трансформацию режимов»[174].

Мы добавили бы к этому, что те активисты, взгляды которых рождаются в результате взаимодействия различных политических культур, образуют особую субкультуру, своеобразный полигон взглядов, в дальнейшем распространяющихся в обществе в целом, возможно также в измененном виде. Последнее время многие исследователи подчеркивают важность изучения политических субкультур, так как «для каждой нации характерно разнообразие жизненных укладов»[175]. Изучение тех политических субкультур, в которых происходит процесс рождения взглядов и ценностей, новых элементов политической культуры в этом смысле представляет особенную важность.

---

[172] *Успенский Б.А.* История и семиотика. С. 51.

[173] См., например: *Moscovici S.* La Psychanalise: son image et son public. Paris: Pressess Universitaires de France, 1961.

[174] *Dahl R.* Poliarchy. P. 128.

[175] *Thompson M., Ellis R., Wildavsky A.* Cultural Theory. P. 220.

Раздел 2
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ВЫСТУПЛЕНИЯ В СМИ

Перспективы российского режима в международном контексте[1]

В своей недавней статье, озаглавленной «Мне не трет шею эта власть», Л.А. Радзиховский вывел примечательную формулу жизни в современной России, которая сводится примерно к следующему: власть тебя не трогает и дает делать, что ты хочешь, а ты делаешь, что хочешь, и не чувствуешь с ней особой связи ни в смысле поддержки, ни в смысле постоянной борьбы с ней[2]. Эта формула хорошо вписывается в классическое определение авторитарного режима, который, согласно Х. Линцу, является политической системой «с ограниченным, неответственным политическим плюрализмом, без разработанной и руководящей идеологии, но с четко выраженной ментальностью, без экстенсивной или интенсивной политической мобилизации, за исключением отдельных моментов ее развития, в которой лидер или, в некоторых случаях, небольшая группа лиц осуществляет власть в формально плохо определенных, но в то же время довольно предсказуемых рамках»[3].

Под эту характеристику подходит значительное большинство режимов современного мира, в том числе и российского. Явно не сочетается с ней политическая система СССР, в которой господствующая идеология вторгалась во все сферы жизни: в политику, экономику, культуру и даже личную жизнь, – практически не оставляя места плюрализму. А в периоды террора государство решало даже, кому жить, а кому умереть: жизнь у человека могли отобрать, независимо

[1] Написано в 2016 г.

[2] *Радзиховский Л.* Мне не трет шею эта власть. Режим доступа: http://um.plus/2016/04/22/mne-ne-trot-sheyu-eta-vlast/.

[3] *Linz J.L.* An Authoritarian regime: Spain. // E. Allard, S. Rokkan (eds.). Mass politics Studies in Political Sociology. NY: Free Press, 1964. P. 255.

от его поведения, никакие правила не работали. Все это создавало невыносимые условия и в чисто физическом, и в материальном, и в духовном (по крайней мере, для тех, кто этой стороной жизни дорожил) плане.

Существование в СССР естественным образом приводило к мысли о том, что только уничтожение этой системы, обычно называемой тоталитарной, может восстановить нормальную жизнь. Поэтому настроение, описанное Л.А. Радзиховским, в таком государстве вряд ли могло существовать. При тоталитаризме нельзя жить без политики, потому что власть сама все превращает в политику.

При авторитарном режиме значительное большинство людей, интересующихся либо просто материальной, либо профессиональной стороной жизни, получают возможность жить нормально. Проблемы возникают только у профессиональных политиков и борцов за справедливость. Даже журналист, пусть и оппозиционный или не особо жалующий режим, в принципе, может найти себе нишу для существования. Но авторитаризм устанавливает и определенные рамки с тем, чтобы не расшатывалась стабильность, понимаемая им как собственная монополия на политическую власть.

Таков был нынешний режим с самого начала его существования. Введение некоторых рамок и правил игры, пусть и не вполне демократичных, воспринималось населением с одобрением и как альтернатива ельцинскому хаосу. В то же время новый лидер не ставил под сомнение наиболее важные для населения достижения ельцинского и горбачевского периодов: отсутствие репрессий, рыночный характер экономики и возможность иметь свой бизнес, открытость границ, уход от идеологического вмешательства в науку и культуру. Одобрение у большинства вызывал и сохранявшийся патерналистский характер так называемого «социального» государства.

Однако в последние годы укрепившийся режим стал постепенно сужать рамки дозволенного. Принимаемые законы и указы – об «экстремистской деятельности», контроле над НКО, о полномочиях полиции и национальной гвардии, регулировании Интернета, контроле за зарубежными счетами граждан и двойном гражданстве, – разгром немногих влиятельных независимых СМИ, а также близкий к принятию пакет поправок к антитеррористическому законодательству указывают на опасную тенденцию: стремление режима ограничить не только деятельность своих явных политических оппонентов, мало интересующих обычных россиян, но и права простых граждан, приобретенные в результате антитоталитарной революции, которые они ценят.

Это право иметь свое дело, право выезжать за границу на отдых – его уже лишено значительное количество госслужащих, право свободно общаться и высказывать личное мнение в социальных сетях, в том числе и критическое. Говоря словами Л.А. Радзиховского, власть начинает все сильнее тереть шею все большему количеству людей. На это наслаивается и растущее недовольство коррупцией и привилегиями высших чиновников, их родственников и друзей, подобное тому, что в свое время привело к краху коммунистического режима.

Эта опасная тенденция объясняется самой сущностью режима, его, используя термин Х. Линца, ментальностью. Пришедшая к власти вместе с В.В. Путиным группа считала, что она спасает Россию от распада и краха. Это видно, например, из знаменитой статьи одного из ее членов, В.В. Черкесова, о «чекистском крюке» (хотя автор и поплатился за слишком откровенное раскрытие этой ментальности)[4]. Идея весьма сомнительная, так как положение при Б.Н. Ельцине отнюдь не было катастрофическим. И хотя проблем было много, любая следующая правящая группа, безусловно, улучшила бы ситуацию, воспользовавшись высокими ценами на энергоносители, причем, возможно, и с меньшими потерями для свободы.

Согласно представлениям власти, спасение – тяжелейшая работа, и те, кто ее делают, достойны несколько большего, чем остальные. На них не должны распространяться общие правила и законы. Поэтому то, что они получают благ больше остальных и иногда даже не вполне законными способами, а также хорошо устраивают детей и родственников – это нормально. С банальной точки зрения «равенства всех перед законом» – это коррупция и непотизм, с точки зрения «касты спасителей России» – небольшая плата за лояльность и адский труд. Законность, с этой точки зрения, интерпретируется, как порядок, устанавливаемый правителями для низов, но не распространяющийся на самих правителей, стоящих выше закона. Такая интерпретация имеет глубокие корни в истории. Еще в Древнем Китае Шан Ян, основатель учения «легизм» (законничество), ставшего затем идеологией объединившего Китай жестокого деспота Цинь Шихуана, говорил: «Мудрый творит законы, а глупый ограничен ими»[5].

Подобная ментальность – черта, характеризующая не только тружеников «чекистского крюка», этих правил придерживаются пред-

[4] *Черкесов В.В.* Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев. Коммерсант. 2007, 9 окт. http://www.kommersant.ru/doc/812840

[5] *Шан Ян*. Книга правителя области Шан. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/San_Jan/text1.phtml.

ставители всех групп, находящихся у власти: и правоохранители, и либералы-экономисты (А.Б. Чубайс, Г.О. Греф и др.), и консерваторы (Д.О. Рогозин). Характерный чекистский прием здесь, скорее, полное отрицание очевидного и упорное отстаивание «легенды»: все по закону, ничего не знаем, дети и жены наши просто очень талантливы, а друзья – выдающиеся предприниматели. Ведь российские чекисты убеждены, что и везде за границей все устроено так же, а красивые разговоры о независимости суда, разделении власти и борьбе с коррупцией – не более, чем такая же «легенда», за которой стоят реальные интересы серьезных людей, которые все контролируют.

Эту советскую «идеологию привилегий» разделяет не только правящая группа, но и большинство населения. Существовала она и в ельцинское время, и в любых группах, в том числе и оппозиционных, представители которых, как только приходили в любой управленческий орган, сразу же прекращали борьбу с привилегиями. То, что проблема власти заключается не в самих особых правах, а в том, что ими пользуются недостойные люди, находящиеся у власти, – глубокое убеждение, свойственное постсоветской политической культуре, которое делает маловероятным смену характера власти даже при изменениях в ее персональном составе. В результате и в 90-х гг., и позднее за фасадом современной конституции, провозглашавшей равенство всех перед законом, скрывалась реальность сословного общества, предполагающего разные права для разных категорий населения.

Можно даже провести примерную границу современного привилегированного сословия. Это уровень министра. Если за коррупционные грехи наказываются некоторые заместители министров и губернаторы, то до сих пор никаких серьезных мер не было принято ни против одного министра путинского времени (если не считать вышедших в открытую оппозицию, типа М.М. Касьянова, да и его, в отличие от рядовых оппозиционеров, особым преследованиям пока не подвергали). В крайнем случае они перемещались с одной должности на другую. Это, с одной стороны, стабилизирует правящую группу, поощряет ее заинтересованность и лояльность, а с другой – делает совершенно невозможной какую-либо борьбу с коррупцией и непотизмом, которая, как считал сингапурский лидер Ли Куан Ю, должна начинаться с самого верха[6].

[6] *Ли Куан Ю.* Глава 12. Борьба с коррупцией // Ли Куан Ю. Сингапурская история. Из «третьего мира» – в первый. М.: МГИМО-Университет, 2010.

Сословность в виде предоставления значительно бóльших прав и привилегий любым руководителям, которые в благодарность должны поддерживать высшее начальство и сдерживать недовольство своих подчиненных, распространена во всех слоях общества. Едва ли в других странах мира можно обнаружить ситуацию, когда главный врач больницы получает в 15 раз больше обычного врача, а директор школы или ректор университета – в 10 раз больше, чем учитель или рядовой преподаватель. И этот разрыв в доходах создается не в частном бизнесе, а в бюджетных организациях, то есть государством.

В реальности после смены лидера эта ментальность привела к серьезному перераспределению собственности – переходу ее от старой элиты к новой без коренного изменения олигархического характера режима: большинство олигархов подчинились новым правилам, отказавшиеся сделать это были разгромлены, на их место пришли другие, связанные с новыми лидерами. Но смысл существования режима начал во многом определяться страхом за приобретенную собственность и власть. Конечно, идею «спасения России» не надо сбрасывать со счетов – возможно, кто-то из лидеров в нее искренне верит. Но эта идея в правящих головах неразрывно связана с идеей стабильности, которая обеспечивает сохранение полученной собственности. Этим и определяется консерватизм экономической и социальной политики: не делать ничего, что могло бы подорвать статус-кво. С одной стороны, не нужно раздражать население излишним «либерализмом», ликвидацией социальных программ, хотя неэффективность экономики этого и требует, так как средства, особенно после падения цен на энергоносители, брать неоткуда. С другой, не стоит предпринимать реформ, которые могут привести к неопределенным последствиям, так как. в принципе, все идет хорошо. Эти интересы и определяют экономическую политику режима, борьба вокруг которой ведется между двумя группами: силовиками, просящими не сильно злить народ либерализмом, и либералами-монетаристами, объясняющими, что надо побольше у народа отобрать, иначе на расходы для привилегированной касты не хватит средств.

С ходом времени и увеличением собственности правящей группы страхи потерять свои позиции усиливаются. Повсюду видятся шпионы и экстремисты, которые тянут свои руки к добру «борцов за Россию» и замышляют, естественно, с помощью внешних врагов, уничтожить стабильность. С ними надо вести непримиримую борьбу. Перефразируя сталинскую теорию, можно сказать, что классовая борьба, по мере укрепления стабильности, парадоксальным образом усиливается.

Исходя из понимания этой структуры правящего класса, понимаешь и его отношение к бизнесу. С мелким и средним бизнесом дело иметь сложно, надо выстраивать умную политику, улучшать инвестиционный климат, что означает ликвидировать контроль. Но контролирующие органы, давно превратившиеся в коммерческие, – основа власти, а ограничивать самих себя не хочется. Гораздо лучше иметь дело с крупным бизнесом – несколькими друзьями-олигархами и госкорпорациями. С них легче и налоги получить, и договориться о «добровольном» спонсировании нужных мероприятий типа олимпиады. И они понимают, что должны платить, потому что сами получили свою собственность не вполне законно, благодаря связям с правящей группой, которая легко может лишить их всего в случае непослушания. Случаи с М.Б. Ходорковским или Б.А. Березовским здесь весьма показательны. С точки зрения правящей группы, собственность была им передана как своим людям для ее использования в интересах страны и этой группы (что в ее глазах одно и то же). Они же решили, что теперь чуть ли не главнее «хозяев» и могут сами ими управлять. Естественно, им надо было показать их место.

И, по логике власти, она права: никакие российские олигархи не предприниматели, а, как говорил Н.В. Гоголь о своем герое Чичикове, приобретатели. В отличие от зарубежных миллионеров, они ничего не создали, но приобрели в управление бывшую государственную собственность, или, говоря языком, более понятным в других кругах, получили часть общака и пошли против «общества». Их, само собой, надо было наказать. Все разговоры же о законности и незаконности действий той и другой стороны – «легенда».

Понятна и внешняя политика. Главное – сохранить стабильность и преумножить власть–собственность. Поэтому внешняя политика реактивна. При прочих равных условиях, как и в случае с экономикой, лучше вообще ничего не делать. Но в этой области Запад развил реальное наступление, подведя свои военные структуры прямо к российской границе и создав таким образом угрозу всем завоеваниям режима. И как ни хотела Москва путем различных маневров пойти на мировую, пришлось отвечать. С этой точки зрения, война в Грузии, захват Крыма и поддержка пророссийских сил в Донбассе вовсе не свидетельствуют, в чем пытаются убедить западные идеологи, о стремлении В.В. Путина восстановить СССР. Это было бы слишком опасно, даже если об этом кто-то и мечтает. Москва отвечает ударом на удар, пытаясь снизить стратегическую угрозу, вызванную попыткой Запада захватить в свою сферу влияния всю Украину,

отогнать врага от своих границ, показать ему, что дальнейшее продвижение обойдется ему дорого. Международное право для Москвы (но в данном случае и для Запада) – только «легенда». В действительности речь идет о геополитическом наступлении Запада, от которого Россия отбивается, как уставший, но расчетливый боксер, короткими встречными ударами стараясь не подпустить соперника на близкое расстояние, не дать ему начать ближний бой.

В описанной системе управления нет ничего особенного, кроме, пожалуй, российских масштабов. Такой тип общества существует в большинстве стран мира за пределами Европы (хотя и в Европе подобные есть). В нем, в отличие от советского, до сих пор можно было жить, не касаясь острых политических проблем. И даже тот факт, что этот вид авторитаризма, в отличие от, скажем, южнокорейского (при Пак Чжон Хи) или тайваньского (при Чан Кайши), не обеспечивает экономического развития, для индивидуального существования мало что значит. На наш век нефти и газа хватит, а кто виноват в застое – М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, В.В. Путин или мы все вместе – вопрос неоднозначный. Да и что в конце концов будет с Россией – тоже неясно, она часто удивляла любых прогнозистов.

Опасность заключается в желании режима, все в большей степени опирающемся на чекистскую группировку, хотя бы частично восстановить элементы тоталитарного контроля. Мы уже близки к восстановлению системы внесудебных репрессий: от запрета на выезд заграницу или закрытия сайтов без судебного постановления вполне можно перейти и к лишению свободы по решению «особого совещания». И опасность здесь даже не в реальном закрытии границ: сегодня это вряд ли возможно, а в том, что ухудшение экономического положения вкупе с ограничением ценимых населением прав может привести к вспышке недовольства, результатом которого могут быть серьезные беспорядки.

Так случалось со многими авторитарными режимами. Хороший пример здесь – судьба киргизского президента К.С. Бакиева, тоже вкладывавшего большие средства в правоохранительные органы и во внутренней политике во многом копировавшего российский опыт. Конечно, психология советских спецслужб тянет к полному тоталитаризму, восстановлению превентивного террора против населения, который может стать гарантией от переворота. Но по этому пути идти пока не решаются, так как он подразумевает полную ликвидацию персональных внешних связей, в том числе отказ от поездок в Лондон к месту нахождения значительной части собственности, да и во-

обще всю систему госкапитализма и частных доходов, ради которых большая часть «рабов нации», собственно, и трудится.

Оппозиция

Оппозиция нынешнему режиму существует в двух ипостасях: изоляционистской и прозападной, – между которыми она пока и балансирует. Идеологическая база изоляционистов примерно понятна. Это противоречивый до курьезности конгломерат дореволюционного черносотенства, с его русским шовинизмом, антисемитизмом, погромами и требованиями неограниченного самодержавия, позднего сталинизма с репрессиями и закрытием границ и извращенно понимаемого православия как религии избранного (естественно, русского) народа и России. Его сторонники и теоретики в той или иной интерпретации есть и в правящей группе (Л.П. Решетников, А.И. Бастрыкин и др.)[7], и среди зарегистрированных политических партий («Родина», КПРФ), и среди реальной, в том числе подпольной, национал-сталинистской оппозиции (направления В.В. Квачкова и так называемой «Армии воли народа»). Украинские события показали, что в обществе идея воссоздания СССР или Великой России под сталинско-православными лозунгами довольно популярна. Они, в частности, широко распространена среди участвующих в военных действиях в Донбассе добровольцев и их сторонников, а в самом Донбассе является фактически официальной идеологией.

Пока сам В.В. Путин, политик гораздо более разумный и осторожный, чем бóльшая часть его окружения, дистанцируется от наиболее радикальных предложений сторонников этой линии в правящей группе и, естественно, решительно борется с ее несанкционированными проявлениями. Однако, в целом, как показано выше, политическая система все более сдвигается именно в эту сторону. Поощрение подобных настроений после начала конфликта на Украине привело к общему росту изоляционизма и национализма, в результате чего в случае более или менее свободных выборов партия, представляющая эту тенденцию, но одновременно не слишком критикующая достаточно популярное руководство В.В. Путина (например, «Родина»), могла бы получить значительное количество голосов. Не нужно за-

[7] См.: Леонид Решетников: «США висят на волоске» // Аргумены и факты. 3 февр. 2016. http://www.aif.ru/politics/world/leonid_reshetnikov_ssha_visyat_na_voloske; *А.И. Бастрыкин*. Пора поставить действенный заслон информационной войне // Комерсант-Власть. 18. апр. 2016. http://www.kommersant.ru/doc/2961578.

бывать, что даже по весьма сомнительным официальным результатам выборов 2003 г. та же «Родина» уже получала более 9% голосов и была фактически распущена испуганной властью, в планы которой антизападная политика, предлагаемая «Родиной», в то время не входила.

Тенденция к репрессивному национализму опасна по целому ряду причин. Рост репрессий и закрытости экономики окончательно уничтожат возможность экономического роста, для которого необходимо международное сотрудничество. Он приведет к параличу или оттоку из страны (кому это удастся) наиболее активной и творческой части населения. Наконец, русско-православный национализм не только не укрепит стабильность, но и взорвет Россию как многонациональное и многоконфессиональное государство, серьезно осложнит отношения не только с Западом, но и с исламским миром.

Но и другая, прозападная альтернатива не менее опасна. Западники имеют сторонников как в руководстве, так и в обществе. В руководстве это так называемый экономический блок, состоящий из последователей монетаристского курса Гайдара–Чубайса. Эта группа состоит из «адвокатов» интересов связанного с Западом в основном коррупционного бизнеса, представителей коррупционных кругов чиновничества, хранящих нелегальные доходы в европейской недвижимости и западных банках, и фанатично убежденных экономистов-монетаристов (в реальной жизни это часто одни и те же люди). В обществе это бизнесмены того же типа, а также воспитанные на западных СМИ и унаследовавшие недоверие ко всякой собственной власти представители интеллигенции и сохранившаяся часть правозащитников-шестидесятников, по традиции считающих любую меру по наведению порядка в собственной стране шагом к сталинизму.

Прозападная идеология, почему-то называемая в России «либеральной», хотя к свободе она никакого отношения не имеет, по сути, является советской идеологией с обратным знаком. Место СССР как центра мирового прогресса в ней занимает идеально понимаемый Запад, место исторически неизбежного движения к коммунизму – всемирное установление демократии, роль врагов народа играют критики Запада, его подходов и западного пути развития для России, а мировой капиталистической закулисы – собственное правительство и правительства государств, проявляющих по отношению к Западу самостоятельность. В этом смысле нынешняя либеральная идеология – прямое порождение советской, и вряд ли стоит ждать ее ухода со сцены, пока не исчезнет поколение, выросшее в СССР и воспринимавшее жизнь в нем как кромешный ад.

Российский псевдолиберализм – не идеология свободы, он не имеет никакого отношения к реальным правам человека. Как и изоляционизм, это конгломерат разных течений. В нем есть бескомпромиссность и фанатизм ленинизма-троцкизма, утопизм борьбы за «истинный» большевизм шестидесятников («комиссары в пыльных шлемах») и презрение к собственной стране наиболее примитивных западников XIX века. Это идеология признания российской ничтожности, ее извечной виновности перед мировым прогрессом и подчинения его лидеру – Западу. Об этом свидетельствует, например, то, что на митингах «либеральной оппозиции» и в середе ее сторонников наряду с антиправительственными лозунгами широкой популярностью пользуются проукраинские типа «Слава Украине!», призывы вернуть Крым и т.п.

Украина, естественно, не идеал свободы – это страна, где убивают оппозиционных журналистов и адвокатов, защищающих несправедливо обвиняемых, отменяют результаты выборов, на которых проголосовали не за тех, кого надо, а кандидатов-оппонентов засовывают в помойные ящики, запрещают оппозиционные партии, поощряют профашистские настроения, закрывают независимые телепрограммы, ведут войну против части населения собственной страны. Но она является эталоном для российской «либеральной» общественности потому, что ее националистическое руководство воплощает в жизнь ее идеал – политику полного подчинения прогрессивному Западу. И если во имя этой великой цели совершаются некоторые эксцессы, то на них можно закрыть глаза. В крайнем виде этот подход может привести к открытому национал-предательству – работе против России, например, с теми и на тех в антироссийском украинском руководстве, кто отдавал приказы стрелять по российским солдатам и собственному русскоязычному населению. Это даже не ленинская тактика «поражения своего правительства»[8]. В.И. Ленин не питал иллюзий в отношении врага России – Германии. Это – искренняя вера в высший характер западной цивилизации, причудливая смесь классового подхода ленинизма и, используя термин Ю. Крижанича, традиционного российского «чужебесия»[9].

С точки зрения соблюдения прав человека, жители Крыма должны иметь право на самоопределение. Если они хотят жить в России,

[8] *Ленин В.И.* О поражение своего правительства в империалистической войне // Социал-Демократ. № 43. 26 июля, 1915.. http://libelli.ru/works/26-4.htm.

[9] *Крижанич Ю.* Политика. М.: Новый свет, 1997. Раздел 12 «О Чужебесии».

а всем ясно, что значительное большинство этого хочет, даже если результаты референдума и были слегка подтасованы в пользу нужного результата, почему не дать им этого права? Но российские профессиональные правозащитники всегда рассматривали права человека в контексте общей прозападной ориентации, а это означает, что обращать внимание надо только на нарушения прав собственными антизападными властями, а на подобные действия западных или прозападных правительств можно закрывать глаза. Это не идеология свободы и индивидуальных прав, а идеология мирового прогресса во главе с Западом, который укажет верный путь в случае послушного следования в его фарватере.

Такой подход в корне противоречит традиции российского либерализма. Исторический российский либерализм конца XIX – начала XX веков мог быть прозападным в смысле заимствования западных институтов, но никогда не выступал за политическое подчинение «прогрессивной Европе» или за территориальные или стратегические ей уступки. Автор великих либеральных реформ Александр II как раз проводил весьма активную внешнюю политику и существенно расширил империю (если не считать Аляски, которая, вероятно, так или иначе была бы утеряна). Лидера российских либералов П.Н. Милюкова можно обвинить в чем угодно, но только не в территориальных уступках. Напротив, он выступал за активную внешнюю политику, за что и получил от прессы прозвище «Дарданелльский».

Не менее не похож исторический экономический российский либерализм на современный. Если программы С.Ю. Витте и П.А. Столыпина были направлены на ускоренное развитие страны с использованием всех средств государства, то современные либералы-монетаристы только «балансируют» бюджет, то есть объективно следят за тем, чтобы правящей группе хватало денег на безбедное существование. К развитию эта программа не имеет никакого отношения, она направлена на решение проблем правителей за счет населения, но, как показали, в частности, 90-е годы, не ведет к экономическому росту. Для российского либерального экономиста идеал – не свободная экономика и не свобода вообще (А.Л. Кудрин, например, будучи в правительстве, поддерживал преследование М.Б. Ходорковского и лишь после ухода со своего поста начал беспокоиться о правах предпринимателей)[10], а диктатор А. Пиночет, политику которого про-

[10] См.: Кудрин: Дело «ЮКОСа» подорвало доверие к российской экономике // Лента.ru. https://lenta.ru/news/2005/06/01/kudrin/; Леонид Невзлин обвинил

пагандируют многие либералы – от П.О. Авена до Ю.Л. Латыниной[11]. Но настоящим их героем должен был стать Ниязов-Туркменбаши, отменивший излишние траты бюджета на балет, пенсии и университеты, но застроивший всю страну собственными дворцами. Именно эта программа понятна российской правящей группе.

Опасность российского либерализма заключается, прежде всего, в том, что он идет против большинства населения. Многочисленные опросы общественного мнения показывают, что большинство россиян не желает подчинения России Западу, считает его политику враждебной и видит Россию самостоятельным государством. Россияне также не поддерживают либеральные экономические идеи. Не возражая против рыночной экономики, они вполне удовлетворены «патерналистским» государством, заботящемся об их благосостоянии и безопасности.

В последнее время разрыв с Западом наблюдается и на уровне более фундаментальных ценностей. Пережившие богоборческий этап истории своей страны, россияне, как и жители всего постсоветского пространства, все в большей степени открывают для себя религиозные ценности, пусть и не на богословском, но, по крайней мере, на моральном уровне. Различные религии заполняют духовный вакуум, возникший после краха коммунизма. Россияне прислушиваются к мнению религиозных деятелей различных конфессий, которые, несмотря на все различия между собой, все осуждают навязываемую западной элитой секулярную мораль, призывы считать целью человеческой жизни комфорт и удовлетворение физических и материальных потребностей.

В то же время сам Запад в последние годы быстро движется в противоположную сторону. Еще в начале 90-х гг., когда он был идеалом для российской правящей элиты, там довольно вяло говорили о правах гомосексуалистов и тем более о гомосексуальных семьях, эвтаназии, легализации легких наркотиков и т.п. Сегодня не только традиционная семья, по-христиански – «малая церковь», но и, соб-

в развале «ЮКОСа» Медведева, Кудрина и Абрамовича // Лента.ru. https://lenta.ru/news/2005/04/18/nevzlin/.

[11] Oligarch Aven Urges Putin to Apply the Pinochet Stick // The Guardian. 2000. March 31. https://groups.google.com/forum/?fromgroups=#!topic/soc.culture.ukrainian/ bxg9mGZ-XJc; см. также: Олигархи советуют // Независимая газета. 1 апреля 2000 г. http://www.ng.ru/politics/2000-04-01/3_advice.html. Симпатии к А. Пиночету многократно высказывались А.Н. Илларионовым, Ю.Л. Латыниной, К.Н. Боровым, В.И. Новодворской и другими ультралибералами.

ственно, пол объявлены пережитком прошлого, вплоть до объединения женских и мужских туалетов на том основании, что пол – не биологическая реальность, а черта индивидуальной «идентичности»[12]. Эвтаназия в некоторых странах Европы распространяется на детей и просто разочарованных жизнью граждан[13], а президент США объявил, что будет защищать права гомосексуалистов по всему миру[14].

Этот процесс наслаивается на серьезный кризис Запада, в особенности Европы, связанный с жесточайшей идеологизацией всех сторон жизни. Западное общество превращается в идеократическое, где свободы все более ограничиваются идеологическими рамками. Политическая корректность, введение в вузах «кодексов языкового общения», запрещающих слова и выражения, обидные для разных категорий граждан, практика «непредоставления платформы» для сторонников альтернативного мнения, критика и увольнения за неправильные взгляды священников, преподавателей, журналистов и писателей, – все это распространяется все шире, сужая границы дозволенного[15].

Если в советское время Запад в России считался мощным и равным соперником, в 90-е гг. – идеальным обществом, выигравшем историческое соревнование с советской системой, то сегодня новое

---

[12] Target: Use the bathroom of your 'gender identity // Fox News. April 20, 2016. http://www.foxnews.com/us/2016/04/20/target-use-bathroom-your-gender-identity.html.

[13] Belgium's euthanasia law gives terminally ill children the right to die // PBS Newshour. January 17, 2015. http://www.pbs.org/newshour/bb/belgium-terminally-ill-children-right-die; *Doughty S.* Sex abuse victim in her 20s allowed to choose euthanasia in Holland after doctors decided her post-traumatic stress and other conditions were incurable // Mail OnLine. 10 May, 2016. http://www.dailymail.co.uk/news/article-3583783/Sex-abuse-victim-20s-allowed-choose-euthanasia-Holland-doctors-decided-post-traumatic-stress-conditions-uncurable.html#ixzz498Fph8GK.

[14] Presidential Memorandum – International Initiatives to Advance the Human Rights of Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgender Persons. December 06, 2011. https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/12/06/presidential-memorandum-international-initiatives-advance-human-rights-l.

[15] *Lukianoff G., Haidt J.* The Coding of the American Mind // The Atlantic. September, 2015. http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/09/the-coddling-of-the-american-mind/ 399356 /ACCESSED Accessed on April 26, 2016; *Patten C.* The Closing of the Academic Mind // Project Syndicate. February 22, 2016. https://www.project-syndicate.org/commentary/academic-freedom-under-threat-by-chris-patten-2016-02; *Friedersdorf C.* Campus Activists Weaponize Safe Space // The Atlantic. November 10, 2015. http://www.theatlantic.com/politics/archive/2015/11/how-campus-activists-are-weaponizing-the-safe-space/415080/; *Horton H.* The «sexist» words your children are no longer allowed to use at school // The Telegraph. October 19, 2015. http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/11939909/sexist-words-school-playground-report.html.

поколение россиян вообще плохо понимает, о чем, собственно, речь, почему именно западная система считается какой-то особенной. В России жизнь для многих не так уж и плоха, и хотя в Европе и США политической свободы пока еще больше, но в интеллектуальном, духовном и ценностном плане Россия гораздо более плюралистична. Здесь не уволят с работы за неправильные взгляды по женскому или расовому вопросу, за критику или поддержку гомосексуальных семей и т.п., что постоянно происходит в Европе и США. Китай развивается быстрее Запада, и Шанхай выглядит более развитым, чем Нью-Йорк. В Катаре мусульмане живут комфортнее и богаче, чем в Албании или захваченном Западом Косово.

В целом мир становится все более многополярным. Экономический и политический его центры все больше перемещаются в Азию, укрепляются влиятельные игроки и в других частях света. Классический Запад уже не может претендовать на роль единственного политического и технологического лидера.

Идеологизация жизни в Европе и США мешает решать реальные проблемы общества, например связанные с миграцией или увеличением монополизма транснациональных компаний. Это приводит к росту влияния крайне правых и крайне левых политических групп и партий, предлагающих альтернативные решения, и к кризису правящих элит. В результате Запад все в меньшей степени является общественным идеалом для населения многих стран мира, в том числе и России. Идеи российских прозападных слоев, завязших в бинарном постсоветском мировоззрении, которое делит мир на полюс добра и полюс зла, становятся все менее понятными большинству.

Конечно, могут сказать, что конец Европе предсказывают столетиями как сами европейцы (в основном консерваторы), так и представители самых разных антиевропейских направлений мысли повсюду в мире, в том числе и в России. А между тем Европа все живет и богатеет. Это, конечно, так, но, с другой стороны, и Римская империя угасала столетиями. Сегодня очевидно, что процесс «восстания масс», замеченный Г. Ле Боном, Х. Ортегой-и-Гасетом и их последователями при его зарождении, близок к победному завершению, чему ни в малой мере способствовало распространение новых средств коммуникации и превращение теории «прав человека» в светскую религию. Это привело к появлению новой политической элиты: высокомерной, но малообразованной и инертной, неспособной принимать стратегические решения и занятой только удовлетворением примитивных потребностей населения. В результате Европа на наших глазах меняется

и в политическом, и в духовном, и в этническом отношении. Возможно, на некоторое время она и останется самой богатой частью мира, но это будет уже совершенно другая Европа, отличающаяся от старой так же, как Священная Римская империя от классического Рима.

В связи с тем, что большинство населения России все в меньшей степени воспринимает либеральную платформу, навязать ее стране можно только силой при активной помощи Запада, как это было сделано на Украине. Трудно представить, что даже в случае серьезного кризиса антиправительственное движение вновь, как и при М.С. Горбачеве, будет ведомо прозападными лозунгами. Гораздо легче предположить, что его программа будет либо крайне националистической, изоляционистской либо сходной с нынешней, но отличаться требованиями решительной борьбы с коррупцией, социальной справедливости. Прозападная диктатура встретит в России гораздо более серьезное сопротивление, чем на Украине, так как там западная ориентация слилась с националистическим движением на антироссийской основе. В России же националисты будут решительно бороться с западниками, не говоря уже о том, что в России, по разным данным, от 8% до 12% мусульман, еще резче отвергающих западные ценности. Таким образом, навязывание «либеральной» программы неизбежно приведет к дестабилизации и, возможно, к гражданской войне. Именно поэтому приход к власти прозападной оппозиции в России был бы столь же опасен и разрушителен, как и усиление влияния сталинистов-изоляционистов.

Альтернатива

Может ли в этих условиях быть сформулирована позитивная альтернатива? В принципе, для обычной, стабильной жизни большинства населения было бы достаточно, чтобы режим не ударялся в крайности экономического либерализма, к которому, как к единственной ему известной и понятной альтернативе, толкают экономические трудности, и репрессивного изоляционизма, популярного у ныне крайне влиятельной правоохранительной группы. В этих условиях, но без экономических реформ, страна будет загнивать медленно, но спокойно, и жизнь в ней для большинства населения будет еще долго казаться нормальной.

Было бы еще лучше, если бы российский авторитаризм превратился из коррупционного в направленный на ускоренное развитие, однако на это при нынешней власти надеяться не приходится. Если

она не смогла сделать это в нулевые годы, будучи молодой и обладая огромными средствами, то вряд ли стоит ожидать прорыва от стареющих лидеров, приближающихся к брежневскому возрасту (большинству знаменитых брежневских «геронтократов» к концу их правления было лишь немного за 70 – они были не намного старше лидеров нынешнего режима, да и правили не дольше).

На принципиальные перемены можно рассчитывать только при смене лидеров. Новому руководству можно было бы предложить следующие изменения, которые, впрочем, осуществить будет очень непросто. Идеолог российского Белого движения за рубежом И.А. Ильин популярен ныне в руководстве страны, вероятно, не потому, что одно время поддерживал нацизм (хотя официальный политолог А.М. Мигранян и высказывается одобрительно о раннем А. Гитлере[16]), а в связи с рекомендациями установить твердую, авторитарную власть в постсоветской России. Он считал, что люди, развращенные тоталитарным режимом, отученные от работы и честной жизни, не смогут некоторое время существовать без четкого руководства[17]. Примерно эти же мысли позднее высказывал А.И. Солженицын в знаменитом «Письме вождям Советского Союза»[18].

Однако и И.А. Ильин, и А.И. Солженицын, и не менее популярные ныне классические евразийцы с их интерпретацией «идеократии»[19] говорили об авторитаризме как периоде восстановления законности, забытых навыков народного самоуправления и ведения частного хозяйства. Именно в этом отношении в путинский период российское общество не только не прогрессировало, но деградировало даже по сравнению с временами М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. И уж точно нигде эти авторы не писали, что авторитаризм необходим для раздачи собственности друзьям и знакомым и перевода доходов за рубеж. Ничего у них не говорится и о необходимости прославления «достижений» коммунистического режима, с которым они долгое время боролись. Авторитаризм рассматривался ими не как продолжение коммунистического правления, а как его абсолютная альтернатива, более решительная и реальная, чем банальная и вялая демократия западного типа, способная лишь подорвать стабильность.

---

[16] *Мигранян А.М.* Наши Передоновы // Известия. 03.04.2014. http://izvestia.ru/news/568603.

[17] *Ильин И.А.* О грядущей России. Избранные статьи. М., 1993. С. 34–35, 158.

[18] *Солженицын А.И.* Публицистика. Т. 2. Ярославль, 1996. С. 175–181.

[19] См.: *Савицкий П.Н.* Евразийство как исторический замысел // http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn12.htm.

Именно в этом направлении и нужно действовать будущим лидерам России: развивать институты правового государства, систему разделения властей, восстанавливать реальное местное самоуправление, создавать благоприятные условия для предпринимательства, прежде всего малого и среднего. Внешняя же политика серьезных изменений не потребует: нынешний курс на отстаивание собственных интересов и сотрудничество с любыми партнерами, исходя из принципов равенства, вполне рационален. Его проблема лишь в том, что он не подкреплен ростом мощи собственного государства, прежде всего экономической. России также крайне необходимо развитие культуры, науки и образования, которые многочисленные либеральные правительства, занимаясь механическим копированием умирающих даже на самом Западе форм и институтов, довели до полного упадка. Именно культурой всегда славилась наша страна, и без уважения к ней вряд ли возможно и ее экономическое развитие.

Необходим также полный отказ от советского наследия и восстановление исторической легитимности с русским государством досоветского времени. Ведь именно в начале XX столетия Россия находилась в высшей точке как по развитию рыночной экономики, так и по уровню свободы, законности и самоуправления. Но делать это надо не на основе сдачи национальных интересов западным учителям, как предлагает давний борец за реституцию и восстановление правовой системы царской России А.Б. Зубов[20], а, напротив, как способ восстановить российские позиции в мире без оглядки на дикие преступления советского режима. Не следует забывать, например, что лидеры Белого движения потерпели поражение во многом именно потому, что не могли отказаться от идеи единой и неделимой России, в связи с чем им фактически отказали в помощи ведущие державы мира. Трудно представить, чтобы эти люди одобряли, скажем, деятельность С.В. Петлюры, как одобряет сегодня А.Б. Зубов украинскую власть. А соглашения о независимости государств Прибалтики, Польши и Финляндии были, между прочим, заключены с нелегитимным большевистским режимом. Конечно, никто не должен призывать к восстановлению России в ее имперских границах, но дополнительные аргументы против воинствующей русофобии некоторых соседей признание советского режима преступным и нелегитимным вполне может дать.

[20] См.: Сторонники реституции взялись за географию // Коммерсант. 20 декабря, 2005. http://www.kommersant.ru/doc-rss/637226; «Украина — не альтернативный проект, а авангардный» – российский профессор Андрей Зубов // Delo.ua. 6 июня, 2014. http://delo.ua/ukraine/ukraina-ne-alternativnyj-proekt-a-avangardnyj-rossijskij-238214/.

Такую программу вряд ли способна выполнить нынешняя элита, лавирующая между изоляционизмом и «либерализмом» в экономике и между изоляционистским национализмом и полным слиянием с «западными партнерами» в политике. Одна из позитивных черт путинского времени – появление нового поколения, растущего с уважением к собственной стране, ее истории и достижениям. И, несмотря на порой довольно пошлые и даже отвратительные проявления казенного патриотизма, все же изживание позднесоветского и постсоветского чужебесия нельзя не приветствовать, так как в условиях их господства никакая страна не смогла бы развиваться нормально. Выросшее уже в полицентричном мире, новое поколение неизбежно уйдет от советского бинарного мышления. На него в какой-то мере и можно надеяться, хотя оболванивание молодежи новыми формами образования, ее превращение из носителей знания в экспертов по кнопкам и галочкам особого оптимизма не внушает.

Кризис российского образования и права интеллектуального меньшинства[1]

Образование вчера и сегодня

Сегодня вряд кто станет спорить с тем, что образование в России находится в глубоком кризисе. С этим, кажется, соглашается даже само Министерство образования, иначе зачем бы оно инициировало все новые и новые реформы. Кризис этот сказывается, прежде всего, на уровне знаний выпускников учебных заведений всех уровней. Речь, конечно, идет о среднем выпускнике: в любой системе всегда можно найти талантливые исключения, но именно середняк свидетельствует об уровне работы системы в целом.

Как преподаватель с довольно длительным стажем могу ответственно заявить: нынешний средний выпускник школы по объему знаний, по крайней мере в знакомой мне гуманитарной области, на голову ниже выпускников советских школ. Порой удивляешься, чего только могут не знать абитуриенты вузов, желающие изучать историю, политику или международные отношения!

Недостатком гуманитарной программы советской школы была ее крайняя идеологизированность. Выпускник российской школы свободен от идеологии, но он свободен и от знаний. Различие примерно таково: любой выпускник советской школы знал, например, что Л.Д. Троцкий – «левый уклонист», а В.И. Ленин называл его «иудушкой». Нынешний выпускник, скорее всего, вообще не будет знать, кто такой Л.Д. Троцкий, да и не будет хотеть этого знать (если, конечно, вопроса по нему не будет в ЕГЭ).

В российских вузах знаний прибавляется мало. В большинстве из них любой экзамен имеет свою таксу, поэтому готовиться к нему не обязательно, а курсовые и дипломы переписываются из Интернета. Такая ситуация существует повсеместно за исключением, возможно, нескольких известных столичных вузов. Об этом знают все, но никаких мер не принимается. Примерно то же самое происходит и с диссертациями. Если в системе РАН еще существует какой-то кон-

[1] Впервые опубликовано в «Независимой газете» (2013. 11 сентября) под заголовком «Знание – вчера, сегодня, завтра. Кризис российского образования и права интеллектуального меньшинства».

троль, то в вузах значительная часть диссертаций переписывается из ранее опубликованных работ, причем часто это делает не сам «автор», а нанятые им за деньги «специалисты». Компания по проверке диссертаций, очевидно, была остановлена именно потому, что масштаб плагиата огромен и затрагивает весьма влиятельных лиц. Диссертационные советы работают формально, обычно тексты диссертаций вообще никто не читает, отзывы пишет сам диссертант, а формальный «автор» просто «подмахивает» их. Ученые звания девальвировались, превратившись в некий престижный атрибут типа медали, который желают иметь все, в том числе и люди малограмотные. И «решить» их вопрос, особенно если они небедны, не представляет никаких затруднений. Способствует этой девальвации в вузах существующий критерий оценки их деятельности по количеству докторов и кандидатов наук среди преподавателей, который ведет к «стряпанью» диссертаций, а также до абсурдной ситуации, когда вуз перед отчетом вынужден временно уволить за штат «неостепененных» преподавателей (среди которых много, например, преподавателей иностранного языка). Между тем в лучших вузах мира, например в Оксфорде и Кембридже, работает большое количество профессоров без ученой степени, и это им никак не мешает.

Причины кризиса

Причин нынешнего состояния несколько. Во-первых, исчезла необходимость получать знания, так как отсутствуют материальные стимулы к их приобретению. Переход к новым социальным отношениям в стране сопровождался общим снижением престижности знаний. Этому во многом способствовала государственная политика. Возьму пример из собственной семьи. В советское время мой отец почти 20 лет работал в НИИ, где дослужился до заведующего сектором, стал доктором наук и профессором. К началу 80-х гг. он получал около 600 рублей в месяц. В то время средняя зарплата в стране составляла рублей 150, то есть его доход в четыре раза превосходил средний. Выпускник вуза, поступавший на работу преподавателем или младшим научным сотрудником, сразу получал рублей 120, то есть около 80% среднего заработка. Сегодня средняя зарплата в Москве по официальным данным – около 45 тысяч рублей в месяц. Зарплата профессора, доктора наук в вузе – тысяч 30–40 (а в провинции – в два-три раза меньше). Это означает, что оценка работы преподавателей и научных работников относительно снизилась в четыре-пять раз. На 600

рублей в советское время можно было нормально жить и содержать семью. На 30–40 тысяч сегодня трудно выжить даже одному, а на 15–20 тысяч, которые предлагаются молодому выпускнику, вообще нельзя существовать. И это при том, что даже дворникам и водителям транспорта, не говоря уже о «менеджерах прилавка», платят больше. Спрашивается, зачем получать знания и работать преподавателем. Другое дело – чиновник или бизнесмен. Но тут много знаний не нужно, требуется лишь «корочка».

Другое следствие материальной недооценки труда преподавателя – значительное снижение качества преподавания и научной работы. Преподаватель, получающий в два раза меньше средней зарплаты, вынужден либо заниматься параллельно другой работой, либо читать лекции сразу в нескольких вузах. В результате он не успевает готовиться к занятиям, берет на проверку множество курсовых и дипломных работ, но не успевает их читать. Возникла порочная система взаимопонимания между преподавателями и студентами – преподаватель как бы преподает (но ничему не учит), а студент как бы учит (но не получает знаний). Эта система поощряет безделье и тех и других, а также коррупцию, процветающую в вузах, как, впрочем, и повсюду.

Студенты двух престижных вузов Москвы рассказывали мне, как для того, чтобы узнать, читают ли их курсовые работы, вставляли в их текст одно-два никак не связанных с ним неприличных слова. И, несмотря на то что это делал весь курс или поток, не было ни одного случая их обнаружения преподавателем.

Люди моего поколения помнят, как работали с ними преподаватели при написании диплома: работа шла по плану, начиналась в самом начале последнего года обучения, рассматривалась по главам, преподаватель подробно читал каждую из них, давал советы, рекомендовал литературу, требовал внесения изменений. Сегодня такие работы чаще всего сдают на проверку за неделю или даже за день до защиты, одновременно с «проектом» отзыва, а преподаватель подписывает и то и другое не глядя.

Во-вторых, в целом неплохая советская система образования была разрушена сверху по чисто идеологическим причинам. После распада СССР все часто сменявшие друг друга руководители российского образования были едины в одном: система образования в «цивилизованных» странах Запада гораздо лучше, современнее, и российскую систему надо перестроить на западных основах.

При этом не принималось во внимание несколько важных моментов. Во-первых, качество советского образования было высоким.

Это признавали как советские граждане, так и зарубежные вузы. Как показывают многочисленные исследования и опросы (в частности, проводимые на Западе среди советских эмигрантов), система образования в наименьшей степени по сравнению с другими факторами (материальное снабжение, бюрократизация, коррупция) служила причиной для недовольства населения, большая часть которого была им довольна. Что касается отношения за рубежом, то я знаю по себе и многим знакомым, что выпускники советских вузов («специалисты») принимались в европейские университеты сразу на программы аспирантуры (Ph.D.). Российских же «специалистов» брали уже только в магистратуру.

Эту тенденцию подтверждают все основные мировые рейтинги, в которых место российских вузов неуклонно идет вниз. В рейтингах лучших вузов присутствуют только МГУ и СПбГУ, да и то далеко от первых мест. При этом Россия – среди мировых лидеров по количеству вузов (их у нас более тысячи, а с филиалами – более трех тысяч).

Зачем же было тратить столько сил и средств на реформирование, а по сути, ломку того, что неплохо работало? Ведь достаточно было просто убрать из советской модели идеологию, и все пошло бы нормально. «Если вещь не сломана, не чини ее», – говорят прагматичные американцы. Конечно, они бы изменили свое мнение, если бы на «починку» выделялись огромные средства, а сторонники хорошо служившей вещи считались бы ретроградами.

Во-вторых, за рубежом, даже внутри Европы существуют самые различные системы образования. Взятая за основу в России система «бакалавр» (четыре года) – «магистр» (два года) – «аспирант» вовсе не общепринята, она характерна в основном для англосаксонского мира, да и то не повсеместна (например, в Оксфорде бакалавры учатся три года, а магистры – либо год, либо два). То есть подгонять все под единый стандарт, руша устоявшиеся традиции, было вовсе не обязательно.

В-третьих, советская система высшего образования стала результатом частичного восстановления царской, которая, в свою очередь, была во многом взята из Европы, прежде всего Германии.

В-четвертых, идея о том, что высшее образование должно быть платным, является совершенно неевропейской. В большинстве крупных стран ЕС (в отличие, например, от США) государственное высшее образование бесплатно, в других взимается символическая плата.

Все это показывает, что настоящей целью многочисленных реформ образования в России была не его европеизация, но освобож-

дение государственного бюджета от излишней нагрузки. В результате мы получили образование, дешевое для государства. И результат вполне соответствует затратам. Как итог, мы не смогли выстроить систему конкурентоспособного образования, которая бы взяла все лучшее из богатых отечественных традиций и одновременно учитывала бы сильные стороны зарубежного опыта, как это сделали, например, в Китае, Южной Корее, Сингапуре и некоторых других азиатских государствах, авторитет вузов которых в мире неуклонно растет.

В сегодняшнем мире авторитет мировых университетов зависит, прежде всего, от научной работы. С этой точки зрения крайне деструктивным выглядят требования из соображений экономии постоянно увеличивать аудиторную нагрузку преподавателей и количество студентов на одного преподавателя. Аудиторная нагрузка в России и так одна из самых больших в мире, и у преподавателей просто нет времени на научную работу. Увеличение же количества студентов на одного преподавателя ведет к снижению качества преподавания по самым трудным предметам, и особенно по иностранным языкам, без знания которых никакие международные достижения невозможны. Кстати, в Оксфорде и Кембридже существует система тьюториалов: семинары преподаватель проводит с одним (!) студентом. Не это ли дает качество?

Не менее неразумным был и переход к новой оценке научной работы преподавателей по количеству цитирований. Во-первых, существующие индексы включают только статьи в научных журналах, не учитывая монографий, глав в книгах, докладов на научных конференциях и т.п. Во-вторых, новые критерии крайне непатриотичны, так как публикации в иностранных журналах почему-то ценятся выше, чем в российских. В результате научное сообщество ориентируется не повышать качество российских журналов, так чтобы они стали известными за рубежом, но печататься в иностранных. Кстати, единственный котирующийся за границей российский журнал по международным отношениям «Россия в глобальной политике», выходящий на русском и английском языках, вообще не включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), зато там есть такие издания, которые вряд ли кто-то видел. Я уж не говорю, что статью по российской истории в западном журнале опубликовать гораздо труднее, чем по американской, а по внешней политике России вообще можно только в том случае, если она будет отражать точку зрения «заказчика». Так на что же нас ориентируют «международные критерии»?

Бездумное копирование порой неверно понятых зарубежных образцов в сочетании с желанием перевалить расходы с государства на студентов привели к плачевным результатам.

Зачем нужно образование?

За перечисленными проблемами и ошибками стоят и более глубокие причины, которые характерны не только для России. Фундаментальная причина обесценения образования в современном мире – прикладное понимание его цели.

В течение большей части истории человечества приобретение знаний считалось основной целью человека и общества. Аристотель считал, что стремление к знанию – свойство человеческой природы. «Все люди от природы стремятся к знанию», – писал он. Христианство, взявшее многое из идей древнегреческого философа, рассматривало стремление человека к творчеству как проявление его богоподобия (то есть подобия сотворившего мир Богу).

Благодаря христианским догматам о творении и боговоплощении, познание тварного, посюстороннего мира стало рассматриваться как составная часть богопознания. Вся западноевропейская наука выросла из развивавшейся средневековыми богословами «теории двойственности истины», которая разделила задачи и методы познания природы и божественной реальности. Именно на этой основе возникли основные естественнонаучные теории Нового времени: И. Ньютона, Г. Галилея, Р. Декарта (большинство авторов, которых были не только учеными, но и богословами). Яркое свидетельство этому – слова Г. Галилея: «Священное Писание и природные явления одинаково исходят от Божьего Слова... Бог познаваем... через дела Его, совершенные в Природе, и через учение, открытое в Слове Его»[2].

Таким образом, долгие столетия приобретение знаний рассматривалось как цель или, по крайней мере, одна из основных целей человеческой жизни. В период Просвещения, когда религиозное обоснование необходимости познания мира отошло на второй план, возникли идеи самоценности научного знания. Просвещенный человек должен быть образованным просто потому, что таков идеал, жизнь без знаний бессмысленна и низка. Однако благодаря широкому распространению различных теорий идеального общества идеи научного и обще-

[2] *Галилей Г.* Письмо к великой герцогине-матери Кристине Лотарингской. Цит. по: *Хаммель Ч.* Дело Галилея: есть ли точки соприкосновения науки и богословия? М.: Триада, 2001. С. 127.

ственного прогресса были объединены. Доминирующей стала мысль о том, что научный прогресс приведет к увеличению количества материальных благ, которые, будучи справедливо распределены, создадут основу нового, совершенного общественного устройства. Наука и образование стали рассматриваться в прикладном плане, не как цель человеческой жизни, но как средство для достижения материального благосостояния и совершенного общественного устройства.

В этой тенденции скрывалась опасность. Если наука нужна для определенных целей, а некоторые ее отрасли к этим целям не приводят, то общество получает право отказаться от них как от ненужных. Создается основание для ограничения творческой познавательной активности.

В современном мире участие все большего количества населения в политической жизни и создание после Второй мировой войны так называемого «общества всеобщего благоденствия» привели к развитию узкоматериалистического понимания цели существования государства и общества. Задачей государства сегодня повсеместно считается обеспечение экономического роста с целью повышения уровня жизни населения. Между государством и обществом сложилась жесткая взаимосвязь – от правительства, избираемого массами, эти массы требуют прежде всего материальных благ, и правительство обещает их все больше и больше. А доминирующие элиты навязывают соответствующий жизненный идеал через СМИ, рекламу и т.п., что ведет к росту материальных аппетитов населения.

В результате нужным оказывается лишь то знание, которое этот идеал обеспечивает, а ненужное отсекается. Соответственно, учиться надо лишь для того, чтобы найти хорошую работу на рынке труда, много получать и хорошо жить, и только тому, что может пригодиться на практике. Наука же нужна только та, что непосредственно обеспечивает материальный прогресс. В 80–90-х гг. XX в. европейское общество было, например, захвачено борьбой с «элитизмом». В Англии, где я тогда жил, всерьез обсуждались вопросы: зачем нужно учить в школах математике, если в жизни человеку редко нужно считать больше чем до ста; зачем нужна классическая музыка, если ее мало кто любит; зачем иностранным туристам нужно показывать старые замки, если молодежь любит только современные клубы.

Конечно, в Европе этой тенденции пока еще с большим или меньшим успехом противостоят многолетние традиции. В современной же России традиции советского и досоветского образования и культуры новые, прагматичные элиты решили отбросить за нена-

добностью. Послушайте руководителей наших образования и науки, и вы услышите, что учиться надо для того, чтобы получить работу, а наука нужна, чтобы обеспечить экономический рост. Даже российские ученые, отбивая нападки политиков, оправдываются теми же аргументами. Они говорят, что без фундаментальной науки не может быть прикладной, поэтому она тоже нужна для экономического развития и ей тоже надо обучать в вузах. Этот аргумент сам по себе, конечно, верен. Кроме того, не совсем понятно, почему наше правительство считает, что символом национальной гордости может быть лишь совершенно непрактичный в экономическом отношении спорт, но не гораздо более полезные научные достижения или знаменитые университеты мирового уровня.

Интеллектуальное меньшинство

Для обоснования необходимости фундаментальных науки и образования можно предложить другой подход, основанный на других основаниях. Конечно, было бы неплохо возродить идею о том, что в познании, а не в сытной еде и огромной квартире состоит цель существования общества, и придерживаться в жизни принципа «есть, чтобы знать», а не «знать, чтобы есть». Но в современном мире это вряд ли возможно. Поэтому есть смысл воспользоваться теорией демократии, защищающей права меньшинств. Те, кто утверждают, что наука и образование нужны исключительно для того, чтобы государство могло обеспечить растущие материальные потребности населения, подразумевают, что таково желание всего общества. Однако если в демократическом обществе существует значительное меньшинство, стремящееся к чему-то другому, например к познавательной деятельности как к цели, то его интересы также необходимо учитывать.

Таким образом, часть национального богатства и часть бюджета должны затрачиваться на обеспечение интересов и этого меньшинства. Финансирование науки превращается из благодеяния государства (вы хотите там изучать Древний Египет, бог с вами, может, мы вам и дадим немного денег, когда будут лишние) в обязанность власти. И не власти решать, как эти средства будут распределяться с точки зрения некоей «эффективности», как она ее понимает! Делать это должно самоорганизовавшееся интеллектуальное меньшинство через свои общественные организации.

Если занять такую позицию, то и споры относительно разрушаемой ныне Российской академии наук пойдут совершенно по-другому.

Возможно будет не выпрашивать денег, аргументируя свою нужность, но требовать законной доли. *Между прочим, так работают наука и образование на Западе. Например, Оксфордский университет финансируется государством, но представляю себе, какой возникнет скандал, если не сами профессора через выборное руководство университета, а какие-то там министры начнут оценивать эффективность его научной работы и грозить заморозить финансирование или расформировать!*

Конечно, могут сказать, что в нынешней обстановке эти предложения крайне нереалистичны. Но исторически права любого меньшинства в любой стране начинали уважать только после долгой борьбы. Интеллектуальное меньшинство в России должно самоорганизоваться и научиться активно лоббировать и отстаивать свои интересы. Для этого нужно действительно изменить РАН и другие существующие профессиональные структуры, превратив их в динамичные, современные организации, и, возможно, создать другие влиятельные объединения ученых и преподавателей. При этом можно опираться на изменяющуюся ситуацию в обществе, где растут настроения против бездумного копирования чьих-либо образцов и за уважение к соблюдению демократических процедур. Работа эта долгая и трудная, но на кону – судьба российских образования и науки, без которых и сама Россия вряд ли сможет существовать.

Маразм власти[1]

Главное чувство, которое вызвало выступление Президента В.В. Путина на расширенном заседании правительства 13 сентября, – удивление. Удивление полным противоречием между многочисленными словами о необходимости борьбы с терроризмом и предлагаемыми мерами, большинство из которых к борьбе этой не имеет никакого отношения. Например, выборы губернаторов региональными законодательными собраниями по представлению президента, то есть фактически их назначение, ничего не меняет в системе борьбы с терроризмом: региональные правоохранительные органы и так подчинены федеральным властям, а губернаторы если порой и саботируют решения центра, то уж, во всяком случае, не в области борьбы с терроризмом. Переход на формирование Думы по пропорциональному принципу тоже не в тему. Перемещение отдельных чиновников с места на место и создание новых комиссий и министерств также вряд ли улучшит ситуацию. Повышать уровень жизни на Северном Кавказе, конечно, нужно, но от идеи, что причины терроризма лежат исключительно в сфере экономики, отдает вульгарным марксизмом. Страна Басков, например, – один из самых богатых регионов в Испании, как и тамильские области в Шри-Ланке, но это не мешает некоторым баскам и тамилам отстаивать свои требования террористическими средствами.

В то же время по отношению к правоохранительным органам прозвучали одни малозначащие слова. По мнению президента, они работают недостаточно хорошо – кто-то мешает им «наладить контакт с гражданами и теснее взаимодействовать с ними», «внимательно и оперативно реагировать на каждое их обращение», «работать на предотвращение вылазок террористов», «работать на опережение», «уничтожать преступников в их собственном логове», «доставать их и из-за рубежа». Кто этот неуловимый враг российских силовиков, который не давал им всего этого делать раньше, президент умолчал, однако если учесть, что все силовые министры подчиняются ему лично, то могут возникнуть странные предположения. Как исправить ситуацию, президент тоже не сказал, предложив лишь создать единую систему безопасности, то есть, вероятно, по американскому

[1] Впервые опубликовано на английском языке в газете «The Moscow Times» (2004. September 17. P. 8) под заголовком «Power to the People, Not the Siloviki» («Власть народу, а не силовикам»).

и сталинскому примеру объединить все службы в одно суперминистерство.

Имея мало отношения к борьбе с терроризмом, предложения В.В. Путина, тем не менее, замечательно вписываются в логику всей его деятельности, которая с самого начала заключалась в двух направлениях: воссоздание централизованной бюрократической системы управления страной и уничтожение ростков народовластия и общественного контроля, сложившихся в 90-х гг. Как и его ближайший аналог из российской истории Николай I, В.В. Путин убежден, что решение любой проблемы управления достигается созданием новой государственной структуры (министерства, ведомства, комиссии) и подчинением ее непосредственно ему. В результате, однако, как и в николаевской России, вся государственная машина работает вхолостую, создавая обстановку тотального лизоблюдства и эффективно решая лишь задачи втирания очков первому лицу и удовлетворения его личных интересов. Сравните два оцепления: вокруг захваченной террористами бесланской школы и вокруг президента во время его визита в тот же Беслан. К школе спокойно мог подойти кто угодно, а к В.В. Путину и муха не могла подлететь. А почему? Потому что президент должен быть доволен, а на заложников плевать, за них никто с работы не выгонит (и ведь не выгнали же никого, кроме мелких сошек).

На пути к достижению идеального бюрократического государства нынешняя власть смогла последовательно поссориться со всеми элитами и слоями общества: регионами (над ними надстроили систему полпредов, изгнали их лидеров из Совета Федерации и серьезно подорвали финансовую базу), олигархами (их долго возили лицом об стол), чиновниками (проведя бессмысленную административную реформу, приведшую к страшной неразберихе), беднейшими слоями населения (отобрав у них льготы). И вот теперь, воспользовавшись как предлогом трагедией в Беслане, президент наносит новый удар по региональным элитам: ведь именно против них направлены и система назначения губернаторов (в конституционном отношении весьма спорная, но никто же всерьез не верит, что Конституционный суд пойдет против В.В. Путина), и устранение независимых депутатов, избранных непосредственно населением регионов.

При этом последовательно ликвидируются все возможности критики режима (оппозиция в Думе, независимые СМИ и центры изучения общественного мнения). В результате мы не знаем реальной популярности властей. Можно лишь предположить, что она падает, ведь для многих очевидно, что руководство страны отказалось от ка-

кой-либо осмысленной деятельности и занимается лишь концентрацией власти в своих руках и проеданием свалившихся на него, как манна небесная, нефтедолларов. В то же время реальные проблемы страны не решаются: экономические реформы застопорились, новых подходов к решению чеченской проблемы нет, в системе правоохранительных органов продолжаются избиения (добрались уже и до космонавтов), пытки, поголовное взяточничество. В таких условиях и такими силовиками проблемы терроризма не решить: нельзя рыть яму гнилыми лопатами, даже если министерство лопат будет напрямую подчинено президенту.

Особым издевательством звучат в связи с этим разговоры о создании некоей общественной палаты для экспертизы ключевых государственных решений и законопроектов, имеющих общенациональное значение, и даже с функцией контроля за работой госаппарата, включая правоохранительные органы и спецслужбы. Описанные функции в любой демократической стране выполняет парламент. Ликвидировав независимость российского парламента, президент теперь предлагает создать неконституционный орган с теми же функциями. А чем же было плохо Федеральное собрание до путинских «управляемых» выборов в Думу и изгнания губернаторов из Совета Федерации? Может быть тем, что было способно осуществить контроль всерьез, а не для проформы? Президент либо не понимает, чем должен заниматься парламент, либо (что более вероятно) хочет создать орган для выпускания пара изгнанными из Думы оппозиционными партиями по примеру никчемного Госсовета, где пар выпускают изгнанные из Совета Федерации губернаторы (да и Западу можно показать «общественную» жизнь).

При Б.Н. Ельцине я всегда поддерживал назначение губернаторов, считая, что это способствовало бы сохранению ликвидации этнического сепаратизма. Но тогда такое решение сочеталось бы с реальной независимостью парламента, наличием оппозиционных партий и независимых СМИ. В сегодняшних условиях система назначения губернаторов – удар по одной из последних ниш автономной от Кремля жизни. А ликвидация таких ниш, уничтожение любых форм общественного контроля и общественной независимости уже привели к общественному застою, что, между прочим, плачевно отразится и на судьбе самого В.В. Путина. Его Россия кончит так же, как и николаевская, оказавшаяся отброшенной на десятилетия назад, а сам он скорее завершит свою карьеру как Н.С. Хрущев, который под конец тоже умудрился поссориться со всеми слоями общества

и с собственной бюрократией, в результате чего его же лизоблюды решили отправить «задурившего» шефа на покой. Посмотрите на М.Ш. Шаймиева, натужно выдавливающего из себя слова одобрения по поводу своего предстоящего назначения (скорее неназначения), посмотрите на пару министр – глава федерального агентства, до сих пор не могущих разобраться, кто из них за что отвечает, посмотрите им в глаза, и вы поймете, что такой вариант совсем не исключен. К глубокому сожалению, такая смена власти, как и в случае с Н.С. Хрущевым, не приведет к принципиальному изменению характера власти. Режим серых подполковников сохранится, а на смену нынешнему лидеру придет другой, возможно, еще серее.

Без коренной реформы наших ленивых и продажных силовых структур никакой борьбы с терроризмом в России невозможно. Милиция уже прогнила настолько, что ее, вероятно, нужно просто распустить и набрать новую. Президент же вместо серьезных реформ, вероятно исходя из принципа «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», предлагает переложить ответственность на добровольные структуры граждан (которые, кстати, так «блестяще» проявили себя в Беслане, мешая работать профессионалам и умножая число жертв).

Без реального общественного, прежде всего парламентского, контроля, невозможно поступательное развитие страны в современном мире. Но чтобы понять это, В.В. Путин должен стать президентом всех россиян, а не только силовиков и высших чиновников. К сожалению, на это пока надежды мало.

Комментарий на заметку Р. Пайпса[1]

Заметка известного американского советолога Р. Пайпса, опубликованная в газете «The Moscow Times»[2], написана в характерном для него стиле, который уже многократно подвергался критике. Суть его – в идеологическом подходе к истории, в рамках которого факты подгоняются к заранее сформулированной концепции. Концепция Р. Пайпса состоит в том, что в России на протяжении ее истории сложился уникальный, отличный от западного тип общества и особая политическая культура, которая мало изменялась со временем и сегодня препятствует демократизации. В новой заметке Р. Пайпс доказывает эту мысль, приводя недавние опросы общественного мнения, показывающие недоверие большинства россиян к демократическим механизмам и собственной политической системе. Р. Пайпс не указывает, на какие именно опросы он ссылается (что уже вряд ли позволительно для серьезного исследователя), но, судя по их содержанию, он пользуется данными проведенных в 2003–2004 гг. опросов ВЦИОМ, ФОМ и РОМИР. Однако Р. Пайпс забывает сказать, что результаты эти серьезно отличаются от тех, которые те же центры получали в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века и на основе которых многие западные исследователи делали вывод, что представления большинства россиян мало отличаются от представлений других европейцев (об этом много писали, например, такие американские исследователи, как Дж. Хан, Дж. Гибсон, У. Рейзинджер). По мере того как проводимые под лозунгами демократии и рыночной экономики экономические и политические реформы постепенно приводили к экономическому коллапсу и обнищанию большинства населения, отношение к демократии, Западу и ассоциировавшимся с ним ценностям ухудшилось. Таким образом, нынешние «антидемократические» настроения россиян можно посчитать не следствием многовековой истории России (которая в конце советского периода

[1] Впервые опубликовано на английском языке в газете «The Moscow Times» (2004. July 21. P. 7) под заголовком «Pipes Can't See the Trees for the Forest» («Пайпс за деревьями не видит леса»).

[2] *Pipes R.* Flight from Freedom: What Russians Think and Want // The Moscow Times, 2004. July 6. Первоначально опубликовано в: Foreign Affairs, 2004. May/June. http://www.foreignaffairs.com/articles/59887/richard-pipes/flight-from-freedom-what-russians-think-and-want.

как раз привела к повороту их предпочтений к западным ценностям), но реакцией на гораздо более краткий исторический опыт последнего десятилетия.

Об этом говорят данные, приводимые самим Р. Пайпсом. Он говорит: «В целом россияне полагают, что они не оказывают влияния на правительство, будь то центральное или местное... Россияне неприязненно относятся к судебной системе, считая, что суды полностью коррумпированы. Они говорят о судебных слушаниях как об аукционе, где выигрывает тот, кто предложит самую высокую цену... Не менее негативно они относятся и к капитализму. 84% респондентов опроса, опубликованного в январе 2004 г., заявили, что в их стране богатство может быть достигнуто только нелегальным путем, при помощи нужных связей... Они предпочитают финансовую безопасность богатству: 6% готовы пойти на риски, связанные с частным предпринимательством, в то время как 60% предпочитают небольшой, но гарантированный доход».

Возникает вопрос: при чем здесь древняя история? Разве все эти мнения – не вполне адекватное воспроизведение реалий современной российской жизни и, следовательно, они лишь свидетельствуют о реалистичности простых россиян. Но и сегодня с отношением россиян к демократическим институтам не все так однозначно. Если забыть о самом термине «демократия», ставшем непопулярным из-за проводившейся под его знаменем политики, многие демократические институты и ценности россиянами приветствуются. Так, согласно общероссийскому опросу, проведенному ВЦИОМ в июле–августе 2003 г., 49% россиян считали, что свобода слова и печати принесла больше пользы, чем вреда (33% придерживались обратного мнения), 63% (против 19%) придерживались того же мнения о свободе предпринимательства, 61% (против 18%) – о свободе выезда за рубеж, 41% (против 24%) – о праве на забастовки, 55% (против 22%) – о сближении с Западом. И лишь в вопросе о многопартийных выборах число скептиков (40%) превысило число оптимистов (29%) (что, возможно, связано с тем, что реальная многопартийность в России так и не сформировалась)[3].

Что касается списка наиболее популярных лидеров (Петр I, В.И. Ленин, И.В. Сталин), который, по мнению Р. Пайпса, свидетельствует о любви к тем, кто «увеличил влияние России в мире», то разве

[3] *Левада Ю.А.* Человек советский: четвертая волна // Полит.ру. 24 декабря 2003. http://www.polit.ru/research/idea/2003/12/24/vciomsov.html.

россияне здесь так уж отличаются от жителей других крупных государств, например американцев? Разве не считают американцы выдающимися президентами покорителя (по мнению некоторых – истребителя) индейцев Э. Джексона, проводившего империалистическую внешнюю политику Т. Рузвельта, начавшего бессмысленную войну во Вьетнаме Дж. Кеннеди и вторгшегося в суверенную Гренаду Р. Рейгана. Первоначальная же поддержка большинством американцев военного вторжения в Ирак Дж. Буша-младшего также вряд ли свидетельствует об их стремлении видеть свою страну «законопослушной». Демократия и стремление к национальному величию (не важно, хорошо оно или плохо само по себе) вовсе не обязательно противоречат друг другу. Вся история США свидетельствует об этом, а наиболее империалистическою политику в России пыталось проводить именно либеральное Временное правительство (его министр иностранных дел П.Н. Милюков за стремление захватить Дарданеллы даже получил соответствующее прозвище). То, что россияне в лидерах прошлого уважают именно стремление к национальному величию, ясно из того, что руководители КПРФ, в кабинетах которых часто висит портрет И.В. Сталина, предпочитают говорить о его роли как создателя мощного государства, а не организатора жестоких репрессий.

Предпоследний абзац заметки Р. Пайпса является концентрированным выражением его мыслей о российской истории, сформулированных в более ранних произведениях. Они настолько общи, что практически не имеют смысла. Но даже в этих крайне общих высказываниях можно найти ряд явных неточностей и натяжек. Например, демократия существует не только в маленьких и богатых странных, но и в больших (США) и бедных (Индия).

«На протяжении 700 лет своего существования как организованного государства с слишком России приходилось управлять слишком обширной территорией со слишком ограниченными ресурсами, чтобы позволить себе демократию, которая возможна в небольших и богатых государствах. Оно опиралось на полицию и бюрократию», – пишет Р. Пайпс. Но Русское государство вовсе не было основано на полиции и бюрократии все 700 (кстати, почему 700?) лет своей истории. Самые зачатки бюрократии появились на Руси лишь в конце XV – начале XVI в., а серьезную силу она приобрела гораздо позднее, в течение длительного времени по количеству и влиянию чиновников Россия уступала большинству европейских государств (в особенности Франции). То, что можно назвать полицией, появилось в России еще позже, лишь после петровских реформ.

«Население в целом, отчужденное от государства, которое забирало рабочую силу и налоги, ничего не давая взамен, в основном опиралось на собственные ресурсы. Оно стало чрезмерно частным, у него отсутствовало чувство социальной и политической причастности», – утверждает Р. Пайпс. Между тем исследователи древнерусской литературы уже давно доказали, что чувство принадлежности к единой государственной общности существовало еще в Киевской Руси, и утверждения о его отсутствии в более позднее время с научной точки зрения ничтожны.

В заключительных утверждениях Р. Пайпса заключено внутреннее противоречие. Он пишет: «Коммунистический режим за 70 лет своего правления укрепил эти национальные традиционные установки. Если предоставить России несколько десятилетий мира и стабильности, в ней вполне могут выработаться другие установки». Но если 70 лет коммунистического правления только укрепили традиционные антидемократические представления (что, как мы показали выше, неверно), то почему несколько десятилетий путинской авторитарной стабильности должны привести к противоположному результату? Впрочем, представитель крайне правых кругов США, для которого такая стабильность в России приятна по геополитическим причинам, может этого противоречия и не заметить.

В целом специалистам по России, как отечественным, так и зарубежным, можно посоветовать бережнее относиться к ее истории и современным реалиям и делать крупные обобщения только на основе тщательного изучения исторических деталей. В противном случае такие обобщения будут иметь мало научного значения.

Выборы в России: от рождения до смерти[1]

Конечно, Россия знала выборы и раньше: выбирали новгородских посадников, архиепископов, земских и губных старост, городские магистраты, уездных предводителей дворянства и дореволюционную Государственную думу. Пару раз избрали даже царей. Но все это были, как сказали бы сегодня, выборы не вполне демократичные. Впервые необузданная анархия всеобщих, прямых, равных и тайных выборов добралась до России в незабываемом 1917 г., но возникшее в их результате Учредительное собрание, просуществовав всего несколько дней, разбрелось под зычные команды матроса Железняка. Судьба второго избирательного эксперимента, начатого в конце XX в., оказалась несколько более длительной, но и он, не прожив и 15 лет, очевидно, подходит к концу.

Первый раз я голосовал еще в советское время, при Л.И. Брежневе. Тогда выборы были не средством политической борьбы, а «праздником». Я не питал никаких иллюзий относительно их демократичности. Моя политическая активность была вызвана двумя обстоятельствами: во-первых, если не проголосуешь, могли возникнуть проблемы в моем престижном вузе, во-вторых, как голосующему впервые мне должны были дать подарок. Подарок состоял из двух частей: том избранных произведений Л.И. Брежнева, который я выбросил в ближайшую помойку, и несколько дефицитных гвоздик, которые я подарил матери.

Так, казалось бы, и должен был закончиться мой электоральный опыт, но в конце 80-х реформатор М.С. Горбачев вдруг решил использовать механизм выборов, чтобы потеснить у власти партаппарат. Первые более или менее свободные выборы проходили в СССР в 1989 г. Выбирали народных депутатов СССР. Закон о выборах был довольно консервативным: кандидаты могли быть отсеяны на окружных собраниях, делегатов на которые коммунистическое начальство старалось выбирать тайно. Однако активность простых избирателей, мечтавших свергнуть старую власть, была настолько велика, что

[1] Впервые опубликовано на английском языке в газете «The Moscow Times» (2004. March 17. P. 11) под заголовком «A Short History of Russian Elections' Short Life» («Краткая история короткой жизни российских выборов»).

в крупных городах отсеять неугодных не удалось. В нашем районе Москвы, например, мы смогли создать разветвленную организацию по поддержке «демократических» кандидатов, с координаторами в каждом РЭУ. Влекомые исключительно убеждениями, люди приходили буквально с улицы. Я, например, узнал у активистов «Мемориала», членом которого я был в своем институте, телефон какого-то активиста в моем районе, тот дал мне телефон активиста моего РЭУ, который оказался молодым интеллигентным физиком. Без всякого вознаграждения мы с моим братом, как и другие волонтеры, узнавали места собраний по выборам выборщиков, печатали на собственном компьютере объявления, собирали своих людей, приводили их туда и рушили планы районных аппаратчиков. Когда «демократические» кандидаты прошли в кандидаты в депутаты, мы продолжали агитировать за них. И так происходило повсюду в Москве, Ленинграде, Свердловске, других крупных городах. Именно благодаря активности простых людей, несмотря на бешеную кампанию властей по дискредитации «демократов», довольно значительное их количество все же прошло на всесоюзный съезд.

Выборы на Съезд народных депутатов РСФСР и в местные органы власти на следующий, 1991, год стали самыми свободными в истории России со времени Учредительного собрания. Коммунистический аппарат находился уже практически в состоянии паралича, по всей стране шли массовые манифестации в поддержку оппозиции, ограничения по выдвижению кандидатов были сняты, энтузиазм и неопытность «демократов» доходили до того, что в одном округе на одного официального кандидата выдвигали несколько «демократов». СМИ раскололись – одни поддерживали «демократов», другие «патриотов» (то есть консервативных критиков реформ), третьи придерживались официальной позиции. Наша «демократическая организация», получившая название Районное объединение избирателей, выросла и укрепилась. Нам удалось провести большинство своих кандидатов в районный совет, а также избрать «демократов» в Моссовет и на Съезд народных депутатов РСФСР. Одним из депутатов Моссовета стал я сам. Все мои затраты на выборы ограничились несколькими пачками бумаги, использованием собственного примитивного компьютера (у него не было даже жесткого диска), помогали мне в основном брат и двоюродные братья. Борьба в моем округе шла в основном с другими «демократами», одним из которых был И.Б. Чубайс, старший брат ныне более известного «реформатора» А.Б. Чубайса, официальные кандидаты не котировались, никаких

попыток подмешать голоса, несмотря на отсутствие наблюдателей, замечено не было. Об этом сообщали «наши люди» в избирательных комиссиях.

Выборы президента России в 1991 г. не были вполне демократическими. Официальные кандидаты поддерживались Кремлем, «демократа» Б.Н. Ельцина пытались дискредитировать все программы телевидения, в общем, ситуация была похожа на первые выборы В.В. Путина, которым предшествовала грязная кампания против Ю.М. Лужкова и Е.М. Примакова. Только результат был почему-то обратным: коммунистическая власть была настолько непопулярна, что все ее попытки «черного пиара» только увеличивали популярность Б.Н. Ельцина. А ведь не все было ложью, но воодушевленные избиратели не хотели верить ни в пьяные похождения своего кумира, ни в травму, полученную в Испании, ни в то, что большинство его заявлений демагогичны и внутренне противоречивы.

Кампания 1993 г., последовавшая за «демократическим» роспуском всех представительных органов власти «демократом» Б.Н. Ельциным, в зародыше показала некоторые опасные тенденции. Выборы стали превращаться из занятия любительского в профессиональное. Зарегистрировавшись кандидатом в Госдуму, я сразу понял, что братом и домашним компьютером теперь не отделаешься. Нужна была правильная кампания: штаб с работниками, автомобили, отпечатанные в типографии листовки, время на радио и хотя бы на местном кабельном телевидении и т.п. Речь шла о расходах в тысячи долларов, которые мог позволить себе уже далеко не каждый гражданин. Кроме того, мэр Москвы консолидировал власть и начал активно поддерживать своих кандидатов. Я проиграл заместителю мэра, герою борьбы с «красно-коричневыми», получившему серьезные травмы во время штурма мэрии боевиками А.М. Макашова за два месяца до этого. Но, несмотря на это поражение, я сказал бы, что те выборы были еще приемлемыми: «административный ресурс» использовался не на всю катушку, мой соперник действительно был более известным, голоса «демократов», как всегда, разделились, так как их в округе было несколько. Не то чтобы власть не вмешивалась, но она была слишком занята подтасовкой результатов референдума по конституции, который грозил сорваться из-за недостаточной явки, и на думские выборы бросила малые силы.

В 1995 г. ситуация усугубилась. Лужковская команда, как и власти других регионов, поняла, что выборы – хорошая возможность провести на федеральный уровень своих людей. В своем округе я проиграл

известному экономисту, которому, по слухам, Ю.М. Лужков лично пообещал полную поддержку. Давление властей было неприкрытым. Супрефекты лично руководили подсчетом голосов в участковых комиссиях, хотя по закону они не могли даже находиться в помещении, где шел подсчет. Именно на выборах 1995 г. в работе комиссий впервые участвовали наблюдатели и представители партий, которым выдавали копии протоколов голосования. Тогда стали ясны две вещи. Во-первых, если подходить к закону строго, практически все протоколы должны были быть признаны недействительными. Я лично не видел ни одного, в котором хотя бы что-то не было исправлено, подтерто, замазано. Иногда комиссии просто не справлялись с подсчетами и подгоняли данные без злого умысла. Но случалось, что тысячи голосов либо пропадали, либо возникали неизвестно откуда. Во-вторых, оспаривать результаты не имеет никакого смысла. На все жалобы избиркомы даже не отвечали, а суды чаще всего принимали решения, что отдельные нарушения не повлияли на общий итог выборов.

О выборах президента – 1996 писалось много. Если на думских выборах 1995 г. административное давление исходило в основном от региональных властей, то теперь центральный госаппарат неприкрыто громил коммунистов. Впервые были обкатаны «избирательные технологии»: государственные СМИ упорно навязывали страх коммунистического реванша, одновременно повышая шансы Б.Н. Ельцина как единственного борца с коммунизмом и отсекая других некоммунистических кандидатов, которые просто замалчивались. Как показала коммунистическая проверка в Татарстане, в массовом порядке было использовано и подмешивание голосов. И снова вскрытие манипуляций ничего не дало: подконтрольные властям суды и избиркомы все решали в их пользу.

К 1999 г. выборы окончательно превратились в индустрию. По всей стране работали сотни агентств, обещавшие выбрать кого угодно куда угодно – только плати деньги. Губернаторские выборы требовали затрат в несколько миллионов долларов, думский округ – по крайней мере пару сотен тысяч. Покупалось все: время на телевидении, место в газетах, наружная реклама, места в избирательных комиссиях, содействие местных чиновников. Большинство расчетов шло вчерную, официальные отчеты фиксировали не больше 10% реальных расходов. Без серьезной поддержки олигархов было уже не обойтись. Видя, что избирают только денежные мешки и друзей начальства, избиратель впал в апатию. На выборы ходить стали меньше, причем в основном те, кто всегда голосовал за начальство и

порядок. А таких всегда было достаточно. Помню, что даже в 1990 г. в моем округе по выборам народного депутата РСФСР победивший кандидат-«демократ» лишь с небольшим отрывом обошел вышедшего на второе место генерала МВД, обещавшего расстрелять преступников и предателей и навести в стране порядок. Достаточно было, чтобы 10–15% избирателей разочаровались в выборах, проявили меньшую активность, и генералы стали бы побеждать. Это и произошло к 1999 г., когда в моем округе (на этот раз в Московской области) выборы сначала вообще не состоялись, так как большинство проголосовало против всех, а затем на первое место вышел руководитель местного ОМОНа. Примерно то же произошло и на президентских выборах: два реальных соперника, В.В. Путин и Е.М. Примаков, предлагали весьма сходный путь развития. Е.М. Примаков был лишь немного поотесаннее, но ему не повезло. Кремль, уже ничего не стесняясь, бросил все силы на поддержку В.В. Путина.

Думские выборы 2003 г. показали, что игры кончились. На официальных кандидатов работал весь государственный аппарат от президента до дворника, все СМИ, неугодных кандидатов устраняли под самыми надуманными предлогами, фальсификации при подсчете были массовыми и очевидными. Даже Центризбирком признал, что в некоторых регионах число голосовавших было более 100% и что большинство бюллетеней не соответствует стандартам. Ну и что? Никаких мер, очевидно, принято не будет, ведь победил кто надо. Что уж говорить о президентских выборах. Тут у нас только один кандидат. Как заявил недавно председатель избиркома А.А. Вешняков, интересно лишь, кто займет второе место.

Итак, второй эксперимент со свободными выборами в России закончен. Но почему? Я назвал бы несколько причин. Во-первых, к свободе выборов в России никто никогда не относился как к цели, как к необходимому атрибуту эффективно функционирующей общественной системы. Они рассматривались лишь как средство: «демократами» – устранить от власти коммунистический партаппарат, олигархами – сохранить у власти Б.Н. Ельцина и насадить своих губернаторов и депутатов, а сегодняшней бюрократией – укрепить и расширить собственную власть. Поэтому недовольны результатами у нас всегда только те, кто проиграл, но даже они готовы для победы в другой раз вести борьбу точно такими же средствами. Ведь разве не недовольный сегодня А.Б. Чубайс был главным организатором вакханалии 1996 г., разве не ныне обойденные бывшие сторонники Б.Н. Ельцина подмешивали результаты референдума 1993 г.?

Во-вторых, опыт России особенно наглядно показал, что выборы превращаются в фарс в условиях отсутствия разделения властей. Ведь если суд и избиркомы подконтрольны исполнительной власти, какой смысл добиваться высоких результатов на выборах. Их все равно подмешают, а подтасованные результаты нельзя будет опротестовать. Однако победившие на выборах, надеясь опять победить тем же способом, никогда не были заинтересованы в реальной независимости судов, прокуратуры, избиркомов.

В-третьих, из-за разочарования в политике «демократов»-«ельцинистов» и манипуляций с выборами изменилось настроение избирателей. Российский избиратель сегодня пассивен, недоверчив и циничен, и для этого у него есть все основания. Власть дурит его, а он плюет на власть. Но пассивность эта не будет вечной. Если политика властей избирателю всерьез надоест (а это рано или поздно произойдет), начнется процесс, близкий к тому, что был в СССР в конце 80-х гг. Люди вновь выйдут на улицу и начнут требовать смены власти, и тогда никакие манипуляции не смогут сдержать напора масс. Тогда создадутся условия для третьего электорального эксперимента в России, который, будем надеяться, продлится еще дольше. А пока, как писал поэт, будем «дожидаться иных времен».

Грязные мысли о Родине[1]

Недавно я вернулся из без малого двухнедельной поездки во Владивосток, где читал лекции в местном университете. Не могу сказать, что я мало разъезжаю по свету, но эту поездку, пожалуй, можно признать наиболее яркой в моей биографии. И дело здесь не в уровне дальневосточного высшего образования (кстати, довольно высоком). Корень проблемы – в материях более прозаических, но, как оказалось, и гораздо более насущных.

Собираясь во Владивосток, я знал, что там нет воды. Я получил эту важную информацию из телевизионных передач. Но сухая информация звучала отвлеченно. Лишь ощутив на себе многодневный слой грязи, можно в полной мере уяснить, сколь значительную роль в человеческой цивилизации играет такая простая вещь, как вода, и задуматься над этим.

Человек XX в., в том числе в России, которая благодаря Б.Н. Ельцину, В.В. Путину и иже с ними уже практически одной ногой стоит в «цивилизованном мире», слишком многое воспринимает как должное. Например, что если среди ночи он встанет в туалет, спустит бачок, то на его произведение польется шумящий, спасительный и всеочищающий поток. Что, если утром перед работой он задумает почистить зубы и включит кран, ему не нужно будет с досадой слушать странные звуки, производимые пустой трубой. Я уж не говорю о принятии душа, мытье головы, приготовлении чая, стирке белья и т.п.

Во Владивостоке все было гораздо сложнее. Советского вида дежурная на этаже в моей гостинице сразу предупредила: «Вода будет сегодня часов с пяти до восьми, но завтра не ждите, только через день». «Ура!» – наивно подумал я, развращенный роскошью лужковской Москвы, – «не так страшен черт, как его малюют, до пяти вечера я как-нибудь дотяну, а там посмотрим». Первая трудность ждала меня в туалете. Согласно сложившейся в городе процедуре, сливать нужно было стоящим в каждом номере ковшиком, а воду набирать из пятидесятилитровой бадьи китайского производства. Бадьи были специально закуплены в далекой от нас, но близкой приморцам Срединной империи (соседи, как всегда, наживаются на нашей беде) и наполня-

[1] Впервые опубликовано в сокращенном виде на английском языке под заголовком «Dirty Thoughts About the Future of Russia» («Грязные мысли о будущем России») в газете «The Moscow Times» (2003. December 3. P. 11).

лись раз в два дня, если была вода. После пяти я ощутил истинное счастье: в моем люксе была установлена электрическая колонка, так что мыться можно было без проблем. Вернее, почти без проблем, потому что даже в «водные» часы напор воды в кране полностью изменил к лучшему воспоминание о дорогом моему сердце Туманном Альбионе, где я провел лучшие годы своей диссертационной жизни.

Мой друг, ныне британец, даже назвал свое новое отечество «страной слабого напора». Раньше я соглашался с ним и с ужасом вспоминал четыре года, значительную часть которых я провел стоя на коленях в ванной под отдельными потоками обжигающей горячей и ледяной холодной воды, стараясь приладить два конца скользкого резинового набалдашника на два крана, чтобы вода в нем смешалась и лилась на меня из третьего конца. И все это только для того, чтобы обнаружить, что напора не хватает и вода застревает на полпути. В Британии, которая уже давным-давно – неотъемлемая часть цивилизованного мира, понятие душа весьма условно, а концепция смесителя вообще отсутствует. Так что пессимисты, вероятно, правы: полное подключение к передовой части человечества вряд ли решит все проблемы нашей отчизны. Впрочем, местное население Британии вопрос напора не заботит, их бытовая культура не предполагает наличие смесителей, и меня слегка успокаивала мысль о том, что даже сама королева со своим принцем Филиппом моется точно так же, только, наверное, в золотой ванной.

Все эти мысли приходили мне в голову до Владивостока, а оксфордский резиновый шланг показался мне брандспойтом по сравнению с душем владивостокской гостиницы «Моряк». Но я справился. Сказалась британская закалка. Там, за рубежами Родины, я научился выжимать воду из душа по капле и отключать горячую, пока мылишься, чтобы она не кончилась в нагревательном бачке (трудная школа для лица, воспитанного в коммунальном расточительстве зрелого социализма).

Во время этого беспроблемного мытья мне в голову приходили две философские мысли. Во-первых, как моются другие гости Владивостока, например из соседнего Китая, которые в изобилии жили в соседних, нелюксовых номерах, где не было нагревателей. Неясна была и банная часть жизни коренного населения далекого, но «нашенского» города, в некоторые дома которого, расположенные высоко на многочисленных сопках, вода не подается в принципе.

Что касается китайцев – я не берусь судить. Культуры народов и рас различны, может быть, в Срединной империи вообще не мо-

ются, но предпочитают обтираться апельсиновым соком, которого в буфете было в изобилии. Впрочем, мой опыт подсказывал мне, что жители многих зарубежных государств все же предпочитают горячую воду. Некоторые из них являются потенциальными инвесторами, которые, по замыслу нашего правительства, должны поднять российский Дальний Восток своими капиталами. Пойдут ли они на это в состоянии перманентной чесотки – вопрос не очевидный.

Судьбу аборигенов я решил узнать непосредственно из их уст на следующий день. Другая мысль, которую я гнал от себя, но которая настойчиво лезла в мою мокрую голову, – что будет, если отключат еще и электричество: как в темноте забираться на пятый этаж по крутой лестнице, искать свой люкс в конце коридора, а в нужный момент – холодный кран или бадью с водой в нем.

С утра зубы я чистил минеральной водой, которую купил заранее. Пришлось использовать два стакана – из одного заглатывать воду, из другого – лить на зубную щетку. О бритье не было и речи, но побрился я вчера – в «водные» часы. Беседы с жителями города заставили меня почувствовать, насколько простая подача воды может изменить ритм жизни современного горожанина. В тех домах, где воду давали на два часа с утра (например, с восьми до десяти), приходили на работу позже, так как вся семья должна была успеть набрать ее во все емкости, нагреть, помыться и снова набрать на следующий день, когда воды не будет. В других местах целые коллективы, как дикие животные в засуху, срывались с рабочих мест среди дня, чтобы успеть застать в кране живительную влагу.

Но больше всего меня поразила реакция владивостокцев на свалившиеся на них трудности. Они переносили их стоически. «Вы, там, в Москве, сгущаете краски, а СМИ нагнетают обстановку», – говорил умудренный опытом профессор. «У меня, например, вчера вода была весь день, правда холодная», – добавил он, гордо снося завистливые взгляды коллег. На мои удивленные вопросы, почему бы жителям города не изловить мэра вместе с губернатором, которые сваливают проблемы друг на друга, и не бить или мазать их гнилыми помидорами до тех пор, пока они не задумаются о судьбе своих избирателей, ответы были разными, но всегда отрицавшими действие. Одни говорили, что проблема застарелая и с кондачка ее не решить. Другие, что вода есть, но губернатор специально отключает ее, чтобы скомпрометировать ненавистного мэра. Третьи, что борьба ни к чему не приводит, потому что уже боролись много раз за разные вещи, а все становится только хуже.

Возвращаясь в комфортабельном аэробусе в водную Москву, я думал о грядущем горячем душе и судьбах России. Что нужно еще отключить моему многострадальному народу, чтобы он наконец потребовал элементарных прав: отопление (кое-где уже отключили), электричество (то же самое), может быть воздух? Или мы будем любить и нынешние власти, так же как В.И. Ленина с большевиками, И.В. Сталина с пытками, Б.Н. Ельцина с «ваучером», и благодарить за то, что дают хотя бы дышать?

Имеют только те, кто борется. Вся история «цивилизованного мира» – борьба граждан за свои права – экономические, политические, любые. Свобода приходит тогда, когда в ответ на отключение воды люди самоорганизуются, выдвигают лидеров и ищут путей добиться своего. Пусть путей конструктивных, но добиться, а не вымолить у начальства. Добившись воды, электричества, газа, отопления, можно переходить к более сложным проблемам, например отсутствию в школе учителя математики, выплаты зарплаты за позапрошлый месяц или поднятия пенсии до уровня прожиточного минимума. И так – к политической свободе. Если же «слуги народа» не выполняют своих обязанностей, от них избавляются. Так поступили недавно, например, с губернатором Калифорнии, допустившим веерные отключения электричества.

Пока же свободу даруют нам сверху, ее до бесконечности будут спускать в той мере, которая на данный момент угодна властям. И в этом плане вакханалия, которая сегодня творится с выборами, вполне понятна. До тех пор, пока мы молим тех, кто уже четвертый год у власти: дорогие, мы вас поддержим, а вы хоть что-нибудь сделайте для нас – до тех пор воды не будет. Сначала воды, а потом и электричества с отоплением. И все мы станем бегать на двор и мыться снегом. Как только мы самоорганизуемся и потребуем своих прав – это и будет начало так называемого «гражданского общества», которое вступит в диалог, а не в челобитнические отношения с властью. Но после Владивостока я не думаю, что это время в России настанет скоро.

Владивосток – Москва

Все хорошо, прекрасная маркиза…[1]

В прошлую пятницу наш президент, будучи в США, порадовал американскую общественность двумя новыми выступлениями: в Колумбийском университете и на Нью-йоркской фондовой бирже. Как всегда, оба были блестящими. Президент говорил уверенно, демонстрируя детальное знание существа дела. Вкратце, его мысли можно свести к следующему: экономика у нас растет неплохими темпами в результате не только «благоприятной внешнеторговой конъюнктуры», но и «растущей предпринимательской и инвестиционной активности», ставшей результатом «структурных реформ и общего улучшения делового климата в стране». Механизмы защиты собственности у нас уже «в основном отвечают требованиям мировой практики», да и в области демократии у нас чуть ли не лучше, чем в США: даже дипломатов в аэропорту не заставляют раздеваться до трусов.

Что касается демократии, то, кажется, уже всем ясно, что при нынешнем режиме серых подполковников она (вернее, разговоры о ней), как и при социализме, предназначается для внешнего употребления. Для них – галстуки и фраки, для нас – выборы в Петербурге, в Чечне и готовящийся триумф «медведей». Недавно и сам президент заметил, что свободы слова в России никогда не было, потому он не понимает, что можно попирать. Здесь он прав лишь отчасти. Если отвлечься от краткого периода после Манифеста 17 октября 1905 г., то свобода слова (пусть и не идеальная) была в России еще лет десять – началась при М.С. Горбачеве и продолжалась при Б.Н. Ельцине. А вот при В.В. Путине кончилась, так что сегодня попирать уже и впрямь почти нечего. Арьергардный бой за нее, правда, шел, как раз пока В.В. Путин выступал в США – очередные «маски-шоу» (кажется, уже и без масок), в редакции «Нового времени». Но результат их очевиден. И вряд ли кто-то может сказать, что «споры хозяйствующих субъектов» идут без его ведома: детальное знание ситуации с ВЦИОМом, которое он продемонстрировал в США, – тому свидетельство.

Но так ли хорошо обстоит дело и с экономикой? Действительно, сегодня рост ее рост признают не только призванные быть оптимистичными правительственные чиновники, но и многие западные эксперты, проявляющие поразительное доверие к официальной рос-

[1] Написано в сентябре 2003 г.

сийской статистике. Российские официальные данные по любому поводу (а других сегодня, после разгрома ВЦИОМа, фактически нет) могут вызывать сомнения, особенно когда цифры экономического роста внезапно вырастают после соответствующих пожеланий президента. Однако то, что положение в российской экономике сегодня значительно лучше, чем в ельцинское время, не подлежит сомнению. Вопрос лишь в том, на чем основано это улучшение, сколько оно продлится и последует ли за ним экономическое чудо, застой или новый кризис.

Известно, что толчок росту национального производства был дан девальвацией 1998 г., увеличившей конкурентоспособность российских товаров, а также разумной политикой правительства Е.М. Примакова. Определенную роль сыграла ликвидация ельцинского административного хаоса в первые месяцы правления В.В. Путина. Однако, по всеобщему признанию, эти факторы действовали не более двух-трех лет. Затем новому российскому руководству крайне повезло – мировые цены на нефть взлетели, и российские доходы от нефти потащили за собой цифры экономического развития.

Реальное положение в других секторах экономики отнюдь не такое радужное. По данным Polit.ru, если исключить работающие на экспорт топливные и металлургические отрасли, давшие 10% прироста за январь–июль текущего года, остальные отрасли или удерживают свой выпуск в рамках прошлогодних показателей, или снижают темпы. Темпы роста в пищевой промышленности упали в два раза, в легкой остались на нуле, а производство легковых автомобилей вообще сократилось на 8%. Положение с иностранными инвестициями, о росте которых постоянно рапортует правительство, также не так уж однозначно. Основная часть их приходится на портфельные инвестиции, прямо не способствующих росту экономики, хотя и свидетельствующих о бóльшем доверии иностранных инвесторов. Из прямых инвестиций бóльшая часть идет в торговлю и общепит, второе место занимают инвестиции в топливный комплекс, доля остальных секторов незначительна. Возникает интересная ситуация – страна торгует природными ресурсами (не только нефтью, но и металлами, лесом и т.п.), наращивая их добычу, на вырученные средства увеличивает потребление и мало что производит. Конечно, все не так просто, рост потребления в какой-то степени стимулирует национальное производство, какие-то производства возникают и вокруг топливного комплекса. Но все это идет медленно и никак не соответствует задаче удвоения ВВП до 2010 г. Так в период повышения

цен растет и экономика Саудовской Аравии. Россия точно так же все более превращается в сырьевой придаток развитого мира.

Что же мешает России развиваться более интенсивно? Прежде всего, это вредная экономическая идеология, все еще находящаяся в плену гайдаровского «либерализма». По сути, у экономического руля сегодня стоят те же люди (или их последователи), кто еще в конце 1991 г. устами Б.Н. Ельцина обещал трудности лишь на полгода, а затем – низкие цены, стабильную экономику и улучшение жизни людей. Правительство наотрез отказывается учиться у стран и регионов, добившихся огромных успехов, не имея богатых природных ресурсов: Японии, Китая, Тайваня, Южной Кореи, Сингапура. Там не ждали автоматического роста в результате действия «невидимой руки рынка» (что в условиях России приводит к паразитированию на нефти и газе, вредном даже для самих этих отраслей, превращаемых в дойных коров бюджета), а, за неимением альтернатив, проводили целенаправленную политику развития экспортных производств с привлечением иностранного капитала. Поразительная же живучесть «либеральной» идеологии в России, даже несмотря на очевидный крах в 1998 г., объясняется ее прекрасной сочетаемостью с нынешней олигархически-клановой структурой общества и слабостью государства. Ведь для политики, проводимой во всех вышеупомянутых странах Азии, необходимо сильное государство, способное, например, вырвать часть территории из-под контроля региональных властей и создать там зону специального налогового режима для иностранных инвесторов, действующую под строгим контролем центра. Для ожидания же роста, вызванного манипуляциями со ставками налога (который все равно никто не платит) и разговорами о том, что все везде должно быть единообразно, достаточно сидеть в Белом доме с Кремлем и высказывать рекомендации. Тем временем мощные экономико-политические группировки будут получать сверхдоходы и делить остатки бывшей госсобственности.

Таким образом, выясняется, что коренные проблемы России кроются не в экономической, а в политической сфере. Серьезный инвестор не пойдет в страну, где государство настолько слабо, что даже президент не может выполнить своих обещаний (как это было в случае со строительством нефтепровода в Китай, да и с вряд ли выполнимой задачей удвоения ВВП до 2010), где оно, уступая давлению олигархов, вынуждено продавать свои активы по заниженной цене («Славнефть»), где иностранцев на каждом шагу останавливают милиционеры-«оборотни» и требуют денег. Современная эконо-

мика не может развиваться в стране с насквозь коррумпированной системой государственной власти, где правоохранительные органы «крышуют» частные компании, где право собственности даже на крупные предприятия определяется тем, кто больше заплатит судье и наймет больше бандитов или омоновцев, где прокуратура, суд, налоговые органы – лишь инструменты решения политических и экономических проблем влиятельными группировками. Никто не будет иметь серьезного дела с правительством, ответственный чиновник которого, получая зарплату в 300 долларов, публично заявляет, что он – большой любитель устриц и «мерседесов»-внедорожников. Да, коррупция есть везде, но только в современной России воровство считается доблестью. И от того, что наш президент будет по сто раз на дню рассказывать западным коллегам, как у нас торжествует демократия и законность, ничего не изменится. Сколько ни говори «халва», во рту слаще не станет.

Для того чтобы начать движение в сторону современной экономики, России необходимо коренное преобразование ее полусоветской-полуфеодальной административной системы. И речь здесь даже не идет о торжестве либеральной демократии и разделения властей, эта задача в ближайшие годы трудновыполнима. Нужен хотя бы элементарный порядок в системе управления, независимость суда хотя бы в экономических спорах, полная перестройка всех правоохранительных органов, которые настолько проникнуты коррупцией, что с ними, вероятно, нужно поступить, как Петр I поступил со стрельцами: распустить и набрать новые. Наконец, само высшее руководство страны должно из конгломерата лоббистов различных кланов и групп превратиться в независимых представителей интересов страны и общества в целом и начать активно проводить политику по развитию перспективных отраслей, опираясь прежде всего на российские «коньки» – высокий уровень образования и науки. Не нужно забывать, что период самого бурного экономического развития России был подготовлен реформами Александра II, который не только дал свободу крестьянам, но и реформировал армию, административную систему, создал реально независимый суд и местное самоуправление.

Нынешний же союз гайдаровско-«либеральной» экономической теории и авторитарно-олигархической политической практики вряд ли способен даже на такие ограниченные реформы. Об этом свидетельствуют результаты деятельности нынешнего руководства. Основные реформы, крайне необходимые обществу (военная, коммунальная, административная, естественных монополий), либо не идут

вовсе, либо проводятся по олигархическому сценарию. Борьба с коррупцией ведется лишь для показухи. Наука, образование, здравоохранение, культура умирают от недостатка средств. Да и в области экономической свободы, несмотря на все красивые слова наших «либералов», Россия, по данным американского института CATO, занимает 112-е место в мире (позади Бурунди, Того и Эквадора). Поэтому нынешняя «хорошая» ситуация, скорее всего, приведет ее не в мир современных экономик, а в мир тех, кто обслуживает их сырьем, стагнируя десятилетиями, но не доводя дела до серьезного социального взрыва за счет торговли природными ресурсами. Так живут сегодня многие богатые природными ресурсами государства Африки, Латинской Америки, арабского мира.

Появились молодые, превоспитанные люди…[1]

Глядя на превращение всех каналов нашего телевидения по форме собственности в государственные, а по содержанию в «позитивные», многие усматривают в этом главное отличие нынешней эпохи от ельцинской. Но наступление отупляющей заграничной развлекухи и жизнеутверждающих новостей с экранов – лишь вершина айсберга. В действительности, как говаривал т. Сталин, все решают кадры, и именно в кадровой области происходят фундаментальные перемены. Вспомните героев эпохи «демократической неразберихи» – С.М. Шахрай, С.Б. Станкевич, А.А. Собчак, Г.Х. Попов, Р.И. Хасбулатов, Б.Е. Немцов, С.В. Кириенко, В.Ф. Шумейко, С.А. Филатов. Все они и многие другие по крайней мере начали свой путь в политику благодаря выборам, в одночасье по воле избирателей превратившись из никому не известных комсомольских активистов или научных сотрудников в политиков национального масштаба. Достаточно взглянуть на персональный состав нынешнего высшего руководства страны, чтобы понять, что времена электорального своеволия прошли, а сам принцип рекрутирования принципиально изменился. На смену чувствовавшим поддержку избирателей и потому таким разным, говорящим что вздумается и делающим что попало героям эпохи ельцинизма пришел скромный и бесцветный чиновник-путинец. Взгляните на любого высшего чиновника в сегодняшних правительстве или аппарате президента, и вы обнаружите, что начал имярек свою карьеру в аппарате одного из министерств и занял свою должность исключительно благодаря близости к начальству. Возникла организованная пирамида, которую венчает ее олицетворение – тихий, недавно безвестный чиновник. Типологически процесс очень сходен с «аппаратной революцией» И.В. Сталина, заменившего в 20-х гг. прошлого века у власти героев революции безликими бюрократами. Начало этого процесса и подметил В.В. Маяковский, написав строки, поставленные нами в заголовок.

Разнообразие тоже закончилось, путинцы делятся всего на несколько подгрупп: «либералы-питерцы» из Ленгорисполкома, имев-

[1] Впервые опубликовано в сокращенном виде в «Независимой газете» (2002. 16 февраля. С. 2) под заголовком «Появились молодые, приспособленные люди» (видимо, в связи с незнанием творчества В.В. Маяковского).

шие счастье работать под А.А. Собчаком и А.Б. Чубайсом, «силовики-питерцы», работавшие или учившиеся с «Самим», да, пожалуй, еще «союзники-регионалы», которыми дружественные губернаторы набили список «Единства», стремясь одновременно выполнить разнарядку Москвы и избавиться от самых нерадивых. Некоторые остатки «Семьи» и временно вписавшихся фигур эпохи «неразберихи», еще помнящих о выборах (типа С.К. Шойгу или А.П. Починка), лишь подтверждают общее правило.

Хорошо все это или плохо? Конечно, ельцинская неразбериха с кадрами была абсолютно разрушительна, и восстановление нормально работающей бюрократической машины, в которой чиновники не просто работают на свой карман, но и выполняют государственные задачи, крайне необходимо стране. Однако нынешнее руководство забывает, что в современном обществе бюрократический аппарат существует лишь в системе исполнительной власти, а для контроля над ней (то есть именно для того, чтобы она работала эффективно) должны существовать еще и независимый, избираемый населением парламент, независимый суд и независимые СМИ. Нынешняя же волна бюрократизации захватила и эти органы. Вся так называемая судебная реформа свелась лишь к ограничению независимости судей, а «хорошо организованные» выборы привели к тому, что не выбор людей делает людей политиками, а, наоборот, дружба с чиновниками определяет выбор. На федеральном уровне Совет Федерации уже назначается, а на следующих выборах в Думу, очевидно, также пройдут лишь «позитивные» партии и кандидаты (генеральную репетицию в Москве и многих других регионах уже провели).

Создаваемая бюрократическая диктатура не только скучна, но и опасна. Конечно, это не значит, что мы непременно вернемся к сталинизму, хотя любая диктатура требует усиления репрессий: «позитив» нужно защищать от «нытиков и маловеров». Но не менее важно, что, ликвидируя независимые от исполнительной власти государственные и общественные учреждения, власть закрывает клапаны для выхода общественного недовольства. Сегодня этого недовольства мало, президент популярен. Но так же в начале своего правления были популярны и М.С. Горбачев, и Б.Н. Ельцин. Любовь народная непостоянна. Она напрямую не зависит от экономической ситуации, так как ожидания всегда превышают даже самый быстрый экономический рост (вспомним, например, судьбу кумира наших либералов А. Фухимори). В этом смысле ставка на то, что будущий экономический рост (которого, кстати, последнее время нет) все оправ-

дает, ошибочна. И если ко времени, когда новый кумир российской публики ей наскучит и она начнет винить его за все свои беды, у нее не будет цивилизованных средств для выражения недовольства, нас ждет новая волна уличных беспорядков и перекрытия железных дорог. Будет ли это «южнокорейский вариант» (в случае растущей экономики) или «аргентинский» (в случае экономического краха) – разницы нет: теоретики «стабилизации» и фанаты П.А. Столыпина из окружения президента явно готовят нам не Великую Россию, а великие потрясения.

Возвращение вранья[1]

В скором времени советская действительность может вернуться окончательно. Мои три десятилетия жизни в СССР запомнились как время вранья. Вера в светлое коммунистическое будущее уже давно ушла в прошлое (если она когда-то и была), и идеологическая болтовня учебников и властей воспринималась как правила игры: хочешь поступить в институт, получить хорошую работу, продвинуться по службе, поехать за границу – говори, что положено. Можно как угодно (и заслуженно) ругать время Б.Н. Ельцина, но постоянное вранье властей и особенно СМИ тогда ушло: спад производства назывался спадом, а не «трудностями роста», переворот – «переворотом», война – «войной», а не «вводом ограниченного контингента» (фраза «наведение конституционного порядка» как-то не привилась), беженцы – «беженцами», даже на рельсы президент обещал лечь искренне, вернее, не искренне лечь, а искренне надеялся, что ложиться не придется, так как через пару месяцев все будет хорошо. И не то чтобы никто не врал, но альтернативу вранью легко было найти, достаточно переключить телеканал.

Сегодня официальное вранье возвращается. Появились формулировки, напоминающие старые. Вот, например, «спор независимых хозяйствующих», или «самостоятельная судебная власть в России... состоялась» (это из речи президента на съезде судей), или насчет невозможности дозвониться генпрокурору... Правительство рассказывает нам о среднем росте экономики за прошедший год, забывая упомянуть, что последние три месяца никакого роста вообще не было. Пошел слух, что главный пропагандист по чеченским вопросам запретил сообщать реальные цифры потерь. На смену тупым министрам, неспособным связать двух слов, пришли «министры-капиталисты», которые рассуждают долго и правильно. Например, министр информации, давя независимые СМИ, постоянно рассказывает, как он их любит и поддерживает, министр культуры, выгоняя руководителей крупнейших театров и оркестров, объясняет, что это для их же блага, зампредседателя арбитражного суда, закрывший популярную телекомпанию, рассказывает, как он любит закон и не любит частные компании, в которых раньше работал. «Министры-капи-

[1] Впервые опубликовано в сокращенном виде в газете «Российские вести» (2002. 23–29 января. С. 2) и в «Независимой газете» (2002. 21 марта. С. 2).

талисты» врут очень похоже на советских «министров-социалистов», но те делали это лишь из карьерных соображений, нынешние же обычно не забывают и о своих деловых интересах. Случаются, правда, и проговорки. Помните, что ответил президент мальчику, у которого сгорел дом: «У меня нет права, законного основания как-то решить эту проблему немедленно. Но я уверен, что мир не без добрых людей, у нас много благотворительных организаций, фондов. У меня есть основания полагать, Ваня, что тебе и твоей семье помогут». Не значит ли это, что независимому фонду посоветуют помочь? Или он сам поймет? Как-то эта формулировка до боли напоминает знаменитую сталинскую из разговора с М.А. Булгаковым: «Я не знаю, согласятся они или нет, но думаю, что они могут согласиться». Какой суд, какая самостоятельность, какая поддержка, какой прокурор? Вы знаете хотя бы одного человека, кто в это верит? Кто не знает, почему закрыли НТВ и сейчас закрывают ТВ-6, как дают указания нашим судьям, как «шьют» дела в прокуратуре, как бьют в милиции? Лично я был в суде один раз. Это был суд второй инстанции, Московский областной, и рассматривал он мой иск о том, что мне как кандидату не предоставляют равное с другими кандидатами время на телевидении. Судья, полная женщина, похожая на продавщицу, сказала тогда следующее: «Я не допущу чтения закона в зале суда, так как это будет давлением на суд». Какая Европа? Вы что, с Луны свалились? Почему-то больше верится Б.А. Березовскому, когда он говорит о том, что руководитель администрации сказал ему: «Отдай акции ОРТ, или сядешь, как В.А. Гусинский». Именно так разговаривают у нас не по телевизору, нам это привычно. Нет, ни мы, ни наши власти совсем не свалились с Луны. Зачем же тогда, как писал Дж. Свифт, говорить «то, чего нет». Есть несколько теорий на этот счет. Первая: представители силовых структур, пришедшие сегодня к власти, привыкли рассматривать достижение своих целей как «операцию», для успешного проведения которой необходимо «пропагандистское прикрытие»: сами мы в него, конечно, не верим, но другим затуманим мозги и в суматохе достигнем цели. Вторая: сегодняшние стратеги-пиарщики убедили руководство страны, что народ устал от «негатива» и будет с радостью глотать успокоительное вранье. Наконец, в связи с нашим курсом на дружбу с Западом, возможно, вранье обращено для внешнего потребления: если не убедить Запад, что у нас полная демократия, они не дадут нам инвестиций, а наша экономика никогда не поднимется.

Все эти цели весьма благородны. Но есть во вранье и опасность. Привычка к вранью создает разрыв между властью и населением. Общественное успокоение живет недолго, и, как только в экономике возникают трудности, властям предъявляют серьезный счет. И тогда выбор один: либо уходить, либо заставлять верить или хотя бы принимать ложь. Здесь нужны будут политические репрессии, и тогда советская действительность вернется уже окончательно, мы вспомним не только вранье, но и страх, страх сказать не то, что положено.

Россия Путина. Диктатура закона или диктатура в законе?[1]

Мудрый творит законы,
а глупый ограничен ими.

Книга правителя области Шан
(IV–III вв. до н.э.)

События в российской политике развиваются стремительно. Президент, явно выжидавший до дня вступления в должность, начал действовать быстро и решительно. Не все, однако, воспринимают действия властей как последовательные: борцы за права человека удивляются противоречию между попытками обеспечить законность в федеративных отношениях и атакой на СМИ, сторонники мощной централизованной власти – между стремлением обуздать губернаторов и разговорами о необходимости обеспечить независимость и судебную защиту частных предпринимателей, борцы за «либеральные» реформы в экономике – между планами увести государство из экономики и полностью подчинить Кремлю всю политическую сферу. Начались разговоры о разногласиях в президентской команде, борьбе между В.В. Путиным и «Семьей» (новую пищу для них дала история с назначением генпрокурора).

Но так ли уж противоречивы меры нового президента? Ошибка большинства наблюдателей, выявляющих противоречия, заключается в подходе к политике нынешнего руководства страны с собственных позиций, а не с точки зрения тех, кто сегодня занимает кабинеты в Кремле и Белом доме.

Во властных структурах и правда действуют несколько влиятельных группировок, однако их усилия необязательно направлены в противоположные стороны.

Лишь две из этих группировок предлагают программы, отличные друг от друга. Для того чтобы понять внутреннюю логику принятия тех или иных решений, необходимо взглянуть на ситуацию в стране их глазами.

[1] Впервые опубликовано в «Независимой газете» (2000. 25 мая. № 94 (2156). С. 8).

Неолибералы

Первый подход можно обнаружить в документах, исходящих из Центра стратегических разработок Г.О. Грефа, статьях и высказываниях связанных с ним экономистов (А.Н. Илларионов, А.В. Улюкаев, Е.Г. Ясин, О.В. Вьюгин), некоторых пишущих олигархов (П.О. Авен) и их сторонников.

Большинство из лидеров этой группы пришли во власть с гайдаро-чубайсовским правительством, но оставались в нем на вторых ролях. После ухода Е.Т. Гайдара некоторые остались в госорганах, но многие ушли в бизнес или даже интеллектуальную оппозицию к официальной экономической политике, а сегодня оказались востребованными новой властью. Эту группу можно назвать «либералы», а точнее – «неолибералы».

Кто такие российские экономические «либералы»? Это люди, которые истово верят в несколько простых постулатов и всеми силами стремятся провести их в жизнь. Вот основные из них: 1) законы экономики сродни законам математики и действуют одинаково в любом обществе; 2) свободный рынок – при любых условиях и в любом обществе – наиболее разумная форма развития экономики; 3) главный внеэкономический ограничитель рынка – государство, следовательно, оно должно в максимальной степени самоустраниться из экономики, сохранив за собой лишь создание правовых условий функционирования рынка; 4) один из основных элементов ухода государства из экономики – сокращение бюджетных расходов, «жизнь по средствам»; конечно, государство должно осуществлять определенную социальную политику, но желательно социальные расходы свести к минимуму; 5) активная экономическая политика государства, например создание экспортных или поддержка передовых отраслей путем предоставления налоговых льгот, госпрограммы по развитию тех или иных регионов, даже госвложения в инфраструктуру – все это мешает работать свободному рынку и потому неприемлемо.

В соответствии с этими принципами Е.Т. Гайдаром и его командой предлагались и конкретные экономические меры по переводу советской экономики на рыночные рельсы. Меры эти, несмотря на сложные научные разговоры, на самом деле крайне просты: 1) повысить все цены до рыночных; 2) приватизировать бóльшую часть предприятий, пусть за ничтожную сумму, пусть отдав неизвестно кому, но быстро и решительно; 3) сократить госрасходы и ликвидировать бюджетный дефицит; 4) ждать неизбежного экономического роста, кото-

рый принесет увеличение благосостояния населения и за счет роста налогооблагаемой массы позволит поддерживать бюджетные сферы.

Все знают, чем кончилась попытка гайдаровского правительства провести эту программу в жизнь первый раз в 1992 г.

Естественно, крах курса «либералов» вызвал критику с разных сторон. Известные экономисты указывали им на то, что не все страны одинаковы. Говорили им и то, что даже в странах с развитой рыночной экономикой, например послевоенных Франции, Британии, Италии и Японии, государство играло существенную роль в экономической жизни, принимая в том числе и некоторые административные меры, что везде в Европе существовал (и существует) госсектор и проводится активная социальная политика, практически везде государство обеспечивает бесплатное (или практически бесплатное) образование, медицину, пенсионное обеспечение и т.п. Уже и некоторые лидеры «либералов», осуществлявших реформы на практике, и те, кто их ранее поддерживал на Западе, включая руководство МВФ, частично признали свои ошибки, заявляя, что недооценили роли государственных институтов и реальной ситуации в российской экономике. Однако фанатичные «либералы» критиковали реальных «либеральных» реформаторов с других позиций: виновата не реальность, а нерешительность реформаторов.

Именно эти ультралибералы сегодня представляют наиболее влиятельную группу среди разработчиков экономической политики В.В. Путина. Предлагаемая ими программа (так называемая программа Г.О. Грефа) – это новое издание гайдаризма: гайдаризм криминально-клановой эпохи.

Кроме снижения государственных расходов и ухода государства из экономики, она предполагает также создание и жесткое соблюдение правовой инфраструктуры рыночной экономики и передачу значительных экономических полномочий регионам (как одну из мер по выводу центральной власти из экономики).

Программа эта, несмотря на разумность и даже крайнюю необходимость некоторых ее элементов, – крайне взрывоопасная смесь. Сокращение социальных выплат, приватизация пенсионной системы, перевод значительной части образования и медицины на платную основу, стопроцентная оплата жилья и т.п. приведут к резкому росту недовольства населения, которое может вылиться в забастовки и другие массовые акции.

Меры эти выдают плохое знание собственной страны. Пенсионные средства, переведенные в частные фонды, в российских услови-

ях, безусловно, будут украдены. Такое было даже в законопослушной Британии. Увеличение платы за медицину и образование (кстати, практически повсюду в «цивилизованной» Европе медицина, среднее и высшее образование совершенно или практически бесплатные, пенсия и минимальная зарплата и пособие по безработице гарантированы государством, и введены все эти гарантии были в обстановке послевоенной разрухи, что только стимулировало экономический рост) повлечет увеличение смертности и молодежной преступности. Квартирная же плата и сегодня многим не по карману. Окончательно вымрет Север, который не сможет выжить в условиях тотального рынка. В то же время к ожидаемому экономическому подъему предложенные меры, как и в прошлый раз, не приведут, так как, по меткому выражению академика РАН А.Д. Некипелова, «нашу экономику можно сравнить с городом, в котором нормально функционируют светофоры, но участники движения – дальтоники»[2]. Российская экономика не реагирует (или «неправильно» реагирует) на «правильные» экономические меры, будь то «либеральные» или «нелиберальные», и, для того чтобы применять методы реформирования, обычно действенные в рыночных экономиках, необходимо сначала вывести ее на рыночные рельсы.

Еще более углубят хаос, вызванный «либеральными» экономическими рецептами, меры, предлагаемые в грефовской концепции судебно-правовой реформы. Явно позитивные и необходимые меры (усиление роли суда, ликвидация соответствия судебных округов административно-территориальному делению страны) не могут компенсировать общей ее направленности на развал остатков государственности и впечатления полного игнорирования российской действительности. Конечно, хорошо, когда народ избирает начальников местной полиции (как в Америке!) и когда большая часть полиции подчиняется местным властям, но в России все знают, что именно муниципальная милиция наиболее коррумпирована. Предлагаемое перекладывание финансирования милиции, ГИБДД и противопожарной службы на муниципальный бюджет и передача вневедомственной охраны в частные руки в наших условиях приведет к мощному росту коррупции, усилению связи этих структур с преступностью и уничтожению одного из последних рычагов влияния центра на обстановку в регионах.

[2] Какая экономика нужна России? // Деловая пресса. 2000. 20 апреля. № 15 (46). http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_644_aId_22085.html.

Недовольство населения снизит популярность режима, укрепит оппозицию в парламенте и вне его, приведет к саботажу неэффективного курса регионами и поставит нового президента перед выбором: либо, как это сделал в аналогичной ситуации Б.Н. Ельцин, смягчить «либерализм» или даже отказаться от него, либо проводить его по-чилийски, то есть диктаторскими методами. В первом случае президент начнет искать новую политику и новых исполнителей, что с гораздо меньшей кровью можно сделать уже сегодня. Во втором – самое последовательное и жесткое проведение либерального экономического курса в российских условиях приведет к еще большему кризису, диктатуру придется укреплять, и мы придем не к чилийскому, а скорее к аргентинскому или гаитянскому варианту: криминально-клановая система с элементами демократии сменится застойной криминально-клановой диктатурой.

Идеи отказа от «излишних» демократических процедур последнее время становятся все более популярны среди «неолибералов». Сторонники этого пути постоянно приводят примеры экономически эффективных диктатур: китайская, южнокорейская, чилийская. Но даже если закрыть глаза на то, что за экономический прогресс в этих странах заплачено жизнью многочисленных жертв репрессий, на каждый пример эффективной диктатуры можно привести два примера неэффективной (например, многочисленные африканские и латиноамериканские режимы). С другой стороны, примеры экономически эффективных демократических режимов (Индия, Япония, послевоенная Германия) показывают, что авторитаризм не является ни необходимым, ни достаточным условием для экономического рывка. Все зависит от конкретных условий конкретной страны.

Кроме того, в условиях, когда «либеральный» курс для России отвергнут большинством ведущих западных экономистов и политиков, его возрождение, да еще и проведение, вопреки желанию большинства, с использованием недемократических методов вызовет неизбежное охлаждение отношений с Западом и поставит власть перед выбором между изменением курса или продолжением его в условиях международной изоляции.

Выходцы из военизированных структур

Костяк другой группировки составляют выходцы из спецслужб, начинавших свою карьеру еще в советское время. Они отлично видели неэффективность советской системы, но в то же время понимают

происходившее в последние десять лет не как ее реформирование, а как уничтожение государственности. Причиной провала ельцинских реформ они считают беззаконие. Отсюда и главный путинский лозунг: восстановить законность, установить «диктатуру закона». Именно стремлением к укреплению «законности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления» обосновывается необходимость принятия важнейших актов, изменяющих основы федеральных отношений, которые дадут возможность президенту за нарушение закона отстранять от должности глав субъектов Федерации, ослаблять их влияние, изгнав из Совета Федерации, но предоставят и им самим право распускать органы местного самоуправления. Для обеспечения законности назначаются и полномочные представители президента в новые федеральные округа.

Частью этого подхода является свойственное военным понимание власти как прямой вертикали с обязательным подчинением нижестоящих вышестоящим, стремление выстроить отношения в обществе по армейскому образцу, а также укрепить собственно армию и другие военные образования как наиболее «чистую» и «дисциплинированную» часть общества, повысить статус военных и во многих случаях ставить их руководить «разболтавшимися» гражданскими. Не случайно среди вновь назначенных полпредов так много военных.

Могут, однако, спросить, почему, несмотря на это стремление к соблюдению закона, некоторые меры властей и даже высказывания самого президента отдают откровенным беззаконием. Взять хотя бы отношение власти к выборам. Будучи и.о. президента, В.В. Путин устраивает совещание губернаторов, где они публично обещают обеспечить тот или иной процент голосования за поддерживаемую им партию. Дело доходит до поистине патетических сцен, когда, например, руководитель президентской администрации А.С. Волошин рассказывает нам, как он обеспечит исключение «административного ресурса» из избирательного процесса (а мы все, конечно, верим и плачем от умиления). Да и сам В.В. Путин, заявляя, что выборы должны быть честными, постоянно вмешивается в избирательный процесс, открыто поддерживая то Г.Н. Селезнева на пост губернатора Московской области, то противников В.А. Яковлева в Санкт-Петербурге, то вдруг устраняя этих противников. А ведь есть законодательство о выборах – почему не начать диктатуру закона с его соблюдения?

Но дело не только в выборах – президент и министр юстиции публично называют журналиста А.М. Бабицкого (личность доволь-

но одиозную, но какое это имеет значение?) врагом и преступником задолго до суда (а как же презумпция невиновности?), причем разыгрывают с ним совершенно абсурдную историю. Телевизионным каналам, позволяющим себе критиковать власть, грозят изъятием лицензии или организацией финансового краха. Министр по антимонопольной деятельности одобряет создание монополии, организуемой «нужными» олигархами. Люди в масках штурмуют ведущую компанию СМИ (по совпадению занимающую позицию критическую по отношению к властям), а представители ФСБ открыто демонстрируют якобы изъятые при обыске документы и передают их конкурирующим телекомпаниям не только до суда, но даже до конца следствия. Именно эти действия, а не абстрактные разговоры о необходимости диктатуры закона становятся сигналом для десятков тысяч крупных и мелких начальников по всей России, именно их они и будут копировать.

И планы Кремля не предвещают ничего хорошего. Напомню только о появившемся в «Коммерсанте» проекте реорганизации президентской администрации, который фактически восстанавливает в ее рамках Пятое управление КГБ в виде так называемого «Политического управления Президента РФ» для контроля над оппозицией, выборами и СМИ. Хотя президентская администрация и открещивается от этого документа, действует она пока в странном соответствии с ним.

Вопрос не во внутренних противоречиях, а в своеобразном понимании закона. Закон можно понимать по-разному: этим словом называют и решения британского парламента, и сталинскую Конституцию, и воровские правила. В данном случае закон понимается не как зафиксированные и оберегаемые государственной властью обязательства по обеспечению естественных прав личности (как в различных теориях естественного права), не как выраженные в правовой форме обязательства договаривающихся сторон (как в теориях договорного права), но как метод управления, способствующий достижению целей верховной власти. Естественно, источником такого закона может быть только сама власть. Хаосу, вызванному противоречиями местных постановлений и традиций, противопоставляется порядок, основанный на жестком соблюдении единых законов, исходящих от политического центра.

Теоретические корни такого утилитарного отношения «военной» группировки российских руководителей к закону нужно искать в советском опыте. Учились они у советских правоведов, которые еще в 1938 г. решили, что «советское право есть совокупность правил по-

ведения, установленных в законодательном порядке властью трудящихся, выражающих их волю и применение которых обеспечивается всей принудительной силой социалистического государства, в целях защиты, закрепления и развития отношений и порядков, выгодных и угодных трудящимся, полного и окончательного уничтожения капитализма и его пережитков в экономике, быту и сознании людей, построения коммунистического общества»[3]. Сегодня общественные цели изменились, трудящимся стало угодно строить не коммунизм, а капитализм. Но неизменно отношение к праву как к эффективному инструменту государственной политики и желание применять различные правовые меры в зависимости от их социального содержания. Исходя из такой трактовки, нельзя с одинаковыми мерками подходить к тем, кто работает на благо общества (социально близкие), и тем, кто явно действует против него (социально вредные). С этой точки зрения призыв исходить из презумпции невиновности по отношению к П.П. Бородину и объявление А.М. Бабицкого или «МОСТа» (работающих против одной из важнейших общественных целей – операции в Чечне) виновными до суда вовсе не является противоречием. Разное отношение к империям В.А. Гусинского и Б.А. Березовского, к ТВЦ и ОРТ, к В.А. Яковлеву (несмотря на все личное) и Ю.М. Лужкову (хотя отношение к последнему меняется по мере изменения его поведения в более социально приемлемую сторону) – все это становится частью последовательной и понятной линии, определяющейся тем, что в данный момент считается общественно полезным. Диктатура – для одних, закон – для других. Мы будем осуществлять диктатуру, а вы – соблюдать законы. Чиновнику – «презумпция невиновности», а журналисту – приговор без суда. То же и с административным ресурсом – исключить применение его теми, «кому не положено», чтобы те, «кому положено», могли применять его в полную мощь. Для внешнего наблюдателя это не что иное, как двойная мораль и воплощение принципа «цель оправдывает средства».

Подобное отношение к закону вовсе не означает, что все меры, принятые в его рамках, будут деструктивными. Многое зависит от того, что считается в данный момент социально позитивной целью. Сегодня цели – обеспечение единства страны и ее ускоренного экономического развития. Первая цель вполне может быть достигнута,

[3] *Вышинский А.Я.* Вопросы теории государства и права. М.: Госюриздат, 1949. С. 17.

и меры по ограничению власти региональных баронов, восстановлению единого правового пространства, обеспечению действия Конституции и федеральных законов на всей территории страны здесь можно только приветствовать. Однако, одобряя принимаемые нынешними властями меры в области федеративных отношений, мы не должны закрывать глаза на то, что их результатом, если нынешнее «инструментальное» отношение к закону сохранится, будет вовсе не демократическая «цивилизованная» Россия, но жесткий авторитарный режим. Для самой власти проблема будет состоять не в этом, а в том, что жесткая централизованная и военизированная система, черты которой проступают в нынешних реформах, вряд ли сможет обеспечить экономический подъем, да и просто эффективное управление.

Повышение статуса армии и других образований военного типа и связанное с этим поощрение уважительного отношения к собственной стране, ее истории также до определенной степени может только приветствоваться. Государство не может существовать без знания истории и уважения к общим ценностям, а армия – без денег и чувства собственного достоинства. В любом случае нынешняя тенденция – это неизбежная реакция на разрушительную антигосударственную политику и издевательства над армией ельцинского периода. Но ничто не должно перехлестывать через край. Отдание должного военным и построение государства по милитаристским принципам, назначение военных на ключевые политические должности, призыв всех поголовно на войну – совершенно разные вещи.

Привыкшие к военной дисциплине выходцы из военизированных структур в руководстве считают, что ослабление губернаторов без излишнего их раздражения может быть достигнуто, если им взамен будет отдана полная власть над непослушным местным самоуправлением. Это, во-первых, полностью соответствует схеме четкого централизованного управления, а во-вторых, жертва не так уж велика – неэффективные, болтающие местные избранники. Однако обуздание регионального беззакония вряд ли даст положительный результат, если будет направлено на облегчение условий для беззакония центра. В России милитаристы-централизаторы обычно кончали плохо (Иван Грозный, Бирон, Петр III, Павел I или Николай I). Ускоренное же экономическое развитие приходилось на периоды расширения гражданских прав и местного самоуправления, причем это расширение внедрялось сильной, но разумной государственной властью. Так было при Петре I, Екатерине II, но особенно при Александре II, реформы которого обеспечили скачок конца XIX – начала XX в.

Российский исторический опыт показывает, что принимаемые сегодня меры по обеспечению единства страны смогут дать позитивные результаты, только если будут сопровождаться не свертыванием пусть несовершенной, а все-таки демократии, этого единственного достижения ельцинской эпохи, но ее совершенствованием, прежде всего на уровне местного самоуправления, чего как огня боятся региональные бароны. Местное самоуправление, о роли которого много писал А.И. Солженицын, будет одновременно и школой народовластия для населения, и (что было бы весьма полезно для Кремля) политическим противовесом властям региона. Ему необходимо дать активнее заниматься не полицейскими функциями и тушением пожаров, но, как это успешно делали земства, образованием, здравоохранением, возможно, коммунальным хозяйством, причем не передавать местным органам государственные школы и больницы (что способно разрушить существующую систему, не создав другой), но поощрять создание новых так, чтобы разница между государственными и местными учреждениями была видна и у жителя возникла возможность выбора. Опираясь на местное самоуправление и на полпредов, президент сможет более эффективно ограничить нынешние региональные кланы, действуя одновременно сверху и снизу, выглядя при этом не самодержцем, заботящимся только о собственной власти, но социальным реформатором.

Криминально-клановая система

Политическую систему, сложившуюся в результате «реформ», можно определить как «криминально-клановую» или «электорально-клановую». Первое название показывает, что ее основу составляют борющиеся за власть группировки кланового характера, тесно сросшиеся с криминальным миром, широко применяющие для достижения своих целей незаконные действия либо непосредственно, либо используя связи в преступном мире. Второе подчеркивает, что эти группировки в борьбе за власть в качестве одного из основных методов используют систему выборов.

Эта политическая система еще в меньшей степени, чем советская, способна обеспечить экономическое развитие и привести к полной деградации экономики и постепенному распаду государства как единого управленческо-правового и экономического пространства. Естественно, что новая власть, стремящаяся обеспечить экономическое развитие государства, должна начать с попытки сохранить само

это государство, а это означает ликвидацию или существенное ограничение всевластия кланов.

Команда В.В. Путина вроде бы понимает это, но, похоже, хочет обойтись малой кровью. Лозунг дня – не ликвидация олигархов и их империй, но дирижирование ими и направление активности кланов в нужное русло. Идея эта порочна как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Президент и его советники говорят, что крупный бизнес везде, в том числе и в «цивилизованных» странах, влияет на политику. Это так, но вовсе не везде крупные бизнесмены напрямую (то есть благодаря связям, а не победе на выборах) делегируют в высшие властные органы своих представителей или сами становятся министрами, в результате чего правительство превращается в конгломерат враждующих друг с другом лоббистов. Такое бывает только в криминально-клановых системах. Превратить наших олигархов в «цивилизованных» путем укрепления независимости центральной власти и подчинения деятельности кланов закону (а такова, по его собственным словам, цель В.В. Путина) невозможно по той причине, что наличествующие олигархи создали свои империи как раз вопреки закону и только благодаря своим связям с властью. Они не способны действовать как «цивилизованные» бизнесмены, потому что таковыми не являются, по своей сути они – криминально-клановые махинаторы. Прекрасно понимая, что свободная конкуренция, законность, честные выборы – крах дела их жизни, что без друзей в правительстве и Думе, без тендеров с заранее известным результатом, без таможенных и налоговых льгот их империи обречены на гибель, они будут всеми силами цепляться за старую систему. Поэтому балансирование между имеющимися олигархами, за которым, скорее всего, стоит желание использовать «полезных» из них для нужд власти, ограничивая рамками закона «вредных», не выведет страну из застоя. Для экономического развития, кроме укрепления независимости центральной власти и подчинения деятельности кланов закону, необходимо перераспределение собственности, благодаря чему она перейдет из рук махинаторов в руки способных работать в условиях конкуренции. Для такого перераспределения вовсе не нужны конфискации и экспроприации. Достаточно в судебном порядке пересмотреть явно криминальные приватизационные сделки, а для начала просто изгнать из руководства страной откровенных лоббистов, без которых их клиентам придется трудно. Однако пока новое руководство не делает даже самых скромных шагов в этом направ-

лении, предпочитая по-ельцински лавировать между кланами. Возможно, решающий удар по олигархическим кланам и будет нанесен, а сегодня президент выжидает, опасаясь действовать сразу по всем направлениям. Однако, если в руководстве возьмет верх «инструментальное» отношение к закону, удар этот, вероятно, будет направлен не против всех олигархов, но против тех, кто не сотрудничает с властью. С остальными договорятся по-хорошему.

Сильный или слабый?

Большинство россиян голосовали за нового президента России как за сильного лидера, и он звучал и выглядел таковым. (Россияне всегда голосуют за того, кто выглядит сильным.)

Сегодня на Западе все громче звучат голоса специалистов, сомневающихся в том, что В.В. Путин – сильный лидер. Недавно с развернутым обоснованием слабости нового президента выступил известный американский эксперт Д. Джонсон, автор интернетовского сборника, посвященного российской политике. Согласно Д. Джонсону, В.В. Путин – лидер без достаточного опыта, всегда бывший на вторых ролях, не имеющий собственной опоры во властных структурах, приведенный к власти людьми Б.Н. Ельцина и зависимый от них и поэтому вынужденный опираться на советы, поддержку и мнение других, согласовывать свои действия с различными влиятельными группировками и балансировать между ними. Не преувеличивать силы кремлевского лидера в связи с мощным влиянием кланов и регионов советует и эксперт Фонда Карнеги Т. Грэхэм. А склонный к парадоксам американский профессор Дж. Хаф даже эпатирует публику теорией о том, что реально в России все еще правит Б.Н. Ельцин. Ельцин не Ельцин, но что тут возразишь – большинство его людей на своих местах, они продолжают «координировать вопросы»...

Те, кто хочет уличить президента в слабости, легко находят ее примеры. Хотел наш президент еще в бытность и.о. отодвинуть от руководства чеченской операцией нескольких генералов, да передумал (или не смог?), хотел сместить явно не любимого им губернатора Санкт-Петербурга, да расхотел (или не смог?), хотел закончить войну в Чечне, да увяз там, кажется, надолго (впрочем, его предупреждали), вроде бы собирался назначить генеральным прокурором своего человека, да его отговорили.

А что в будущем? Пока президент решительно внес несколько предложений в Думу и издал ряд решительных указов. Но будет ли

он следить за их исполнением? Ведь и Б.Н. Ельцин принимал громогласные указы, и он назначал своих представителей в регионы (а в Приморский край, как В.В. Путин сейчас, послал генерала, да еще с особыми полномочиями), он даже одно время снимал местных руководителей. Но все это были бессвязные действия, не ставшие планомерным курсом. И сегодня как часть разумной политики введение полпредов может привести к позитивным результатам, но как часть неразумной – выродиться в создание очередной дорогой и беспомощной бюрократической структуры, способствующей милитаризации общества (здесь вызывает опасения соответствие новых округов военным) или даже распаду страны (став над губернаторами, подмяв под себя все силовые структуры в рамках военного округа, полпреды, будучи оставлены без внимания слабым президентом, могут легко превратиться из «государева ока» в мощных местных князьков). Так же и борьба за соблюдение федеральных законов без развития местного самоуправления и разумной экономической политики может выродиться в простую борьбу за власть и влияние.

Так сильный ли лидер В.В. Путин? Либерал он или консерватор? Какой путь выберет? В принципе можно себе представить сочетание некоторых частей различных программ, которое двинет нашу страну по пути экономического развития: например, программа «централизаторов» по обеспечению управляемости регионов и законности на всей территории России, плюс мощный независимый суд и развитие местного самоуправления из программы демократически настроенных либералов, плюс какой-то средний путь в экономике: соединение разумных мер «неолибералов» (отмена государственных льгот «своим» олигархам, создание правовой базы рыночного хозяйства и равных условий конкуренции, сокращение числа госчиновников, передача государству обязательств по социальной защите уязвимых категорий работников) с программой активного госсодействия созданию рыночной экономики, предлагавшейся правительством Е.М. Примакова и известными экономистами (Н.Я. Петраковым, А.Д. Некипеловым). Однако для того, чтобы идти по этому пути, новому руководству необходимо отделаться от многих популярных сегодня мифов, прежде всего от веры в применимость в России «либеральных» экономических рецептов и от отношения к закону как инструменту государственной политики.

Каким будет новый парламент России?[1]

В России снова началась избирательная кампания. В декабре российские избиратели придут к избирательным урнам, чтобы определить новый состав Государственной думы. И хотя и на этот раз участвующих в выборах партий и блоков будет множество, реальные шансы добиться серьезных результатов имеют не более четырех-пяти. Это, прежде всего, российские коммунисты, блок «Отечество – Вся Россия» и движение «Яблоко». Вероятно, какие-то шансы преодолеть пятипроцентный барьер есть у так называемых либеральных демократов В.В. Жириновского и зарождающегося губернаторского блока «Единство». Возможности других политических сил слабы, хотя и в разной степени.

Ведомая Г.А. Зюгановым Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) опирается на стабильный электорат – это в основном пожилые люди, считающие, что раньше им жилось лучше. Количество голосующих за КПРФ обычно примерно одинаково и даже при самых благоприятных обстоятельствах вряд ли может превысить 25%. Обстоятельства же на этот раз складываются не в пользу КПРФ. С радикальной стороны от нее откололся опасный «соперник-союзник» – Движение в поддержку армии (ДПА) во главе с антисемитски настроенными генералом А.А. Макашовым и бывшим прокурором В.И. Илюхиным. В.И. Илюхин, ныне занимающий пост председателя комитета Госдумы по безопасности, стал героем оппозиции еще в горбачевское время, когда, работая в Генеральной прокуратуре, открыл уголовное дело на советского президента по обвинению в развале СССР, за что был уволен. Другой лидер ДПА, также депутат Госдумы от КПРФ генерал А.А. Макашов, командовавший кровавым штурмом центрального телевидения осенью 1993 г., сегодня бравирует своим антисемитизмом (он даже предлагал переименовать ДПА в ДПЖ – Движение против жидов). Лидеры ДПА заявляют, что они не раскалывают КПРФ, но хотят собрать голоса тех избирателей, кто разочаровался в умеренности зюгановцев. Однако в реальности ДПА, безусловно, отберет немало голосов у КПРФ. Достаточно вспомнить, что радикальный блок В.И. Анпилова «Коммунисты – за Советский Союз» чуть было не преодолел пятипроцентный барьер на прошлых выборах. Кстати, анпиловцы и несколько других компар-

[1] Написано в сентябре 1999 г.

тий также примут участие в выборах, и, хотя по популярности они на этот раз серьезно уступают ДПА, все же и они могут отщипнуть какие-то голоса от КПРФ. Есть претенденты и на голоса более умеренных сторонников КПРФ. Это вышедшее из КПРФ и баллотирующееся собственным списком движение «Духовное наследие» во главе с депутатом Госдумы и бывшим главным теоретиком фракции КПРФ А.И. Подберезкиным, а также покинувшая возглавляемый КПРФ блок Аграрная партия России, которая присоединилась к блоку «Отечество – Вся Россия». Умеренная угроза электорату КПРФ не столь страшна, как радикальная, так как «Духовное наследие» мало кто знает, а часть аграриев все же осталась в КПРФ, однако, учитывая все расколы, зюгановцы, назвавшие себя блоком «За победу», вряд ли смогут получить больше 20% голосов.

На первое место на выборах вместе с КПРФ претендует и блок «Отечество – Вся Россия» – противоречивый, но внушительный союз, возглавляемый популярным бывшим премьером Е.М. Примаковым. Как явствует из названия, блок составлен из двух частей – возглавляемого мэром Москвы Ю.М. Лужковым движения «Отечество» и губернаторского блока «Вся Россия». Первоначально казалось, что между этими двумя частями нет ничего общего. «Отечество» Ю.М. Лужкова всегда выступало за жесткую центральную власть (Ю.М. Лужков и Е.М. Примаков даже предлагали изменить территориальное деление России, поделив ее на десять территорий и слив республики с областями), строгое соблюдение регионами российской конституции, кроме того, это движение прежде всего московское, вся его база находится в столице. Во «Всей России» заправляют руководители регионов, прежде всего: лидеры Татарстана, Башкирии и Ингушетии М.Ш. Шаймиев, М.Г. Рахимов и Р.С. Аушев. Это как раз те регионы, которые не платят налоги в федеральный бюджет, принимают законы, противоречащие российской конституции (достаточно вспомнить недавний указ Р.С. Аушева о легализации в Ингушетии многоженства), лидеры которых на практике пытаются превратить Россию в конфедерацию. И тем не менее жажда власти, вернее, стремление сохранить ее после смены президента, объединило эти, казалось бы, полные противоположности. У «Отечества» для победы на выборах не хватало влияния в регионах, у «Всей России» – базы в Москве, у тех и у других – лидера с общенациональной популярностью. Так было принято решение об объединении и о приглашении в лидеры Е.М. Примакова, рейтинг популярности которого – наивысший среди всех российских политиков и, по разным

опросам, колеблется в районе 30%. Ради общей победы Ю.М. Лужков даже согласился уступить Е.М. Примакову первое место в избирательном списке, а М.Ш. Шаймиев – свое третье место более приемлемому для большинства российского электората мэру Петербурга В.А. Яковлеву.

Решение это с политической точки зрения, безусловно, мудрое. Несмотря на то что злопыхатели (в лице лидера вышедшего из «Отечества» Конгресса русских общин Д.О. Рогозина) удачно назвали союз «Отечества» и «Всей России» «московско-татарским нашествием», шансы этого союза на выборах весьма высоки. Не важно, что после выборов президента блок, скорее всего, распадется. Главное, что он соберет значительное число голосов в Москве (где Ю.М. Лужков весьма популярен), а также во многих национальных республиках, где многие, как в советские времена, голосуют так, как скажет местный лидер. Кроме того, в тех же регионах он сможет провести многих кандидатов по одномандатным округам. В целом вполне вероятно, что «Отечество – Вся Россия» будет либо первым, либо вторым (после коммунистов) блоком в новой Думе и станет базой президентской кампании Е.М. Примакова.

Движение «Яблоко», которое многие уже были готовы сбросить со счетов в связи с образованием блока «Отечество – Вся Россия», значительно повысило свои шансы, вступив в союз с бывшим премьером С.В. Степашиным и предоставив ему второе место в своем списке. Возглавляемое Г.А. Явлинским «Яблоко» всегда поддерживалось частью интеллигенции, недовольной ходом реформ. Для других категорий избирателей лидер «Яблока» казался слишком мягким и малоопытным для того, чтобы эффективно управлять Россией. Приход действующего генерала С.В. Степашина, который, с одной стороны, всегда ассоциировался с реформаторами, а с другой – успел побыть министром внутренних дел, главой службы безопасности и премьером, значительно добавляет списку «Яблока» опытности и жесткости. Не отторгая традиционный электорат «Яблока», С.В. Степашин способен привлечь совершенно других избирателей: какую-то часть военных и работников других силовых структур, а также часть «демократов», ранее голосовавших за Б.Н. Ельцина и гайдаровцев. Популярность «Яблока», пользующего репутацией партии «чистых рук», и так растет в связи с тем, что остальные блоки обильно поливают друг друга обвинениями в коррупции. Присоединение С.В. Степашина, вероятно, приведет к тому, что «Яблоко» сможет получить на выборах 12–15% голосов и стать третьей партией «Думы», реально влияя на расклад политических сил в ней.

Пока еще не совсем ясно, как сложится судьба создаваемой новой партии власти – блока «Единство», уже получившего в народе прозвище «Медведь». Несмотря на яростное отрицание его лидерами общеизвестных фактов, совершенно очевидно, что движение создано администрацией президента и группировкой Б.А. Березовского (по сути, это один клан, или, как теперь говорят, «Семья», так как нынешнее руководство администрации президента, включая его дочь-советника Т.Б. Дьяченко, – это в основном бывшие сотрудники или клиенты Б.А. Березовского, посаженные им на свои нынешние должности). Эти люди крайне опасаются за свое будущее после смены президента и постоянно предлагают различные сценарии того, как добиться, чтобы власть в результате выборов реально не сменилась. Сценарий с «Медведем», пожалуй, наиболее монументальный из всех. Остатки влияния президентской администрации вкупе с усилиями премьера В.В. Путина способствовали привлечению в новый блок некоторых лидеров регионов. Репутация многих из них, например, курского губернатора А.В. Руцкого и президента Калмыкии К.Н. Илюмжинова, весьма сомнительна, и им также совершенно не нужна новая власть, которая бы смогла, например, последовательно преследовать коррупционеров. Не вполне понятно, зачем это подозрительное дело согласился возглавить ранее весьма популярный министр по чрезвычайным ситуациям С.К. Шойгу. Однако он еще на прошлых выборах губернатора Красноярского края вместе с Б.А. Березовским поддерживал кандидатуру А.И. Лебедя и, вероятно, с тех пор сохраняет контакты с бизнесменом. Кроме того, С.К. Шойгу был явно делегирован в «Единство» президентом и премьером. Насколько успешно «Единство» сможет выступить на выборах, пока не совсем ясно, однако даже преодолеть пятипроцентный барьер ему будет не просто, так как оппоненты не преминут навесить на него ярлык партии Б.А. Березовского и «Семьи».

Не вполне ясны и шансы ЛДПР В.В. Жириновского. Ее популярность сильно потускнела, так как В.В. Жириновский, начинавший как ярый оппозиционер, практически превратился (злые языки поговаривают, что далеко не безвозмездно) в самого ярого сторонника президента и правительства и постоянно голосует за все их предложения в Думе. Кроме того, видимо из финансовых соображений, В.В. Жириновский, как утверждают правоохранительные органы, набрал в свой список около двадцати криминальных авторитетов, а второе место предоставил находящемуся в розыске по обвинению в организации убийства главе Красноярского алюминиевого завода

А.П. Быкову. Сможет ли В.В. Жириновский, даже несмотря на свои ораторские способности, с таким багажом преодолеть пятипроцентный барьер, покажут выборы.

У других партий и групп шансы еще меньше. Правые, группирующиеся вокруг Е.Т. Гайдара, Б.Е. Немцова, С.В. Кириенко и других, вряд ли смогут претендовать на 5% – слишком непопулярна та политика, которую они проводили, находясь в различных правительствах. Лишившись государственной поддержки, вряд ли сможет вытянуть свой блок «Наш Дом – Россия» бывший премьер В.С. Черномырдин. Возглавляемый самарским губернатором К.А. Титовым блок «Голос России» не обладает ни яркими лидерами «Отечества – Всей России», ни поддержкой Кремля, как «Единство», и, несмотря на финансовое содействие Б.А. Березовского, может рассчитывать максимум на несколько депутатов, проведенных в одномандатных округах.

В любом случае выборы в новый российский парламент в 1999 г. будут значительно отличаться от выборов 1995 г. Реальная борьба за места будет вестись между несколькими крупными блоками, они же получат и большинство мест в Думе. В результате в 2000 г. Россия войдет с довольно организованным парламентом, который, возможно, даже сможет сформировать правительство, опирающееся на парламентское большинство, и мечта дореволюционных думцев об «ответственном кабинете» наконец сбудется.

Реформы для бюрократии или для людей?[1]

Недавно слушал выступление руководителя федерального пенсионного фонда (фамилия не запомнилась, так как теперь министры и руководители ведомств меняются чуть ли не каждый месяц). Он победно рапортовал, что благодаря усилиям правительства в будущем году средний уровень пенсии будет доведен до 80% прожиточного минимума. Людоедский смысл этих слов поражает: ведь они означают, что миллионам пенсионеров в нашей стране лишь в следующем году разрешат быть живыми на 80%, а сегодня они живы всего на 30, 40 или 50%. Как же жить, если получаешь пенсию меньше прожиточного минимума, которую во многих местах еще и постоянно задерживают?

В Мытищинском районе Московской области, например, средняя пенсия – всего 305 рублей в месяц. Разве проживешь сегодня на такие деньги? Можно продавать старые вещи, есть только кашу и черный хлеб, не ходить ни в кино, ни в театр, не выписывать газет. Так и живет большинство наших ветеранов, такую жизнь обеспечили им многочисленные молодые и не очень молодые министры и начальники, разъезжающие на черных лимузинах. Забывают они, что сами только и живы сегодня благодаря боевым и трудовым заслугам людей, жить которым они теперь позволяют на 80%.

Социальная сфера – вообще слабое место всех российских правительств. Сколько раз президент с грозным видом давал задание остановить рост цен на лекарства! И что же? Цены растут, а дотации на бесплатные лекарства сокращаются. В том же Мытищинском районе, например, на бесплатные лекарства выделено 58 тысяч рублей в месяц, лиц же, имеющих льготу на их получение, здесь живет 80 тысяч. Это значит, что каждому из них государство положило на лекарства меньше рубля, а ведь всем известно, что упаковка, например, «но-шпы» стоит сегодня рублей шестьдесят. Примерно такое же положение и по всей Московской области.

Правительство утверждает, что главная причина такого положения в том, что российский бюджет слишком мал, чтобы обеспечить нормальную жизнь граждан. Но, во-первых, его всегда с лихвой хватает на то, чтобы обеспечить привилегии руководителей. Вспомним,

[1] Впервые опубликовано в газетах «Наше Подмосковье» (1999. 12 августа. С. 1–2) и в «Новой газете Подмосковья» (1999. 23–29 августа. № 31. С. 3) под заголовком «Реформы для бюрократии».

как наш президент громогласно боролся с привилегиями и бюрократизмом, когда рвался к власти. Он даже выходил из лимузина и до ближайшего митинга проходил несколько сотен метров пешком (сегодня даже это давно забыто). В действительности же его правление привело к такому росту числа чиновников и их привилегий, какое не снилось даже Л.И. Брежневу. Не секрет, что число сотрудников только одной администрации президента со всем обслуживающим персоналом больше, чем число сотрудников ЦК КПСС, а на нужды медицинских учреждений, подчиняющихся управлению делами президента, выделяются суммы, вполне сопоставимые с теми, что тратятся на все прочие медицинские учреждения страны.

Во-вторых же, в том, что сегодня годовой бюджет всей огромной России составляет всего около 20 миллиардов долларов и стал меньше бюджета Финляндии, виноваты в первую очередь сами наши правители, прежде всего те «молодые реформаторы», которые во главе с Е.Т. Гайдаром и А.Б. Чубайсом раздали огромные национальные богатства страны и государственные предприятия в частные руки практически бесплатно, а затем задавили промышленность налогами. Последующие правительства так и не смогли исправить положение. Даже правительство Е.М. Примакова, сразу заявившее о необходимости снизить налоги, так и не смогло этого сделать. На сохранении высоких налогов настоял Международный валютный фонд, требовавший возврата российских долгов. Новые правительства даже не возвращались к этому вопросу, вместо этого по требованию МВФ они вводили все новые и новые налоги.

А ведь реальный путь пополнения российского бюджета, который позволит наладить социальные выплаты, а кроме того, повысить обороноспособность страны, решить проблемы многих слоев населения и одновременно приведет к росту промышленного производства, существует. Как ни парадоксально, это не увеличение, а снижение налогов. Именно такой путь уже давно предлагает лидер «Яблока» Г.А. Явлинский. Согласно его плану, ныне существующие многочисленные запутанные налоги должны быть заменены одним, который будет понятен всем и уровень которого составит около 10%. Это приведет к тому, что, во-первых, те, кто сегодня уклоняется от уплаты слишком больших налогов, начнут их платить, а во-вторых, высвободившееся от налогового бремени производство начнет наконец расти, благодаря чему увеличится масса собираемого налога.

Выиграют все – и предприниматели, и незащищенные слои населения. Проиграют только чиновники, которые не смогут больше

играть на жизни и смерти измученного населения и использовать запутанность налоговой системы в собственных целях. Только в случае принятия такого курса наши пенсионеры заживут достойной жизнью, врачи с легким сердцем будут выписывать льготные лекарства, государство сможет выделять достаточно средств на оборону, образование, медицину, культуру. И только сами граждане на предстоящих выборах могут решить, продолжится ли нынешняя разрушительная политика или к власти придут те, кому дорога Россия.

«Шило на мыло» как основной принцип кадровой политики Ельцина[1]

Стало уже традицией, что в августе в России что-то случается. В августе 1991 г. россияне вновь услышали нерусское слово «путч» (которое раньше употребляли, разве что говоря о Латинской Америке) и узнали труднопроизносимую аббревиатуру «ГКЧП». В августе 1998 г. русский язык обогатился термином «дефолт», в огне финансового кризиса сгорело большинство российских банков, а с ними и вклады миллионов граждан. В этом году август тоже ждали с опаской. Уходившие в летний отпуск ведущие основных политических телепрограмм предупреждали зрителей: вообще-то нас не будет до сентября, но сами знаете, август, можем вернуться и раньше. И как в воду глядели... Случилась-то по нынешним временам мелочь – президент опять сменил правительство. К странной страсти Б.Н. Ельцина сменять премьеров граждане давно привыкли: смешно сказать, за последние пару лет президент проделывает это уже в четвертый раз, и, если считать неудачную попытку во второй раз протащить на пост премьера В.С. Черномырдина после отставки С.В. Кириенко, ныне назначенный В.В. Путин – шестой руководитель российского правительства с марта прошлого года.

Однако в замене С.В. Степашина на В.В. Путина было все-таки что-то загадочное. Главной загадкой как для специалистов, так и для простых граждан стало вовсе не то, почему российский президент решил обогнать Италию по нестабильности кабинетов как раз в то время, когда российской экономике нестабильность меньше всего нужна – соревнование с «цивилизованными странами» во всем самом худшем, что в них можно найти, уже давно стало любимым видом спорта российского руководства. Загадка заключалась в том, зачем было менять С.В. Степашина на В.В. Путина вообще – ведь эти два деятеля похожи друг на друга как две капли воды и в замене одного на другого нет никакого видимого смысла.

Судите сами. Сергей Вадимович Степашин и Владимир Владимирович Путин – ровесники (оба родились в 1952 г.), оба – ленинградцы, оба – профессионалы силовых структур, оба работали в вузах, оба всю свою карьеру были тесно связаны с группировкой «рефор-

[1] Написано в августе 1999 г.

маторов», оба лично преданы Б.Н. Ельцину и всегда, не задумываясь, исполняли все его распоряжения. Различия в их биографиях – лишь незначительные. Если В.В. Путин с самого начала работал в системе КГБ, а конкретно – во внешней разведке, то С.В. Степашин сначала поработал в МВД, а уж затем был переведен в органы безопасности. Вообще карьера С.В. Степашина несколько более публична и разнообразна. С.В. Степашин – потомственный военный, родился он в Порт-Артуре, где служил его отец и по стопам которого пошел и он, поступив в Высшее политическое училище внутренних войск МВД СССР имени 60-летия ВЛКСМ. После окончания училища будущий премьер был политработником во внутренних войсках, а затем закончил еще и Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. С.В. Степашин – доктор юридических наук, однако глубина его научных познаний, вероятно, соответствует уровню советского политработника. Известно, по крайней мере, что его кандидатская диссертация по истории, защищенная в 1986 г., была посвящена актуальной теме: «Партийное руководство противопожарными формированиями Ленинграда в годы Великой Отечественной войны». Как только С.В. Степашина, которого с тех пор коллеги за глаза зовут «пожарником», назначили премьером, вездесущие журналисты сразу же раскопали в библиотеке рукопись его научного труда и долго склоняли на страницах газет и журналов некоторые его отрывки, в которых, например, утверждалось, что до 1917 г. пожарная служба в России работала из рук вон плохо именно из-за отсутствия партийного руководства и что при советской власти партия поставила пожарное дело на должную высоту. Судьба заместителя начальника кафедры истории КПСС в Высшем политическом училище МВД СССР решительно изменилась в 1990 г., когда С.В. Степашин был избран народным депутатом РСФСР и стал членом Верховного Совета от Ленинграда. В новом российском парламенте С.В. Степашин сошелся с «демократами» (почти все ленинградские депутаты были «демократами»), поддерживавшими Б.Н. Ельцина, и, как один из немногих «демократов»-силовиков, возглавил комитет по обороне и безопасности. Это сделало С.В. Степашина фактически главным советником Б.Н. Ельцина (которого сначала избрали председателем Верховного Совета РСФСР, а затем и российским президентом) по важнейшим вопросам, которыми занимался его комитет. Он активно поддержал Б.Н. Ельцина во время путча в августе 1991 г., поэтому неудивительно, что уже в начале следующего года был назначен заместителем министра безопасности, а по совместительству – главным чекистом Петербурга, в 1993 г. – первым

заместителем министра безопасности России, в 1994-м – директором Федеральной службы безопасности.

Чеченская война чуть было не стала роковой для будущего премьера. Верный С.В. Степашин начал активно претворять в жизнь безумные планы российского президента по наведению «конституционного порядка» в Чечне. Однако после трагедии в Буденновске 1995 г., когда отряд чеченцев, захватив в заложники десятки россиян, заставил Москву остановить наступление, а российские силовики не смогли ничего противопоставить террористам, С.В. Степашин, вместе с другими силовыми министрами, был назначен Б.Н. Ельциным виновным, отстранен от руководства органами безопасности и переведен на скромную должность начальника Административного департамента аппарата правительства. Впрочем, тесно работая с премьером В.С. Черномырдиным и занимаясь связями правительства с силовыми министерствами, С.В. Степашин восстановил доверие к себе и во время очередной перетряски правительства в июле 1997 г. стал министром юстиции, через некоторое время – министром внутренних дел, затем вице-премьером, а после отставки правительства Е.М. Примакова – премьером.

Карьера нынешнего премьера Владимира Владимировича Путина шла быстро, но не столь заметно. Закончив юридический факультет ЛГУ, он служил в управлении внешней разведки КГБ и был направлен работать в ГДР под «крышей», а после возвращения стал помощником проректора ЛГУ по международным вопросам. Любой российский студент того времени помнит этих хмурых людей – помощников ректоров, ученых секретарей по международным связям, заведующих международными отделами, бродивших по институтским коридорам и присматривавшихся к иностранным студентам и к тем из наших, кто собирался ехать за границу. В.В. Путин, однако, бродил по коридорам ЛГУ не зря. Он познакомился с А.А. Собчаком, который в то время заведовал в ЛГУ кафедрой хозяйственного права, и чем-то понравился ему. Став в 1990 г. председателем Ленсовета, а в 1991-м – мэром города, А.А. Собчак делает В.В. Путина сначала своим советником, затем председателем комитета мэрии по внешним связям, а в 1994 г. – первым заместителем председателя правительства Санкт-Петербурга. Во время выборов мэра в 1996 г. В.В. Путин руководит избирательной кампанией А.А. Собчака и после поражения шефа на некоторое время остается не у дел. Но другие выходцы из петербургской мэрии, укрепившиеся в Москве (прежде всего А.Б. Чубайс и его команда), не оставляют бывшего коллегу в беде –

его назначают сначала заместителем начальника Управления делами президента, затем заместителем руководителя всей президентской администрации, в июле 1998 г. – директором ФСБ, а в марте 1999 г. – еще и секретарем Совета безопасности.

Зачем же в августе 1999 г. понадобилось менять С.В. Степашина на столь похожего на него В.В. Путина? В публичном выступлении по этому поводу Б.Н. Ельцин, который раньше всегда понятно объяснял свои мотивы, на этот раз ничего внятного не сказал. Правда, он внес в российский политический жаргон язык очередной новый термин: «конфигурация». Оказывается, С.В. Степашин работал хорошо, но, по мнению президента, его пришлось снять, чтобы изменить политическую конфигурацию в стране. В переводе с кремлевского на русский это, вероятно, означает, что советники президента были недовольны тем, что С.В. Степашин недостаточно быстро набирает популярность и недостаточно активно ведет работу по укреплению позиций дружественных президентской администрации сил в преддверии приближающихся парламентских и президентских выборов. Сами сотрудники администрации во главе с ее руководителем А.С. Волошиным, многочисленные советники президента (среди которых выделяются дочь Б.Н. Ельцина Т.Б. Дьяченко и бывший руководитель администрации В.Б. Юмашев), а также связанные с ними банкиры и бизнесмены (группа Березовского – Абрамовича): одним словом, все те, кого сегодня в российской прессе обычно называют «Семья», крайне обеспокоены тем, не потеряют ли они после ухода Б.Н. Ельцина все то, что накопили в результате многолетнего и многотрудного руководства Россией. Особую озабоченность у них вызывают даже не коммунисты (которых Б.А. Березовский уже давно призывает запретить), но постоянно укрепляющийся и набирающий популярность блок «Отечество – Вся Россия», который недавно согласился возглавить бывший премьер Е.М. Примаков. Если само по себе движение «Отечество» Ю.М. Лужкова было солидной организацией, но популярной отнюдь не по всей России, то присоединение к нему Е.М. Примакова, который по различным рейтингам пользуется поддержкой от 20 до 30% электората, делает его шансы гораздо более высокими. Да и союз с губернаторским движением «Вся Россия» значительно укрепляет шансы блока на получения голосов в провинции, в особенности в национальных республиках, лидеры многих из которых (Татарстан, Башкирия, Ингушетия) входят во «Всю Россию» и где результаты голосования обычно соответствуют пожеланиям руководства. В результате сегодня «Отечество – Вся Россия» реально

претендует на первое место среди партий и 25–30% голосов избирателей.

В принципе и Е.М. Примаков, и Ю.М. Лужков сами всегда поддерживали Б.Н. Ельцина, и, возможно, их победа и не повлекла бы за собой особых последствий для ельцинского окружения, если бы это окружение постоянными неуклюжими нападками само не превратило их в своих смертельных врагов. Особенно непримиримая борьба ведется сегодня между империями Ю.М. Лужкова (которого частично поддерживает группа «Мост» В.А. Гусинского) и Б.А. Березовского. Эти две империи сталкивают друг с другом не только политические, но и экономические интересы, и борьба между ними достигла такого накала, что каждый день выливается на страницы печати и экраны телевизоров. Контролируемые Б.А. Березовским Первый и Шестой каналы телевидения день и ночь критикуют Ю.М. Лужкова, «Мост» и все, что с ними связано, а телеканал НТВ В.А. Гусинского отвечает им тем же. С целью усиления своего влияния Б.А. Березовский покупает популярную газету «Коммерсант», но в него неожиданно приходят московские пожарные и закрывают редакцию в связи с несоблюдением норм пожарной безопасности. Первый канал ведет, наконец, открытую борьбу с «Газпромом», пытаясь скомпрометировать его руководителя Р.И. Вяхирева, так как «Газпром» является одним из основных акционеров НТВ. Вся эта война идет на фоне крайне тяжелой экономической ситуации в стране и чрезвычайно раздражает население.

Однако мнение россиян – последнее, что интересует сегодня президента и его окружение. Расстроенный тем, что очередной его кандидат в приемники не оправдал доверия и не справился с лужковцами и примаковцами, он в сердцах через неполные три месяца отправил его в отставку и назначил нового. Оправдает ли доверие Б.Н. Ельцина новый кандидат в преемники, В.В. Путин, и не будет ли уволен через несколько недель, может узнать только тот, кто поймет, что происходит в темном, болезненном мозгу стареющего президента. К сожалению, на исходе правления первого демократического президента России политический анализ снова, как и во времена коммунистического режима, превращается в клиническую психоневрологию.

Борьба титанов[1]

Первые месяцы нового 1999 г. ознаменовались жестокой схваткой титанов российской политики: премьера Е.М. Примакова и исполнительного секретаря СНГ Б.А. Березовского. Отношения между ними не сложились уже давно. После отставки С.В. Кириенко Б.А. Березовский открыто поддерживал назначение В.С. Черномырдина на пост премьера, так как надеялся на продолжение спокойной жизни, которую он вел все годы, когда В.С. Черномырдин занимал этот пост. Именно тогда ранее малоизвестный заведующий лабораторией Института проблем управления Академии наук СССР сколотил свою финансово-промышленную империю.

Путь Б.А. Березовского к успеху в бизнесе – яркая иллюстрация того, как складывались состояния в обстановке хаоса, вызванной гайдаровскими реформами. Еще в перестроечные годы на основании знаменитого горбачевского закона о кооперативах он зарегистрировал акционерное общество ЛогоВАЗ, которое, используя ценовую неразбериху, продавало по коммерческим ценам советские малолитражки «жигули», купленные у завода по государственным. Однако доходы от этого были не слишком велики, и предприниматель занялся любимой игрой россиян последнего десятилетия XX в.: строительством финансовых пирамид. Якобы для создания «народного автомобиля» Б.А. Березовский создает Автомобильный Всероссийский альянс – АВВА. Проект получил даже одобрение президента России, однако никакого автомобиля создано не было. Руководитель АвтоВАЗа, одного из собственников альянса, В.В. Каданников объяснил неудачу тем, что было собрано слишком мало денег: 50 миллионов долларов вместо необходимых 800 миллионов[2]. Кроме того, государство не выделило необходимых дотаций. О судьбе собранных 50 миллионов уже никто не вспоминал. Как сообщала пресса, акционеров было немного, а обманутым вкладчикам АВВА пообещали разыгрывать «жигули» вместо выплаты дивидендов, но через полгода и эти розыгрыши прекратились. Следующий шаг к успеху Б.А. Березовский сделал, использовав введенную реформаторами Е.Т. Гайдара систему спецэкспортеров. ЛогоВАЗ через

[1] Написано в 1999 г.

[2] *Одихмантьев Л.* На «народный автомобиль» не хватило денег // Коммерсант. 1995. 12 января. http://www.kommersant.ru/doc/99075.

связи в правительстве получил право на экспорт стратегически важных товаров, включая нефть и нефтепродукты.

Незадолго до президентских выборов 1996 г. на Всемирной конференции в Давосе Б.А. Березовский организовал неофициальную встречу крупнейших российских «олигархов», заключивших на ней временное перемирие между собой с целью поддержки кандидатуры Б.Н. Ельцина. В результате Б.А. Березовский стал фактически главным финансистом избирательной кампании и его авторитет после ельцинской победы значительно возрос. Втершись в доверие к членам президентской семьи, прежде всего к дочери Б.Н. Ельцина Т.Б. Дьяченко, он установил дружеско-коммерческие связи с многочисленными близкими к Б.Н. Ельцину чиновниками. В результате он получил практически безраздельный контроль на Общественном российском телевидении (ОРТ), вещающем на первом канале. Формально компании Б.А. Березовского (ЛогоВАЗ и «Объединенный банк») владеют лишь 16% акций ОРТ, контрольный же пакет принадлежит государству. Однако благодаря тесным отношениям со многими другими частными владельцами акций, а также с «государственными акционерами» (один из них – Т.Б. Дьяченко) Б.А. Березовский распоряжается на Первом канале, как на собственном. Так, во время телефонных разговоров с популярным ведущим ОРТ С.Л. Доренко, которые были кем-то записаны и переданы в прессу, Б.А. Березовский открыто приказывает, что нужно говорить в эфире. Кроме ОРТ, Б.А. Березовский контролирует также Шестой канал телевидения.

Став одним из «образцовых олигархов» главного приватизатора А.Б. Чубайса, которым тот решил по дешевке раздать значительную часть государственной собственности, Б.А. Березовский почти даром получил многочисленные государственные компании. Различные структуры Б.А. Березовского выигрывают в нескольких чубайсовских псевдоконкурсах, в которых, даже по недавнему признанию П.О. Авена (одного из тогдашних соратников А.Б. Чубайса, занимавшего пост министра внешнеэкономических связей), победитель, которого правительство решило назначить миллионером, был всегда известен заранее[3]. В мае 1997 г. на одном из таких конкурсов контрольный пакет акций крупнейшей компании «Сибнефть» перешел к Финансово-нефтяной корпорации, что, по мнению наблюдателей, реально означало переход под контроль Б.А. Березовского. За пакет было заплачено 110 миллионов долларов, хотя, по оценкам специ-

[3] *Авен П.* Экономика торга // Коммерсантъ-Daily. 1999. 27 января. С. 4.

алистов, компания реально стоила не менее 2 миллиардов долларов и занимает шестое место. Государственные должности Б.А. Березовского: сначала заместителя секретаря Совета безопасности России, а затем исполнительного секретаря СНГ (которые он получал, несмотря на то что, по слухам, являлся гражданином Израиля), лишь укрепляли его позиции.

Однако за последнее время Б.А. Березовский сделал несколько шагов, которые настроили против него многих российских политиков. Он открыто поддержал генерала А.И. Лебедя на выборах губернатора Красноярского края и фактически финансировал его победу. Хотя Б.А. Березовский и утверждал, что делает это, чтобы оттянуть на А.И. Лебедя голоса сторонников коммунистов на будущих президентских выборах, Б.Н. Ельцину открытая поддержка одного из его конкурентов вряд ли понравилась. Затем Б.А. Березовский, через своих друзей, бывшего главу администрации президента В.Б. Юмашева и Т.Б. Дьяченко, организовал отставку премьера С.В. Кириенко (или по крайней мере способствовал ей). Б.А. Березовский надеялся на то, что премьером вновь назначат В.С. Черномырдина, при котором он спокойно жил и богател. Цель была близка, однако Дума наотрез отказалась поддержать выдвинутого Б.Н. Ельциным В.С. Черномырдина, и премьером стал Е.М. Примаков.

Е.М. Примаков, естественно, не одобрял интриг Б.А. Березовского в пользу В.С. Черномырдина. Однако главная причина их конфликта не в этом. В российской политике, пожалуй, не может быть ничего более противоположного, чем фигуры Е.М. Примакова и Б.А. Березовского. Е.М. Примаков гораздо старше и был уже крупным советским бюрократом, когда Б.А. Березовский еще ходил под стол пешком. В 1962 г., когда Б.А. Березовскому было 10 лет, будущий российский премьер уже закончил арабское отделение Московского института востоковедения, защитил кандидатскую диссертацию, отработал несколько лет в Госкомитете по радиовещанию и телевидению и отправился работать корреспондентом «Правды» на Ближний Восток. Отработав восемь лет в арабских странах, по которым он до сих пор считается экспертом, Е.М. Примаков занимал руководящие посты в известных академических институтах: был директором Института востоковедения, заместителем директора и директором Института мировой экономики и международных отношений. В 1988 г. он становится академиком-секретарем АН СССР по отделению экономики, а в 1989 г. М.С. Горбачев продвигает его на пост председателя Совета Союза во вновь избранном Верховном Совете СССР

и делает кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Когда после августовского путча 1991 г. Съезд народных депутатов СССР самораспустился и М.С. Горбачев решил разделить замешанный в путче КГБ на несколько ведомств, Е.М. Примаков назначается руководителем службы внешней разведки. Проявив чудеса выживаемости, он прославился как единственный близкий к М.С. Горбачеву человек, который не только сохранил свой пост при Б.Н. Ельцине, но и продвинулся по службе. Б.Н. Ельцин сохранял Е.М. Примакова, выступавшего за сбалансированную внешнюю политику, как противовес слишком прозападному министру иностранных дел А.В. Козыреву, а после отставки последнего назначил его на это место. Спокойный профессионализм Е.М. Примакова создал ему удивительную популярность среди самых различных политических сил. И когда после отставки С.В. Кириенко Дума дважды отвергла ельцинского кандидата В.С. Черномырдина, президент решил не испытывать судьбу в конфронтации и назначил премьером Е.М. Примакова, который сразу же был триумфально утвержден парламентариями (против голосовали лишь сторонники В.В. Жириновского).

Склонному к традиционной, консенсусной политике Е.М. Примакову, естественно, сразу не понравился молодой (с его точки зрения) интриган, который постоянно вертится во властных кругах и настраивает всех друг против друга. Говорят, он сразу же запретил охране пускать Б.А. Березовского в здание правительства, чтобы тот не мог заниматься там любимым делом: плести интриги. Недовольный Б.А. Березовский организовал мощную кампанию по дискредитации правительства и лично Е.М. Примакова в подконтрольных ему средствах массовой информации, однако премьер до поры до времени не отвечал. Он знал о влиянии Б.А. Березовского на президента (которое, как намекал сам Б.А. Березовский, он мог подкрепить целым архивом компрометирующих документов).

Сигналом для атаки послужила одна необычная статья, опубликованная 20 января 1999 г. в «Московском комсомольце». В статье сообщалось, что, когда бойцы Московского регионального управления по борьбе с организованной преступностью, преследуя преступников, подозреваемых в похищении людей, проникли в помещение некоего частного охранного агентства «Атолл», расположенного в невзрачном подвале одного из зданий на окраине Москвы, они не поверили своим глазам. В помещении хранились сотни папок незаконно подслушанных телефонных разговоров и прочих конфиденциальных документов государственных чиновников, а также мощнейшие сред-

ства подслушивания, способные контролировать любые телефоны и пейджеры. Некоторые папки были посвящены членам президентской семьи, в том числе Т.Б. Дьяченко[4].

Когда выяснилось, что «Атолл» работал на Б.А. Березовского, возмутились уже не только его извечные оппоненты, но, вероятно, и сам президент. Началась целенаправленная атака на империю Б.А. Березовского. В течение нескольких дней правоохранительные органы провели обыски в основных компаниях, связанных с исполнительным секретарем СНГ. В «Сибнефти», служба безопасности которой была связана с «Атоллом», следователи также нашли шпионскую аппаратуру. Наступление на Б.А. Березовского шло по всем фронтам. В основной российской авиакомпании «Аэрофлот», давно контролируемой Б.А. Березовским с помощью бывших сотрудников ЛогоВАЗа, которых он назначил туда на руководящие должности, разгорелся конфликт между генеральным директором В.М. Окуловым (который по стечению обстоятельств является зятем Б.Н. Ельцина) и людьми Б.А. Березовского, в результате чего последние были уволены. Арбитражный суд признал недействительной покупку ЛогоВАЗом 12,38% акций другой крупнейшей авиакомпании «Трансаэро», в результате чего влияние Б.А. Березовского на нее резко снизилось (ранее он с помощью партнеров мог контролировать более 50% акций). Следователи с неожиданной активностью занялись давно известным делом о коррупции на давнем союзнике империи Б.А. Березовского – АвтоВАЗе. Наконец, Государственная дума призвала президента способствовать снятию Б.А. Березовского с поста исполнительного секретаря СНГ.

На сегодняшний день ясно, что борьба между премьером и исполнительным секретарем СНГ явно складывается в пользу Е.М. Примакова. Б.А. Березовский, который вольготно чувствовал себя при прежних бесхребетных правительствах и построил мощное государство в государстве, явно переоценил свои силы. Опытный стратег политической борьбы Е.М. Примаков, учившийся закулисной борьбе еще в годы расцвета советского режима, оказался гораздо более мощной фигурой. Сегодня ясно, что влияние Б.А. Березовского в России значительно уменьшится. Разгромят ли империю Б.А. Березовского, окончательно во многом будет зависеть от того, насколько сильно опасается окружение Б.Н. Ельцина практически открытых угроз Б.А. Березовского «в случае чего» предать гласности компрометиру-

[4] *Хинштейн А.Е.* Колпак для президента // Московский комсомолец, 1999. 20 января.

ющие материалы о семье президента. Хорошо понимая, что время Б.Н. Ельцина кончается, Б.А. Березовский судорожно ищет «своего» президентского кандидата. Раньше он ставил на В.С. Черномырдина и А.И. Лебедя. Но сегодня, разочаровавшись в шансах обоих, он, кажется, разработал новый авантюристический, но малореализуемый план: провести в президенты кинорежиссера Н.С. Михалкова – и начал упорно работать на политическую популярность последнего.

Конфликт в высших эшелонах российской власти высветил еще одну болезнь современного общества: страсть к шпионству и подслушиванию. Если при советской власти на шпионскую деятельность, как и на все прочее, поддерживалась монополия государства и вы хотя бы знали, кто за вами ходит и слушает ваш телефон, то сегодня этим может заниматься кто угодно. Все слушают всех, и все на всех собирают материалы: официальные правоохранительные органы работают друг против друга и на разных частных хозяев, «олигархи» и банды воюют друг с другом, сосед слушает соседа, а жена мужа. Простая шпионская аппаратура практически открыто продается на радиорынках, да и более сложную достать совсем нетрудно, были бы деньги. Сотни частных агентств предлагают подобные услуги. Санкций никто не боится: за нарушение секретов переписки и телефонных разговоров закон предусматривает всего несколько месяцев тюрьмы, но чаще всего виновные или вообще не наказываются, или отделываются небольшим штрафом. Так что если в СССР за свои тайны могли беспокоиться лишь диссиденты и противники режима, то сегодня спокойно спать не может никто.

Спасут ли Россию «люди с опытом»?[1]

В результате очередного правительственного кризиса к власти в России пришли «люди с опытом». Большинство руководителей нового правительства – политики, выдвинувшиеся на первые роли при М.С. Горбачеве, но работавшие на руководящих постах еще при Л.И. Брежневе. Новый премьер Е.М. Примаков был введен кандидатом в члены Политбюро М.С. Горбачевым в 1989 г. с поста председателя Совета Союза Верховного Совета СССР. Е.М. Примаков, по образованию – востоковед-арабист, работал сначала журналистом, в частности корреспондентом «Правды» в арабских странах, затем руководил различными институтами Академии наук, стал академиком, но в политику был двинут М.С. Горбачевым. Последний пост при М.С. Горбачеве – директора Службы внешней разведки – сохранил и при Б.Н. Ельцине, который, после снятия слишком прозападного А.В. Козырева, назначил его министром иностранных дел.

Первый заместитель премьера Ю.Д. Маслюков – также член горбачевского Политбюро. Он всю жизнь трудился в оборонной промышленности и к 1979 г. дорос до заместителя министра этой отрасли. При М.С. Горбачеве стал председателем Госплана и заместителем председателя Совета Министров СССР. В отличие от Е.М. Примакова, который стал практически единственным человеком М.С. Горбачева, сохранившим свой пост и даже выросшим при Б.Н. Ельцине, Маслюков сохранил верность компартии, был избран в Государственную думу по спискам КПРФ и получил там должность председателя комитета. Тем не менее в КПРФ он часто занимал особую, «соглашательскую» позицию, в частности был одним из немногих коммунистов, голосовавших за утверждение правительства С.В. Кириенко, в которое и вошел заместителем премьера. Другой заместитель премьера, Г.В. Кулик, отвечающий за сельское хозяйство, также занимался теми же, что и сейчас, вопросами еще при М.С. Горбачеве. Новый председатель Центрального банка В.В. Геращенко уже занимал эту должность несколько раз, а впервые был назначен на нее М.С. Горбачевым в 1989 г. (тогда он назывался Государственный банк СССР).

Образование нового правительства было встречено с таким удовлетворением как политической элитой, так и населением, что

[1] Написано в 1998 г.

стало ясно – «мальчики в коротких штанишках» (так когда-то назвал Е.Т. Гайдара и его сторонников Р.И. Хасбулатов) надоели всем. Действительно, предыдущие правительства, либо прямо возглавлявшиеся Е.Т. Гайдаром и его сторонниками, либо проводившие разработанную ими политику, привели страну к полному краху. Промышленное производство падало постоянно, начиная еще со времен М.С. Горбачева. К 1998 г. оно сократилось более чем на 50%, со всеми вытекающими последствиями – остановкой предприятий, безработицей, забастовками, экономическим хаосом. Однако, несмотря на это, реформаторы упорно продолжали строить «теоретически правильную» финансовую систему: банки, биржи, валютный курс и т.п. В связи с тем, что налоговых поступлений из-за сокращения производства становилось все меньше, страна все больше залезала в долги. Государственных займов уже не хватало, и тогда была изобретена пирамида ГКО (Государственных казначейских обязательств). Государство брало деньги у частных вкладчиков под нереально высокие проценты, надеясь на будущий рост экономики. Однако роста не наступило: вместо этого на мировом рынке упали цены на нефть и начался финансовый кризис в Азии. Доходы бюджета еще больше сократились, и грянул кризис 17 августа 1998 г: государство вынуждено было прекратить выплаты по своим обязательствам.

Именно в этой обстановке пришло к власти правительство Е.М. Примакова, объявившее о решительном отказе от гайдаровского монетаризма и о курсе на поддержку отечественного производства. Смена правительства в 1998 г. – не простая замена декораций. Если до августа 1998 г. курс Гайдара – Чубайса, начатый ими шесть лет назад, продолжал осуществляться как В.С. Черномырдиным, так и С.В. Кириенко, то теперь к власти пришли люди, принципиально отвергавшие этот курс с самого начала. Как неоднократно заявлял сам Е.М. Примаков, по своим взглядам на экономическое развитие страны он близок к так называемой «группе академиков», состоящей из ведущих экономистов-членов Российской академии наук (РАН). Наиболее известные среди них: директор Института экономики РАН академик Л.И. Абалкин, занимавший пост заместителя премьера советского правительства при М.С. Горбачеве, академик-секретарь отделения экономики РАН Д.С. Львов, директор Института экономических и политических исследований РАН О.Т. Богомолов и некоторые другие. В многочисленных выступлениях, в том числе и в известном коллективном письме, эти экономисты и их сторонники неоднократно критиковали монетаристский курс правительства

Б.Н. Ельцина и выступали за иную стратегию перехода к рынку. Академики показывали, что в условиях советского монополизма, милитаризации экономики, когда основные современные технологии и квалифицированные кадры находятся в военном секторе, и при отсутствии привычки работы в условиях рынка шок, то есть моментальный отпуск цен и быстрая приватизация значительной части государственного сектора, ведут не к цивилизованной экономике и росту производства, а к завышению цен предприятиями-монополистами, спаду производства, массовой безработице и коррупции (что, собственно, и случилось). В качестве альтернативы они предлагали освобождение цен и приватизацию проводить постепенно, причем сначала в сфере обслуживания и легкой промышленности, вести целенаправленную государственную инвестиционную политику, целью которой является развитие прогрессивных производств и постепенная структурная перестройка экономики. Многие из академиков в качестве примера успешных реформ приводили современный Китай, где подобная политика действительно привела к резкому экономическому рывку.

Возможно, такие реформы и привели бы к более благоприятным результатам, проводись они, как в Китае, планомерно с первых лет прихода к власти реформаторского руководства. Однако история пошла по другому пути: время было упущено еще при М.С. Горбачеве. В результате бездарной экономической политики предыдущих правительств ко времени назначения Е.М. Примакова страна оказалась на пороге экономического краха. В казне не было денег, налоги практически не собирались, доходы от продажи нефти сократились, крупные предприятия стояли, военно-промышленный комплекс не перестраивался, а разваливался, многие его уникальные специалисты нанимались на работу за границу, надежд на новые зарубежные займы не было, так как предыдущее правительство заморозило выплаты по старым, банковская система развалилась, и большинство банков не выдавали вклады. Кроме того, из-за приблизительно троекратного снижения курса рубля по отношению к доллару и соответствующего роста цен реальные доходы населения также снизились в три раза. Впервые результаты экономической политики монетаристов почувствовали на себе те, кто раньше лишь выгадывали от нее: появились безработные банкиры, брокеры, работники туристических агентств, дорогих магазинов, ресторанов и баров – одним словом, те, кто составлял так называемый «средний класс», якобы утвердившийся в России за годы реформ.

Экономический кризис обострялся политическим: президент Б.Н. Ельцин постоянно болел и находился за городом. Почувствовав, что власть зашаталась, в решительное наступление перешли коммунисты и их союзники. На всероссийских митингах в октябре и 7 ноября 1998 г. они открыто требовали отставки президента и досрочных выборов. Среди оппозиции зашевелились самые темные и радикальные силы. Уже на митингах в октябре многие оппозиционные ораторы открыто призывали к восстанию против власти, однако власти, несмотря на существование закона, предусматривающего ответственность за подобные призывы, не реагировали. 7 ноября, выступая на коммунистическом митинге, депутат Государственной думы от КПРФ, один из амнистированных руководителей путча 1993 г. генерал А.М. Макашов открыто заявил о необходимости изгнать из руководства страны «жидов». Несмотря на осуждение А.М. Макашова многими политиками и общественностью, государственная власть не приняла никаких мер, а популярность генерала среди радикалов-националистов только выросла. Антисемитизм, не пользуясь значительной поддержкой населения (опросы общественного мнения показывают, что взгляды, которые можно характеризовать как антисемитские, обычно высказывают не более 5–8% россиян), тем не менее стал фактором политической жизни. Явным антисемитом, например, является губернатор Краснодарского края Н.И. Кондратенко, политическое движение которого «Отечество» в конце ноября триумфально победило на выборах в краевое законодательное собрание. Последнее время значительно активизировалась откровенно нацистская организация «Российское национальное единство», повсюду открыто продаются антисемитские листки и литература вплоть до «Майн кампф» А. Гитлера. Наконец, страну захлестывает волна преступности. Только за последние несколько месяцев от рук наемных убийц погибли несколько известных политиков и предпринимателей, и ни в одном случае преступники не были найдены. Убийство депутата Государственной думы, одного из основателей демократического движения в горбачевском СССР Г.В. Старовойтовой подняло волну возмущения в стране. Но и в этом случае надежды на раскрытие преступления мало: правоохранительные органы, как и вся страна, переживают кризис, зарплата в них мизерная, специалисты уходят, а те, кто остаются, часто начинают работать не на государство, а на тех, кто может заплатить. Газеты полны сообщений о том, что отдельные подразделения милиции, ОМОНа, управлений по борьбе с организованной преступностью фактически становятся «крышами» для

тех или иных предпринимательских структур. Но последний скандал в Федеральной службе безопасности (бывший КГБ), когда часть ее сотрудников в интервью, показанном по телевидению, публично обвинила других сотрудников в организации заказных убийств, пожалуй, затмил все предыдущие новости подобного рода. И что же? Пока, кроме вялого опровержения, никакой официальной реакции не последовало.

В этих условиях правительству трудно думать о стратегии. Ему приходится латать одну за другой ежедневно образующиеся новые и новые пробоины в различных частях государственного корабля. Судя по первым месяцам работы кабинета Е.М. Примакова, премьер выбрал неброский, но планомерный стиль работы. Кабинет не принимает резких, кардинальных мер, он действует осторожно и медленно. Это не хирургическое вмешательство, проповедуемое гайдаровцами, но щадящая терапия: где-то слегка снизить налоги, где-то немного увеличить инвестиции, где-то, подпечатав денег, заплатить зарплаты и пенсии. Такая политика, возможно, была бы хороша десять лет назад. Однако сможет ли она выправить ситуацию сегодня – пока не ясно. С одной стороны, уже сам приход Е.М. Примакова, его спокойные и уверенные выступления, его солидный вид опытного человека уже принесли положительные результаты. Нервная обстановка кризиса сменилась некоторой устойчивостью, у людей появилось больше уверенности в будущем. Россияне почувствовали: что бы ни случилось с президентом, в стране есть человек, который возьмет ответственность на себя. Это не замедлило сказаться на курсе доллара: падение рубля прекратилось, приостановился рост цен, начали выплачиваться зарплаты и доходы людей стабилизировались (хотя и на новом, гораздо более низком уровне).

В то же время перед кабинетом стоит ряд сложных объективных проблем. Идея кабинета о том, что снижение налогов будет способствовать росту производства и поэтому увеличит общую массу налоговых поступлений, в принципе, вероятно, верна. Однако рост производства требует времени. А как прожить это время, когда казна практически пуста? Запад, видя, что все его прошлые кредиты ни к чему не привели, пока отказывается даже выделять суммы, которые уже были обещаны МВФ. У населения, конечно, на руках деньги есть, но, обманутое и государством, и банками лишь в этом августе, оно вряд понесет их этому государству и в эти банки снова. Выпуск необеспеченных денег приведет к гиперинфляции. Да тут еще целые российские республики, типа Калмыкии, грозят не выплачивать

налоги в федеральный бюджет. Положение близко к безвыходному. В этих условиях сомнительно, чтобы щадящая терапия Е.М. Примакова смогла решить острейшие проблемы страны. Ситуация требует жестких мер по наведению порядка в федеративных отношениях, по борьбе с преступностью и политическим экстремизмом, по сокращению расходов и увеличению доходов бюджета. Сможет ли опытный Е.М. Примаков и его коллеги пойти на такие меры и насколько они будут эффективными, покажут ближайшие несколько месяцев. В случае неудачи Россию ждет новый кризис невиданной глубины, который может смести не только кабинет, но и всю нынешнюю систему власти.

Российские реформы и западная помощь[1]

Надежды и реальность

Российское руководство вновь живет надеждой – надеждой на крупную западную помощь, которая могла бы помочь избежать финансового кризиса или хотя бы оттянуть его. Сегодня новые и старые «молодые реформаторы» во главе со своим идейным вождем А.Б. Чубайсом вновь разъезжают по западным столицам и выбивают займы из многочисленных «личных друзей» российского президента. Именно в это время особенно важно проанализировать, на каких условиях предоставлялась и как была использована финансовая помощь Запада в предыдущие годы. Данный анализ поможет понять, нужна ли эта помощь всем россиянам либо лишь отдельным их представителям и приносит ли она пользу российским реформам.

Советский режим был снесен волной западничества, которую сегодня многие даже самые закоренелые российские западники считают наивной. Гневно клеймя советскую власть на многотысячных митингах конца 80-х – начала 90-х, российские демократы верили, что истинная демократия не за горами. Они были убеждены, что лишь отставшая от жизни правящая советская верхушка мешает гражданам жить «нормально», то есть так, как живет весь «цивилизованный мир», основанный на частной инициативе, выборах, праве и т.п. И если россияне не справятся сами, то Запад нам поможет, так как мы добровольно переходим на его сторону. И не потому, что сдаемся, а потому, что жить по-западному лучше. Для этого все советское должно быть перевернуто наоборот, вернее, поставлено, как говаривал ненавистный Ильич, «с головы на ноги»: враги станут друзьями, ну а друзья – врагами. Мысль, высказанная А.В. Козыревым (который сам, как и многие ведущие демократы, незадолго до этого перековался из среднего коммунистического чиновника) на демократическом митинге в Москве в августе 1991 г. о том, что западные демократии – настолько же естественные друзья, насколько естественными врагами они были для тоталитарного СССР, носилась в воздухе[2]. Были и более

[1] Опубликовано в сокращенном виде в приложении к «Независимой газете» «НГ – Сценарии» (1998. Сентябрь. № 9(31). С. 13) под заголовком «История чубайсизации страны. США могли, но не хотели нам помочь».

[2] *Козырев А.В.* Преображение. М.: Международные отношения. 1994, С. 211.

радикальные мнения. В.И. Новодворская со своими сторонниками из Демократического союза, например, во время путча 1991 г. требовали от США ввести в СССР войска для поддержки демократии[3].

А что же эти «естественные друзья»? Если судить по официальным заявлениям, поддержка рыночных реформ и демократии в России всегда была приоритетом политики США и стран Западной Европы. Об этом многократно заявляли и заявляют многие западные лидеры. Выступая накануне встречи с Б.Н. Ельциным в 1993 г., президент У. Клинтон в программной речи заявил: «Теперь, когда вы стремитесь построить великое завтра России на фундаменте демократии и коммерции, от имени американцев, где бы они ни находились, я говорю: мы с вами, мы разделяем это обязательство»[4]. Однако, произнося много красивых слов, в делах они мешкали или по крайней мере не пришли с массированной помощью (подобной знаменитому плану Маршалла), на которую рассчитывали российские демократы. Оглядываясь на западную политику в отношении России, редактор влиятельного журнала «Форин полиси» Ч. Мейнс писал в 1996 г.: «США ставит содействие демократии на высшее место в своей риторике, однако ключом к этой цели является будущее России, и, как представляется, две администрации упустили возможность позитивно влиять на развитие российской демократии. Вместо открытия своих рынков и развития новой системы безопасности в Европе, которая бы включала Россию и другие республики бывшего Советского Союза, Соединенные Штаты и их союзники предложили помощь на условиях, которые подрывали политическую стабильность в государствах-получателях, и в количествах, которые никогда не были адекватны целям»[5]. Ч. Мейнс отмечает, что, когда демократы находились в России у власти в 1992 и 1993 гг., Запад с большим трудом предоставил помощь в размере миллиарда долларов, и выделил 10 миллиардов в 1996 г. в страхе перед ухудшающейся политической ситуацией, когда возможность настоящего партнерства уже ушла.

Что ж, тот факт, что Запад не решился на новый «план Маршалла» для России и стран бывшего СССР, объясняют по-разному: измельчанием западных политиков и исчезновением стратегического мышления, наличием иных задач, которые понимаются как более насущные,

---

[3] Партии, ассоциации, союзы, клубы. Сборник документов и материалов. Кн. 2. М.: РАУ-Пресс, 1992. С. 91.

[4] *Devroy A.* President Urges More Russian Aid // Washington Post. 1993. 2 May.

[5] *Maynes Ch.W.* Bottom-Up Foreign Policy // Foreign Policy. Fall 1996. No. 104. P. 42–43.

чем создание демократии в России, нежеланием западных избирателей и их представителей выбрасывать деньги на ветер. Верна ли эта политика, покажет будущее. Во всяком случае, МБРР находит десятки миллиардов долларов для того, чтобы восстанавливать бюджеты Мексики, Южной Кореи и Индонезии, а пятимиллионному Израилю США ежегодно предоставляют около 3 миллиардов долларов помощи. Конечно, экономический и политический крах этих стран может нанести серьезный ущерб западной экономике и даже создать проблемы в области безопасности, но, во всяком случае, он не угрожает тем, что весь мир взлетит на воздух от ядерного взрыва, как это может случиться в случае хаоса в России. Однако этими соображениями западных политиков не удивишь, и они всегда находят множество причин объяснить, почему для России не нашлось денег или почему для российских товаров никак нельзя открыть западные рынки.

Ставка на личности

Так или иначе, но Запад отказался от идеи выделить на российские реформы значительную помощь, подобную той, которую предлагали ряд специалистов Гарвардского университета в разработанной совместно с Г.А. Явлинским программе «Согласие на шанс». Но некоторые суммы все же нашлись. И их решили потратить эффективно. Идея заключалась в том, чтобы точечной финансовой помощью укрепить позиции реформаторов, которые сами бы осуществили реформы. Помощь из экономической превращалась в политическую: ставка делалась не на поддержку экономики страны в целом, но на усиление тех политических сил, которые способны провести рыночные реформы и способствовать демократизации. Формулируя эту мысль, У. Клинтон в той же речи отмечал: «До тех пор, пока в Российской Федерации и других государствах есть реформаторы, ведущие по пути к демократическому горизонту, наша стратегия должна заключаться в их поддержке. И наше место должно быть рядом с ними»[6]. Заместитель директора по Европе и новым независимым государствам Агентства международного развития (АМР) США (официального ведомства, занимающегося помощью иностранным государствам) Т. Дайн, разъясняя эту общую установку в применении к финансовой помощи России, заявил, что США не будут «тратить доллары американских налогоплательщиков на помощь там, где

[6] Цит. по: *Menges*. Op. cit. P. 539.

не могут развернуться реформаторы»[7]. Оставалось лишь найти таких реформаторов. И в России они нашлись. Специальный советник президента по новым независимым государствам и координатор экономической помощи странам СНГ при госсекретаре США Р. Морнингстар в интервью сотруднице Университета имени Джорджа Вашингтона Ж. Уэдел отмечал: «Когда речь идет о нескольких сотнях миллионов долларов, вы не измените страну, но вы можете предоставить точечную помощь Чубайсу»[8]. Рассказывая о том, кого в России следует считать реформаторами, Т. Дайн пояснил: «Очевидно, это Чубайс и все его отпрыски... Бойко, Васильев, Орехов... Эти ребята играют важнейшую роль в том, что мы делаем... Если Максим Бойко говорит мне, что X, Y и Z – реформаторы, я ему верю»[9].

Как получить американскую помощь

Вопрос о том, почему команда Гайдара – Чубайса была избрана в качестве главных реформаторов президентом Б.Н. Ельциным, в общем хорошо известен. Программа этой группы была наиболее «антицентральной» и рассматривала другие советские республики как обузу для России, от которой необходимо отделаться. Б.Н. Ельцину и его главному идеологу Г.Э. Бурбулису, которые хотели провалить федеральный центр, чтобы окончательно утопить М.С. Горбачева, такая программа была наиболее близкой. Стремясь к этой главной цели, Б.Н. Ельцин, который до 1991 г. не был особенным рыночником и выступал за осторожные, социально ориентированные реформы, легко поддался рассказам гайдаровцев о том, что волшебство рынка восстановит экономику страны в считаные месяцы. Верить хотелось. Тогда, излагая план реформ на Съезде народных депутатов РСФСР в октябре 1991 г., Б.Н. Ельцин заявил: «Хуже будет всем примерно полгода, а затем – снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 г. – стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей»[10].

---

[7] *Wedel J.* Clique-Run Organizations and U.S. Economic Aid: An Institutional Analysis // Fall 1996. Demokratizatsiya: The Jornal of Post-Soviet Democratization. Vol. 4. No. 4. P. 572.

[8] *Wedel J.* Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe 1989–1998. 1st ed. Winter, N.Y.: St. Martin's, 1998. P. 145.

[9] *Wedel J*, Clique-Run Organizations and U.S. Economic Aid. P. 575.

[10] Выступление Президента РФ Б.Н. Ельцина на V съезде народных депутатов РСФСР (28 окт. – 2 нояб. 1991 г.). История новой России. http://ru-90.ru/content/выступление-президента-рф-бн-ельцина-на-v-съезде-народных-депутатов-рсфср-28-октября–2-ноя.

Это, однако, еще не объясняет, почему та же группа, явным лидером которой после ухода Е.Т. Гайдара из правительства стал оказавшийся гораздо лучшим администратором и цепким политиком А.Б. Чубайс, была признана единственно реформаторской на Западе. История образования этой группы, уже получившей устойчивое название Санкт-Петербургского клана, описана в интересном исследовании Ж. Уэдэл. Большинство персонажей, которые обычно ассоциируются с этой группой (А.Б. Чубайс, А.Л. Кудрин, С.Г. Беляев, Э.Г. Буре, Д.В. Васильев, А.Р. Кох, М.В. Маневич и др.), учились в Ленинградском инженерно-экономическом институте, Финансово-экономическим институте или ЛГУ, прошли через ленинградский неформальный клуб «Реформа». Многие работали в Ленгорисполкоме и мэрии Санкт-Петербурга, когда городом руководил А.А. Собчак. Большинство из них затем перебрались за А.Б. Чубайсом в федеральные органы. В Москве с первоначальной группой сблизились некоторые неленинградцы, в частности М.В. Бойко и Р.Г. Орехов. По данным Ж. Уэдэл, Р.Г. Орехов, как юридический советник президента, был важен группе, так как через него проходили необходимые ей указы. Члены группы были связаны между собой как общими задачами, так и взаимной поддержкой и продвижением по службе[11].

По мнению Ж. Уэдэл, значительную роль в признании Санкт-Петербургского клана на Западе единственными истинными российскими реформаторами сыграли такие случайные факторы, как способность говорить по-английски и употреблять понятные для доноров термины типа «рынок», «реформы», «гражданское общество» и т.п., учеба за границей, готовность называть себя реформаторами при встречах с иностранцами и ассоциировать себя с другими реформаторами. Но особенно важны были личные связи с влиятельными западными экономистами, некоторые из которых (в том числе сотрудник Гарвардского института международного развития, ГИМР) Дж. Сакс, ставший потом советником российского правительства) участвовали во встречах гайдаровской команды на подмосковной даче. В статье, напечатанной в июньском номере журнала «The Nation» за этот год, Ж. Уэдэл показывает, как, используя престиж самого знаменитого американского университета и связи с администрацией У. Клинтона, ГИМР получил карт-бланш на распределение американской помощи в России, благодаря чему А.Б. Чубайс и его команда

[11] *Wede J.* Clique-Run Organizations and U.S. Economic Aid. P. 583.

добились полного доверия и безусловной поддержки американской администрации[12].

Ученые из ГИМР убедили АМР, не имевшее опыта в ведении дел в бывшем СССР, передать им всю ответственность за экономическую реформу в России. Таким образом, частная организация (ГИМР) фактически распоряжалась распределением значительной части государственной американской помощи. Ж. Уэдэл раскрывает механизм принятия такого решения и имена тех, кто мог повлиять на него. Например, бывший гарвардский профессор экономики Л. Саммерс, назначенный президентом У. Клинтоном первым заместителем министра финансов, тесно связан с проектами ГИМР в России и на Украине. Л. Саммерс, в свою очередь, назначил выпускника Гарварда Д. Липтона заместителем помощника министра финансов по Восточной Европе и бывшему Советскому Союзу, пост, который сам Л. Саммерс занимал ранее сам. До этого Д. Липтон работал вице-президентом консультационной компании «Джефри Д. Сакс энд Ассошиэйтс», писал доклады совместно с Дж. Саксом и ездил с ним в Россию и Польшу по консультационным делам, то есть по делам частного бизнеса, не связанного ни с научной работой Гарварда, ни с американской помощью. Другая интересная фигура в этом раскладе – А. Шлейфер, тоже гарвардский профессор экономики, эмигрант из России, который стал директором российской программы ГИМР. Согласно Ж. Уэдэл, А. Шлейфер также связан с Л. Саммерсом и получил с ним по крайней мере один совместный грант. Еще один важный игрок этой команды – Дж. Хэй, который, будучи еще студентом-юристом в Гарварде, был в 1991 г. назначен юридическим советником российского Государственного комитета по управлению имуществом (ГКИ), а через год – генеральным директором ГИМР в Москве. Дж. Хэй получил широкие полномочия по распоряжению финансами и был теснейшим образом связан с группой А.Б. Чубайса. Личная связь А.Б. Чубайса с ГИМР не вызывает сомнений: когда он временно потерял работу в правительстве в январе 1996 г., ГИМР платил ему деньги за «консультации». Группа А.Б. Чубайса отвечала ГИМР взаимностью. Например, когда контракт на работу с Комиссией по ценным бумагам выиграл не ГИМР, а Стэнфордский университет, Д.В. Васильев отклонил стэнфордский проект. А. Шлейфер позднее объяснял это тем, что комиссия уже сработалась со специ-

[12] *Wedel J.* The Harvard Boys Do Russia: How the Best and Brightest Helped Destroy the Russian Economy // *The Nation*. 1998. June 1. P. 11–16.

алистами ГИМР, к тому же «люди из Стэнфорда были чрезвычайно враждебны по отношению к приватизации», то есть, вероятно, к схеме А.Б. Чубайса[13].

Крупнейшая в истории приватизация

В соответствии с установками своих правительств и доминирующей экономической идеологией основная часть западной помощи была направлена на приватизацию российских предприятий. По замыслу разработчиков программы российской приватизации, она должна была создать новый класс ответственных собственников, который составил бы основу новой рыночной экономики и демократического режима. Западные советники российского правительства постоянно рапортовали об успехах этой политики. Один из них, А. Ослунд, в 1995 г. заявил: «Из всех коммунистических стран Россия предприняла, возможно, наиболее впечатляющую приватизацию... Частные компании производят не менее 87% промышленной продукции»[14].

Победные реляции советников были некритически восприняты теми, кто предоставлял помощь. Так, Р. Морнингстар писал, что благодаря программе ваучерной приватизации в России возникло более 40 миллионов владельцев акций, то есть больше, чем в США, что делает российскую приватизацию крупнейшей в истории. Внутренние документы АМР называли эту приватизацию образцом и флагманом своей программы в России. В 1996 г. Госдепартамент США гордо отчитался: «Российская программа массовой приватизации успешно завершилась в июле 1994 г. Государственные активы были переданы 40 миллионам новых владельцев акций. Сегодня, согласно оценке, почти половина российских рабочих заняты в частных фирмах – в три раза больше, чем в 1992 г.»[15]. Возможно, у тех, кто наблюдает нашу жизнь со стороны, повод для оптимизма и был. Но что толку в том, что большинство наших предприятий формально частные, если они все равно стоят, а зарплату на них не платят. И что толку в том, что у нас больше акционеров, чем в США, если их акции ничего не стоят. Прошло уже далеко не шесть месяцев, как обещал Б.Н. Ельцин, а шесть лет, а правительству не удалось не только добиться роста экономики и жизненного уровня, но даже остановить спад.

---

[13] *Wedel J.* The Harvard Boys Do Russia: How the Best and Brightest Helped Destroy the Russian Economy // The Nation. 1998. June 1. P. 591.

[14] Цит. по: *Menges*. Op. cit. P. 549.

[15] *Wedel J.* Clique-Run Organizations and U.S. Economic Aid. P. 578.

Кстати, и в США не все разделяют официальный восторг по поводу российской экономики. Профессор университета Джорджа Вашингтона Дж. Миллар, например, отмечал, что программа ваучерной приватизации не могла повлиять на российское производство, так как она не имеет отношения к реальными его показателям, и даже назвал ее «мошенничеством де-факто»[16]. В самом Гарварде также далеко не все разделяют позиции Дж. Сакса и его людей. Так, известный специалист по российской экономике М. Голдман, например, критикуя западных советников российского правительства за незнание российских реалий, указывает, что приватизация государственных монополий при отсутствии соответствующей культурной традиции и институциональной инфраструктуры «неизбежно должна была разрушить российскую экономическую систему»[17].

Что здесь имеется в виду? Теория Гайдара–Сакса–Чубайса была проста, как вывернутый наизнанку марксистский учебник политэкономии. Это и не случайно: Е.Т. Гайдар, как известно, до того, как возглавить российские реформы, был экономическим редактором «Коммуниста», а затем «Правды». Дж. Сакс же тоже в своих лекциях часто цитирует К. Маркса, особенно его идеи о неизбежности и прогрессивности победы капитализма над традиционной экономикой во всемирном масштабе. С марксизмом их взгляды объединяет вера в железную необратимость действия экономических законов, одинаковых для всех. Нет разных культур, разных обстоятельств – рынок разрушает все эту ерунду, и, получая возможность действовать в условиях частной собственности и рыночной экономики, все начинают работать эффективно и увеличивать прибыль, ненужные производства закрываются, капитал перетекает в прибыльные, то есть наиболее рентабельные производства, растут доходы предпринимателей, а следовательно, и поступления от налогов на государственные и социальные нужды.

На бумаге все выглядит отлично. В реальности же оказалось, что Россия, только что вышедшая из советского состояния, реагирует на «шоковую терапию» не совсем так, как страны Латинской Америки или даже Польша. В России, в отличие от всех прочих стран (за исключением, может быть, Северной Кореи и Албании), самое длительное в мире господство коммунистического режима с корнем вы-

[16] Ibid.

[17] *Goldman M.I.* Ignore Sovietology at Your Peril // Demokratizatsiya. Fall 1997. Vol. 5. No. 5. P. 519.

рвало рыночную среду и сопутствовавшие ей институты, на которые могла опираться приватизация. Изменилась сама психология людей: социалистические директора, которых чубайсовская приватизация сделала владельцами предприятий, вовсе не спешили модернизировать производство и делать его более эффективным. Они предпочитали продолжать клянчить государственные субсидии, одновременно распродавая оборудование и переводя деньги за границу. Оставленные без зарплаты рабочие начали бастовать. Капиталы перетекали не в новые производства, а в швейцарские банки. Государственные службы и судебная система, не привыкшие к деятельности в условиях рынка, оказались неспособными бороться с мафией и фактически срослись с ней. Вместо массы мелких и средних собственников дюжина близких к власти авантюристов или бывших советских руководителей промышленности завладела большей частью богатства страны. По признанию М. Голдмана, возникла опасность, что «вместо создания общества с множественными независимыми и соревновательными имущественными правами складывающееся общество может быть руководимо лишь на благо небольшого количества людей со связями в правительстве»[18].

В результате, как признал известный американский специалист по России Дж. Хаф в статье с характерным названием «Американская политика по отношению к России: триумф пренебрежения», вместо того, чтобы содействовать развитию российской экономики, американская администрация «поощряла экономическую политику, результатом которой стали депрессия и приблизительно пятидесятипроцентный спад производства с января 1991 г.»[19]. Для оправдания результатов своей деятельности гайдаро-чубайсовцы до сих пор ссылаются на то, что экономика уже была разрушена старым режимом, а они, вооружившись совершенной теорией, всеми силами пытались исправить положение. Конечно, М.С. Горбачев и его предшественники сделали для разрухи немало. Однако чем больше проходит времени, тем менее правдоподобными становятся эти ссылки на «прошлый режим», чем-то до боли напоминающие постоянные сравнения коммунистами своих достижений с 1913 г. Даже те, кому очень хочется верить в совершенство чубайсовской теории, с трудом могут понять, почему через шесть лет постоянного применения она дает лишь

[18] *Goldman M.* The Pitfalls of Russian Privatization // Challenge. 1997. May–June P. 48–49.

[19] *Half J.F.* America's Russia Policy: The Triumph of Neglect // Current History. 1994. October. P. 308.

отрицательные результаты. Сегодня, когда на наших глазах рушится единственное достижение гайдаровского монетаризма – твердый курс рубля, неспособный существовать без работающей экономики, провал гайдаро-чубайсовской политики особенно очевиден для всех, в том числе и для западных менторов ее авторов.

Например, британский журнал «The Economist», еще пару лет назад прочивший А.Б. Чубайса в президенты России в 2010 г., выносит приговор российской экономике, признавая, что сегодня даже сравнительно оптимистические инвесторы сомневаются, заработает ли она нормально до их смерти. «Ложные рассветы прошлых пяти лет грозят смениться постоянными сумерками отсутствия роста и капиталовложений», – прогнозирует это одно из наиболее авторитетных западных изданий, посвященных проблемам мировой экономики, в номере за последнюю неделю мая этого года[20].

Помощь и демократия

Политические цели приватизации были не менее, а возможно, и более важными, чем экономические. Предполагалось, что новый класс собственников должен был стать опорой российской демократии. Эти идеи А.Б. Чубайс сформулировал еще в 1992 г. в своеобразном манифесте «Что такое приватизация?», где заявил, что «рыночная экономика – это гарантия не только эффективного использования средств, ресурсов, основных фондов и так далее, но также и гарантия свободы и независимости граждан»[21]. Однако в действительности западная финансовая помощь не укрепляла молодую российскую демократию, но действовала против нее. На практике западные, особенно американские, доноры, предоставляя помощь России, открыто исходили из концепции, которую упорно рекламировали внутри страны и за рубежом те, кто называл себя российскими демократами: демократия есть власть демократов, то есть нас. Бессмысленно говорить, что в самих западных демократиях такая концепция не проходит со времен Французской революции, когда тогдашние «демократы» наломали дров. Еще классики демократической мысли, начиная с Дж. Мэдисона и Дж.С. Милля, постоянно доказывали, что демократия – это не власть большинства или тем более прогрессивного меньшинства, но система сдержек и противовесов, основанная на законном разделении прав и полномочий различных органов власти, балансе ин-

[20] The Economist. 1998. May 23. P. 70.

[21] *Чубайс А.Б.* Что такое приватизация // Известия. 1992. 28 сентября.

тересов и соблюдении прав меньшинств. Коммунистический СССР не был монолитом в смысле интересов: когда центральный контроль КПСС, насильственно цементировавший общество, исчез, общество распалось на различные группировки и кланы, сложившиеся еще при советской власти. Их основой могли быть территориальные (республиканские или областные кланы), ведомственные (группы знакомых по работе в одном министерстве, редакции, институте и т.п.), и, наконец, просто неформальные группы по интересам (к ним можно отнести рассматриваемый Санкт-Петербургский клан).

В непривычных условиях отсутствия контроля сверху и концепции разделения властей кланы стали быстро бороться за абсолютную власть. Для нас не принципиально, что некоторые из них называли себя «демократическими», другие «патриотическими» и т.п. Борьба между Советами и исполнительной властью, развернувшаяся по всей стране, начиная с районного и кончая федеральным уровнем, по сути, была не борьбой программ, а борьбой кланов-ведомств, которые бросил на произвол судьбы развалившийся хозяин-КПСС. Свидетельством ведомственного характера этой борьбы является то, что «демократы» и «партократы», оказавшиеся в Советах, быстро находили общий язык и совместно вступали в решительную борьбу с «демократами» и «партократами», проникшими в мэрии и министерства. Так дрались бы за еду два не привыкших делиться раба, которых хозяин неожиданно оставил бы наедине друг с другом у стола с едой.

В этих условиях политика стабилизации демократического режима, обеспечивающего права и свободы, должна была бы быть направлена на развитие различных общественных сил, готовых соревноваться в общих демократических рамках, на поддержку баланса сил, стимулирование договоренностей и компромиссов, постепенную выработку у всех игроков неизвестной при коммунизме идеи разделения полномочий на основе закона. Однако основная часть западной помощи действовала в обратном направлении.

Американские власти поверили теориям Сакса – Чубайса о том, что рыночная экономика и частная собственность сами по себе ведут к демократии, а следовательно, проводя приватизацию, они тем самым создают фундамент демократического режима. Мало того, что эта теория в последнее время подвергается критике многими специалистами, так как исторический опыт дает много свидетельств длительного существования недемократических рыночных режимов, приватизация по Чубайсу явно не создавала среднего собственника, а отдавала все в руки нескольким олигархам. Фактически вместо раз-

вития плюрализма АМР проводило политику, которая в любой развитой демократии считалась бы поощрением диктатуры: вся власть «хорошим парням». А.Б. Чубайс с его прямым выходом на Б.Н. Ельцина тут был незаменим. На Западе полагали, что так быстрее и эффективнее проводится приватизация. Как открыто заявил один из руководителей российской программы АМР У. Колс: «Если нам нужен был декрет, Чубайсу не нужно было проходить через бюрократию... Реформаторы не могли бы добиться через Думу крупных сумм на проведение реформ»[22].

На поддержку этих «хороших парней» шли значительные средства и пропагандистские усилия. Группа Чубайса–Сакса, рекламируя себя в качестве единственных реформаторов, открыто требовала финансовой помощи для укрепления своего политического положения. В книге «Приватизируя Россию», написанной близкими к А.Б. Чубайсу М.В. Бойко, А. Шлейфером и Р. Вишни, авторы заявляли: «Помощь может изменить политический баланс, откровенно помогая реформаторам – сторонникам свободного рынка победить своих оппонентов... Помощь способствует реформам не тем, что она прямо помогает экономике – она просто слишком мала для этого, но тем, что она помогает реформаторам в их политических битвах»[23]. И западные правительства и в этом вопросе пошли на финансирование заинтересованной стороны, и в политической области полностью положились на группу Сакса–Чубайса. Так, отвечая на вопрос исследователя, помогло ли АМР А.Б. Чубайсу занять высокие позиции в российском правительстве, Т. Дайн заявил: «Как наблюдатель, могу ответить утвердительно»[24].

Программе помощи другим группам, развитию плюрализма, политических партий АМР уделяло мало внимания. В статье, анализирующей эту проблему, американский специалист К. Менгес высказывает удивление, как США умудрились потратить 2,7 млрд долл. прямой помощи России (с 1994 по 1996 г.), при этом затратив всего 18 млн на развитие демократических партий и профсоюзов[25]. В этом нет ничего удивительного, так как большая часть этих денег (1,68 млрд) предоставлялась по линии АМР, а кому оно их давало, нам уже известно: американским экспертам и группе А.Б. Чубайса. Кроме того, значительная часть средств, формально направляемая на поддержку

[22] *Wedel J.* Clique-Run Organizations and U.S. Economic Aid. P. 573.
[23] Ibid. P. 574.
[24] Ibid.
[25] *Menges.* Op. cit., P. 546.

негосударственного бизнеса и общественных организаций, в действительности шла на оплату работы западных консалтинговых фирм и компаний, что предусматривалось условиями предоставления помощи, то есть фактически субсидировала не российскую, а американскую экономику. Один из ярких примеров: предоставление 3,2 млн долл. на развитие эффективного использования энергии, а реально – на развитие экспорта фирмы «Катерпиллар Инкорпорейтед».

Зная все это, сегодня можно совсем по-другому посмотреть на всю историю с президентской избирательной кампанией 1996 г. и неожиданным назначением А.Б. Чубайса ее главным организатором. Президенту, принявшему принципиальное решение идти на выборы, нужны были люди, которые смогли бы их достойно профинансировать. И А.Б. Чубайс, вероятно, убедил его, что «заграница» и свои банкиры помогут. У него для этого были все основания. Только МБРР предоставил 90 млн долл. на поддержку приватизации и послеприватизационной деятельности, из которых 59 млн прошли через организованный А.Б. Чубайсом Российский центр приватизации (РЦП). Эта несложная тактика удалась. Она немного напоминает известный анекдот о «челночной дипломатии»: пугай Запад Г.А. Зюгановым, и тебе дадут деньги; говори Б.Н. Ельцину, что Запад дает под тебя деньги, и ты будешь на руководящих постах.

Конечно, речь не идет о том, что западные деньги прямо шли на кампанию Б.Н. Ельцина. Схема была не такой примитивной и формально законной: Запад дает деньги на приватизацию, руководители приватизации организуют аукционы, на которых крупные российские воротилы бизнеса приобретают государственные предприятия (как утверждают многие, гораздо ниже реальной стоимости). Воротилы поддерживают А.Б. Чубайса и дают деньги под него, А.Б. Чубайс становится необходимым для президента и после выборов назначается первым вице-премьером с широчайшими полномочиями. На поверхности законность соблюдена, однако это не меняет того факта, что западные доноры нашли способ материально поддержать группу А.Б. Чубайса и кандидатуру Б.Н. Ельцина в обход российской Конституции и Закона о выборах. Слова Т. Дайна о содействии назначениям А.Б. Чубайса вполне верны.

Сплоченный коллектив

И западные советники, и российские приватизаторы имели все причины пропагандировать успехи своей политики. Ведь западные

правительства выделяли для ее финансирования большие деньги, значительная часть которых шла на оплату работы советников. Только при У. Клинтоне на реформы в России ГИМР получил от АМР около 58 млн долл., причем большую часть без обычного конкурса[26]. На оплату труда более 200 иностранных советников ГКИ, набранных через ГИМР, пошло 7,75 млн. Всего через ГИМР прошло около 300 млн долл. грантов, предназначенных для оплаты работы других (нероссийских) контракторов. Остальные миллионы пошли на организацию так называемых частных или независимых организаций, занимающихся приватизацией. Главная из них – упоминавшийся РЦП и связанные с ним региональные центры приватизации. «Независимый» РЦП был создан президентским указом в 1992 г. и первое время располагался в здании ГКИ. Председателем правления был А.Б. Чубайс (оставаясь руководителем ГКИ), исполнительными директорами – М.В. Бойко (до 1 июля 96-го), Э.Г. Буре (после 1 июля 96-го), заместителем председателя правления – Д.В. Васильев. С помощью ГИМР РЦП получил 45 млн долл. только от АМР, кроме того, значительные средства от Европейского Союза, правительств отдельных европейских стран, Японии. Центру также были предоставлены займы МБРР (59 млн долл.) и ЕБРР (43 млн долл.), которые, несмотря на «частный» характер центра, должны будут отдавать российские налогоплательщики.

Естественно, западные доноры нисколько не заблуждались насчет реального государственного характера РЦП. Потому и безбоязненно давали займы. Зачем же был нужен его формальный «негосударственный» статус? А для того, чтобы западные деньги могли быть использованы реформаторами, то есть А.Б. Чубайсом и его командой, в обход бюджета и законных государственных процедур, в обход парламентского и даже официального правительственного контроля. Кроме того, западные советники могли рапортовать, что помощь предоставляется не правительству, а развивает в России «гражданское общество» и «частную инициативу».

Такой подход, возможно, ускорил приватизацию. Однако он имел серьезные отрицательные последствия: неэффективность и коррупцию при распределении помощи. К ним относятся Федеральная комиссия по ценным бумагам (ФКЦБ), которую возглавил Д.В. Васильев и Фонд «Международный институт развития правовой экономики» (МИРПЭ). Институт, получивший 20 млн долл. от

26 *Wedel J.* The Harvard Boys Do Russia. P. 12.

АМР, в частности, занимался составлением проектов документов для российского правительства. В августе 1997 г. у института возник спор с АМР по поводу оборудования, которое было вывезено из офиса его российским руководством. Институт также отказался предоставить информацию аудиторам АМР. В целом создалась интересная ситуация, когда одни и те же люди (А. Шлейфер, Дж. Хэй и др.), будучи американскими гражданами, в зависимости от ситуации выступали представителями либо американской, либо российской стороны. Если зарубежные доноры подвергались критике за то, что они субсидируют подозрительные программы государственной приватизации, они заявляли, что финансируют частные организации (хотя их и возглавляли государственные чиновники). Если А.Б. Чубайса и его людей критиковали за неправильное использование зарубежных денег, они уже от имени российской стороны заявляли, что решения принимают американцы. А сами они занимались следующим. Согласно Ж. Уэдэл, Дж. Хэй использовал свое влияние и деньги АМР для того, чтобы помочь своей подруге, Э. Герберт, создать в России компанию «Паллада Эссет Менеджмент», которая стала первой компанией, зарегистрированной ФКЦБ Д.В. Васильева, обогнав даже такие всемирно известные финансовые институты, как «Креди Суисс Ферст Бостон» и «Пайонир Ферст Ваучер». Затем Э. Герберт, Дж. Хэй, А. Шлейфер и Д.В. Васильев организовали частную консалтинговую фирму на деньги американских налогоплательщиков. Одним из первых клиентов фирмы была жена А. Шлейфера, Н. Зиммерман. Компания, которую возглавляет Н. Зиммерман, активно торговала на рынке российских ценных бумаг. Согласно регистрационным документам, эта компания создала фирму, в которой генеральным директором стал директор МИРПЭ С.А. Шишкин, причем официальные телефон и адрес компании и МИРПЭ совпадают. В настоящее время американское правительство расследует деятельность А. Шлейфера и Дж. Хэя в связи с обвинениями в использовании «внутренней информации» для инвестирования в России, а АМР отказало им в новых грантах на сумму 14 млн долл.[27] Тем не менее, согласно Ж. Уэдел, группировка Чубайс–ГИМР до недавнего времени оставалась важнейшим инструментом в области предоставления американской помощи России и даже использовала в своих целях межправительствен-

[27] По соглашению, достигнутому в августе 2005 г., А. Шлейфер, Дж. Хэй и Гарвардский университет обязывались выплатить правительству штраф в размере более 31 млн долл.

ную комиссию «Гор–Черномырдин». На организованном комиссией Форуме по рынку капитала председателями с российской стороны были А.Б. Чубайс и Д.В. Васильев, а с американской – глава Комиссии по ценным бумагам и биржам А. Левитт и министр финансов Р. Рубин. А. Шлейфер был назначен специальным координатором всех четырех рабочих подгрупп форума, а подруга Дж. Хэя Э. Герберт работала в двух из них вместе с представителями крупнейших американских компаний[28].

Как пишет американская журналистка А. Уильямсон в книге «Как Америка создала новую русскую олигархию», которая вскоре выходит в США, для американской программы помощи России были крайне характерны случаи конфликта интересов, в которых были замешаны советники ГИМР и их союзники из группы Чубайса, финансировавшиеся АМР, «дружественные» банкиры и эмигранты, использовавшие «внутреннюю информацию» для игры на российском рынке ценных бумаг. Таким образом, содействуя чубайсовской программе приватизации, западные доноры фактически содействовали созданию в России криминально-монополистической экономики[29]. Вместо здорового рынка и демократии политика «хороших парней», по меткому выражению российского философа И.Б. Чубайса, привела к тому, что «в государстве вновь воспроизведены противоречия, которые впервые вызвали потрясение еще в 1917 г., – это разрыв между обществом и властью, аморализм и отсутствие нравственного основания у власти, крайняя имущественная поляризация общества, нелегитимность правящего строя»[30].

Безрадостные итоги

Хочу, чтобы меня поняли правильно. В отличие от наших национал-патриотов я вовсе не собираю материал для обвинения Запада в коварном заговоре по разрушению России, хотя кто-то из них, вероятно, и обрадуется данным, приведенным в этой статье.

В нынешней разрухе мы должны прежде всего винить самих себя. Причиной политики Запада, прежде всего США, в отношении России скорее является сочетание случая, безграмотности, господства стереотипов (вроде деления всех россиян на реформаторов и антиреформаторов), давления собственных проблем, мелкого эгоизма и от-

[28] *Wedel J.* The Harvard Boys Do Russia. P. 12, 14.
[29] Ibid.
[30] *Чубайс И.* От Русской идеи – к идее Новой России. М.: Гитис, 1996. С. 78.

сутствия широкого взгляда на проблемы, который был характерен, например, для американских лидеров периода Второй мировой войны и послевоенного времени. Хотя заинтересованность некоторых крупных бизнесменов в том, чтобы Россия оставалась лишь поставщиком сырья, вероятно, также играет определенную роль. В то же время в США и в Европе всегда были экономисты, сомневавшиеся в эффективности шоковой терапии в постсоветском пространстве, выступавшие за более активную поддержку демократии в России, против провоцирования российского национализма путем, например, расширения НАТО. Здесь достаточно упомянуть хотя бы патриарха американской стратегической мысли Дж. Кеннана. Сегодня многие американские специалисты и политики проявляют серьезные опасения относительно безопасности ядерного оружия и ядерных материалов в России. Большой интерес вызвала посвященная этой теме книга «Как избежать ядерной анархии?», выпущенная специалистами Гарвардского университета под редакцией Г. Эллисона[31]. Конгресс выделяет значительные суммы на программы хранения и уничтожения ядерных материалов в России. Только сегодня приходит понимание, что развал России, вызванный политикой нынешних российских властей, вовсе не выгоден США. Ведь при ядерной катастрофе и американцы взлетят на воздух. Возможно, волнений и затрат было бы гораздо меньше, если бы Запад имел в виду эту опасность с самого начала и не поддерживал тех, кто призывал всех брать столько суверенитета, сколько унесут, и раздавал крупнейшие предприятия и целые регионы авантюристам и бандитам.

Однако в силу обстоятельств и ловкости отдельных лиц верх взяла другая линия. В результате западная поддержка рыночных реформ и демократии в России оказалась не более чем мифом. В реальности западный мир уже более шести лет объективно поддерживает обанкротившийся экономический курс и поощряет неуважение к конституции, законным органам власти, процедурам, ведущим к согласию и балансу между властями. То, что Запад делает или рекомендует делать в России, никогда не прошло бы на самом Западе. Лишь дикой России можно рекомендовать приватизацию всего хозяйства в несколько месяцев, в то время как в Великобритании даже сама М. Тэтчер за долгие годы своего правления так и не смогла приватизировать

[31] *Allison G.T., Cote O.R., Jr., Falkenrath R.A., Miller S.E.* Avoiding Nuclear Anarchy: Containing the Threat of Loose Russian Nuclear Weapons and Fissile Material. Cambridge (Mass.), London: The MIT Press, 1996.

некоторые крупные государственные монополии. Лишь в России можно приветствовать расстрел парламента, у себя дома приходится стоять перед ним навытяжку. Лишь в России можно аплодировать конституции, по которой правительство фактически не ответственно перед парламентом: в большинстве западных государств парламент утверждает всех министров, а победившая партия формирует правительство. Лишь в России можно исподтишка финансировать избирательную кампанию нужных людей, в США за такие дела приходится отчитываться (как раз сейчас там разгорается скандал из-за, возможно, имевшего место финансирования демократической партии Китаем также через массу подставных фирм и лиц). Лишь в России можно способствовать финансированию государственных программ в обход парламента, у себя парламент может заблокировать любую программу, не выделив на нее средств в бюджете.

Что касается группы А.Б. Чубайса, которую по каким-то причинам взялся поддерживать Запад, то я отнюдь не считаю этот выбор наихудшим. Среди российских кланов есть и куда более опасные. Многие из них также имели не меньшее влияние руководство страны. К примеру, приход к власти группы Хасбулатова–Руцкого или пытавшегося отменить президентские выборы в 1996 г. клана Коржакова–Барсукова–Сосковца, скорее всего, имел бы катастрофические последствия. Однако зачем нужно было выбирать вообще? То, что Верховный Совет РСФСР был нисколько не лучше группы Гайдара–Чубайса, еще не означает, что надо отдать последним всю власть и поощрять президента на расстрел законного парламента. Компромисс между двумя весьма несовершенными центрами власти мог бы создать гораздо более благоприятную ситуацию для утверждения законности и демократии, как это было всегда, начиная с Великой хартии вольностей.

Верно также и то, что, даже несмотря на известные истории с книгами и квартирами, очевидно: среди оппонентов группировки А.Б. Чубайса и прочих властей предержащих есть гораздо более алчные и в большей степени стремящиеся к личной выгоде. Некоторые из них уже сидят где положено, другие еще гуляют на свободе. Все факты взяточничества и воровства, конечно, должны быть расследованы, однако в целом обвинять группу А.Б. Чубайса в коррупции мелко. Это все равно что осуждать В.И. Ленина или И.В. Сталина не за то, что они уморили голодом и расстреляли миллионы людей, а за то, что утащили из кабинета казенный карандаш или пачку бумаги. Меня всегда удивляло, что убивший одного человека отправляется на висели-

цу, а те, одна безмозглая подпись которых уничтожила десятки тысяч человек в Чечне или чья фанатическая вера в некую экономическую теорию лишила последних сбережений миллионы стариков, поделила все имущество страны между несколькими ловкими чиновниками и проходимцами, уничтожила ценившиеся во всем мире науку и образование, почему-то считаются великими реформаторами и крупными демократами. Пусть группа А.Б. Чубайса и не самая плохая, но зачем говорить, что, вкладывая в нее все средства и затрудняя развитие других, в том числе и прозападных сил, кто-то развивает демократию и рыночную экономику или улучшает отношения с Россией?

Выступая в конгрессе в 1995 г., Р. Морнингстар выделил три основные направления американской помощи странам бывшего СССР: 1) обеспечение безопасности США путем поощрения демилитаризации, уничтожения оружия массового поражения и т.п.; 2) создание конкурентной рыночной экономики; 3) поощрение демократических правительств и гражданских обществ, включая развитие свободных и независимых средств массовой информации и создание негосударственных организаций граждан различных видов, одновременно способствуя развитию верховенства закона[32]. Сегодня совершенно очевидно, что по крайней мере в России ни в одном из трех пунктов американская помощь не достигла цели, а по второму и третьему действовала в обратном направлении. Если Россия и добилась чего-то в этих областях, то не благодаря, а вопреки усилиям зарубежных помощников.

Скорее всего, иностранная помощь, по крайней мере в таких размерах, была вообще не нужна (речь, конечно, не идет о помощи, предоставляемой на обеспечение сохранности ядерного арсенала и его уничтожение, увеличение которой в интересах США и всего мира не в меньшей степени, чем России). Какой-то смысл могла иметь массированная помощь, которая, как в Польше, держала бы значительную часть бюджета в период болезненных реформ. Но еще больше России нужны были не подачки, а признание ее в качестве равноправного экономического и дружественного политического партнера, что выразилось бы в открытии европейских и американских рынков и отказе от политики продвижения НАТО к ее границам и объявления соседних с ней государств зоной американских страте-

[32] *Morningstar R.* Testimony before the Committee on International Relations, U.S. House of Representatives. Washington, D.C. 14 November 1995. As quoted in Menges C. An Initial Assessment of U.S. Aid to Russia, 1992–1995 and a Strategy for More Effective Assistance // Demokratizatsiya. Fall 1996. Vol. 4. No. 4. P. 540.

гических интересов. Этого, к сожалению, не произошло. Поддержка же одной группы, неформальный глава которой, по выражению «Нью-Йорк Таймс», «возможно, является наиболее ненавидимым человеком в России»[33], лишь продлевала этому объединению политическую жизнь. Она мешала демократической замене руководства, которое не смогло выполнить своих обещаний, и стимулировала его не на поиск эффективных решений, но на выкачивание из доноров новых и новых средств. Закрепление за гайдаро-чубайсовской группировкой звания единственных демократов и реформаторов, ставшее результатом совместных пропагандистских усилий этой группы и ее западных сторонников, привело к тому, что многие российские избиратели стали связывать с ее катастрофическим курсом демократию и реформы вообще. Недовольство населения выразилось в росте популярности не альтернативных реформаторских, а антидемократических и антиреформаторских сил, а также антизападных настроений. Это признают многие и на Западе. Так, согласно американскому сенатору У. Брадлею, США не только не смогли повлиять на ход российских реформ, но в реальности «вызвали антиамериканскую реакцию на основе неисполненных ожиданий»[34]. Стоит ли удивляться тому, что уже в 1995 г., по данным одного из опросов, более половины россиян выразили убеждение, что США проводят продуманную антироссийскую политику[35]. К сожалению, такие настроения не выветриваются за несколько недель.

[33] *Wedel J.* The Harvard Boys Do Russia. P. 11.

[34] Цит. по: *Waller J.M.* To Russia, with Cash // Demokratizatsiya. Winter 1997. Vol. 5. No. 1. P. 105.

[35] *Клямкин И.* Электорат демократических сил. Анализ электората политических сил России. М.: Carnegie Endowment for International Peace, 1995. С. 16–17.

Есть ли в России кризис?[1]

Чуть ли не важнейшим вопросом, который обсуждают сейчас российские политики, стал вопрос о кризисе. Есть он или его нет? Казалось бы, для большинства россиян этот вопрос ясен: экономика страны за последние годы сократилась более чем наполовину, внешний долг, на покрытие которого идет уже около трети бюджета, постоянно растет, люди месяцами не получают зарплату.

Среди высших руководителей этот вопрос тоже стал вызывать необъяснимый интерес. Некоторые из них даже полемизируют сами с собой. Вот, например, президент Б.Н. Ельцин. 23 июня, после очередного резкого падения курса акций на российской бирже, он заявил, что экономический кризис в стране стал настолько острым, что угрожает социальной и политической обстановке в стране. Через три дня, объясняя решение Б.Н. Ельцина отложить намеченный на июль визит в Казахстан, его пресс-секретарь С.В. Ястржембский сказал журналистам, что во время кризиса президент не может оставить столицу на целых четыре дня. Однако 29 июня, несмотря на то что курсы акций продолжали падать, Б.Н. Ельцин, беседуя с премьером С.В. Кириенко, отметил, что кризиса в России нет, а есть лишь необходимость стабилизации, поэтому и антикризисную программу правительства следует называть «стабилизационной».

Сказал, как отрезал. Положение, однако, почему-то не улучшилось. Относительно же понимания Б.Н. Ельциным того, о чем он говорит, у многих вновь зародилось беспокойство. Конечно, представителям некоторых специфических профессий например, философам или конферансье, свойственно иной раз вступать в дискуссии с самим собой. Однако в большинстве случаев это все же считается отклонением от нормы. Помнится, в начале 80-х популярным был анекдот, кончавшийся тем, что Л.И. Брежнев, ехавший в поезде, который сломался и встал, приказал завесить окна, а всем пассажирам говорить «ту-ту» и делать вид, что поезд движется. Сегодня движение изображает все ельцинское руководство, а самого президента все чаще сравнивают с Леонидом Ильичом. Отличие лишь в том, что коммунистический лидер хотя явно и не понимал, что говорит, но все же читал по бумажке, то, что напишут грамотные люди. При

[1] Впервые опубликовано в журнале «The Russian Community Journal» (Бостон, 1998. № 11. P. 2–4).

демократии же президент может говорить все, что хочет. И он говорит, а недоумевающий мир слушает. То он заявляет, что хочет снять ядерные боеголовки с российских ракет, а оказывается, что это технически невозможно. То он записывает в ядерные страны Японию и Германию, хотя даже ребенок знает, что конституции обеих стран не только не разрешают им иметь ядерное оружие, но даже серьезно ограничивают обычные силы. То выступает с планом ликвидировать все российские ядерные подводные лодки в Северном море, и министр иностранных дел спешит объяснить, что президент, оказывается, вовсе не это имел в виду.

Справедливости ради нужно сказать, что подобное случалось и с лидерами других стран. Например, президент Р. Рейган также как-то перепутал Бразилию с Боливией, что вызвало неудовольствие жителей обоих государств. Однако от этого россиянам не легче. Все это, вкупе со странным пристрастием к дирижированию военными оркестрами, отплясыванию буги-вуги на сцене и пощипыванию секретарш, уже давно наводило на размышления. И вот теперь диалог с самим собой о кризисе...

В этом плане своевременным представляется принятый 3 июля Государственной думой закон о проверке здоровья президента. Согласно конституции, полномочия президента могут быть прекращены в случае, если он потеряет способность выполнять свои обязанности по состоянию здоровья. В конституции, правда, не указан конкретный механизм, которым можно этого добиться. Согласно новому закону, любая из палат российского парламента сможет обратиться в Конституционный суд с запросом относительно состояния здоровья президента, и суд должен будет назначить специальную медицинскую комиссию из числа кандидатур, представленных Академией медицинских наук. Затем суд выносит решение на основании заключения комиссии. Если президент откажется от обследования, комиссия выносит заключение на основании имеющихся в ее распоряжении материалов. Закон этот еще не подписан Б.Н. Ельциным, и он, безусловно, наложит на него вето. Однако это вето будет легко преодолено, так как за закон уже проголосовало 316 депутатов, то есть более необходимых двух третей. В этом случае, возможно, президенту России вскоре предстоит отчитываться не только перед избирателями, но и перед врачами.

А что же собственно кризис? Его биржевая часть, которую стремится залечить правительство, – это лишь неизбежный симптом гораздо более глубокой болезни. Причина нестабильности на бирже

проста: у правительства нет денег. Нет денег, значит, не выплачивается зарплата, а граждане зарплату требуют, в том числе и объявляя забастовки, блокируя железные дороги и т.п. В результате в экономике усиливается нестабильность, инвесторы паникуют, средства изымаются, акции падают. Отсутствие же денег у правительства – это, по сути, закономерный результат всей экономической политики российского руководства, начиная с его прихода к власти в 1991 г., и, прежде всего, гайдаро-чубайсовской приватизации. Тогда российскую экономику возглавили люди, которые не просто боготворили рыночную экономику, но придерживались на нее взглядов, которые они почерпнули из советских учебников. Они лишь переставили местами советские оценки с отрицательных на положительные. Они поклонялись рынку, но принципами его работы считали те, что были описаны еще Карлом Марксом и Адамом Смитом. Согласно этому взгляду, «невидимая рука рынка», свободная от какого-либо регулирования и контроля, всегда сама находит лучшие экономические решения и является мощнейшим двигателем экономического прогресса. Конечно, сами гайдаровцы не считали, что взяли свои концепции из прошлого и позапрошлого столетий. В современной западной экономической науке, в которой можно найти все, что угодно, они своими кумирами избрали самых радикальных рыночников: представителей чикагской школы и молодого гарвардского профессора Дж. Сакса.

На Западе это направление – лишь одно из многих. Оно явилось своеобразной крайней реакцией на предыдущий период засилья кейнсианцев – сторонников государственного регулирования. Больше того, политики, которые пытались провести предлагаемые этой школой реформы (например, Р. Рэйган в США или М. Тэтчер в Великобритании), хотя и добились определенных успехов, но не смогли провести их в полном объеме, так как опасались серьезных социальных последствий. Например, в Великобритании приватизация небольшого количества государственных монополий не завершена и по сей день. Некоторые из них, например почта, так и не были приватизированы, так как реакция общества на соответствующие планы была крайне отрицательной.

В России те же западные теоретики, которые не смогли полностью добиться своего в собственных странах, и их местные ученики поставили чистый эксперимент. Сначала государство ввело «рыночные» цены, то есть сделало то, чего не могло сделать даже последнее горбачевское правительство «путчиста» В.С. Павлова: отпустило цены производителей-монополистов. В результате цены в несколько

дней подскочили в десятки раз, а все сбережения граждан в банках обесценились и пропали. Можно только представить, как реагировали бы на подобное жители любой западной страны, но российский народ терпел. Затем в несколько месяцев была проведена приватизация практически всей промышленности по схеме А.Б. Чубайса. Государственная собственность была за бесценок отдана в основном тем, кто управлял ею до этого, то есть старым директорам и близким им людям, а также умелым дельцам, которые быстро сориентировались и скупили чубайсовские ваучеры. Идея А.Б. Чубайса была проста и объяснялась все той же устаревшей верой во всемогущество рынка при любых обстоятельствах. Он многократно открыто заявлял, что ему не важно, кто получит государственную собственность: коммунистические директора, махинаторы или даже мафиози. Главное, что новые владельцы почувствуют себя хозяевами и будут заинтересованы увеличивать производство, перестраивать его на рыночные начала и выпускать нужную потребителю продукцию просто для того, чтобы увеличить свои доходы. Начнется экономический рост, вырастут и государственные доходы, страна выйдет из кризиса. Именно эту схему и представили Б.Н. Ельцину, который осенью 1991 г. на Съезде народных депутатов предсказывал: «Хуже будет всем примерно полгода, затем – снижение цен, а к осени 1992 г. – стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей»[2].

Эта схема, однако, не сработала. Оказалось, что реформаторы не учли самой малости: хорошо изучив западные теории, они имели слабое представление о том, как реально работает российская экономика. Те, кто бесплатно или за бесценок получили госсобственность, вовсе не спешили перестраивать и наращивать производство. Они продолжали действовать привычными советскими методами: распродавали оборудование, требовали государственных дотаций на зарплату рабочим, сдавали помещения под магазины и рестораны, а вырученные деньги переводили за границу. Экономический спад так и не сменился ростом, государственные доходы уменьшились, зарплата задерживалась, начались недовольство и даже волнения.

Сегодня правительство пытается решить проблему путем ужесточения сбора налогов. Однако это всего лишь полумера, которая не может сработать без полного изменения экономического курса.

[2] Выступление Президента РФ Б.Н. Ельцина на V съезде народных депутатов РСФСР (28 окт. – 2 нояб. 1991 г.). История новой России. http://ru-90.ru/content/выступление-президента-рф-бн-ельцина-на-v-съезде-народных-депутатов-рсфср-28-октября-—-2-ноя.

В предложенной в июне антикризисной программе правительство фактически говорит, что будет пытаться затыкать экономические течи, однако мер, укрепляющих весь корпус судна, в ней нет. Например, одна из мер предлагает брать налоги с предприятий не после получения ими платежей за поставленную продукцию, а сразу после ее отгрузки. Это связано с тем, что многие предприятия, не имея наличных денег, перешли на бартер, то есть безденежный обмен – ты мне десять автомобилей, а я тебе двадцать вагонов леса. Доходов с такой сделки как бы нет, не с чего и налог платить. Но прежде всего денег в обороте не хватает потому, что правительство само не платит за свои заказы. Скажем, если военному заводу правительство не уплатило за его продукцию, как он в свою очередь может платить за газ и электричество? Газовая и электрическая компании (которые, кстати, являются государственными монополиями) должны платить государству налог за поставленный газ, в то время как сами не получили за него плату. Или, к примеру, «Газпром» поставляет за границу (в Белоруссию, на Украину) российский газ, но не получает за него плату. Руководство «Газпрома» грозит прекратить поставки, но правительство, во имя межгосударственной дружбы, требует этого не делать, одновременно настаивая на уплате налогов за поставляемый газ. Тут описывай не описывай имущество «Газпрома» за неуплату, толку не будет.

Конечно, кое-какие меры по наполнению государственной казны принять можно. Например, вполне реально обложить высоким налогом недвижимость: большие квартиры (свыше определенной нормы), громадные дачи, которые растут вокруг крупных городов, как грибы, и т.п. Действительно, в отличие от доходов, наличие которых в российских условиях трудно установить, недвижимость – на виду. Однако это почему-то российскому руководству не приходит в голову. Скорее всего, это связано с тем, что принять эту меру должны те, кто как раз и владеет такими дачами и квартирами, несмотря на скромную государственную зарплату. Сложившийся в России режим классической олигархии вряд ли позволит коренным образом изменить экономический курс, а в этих условиях поворот к экономическому росту вряд ли возможен.

Тревожный май в России[1]

Политическая жизнь в России после смены правительства стала лишь более напряженной. Это и неудивительно – ведь новый премьер обещал продолжить старый курс, но лишь проводить его более эффективно. А это значит – поддержание сбалансированного бюджета любыми способами, чтобы обрадованный Международный валютный фонд по-прежнему поддерживал российский бюджет на плаву постоянными займами. По поводу займов, правда, президент Б.Н. Ельцин недавно заявил, что начиная с 2000 г., Россия их брать не будет. По странному совпадению, 2000 г. – это как раз год, когда кончается срок президента Б.Н. Ельцина.

Отдавать долги, таким образом, придется новому руководству, а делать новые Ельцин ему уже запретил. Похоже, российский президент успел хорошо выучить методы «public relations» (в вольном переводе звучит как раздача необоснованных обещаний) у западных политиков, забыв, правда, перенять методы государственного управления.

Из методов балансировки бюджета новое правительство, как и старое, знает только один – не платить зарплату. Действительно, чем не хороший метод: нет денег, нет и лишних расходов. Есть лишь небольшая деталь: люди, привыкшие покупать на деньги еду, без последней жить не хотят. И начинают выражать недовольство, например бастовать. 20 мая 1998 г. губернатору Кемеровской области А.Г. Тулееву даже пришлось объявить чрезвычайное положение: шахтеры Прокопьевска заблокировали Транссибирскую магистраль. По той же причине не ходили поезда и в Ростовской области и Республике Коми, протестовали шахтеры и в Бурятии, Челябинской области и на Сахалине, а в Пермской области они даже взяли под «рабочий арест» делегацию московских чиновников, приехавших на переговоры.

Шахтеры, как известно из произведений классиков марксизма, являются одним из наиболее передовых и организованных отрядов рабочего класса. Бастуют они повсюду, и во многих странах правительства, пытаясь отделаться от нерентабельных шахт, имеют с ними множество проблем. Достаточно вспомнить, что шахтерские забастовки сметали правительства в Англии, а недавно чуть было не привели к полному параличу экономики Германии. В СССР в 1990–1991 гг. шахтерское дви-

[1] Впервые опубликовано в «The Russian Community Journal» (1998. № 10. С. 2–3).

жение, в то время поощряемое Б.Н. Ельциным и демократами, внесло значительный вклад в развал экономики и падение коммунистического режима. Однако в России ситуация особая: здесь шахтеры борются не за повышение зарплаты или против закрытия шахт и увольнений, а за то, чтобы им платили деньги, которые они заработали. В значительной мере эта ситуация – следствие катастрофического экономического курса правительства еще со времен Е.Т. Гайдара, а также приватизации по А.Б. Чубайсу. Шахтеры начали бастовать вскоре после того, как Е.Т. Гайдар взялся за балансирование бюджета и перестал им платить. Тогда реформаторское правительство задумало хитроумный план. Е.Т. Гайдар и его представители стали ездить по шахтерским районам и соглашаться на условия бастовавших, повысив им зарплату до неимоверных (по российским стандартам) размеров. Одновременно шахты начали приватизировать, чтобы снять с государства ответственность за выплату этой неимоверной зарплаты. К сожалению, план удался не во всем. Бывшие советские директора шахт, которые, согласно чубайсовской системе приватизации, в большинстве случаев стали теперь хозяевами частных шахт, вовсе не стали вести себя как западные предприниматели. Вместо того чтобы искать рынки сбыта и делать производство более рентабельным, они, как и новые хозяева других приватизированных предприятий, предпочитали клянчить государственные субсидии, распродавать оборудование, прокручивать деньги в частных банках и посылать доходы за границу. Кроме того, общий крах экономической системы вызвал целую систему неплатежей. Шахты, даже продав кому-либо уголь, часто не могут получить с покупателя денег, поскольку тому тоже кто-то не заплатил. Типичный пример: кризис в Приморском крае. Там шахтерам не платят производители энергии, тем не платят военные, а военным не платит бюджет. Дело дошло до отключения энергии на военных базах. Шахтеры, вновь оставшись без денег, начали бастовать. Сегодня премьер С.В. Кириенко и его первый заместитель Б.Е. Немцов говорят, что правительство не поддастся на «шантаж» шахтеров и не будет платить им больше, чем положено по бюджету. Иначе придется не платить многим бюджетникам, например учителям и врачам. Правительство также утверждает, что во всем виноваты новые хозяева частных шахт, которые не платят зарплату, а используют деньги предприятий на личные нужды. Однако кто, как не правительство, виноват в создании всей системы неразберихи и коррупции и в утверждении зарплат, превышающих возможности бюджета? Конечно, Б.Е. Немцов прав: никто не имеет права разрушать страну. Однако ее разрушили вовсе не шахтеры. Сами-то члены

правительства не забывают аккуратно получать свою зарплату каждый месяц, а те, кто ответственен за сегодняшнюю ситуацию, давно хорошо устроились в различных частных фондах и компаниях.

Выступая по радио 22 мая, президент Б.Н. Ельцин, говоря о шахтерах, заявил, что никто не имеет права делать жизнь других еще более невыносимой. Между прочим, этим другим все равно не платят. У правительства, раздавшего за бесценок государственную собственность и неспособного собрать налоги (которые к тому же так велики, что никто всерьез и не думает, что их можно собрать), для этого нет денег. Российские школы, в которых еще по традиции учат, а не занимают детей компьютерными играми, чтобы они не отвлекали родителей от работы, находятся в плачевном состоянии. Не лучше обстановка и в вузах. Учителям и преподавателям месяцами не выплачивают мизерной зарплаты, и многие вынуждены уходить в частный бизнес.

Тут правительство пошло на другую уловку. Для сокращения расходов оно решило ввести плату за обучение в вузах, почему-то назвав это «реформой». Как известно, советский режим сделал не много хорошего. Однако качественное и бесплатное советское высшее образование признается крупным достижением во всем мире. Именно его решила ликвидировать новая власть. Это вызвало волну недовольства по всей стране. 20 же мая, в день пика забастовок шахтеров, по всей стране на улицы вышло 50 тысяч студентов, учителей и преподавателей, протестуя против невыплаты зарплаты и введения платы за обучение. Многие опасаются, что платное обучение приведет к тому, что в российских университетах будут учиться только дети богатых. Это уже происходит во многих частных вузах. Там дети «новых русских», которые не могут поступить в государственный университет, часто получают дипломы без достаточных знаний, а преподаватели не особенно с них спрашивают, так как с ними могут «разобраться» расстроенные родители. В результате протестов обсуждение «реформы» образования было временно снято с повестки дня правительства. Но надолго ли? Ведь денег-то нет и не предвидится.

Протесты ведут к тревожной ситуации в стране. Экономика теряет значительные средства. Не нужно забывать, что именно остановка железнодорожного сообщения часто вела в России к бурным событиям. Ведь здесь железные дороги – основной вид транспорта, и его провал приводит к параличу экономики и хаосу в стране. В 1905 г. забастовка железнодорожников привела ко всеобщей октябрьской стачке и вынудила царя ввести гражданские свободы. В 1918 г. стачка

железнодорожников чуть не смела большевистскую власть. Сегодня правительство пытается натравить на шахтеров работников других отраслей, утверждая, что, требуя своей зарплаты, они отнимают деньги у других. Однако интервью даже с пострадавшими от шахтерских действий пассажирами поездов, которые не могут доехать до места назначения, показывают, что те часто поддерживают требования шахтеров. А это уже говорит о серьезном росте всеобщего недовольства в стране.

Не случайно, что в такой обстановке избиратели ищут политиков, которые обещают установить «порядок». На недавних выборах в Красноярском крае значительное большинство проголосовало за генерала А.И. Лебедя. С грозным видом пообещав всех накормить, а виновных покарать, А.И. Лебедь победил довольно популярного губернатора, профессора-экономиста В.М. Зубова. Конечно, для всех очевидно, что для А.И. Лебедя Красноярск – лишь трамплин для будущих президентских выборов и вряд ли его так уж занимают дела края. Однако люди, не удовлетворенные ситуацией, голосуют против настоящего, надеясь на то, что любой новый человек будет лучше нынешней власти. В случае с А.И. Лебедем они могут прогадать. Человек, в собственной голове которого явный беспорядок, вряд ли сможет навести порядок в крае или стране. Пока, кроме прекращения конфликта в Молдавии и вывода российских войск из Чечни (действия, которые, независимо от их оценки, имеют весьма отдаленное отношение к наведению порядка в экономике), генерал мало чем прославился. Его высказывания по политическим вопросам поражают противоречивостью. То он выступает против расширения НАТО, то заявляет, что оно не представляет угрозы России. То он участвует в свержении А.В. Коржакова и его группы, то объявляет А.В. Коржакова лучшим другом. Во время президентской кампании он обнародовал две экономические программы, полностью противоречащие друг другу (одна прорыночная, другая антирыночная). С одной стороны, он выступает против коррупции и засилья олигархического капитала, с другой – его избирательную кампанию финансирует крупнейший олигарх Б.А. Березовский. Единственная постоянная любовь А.И. Лебедя – это, пожалуй, генерал А. Пиночет, уважение к которому он неоднократно высказывал. И эта любовь не сулит ничего хорошего молодой российской демократии. Однако в сегодняшней обстановке полного развала твердый взгляд и решительный вид генерала вполне могут принести ему успех на президентских выборах 2000 г., и ресурсы необъятного Красноярского края будут для него неплохим подспорьем.

Страсти по премьеру[1]

В этом году российские политики проведут Страстную неделю не в раздумьях о бренности мира, а в жесткой борьбе вокруг кандидатуры нового российского премьера. Россия уже почти месяц живет без правительства. На этот раз оно не было разогнано восставшими массами, как это случалось ранее, а было отправлено в отставку разгневанным президентом. В кратком телевизионном выступлении Б.Н. Ельцин объяснил свое недовольство правительством тем, что оно не справлялось со своими обязанностями, в частности не решило социальных проблем и не совершило рывка в экономике.

Некоторые утверждают, что Б.Н. Ельцин, верный экстравагантному политическому стилю, вновь принял решение «по наитию», поддавшись влиянию эмоций после очередной беседы со своим ведущим советником, которая по совместительству является его дочерью Татьяной. Возможно, это и так, однако, безусловно, в решении сменить правительство есть и большой элемент политического расчета. Первое соображение Б.Н. Ельцина было, как всегда, не экономическим, а политическим. Российский президент, как и многие властные политические лидеры, всегда убирал со своего пути слишком укрепившихся сторонников, которые начинали играть самостоятельную роль и самим своим существованием напоминали ему об ограниченности власти. Так он поступил с вице-президентом А.В. Руцким, первым главой правительства независимой России Г.Э. Бурбулисом, с личным другом и долголетним охранником, всесильным А.В. Коржаковым и с почти официально объявленным преемником генералом А.И. Лебедем.

В этом списке премьер В.С. Черномырдин был, безусловно, следующим. Утвержденный на свой пост еще антиельцинским Верховным Советом в 1992 г. вместо Е.Т. Гайдара, В.С. Черномырдин быстро полностью перешел на сторону Б.Н. Ельцина и всегда поддерживал его в кризисных ситуациях. Однако в политике слишком большая верность бывает хуже предательства. Постоянно поддерживая Б.Н. Ельцина, В.С. Черномырдин настолько укрепил свою политическую базу, что Б.Н. Ельцин стал чувствовать отключенность от политического процесса. Премьеру подчинялись основные мини-

[1] Впервые опубликовано в журнале «The Russian Community Journal» (1998. № 9. С. 2–3).

стерства, с ним по большинству вопросов имели дело руководители регионов, даже за рубежом многие говорили о том, что В.С. Черномырдин – это человек, с которым можно иметь дело, так как он, а не постоянно болеющий Б.Н. Ельцин ведет конкретные дела.

О реальных или мнимых амбициях В.С. Черномырдина не забывали нашептывать президенту античерномырдинские кланы, прежде всего «большая семья» президента: дочь Татьяна, руководитель администрации В.Б. Юмашев, через которых, вероятно, действовал обиженный отстранением от власти Б.А. Березовский (по мнению некоторых – главный финансист «семьи»). Близкий к «семье» первый заместитель премьера А.Б. Чубайс, последнее время не ладивший с Б.А. Березовским, по словам самого В.С. Черномырдина, «предал» своего формального начальника и также поддержал отставку правительства.

Увольнение в отставку всего правительства отлично укладывается в традиционную тактику Б.Н. Ельцина (да и многих других политиков) – найти козла отпущения и обвинить его в создании кризиса, за который должен отвечать сам. Действительно, правительство не платит зарплату и не может заставить делать это местные власти. Однако систему, при которой хилое государство не может собрать нереально высокие налоги и не контролирует местные власти, создал сам Б.Н. Ельцин. Б.Н. Ельцин же ответственен и за одобрение чубайсовской приватизации, в результате которой госсобственность была передана в частные руки за бесценок и госбюджет оказался пустым. Кроме того, Б.Н. Ельцин сам назначал каждого министра правительства и санкционировал их действия. Смешно смотреть, как он то и дело, как будто просыпаясь от спячки, обвиняет кого-то другого в безобразиях, словно сам до этого был не главой государства, а лидером оппозиции.

Роль следующего козла отпущения Б.Н. Ельцин явно предназначает для нового кандидата на роль премьера, С.В. Кириенко. Тридцатипятилетнего банкира, который пробыл в правительстве всего несколько месяцев и в прошлом прославил себя лишь ранним вступлением в КПСС и работой первым секретарем Горьковского обкома ВЛКСМ, всегда можно обвинить в неопытности и безболезненно уволить. Выбор Б.Н. Ельцина также указывает на то, что президент в очередной раз решил взяться за управление самолично и изгнать из правительства все более или менее самостоятельные фигуры, которые могут ему в этом помешать. Эти соображения, однако, не играют особой роли для Государственной думы, которая должна кандидату-

ру нового премьера утвердить. Депутаты знают, что управленческий энтузиазм президента, как всегда, продлится не больше пары недель, после чего он по своему обыкновению удалится на дачу, а страна окажется в руках неопытного премьера. Больше того, в случае, если с президентом, у которого, как известно, проблемы со здоровьем, случится что-либо серьезное, премьер, в соответствии с конституцией, на три месяца станет официальным главой государства, а с этой ролью многоопытный В.С. Черномырдин явно справился бы лучше. Депутаты, конечно, были бы намного сговорчивее, если бы новое правительство представляло парламентское большинство, но Б.Н. Ельцин отказался называть имена новых министров, заявив, что правительство будет формироваться по профессиональному, а не партийному признаку.

В действительности подбор кандидатом в премьеры С.В. Кириенко своих советников указывает на то, что его симпатии на стороне гайдаровского курса, сторонников которого в Думе почти нет. Для коммунистов, контролирующих с союзниками около половины Думы, с их пожилым электоратом, молодой человек без «опыта партийной работы», к тому же связанный с гайдаровцами и (по работе в Нижнем Новгороде) с «либералом» Б.Е. Немцовым, – просто плевок в лицо. «Яблоко» также отказалось поддержать С.В. Кириенко, так как, по мнению лидера фракции Г.А. Явлинского, С.В. Кириенко, вместо того чтобы в корне изменить экономическую политику, хочет делать то же самое, что и Черномырдин, только лучше. Даже обычно верный правительству (естественно, не безвозмездно) В.В. Жириновский, не получив министерских постов для своей партии, в конце концов выступил против С.В. Кириенко. Только черномырдинский «Наш дом – Россия», немного поломавшись, решил поддержать ельцинскую кандидатуру. В результате на первых двух голосованиях С.В. Кириенко не собрал нужного числа голосов, и Россия осталась без правительства по крайней мере еще на неделю.

Что же будет дальше? По конституции Дума будет голосовать еще два раза, и, если проголосует против, президент может ее распустить и назначить новые выборы. Депутатам, конечно, не хочется отдавать раньше времени свое теплые думские места и вверять свою судьбу непредсказуемому народному выбору. Но и президенту новые выборы не сулят ничего хорошего. После отставки В.С. Черномырдина чисто пропрезидентской партии в стране вообще нет, и создать ее быстро вряд ли возможно. В связи с тяжелым положением в стране и растущим недовольством сидящих без зарплаты бюджетников новые

выборы могут принести лишь усиление позиций оппозиционеров с разных сторон: коммунистов и «Яблока». Наиболее дружественная Б.Н. Ельцину партия «Наш дом – Россия» без лидера-премьера, вероятно, ослабнет или вообще распадется, а фракцию В.В. Жириновского, окончательно потерявшую всякую поддержку, скорее всего в новой Думе заменит гораздо более мощная и опасная для президента фракция генерала А.И. Лебедя. Таким образом, роспуск Думы не в интересах ни одной из сторон, и обе могут пойти на уступки. В то же время логика борьбы может подтолкнуть их и к конфронтации. При любом исходе потеряет престиж Россия. С точки зрения внешнего мира, некоторая стабилизация там опять сменилась политической бурей. С точки же зрения обычных граждан, новое правительство все равно не сможет решить экономических проблем до тех пор, пока высший руководитель страны подходит к управлению не как к сложному процессу, требующему постоянного, напряженного внимания и последовательных действий, а как к игре в карты, которые можно тасовать по собственному усмотрению, затем, устав от игры, отбрасывать, а после отдыха брать и с новой силой тасовать вновь.

Лужковская Москва: китайский вариант внутри польского[1]

Относительное процветание Москвы на фоне полного упадка практически всех остальных регионов страны стало сегодня одним из наиболее бросающихся в лицо фактов российской действительности. И независимо от того, насколько это процветание обусловлено политикой городских властей, в народном сознании первые годы пореформенной столицы надолго будут связаны с именем ее нынешнего главы Ю.М. Лужкова. Насколько заслуженна и долговечна эта слава, какова реальная роль мэра и городского руководства в современной жизни Москвы, не паразитирует ли столица за счет других регионов страны: эти вопросы не особенно волнуют сегодня большинство москвичей, почти единогласно поддерживающих своего мэра. Они, однако, важны для истории и для самого мэра, который, всей своей деятельностью намекая на более широкие политические цели, вряд ли мог бы их достичь, считаясь большинством российского населения вурдалаком, пьющим провинциальную кровь.

Не являясь человеком близким к команде Ю.М. Лужкова, я давно наблюдаю за деятельностью московского мэра и его соратников с расстояния более близкого, чем это возможно для большинства москвичей: сначала как депутат демократического Моссовета созыва 1990 г., затем как кандидат в Государственную думу от одного из московских округов и, наконец, как человек, профессионально занимающийся изучением современной российской политики. Я хорошо помню, как в апреле 1990 г. Ю.М. Лужков был впервые представлен Моссовету тогдашним его председателем Г.Х. Поповым для утверждения в должности председателя исполкома Моссовета. Тогда только что избранный на волне горбачевской демократизации Моссовет, большинство в котором составили сторонники блока «Демократическая Россия», с настороженностью отнесся к предложению своего лидера избрать руководителем городского правительства человека из старых структур, бывшего бюрократа из системы Министерства химической промышленности, ставшего затем первым заместителем председателя ненавистного старого коммунистического исполкома В.Т. Сайкина и одновременно руководителем наиболее запущенной столичной

[1] Впервые опубликовано в газете «Бостонское время» (1997. 22 августа. С. 8).

отрасли – агропрома. И лишь непререкаемый в то время авторитет Г.Х. Попова, популярнейшего демократа и одного из лидеров «Демократической России», помог протолкнуть Ю.М. Лужкова. Выступая перед депутатами, Ю.М. Лужков не показал себя, однако, бесцветным бюрократом, как ожидали многие. В период, когда большинство депутатов были заняты решительной политической борьбой (демократы с коммунистами, коммунисты с демократами, и те и другие между собой), Ю.М. Лужков говорил о простых вопросах хозяйства, о хлебе, зерне, дорогах и т.п. Один из депутатов, годящийся будущему московскому лидеру по крайней мере в сыновья, вбежал в зал и, похоже, еще не переведя дух после очередного демократического митинга, сразу задал ему принципиальный (для него) вопрос, прозвучавший примерно так: «На чьей вы стороне, Юрий Михайлович, на какой платформе?» (имелась в виду платформа внутри КПСС, так как Ю.М. Лужков был тогда членом партии). Спрашивавший был весьма обескуражен ответом Ю.М. Лужкова, заявившим: «Стою на хозяйственной платформе».

Ответ этот, который Ю.М. Лужков затем многократно повторял, надолго запомнился тогда скорее не своим смыслом, но резкостью, решимостью без колебаний бросить залу то, что ему может и не понравиться. (Этот стиль Ю.М. Лужков сохранил и позднее. Достаточно вспомнить, как несколько лет спустя, в декабре 1992 г., он бросил пытавшемуся его снять Верховному Совету: «Извините, не получится. Не вы избирали мэра».). Лишь позднее, в обстановке полной разрухи в стране, которую учинили сторонники различных радикальных политических платформ, пришло понимание, что, если бы с «хозяйственной платформы» ушли все, жизнь стала бы совсем невозможной.

Г.Х. Попов, не интересовавшийся конкретной работой по управлению городским хозяйством, баллотируясь в мэры, взял хозяйственного Ю.М. Лужкова в вице-мэры. Заявляя Верховному Совету о том, что он был избран на свой пост, Ю.М. Лужков слегка лукавил: в июне 1991 г. москвичи голосовали не за него, а за Ю.М. Попова, и в вице-мэры прошел бы любой избранник популярного демократического лидера. Став вторым по значению руководителем Москвы благодаря демократическому подъему, Ю.М. Лужков с лихвой отплатил демократам (термин «демократ» я употребляю здесь в российском значении, не как определение сторонника конкретной политической системы, но как самоназвание противников советского коммунистического режима, большинство из которых встали под знамена «Демократической России»). Вместе с Г.Х. Поповым, но имея гораздо большие связи и влияние в московских бюрократических структурах, он сумел моби-

лизовать их на защиту Белого дома во время путча августа 1991 г. Тогда по указанию Ю.М. Лужкова московские строительные объединения везли бетонные блоки для противотанковых баррикад, а московские транспортники дружно блокировали улицы автобусами и троллейбусами. Конечно, все эти доморощенные укрепления вряд ли устояли бы против армейской атаки. Однако, создав впечатление стойкой обороны и раскола в руководящем стане, деятельность московского руководства в это время сыграла важнейшую, возможно, решающую психологическую роль в отказе военных штурмовать здание парламента.

Свалив все хозяйство на Ю.М. Лужкова, Г.Х. Попов продолжал заниматься большой политикой. Однако в высшее руководство он не попал, хотя по своему статусу в «демократической партии» мог бы претендовать не меньше чем на должность премьера. Б.Н. Ельцин, не терпящий вокруг себя других крупных фигур, из всех возможных кандидатов на роль проводников экономической реформы выбрал самых малоизвестных: группу молодых экономистов во главе с Е.Т. Гайдаром. Г.Х. Попов заскучал на московском посту. Не видя перспективы роста, он в то же время вынужден был заниматься хозяйственной рутиной и постоянно спорить с республиканским руководством, которое, по его мнению, вело реформы по неверному пути. Его добровольная отставка в июне 1992 г. привела в кресло мэра Ю.М. Лужкова.

Сделавшись руководителем огромного мегаполиса благодаря стечению обстоятельств, Ю.М. Лужков столкнулся с двумя крупнейшими проблемами: административной неразберихой, к которой вели фактическое дублирование полномочий и борьба за власть между исполнительными и представительными органами, и схемой экономических реформ центрального правительства, которую оно пыталось навязать Москве. Решить первую проблему самостоятельно Ю.М. Лужкову поначалу не удалось. Как всякий хозяйственник-бюрократ, он считал, что вся власть в городе должна принадлежать ему, так как только он понимает в своем деле и сможет ею разумно распорядиться. Всякие там болтающие моссоветы и райсоветы, с его точки зрения, лишь мешали ему работать, постоянно норовя отменить любое решение или проверить то, что проверять не нужно. Ю.М. Лужков попытался распустить несколько райсоветов или выселить их из помещений, которые были ему нужны для «дела», но не смог из-за сопротивления Моссовета, поддержанного Верховным Советом. После событий осени 1993 г. вопрос решился сам собой: все Советы были распущены победившим президентом, видевшим в них опору парламентской оппозиции, и Ю.М. Лужков, естественно,

в этом конфликте активно поддерживающий Б.Н. Ельцина, получил карт-бланш в Москве. Общественное мнение также было в большей степени на стороне исполнительной власти, так как неэффективные Советы всем надоели, а особого пристрастия к системе баланса властей публика никогда не испытывала. Критики Ю.М. Лужкова говорили, что он дважды, в 1991 и 1993 гг., встал на сторону Б.Н. Ельцина вовсе не из-за любви к демократии, но защищая материальные интересы своей группы, которая в случае поражения российского президента могла бы быть немедленно сметена. Так это или нет, хотел ли Ю.М. Лужков остаться из корыстных соображений или потому, что, как многократно заявлял, стремился довести до конца дело реформирования московского хозяйства, а Москву – до благоденствия, его поддержка, особенно в 1991 г., спасла российскую демократию.

После уничтожения Советов полной гармонии между победившими руководителями исполнительной власти в Кремле и на Тверской не получилось. Лужков резко выступил против приватизации, проводившейся по плану руководителя Государственного комитета России по управлению государственным имуществом, возглавлявшимся А.Б. Чубайсом. Позиция Ю.М. Лужкова определялась принципиально иным по сравнению с кремлевскими реформаторами пониманием цели, задач и методов экономических реформ. Теоретики-гайдаровцы исходили из веры во всесилие рынка при всех обстоятельствах. Так как рынок всегда сам собой ведет к подъему экономики, его необходимо создать как можно скорее, для чего использовать метод «шоковой терапии», обычно рекомендуемый международными финансовыми организациями слаборазвитым странам и примененный ранее в Польше. Его суть: быстрый отпуск цен и одновременная быстрая приватизация, благодаря которой должна возникнуть конкуренция; частные предприятия будут работать более эффективно, поначалу упавшее производство начнет расти, безработица уменьшится, произойдет реструктуризация производства, ненужные производства умрут, возникнут новые, ориентированные на рынок, изобилие товаров приведет к постепенному выравниванию цен по сравнению с доходами. В соответствии с этими идеями А.Б. Чубайс и проводил приватизацию, а тот факт, что она началась с опозданием, заставил его спешить еще больше. А.Б. Чубайс, человек, безусловно, целеустремленный и эффективный, всегда говорил, что ему не важно, кому и за сколько он отдаст государственную собственность: пусть берет кто хочет и по дешевке. Главное, чтобы возникло как можно больше собственников, которые начнут эф-

фективно своей собственностью распоряжаться и устроят капиталистический рай. В результате большая часть государственной собственности была роздана в соответствии с так называемыми первым и вторым вариантами приватизации. По первому варианту работники могли приобрести чуть меньше половины акций своего предприятия отчасти бесплатно, отчасти на льготных условиях. По второму – работники предприятий могли по закрытой подписке получить 51% акций, а оставшиеся поступали в продажу и могли быть куплены на ваучеры, по одной штуке которых выдавалось каждому россиянину.

Этот план, однако, оказался хорош лишь на бумаге. На практике в результате различных махинаций, скупки акций работников или прямого обмана их старыми директорами, а также скупки ваучеров у населения подставными компаниями, владельцами предприятий оказались либо старые директора с друзьями и семьями, либо крупные компании и банки. Старые советские руководители, в одночасье ставшие владельцами предприятий, которыми раньше руководили, вовсе не спешили работать с прибылью, перестраивать и наращивать производство и пополнять налогами государственную казну. Угрожая волнениями среди собственных рабочих, они продолжали требовать государственных дотаций, которые проворачивали через «дружественные» банки. Вновь испеченные чубайсовские «капиталисты» зарабатывали миллионы для себя и своих родных, а государство осталось ни с чем. Возникла парадоксальная ситуация: частная собственность есть, а капитализма нет.

Тем временем Ю.М. Лужков, не познавший глубин экономической теории, чутьем хозяйственника почувствовал, что в раздаче государственного добра за бесценок есть что-то глупое. Он не выступал против рынка, но его рынок, знал он об этом или не знал, был сродни рынку, вводимому китайскими коммунистами: осторожная и постепенная продажа конкретных предприятий тем, кто даст больше и предложит лучшие условия городу. Ю.М. Лужков не ликвидировал коррупции, злые языки утверждают, что лучшие куски уходят «кому надо» и за какие-то отчисления. Действительно, лужковская команда не производит впечатления бедных людей, многие из ее членов связаны с бизнесом, однако по каждому конкретному обвинению любой из них сразу же подает в суд и, как правило, выигрывает. Как бы ни обстояло дело, в смысле коррупции и обогащения чиновников в московском руководстве дело никак не может обстоять хуже, чем в Кремле. Но положение в Москве лучше в другом отношении: в городской казне есть деньги от более хозяйского и аккуратного отно-

шения к собственности, а в российской их нет. Даже те, кто обвиняет московское руководство в коррупции, не может не согласиться: правитель, набивающий карман, делясь с населением, все же для этого населения гораздо лучше, чем тот, кто, как заирский Мобуту, только воровал, а подданных пустил по миру.

На жалобы кремлевских реформаторов на то, что они не могут собрать налоги, Ю.М. Лужков всегда вправе ответить: вы все раздали за так, откуда же вам теперь денег взять. Кремлевская сторона на это обычно возражает, что Москва – особый город, здесь собственность готовы приобрести многие и ее легко продавать за большие деньги, в других же регионах она мало кому нужна и даже отдать за бесценок ее трудно. Действительно, собственность в Москве намного дороже, но и в других частях России есть немало предприятий, которые также могли бы быть проданы за большие деньги, и, так как этого никто не пытался сделать, спор остается чисто теоретическим. С точки же зрения простых россиян разница налицо: Москва при Ю.М. Лужкове живет хорошо, а остальная Россия при А.Б. Чубайсе и Б.Н. Ельцине все хуже и хуже.

Но так ли уж хорошо в Москве? Внешне столица приходит в себя после десятилетий запущенности и развала. Городские власти строго следят, чтобы новое строительство велось быстро, новые владельцы старых зданий ремонтировали их в срок и поддерживали по крайней мере фасады в хорошем состоянии. Впервые за долгие годы в столице специально закупленные машины подметают проезжую часть, а во дворах орудуют метлами дворники, удивляя жителей невиданной со сталинских времен форменной одеждой. Москвичи довольны тем, что город внешне хорошеет и, хотя в нем еще много грязи и полуразвалившихся зданий, он все же выглядит гораздо лучше других российских городов и лучше, чем при советской власти. Однако для москвичей гораздо важнее то, что городское руководство следит за выполнением обязательств перед населением: во всех учреждениях, подчиняющихся городу, зарплата обычно выше, чем в российских, и ее выплачивают в срок. Ю.М. Лужков платит надбавку к пенсии московским пенсионерам из городского бюджета, доплачивает учителям и врачам. Иногда возникает парадоксальная ситуация: в двух расположенных рядом больницах положение может быть совершенно различным. Больница московского подчинения будет более чистой, оборудование в ней – более современное, зарплата персонала выше и выплачивается в срок. Так как в соседней республиканской больнице, где зарплату могут не платить месяцами, также работают

москвичи, им не нужно слушать чубайсовскую агитацию: для них вопрос, чей путь реформ лучше, давно решен.

Как показали прошедшие в 1996 г. выборы мэра, Ю.М. Лужкова поддерживает подавляющее большинство москвичей. Однако каково отношение к нему остальной страны? Центральное правительство последнее время развернуло ярую антилужковскую кампанию. Не проходит и дня, чтобы по центральному каналу ОРТ, приватизированному дружественными центральному правительству группами, Москву не обвинили в паразитировании на остальной стране. Идея критики проста: в Москве сконцентрированы основные деньги, поэтому ее богатство обусловлено не разумной политикой ее руководства, но привилегированным положением, которое это руководство постоянно отстаивает. Нелюбовь провинции к столице в России всегда была довольно распространена, поэтому эта пропаганда может иметь успех, к тому же у нее есть определенная основа: основная часть денег страны действительно находится в Москве. Эту нелюбовь сегодня активно подогревают многие провинциальные губернаторы, которые стараются списать все свои промахи на политику «центра». В то же время московское руководство (которое также обладает своим телеканалом и другими средствами влияния на общественное мнение) противопоставляет этой критике другую идею: хотите жить как в Москве – не слушайте центральное правительство, делайте реформу по-лужковски и поддерживайте его. Этот призыв не менее «антицентрален», чем антимосковская пропаганда группы А.Б. Чубайса, однако более позитивен и также может вызвать сочувствие в провинции.

Вопрос о том, чья пропаганда окажется более эффективной, далеко не праздный. На следующих президентских выборах, если Б.Н. Ельцин не задумает баллотироваться вновь, российская партия власти, безусловно, выдвинет своего кандидата (сегодня ее наиболее естественным кандидатом представляется первый вице-премьер Б.Е. Немцов). Осторожный Ю.М. Лужков постоянно отрицает планы выдвигаться в президенты, однако при определенных обстоятельствах (например, если все другие кандидаты будут крайне враждебны ему) он будет вынужден либо выдвинуться сам либо договориться и поддержать дружественную кандидатуру (например, губернатора или мэра крупного города, получившего известность ко времени выборов, как он поддержал нынешнего мэра на выборах в Петербурге). Что выберет российский провинциал, который будет решать судьбу страны у кабины голосования, возьмет ли в провинции верх нелюбовь к Москве или желание жить как в столице, покажет будущее.

Политические представления россиян и выборы
(размышляя над цифрами)[1]

Реальные выборы представителей власти, которые стали возможны в нашей стране всего несколько лет назад, постоянно приносят неожиданности. То неожиданно для власти побеждают демократы, то неожиданно для власти демократы проигрывают, то неожиданно для власти проигрывает партия власти. Закономерность прослеживается лишь одна: и в 1989–1990 гг. (в тех округах и частях страны, где выборы были более или менее свободными), и в 1993, и в 1995 гг. россияне проголосовали против тех, кого они считали носителями власти: сначала против коммунистов, затем против демократов и, наконец, против демократов и черномырдинцев вместе взятых.

В этой статье не будет надоевших попыток объяснить все задним числом «непостоянной душой русского народа», его непрочным положением между Востоком и Западом и другими поэтическими рассуждениями. Не будет здесь и жонглирования цифрами и фамилиями, характерного для скоротечных предвыборных опросов, которые в России почему-то постоянно ошибаются. Причина таких ошибок прежде всего в том, что они улавливают лишь мимолетные настроения людей, которые могут меняться ежедневно. Когда же человек идет к избирательной урне, особенно в России, где выборы – дело новое и к ним подходят с большой серьезностью как к способу выразить свое отношение ко всему происходящему в стране, он руководствуется не только этими мимолетными настроениями, но и всем комплексом своих представлений о мире, которые складывались в России десятилетиями, а может быть, и веками.

Мы попробуем выявить некоторые фундаментальные политические представления россиян на основе имеющихся в распоряжении исследователя данных опросов общественного мнения и интервью, которые проводились как западными, так и российскими специалистами. С нашей точки зрения, понимание этих представлений в многом может прояснить не только, как говорят на Западе, российские

[1] Впервые опубликовано в сокращенном виде в «Независимой газете» (1996. 15 марта. С. 5), под заголовком «Выборы и наши политические представления. В поисках соответствия идеалу».

«модели голосования», но и даст какой-то ключ для понимания того, что произошло на парламентских выборах 1995 г. и что может произойти на предстоящих президентских выборах.

Чего мы хотели при Сталине?

Существует множество мнений о том, чего народ хотел при И.В. Сталине, начиная с того, что все любили и поддерживали вождя, и кончая тем, что большинство ненавидело режим и молчало из страха. Отрывочные сведения из разных источников могут подтвердить любое из них. Но насколько они отражают настроения большинства? Нам известно одно серьезное исследование, позволяющее судить об этом, – так называемый «Гарвардский проект», малоизвестный в России, но оказавший большое влияние на развитие советологии на Западе. Проект заключался в опросе нескольких тысяч бывших жителей СССР, которые после войны оказались за рубежом, в основном в США и Германии. Результаты опроса были опубликованы в нескольких книгах, статьях и докладах и обобщены в монографии А. Инкелеса и Р. Бауэра «Советский гражданин. Повседневная жизнь в тоталитарном обществе»[2]. В исследовании использовались как количественные, так и качественные методы, как анкетные опросы, так и глубинные индивидуальные интервью, что позволило создать довольно полную картину мнений и представлений опрашиваемых. Опросы и интервью проводились в 1950–1951 гг., то есть до смерти И.В. Сталина, и характеризуют сталинский период в чистом виде.

Естественно, первая претензия, которую можно предъявить авторам, – это то, что мнения эмигрантов не отражают настроений советских людей, так как выехавшие за границу должны гораздо более отрицательно относиться к советской действительности. Авторы понимали это. Тем более удивительно, что даже эмигранты вовсе не ко всем сторонам жизни в СССР относились враждебно. Больше того, за несколько лет пребывания за границей их положительное отношение к некоторым элементам советской действительности даже *усиливалось*. Наибольшее одобрение вызывали системы *образования* и *здравоохранения*, а также *социальное обеспечение*. Когда интервьюируемым был задан вопрос, что из советской системы они хотели бы оставить, если власть большевиков была бы ликвидирована, от половины до двух третей предлагали сохранить систему образования, более половины –

[2] *Inkeles F., Bauer R.* The Soviet Citizen, Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1959.

систему здравоохранения, от 12% (бывшие колхозники) до 39% (интеллигенция) – социальное обеспечение. Кроме того, 10–20% (в зависимости от социальной категории) считали необходимым сохранить государственную собственность на средства производства и социальное равенство.

Чрезвычайно интересно было и другое явление: указанные положительные стороны советской жизни у многих *не связывались* с деятельностью власти. Так, на прямой вопрос о том, что стоит сохранить из советской системы, от 19% (интеллигенция) до 34% (неквалифицированные рабочие) отвечали, что сохранить не нужно «ничего» или что нужно «все изменить». Причем прослеживалась явная тенденция: чем ниже уровень образования и квалификации, тем выше уровень подобного полного отрицания. Однако, когда у тех же людей, которые не хотели ничего сохранять, без упоминания о советской системе спрашивали, в чьих руках должны находиться транспорт и тяжелая промышленность, от 75 до 93% из них высказывали мнения, что эти отрасли должно контролировать государство, и тенденция здесь была в целом обратная: рабочие и крестьяне оказались бóльшими сторонниками государственной собственности, чем интеллигенция и служащие. Причем между теми, кто все отрицал, хотя и несколько более скептически относился к государственной собственности, и теми, кто все же хотел что-то сохранить, разница эта составляла всего несколько процентов, а среди некоторых категорий населения она вообще не просматривалась. Это не означает, что большинство опрошенных положительно относилось к всеобщей государственной собственности, царившей в СССР. До 80% высказывались против огосударствления легкой промышленности и значительное большинство – против колхозов.

Колхозы, например, вообще представлялись большинству главным злом советской системы. За их сохранение высказались лишь 2% опрошенных, и то при условии, что они будут управляться на благо собственных работников, а 90% прямо заявили, что они должны быть ликвидированы. На втором месте по ненависти стояли террор и несправедливость, которые в качестве главных элементов, которые необходимо изменить, назвали от 26% (неквалифицированные рабочие) до 67% (интеллигенция, у которой отрицательное отношение к этому элементу советской действительности вышло на первое место, обогнав колхозы), а также авторитарное государственное устройство (недостаток свобод и т.п.): от 25% (колхозники) до 47% (интеллигенция). Отсутствие частной инициативы, условия труда и коммунистическую идеологию в качестве главных бед СССР на-

звало уже значительное меньшее количество респондентов (9–33%). Интересно, что условиями труда были больше всего недовольны интеллигенты, а против коммунистической идеологии резче всего выступили колхозники. Можно с уверенностью сказать, что большинство опрошенных считали наиболее предпочтительной смешанную экономическую систему нэповского типа, где тяжелая промышленность и другие «командные высоты» сохраняются за государством, а частная собственность процветает в сельском хозяйстве, торговле и легкой промышленности. Не случайно от 70 до 86% опрошенных из всех социально-экономических систем отдали предпочтение социалистической периода нэпа и гораздо меньше выбрали капитализм.

Как же обстояло дело с общественно-политической системой? Значительное большинство опрошенных выступило за государство, гарантирующее права граждан. Однако в то же время мало кто полагал, что права граждан должны быть неограниченными. Только треть посчитала, что людям должно быть разрешено выступать против правительства. Менее половины заявило, что правительство не имеет право вмешиваться в собрание, если оно направлено против правительства. В то же время мало у кого возникали возражения против права свободно выбирать работу, свободно передвигаться по стране, быть защищенным от арестов и других незаконных действий властей.

Как замечают американские авторы, «советские эмигранты и, вероятно, советские граждане, конечно, не ценят контроль со стороны государства сам по себе, но в основном за то, что они видят в нем естественный путь содействия и групповому и частному интересу. В целом представляется, что они не разделяют американскую тенденцию считать “государственное вмешательство” отрицательным в любом случае...». *Советский политический идеал* кратко сформулирован авторами исследования следующим образом: «Патерналистское государство с чрезвычайно широкими полномочиями, которое решительно их осуществляет, направляя и контролируя судьбу страны, но которое в то же время благожелательно служит интересам гражданина, уважает его личное достоинство и оставляет ему значительную свободу желаний и чувство защищенности от произвольных вмешательства и наказания»[3].

Несмотря на то что по крайней мере принципы, осуществлявшиеся компартией, не вызывали возражений большинства опро-

[3] *Inkeles F., Bauer R.* The Soviet Citizen, Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1959. P. 397.

шенных, отношение к партии, партийным работникам и членам партии в целом было крайне отрицательным. 95% отметили, что интересы членов партии и других социальных групп не совпадают, 90% заявили, что члены партии нанесли наибольший вред другим социальным группам, а 75% указали на отличия между членами партии и другими людьми. Интересно, что в качестве таких различий указывались самые разные вещи: лучшая работа и жизненный уровень у партийцев, лучшие возможности для отдыха, счастья и самовыражения и даже личностные характеристики. Можно сказать, что общего мнения о характерном члене партии или партработнике не было, но практически все (включая также и самих членов партии) считали, что эти люди – другие и живут лучше, причем особенно резко указывали на партийные привилегии неквалифицированные рабочие и колхозники.

Мы сталкиваемся с интересным явлением. Большинство опрошенных определенные черты советской действительности одобряли, хотя многие и не одобряли. Однако одобряемые черты не связывались с деятельностью компартии, с деятельностью властей, они считались нормальными, само собой разумеющимися, в то время как все плохое как раз считалось результатом ошибок власти. В результате значительное число опрошенных (от 40 до 60%) ответили, что в случае свержения большевистского режима его лидеры должны быть казнены, а от 44 до 70% – что большевики хуже нацистов. Конечно, на эти ответы особенное влияние оказало эмигрантское положение опрашиваемых, их знакомство с жизнью за рубежом и антисоветская пропаганда. Вряд ли стоит переносить эти пропорции на население сталинского СССР. Однако эти данные помогают выявить тенденцию, в какую сторону будут развиваться настроения населения СССР в случае получения большей свободы и большего доступа к информации. Интересно, что жизнь на Западе, особенно в США, *усилила* неодобрение советскими людьми коммунистического режима и его руководства, одновременно *укрепив* уверенность в правильности некоторых его фундаментальных положений. Исследователи проследили различия в ответах между двумя группами эмигрантов: тех, прожил год в США в обстановке необузданного рынка, и тех, кто жил в Германии в условиях более смешанной экономики. Среди тех, кто жил в США, оказалось значительно больше считавших необходимым сохранить в СССР после свержения большевиков существовавшие при них системы образования, здравоохранения и соцобеспечения. Большинство из тех, кто познакомился с американским здраво-

охранением, посчитал его хуже советского, в то время как жившие в Германии предпочли советской немецкую медицину, которая также была государственной, но гораздо лучше оснащенной. Наконец, среди живших в США оказалось на 18% больше тех, кто высказался против неограниченной свободы слова.

Проведя интереснейшее исследование, американские советологи, на наш взгляд, неправильно интерпретировали собственные данные. Они посчитали, что поддержка гражданами СССР многих аспектов советской жизни свидетельствует о поддержке системы, которая, проявив разум и эволюционируя в сторону пожеланий людей, значительно укрепится. Конечно, в выводах о стабильности системы в тот период был определенный смысл: ведь она просуществовала еще 40 лет. Однако важный момент был упущен; поддержка сильного государства как принципа вовсе не означает поддержки данной формы власти и тем более данных властителей. Не будем здесь рассуждать о том, является ли установленное исследователями распространенное среди советских людей представление об активной, но конструктивно-направляющей роли государства результатом коммунистической пропаганды (как считали сами американцы) или оно складывалось еще в более ранние периоды российской истории, а коммунистическая доктрина лишь наложилась на нее. Однако это представление вполне может уживаться с ненавистью к конкретным нынешним властителям, с которыми ассоциируется все зло, политика которых этому идеалу не соответствует.

Более того, выясняется, что увеличение свободы, которую в масштабе страны может принести либерализация режима, лишь *углубит* эту ненависть, которая особенно усилится, если режим не будет справляться с постоянным улучшением уровня социальной защищенности граждан и вообще всей сферы «государственной заботы». Естественно, что в случае падения старого режима от нового с еще большим энтузиазмом потребуют воплощения в жизнь этого политического идеала. В то же время – и это часто не учитывали западные советологи, склонные рассматривать мировую историю как историю борьбы за демократию, – критическое отношение большинства к коммунистическому режиму может вовсе не сочетаться со стремлением к его преобразованию в общество западного типа, но вести к борьбе за идеал (возможно, и неосуществимый на практике), от которого такое общество будет так же далеко, как и сталинский коммунизм.

Что изменилось при Брежневе?

В брежневские времена на территории СССР опросы, на которые можно положиться, особенно по политическим вопросам, также не проводились. Однако для данного периода в нашем распоряжении имеется еще одно исследование эмигрантов, на этот раз новой волны, проведенное группой американских ученых под руководством профессора Иллинойсского университета Дж. Миллара, результаты которого были опубликованы в 1987 г. в книге «Политика, работа и повседневная жизнь в СССР»[4]. В отличие от Гарвардского проекта, где в основном опрашивались русские и украинцы, представлявшие самые различные слои общества, здесь респондентами были бывшие советские граждане, выехавшие в конце 70-х, то есть главным образом евреи, жители крупных городов, обладавшие сравнительно высоким уровнем образования. Естественно, вопрос о том, что эта категория населения еще в меньшей степени, чем в Гарвардском проекте, представляет все население СССР, сразу же встал перед исследователями, предполагавшими, что их респонденты будут относиться к советской действительности гораздо более враждебно. Однако это оказалось не совсем так.

И на этот раз большинство респондентов выразило одобрение тех же самых сторон жизни в СССР, что и их предшественники 30 лет назад. На вопрос о том, как они оценивают различные аспекты своей жизни в «последний нормальный период жизни в СССР», более двух третей ответили, что были удовлетворены или совершенно удовлетворены уровнем жизни, работой, жильем, медицинским обслуживанием. Лишь недоступность товаров вызывала неудовлетворение большинства системой. Ответы на вопрос, *что* необходимо сохранить при создании новой системы в СССР, полностью повторили модель Гарвардского проекта: первое и второе места с большим отрывом заняли система образования и здравоохранения, хотя общий процент поддержки снизился (28 и 24% соответственно). Ответ «не сохранить ничего» занял лишь третье место (11%). 52% высказались за государственную бесплатную общедоступную медицину, 38% – за государственную собственность в тяжелой промышленности (хотя 20% поддержали другую крайность – неограниченную частную собственность в этой области), в то время как 59% выступили за «полностью частное производство и распределение сельскохозяйственной продукции».

[4] *Millar J.* (ed.) Politics, Work and Daily Life in the USSR. A Survey of Former Soviet Citizens. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Гарвардская модель почти полностью повторилась и в области прав и свобод. Советские граждане выступили за расширение своих прав и свобод, но не за безграничное и не во всех областях. 76,2% высказались за отмену прописки, 42,9% согласились предоставить рабочим безусловное право на забастовку. Но только 25,1% посчитали справедливым, что общество не имеет права принять меры по своей защите, если при этом будет осужден невиновный, а 17,2% заняли противоположную позицию, заявив, что невиновным в этом случае можно пожертвовать. В целом можно сказать, что, несмотря на прошедшие 30 лет и совершенно разный состав опрошенных, оба опроса показали значительную устойчивость взглядов советских людей на то, как должно работать государство.

Устойчивым явлением оказалось и отсутствие в политических представлениях советских людей связи между поддержкой ряда сторон советской действительности и отношением к режиму в целом. Так, среди причин, побудивших к эмиграции, самой значительной (кроме религиозно-этнических, в данном случае отражающих национальный состав опрашиваемых, и семейных) первое место заняли политические, то есть открытое несогласие с политикой властей (43%). Экономические причины главными объявили почти вдвое меньше людей, а среди неевреев этот разрыв был еще сильнее. Как и при И.В. Сталине, при Л.И. Брежневе враждебность коммунистическому режиму вовсе не означала принятия «западного» или какого-либо другого образца. Скорее, наоборот, она была вызвана отрицанием способности этого режима воплотить в жизнь реальный общественный идеал советских граждан.

В то же время группа Дж. Миллара обнаружила некоторые новые тенденции жизни советского общества. Если авторы Гарвардского проекта пришли к выводу, что более образованные и молодые люди склонны более позитивно оценивать отдельные стороны советской жизни (в рамках рассмотренной выше тенденции), то в брежневское время была отмечена обратная зависимость. Исследование обнаружило следующие взаимосвязи конца 70-х: «государственнические» и «правоограничительные» настроения усиливались при повышении субъективной удовлетворенности материальными условиями жизни, которая, в свою очередь, росла с увеличением реального благосостояния. Фактором же, действовавшим в обратном направлении, усиливавшим «либеральные» настроения «американского» типа, был уровень образования. Получалась следующая картина. Постольку поскольку режиму удается повышать реальное благосостояние людей

или, по крайней мере, убеждать их в том, что они живут хорошо, он мог рассчитывать хотя бы на частичную поддержку. Однако, давая людям образование и тем самым позволяя понимать, что по сравнению с другими их уровень благосостояния низок, режим сам себе рыл могилу. На это же работала и бóльшая открытость советского общества, появившиеся новые источники информации (зарубежные поездки, радиопередачи, самиздат и т.п.), что отличало ситуацию от сталинских времен, когда, вероятно, даже получая образование, люди, лишенные возможности сравнивать, оставались субъективно более удовлетворенными.

Общественное мнение и крах Горбачева

Политика М.С. Горбачева поначалу была направлена в сторону удовлетворения общественных чаяний. Предоставление большей свободы и провозглашение повышения уровня жизни главной целью внутренней политики сделали нового лидера довольно популярным. О том, что именно эти вопросы были основными среди волновавших большинство советских людей, свидетельствуют многочисленные опросы общественного мнения, проводившиеся с конца 80-х гг. в СССР как советскими, так и зарубежными специалистами. Важно, что данные большинства опросов, проводившихся по выборке, репрезентативной в отношении всего населения СССР, в целом подтверждали выводы Гарвардского проекта и группы Дж. Миллара.

Иностранцы, анализировавшие итоги новых опросов, сначала изумились, насколько схоже стремление советских людей к большей свободе и независимости личности с таким же стремлением у граждан большинства западных стран. Однако вскоре наблюдения стали более глубокими. Так, анализируя данные советско-американского опроса, проведенного в мае 1990 г. среди взрослого населения европейской части СССР, американские ученые Дж. Гибсон и Р. Дач пришли к выводу, что в СССР «люди высказали довольно широкую поддержку соревновательным выборным структурам и были довольно активны в требовании демократических прав, связанных с гражданством»[5]. В то же время поддержка других демократических ценностей, по мнению американцев, была не такой прямой. Например, несмотря на то, что около половины опрошенных поддержали

[5] *Gibson J.L., Duch R.M.* Emerging Democratic Values in Soviet Political Culture // Miller A., Reisinger W., Heslie V. (eds.) The New Soviet Citizen: Public Opinion and Political Transformation in the Gorbachev Era. Boulder, CO: Westview, 1992. P. 87–88.

независимые средства массовой информации, их ответы свидетельствовали о том, что «советские люди еще не выработали чувства доверия к СМИ и не полагаются на них как на противовес произвольным действиям властей». В статье, опубликованной в коллективной монографии «Общественное мнение и изменение режима: новая политика в постсоветских обществах», Дж. Гибсон и Р. Дач замечают наличие важных свидетельств тому, «что не все были готовы принять свободу, если ее ценой будет социальный крах. Так как демократическая политика позволяет открытое выражение неприятных, разрушительных и оскорбительных взглядов, многие советские люди не выражали большой преданности демократии. Это проявилось особенно ярко в нашем анализе политической терпимости. Советские люди были не вполне склонны позволять своим наиболее ненавистным врагам соревноваться за политическую власть. Граждане были склонны требовать прав для себя, даже если они были еще не готовы распространить те же права на других»[6].

Однако излишек прав не стал проблемой М.С. Горбачева, который в этой области был еще далек от того, чтобы превысить желания большинства. Его судьбу предопределила неспособность решить проблемы, считавшиеся большинством главными: усиление социальной защищенности и повышение материального благосостояния. То, что именно это, а не расширение гражданских прав считалось большинством населения самым важными (чего, кстати, не замечали многие озабоченные изучением «демократии» зарубежные специалисты), показывают результаты проводившихся в то время опросов. Так, согласно одному из них, отражавшему настроения всего населения СССР и проведенному в ноябре 1989 г. ВЦИОМ (результаты опубликованы в выпущенной ВЦИОМ книге «Советский простой человек»), отвечая на вопрос: «Чего в первую очередь не хватает сегодня советскому человеку?», 56,8% указали на материальный достаток (первое место с большим отрывом) и лишь 14,4% – на политические права (пятое место из восьми вариантов). В том же опросе был вопрос: «Как бы вы определили главную задачу, стоящую перед обществом?», и первые три места заняли ответы, так или иначе связанные с материальным благосостоянием и распределением благ: 1) обеспечить народу материальное благополучие (38,4%); 2) установить подлинную справедливость без привилегий, льгот (28,8%); 3) возродить деревню, крестьянское хозяйство, сельский уклад (23,7%). Лишь на

[6] Ibid.

четвертом месте оказалась задача построения свободного демократического общества (18,8%)[7].

Либерализация, которая наиболее удалась М.С. Горбачеву, воспринималась большинством не как цель, а как средство достижения главной задачи – материального благосостояния. Политика же М.С. Горбачева невольно готовила его собственный крах: либерализация и открытость уже сами по себе действовали в сторону снижения субъективной удовлетворенности жизнью и усиления антирежимных настроений, но, когда к ним прибавились еще и неспособность повысить жизненный уровень, а затем и его реальное снижение, субъективная удовлетворенность жизнью большинства населения упала до критических пределов. Кроме того, М.С. Горбачев воспринимался как представитель старого, коммунистического режима, и на него было перенесено все накопившееся недовольство, так как сработала тенденция винить власть во всех недостатках, считая при этом достижения само собой разумеющимися. Парадокс заключается в том, что именно М.С. Горбачев был *первым* лидером, который предоставил возможность населению выразить свои политический идеал *путем выборов*: до него народные настроения если и имели какое-то влияние на власть, то весьма опосредованное. М.С. Горбачев же стал жертвой своих реформ, вернее, непонимания их последствий: он разрешил народу высказываться, но не знал, чего этот народ хочет, и тем более не мог удовлетворить его желаний (последнее, кстати, вряд ли и было возможно). В результате народ *отказал* в доверии возглавлявшейся М.С. Горбачевым компартии и проголосовал за свой идеал.

Борис Ельцин и народная мечта

Таким идеалом большинства стал Б.Н. Ельцин, свидетельство чему – результаты первых в России свободных выборов лидеров. В упомянутом опросе ВЦИОМ значительное большинство респондентов заявили, что предпочли бы начальника «строгого», но «инициативного», и решительно выступили против передачи всей власти в руки одного человека[8]. Б.Н. Ельцин и казался тогда строгим, решительным, демократичным, способным осуществить идеалы большинства на практике.

---

[7] *Левада Ю.А.* (ред.) Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. М., 1993. С. 280–281.

[8] Там же. С. 294.

Чего ожидали от нового президента? Если наша модель общественного идеала верна, то ожидали следующего: повышения жизненного уровня путем сохранения государственной собственности в тяжелой промышленности, но решительной приватизации сельского хозяйства, возможно, торговли и легкой промышленности, сохранения введенных М.С. Горбачевым гражданских прав и, вероятно, их углубления, но в определенных пределах и прежде всего в области перемещения внутри страны и за границу, в трудовых отношениях и т.п. Ждали окончательного прекращения любых политических и прочих произвольных преследований, войн и жестокостей, вмешательства в частную жизнь граждан, отмены привилегий власть имущих. Но главное – сохранения и усиления социальной защищенности, улучшения всего комплекса государственных образования, медицины, социального обеспечения, но отнюдь не их приватизации.

В данном случае для нас не важно, можно ли было выполнить эту программу в принципе, вполне возможно, что и нет. Важно другое: Б.Н. Ельцин, вероятно чувствуя этот идеал чутьем народного политика, во время борьбы за голоса практически все это обещал выполнить (вспомним хотя бы его желание лечь на рельсы, если уровень жизни снизится). Придя же к власти, он оказался под влиянием группы реформаторов, теории которых значительно расходились с идеалами большинства. Само по себе такое встречается нередко, однако Е.Т. Гайдар и гайдаровцы кичились своей элитарностью и открыто над этим идеалом глумились, не считая необходимым хотя бы в пропагандистских целях заигрывать с большинством населения. В результате Б.Н. Ельцин не только не выполнил практически ничего из того, чего от него ожидали, но, с точки зрения этого идеала, почти постоянно намеренно действовал как вопреки ему, так и вопреки собственным обещаниям. Судите сами: уровень жизни (или по крайней мере субъективная им удовлетворенность) значительно упал, приватизированной оказалась тяжелая промышленность, в то время как ненавистные еще в сталинские времена колхозы оказались нетронутыми, привилегии власти значительно возросли. Десятилетиями вызывавшие гордость граждан системы государственного образования и здравоохранения пришли в упадок. Не выплачивались зарплаты и пенсии. Возникли новые проблемы, никак не соответствовавшие народному пониманию сильной власти, которая должна быть не жестокой и к своим, и к врагам, но своей силой делать жертвы ненужными. Преступность, чеченская война – все это

сделало президента крайне непопулярным. Сработал и закон ненависти к власти: раз Б.Н. Ельцин и «демократы» у власти – они ответственны за все.

Время Жириновского

Результат проявился уже во время выборов 1993 г. Неожиданный для власти и гайдаровцев, он вполне объясним с точки зрения народных представлений. Именно В.В. Жириновский оказался на этот раз наиболее близок к описанному нами идеалу. Он и не коммунист, ненависть к которым еще не утихла, но и не «демократ», ненавистный уже тем, что причастен к власти и повинен в «художествах» президента. Он предлагает сильное государство, всеобъемлющее социальное обеспечение («дать всем, что они хотят»). При этом обещает не возвращаться к полному обобществлению, хотя и намерен «взять в руки» тяжелую и военную промышленность.

Вывод о том, что именно эти цели и поддержали большинство избирателей, подтверждает общенациональный опрос, проведенный летом 1993 г. Институтом социологии РАН в рамках советско-британского проекта, некоторые результаты которого опубликованы в статье С. Уайтфилда и Дж. Эванса «Российские выборы 1993: общественное мнение и опыт переходного периода» в журнале «Постсоветские проблемы»[9].

Главными приоритетами развития страны россияне, как и раньше, признали высокий уровень экономического развития (42%) и стабильную экономику (16%). На третье место вышла новая проблема ельцинского периода – правопорядок (12%). Все вопросы, связанные с правами, гуманизацией общества и т.п., получили незначительную поддержку. В то же время мнения относительно роли демократии разделились примерно поровну (тогда это понятие еще не превратилось в пугало для большинства). Около двух третей россиян отрицательно отозвались о результатах введения рынка, но не возражали против свободной экономики в принципе. «Наибольшая часть респондентов склоняется к видению свободного предпринимательства как пути развития экономики, но не поддержали бы большие доходы, если они были бы необходимы для этой цели», – делают вывод британские ученые[10].

[9] *Whitefield S., Evans G.* The Russian Election of 1993: Public Opinion and the Transition Experience // Post-Soviet Affairs. 1994. January-March. Vol. 10. P. 38–60.

[10] Idid. P. 48.

Опрошенные решительно высказались за активную роль государства в решении социальных проблем: 87% заявили, что государство должно обеспечить работой всех желающих, 84% потребовало от него гарантировать прожиточный минимум, в то же время оценки роли различий в доходах и роли больших доходов в развитии экономики разделились примерно поровну. Таким образом, большинство населения не выступало за приостановку рыночных реформ, но требовало решительного вмешательства государства для смягчения социальной напряженности.

Что касается великодержавных целей, то они не особенно прельщали большинство россиян. Например, повышение обороноспособности страны на первое место поставили лишь 5% респондентов. Ксенофобия также не достигла высокого уровня. Несмотря на то что 42% заявили, что Россия не должна сотрудничать с другими странами, если это приведет к утрате части независимости, 33% согласились даже на это. В то же время 47% россиян признали необходимым разрешить иностранную собственность на предприятия, если это улучшит экономическое положение, и лишь 39% не согласились с этим[11]. Большинство, таким образом, соглашалось сотрудничать с Западом, но не в ущерб России, с конкретной целью развития собственной экономики.

Все это показывает, что популярность В.В. Жириновского была вызвана не шовинистическими и великодержавными лозунгами, а скорее, его обещаниями увеличить роль государства в экономике, поднять уровень социальной защищенности, смягчив, но не остановив рыночные реформы. Лозунги решительной борьбы с преступностью и обещания «усмирить» некоторые национальные меньшинства также могли способствовать росту рейтинга В.В. Жириновского (указанный опрос показал довольно большой уровень нетерпимости к национальным меньшинствам). В то же время чрезмерная жестокость предлагаемых им мер вряд ли соответствовала коренному представлению россиян о необходимости мирного и гуманного разрешения кризисных ситуаций.

Из приведенных данных можно сделать вывод, что, несмотря на значительные отклонения от идеала большинства, связанные с чрезмерной жестокостью, стремлением к военным захватам и авантюрам на международной арене, которые, по мнению многих, могли поглотить ресурсы, необходимые для экономического развития, да

[11] Ibid. P. 52.

и «неблаголепным», не соответствующим образу президента великой страны внешним видом, В.В. Жириновский все же больше других политиков приблизился к этому идеалу. Это привело к его относительному успеху на выборах 1993 г. За него проголосовали многие, причем отнюдь не только бомжи и пьяницы, как это пытались показать некоторые обидевшиеся на свой народ «демократические» аналитики, но, по данным многих опросов, вполне добропорядочные граждане, молодежь, молодые семьи со средними доходами, жители средних городов и т.п.

Выборы 1995 г.: возврат коммунистов

Однако время В.В. Жириновского кончилось. Как получившая на выборах наиболее значительную поддержку, ЛДПР В.В. Жириновского, независимо от ее реального положения, стала ассоциироваться с властью. Фактическая поддержка В.В. Жириновским правительства и президента в Думе только усилила это впечатление. «Мы голосовали за вас, а вы ничего не смогли сделать», – как бы заявляли россияне, не желая слушать слишком сложных разъяснений о том, что Дума – не исполнительный орган и почти ничего не решает. Большинство начало искать другую силу, которая бы смогла воплотить его социально-политический идеал.

Как и в 1993 г., одного лидера или одной группы, которая бы, как когда-то Б.Н. Ельцин, полностью отражала бы этот идеал, не нашлось. В какой-то мере к нему были близки все четыре прошедшие в думу партии, программы которых (имеются в виду не официальные многостраничные программы, которых никто, кроме специалистов, не читает, но воспринимаемые избирателями «послания», складывающиеся в основном из выступлений лидеров и впечатлений от их конкретных действий) мало чем отличались друг от друга. Все выступали за повышение роли государства, не остановку реформ, но полный их разворот в сторону повышения жизненного уровня, решительную борьбу с преступностью, восстановление разорванных связей в рамках СНГ. Различались лишь акценты и стиль, однако решило дело не только это, но и представления избирателей о прошлом деятелей и их реальных делах.

О том, что к 1995 г. политический идеал в целом мало изменился, свидетельствуют мнения россиян, высказанные незадолго до выборов. Согласно данным опроса, проведенного в январе 1995 г. Аналитическим центром Института социально-политических иссле-

дований РАН среди взрослого населения России, наиболее важным для благополучия большинство россиян продолжали считать материальное положение (61,9%), в своих бедах винить власти различных уровней (52,9% – федеральные и 40,1% – местные) и считать государство главной силой, способной поднять экономику (42,6% опрошенных высказались за то, что государство должно быть главным инвестором). Поддержка свободы и прав человека осталась довольно высокой (права человека заняли второе место среди понятий, способных возродить страну, уступив только «справедливости»), однако оценка «демократов» значительно упала: 18,5% обвинили в своих трудностях «демократов», а коммунистов – лишь 5,4%. Это, вероятно, объясняется тем, что «демократы» уже не связывались в общественных представлениях ни с правами, ни со справедливостью, но лишь с неудачными экономическими реформами, разочарование которыми высказали более двух третей опрошенных. Те же две трети высказали недоверие всем ветвям власти, хотя наименьшее доверие вызывал президент. «Державность» по-прежнему заботила немногих (10%), и лишь 5,4% обвинили в своих трудностях «политиков Запада». Среди новых явлений, вызванных изменением политической обстановки, можно отметить большую обеспокоенность ростом преступности (42,6%), осуждение ввода войск в Чечню (54,8%) и желание большинства восстановить Советский Союз (что немаловажно, на «принципах демократии, равенства всех народов, верховенства закона» – 65,1%)[12]. Эти три момента вполне вписываются в более общее стремление жить спокойной, обеспеченной и гарантированной государством жизнью, без жестокостей и войн, которое было нами выявлено ранее.

Как это ни парадоксально, курс правительства или, по крайней мере, его декларации последнее время стали практически полностью соответствовать идеалам большинства. Но факт нахождения у власти, отождествление с прошлыми ошибками, невозможность реально поднять жизненный уровень – все это оказалось для многих более важным, чем новый имидж «Нашего дома...». В.В. Жириновский также не убедил других в том, что ничего не мог сделать, так как не имел большинства в Думе. Лидер «Яблока», подчеркивая свою «демократичность», не смог убедить большинство в принципиальном отличии своих планов от планов гайдаровцев, в этом смогли разобраться только самые образованные. В результате в самом выигрышном по-

[12] Данные исследования «Как живешь, Россия? – Январь-95».

ложении оказались коммунисты. Они (по крайней мере на словах) отказались от одиозных черт своего прошлого – террора, насилия, вражды классов, всеобщего обобществления – и допустили возможность частной собственности, особенно в легкой промышленности, торговле и сельском хозяйстве. В то же время КПРФ сохранила вполне соответствующие идеалам большинства положения о необходимости активной роли государства в экономике и особенно в социальной сфере, выступила против разрыва в доходах и даже за ликвидацию такого разрыва (пересмотр незаконной приватизации), за восстановление СССР мирными средствами, за ограничение безграничной свободы, ведущей к моральному упадку (критика рекламы на телевидении, желтой прессы и т.п.) За годы, прошедшие со времени запрета КПСС в общественном мнении ее образ как партии власти, ответственной за кризис страны, поблек, и недовольство во многом переключилось на власть нынешнюю. Коммунистам удалось убедить хотя и не большинство, но значительную часть населения, что именно они отвечают их идеалу, и они победили.

Президентские выборы–1996: шансы кандидатов

Попытаемся рассмотреть возможные итоги президентских выборов не с точки зрения мимолетных изменений политической ситуации, а используя описанную нами модель политического идеала россиян. С этой точки зрения нынешний президент вряд ли будет избран снова. Конечно, нынешняя политика Б.Н. Ельцина, вернее, ее декларативное содержание (за исключением, пожалуй, Чечни) почти полностью этому идеалу соответствует. Но не забудем наши предыдущие выборы: россияне не склонны связывать даже реальные успехи, не говоря уже об обещаниях, тех, кто в данный момент находится у власти, с их деятельностью, но записывают на их счет все промахи. В связи с этим даже если случится чудо и за оставшееся время экономика резко пойдет вверх, это вряд ли приведет к росту субъективного удовлетворения жизнью и поддержке властей. Несколько месяцев приятных разговоров не пересилят несколько лет открытого пренебрежения желаниями населения и полного их игнорирования. К тому же и жестокое ведение Чеченской войны, по описанным причинам, значительно снижает шансы Б.Н. Ельцина. Тех, кто рассчитывает, что к Б.Н. Ельцину автоматически перейдут все голоса «Нашего дома», большей части «сгоревших» голосов демократов и он выйдет во второй тур с коммунистом, где и победит, может ждать разочарование.

Голоса в России не передаются механически, и феномен «тактического» голосования, то есть голосования за меньшее зло, не отмечен (некоторые специалисты считают, что его нет и в других странах). За власть, тем более за власть, не считающуюся с ними, голосуют очень немногие.

Шансы В.В. Жириновского также невелики. Его время, по описанным выше причинам, прошло.

Генерал А.И. Лебедь, образ которого почему-то постоянно раздувается средствами массовой информации, скорее отвечает журналистскому мифу о «сильной руке», которой якобы хочет народ, чем желаниям самого народа. Военный, чьи слова звучат так, будто он действительно может начать «расследовать на месте», вряд ли отвечает желанию большинства иметь твердую, но по-отечески гуманную и заботливую власть. Согласно многочисленным опросам, большинство населения не сильно занимает судьба соотечественников за рубежом и вообще положение дел вне России, поэтому, чтобы стать серьезным кандидатом, генералу необходимо резко менять темы выступлений и сосредоточиться на проблемах экономики и благосостояния, в чем он крайне слаб и значительно уступает, например, Г.А. Явлинскому.

Сильная сторона кандидатуры Г.А. Явлинского в том, что в представлениях избирателей он, как единственный из серьезных кандидатов экономист, наиболее подготовлен для решения наиболее волнующих вопросов подъема экономики и восстановления систем соцобеспечения. Однако он недостаточно «строг» и слишком близок к старым «демократам» для наведения порядка, борьбы с преступностью, да и по чеченскому вопросу он хотя и выступает за популярное мирное решение, но с каким-то привкусом капитулянтства, что также не приветствуется. Так как главный недостаток его основных соперников – Б.Н. Ельцина и коммунистов – в том, что они уже были у власти, ему сегодня выгодно не только встать в решительную оппозицию к нынешней власти, что, как мы видим, он и делает, но и атаковать коммунистов именно за то, что нынешняя власть – их ученики, фактически их продолжение, то есть стараться ассоциировать их с нынешним режимом. Резкая критика коммунистов была бы полезна и потому, что за выход во второй тур Г.А. Явлинскому придется бороться с Б.Н. Ельциным за голоса демократических групп, не набравших 5%, а большинство из сторонников этих групп настроены антикоммунистически. В целом при правильной тактике и некоторой прибавке в «строгости» Г.А. Явлинский имеет шансы на выход во второй тур.

Кто бы ни вышел во второй тур, он, безусловно, встретится там с коммунистическим лидером Г.А. Зюгановым, для которого набрать 20–25% не проблема. Но чтобы победить, потребуется гораздо больше голосов, чем могут дать традиционные коммунистические избиратели. Для того чтобы двигаться в сторону большинства, Г.А. Зюганову необходимо будет убедить избирателей, что между его партией и той, что держала население в страхе, воевала в Афганистане и довела страну до экономического краха, нет ничего общего. Нужно будет доказывать, что именно его КПРФ сможет вернуть мощную государственную поддержку экономике, твердые социальные гарантии, повысить жизненный уровень, восстановить порядок, при этом сохранив значительную часть прав и свобод, которыми сегодня пользуются россияне, пусть даже и введя их в определенные рамки. Сделать это будет нелегко, поскольку, во-первых, слева у КПРФ находится почти 5% несгибаемых ленинцев В.И. Анпилова, голоса которых также крайне нужны, а во-вторых, сам Г.А. Зюганов не очень подходит для выработки имиджа социал-демократа нового типа, да и вообще сильного лидера.

Политические идеалы и реальная политика

Политический идеал, политические представления большинства – абстракция. В реальном мире существует лишь множество личностей и множество мнений. Однако эта абстракция важна для политика, в том случае если он выступает за систему, предоставляющую большинству право его выбирать. Избранным может оказаться только тот, кто лучше других поймет эти представления и приспособится к ним, учтет их в своей борьбе за власть. Попытки говорить, что представления эти не те, что надо, или что результаты выборов неправильны, смешное стремление некоторых «демократических» аналитиков пересчитать их результаты, чтобы доказать, что народ не может быть таким, какой он есть, и люди думают не то, что думают, ни к чему не приведут. Тем более что в описанных нами представлениях нет ничего из ряда вон выходящего. Как это признают и многие зарубежные специалисты, отдельные взгляды большинства россиян качественно не отличаются от взглядов жителей многих европейских стран и США, хотя, конечно, в их сочетании есть определенные особенности. Нет ничего необычного и в том, что тех, кто в данный момент находится у власти, винят во всем: именно поэтому в демократических странах власть сменяется в результате голосования. Рано или поздно уйти надо быть готовым любому, кто признает право народа выбирать

власть. Считая только свою власть «демократической», а свой уход – катастрофой и дожидаясь, пока тебя вытолкают вместе с твоим президентским стулом из кабинета, можно превратиться в посмешище.

В описанный нами общественный идеал вполне вписались бы самые различные варианты цивилизованной политики «государства всеобщего благосостояния» социал-демократического типа с сильной, но демократической государственной властью. Но ему может соответствовать и авторитарная власть, жертвующая правами личности для достижения верно или неверно понимаемых общественных целей. Именно между этими двумя формами власти, а не между отдельными личностями будет вестись борьба на предстоящих президентских выборах, если, конечно, народу будет еще раз позволено высказать свое мнение. Если же кто-то решит, что идеал народа не соответствует масштабу его личности, и предпочтет свою личность этому идеалу (а такой вариант последнее время становится все более вероятным), то как сам общественно-политический идеал, так и наши его исследования в течение неопределенного периода будут опять иметь только научное значение.

На круги своя, или Россия на пути к царству Трех Толстяков[1]

Толстяцкая идиллия

Последнее время все чаще вспоминается подвергнутая критике демократическими литературоведами как «красно-коричневая», смеющая усомниться в самом прогрессивном «капиталистическом» строе сказка Ю.К. Олеши «Три Толстяка». Не потому ли, что именно она, а не «Мы» его современника Е.И. Замятина, является настоящей антиутопией. «Мы, Три Толстяка, сильны и могущественны. Все принадлежит нам. Я, Первый Толстяк, владею всем хлебом, который родит наша земля, Второму Толстяку принадлежит весь уголь, а Третий скупил все железо. Мы богаче всех. Самый богатый человек в стране беднее нас в сто раз. За наше золото мы можем купить все, что хотим», – говорил у Ю.К. Олеши один из властителей, закончивший свою речь замечательной фразой, которая не могла не вызвать симпатий в его обедневшем народе: «А теперь будем есть торт».

Вам это ничего не напоминает? Один Толстяк владеет нефтью и газом, другому отдали сельское хозяйство, третьему – военную промышленность. Четвертому говорят: «Хочешь, бери телевидение, только хвали нас побольше». Он соглашается, и телевидение перестает ругать Толстяков и начинает их расхваливать. Даже политический спектр они поделили: одному справа от центра, другому слева, остальные на первый-второй рассчитайсь, а кто не хочет, тот экстремист, его надо «отсекать». Толстякам поменьше дали по городу или области со всем, что там было: одному – район, другому – область, третьему – республику. Условие одно: твори там что хочешь, только нас не трогай. Толстяки на экранах телевидения перед глазами обедневших граждан ежедневно «едят торты», рекламируют шикарные квартиры и автомобили, которые только сами и могут купить, совершенно не обращая внимание на то, какие чувства вызывает их беззаботная жизнь у большинства их соотечественников. Толстяки иногда ссорятся, как и у Ю.К. Олеши, наступают друг другу на ноги, спорят, кто богаче и сильнее, летят головы холопов и министров, но самих их

[1] Впервые опубликовано в газете «Московский Запад» (1995. 5–11 июня. № 23(197). С. 12–13).

высшие интересы, интересы власти и выгоды заставляют держаться вместе.

Советские представления о капитализме сыграли с нашими реформаторами злую шутку: воспитанные на «Толстяках», «Мистере Твистере» и «Незнайке на Луне», они действительно считали капитализм лишь царством толстосумов, бессовестно грабящих население и друг друга под прикрытием разговоров о свободе и демократии. Разочаровавшись в социализме, они решили построить для нас именно тот капитализм, который знают из книжек.

По накатанной колее

Но шутки в сторону. Россия – это все же не просто толстяцкий город. Это огромная и разнообразная страна. И последнее время все более явным становится, что страна эта, пережив очередную смуту и бурные времена, возвращается на привычный для нее путь. Об этом свидетельствует несколько параллельно происходящих процессов.

1. Консолидируется и организуется единая пирамида государственной власти. После десятилетия споров, противостояний, управленческой неразберихи и даже войны между «ветвями власти», а фактически между высшими бюрократическими учреждениями наступает время стабилизации власти, которая выстроила пока еще не вполне четкую и по форме новую, но единую пирамиду, характерную для России любого времени. Иностранные слова типа «префект», «департамент» и т.п. не должны затуманивать сути вопроса: в конце концов, и Петр I, и большевики совершенно изменили весь язык управления, но результат оказался тем же: единая жестко централизованная вертикаль власти, каждый уровень которой не отвечает ни перед кем, кроме вышестоящего начальника. Смута, начатая М.С. Горбачевым, при котором возникло несколько центров власти (партия, президентские структуры, парламент), дошедшая до предела в первые два года правления Б.Н. Ельцина, когда власть президентских и парламентских структур имели примерное равенство, закончилась в октябре 1993 г. После ликвидации системы Советов и на местах, и в центре исполнительные структуры оказались фактически полновластными хозяевами, власть которых ограничивалась лишь страхом перед маловероятным увольнением. Новые региональные думы никакой власти не имеют и полностью контролируются администрацией, да и федеральный парламент обладает весьма ограниченными возможностями воздействия на ход событий и по власти

и влиянию не идет ни в какое сравнение с бывшим Верховным Советом. В результате система власти в России, долгое время практически не существовавшая, сегодня становится довольно четкой и понятной.

2. Происходит территориальная консолидация государства. В период смуты Россия потеряла значительные территории, завоеванные или мирно присоединенные ранее. Плохо это или хорошо (на этот счет существуют различные мнения), но это свершившийся факт, и маловероятно, что ей удастся когда-либо получить эти территории назад, по крайней мере в прежнем виде, как часть единого государства. Территория России сократилась до размеров РСФСР, и одно время казалось, что распад пойдет и дальше. Однако сегодня положение изменилось, и вряд ли сейчас можно предположить, что какая-либо республика или регион провозгласит независимость от Москвы. Поворотным моментом тут, безусловно, стала Чечня. Начало жестокой операции против мятежного Д.М. Дудаева дало понять, что лозунг Б.Н. Ельцина «Берите столько суверенитета, сколько сможете» не нужно понимать как карт-бланш на отделение. Москва готова дать местному князьку всю политическую власть внутри региона, дать право отменять все демократические процедуры, назначать и смещать всех подчиненных, вести собственную экономическую политику, даже, в крайних случаях, не выплачивать дань, но требует взамен уважать ее общее превосходство и общую политическую власть: организовывать выборы так, как ей нужно, не ухудшать слишком радикальными требованиями ее отношения с армией, которая пользуется все большим влиянием, и не портить ее репутацию перед Западом, на деньги которого она живет. В случае выполнения этих весьма скромных условий бывшие кандидаты на отделение могут стать даже верными союзниками. Появление президентов Башкирии и Татарии среди учредителей правительственной партии – яркое тому свидетельство. Поразмыслив и оценив ситуацию, эти опытные региональные партийные вожди поняли, что в данных условиях большего им не получить, воевать и потерять все, в отличие от неуравновешенного и фанатичного Д.М. Дудаева, им совсем не хочется, и они разумно решили признать себя вассалами и обменять политическую поддержку режима на признание им статус-кво и их безграничной власти в своих доменах. В результате территориальной консолидации сегодня уже трудно ожидать существенного сокращения российских земель. Территориальная целостность страны гарантируется сегодня самым мощным аргументом – силой, желанием и возможностью отстаивать эту целостность, и есть все основания полагать, что страна в течение

длительного исторического периода сохранит сложившиеся сегодня границы.

3. В то же время в современной России ясно виден другой, главный элемент политической стабилизации, лишь следствием которого является консолидация центральной власти и регионов вокруг центра. Речь идет о консолидации правящего слоя страны. Растерявшись в годы перестройки из-за бессистемной политики М.С. Горбачева, допустив в свои ряды «выскочек» из наиболее сообразительных «неформальных» политических активистов эпохи смуты и наиболее удачливых молодых предпринимателей, сделавших на смуте большие деньги, правящий слой коммунистического СССР не сдал власти. Он и не мог сделать этого, так как никаких других общественных слоев, на которых руководство страны могло бы опереться, в России не было. Но он принял новые правила и не только смирился с «капитализмом», но и, поняв его преимущества, начал играть по правилам рынка и придал российскому капитализму черты собственного менталитета и привычных ему методов деятельности.

В силу исторических и личных причин Б.Н. Ельцин уничтожил КПСС, однако вскоре понял, что его власть должна быть на чем-то основана, и начал активно восстанавливать правящий бюрократический слой. Конечно, этот слой уже не тот, что раньше. Из правящей централизованной партийно-государственной бюрократии, власть которой оправдывалась разработанной идеологической системой, он превратился в союз бюрократов, государственно-частных монополистов и новых партийно-политических верхов. Причем если раньше основным объединяющим фактором было стремление сохранить власть и распространить ее на все большие и большие части света, то теперь географические амбиции практически исчезли, но основополагающим мотивом, кроме удержания власти на уже имеющейся территории, стала жажда наживы, открытая и наглая. Бессовестная, происходящая у всех на глазах дележка государственной собственности представителями новой элиты, которая почему-то называется реформой, – яркое тому свидетельство. Сам тип приватизации: продажа за бесценок «своим» заводов, земли, целых каналов телевидения – отвечает имущественным интересам обновленного правящего слоя.

«За» и «против»

В происходящем сегодня в России процессе государственной консолидации есть как негативные, так и позитивные моменты. Горбачев-

ский развал не мог продолжаться долго, рано или поздно он должен был привести либо к стабилизации, либо к гражданской войне. И хорошо еще, что мы обошлись сравнительно малой кровью. Да, Россия потеряла много, но не все, и хорошо, что нашлись люди, которые развал прекратили. В конце концов, любая стабильность лучше гражданской войны, и в этом смысле сегодняшние процессы можно рассматривать как позитивные. Но это не значит, что любая стабильность хороша: стабильны и Великобритания, и Северная Корея, и Япония, и Туркмения, но вовсе не во всех этих странах одинаково приятно жить.

Консолидация центральной власти и территорий вокруг центра, – безусловно, явление позитивное. Страна не может жить в условиях войны властей, когда рядовой гражданин не знает, куда обратиться по простейшему вопросу, и во всех проблемах все винят своих оппонентов. Если раньше москвича можно было дурачить тем, что убирать мусор райсовету мешает супрефект, а супрефекту депутаты, то после ликвидации Советов всем ясно: если мусор не убирается – виноват супрефект. То же можно сказать и о территориальной консолидации: рядовой гражданин должен знать, в какой стране он живет, каковы отношения между местными и центральными властями и по каким вопросам он может жаловаться в центр. Страна также не может жить под постоянной угрозой распада, территориальных изменений и т.п.

Однако конкретные формы происходящей консолидации не могут не настораживать. Правящий класс, разочаровавшись в попытках создать систему разделения властей, которая в России в очередной раз вылилась в вооруженный конфликт между учреждениями власти, поставил сегодня на диктатуру исполнительной пирамиды. В результате это привело к созданию совершенно безответственной власти, которая в некотором смысле даже более оторвана от населения, чем коммунистическая. При большевизме гражданин мог жаловаться в вышестоящий государственный или партийный орган, а прокуратура и суд, по крайней мере, по обычным, неполитическим вопросам обладали определенной самостоятельностью. Чиновник боялся, что за некоторые проступки его могут посадить в тюрьму, и даже самого высокого партийного работника могли хотя бы выгнать из партии или снять с работы, то есть прервать карьеру, которая в рамках той системы ценностей понималась только как продвижение вверх по бюрократической лестнице. Сегодня, когда над бюрократией не стоит ни КПСС, ни закон, а главным мотивом действий является стрем-

ление к обогащению, все гораздо хуже. Высшего продажного чиновника вряд ли посадят в тюрьму, так как суд и прокуратура потеряли всякую независимость и полностью подчинены местным властям. Кроме того, связанные с криминальными структурами чиновники могут еще эффективнее воздействовать на суд «неформальными» методами. Если же чиновника и снимут с работы, то он перейдет в коммерческую компанию, ничего не потеряв. Отсутствие независимых органов представительной власти приводит к полной безответственности исполнительных структур. В результате, даже зная, кто отвечает за уборку мусора, гражданину гораздо труднее, чем раньше, добиться, чтобы его убрали. На того, кто за это отвечает, нет никаких рычагов воздействия.

Наконец, власть научилась жить, не обращая внимания на критику со стороны общества. При коммунизме пресса была зависимой, но, если на ее страницах все же появлялась критика, критикуемый обязан был отреагировать. В этом смысле сила прессы была огромной. При М.С. Горбачеве это влияние СМИ стало еще сильнее. Одна статья в газете, одно выступление по телевидению возносило человека вверх и снимало с самой высокой должности. Сегодня власть живет по принципу «плюнь в глаза – божья роса». Чечня и в этой области стала переломным моментом, так как война была развязана и, по всей видимости, будет доведена до конца, несмотря на решительные протесты всего общества, исключительно потому, что она отвечала интересам правящего слоя. Газеты, телевидение, радио могут кричать: один руководитель – бездельник, другой – хам, пьяница и вор, третий – мошенник, четвертый – лизоблюд, но это никак не мешает их продвижению по службе. Большинство же «разоблачений» направлено не против реальных преступников и взяточников, а против тех, кто в той или иной форме перестал быть нужен правящему слою или выступил против его интересов, то есть органы правопорядка стали открытыми орудиями политической борьбы, которая в нынешних условиях является не просто борьбой за власть, но и за собственность. Вся история со взаимными разоблачениями в так называемом «деле А.В. Руцкого» – яркое тому свидетельство.

Таким образом государственная власть и ее карающие органы превращаются из силы, стоящей над интересами групп, в том числе и криминальных, и старающейся уничтожить преступность вообще, в одну из сторон властно-криминальных разборок, уничтожающих лишь ту мафию, которая не нужна, и покрывающую «своих». С этой точки зрения легко понять такие, казалось бы, бессмысленные дей-

ствия, как нападение президентской охраны на близкий к московским властям «Мост-банк» и ее конфликт с московскими органами безопасности, снятие московских прокурора и начальника Управления внутренних дел, борьба между губернаторами и мэрами городов по всей стране (например, в Приморском крае) и т.п. Стабильность власти, выгодная новой правящей элите, не приносит существенных выгод для рядового гражданина, и его отчуждение от власти только возрастает.

То же можно сказать и о стабилизации территориальной. Государство не может существовать под угрозой постоянного распада. И в этом смысле стабилизация отношений между центром и регионами – явление крайне позитивное. Но стабилизация эта в сегодняшней России также проводится не в интересах гражданина, а в результате компромисса между центральными и региональными правящими элитами. При этом рядовому гражданину в регионе становится опять же хуже, чем было при коммунизме: у него еще меньше прав, так как местные власти за политическую поддержку наделяются правом полного над ним контроля. Кто бывал последнее время в регионах, знает, что власть воспрянувшей номенклатуры, независимо от того, возглавляет ли ее бывший «демократ» или «коммунист», здесь гораздо сильнее, чем в Москве, контроль над судом, прокуратурой и даже органами безопасности практически полный, центра здесь никто не боится и жаловаться в случае нарушения чьих-либо прав совершенно некому и не на кого. И в этом смысле стабилизация происходит не в интересах гражданина, а в интересах элиты.

Два пути стабилизации

Попытка создания двух проправительственных партий, предпринятая в последнее время под руководством президента, свидетельствует о том, что новая элита взялась за решение последней проблемы, стоящей на пути ее закрепления и сохранения у власти, – выборов. В основе правительственного плана стабилизации стоит совершенно верная идея: реформы должны быть основаны на стабильном политическом режиме, уверенности в завтрашнем дне отдельных граждан, российских предпринимателей, иностранных инвесторов и т.д. В этом смысле нельзя не согласиться со словами лидера новой партии В.С. Черномырдина о необходимости спокойствия и стабильности в обществе.

Однако в политике нынешнего руководства заметны два разных понимания стабилизации: 1) стабилизация как необходимость

последовательного проведения курса экономических реформ и сохранения у власти сил, которые в целом продолжили бы этот курс и 2) сохранение у власти конкретных лиц, которым не хочется отдавать с такими усилиями полученную кормушку.

Не все в нынешнем руководстве проводят одну из этих линий. Среди советников президента и министров есть люди, которые думают о реформах и стремятся проводить их так, как они их понимают. И в этом смысле сохранение у власти нынешнего правительства и нынешнего президента не обязательно будет негативным явлением. Однако даже для неподготовленного наблюдателя ясно, что многими высшими руководителями сегодня движет исключительно стремление к власти и наживе. И их победа в руководстве, к тому же стремящемся отделаться от всякого контроля со стороны общества, парламента, суда, будет означать катастрофу. Россия превратится в царство Трех Толстяков, страну будут грабить до тех пор, пока не явятся гимнаст Тибул и оружейник Просперо, которые в реальной жизни могут оказаться отнюдь не такими приятными людьми, как в сказке.

Практическая польза демократии

От такого сценария нас могут спасти только демократические механизмы, и прежде всего разделение властей и выборы. Эти давно изобретенные политические методы хороши не сами по себе, а именно в связи с их практической действенностью. Люди не живут ради выборов, как это часто представляется нашим обученным «Голосом Америки» демократам, наоборот, выборы нужны для того, чтобы людям жилось лучше. Разделение властей, безусловно в совершенно определенном, российском виде, необходимо для того, чтобы чиновник в системе исполнительной власти не чувствовал себя совершенно безнаказанным и никому не подотчетным, а гражданин имел возможность иметь дело с представителем, которого он избрал, судьба которого зависит от его отношения к нему избирателя. Конечно, власть представительных органов нельзя доводить до уровня, когда они, как это было у нас до октября 1993 г., вообще никому не дают работать. Но сегодняшний перекос в другую сторону отчуждает власти от населения и устраняет канал для цивилизованного выражения общественного недовольства.

В этом же и смысл выборов. Выборы без выбора, которые хотят навязать нам власти, приглашая голосовать за два одинаковых проправительственных блока и отсекая всех остальных, выгодны кон-

кретным лицам, которые в эгоистических целях цепляются за власть и боятся уйти, чтобы не попасть за решетку за воровство, но невыгодны всему правящему слою в целом. Правящий слой как на местном, так и на центральном уровне заинтересован в стабильности, но не в той, которая ликвидирует такие отдушины для выражения народного недовольства, как реальные выборы и возможность смены у власти различных группировок в рамках единого курса. Такая политика через пару лет вызовет взрыв. С точки зрения широких интересов правящего класса не так важно, кто у власти: команда В.С. Черномырдина, Е.Т. Гайдара, Г.А. Явлинского или даже Г.А. Зюганова. Российская политика уже настолько стабилизировалась и вошла в привычную колею, что любая из этих групп, пришедших к власти в коалиции или даже сама по себе, вряд ли устроит переворот, сравнимый даже с победой Б.Н. Ельцина. Ни у кого из них нет сил для управления государством в одиночку, без учета мнения сложившихся центральных и региональных элит, и колебания возможны в рамках одного более или менее широкого курса. Даже коммунисты Г.А. Зюганова и Аграрная партия, которые в этом ряду могут вызвать наибольшие сомнения, проявляют последнее время все большую цивилизованность, и какое-то их участие, например, в правительственной коалиции могло бы только пойти им на пользу.

Конечно, различие между этими силами велико. Е.Т. Гайдар в большей степени ориентируется на крупные монополии, политика кабинета Г.А. Явлинского была бы в большей мере рыночной и отвечала бы интересам так называемого среднего класса, то есть тех, кто готов и может активно работать в новых условиях, но не имеет возможности и не хочет воровать и пользоваться старыми номенклатурными связями, Г.А. Зюганов мог бы завести экономику в тупик дотациями. Но вряд ли кто-либо из них ликвидирует сам институт выборов, благодаря которым население могло бы через какое-то время отказать в доверии идущим не тем путем и сменить курс.

Экстремист – не тот, кто хочет оторвать от кормушки зажравшегося бюрократа и сам прийти к власти, чтобы, как он считает, исправить ситуацию. Экстремист – тот, кто хочет ликвидировать механизм смены власти вовсе. Он не только экстремист, но и самоубийца, который из-за нескольких лет возможности безбедно жить и грабить население хочет вызвать социальный взрыв, который уничтожит если и не его самого, то его потомков и вновь погрузит Россию в хаос на несколько десятилетий. С этой точки зрения экстремистов в современной России немного – это те в нынешнем руководстве, кто

готов на отмену выборов ради того, чтобы остаться у власти, а также некоторые группировки, которые способны отменить выборы после прихода к власти. К последним относится ЛДПР В.В. Жириновского, который несколько раз открыто заявлял о необходимости сохранить одну (естественно, его) партию на период «стабилизации», и другие менее многочисленные фашистские, крайне националистические и радикально-коммунистические группировки. Вождь самой влиятельной из них В.В. Жириновский в последнее время, вероятно уловив тенденцию к взятию новым правящим классом власти «всерьез и надолго», старается завоевать его симпатии, изменить свой имидж «плохого мальчика» на более респектабельный. Не случайно, судя не по словам, а результатам голосования фракции ЛДПР в Думе, она превратилась в наиболее верную опору нынешнего правительства. Складывается впечатление, что и ельцинское руководство готово отблагодарить нового союзника: В.В. Жириновскому часто предоставляется время на телевидении, в его распоряжении страницы многих газет, которые ранее ни за что бы и близко его не подпустили (например, «Курантов»), наконец, вся история с вручением ему подполковничьих погон не может быть расценена иначе, как предоставление властями вождю ЛДПР возможности организовать рекламное шоу.

То, что власти и В.В. Жириновский нашли общий язык, не случайно. Ельцинское руководство взяло на вооружение почти все идеи бывшего оппонента, хотя и выражает их не в таком развязном виде: необходимость периода стабилизации и «отсечения» всех политических сил, кроме двух (в реальности одной, так как между двумя официальными блоками не будет никаких различий), защита интересов соотечественников «всеми средствами», дружба с Ираком и Ливией и многое другое. Однако внешнее совпадение обманчиво: группировка В.В. Жириновского и партия власти расходятся в главном (для них): какие личности будут стоять у власти и эту политику осуществлять. В.В. Жириновский вряд ли согласится на второстепенную роль, а любой допуск его на главенствующую приведет, как и в 30-х гг. в Германии, к постепенному захвату им всей власти и ликвидации (вполне возможно, и физической) нынешней правящей группировки. Поэтому сегодняшнее заигрывание властей с В.В. Жириновским и попытки отсечь внутрисистемную оппозицию – игра крайне опасная как для России, так и для них самих.

Такая политика может привести к одному результату: она бросит все антиправительственные силы в объятия друг другу. Двухпартийная система действительно возникнет, но не из двух ручных партий, а из

партий власти с одной стороны и объединенной оппозиции с другой. Объединенная оппозиция либо рано или поздно победит на выборах, либо, если выборы будут отменены или подтасованы, будет приведена к власти народным недовольством другим путем. Это грозит полным отстранением от власти не только нескольким ворам и засидевшимся бюрократам, но и гораздо более широкому слою правящей элиты, так как объединенная оппозиция будет обладать гораздо большими возможностями по подбору кадров, чем каждая группа по отдельности. Нужен ли такой сценарий России? Нужен ли он всей правящей элите, нуждающейся в действительной стабильности? Со всех точек зрения было бы гораздо более разумно, если бы новая широкая региональ-но-центральная элита ради сохранения общего направления развития страны пожертвовала бы несколькими зарвавшимися московскими бюрократами, переставшими адекватно оценивать политическую ситуацию в стране. В противном случае на месте царства социализма в России будет построена «демократическая республика» Трех Толстяков, конец которой ярко описан писателем.

Что принесут грядущие выборы? При каких условиях Борис Ельцин может уйти из Кремля[1]

А будут ли выборы?

Когда летом 1991 г. Б.Н. Ельцин был избран первым президентом России, он был, вероятно, искренне уверен, что улучшить нашу жизнь можно за несколько месяцев. Так как для этого явно не хватило пяти лет, что, безусловно, отражается на настроениях российских избирателей, первый вопрос, который сразу же задают, когда касаешься выборов: а состоятся ли они вообще. Недавние заверения Центральной избирательной комиссии, а затем и самого президента, который часто меняет свои мнения, не могут служить аргументом в серьезном анализе.

Рассматривая этот вопрос не на эмоциональном, а на рациональном уровне, необходимо разделить вероятность проведения в конституционные сроки парламентских и президентских выборов. Она явно не одинакова. Разберем сначала вопрос с парламентом.

Выборы в Федеральное собрание, которые должны состояться в декабре этого года, могут быть отменены законным и незаконным путями. В первом случае необходимо изменение Конституции. Проблема здесь будет заключаться в том, что авторы действующей Конституции по недосмотру, а может быть, и намеренно не указали пути внесения поправок в ее второй раздел, где говорится о сохранении полномочий президента до конца срока и выборах первого состава Федерального собрания на два года. Вопрос этот, следовательно, может быть интерпретирован как угодно, от невозможности вносить поправки вообще до изменения этого раздела президентским указом. Следует, однако, иметь в виду, что после доизбрания Конституционного суда исполнительная власть не сможет заниматься подобными интерпретациями единолично, а позиция нового состава суда пока не ясна.

В то же время, рассуждая реально, Б.Н. Ельцин вряд ли пойдет на отмену выборов в парламент одним своим указом без серьезной ему угрозы. А такую угрозу новый состав Федерального собрания, одна

[1] Впервые опубликовано в «Независимой газете» (1995. 23 марта. С. 3).

из палат которого будет фактически назначаться президентом, вряд ли будет представлять. Потребуется, по крайней мере, решение обеих палат действующего парламента. Маловероятно, чтобы когда-либо в каждой из палат было собрано необходимое число голосов за подобную поправку. В отмене выборов заинтересованы те депутаты и партии, которые в случае новых выборов понесут потери, лишатся своих депутатских мест и сопутствующего им общественного положения. Из партий и блоков Госдумы – это, вероятно, только потерявшая своего лидера ДПР. Все остальные, и многие не без оснований, надеются увеличить свои фракции, что произойдет хотя бы за счет того, что партии стали более известными и выбор избирателей в округах будет в большей степени зависеть от партийной принадлежности кандидата. Депутаты от округов, стоящие перед реальной угрозой навсегда распрощаться с парламентом, больше заинтересованы в продлении срока своих полномочий. Но с учетом того, что многие из них уже присоединились к различным фракциям и надеются войти в партийный список и вернуться в парламент менее изнурительным путем, твердых сторонников отмены выборов вряд ли наберется хотя бы половина. В верхней палате желающих также вряд ли найдется достаточно: составляющие ее значительную часть и обладающие решающим влиянием главы регионов, скорее всего, войдут в следующий состав палаты автоматически. Объективно больше всего заинтересованы в продлении полномочий парламента руководители обеих палат, для которых декабрьские выборы грозят превращением из влиятельнейших политиков страны в рядовых депутатов, а то и в рядовых граждан. Наиболее прямой из них, В.Ф. Шумейко, прямо требует от народа позволить ему поработать еще пару лет на его благо. Однако нынешний парламент – не хасбулатовский Верховный Совет, и вряд ли руководители смогут «продавить» столь серьезное решение, не обладая достаточной поддержкой.

Что же касается неконституционной отмены парламентских выборов исполнительной властью, то для этого у нее вроде бы нет серьезных причин. Принимая во внимание отсутствие реальной угрозы для своей власти и перспективу полного разрыва с Западом, отношения с которым и так значительно испортились из-за Чечни, такой шаг вряд ли сочтут оправданным. Президент, конечно, может требовать от В.Ф. Шумейко и И.П. Рыбкина давить на депутатов, предлагая им сделку: я вас два года не трогаю, а вы меня. Но по вышеназванным причинам такое давление вряд ли увенчается успехом. Это уже не говоря о том, что внесение поправок может быть интерпретировано по статье 136 Конституции. Тогда потребуется согласие двух

третей субъектов Федерации, позиция которых тоже может оказаться неоднозначной. Поэтому в конечном счете президент, который, как показывает недавняя история, принимает силовые решения только в самом крайнем случае, вряд ли пойдет на одностороннюю отмену выборов, результаты которых, кроме всего прочего, могут показать и ему, чего можно ждать и от президентских выборов.

Кто победит?

Как показывали опросы, проводимые до начала Чеченской войны, симпатии избирателей развивались в двух основных направлениях. Избиратели «демократической» ориентации мигрировали от «Выбора России» к «ЯБЛОКУ», а сторонники В.В. Жириновского расходились в разные стороны. Согласно одному из наиболее серьезных опросов, проведенному в 12 регионов России Институтом социологии РАН по заказу Госдумы, в которой он был распространен 14 декабря 1994 г., 11% россиян собирались на будущих выборах голосовать за «ЯБЛОКО», 10% – за «Выбор России», 9% – за «Женщин России», по 8% за ЛДПР и КПРФ, остальные не набрали и 5%. Наиболее разительные перемены здесь, по сравнению с прошлыми выборами: увеличение почти вдвое количества желающих голосовать за «ЯБЛОКО» и значительное уменьшение сторонников В.В. Жириновского. Основные причины такого перераспределения показаны в опросе: 10% ранее голосовавших за «Выбор России» собирались голосовать за «ЯБЛОКО», а из бывших жириновцев 8% собиралось дезертировать к коммунистам, 6% – к «ЯБЛОКО», 3% к «Женщинам России», а 2% даже к «Выбору России».

Разразившаяся в декабре Чеченская война должна внести существенные коррективы в эту расстановку сил. По всем опросам от 65 до 75% россиян выступают против нее и, хотя и по разным причинам, желали бы мирного ее окончания. Это, естественно, должно повысить шансы тех, кто выступает против войны, то есть прежде всего «ЯБЛОКА», «Выбора России», «Женщин» и КПРФ. Так как электорат КПРФ довольно стабилен, а «Выбор России» слишком сильно ассоциируется с непопулярной официальной политикой и экономическим кризисом, чтобы избиратель мог серьезно поверить в искренность его оппозиционности, «ЯБЛОКО» и «Женщины России» имеют шансы получить наибольшее количество голосов. «Женщины» все же вряд ли получат больше 12% и смогут провести кандидатов по округам. «ЯБЛОКО» при удачной кампании может претендовать

на 15–20% и получить значительное количество округов в крупных городах, где сконцентрированы наиболее образованные избиратели (по числу сторонников среди избирателей с высшим образованием «ЯБЛОКО» обогнало «Выбор» еще в декабре).

Война в Чечне, как это ни парадоксально, сыграла злую шутку со сторонниками «железной руки» и подняла популярность их противников. Россияне в декабре 1993-го готовы были поддержать силовую политику, и Б.Н. Ельцин сделал шаг в направлении этих настроений. Попытки расстроенных демократов доказать, что В.В. Жириновский на прошлых выборах «купил» россиян только посулами сладкой жизни и внешним видом, не подтверждаются серьезными исследованиями. Многие опросы общественного мнения, в том числе и фундаментальный российско-британский проект, осуществленный силами Института социологии РАН во многих регионах России незадолго до прошлых выборов, показали серьезное разочарование большинства россиян в демократической риторике и значительный сдвиг настроенной в сторону «государственничества». (Результаты этого исследования были опубликованы в первом номере «Post-Soviet Affairs» за 1994 г.)[2] Однако, увидев «силовую политику» в реальном бездарном и разрушительном исполнении, избиратели могут отшатнуться от ее сторонников.

Есть все основания считать, что этот «чеченский синдром» сохранится до декабря этого года, так как война в той или иной форме, скорее всего, будет продолжаться и, даже если какая-то стабилизация наступит, воспоминания сохранятся достаточно долго.

Приведенные выше цифры нельзя, конечно, считать готовым прогнозом. Анализ избирательного поведения россиян показывает, что большинство из них принимает окончательное решение в последние дни перед выборами. Многое будет решаться эффективностью избирательной кампании, телегеничностью лидеров и т.п. Например, В.В. Жириновский вполне может за счет удачной кампании привлечь на свою сторону значительное число неопределившихся. Однако какая-то тенденция здесь все же просматривается.

Кандидаты на вылет

Первейший кандидат на вылет – ДПР. Потеряв своего лидера Н.И. Травкина, в основном благодаря личности которого эта ранее

[2] *Whitefield S., Evans G.* The Russian Election of 1993: Public Opinion and the Transition Experience // Post-Soviet Affairs. 1994. №. 10. P. 38–60.

крупнейшая российская партия все же с трудом взяла пятипроцентную планку, ДПР сегодня по лозунгам мало чем отличается от КПРФ или аграриев, но, в отличие от них, не имеет серьезной социальной базы. Единственное, на что могут рассчитывать бывшие травкинцы, – это на то, что довольно популярный С.С. Говорухин снимет еще какой-нибудь фильм и привлечет всеобщее внимание. Второй кандидат – ПРЕС С.С. Шахрая. Поддержав Чеченскую операцию, она наверняка потеряет свою опору в национальных республиках, благодаря голосам избирателей которых она прошла в Думу, обещая представлять интересы регионов и провинции. Если же аналитики ПРЕСа рассчитывают на поддержку тех 15–20% россиян, которые одобряют войну в Чечне, то их голоса разделятся между ЛДПР, каким-то «патриотическим» блоком, ДПР, и неизвестно, достанется ли из них ПРЕСу заветные 5%. Личная популярность С.М. Шахрая вряд ли достаточно популярна, чтобы только за ее счет набрать 5%. Аграрный блок со счетов сбрасывать рано. Вполне вероятно, что те, кто проводят опросы, по зимним дорогам не могут добраться до его избирателей или что эти избиратели не отвечают на вопросы раньше времени и, таким образом, находятся в графе пока не собирающихся голосовать либо не давших определенного ответа. Учитывая огромные возможности воздействия аграрного начальства на сельских избирателей, вполне вероятно, что, несмотря на низкие данные опросов, аграрии, скорее всего, все же смогут преодолеть пятипроцентный барьер.

Будут ли новые блоки?

Способны ли какие-либо новые политические силы включиться в борьбу за депутатские места? В существующем политическом спектре есть несколько пустующих мест. Прежде всего это крайний фашистский блок, который могут сформировать сторонники А.П. Баркашова, Н.Н. Лысенко и им подобные. Его идеологи могут попытаться обойти В.В. Жириновского и традиционных «патриотов» справа. Даже если наша дряхлая власть не сможет такой блок запретить, вряд ли он сможет набрать больше 2–3% из-за отсутствия известных лидеров, радикализма и серьезных «пересечений» программы с другими «патриотами» и В.В. Жириновским. Традиционные правые типа сторонников газеты «Завтра», А.В. Руцкого и др., воевавших на стороне парламента в октябре 1993-го, вроде бы перестали пользоваться популярностью и не имеют особых шансов на фоне чеченского кон-

фликта. Как показали прошлые выборы, их потенциальные избиратели предпочитают голосовать за РКП. «Декабристы» Б.Г. Федорова, пытающиеся соединить радикальные реформы с патриотизмом, вряд ли могут претендовать на какую-то особую социальную базу, так как и избиратели-патриоты, и избиратели-рыночники уже давно разобраны существующими блоками.

Наиболее перспективными, вероятно, следует признать попытки ряда различных политических деятелей создать социал-демократический блок. Однако, если такой блок и будет создан, он столкнется с рядом проблем. В идейном плане новым социал-демократам будет необходимо сформулировать свои отличия от «ЯБЛОКА», с одной стороны, и от коммунистов – с другой. Им также необходимо будет найти ярких и популярных лидеров.

В любом случае выборы не принесут кому-либо решающей победы и не дадут возможности одному блоку получить большинство и иметь возможность в одиночку посылать правительство в отставку. Их реальное значение будет заключаться в выявлении кандидатов в президенты.

Допустят ли выборы президента?

Возможность выборов президента зависит от отношения к ним Б.Н. Ельцина. Здесь возможны три варианта:

1. Сам президент или его окружение уходить ни при каких обстоятельствах не захочет. Вероятность расследования коррупции в президентском окружении, переоценки событий октября 1993 г., опасность разбирательства всех вопросов, связанных с Чечней и т.п., может заставить правящую верхушку, независимо от результатов выборов в парламент, неконституционным путем продлить полномочия президента. Предотвратить такой поворот событий вряд ли возможно, однако в этом случае президент получит множество неразрешимых проблем: бойкот Запада и прекращение всякой помощи, полный разрыв с обществом и опасность перерастания любого общественного конфликта в серьезное политическое противостояние. Такая перспектива может послужить для президента сдерживающим фактором.

2. Президент попытается принять участие в выборах и допустит их. Если вступит в силу включенное в проект закона условие о том, что кандидат в президенты должен собрать 2 миллиона подписей, вполне возможно, что их не соберет никто. По крайней мере, в декабре 1993-го даже 100 тысяч подписей для многих стали большой

проблемой. Если даже кто-то и соберет подписи, то проверка может показать их поддельность или несоответствие какому-либо стандарту (ошибки всегда можно найти среди целого вагона подписных листов, да и методы сбора подписей в России хорошо известны), и кандидаты не будут утверждены. Придется выборы откладывать и Борису Николаевичу скрепя сердце продолжить выполнение своих обязанностей. О таком варианте, безусловно, думали авторы проекта закона.

Если все же кому-то и удастся собрать 2 миллиона безукоризненных подписей, то это скорее всего будут лидеры, обладающие сильной организацией. Одной личной популярности будет недостаточно. Реальные кандидаты здесь Г.А. Зюганов, В.В. Жириновский (которые получат большое преимущество, например, перед лично имеющим сравнимую популярность, но не имеющим серьезной организацией А.В. Руцким) и, возможно, Г.А. Явлинский, если он сможет стать единым кандидатом от реформаторских сил и опереться, кроме своих сторонников, на более организованные, хотя и изрядно поредевшие, структуры «Демократической России» и «Выбора России». Лидеры последних могли бы поддержать Г.А. Явлинского, так как Е.Т. Гайдар, даже собрав подписи, не имел бы никаких шансов победить на выборах.

Победа будет зависеть от состава двойки второго тура. Однако здесь все гораздо менее ясно, чем с парламентскими выборами. Например, в упоминавшемся декабрьском опросе 24% ответивших считали Г.А. Явлинского наиболее авторитетным политиком. 18% посчитали таким Е.Т. Гайдара, а 10% – В.В. Жириновского. Однако все эти данные касаются лишь 26% избирателей, так как 74% затруднились ответить на вопрос и, вероятно, вообще не имеют авторитетов или не знают никаких политиков. Подобные же результаты дают и другие вопросы. В любом случае эти неопределившиеся станут основным объектом борьбы во время избирательной кампании, и перед «интеллигентскими» блоками и лидерами будет стоять трудная задача сделать свое «послание» привлекательным для простого человека. В противном случае эти голоса могут отойти к В.В. Жириновскому, Б.Н. Ельцину, коммунистам, правым и вообще любому, кто умеет говорить просто и убедительно.

Г.А. Явлинский скорее всего победил бы и Б.Н. Ельцина, и Г.А. Зюганова и В.В. Жириновского, так как, имея примерно равную с ними позитивную популярность, вызывает гораздо меньшую ненависть. Г.А. Зюганов скорее всего победит В.В. Жириновского, так как объединит всех его противников, включая даже некоторых

демократов. Что касается пар Ельцин–Зюганов и Ельцин–Жириновский, то результат здесь может быть любым, а большинство избирателей скорее всего вообще не явятся на участки, что приведет к переносу выборов и продолжению власти Б.Н. Ельцина.

3. Президент будет готов уйти в случае поражения, но при определенных условиях. Такими условиями, скорее всего, будут отсутствие репрессий против него самого и, возможно, основных членов команды, обеспечение достойного существования (как это было договорено перед отставкой М.С. Горбачева, хотя Б.Н. Ельцин первый же эти условия и нарушил) и продолжение в общем плане реформаторского курса. В этом случае решение президента будет обусловлено результатами парламентских выборов. Договориться, конечно, президенту было бы легче всего с Е.Т. Гайдаром и, может быть, Г.А. Явлинским. В случае значительной победы «ЯБЛОКА» на выборах (20% и более), что не является совершенно невероятным, президентские структуры, вероятно, захотят вступить в переговоры об условиях почетной отставки. Несмотря на естественное желание многих вывести всех на чистую воду и наказать по заслугам, такие условия президенту и его группе, кроме явных преступников, необходимо предоставить. Первый прецедент плавного и достойного демократического перехода власти гораздо важнее для России, чем наказание нескольких жуликов, которых в ней всегда будет предостаточно.

В случае же победы несговорчивых сил или сил, которые, как В.В. Жириновский, с удовольствием дадут любые гарантии, но никогда их не сдержат, президент может быть спровоцирован на алжирский вариант и либо отменит выводы вообще, либо прервет их, допустим, после первого тура. Причем предотвращение таким образом захвата власти правыми националистами, например ЛДПР, вероятнее всего, будет с пониманием встречено общественным мнением как в России, так и за границей.

Последний шанс. Россия после чеченской трагедии: два сценария[1]

Сегодня, когда уже более или менее ясно, что российская армия, напрягая все силы и понеся значительные и совершенно неоправданные потери, все же справилась с задачей взятия Грозного, простого обсуждения и критики этой, вероятно, самой бездарной в истории русской армии операции уже недостаточно. Чеченская трагедия, безусловно, станет значительной вехой в истории современной России, не меньшей, а может быть, и большей по своим последствиям, чем события августа 1991-го и октября 1993-го. Сам по себе чеченский конфликт, вероятно, еще будет тлеть долгое время, в Чечне надолго застрянут некоторые части российской армии, которые будут нести, может быть, и небольшие, но постоянные потери от пуль партизан и просто бандитов. Тем не менее, несмотря на то что ситуация в Чечне на длительное время останется фактором российской политики, какими и раньше уже были Таджикистан, Приднестровье, Абхазия или осетино-ингушский конфликт, и даже значительно более болезненным, все же не в этом главное значение чеченских событий. Значение это в том, что в ходе конфликта вся молодая и нестабильная политическая система России в очередной раз подверглась коренной перетряске, которая может вызвать самые серьезные последствия.

Одним из главных результатов этой перетряски стало полное психологическое освобождение от власти «общества». Легальная основа для самостоятельных действий, не озираясь на другие ветви власти, общественные организации, оппозицию и т.п., была закреплена в новой Конституции, которая стала результатом предыдущего кризиса. И все же президент и его советники в силу привычки, а также в силу присутствия в исполнительных органах представителей различных политических сил вынуждены были балансировать, иногда давая задний ход под давлением прессы, общественных организаций, из-за рубежа. Во время войны в Чечне исполнительная власть показала себе самой и всему обществу, что может действовать самостоятельно, невзирая на такое давление и даже вопреки ему. «Сильная исполни-

[1] Впервые опубликовано в «Независимой газете» (1995. 24 января. С. 3).

тельная власть», стоящая над различными политическими силами и над обществом, к созданию которой так долго призывали многие «демократические» теоретики, фактически сложилась. Тот факт, что она занялась не тем, чем хотелось бы этим теоретикам, в результате чего они теперь наткнулись на свое детище, не меняет дела.

Показательно, что те, кто во время кризиса остался в исполнительных структурах или пошел туда, вынуждены отказываться от своих партий, независимо от характеров последних (А.В. Козырев, В.А. Ковалев и др.). Власть и впредь может черпать пополнение в различных партиях, но бывшие члены не будут представлять свои партии во властных структурах, а поменяют свою партию на партию власти.

Термин «авторитарный» еще не вполне подходит для такого режима, поскольку пока он не покушался на демократические выборы. Отмена выборов в данной ситуации привела бы к созданию классического авторитарного режима. Пока же мы имеем дело с очень сильной президентской властью, действующей в основном в рамках закона. Анализ последствий двух упомянутых предыдущих кризисов для российской политики и мирового опыта приводит к мысли, что правление такого режима в России может реально осуществляться по двум сценариям, описание которых и предлагается ниже.

Сценарий 1. Сильная реформаторская власть

Этот сценарий предусматривает, что президент и его окружение поставят цель использовать полученные возможности для скорейшего проведения реформ и создания сильного, развитого государства и в руководстве найдутся силы, способные на достижение этих целей. В этом случае в ближайшем будущем можно ожидать следующих мер.

1) Подавление сепаратизма

После Чечни местный сепаратизм остается единственным препятствием проведения реформ, не оглядываясь на оппозицию. Региональная власть, порой открыто игнорирующая федеральную, сегодня осталась единственным политическим конкурентом Кремля. В условиях растущего сепаратизма никакие реформы и вообще никакая общенациональная политика невозможны. Регионы также важны для президента тем, что региональные лидеры в условиях возрастающей апатии избирателей фактически определяют результаты выборов или оказывают на них значительное влияние. Поэтому борьба за кон-

троль над регионами в преддверии декабрьских выборов в парламент станет основной задачей президента в самое ближайшее время.

Сегодня, когда исполнительная власть может действовать без оглядки на общественную реакцию в центре, она могла бы легко установить контроль над регионами, среди которых наибольшую проблему представляют некоторые республики. С точки зрения российской Конституции план изменения границ регионов без определенной политической подготовки представляется нереальным. Однако президент как гарант Конституции мог бы легко распространить свое право назначения и смещения глав администраций и на республики, особенно в тех случаях, когда существуют открытое неподчинение российским законам (Башкортостан, Чувашия) и даже соответствующие решения Конституционного суда (Татарстан). Начинать необязательно с наиболее сильных республик, где реакция будет самой острой. Важен прецедент смены Москвой руководителя республики, нарушившего Конституцию. Опытные региональные руководители, увидев, что дело серьезное, притихнут сами собой. Временный глава администрации республики должен был бы предложить республиканскому парламенту ряд законодательных актов по реорганизации власти и в случае его отказа распустить его и назначить новые выборы. При необходимости еще до выборов могли бы быть приняты решения по изменению границ республики, которые уже некому было бы опротестовать.

В центре сопротивление подобным действиям могут оказать некоторые партии («Выбор России», коммунисты, «ЯБЛОКО»), готовые сегодня на союз друг с другом и с сепаратистскими элитами для сохранения своего влияния и устранения правящего режима, а также Совет Федерации, где заседают региональные лидеры. В случае попыток заблокировать предпринимаемые меры президент мог бы воспользоваться конституционным правом на его роспуск и необходимые изменения до следующих выборов.

Установление контроля над республиками и над теми регионами, руководители которых сегодня также склонны к сепаратизму, чего почему-то не замечает Кремль, крайне необходимо и для получения возможности внесения изменений в ныне действующую российскую Конституцию, и для обеспечения благоприятного состава будущего парламента (как 100% Совета Федерации, так и значительного числа депутатов будущего состава Госдумы, избираемых от округов). Влияние Госдумы, которая останется единственным центром оппозиции, уменьшится. В интересах президента было бы добиться отмены вы-

боров в Думу по спискам или хотя бы сокращения числа избираемых по ним депутатам, так как в результате влияние партий ослабнет.

Подобные меры большинством населения будут встречены с безразличием, а многими и с одобрением как попытка сохранения единства России и ослабления влияния столичных политических партий за счет выдвижения региональных лидеров. Конечно, для реализации этих мер необходима серьезная, пропагандистская работа, на которую, как показал чеченский кризис, Кремль пока не способен. Но главное, что потребуется, – это контроль над силовыми структурами, прежде всего над армией.

2) Реформа силовых структур

Война в Чечне показала, что армии в России фактически не существует. Есть только группы хорошо вооруженных людей, которые воевать не хотят и не умеют, приказы исполняют выборочно и совершенно не понимают, чего от них хотят. Для осуществления первого сценария совершенно необходимо будет решительно заняться: 1) руководящим составом армии; 2) созданием профессиональных частей; 3) идеологической работой.

Из руководящего состава должны быть решительно и с позором удалены, во-первых, ответственные за Чеченскую операцию и те, кто довел армию до ее нынешнего плачевного состояния. На них будет возложена ответственность за многочисленные жертвы. Во-вторых, необходимо решительно избавиться от тех военачальников, которые позволили себе не исполнять приказы или критиковать политическое руководство. Армия – не парламент, и демократии в ней быть не может. Напротив, демократия в армии обычно приводит к концу демократии в стране. Американский генерал Н. Шварцкопф, командовавший победоносной операцией в Ираке, был в считаные часы уволен из армии после того, как публично усомнился в правильности одного из решений президента Дж. Буша. В России же военачальники, единственная заслуга которых состоит в том, что они более или менее стройными рядами бежали из Афганистана, смеют открыто критиковать министра обороны и президента и остаются на своих постах. Если железная дисциплина среди военных руководителей, некоторые из которых уже явно примериваются к власти, не будет наведена в ближайшее время, очень скоро словесная критика может перейти в дело.

Что касается боевых частей, то Чечня показала необходимость создания профессиональной армии, курс на которую был провозглашен, но тормозился Министерством обороны. Преступно посылать

на смерть молодых призывников, у которых нет никакой подготовки. К тому же и реакция общества на гибель профессионалов, самих избравших свою судьбу, была бы не такой острой. Небольшие, но хорошо обученные профессиональные части будут крайне необходимы для проведения программы по борьбе с сепаратизмом. Вряд ли в какой-либо из республик возникнут проблемы, сходные с чеченскими, однако вероятность их возникновения будет гораздо больше, если такие части будут отсутствовать.

В идейном плане необходимо будет выбить из головы наших военных абсурдное и опасное представление о неприменении армии во внутренних конфликтах. Конечно, речь не идет о том, чтобы режим держался на штыках. Но применение войск внутри страны в крайних случаях, когда возникает угроза государству, является нормой для демократических стран. США в последние десятилетия несколько раз вводили войска в города для подавления расовых беспорядков, причем жертвы иногда исчислялись десятками. Великобритания уже 25 лет держит войска в Северной Ирландии, где военные патрулируют улицы, защищая граждан от террористов. В 1968 г. президент Ш. де Голль ввел французские войска, расквартированные в Германии, для подавления студенческих беспорядков в Париже. И это – государства с наиболее развитой демократией. Страны, более близкие к России по уровню развития политических институтов, такие как Турция, Индия, Филиппины, постоянно используют армию для борьбы с сепаратизмом и сохранения территориальной целостности. Это не мешает им считаться демократическими, входить в различные международные организации и получать иностранную помощь. В России с ее нестабильностью армия должна стать гарантом соблюдения Конституции, а не потенциальной угрозой для нее.

3) Экономические реформы

Осуществление вышеперечисленных мер создаст условия для ускоренного проведения экономических реформ. Их целью должно стать развитие национальной промышленности и создание класса, заинтересованного в политической стабильности. Именно эти новые силы станут оказывать все большее влияние на результаты выборов, которые будут более благоприятными для проводящейся реформы власти.

4) Внешняя реакция

Жестокость российской армии в Чечне, вызванная преступным непрофессионализмом и безответственностью военачальников, вы-

звала серьезное осуждение мирового сообщества. Тем не менее до международной изоляции дело не дошло. Основные западные государства, прежде всего США и Германия, опасаются полностью лишить Россию поддержки отнюдь не из любви к демократии, а, как это открыто заявляют американские политики, потому, что распад России, обладающей ядерным оружием, вызовет гораздо больший международный кризис, чем война в Чечне. Поэтому в отличие от нашей оппозиции ни один официальный представитель этих государств не высказывался за независимость Чечни или против права России наводить порядок в регионах, в том числе и с помощью военной силы. Осуждались лишь варварские методы, применявшиеся российской армией, и многочисленные жертвы среди мирного населения.

Есть основание полагать, что и в случае осуществления первого сценария, если принимаемые меры не приведут к трагедии, подобной чеченской, мировое сообщество не выступит с серьезными возражениями. Мировой опыт показывает, что экономическое сотрудничество, в котором особенно заинтересована Россия, широко разворачивается не с наиболее «демократическими», а с наиболее стабильными режимами, в которых у партнеров есть реальная заинтересованность. Наибольшие капиталовложения осуществляются не в демократические Филиппины с их экономическим хаосом, но в коммунистический Китай, интенсивно развивающий свою экономику. Попытки США оказывать давление на Китай, угрожать снятием режима наибольшего благоприятствования в торговле не имели успеха, так как мощное прокитайское лобби американских бизнесменов доказало правительству, что США от разрыва с Китаем потеряет больше. Интенсивно развивающейся и стратегически важной Турции, являющейся членом НАТО, позволяется уже десятки лет незаконно оккупировать часть Кипра, уничтожать целые деревни в борьбе с курдскими сепаратистами, и США вовсе не бросаются спасать ненужный им Кипр, как они бросились на защиту богатого нефтью Кувейта. Да и в брежневское время иностранные компании чувствовали себя в стабильном СССР гораздо более уютно, чем в нынешнем российском хаосе.

Все это отнюдь не означает, что Россия для увеличения иностранных капиталовложений должна восстановить диктатуру. Демократия нужна России не для того, чтобы умаслить Запад, а потому, что самим россиянам жить в демократических условиях свободнее и безопаснее. Однако разумная самостоятельная политика России в сочетании с доказательствами своих серьезных намерений в обла-

сти экономики приведет к большему взаимопониманию с Западом, чем в случае продолжения курса на подхалимское заискивание и попрошайничество.

Сценарий 2. Власть без реформ

Второй сценарий предполагает, что нынешняя правящая группа будет цепляться за власть, реагируя, как и раньше, на изменяющуюся ситуацию, но без особой стратегии и желания проводить реформы. В этом случае после завершения в основном операции в Чечне, как и после предыдущих кризисов, наступит спад президентской активности и до нового кризиса все будет развиваться само собой. За период до декабрьских выборов армия, получившая боевой опыт в Чечне, но лишенная четких ориентиров и твердого руководства, превратится в сильнейший фактор дестабилизации. Различные ее части, лояльные популярным командирам, могут быть использованы ими в личных целях, что создаст серьезную угрозу возникновения вооруженных конфликтов и даже гражданской войны.

Другим серьезным источником напряженности будут и республиканские лидеры, которые спад политической активности Кремля воспримут как его слабость после потерь в Чечне и посчитают его неспособным на повторение подобных действий ни по военным, ни по политическим соображениям. Они поведут дело если и не к реальному отделению, то к полному контролю на своей территории, включая игнорирование федерального законодательства, контроль за региональными силовыми структурами и т.п. Формально оставаясь в составе России, значительная ее часть будет выведена из-под контроля федеральных органов власти.

Незадолго до выборов Кремль поймет, что утратил контроль за ситуацией и не способен обеспечить желаемые результаты. В итоге он вынужден будет либо идти на президентские выборы и соглашаться на заведомое поражение, либо отменять их неконституционным путем. В первом случае выборы пройдут в условиях сепаратизма и угрозы военных конфликтов, и наибольшие шансы на победу будут иметь сторонники «порядка» и «единства России» любой ценой, и мы получим крайне националистический репрессивный режим. Во втором случае мы получим открыто авторитарный режим, неспособный бороться с сепаратизмом и анархией. В обоих случаях это грозит международной изоляцией, и об экономических реформах придется надолго забыть.

* * *

Из двух разобранных сценариев первый представляется более предпочтительным, но менее вероятным. Б.Н. Ельцин оказался не способен консолидировать власть и ликвидировать сепаратизм ни после августа 1991-го, когда его поддерживало почти все общество, ни после октября 1993-го, когда его власть была практически неограниченной. Даже реальная угроза собственной власти не заставила президента после октябрьских событий в Москве, когда он за восемь часов еле-еле набрал полторы тысячи верных бойцов из 2 миллионов, числящихся на бумаге, навести порядок в армии. Что же заставит его действовать сегодня? Может быть, понимание того, что это последний шанс?

Ставрополье: пограничный край внутри России[1]

Ставрополье сегодня называют пограничным краем. Издалека, из Москвы понять это трудно. Как же так, ведь формальная граница России, не говоря уже о реально охраняемой границе СНГ, проходит в сотнях километров отсюда? И все же, когда видишь вооруженные милицейские посты на дорогах, семьи беженцев, устремившихся сюда с Кавказа, бравых казаков, грозящих выселять беженцев за пределы края, хорошо понимаешь, что благодаря играм политиков за последние несколько лет реальная граница государства Российского вернулась в места, где она проходила более двух столетий назад, сведя на нет результаты побед великих русских полководцев, жертвы и потери поколений наших соотечественников.

Именно тогда, в 1777 г., здесь, по приказу фаворита императрицы Екатерины II князя Г.А. Потемкина в числе десяти казачьих крепостей азово-моздокской сторожевой линии был построен небольшой форт, получивший красивое греческое название Ставрополь, что означает «город креста». Название это было дано неспроста: славяне издревле населяли эти места, свидетельство тому – древние каменные кресты, которые находят здесь археологи. Древнейший из них, выдолбленный из каменного монолита в XI в., – гордость местного краеведческого музея.

Ставрополь жил спокойной и размеренной жизнью провинциального российского города. С 1847 г. он стал центром вновь образованной Ставропольской губернии, в Гражданскую войну здесь короткое время находилась ставка А.И. Деникина, с лета 1942 по январь 1943 г. город был оккупирован немцами. В послевоенное время Ставрополье кроме хлебной житницы России превратилось в кузницу высших коммунистических кадров. Местные руководители умело пользовались тем, что в состав края входят знаменитые северокавказские курорты: Минеральные Воды, Пятигорск, Ессентуки, Железноводск. Здесь любили отдыхать уставшие от строительства социализма московские партийные бонзы, а местное начальство, хорошо организовав их отдых, получало шанс продвижения наверх. Наиболее известные партийцы, вышедшие из этого аграрного края: Ф.Д. Кулаков

[1] Написано в 1994 г.

и М.С. Горбачев, оба затем руководившие советским сельским хозяйством.

О правлении М.С. Горбачева, который был здесь первым секретарем крайкома восемь лет с 1970 по 1978 г., в целом вспоминают хорошо. Даже нынешние «демократы», многие из которых, кстати, после провала августовского путча 1991 г. получили посты в администрации края, признают, что их коммунистические предшественники были здесь неплохими хозяевами, по крайней мере лучше, чем во многих других местах. Результаты их усилий видны и сейчас: Ставрополь выгодно отличается от многих провинциальных российских городов: он полон зелени, улицы довольно чисты, большинство зданий в сравнительно неплохом состоянии, на городских и междугородних линиях бегают современные «Икарусы», которые редко можно встретить в российской провинции.

Однако коммунистическая власть была не только хозяйственна, но и крепка. Когда ставрополец М.С. Горбачев заговорил в Москве о гласности и некоторые наивные люди на его родине решили последовать его призывам, они быстро получили отпор. «На родине Михаила Сергеевича перестройка уже закончена» – такова была официальная установка местных властей. И когда уже в декабре 1987 г. заместитель главного редактора партийного официоза «Ставропольской правды» В.А. Красуля неожиданно опубликовал статью «Мы родились, чтобы быть свободными», где выступил за кооперативы, гласность и истинный ленинизм, он был снят с работы и исключен из партии. Однако атмосфера в стране уже изменилась: преследования привели к тому, что бывший партийный журналист превратился в самого популярного политика на Ставрополье, своеобразного ставропольского Б.Н. Ельцина. Он организовал Ставропольский народный фронт, члены которого занимались митингами и распространением уже давно известной в Москве литературы, подвергаясь репрессиям и административным арестам, боролись с коммунистической властью вплоть до ее исчезновения в 1991.

Сегодня Василий Александрович – заместитель главы администрации, отвечающий за самые важные и неблагодарные вопросы: социальную сферу, медицину, образование. Он, как и демократы в целом, заметно растерял популярность: такова цена перехода из оппозиции во власть. Недовольные в Ставрополе, а таких большинство, во всем винят демократов, не справившихся с управлением. Около 40% избирателей трехмиллионного Ставрополья отдали в прошлом декабре свои голоса партии В.В. Жириновского.

Кое-чего «демократы» все же добились. Свобода слова и информации в Ставрополе поражает. Свежие центральные газеты, которые редко увидишь в большинстве региональных центров России, поступают в городские киоски каждый день. Пожалуй, свобода эта даже чрезмерна: наряду с официальными «Ставропольской правдой», «Вечерним Ставрополем», независимыми «Ведомостями» и бульварным «Флиртом» на прилавках можно встретить газеты с интервью лидера фашистов А.П. Баркашова, антисемитский «Русский Вестник». Желающие проследить ход интереснейшей полемики о ревизионизме и путях развития современного ленинизма, могут свободно приобрести постоянно критикующие друг друга газеты «Родина» Ставропольской краевой организации националистической КПРФ и орган местной организации сталинистской Коммунистической партии большевиков «Большевик Ставрополья».

Вина за то, что слово «демократ» здесь, как и повсюду в стране, превратилось в ругательство, во многом лежит на центральных властях. Многочисленные военные конфликты на Кавказе привели к потоку беженцев самых разных национальностей, многие из которых оседают в крае. Сегодня здесь около 60 тысяч только официально зарегистрированных «вынужденных переселенцев». Число же «нелегальных эмигрантов» никому не известно, ведь реально границ не существует даже со странами СНГ. Усиливается преступность, с которой не могут справиться власти. Само присутствие, да и поведение некоторых из новых жителей края раздражает коренных ставропольцев. На этих чувствах спекулируют крайние националисты, типа баркашовцев, приобретающих все большее влияние в казачьем движении.

В крае создано несколько ассоциаций беженцев и национальных землячеств, которые хотели бы решать создавшиеся проблемы вместе с местным населением и властями. Правительство в Москве выпускает множество документов о помощи беженцам, в некоторых из них даже указываются суммы выплат, которые они могут получить, а также права, которыми пользуются люди, получившие официальный статус «беженца» или «вынужденного переселенца». Однако деньги эти на практике не выделяются, что вызывает серьезные конфликты.

Похоже, что хитроумная тактика «пообещать, но не дать» стала главным методом региональной политики российских властей. Этот метод, вероятно предназначенный для достижения двух взаимоисключающих целей одновременно: понравиться населению и сократить бюджет, на практике вызывает обратный эффект: ненависть. Так случилось и с выплатами репрессированным народам, повышением

пенсий, часть которой вообще отобрали обратно, выплатами беженцам, да и просто выплатами заработной платы.

А ведь беженцы – это вовсе не всегда обуза. Вместе с председателем краевого Комитета по межнациональным отношениям, также бывшим народнофронтовцем С.И. Поповым мне удалось побывать на интереснейшем заседании общества, объединяющего русскоязычных беженцев из Чечни. Страшные последствия распада СССР предстали передо мной в лицах. В небольшой комнате, которую общество арендует у почтового отделения, собрались бывшие хозяева советской жизни: заведующие отделами и секторами обкома КПСС Чечено-Ингушетии, сотрудники советских органов, отставные военные в звании не ниже полковника, директора крупных предприятий, еще недавно руководившие многотысячными коллективами. Эти люди, имевшие хорошие квартиры, дачи, служебные автомобили, приехали сюда, бросив все, иногда под дулами автоматов, иногда не выдержав угроз себе и своим семьям. Сегодня им приходится выпрашивать у государства то, что оно обязалось им дать, но не дает. Единственная вина их состояла в том, что были они не чеченцами, а русскими, армянами, азербайджанцами.

Глядя на этих людей, мне думалось о коварстве судьбы. Окажись их последним местом работы не Грозный, а любой другой российский город, они сегодня могли бы быть главами администраций или даже президентами и премьерами, каких немало развелось теперь в бывших автономиях и многие из которых – их бывшие коллеги по партноменклатуре, которым повезло больше. Но судьба сыграла с ними злую шутку, и вот они сегодня собрались здесь, чтобы разговаривать с новыми чиновниками уже как простые и даже бедствующие люди. А ведь люди эти имеют богатый опыт организаторской работы, они уже организовали несколько фирм и одними налогами принесли бюджету края миллионы рублей. Почему бы центру не выполнить свои обещания и не помочь нашим соотечественникам? Ответ один: нет денег. Это бросает людей в крайности. Один из присутствующих горячо говорил, что будет первым стрелять по чеченцам, если их отряды придут в край. Беженцы других национальностей, например те же чеченцы, которые бегут сюда, спасаясь от межклановых боев, недавно вспыхнувших с новой силой, тоже принимают меры к самообороне.

Это не случайно. Уже было несколько случаев насильственного выселения беженцев казаками за пределы края. Местные власти закрывают на это глаза, а многие жители молчаливо одобряют действия казаков. Президент, подписав указ о казачестве и чего только не на-

обещав казакам тогда, когда ему нужна была их поддержка в борьбе с парламентом, теперь, кажется, совершенно забыл об этой проблеме. Колхозно-совхозное лобби, имеющее абсолютную власть в крае, не отдает казакам земли, что могло бы заставить их заняться хозяйством. Не решен и вопрос реабилитации казачества как репрессированного народа, медленно идет формирование специальных воинских подразделений, которое бы поставило казаков под командование армейских командиров. В результате в казачестве начинают преобладать безответственные и даже уголовные элементы и все большую популярность приобретают лидеры, типа А.П. Баркашова или А.Н. Стерлигова. На прошедшем недавно в Невинномысске большом круге Ставропольского союза казаков лидер «Русского национального собора» А.Н. Стерлигов заявил, что в случае объединения казаков и национал-патриотов «нам никто не будет страшен» и был встречен криками «Любо!».

О неспособности властей обеспечивать законность говорит недавняя история с задержанием нескольких казаков за участие в драке, во время которой пострадал один из работников краевой администрации. Прокуратура выдала санкцию на арест подозреваемых. Казаки собрали около пятисот человек и двинулись колонной на Ставрополь спасать «своих». Власти вызвали ОМОН. В результате столкновения один казак был ранен. Казаки пригрозили начать штурм здания администрации. Губернатор края Е.С. Кузнецов был в это время с Б.Н. Ельциным в Германии, вероятно решая более важные вопросы. Никто из оставшихся в крае руководителей не решился взять на себя ответственность, и подозреваемые были выпущены на поруки.

Этот случай еще раз показал, у кого настоящая власть. Паралич власти приводит к диктатуре. Эта банальная истина подкрепляется в российской провинции множеством примеров. Центр не интересуется региональной жизнью на местах и только вспоминает о регионах перед выборами, обещая море благ и ничего не давая, когда выборы проходят. У Москвы нет никакой политики ни в отношении казаков, ни в отношении беженцев, ни в отношении Чечни или Ингушетии. Местные власти, не зная, что решат в Москве, естественно, сами опасаются принимать решения. Именно поэтому на любых выборах ставропольцы, как и многие россияне, которые на себе испытывают результаты московской волевой импотенции, проголосуют за тех, кто обещает скорый порядок и быстрое решение всех проблем.

Ставрополь–Москва

Псковская область: граница без замка и ворот[1]

— А где здесь граница? — спросил я у знакомого фермера, «владения» которого составляют несколько гектаров земли на самом краю Российского государства.

— Да вон там, видишь тот лесок, — махнул он неопределенно рукой. — Немного вглубь пройдешь, примерно там и граница.

— А пограничники тут есть? — интересуюсь я.

— Да ходят иногда... Перейти границу с нашей стороны — пустяк. Эстонские пограничники, а они в основном по национальности русские, из Нарвы, построже. Если поймают, отправят на отработки, месяца на два-три. Но люди ходят...

После признания независимости Эстонии в 1991 г. балтийская республика долго пользовалась тем, что реальной границы с Россией фактически не существует, получая доходы от транзита контрабандных товаров. Российские власти раскачивались долго, но наконец несколько месяцев назад президент принял-таки решение об односторонней демаркации границы. Видимых следов этого решения в Печорском районе мною обнаружено не было.

Впрочем, это неточно. Кое-где по линии административной границы между двумя советскими республиками, которую Россия признает ныне границей государственной, были врыты пограничные столбы старого, советского образца (видимо, других не нашлось). Да и эта линия не везде была соблюдена. Например, административная граница проходила по озеру Бобровское, но столбы почему-то врыли вдоль ближайшего берега (говорят, не захотели возиться с обозначением границы по воде), отдав все озеро Эстонии. Теперь местным жителям, которые всю жизнь ходят на озеро, нельзя ни искупаться, ни рыбу поудить.

Но, может быть, граница и не нужна? Почему, если во всей Европе понятие границы приобретает все более символическое значение, мы должны тратить огромные деньги на оборудование новых границ? Вероятно, все зависит от соседа. Никто и не подумает рыть

[1] Впервые опубликовано в «Новой ежедневной газете» (1994. 15 октября. № 197 (271). С. 1–2).

укрепления и ставить заграждения на границе, скажем, с Белоруссией, с которой у России нет никаких споров. Нет у нас особых пограничных проблем и с Латвией (с ней, так же как и с Эстонией, граничит Псковская область). Но Эстония – одно из немногих в Европе государств, которое официально претендует на часть территории другого государства. Эта часть – Печорский район Псковской области. И России приходится делать что-то, чтобы требования Эстонии не переросли в практические действия. Впрочем, делается это нашим правительством ни шатко ни валко.

Печорский район – святая святых Русской земли. Достаточно сказать, что здесь находятся один из древнейших русских городов Изборск и один из важнейших центров православия в России – Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Хранящиеся в монастыре чудотворные иконы, а также знаменитые пещеры, в которых покоятся останки более десяти тысяч защитников крепости и иноков, влекут к себе паломников со всей России.

Отдать такие места Эстонии было бы чересчур даже для нынешних российских лидеров, которые еще недавно были готовы снять с себя последнюю рубашку, чтобы их пустили потоптаться в прихожей «общеевропейского дома». Поэтому и говорят они сегодня о том, что граница с Эстонией будет. Говорят, но делают мало. Тем временем на пограничном вопросе спекулируют всякие проходимцы. Недавно, например, на самой границе купили несколько домов так называемые псковские казаки. У любого, кто хоть немного знаком с историей, само словосочетание «псковский казак» вызывает смех. Ведь казаков в этих местах никогда не было. Тем не менее несколько развалюх, которые скупили «казаки», и земля вокруг них гордо названы станицей Ольгинской – в честь княгини Ольги, по традиции считающейся основательницей Пскова.

Кто же такие псковские казаки? Ни одной живой души в «станице» мне обнаружить не удалось. По рассказам местных жителей, казаки в основном пьянствуют, устраивают стрельбы и дерутся. Весь инвентарь, включая трактор, уже давно валяется в Ольгинской под открытым небом. Видимо, «казаки» забросили или так и не занялись ведением хозяйства, чем славилось истинное казачество. Официальная цель переселения «казаков» ближе к границе – укрепить малозаселенные спорные районы и взять охрану границы в свои руки. На самом же деле «станица» больше всего похожа на базу боевиков или уголовную малину. Ходят слухи, что среди казаков – участники приднестровского конфликта, обороны Белого дома в октябре прошлого

года, кавказских конфликтов. Но все это – лишь слухи. В реальности же «казаков» постоянно арестовывают за уголовщину. Последними недавно арестовали «казачью» пару по подозрению в убийстве собственного ребенка.

Похоже, что при попустительстве властей из уголовников, бомжей и профессиональных «патриотов» в России складывается и растет каста вооруженных боевиков, готовых под шовинистическими лозунгами или просто так участвовать в любом вооруженном конфликте, в том числе и против самих властей. Станица Ольгинская – лишь часть целой сети этого «движения».

Нормальному человеку ясно, что государственная власть должна сама обеспечивать охрану границ и не отдавать эту функцию в руки любителей острых ощущений. Однако нынешние власти демонстрируют, что они вряд ли на это способны. Чего только стоит обращение нашей дипломатии с вопросом о российско-эстонской границе, да и вообще весь подход к отношениям с Эстонией. Российское руководство явно не смогло обеспечить выполнение Эстонией российско-эстонского договора 1991 г., в котором Таллин обязался дать равные права всем жителям Эстонии. Несмотря на это, Москва продолжала выполнять все свои обязательства, даже и после официального выдвижения Эстонией территориальных претензий. В частности, из Эстонии исправно выводились российские войска, даже несмотря на то, что выводить их было некуда. И лишь когда осталось вывести тысячи две, что уже не имело существенного значения, в Кремле вспомнили о российском величии и решили топнуть ногой и прекратить вывод, чтобы хотя бы обеспечить права нескольких тысяч пенсионеров (о сотнях тысяч лишенных гражданских прав простых русскоязычных жителей Эстонии уже не вспоминали). Однако Запад нахмурился, и наш президент сразу подписал соглашение с президентом Эстонии. Эстония соглашалась на российские требования с одним небольшим условием, о котором не любят говорить российские дипломаты. Эстония оставила за собой право определять, кто из военных пенсионеров представляет угрозу для ее безопасности и на этом основании может быть исключен из списка. Фактически это сводит на нет все соглашение, так как исключен может быть любой. Ведь лидеры Эстонии уже много раз давали понять, что безопасности Эстонии угрожает само пребывание на ее территории лиц с неэстонскими фамилиями.

В территориальном вопросе Эстония тоже стоит насмерть, утверждая, что ее территория должна определяться Тартуским догово-

ром. В позиции же России есть противоречие: с одной стороны, она признает договоры Советского Союза, то есть вроде бы и Тартуский, так как Россия является правопреемницей СССР. С другой стороны, она считает государственными административные границы СССР. Наш МИД блуждает между двумя этими принципами.

А ведь в пограничном вопросе с Эстонией столь много творческих вариантов. Побольше выдумки, господа! Например, как может Эстония признать договор с узурпаторским правительством В.И. Ленина, пришедшим к власти путем незаконного государственного переворота (или в Таллине хотят с этим поспорить?). Не лучше ли России в таком случае законными считать, например, границы Эстляндии в рамках законной Российской империи и вести переговоры о них?

Коренным же решением вопроса был бы официальный отказ России от признания законными административных границ между республиками СССР. Это не нарушило бы международные обязательства России и СССР, так как по Хельсинкскому соглашению, например, все страны Европы, США и Канада признали существовавшие тогда межгосударственные границы в Европе нерушимыми и никакой речи о границах между республиками не шло.

Эстонское требование не признавать административных границ СССР нам на руку. С ним нужно согласиться и предложить принцип проведения референдума на спорных территориях, включив в них не только Печорский район, но и районы Нарвы и Кохтла-Ярве. Это было бы истинно демократическим решением вопроса и помогло бы нам в решении спорных вопросов с другими республиками. Одно выдвижение таких встречных предложений могло бы охладить пыл таллинских националистов.

В свою пользу можно было бы обратить и проблему народности сету, которую Таллин сегодня активно использует в пропагандистских целях, называя сету «порабощенным народом». Сету – небольшая народность, исповедующая православие и говорящая на языке близком к эстонскому. В Эстонии их называют православными эстонцами. Тем не менее сами сету считают себя отдельным народом, говорящим на сету-языке. Язык сету действительно отличен от эстонского и даже имеет несколько букв, которых нет в эстонском алфавите.

Вопрос о том, когда одна народность отделяется от другой и что здесь служит причиной, довольно сложен. Швейцарцы говорят на трех разных языках, но считают себя одним народом. Немцы и австрийцы говорят на одном языке, но считают себя разными народами. Сербы, боснийцы и хорваты говорят на одном языке и отличают-

ся только религией, но это не мешает им убивать друг друга. Турки называют болгарских мусульман турками, а болгары – омусульманенными болгарами.

Сету – всего несколько тысяч человек, из них в Печорском районе – около 800, остальные в Эстонии. Как водится, организация эстонских сету занимает проэстонские позиции, а российских – пророссийские. Однако в действительности сету если и хотят жить в Эстонии, то только из-за более высокого уровня жизни, а также потому, что по эстонским законам им возвращают собственность, отобранную в 1940 г. коммунистами. Но для многих материальное благосостояние – не главный вопрос. В Эстонии дети сету, считающиеся эстонцами, идут в эстонские школы и быстро ассимилируются, теряя обычаи, традиции и собственный язык. В Пскове многие считают, что если бы российское правительство выделило средства на организацию школы на языке сету, на поддержку уникальной культуры сету, предоставило бы для этого народа какие-то экономические льготы (а много ли надо для 800 человек?), многие сету переселились бы из Эстонии в Печорский край, интереснейшая народность была бы спасена от ассимиляции, а из рук Таллина был бы выбит последний пропагандистский козырь. Говорят, договоренность о выделении денег на школу была достигнута с С.М. Шахраем, но он был снят с поста министра по делам национальностей, и все дело забылось.

Итог неутешителен: как и повсюду, демократические московские власти, занятые крупными политическими дрязгами, пустили на российско-эстонской границе дело государственного строительства на самотек. Как и везде, полное безразличие первых двух лет «демократии» в последнее время сменили редкие приступы показного «патриотизма» и имитации активности, за которыми, в сущности, не стоит четкой, продуманной политики. Это приводит к серьезным проигрышам на международной арене и к заполнению политического вакуума более последовательными «патриотами» уголовно-фашистского типа.

Псков–Печоры–Москва

Проблемы Прибалтики могут стать причиной серьезного осложнения отношений между Россией и США[1]

Причиной, пожалуй, наиболее серьезных за время после распада СССР и прихода в России к власти некоммунистического руководства разногласий между Москвой и Вашингтоном в последние две недели июля стали проблемы, связанные с отношениями России с государствами Прибалтики. Стержень этих проблем – отказ России вывести свои войска из Эстонии и Латвии к 31 августа 1994 г. Этот срок был ранее установлен самой Россией при условии заключения соответствующих соглашений с Прибалтийскими государствами.

Россия увязывает проблему вывода войск с политикой правительств Эстонии и Латвии в отношении русскоязычных меньшинств. Еще 21 июня Латвийский сейм, несмотря на критику не только из Москвы, но и из столиц стран государств Западной Европы, принял в третьем чтении закон о гражданстве, согласно которому подавляющее большинство из 740 тысяч неграждан страны (это около трети всего населения) никогда не смогут получить ее гражданства. Это, прежде всего, русские и бывшие жители других республик СССР, прибывшие сюда после присоединения республик Прибалтики к СССР в 1940 г. в соответствии с пактом Молотова–Риббентропа. В законе, который, по мнению многих в Москве, создает в Латвии режим апартеида, гражданство рассматривается не как естественное право проживающих в стране, а как привилегия, предоставляемая прежде всего определенным национальным группам. Лицам, принадлежащим к льготным группам, гражданство предоставляется без особых препятствий, хотя и они все равно должны писать соответствующее ходатайство. К ним отнесены латыши и ливы (близкая к латышам небольшая национальная группа), включая репатриантов; литовцы и эстонцы, проживающие в Латвии; лица, принудительно привезенные в Латвию в период Второй мировой войны; те, кто в свое время окончил школу на латышском языке; супруги граждан, прожившие в браке десять лет, а непосредственно в Латвии – не менее пяти лет; лица, особо отличившиеся перед Латвийским государством. Во вто-

[1] Написано в июле 1994 г. для газеты «Чжунго шибао».

рую категорию вошли те, кто родился в Латвии. Они могут получить гражданство, но только через несколько лет и после прохождения через так называемый «механизм интеграции». От ходатая требуется сдать экзамен на знание латышского языка и пройти проверку на знание конституции и истории страны. При этом на экзамене по языку претендент на гражданство должен не только продемонстрировать, что он свободно владеет бытовым языком, понимает и пересказывает любые тексты (вплоть до официальных документов), но и написать сочинение на латышском языке.

Все остальные проживающие на территории республики могут подать заявление лишь после 2000 г. При этом была установлена система квот, в соответствии с которой ежегодно заявления должны были приниматься не более чем от 0,1% от естественного прироста граждан в предыдущем году.

Такая система явно противоречила не только российско-латвийским договоренностям, но и всем международным обязательствам Латвии в области соблюдения прав человека. Эксперты Совета Европы, например, присутствовавшие на дебатах по проекту закона, дали следующие рекомендации:

1. отказаться от введения квот;
2. отказаться от этнического принципа в подходе к привилегированным группам;
3. смягчить требования по знанию государственного языка.

Руководитель миссии СБСЕ в Латвии Х. Гамильтон подчеркнул, что принятие данного закона «создает в Латвии серьезные проблемы в отношениях с европейскими организациями». Тем не менее закон был принят, и только после того, как президент Латвии Г. Улманис под давлением Западной Европы наложил на него вето, парламент вынужден был изменить некоторые его положения, хотя основные пункты остались в прежнем виде.

В отличие от Латвии, с которой Россия все же подписала договор о выводе войск, соседняя Эстония отказывается гарантировать права нескольких сотен российских военных пенсионеров, и соглашение по выводу войск вообще не может быть заключено. Россия уже вывела войска из Литвы до заключения договора, исходя из того, что Литва предоставила гражданство всем проживающим на ее территории. Не было с этой самой крупной прибалтийской страной вроде бы и других проблем. Однако они появились позже. Прежде всего, они связаны с отказом Литвы разрешить транзит российских военных грузов через

свою территорию в Калининградскую область (бывшую германскую Восточную Пруссию, присоединенную к СССР по Ялтинскому соглашению после Второй мировой войны), отделенную литовской территорией от других частей России. Россия не хочет повторять эту ошибку и пытается договориться с Эстонией обо всем заранее.

Осложняют российско-эстонские отношения и абсурдные претензии Эстонии на часть российской территории. Эстония требует считать границей не линию административной границы между бывшей Эстонской ССР и РСФСР, как она проходила перед распадом СССР, а линию, установленную так называемым Юрьевским (Тартуским) договором 1920 г. между Эстонией и правительством В.И. Ленина. По этому договору Эстония получила независимость, которую сохраняла 20 лет. С точки зрения Москвы, это требование представляется вдвойне опасным. В случае его удовлетворения Эстония получила бы около 2 тыс. кв. км, входящих в настоящее время в Псковскую и Ленинградскую области России и полностью населенных русскими, которые крайне обеспокоены такой перспективой и даже высказываются за вооруженное сопротивление. Но еще более опасно то, что прецедент пересмотра принципа раздела СССР по административным границам между его бывшими республиками стал бы сигналом к выдвижению территориальных претензий большинства из этих республик друг к другу. В таком случае с гораздо большими основаниями, чем Эстония на указанные территории, Россия могла бы претендовать на Крым, который отошел к Украине в 50-х гг., Белоруссия – на столицу Литвы Вильнюс, Украина – на часть Молдавии, и подобным спорам не было бы конца. В результате перекройка границ превратила бы СНГ в огромную Югославию.

В связи с отказом Эстонии признавать существующую границу президент Б.Н. Ельцин распорядился временно, до подписания двустороннего договора обозначить и оборудовать границу в одностороннем порядке. Он также несколько раз заявлял о возможности приостановить вывод войск из Эстонии до подписания соответствующего договора.

Интересно, что если страны Западной Европы высказывают некоторое понимание позиции России и, хотя и довольно мягко, но все же критикуют нарушения прав человека в Эстонии и Латвии, то политика Вашингтона в этом вопросе больше руководствуется внутриполитическими интересами. Во время торжественно обставленного визита президента У. Клинтона в столицу Латвии Ригу, где он встретился с руководителями всех трех прибалтийских государств, американский

лидер не сказал ни слова критики в адрес, например, уже принятого закона Латвии о гражданстве. Выступая на центральной площади Риги у величественной статуи Свободы, чудом пережившей период советского правления, американский президент говорил лишь о свободе трех прибалтийских государств. Он лишь мягко намекнул, что не стоит «никогда отказывать другим в справедливости и равенстве, за которые вы с таким трудом боролись и которые вы получили для себя». Он заявил также, что «мы будем праздновать вместе с вами, когда последние иностранные войска исчезнут из ваших родных стран»[2].

В Эстонии и Латвии явно восприняли этот визит как свидетельство того, что Вашингтон если и не одобрит их дискриминационную политику, то, во всяком случае, из собственных интересов закроет на нее глаза. И не без оснований.

13 июля Сенат США принял поправку к законопроекту о помощи иностранным государствам, которая содержит требование о выводе российских войск из стран Прибалтики к 31 августа. Как вытекает из этой поправки, Россия сможет получить свою долю из предоставленной США республикам бывшего СССР помощи в размере 839 млн долл. только в случае выполнения этого требования. Поскольку ранее Россия вывела свои войска из Литвы и подписала соответствующее соглашение с Латвией, то это решение Сената фактически касается только вывода российских войск из Эстонии.

Заместитель госсекретаря США С. Тэлботт, отвечающий за политику в отношении стран бывшего СССР, в интервью компании CNN выразил надежду, что это произойдет в интересах России, Эстонии и всего мира. Он указал, что не только Сенат, но и администрация Белого дома придает большое значение выводу всех российских войск из Прибалтики к 31 августа, и в этой связи отметил, что США относятся к этому чрезвычайно серьезно и рассматривают вывод как своеобразную пробу в американо-российских отношениях в целом.

Решение Сената США вызвало весьма резкие оценки в Москве. 15 июля с его резкой критикой выступил министр иностранных дел А.В. Козырев. «Поражает то, что американские сенаторы, которые обычно так гордятся своим интересом к защите прав человека, в данном случае игнорируют именно этот аспект», – заявил он.

В тот же день нижняя палата российского парламента большинством голосов утвердила заявление спикера И.П. Рыбкина, в ко-

[2] *Clinton W.J.* Remarks to the People in Riga. https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/WCPD-1994-07-11/html/WCPD-1994-07-11-Pg1427.htm.

тором осуждается решение Сената США. Этот шаг американских законодателей оценивается как «подстрекательский» и направленный на подрыв усилий по налаживанию добрососедских отношений России и Эстонии.

Реагируя на ту же резолюцию Сената, заместитель министра иностранных дел В.И. Чуркин, который отвечает в МИДе за балтийское направление, пришел к выводу о том, что одна из причин демарша американцев в этом вопросе – давление сильного «прибалтийского лобби» при отсутствии в США лобби российского. Он также выразил опасение, что жесткая позиция американских сенаторов может вызвать у эстонцев «необоснованные надежды» на то, что путем давления на Россию при посредничестве третьих стран от нее можно будет добиться выгодных для Эстонии уступок.

Эти опасения подтвердились: состоявшиеся 19 июля переговоры между российскими и эстонскими представителями окончились безрезультатно из-за неуступчивости Эстонии в вопросе военных пенсионеров, которая, по некоторым данным, уже готова была на компромисс.

В результате угрозы Б.Н. Ельцина об остановке вывода войск, прозвучавшие еще во время недавней встречи лидеров ведущих стран Запада в Неаполе, куда российский президент был приглашен, были приведены в исполнение. По данным наблюдателей, последний загруженный эшелон с российским военным оборудованием пересек эстонско-российскую границу июля. Его решили не разгружать, так как это обошлось бы слишком дорого. Остальное оборудование было разгружено, а приблизительно двум тысячам оставшихся военных, большую часть которых составляют офицеры, было приказано оставаться на месте.

В руководящих кругах России чрезвычайно негативно воспринимают нежелание США понимать Россию, для которой чисто символическое количество остающихся в Эстонии военнослужащих – единственный рычаг давления на Таллин. По многим свидетельствам, президент Б.Н. Ельцин воспринял решение Сената как знак неуважения со стороны У. Клинтона, который, как говорят, обещал ему в Неаполе повлиять на Сенат и не связывать вывод войск с американской помощью России. Доверие между двумя президентами оказалось серьезно подорванным.

Кроме того, в Москве усиливаются обвинения Вашингтона в политике двойных стандартов. Многие считают, что в то время, как под предлогом защиты своих граждан и защиты законности и прав чело-

века сами США собираются ввести войска на Гаити, те же проблемы на границах России вызывают у них обратную реакцию. Как следствие, в Москве усиливаются позиции тех, кто считает, что в мире господствуют не универсальные принципы, а эгоистические интересы государств и что России стоит учиться у США такой эгоистической политике, а не слепо поддерживать все начинания Вашингтона.

Если Россия не выведет войска из Эстонии и Латвии до 31 августа, это может послужить причиной прекращения помощи США и острой реакции со стороны Вашингтона. Это будет способствовать окончательному поражению сторонников проамериканской ориентации в российском руководстве. В результате политика Прибалтийских государств и позиция США в этом вопросе могут стать причиной первого серьезного конфликта между Москвой и Вашингтоном после 1991 г.

Итальянские криминологи предупреждают: Россия может стать второй Сицилией[1]

Слово «мафия» повторяется сегодня в России, возможно, чаще любого другого, особенно в связи с нынешним разгулом преступности. Мафию ругают, с мафией борются, мафия захватывает власть... Но мало кто из журналистов или ученых, пишущих о мафии, серьезно пытался объяснить суть этого явления.

В книге известного журналиста А.И. Ваксберга «Советская мафия» (опубликованной за границей на английском языке) мафией названа советская система власти в целом, все ее идеологические, политические, экономические и административные проявления[2].

Профессионалы из правоохранительных органов определяют мафию более узко. Ее характерными особенностями обычно считают проникновение организованной преступности в органы власти и управления, использование коррупции среди государственных чиновников для привлечения к участию в деятельности преступных групп, монополизацию и расширение сфер преступной деятельности для извлечения максимального дохода и поддержания максимальной защищенности высших эшелонов преступных организаций от наказания.

Все эти признаки действительно характерны для мафии, однако в профессиональных определениях нет главного – они не указывают на причины возникновения этого явления, что, конечно, ослабляет возможности борьбы с ним.

Современные социологи считают, что мафия – это не просто группа преступников, коррупционеров или даже организованная преступная банда. Основа деятельности мафии – организация «неформальной», то есть частной, защиты продавца или покупателя на рынке. Изданная в прошлом году книга известного итальянского исследователя Диего Гамбетты так и называется: «Сицилийская мафия. Бизнес частной защиты»[3]. Что же такое частная защита? Д. Гамбетта, проделавший огромную работу по изучению исторических источни-

[1] Впервые опубликовано в «Новой ежедневной газете» (1994. 1 июля. № 121 (195)).

[2] *Vaksberg A.* The Soviet Mafia. New York: St. Martin's Press. 1991.

[3] *Gambetta D.* The Sicilian mafia. The Business of Private Protection. Harvard University Press, 1993.

ков, но главное – на основе личных бесед с членами сицилийских «семей», иллюстрирует это словами простого крестьянина-скотовода из Палермо. «Когда ко мне приходит мясник, чтобы купить корову, он знает, что я его хочу надуть. Но я знаю, что он хочет надуть меня. Поэтому нам нужен, скажем, Пеппе (то есть третья сторона), который добьется того, чтобы мы договорились. И мы оба платим Пеппе процент от сделки», – объяснил крестьянин[4].

В условиях неопределенности рынка, когда каждый хочет нажиться за счет другого, и продавец, и покупатель согласны платить определенную сумму тому, кто даст им некоторые гарантии, скажем, качества товара, того, что продавец не скроется, взяв деньги, а покупатель не сбежит с товаром, не заплатив. Естественно, такой гарант должен быть достаточно силен, чтобы в случае чего наложить санкции, наказать виновного. Отсутствие такого гаранта может стоить торговцам дороже, чем плата за их услуги. Неаполитанский извозчик говорил в 1863 г.: «Я погиб. Я купил дохлую лошадь, которая не знает, куда идет, хочет идти только по той дороге, которая ей нравится, спотыкается и падает, когда идет под гору, боится фейерверков и колокольного звона, а вчера она врезалась в стадо овец, которое загораживало путь. Камориста (неаполитанское название мафиози), который защищает меня и контролирует рынок лошадей, мог бы спасти меня от этого преступления. Он проверял сделки и получал свою долю и от покупателя, и от продавца. В прошлом году мне нужно было избавиться от слепой лошади, и он помог мне продать ее как здоровую, так как он защищал меня. Теперь он в тюрьме, и без него меня заставили купить плохую лошадь. Он был по-настоящему почтенный человек»[5].

Из этих жалоб хорошо видно, что мафия – это не просто бандиты. У нее есть вполне определенные социальные функции, а это значит, что она будет существовать до тех пор, пока будут существовать потребности в этих функциях. Легко заметить, что функции эти – защита покупателя и продавца, гарантия справедливости сделки и качества товара, а в более широком плане – защита частной собственности и правопорядка – прерогатива государства. Отсюда видны два основных условия возникновения мафии как альтернативной государственной, то есть частной системы защиты интересов

[4] *Gambetta D.* The Sicilian mafia. The Business of Private Protection. Harvard University Press, 1993. P. 15.

[5] Ibid. P. 18–19.

сторон на рынке, – во-первых, наличие самого рынка, то есть частной собственности в крупных масштабах (частной собственности на предприятия, землю, другие виды недвижимости), а во-вторых, неспособность государства эффективно защищать правопорядок, собирать налоги и на эти средства охранять интересы граждан. Так, наш обманутый неаполитанский извозчик вместо мафиози мог бы обратиться в полицию, но он знал, что полиция не станет заниматься таким делом, никого искать не будет, а если и будет, то не найдет. Поэтому, если ему нужно будет наказать обманувшего его торговца, он обратится к мафиози.

По мнению исследователей мафии, в условиях рыночных реформ и значительного развития частной собственности государство вступает в конкуренцию с мафией, предлагая один и тот же товар – защиту интересов продавцов и покупателей. Если деятельность мафиози более эффективна, государство проигрывает, и многие бизнесмены соглашаются платить «налог» рэкетиру за охрану своего «дела» с большей охотой, чем официальный налог неэффективному государству. Это ведет к проникновению мафии во все новые и новые общественные сферы.

Таким образом, возникновение мафии непосредственно связано с рыночными реформами и широкой приватизацией. Исследователи сицилийской мафии, например, связывают ее возникновение с процессом распада феодализма, главным результатом которого было превращение земли в частную собственность и начало частно-правового регулирования земельных отношений. В Сицилии мафия возникла с начала XIX в., когда в Южной Италии развилась торговля землей и значительные церковные и общественные земли продавались на аукционе в частные руки.

Однако рыночные реформы являются лишь условием возникновения мафии. Ведь феодальная собственность исчезла во всех странах Европы: Англии, Франции, Германии, – однако мафии там не возникло. Не возникло широкой мафии и в других областях Италии и даже в восточной части Сицилии. Она стала почти полностью контролировать жизнь лишь в западной части острова. Почему?

Дело в том, что наличие частной собственности – лишь условие возникновения мафии. Оно создает потребность в защите и организации рынка. Но эта потребность еще должна быть удовлетворена. Если переход к частной собственности происходит постепенно и государство оказывается способным удовлетворить эту потребность, то есть эффективно защищать частную собственность и интересы

граждан, мафии негде развернуться. Так произошло в большинстве других стран Европы.

Но даже если государство не справляется с этими обязанностями, для возникновения мафии должны найтись люди, которые составят основу ее боевых отрядов. Если переход к рынку происходит в условиях единого государства, то целого слоя воинственных, порой обученных военному делу людей, разочаровавшихся в жизни и потерявших прежнюю работу, просто не может найтись. Но они нашлись в Италии. В раздробленной феодальной стране было большое количество армий небольших государств и княжеств и даже частные армии отдельных землевладельцев. Централизация лишила многих из них работы, и они занялись оказанием услуг не одному хозяину, а многим и составили костяк мафиозных группировок. В Сицилии это были в основном так называемые брави, солдаты частных армий крупных землевладельцев, которые в процессе рыночных реформ и централизации государства потеряли работу и стали предлагать свои услуги всем желающим.

Потребность частных собственников в защите может быть удовлетворена не только мафией, но и другими организациями. В условиях неэффективности государства наиболее распространенной формой является частная армия, которую создает новый собственник. В отличие от отрядов мафии, которые обслуживают и в конечном итоге подчиняют себе нескольких собственников, такие армии подчиняются одному собственнику и охраняют его интересы. Именно сохранение частных армий брави в Восточной Сицилии, где бывшие землевладельцы более активно включились в рыночное хозяйство и сохранили свои земли, послужило причиной нераспространения влияния мафии на эти районы.

В сегодняшней России мы наблюдаем все необходимые условия для процветания мафии. На сходство ситуаций в современной России и Сицилии начала прошлого века указал и Д. Гамбетта. По мнению итальянского ученого, такое сходство не является случайным:

«С аналитической точки зрения для феодализма и социализма характерны некоторые общие характеристики. В обоих типах общества очень небольшое количество людей может обладать частной собственностью, а те, кто ею владеют, обладают также монополией на использование силы. Когда история этих обществ подошла к концу, результаты в отношении собственности были одинаковыми: произошло значительное увеличение количества владельцев собственности и количества сделок между теми, кто обладает правами собствен-

ности. Кроме того, монополия на использование силы не переходит к новому классу собственников. Результатом является значительный рост страха потерять собственность, быть обманутым и, соответственно, потребность в доверии...

Как мы знаем, эта потребность вовсе не автоматически удовлетворяется государством, особенно таким, законодательство и бюрократия которого неразрывно связаны со старым режимом. Через несколько лет после распада Советского Союза ясное законодательство о собственности, административный или финансовый кодексы все еще отсутствовали, не говоря уже о возможности властей обеспечить их соблюдение. Приспособление к новой ситуации занимает время. Пока же возможности для частных поставщиков стремительно выросли»[6].

Путь реформ, который был избран, создал самые благоприятные условия для развития мафии. Развал централизованного хозяйства и приватизация привели к созданию значительного количества собственников, в том числе предприятий, земли, другой недвижимости, благодаря чему возник огромный спрос на защиту собственников. Это еще не было страшно само по себе: в случае планомерного и постепенного проведения реформ, при сохранении единства правовой и правоохранительной систем государство могло само удовлетворить этот спрос. Но этого не произошло.

Раздел СССР, повлекший за собой распад армии, хаотический вывод войск из-за рубежа без обеспечения высвободившихся военнослужащих жильем и работой, «закалка» людей в региональных конфликтах, сокращения в системе госбезопасности, поток беженцев создали целую прослойку людей, привыкших к обращению с оружием и насилию и не имеющих работы, а иногда даже места жительства. Естественно, они предложили на рынке только то, что могли делать: сформировалась «кадровая» основа мафии. Пренебрежение к законам, война законов, борьба между различными ветвями власти за права на собственность, как это было, например, в Москве, где порой на одно здание претендовали несколько властей: районный совет, городской совет, мэрия и президент, – привели к полной законодательной неразберихе. В условиях, когда даже президент и парламент стали воевать друг с другом с применением оружия, естественно, что права на собственность мог часто обеспечить только тот, кто был способен предъявить решающий аргумент: ликвидировать кон-

[6] *Gambetta D.* The Sicilian mafia. The Business of Private Protection. Harvard University Press, 1993. P. 252–253.

курента или хотя бы сильно напугать его. В этих условиях мафия стала единственной реальной силой.

Согласно такому пониманию мафии, все, что существовало в СССР до перестройки, мафией в классическом смысле считать нельзя. Тогда не было основного условия ее существования – частной собственности, и все громкие дела того времени: «рыбное», «алмазное», «узбекское», так хорошо описанные в книге А.И. Ваксберга, – в строгом смысле не работа мафии, а случаи государственной коррупции. Все основные осужденные по этим делам были не никому не известными закулисными дельцами, контролировавшими экономику и даже политику, как это бывает в случае с мафией, а крупными чиновниками, дававшими и бравшими взятки.

Впрочем, в некоторых регионах страны, где государственная собственность практически трактовалась как частная, мафия существовала. Я сам в конце 70-х жил в Кахетии и хорошо знаю, что вся она была поделена на сферы влияния классической сельской мафией с войнами за территорию и оброком с формально государственных предприятий. Хозяином местности, где я жил, например, был ранее судимый человек, который формально получал пенсию по инвалидности в 60 рублей и нигде не работал. Он, естественно, имел самый большой дом в селе, несколько машин, и жители всегда обращались к нему за защитой, если чей-то сын попадал в тюрьму, дочь убегала из дому или происходили какие-то неприятности с властями. У него было несколько бойцов, милиция и местное начальство «уважали» его и прислушивались к его «советам». Все знали, что организация жила на сборы с местных предприятий, в том числе и государственных, однако в случае с госпредприятиями сбор осуществлялся с незаконной части дохода руководства, то есть фактически с частного дохода. «Я знаю, что директор завода украл в этом году 40 тысяч, – говорил мне мой знакомый, – а мне нужно купить машину или помочь человеку. Его сын, дурак, попал в тюрьму за то, что глушил рыбу динамитом в горной реке. Я приду к директору и попрошу дать тысяч 20. Он всегда даст на хорошее дело». «А если он не даст?» – спросил я нарочито наивно. «Такого никогда не было и быть не может», – сказал мой знакомый, добро улыбаясь.

Все же такие места были в СССР исключением. Правоохранительные органы в целом контролировали положение, и уровень репрессий не позволял появиться альтернативной власти. Кроме того, отсутствие крупной частной собственности не давало почвы для появления мафии.

С началом перестройки все изменилось. Уже первые кооперативы, появившиеся после выхода соответствующего закона, подвергались рэкету. Сегодня, по данным печати, деньги мафиози платят от 70 до 90% бизнесменов.

Мнения относительно криминализации общества различны. Мне приходилось слышать разные точки зрения, от призывов к расстрелу на месте до разговоров типа: «Пусть все делят, через пару поколений все станут степенными бизнесменами, и дела в стране наладятся». Сначала попытаемся опровергнуть последнее, кстати все еще распространенное среди многих «демократов» мнение о том, что мафия – неизбежное зло, сопутствующее приватизации, и она исчезнет сама собой. Как уже было сказано, рыночные реформы и приватизация сами по себе вовсе не всегда ведут к возникновению мафии. Только все компоненты политики так называемых реформ, взятые в целом, создали ей благоприятную почву в России. Кроме того, две основные черты мафии ведут к экономической стагнации и государственному распаду. К первой приводит монополизация, характерная для мафиозной экономики. Итальянский социолог Федерико Варезе, автор вышедшей в этом году статьи «Сицилия – будущее России? Частная защита и рост российской мафии», поясняет это на простом примере, основанном на рассказе двух московских девочек – мойщиц машин, опубликованном в «Московских новостях». Две девочки, Женя и Надя, моют окна машин, пока они стоят на светофоре. Они платят часть заработка парню, контролирующему некоторых мойщиков. Парень отгоняет воров и конкурентов и «договаривается» с милицией. Он не служит обществу и не делает мир более безопасным для всех предпринимателей. Он выбирает для защиты только некоторых и поддерживает их, отгоняя других, то есть за их счет. «Вид конкуренции, который развивается на рынке, контролируемом мафией, ущербен: продавцы конкурируют, не повышая качество или снижая цены, а покупая или развивая внутри своей структуры наиболее эффективные навыки насилия», – замечает итальянский ученый[7].

Этот вывод подтверждается не только российской практикой. Экономика, контролируемая мафией, как и всякая монополистическая экономика, не развивается. Многие указывают на засилье мафии как на одну из главных причин отставания в экономическом

[7] *Varese F.* Is Sicily the Future of Russia? Private Protection and the Rise of the Russian Mafia // Archives Europeennes de Sociologie. 1994. No. 35. P. 254–255.

развитии Южной Италии от Северной. Мафиозную Россию, безусловно, ожидает такой же застой.

Политически мафия еще более опасна. Мафия – это альтернативная государственной система правосудия, основанная на беззаконии и праве сильного. Ведь ее основа – улаживание конфликтов, которые государство решить не в состоянии. Мафиозные армии, мафиозные войны и разборки ведут к распаду государства, к вытеснению государственных органов из различных сторон жизни, сужению сферы их деятельности. Для защиты от мафии или под предлогом такой защиты некоторые фирмы создают собственные армии. В «Новой ежедневной газете» сообщалось, что, например, из 3 тысяч служащих одной знаменитой российской корпорации около тысячи – «служба безопасности». Если учесть, что сам президент с трудом нашел лишь 1,5 тысячи бойцов, чтобы воевать в прошлом октябре с парламентом, можно представить, какую силу уже сегодня представляют подобные армии. Распад страны и ослабление государственной власти выгодны мафиозным группировкам, спрос на которые в такие времена возрастает. К их услугам начинают прибегать и политики: мафиози могут предложить деньги на выборы и даже голоса избирателей в контролируемой области. В Италии такая практика широко известна, а судя по покушениям в последнее время на некоторых российских депутатов, и российская мафия начинает интересоваться политикой. Результат определяющего политического влияния мафии известен: в республиках бывшего СССР, где мафиозные группировки практически срослись с политическими (Грузия, Таджикистан), идут непрекращающиеся гражданские войны.

Как же бороться с мафией? Согласно расхожему мнению, которое, судя по последним решениям, разделяет и наш президент, ее можно подавить репрессиями. Однако это заблуждение. Кроме того, в этом случае сама власть берет на вооружение методы мафиозной группировки. Борясь с властью мафии, другая мафия укрепляется у власти. Зачем же менять шило на мыло?

Социологу ясно, что одни репрессии не помогут – нужно устранить условия существования мафии. Здесь два пути – ликвидация частной собственности или победа государства на рынке ее защиты. Первый путь уже испробован при социализме и не будет здесь обсуждаться в связи с известными каждому жителю бывшего СССР старше 20 лет своими побочными результатами.

Второй путь предлагают демократические государства. История знает немало примеров успешной борьбы с мафией в условиях демо-

кратии и рынка. И в Италии, и в США в последнее время основные мафиозные «короли» оказались за решеткой. Ни в Японии, ни в знаменитом Гонконге, где случаи рэкета встречаются, он не достигает таких размеров, как в России. Доверие к правоохранительным органам государства там несравненно выше, чем в России. Для достижения такого доверия необходим комплекс последовательных мер, на которые вряд ли способны наши нынешние руководители. Кроме укрепления правоохранительных органов, повышения их эффективности, нужно еще четкое законодательство о собственности, порядок в государственном управлении, независимый и защищенный суд, охрана государственных границ, договоры с соседними странами о борьбе с преступностью, а главное – защита собственности, причем более эффективная, чем та, которую предлагают мафиози. Сегодня, когда каждая область живет по своим законам, когда с благословения президента в Москве – одна приватизация, а во всей стране – другая, когда у России фактически нет границ, все это представляется прекрасным сном. А это значит, что спрос на частную защиту будет возрастать, а мафия – только укрепляться.

«Партия начальников» в выборах не участвовала, но победила. Российские регионы: раздражение центром усиливается[1]

Пенза: «Я тебя выпорю, паршивец!»

Проблема будущего федеративного устройства России, отношений центра и регионов сегодня обсуждается довольно активно. Однако основное внимание привлекает положение в так называемых национальных республиках (хотя большинство из них не более «национальны», чем многие области и края).

Как же обстоит дело в тех традиционных российских регионах, которые и при большевиках не удостоились особых прав и лишь при демократии нежданно для себя получили странную, труднопроизносимую и непереводимую на другие языки кличку «субъект Федерации» (слово «субъект» не зря получило совершенно особое значение в русском языке).

Мы попытаемся сравнить ситуации в далеких друг от друга, очень разных, но в чем-то, как и все российские регионы, очень похожих «субъектах»: Пензенской области, Красноярском и Приморском краях.

Пензенская область, как написал бы «демократический» журналист, – типичный пример «возврата старой номенклатуры». У власти здесь сегодня бывший второй секретарь обкома, а затем председатель исполкома А.Ф. Ковлягин, избранный с подавляющим преимуществом в апреле 1993 г. губернатором. Что же привело к тому, что значительное число жителей Пензенской области, где, например, на президентских выборах 1991 г. за Б.Н. Ельцина проголосовало 84,2%, что на 9% выше, чем в среднем по стране, всего через три года высказалось за возвращение старого, испытанного руководителя?

Такой исход, безусловно, – результат двухлетнего правления «демократического» губернатора А.А. Кондратьева. Никто не знает, за какие заслуги президент России своим указом назначил А.А. Кон-

[1] Впервые опубликовано в «Новой ежедневной газете» (1994. 11 июня. № 108 (182). С. 3).

дратьева, бывшего начальника областного Управления бытового обслуживания, губернатором области. Говорят, он громче всех поддерживал Б.Н. Ельцина во время путча и понравился кому-то в коридорах московской власти.

Чтобы доказать, что Москва не ошиблась, А.А. Кондратьев стал, вполне в духе старых времен, решительно проводить в жизнь новую кампанию, задуманную в Москве. Только кампания на этот раз была иной – приватизация. По темпам приватизации Пензенская область вышла на одно из первых мест в России. Приватизация велась «по Чубайсу» – путем акционирования и передачи предприятий трудовым коллективам. Местный бюджет от такой приватизации почти ничего не получил.

Кроме того, появилось множество обвинений администрации в коррупции и некомпетентности, однако Москва упорно продолжала поддерживать своего выдвиженца, несмотря на то что от него отвернулись даже местные демократы. Представитель президента в Пензе Г.И. Дидиченко сам сначала, как он признает сегодня, ошибочно рекомендовавший А.А. Кондратьева, несколько раз пытался встретиться с тем, кого представляет, чтобы объяснить ситуацию и попытаться заменить губернатора, компрометировавшего саму идею реформ. Однако к президенту допущен не был и вскоре был снят с должности.

В этой обстановке борьба местного Совета, состоявшего в основном из коммунистов и хозяйственников, против губернатора, вначале непопулярная среди населения, получала все большую поддержку как противодействие коррупции и развалу. Насколько обвинения в коррупции были обоснованны, сказать трудно, однако, что касается развала, некомпетентности и барского стиля, в котором действовала администрация, все совершенно ясно. Пенза сегодня выглядит как город, пострадавший от бомбардировки: десятки строек начаты и не закончены, на центральной улице вырыты забытые котлованы, в заброшенных домах выбиты стекла. Что же касается стиля, то в упомянутом журнале приводится следующий документ. Заместитель А.А. Кондратьева А.И. Кислов (ныне корреспондент «Известий») послал такой письменный комментарий на критическую статью о нем, появившуюся в демократической, кстати, газете «Выбор»: «Если ты, паршивец, не прекратишь свои писульки, я тебя публично выпорю на площади» (число, подпись).

Между тем в памяти населения еще живы дни, когда «при Ковлягине» уровень жизни в Пензе был выше, чем у соседей. Результаты выборов губернатора предугадать было нетрудно.

Да, сегодня здесь правит партия начальников, единственная серьезная политическая сила. Ее не поддерживает ни одна из местных партий, в том числе и коммунистическая, которые не имеют реального влияния. Партия начальников была избрана народом в результате полного провала ставленников Б.Н. Ельцина и отсутствия не только контроля, но и слабейшего представления в Москве о том, что здесь происходит. В результате понятия «демократия», «воровство», «некомпетентность» и «хамство», а также имена А.А. Кондратьева и Б.Н. Ельцина стали в сознании жителей области неотделимы друг от друга.

Красноярск: хорошее дело «субъектом» не назовут

В Красноярском крае положение вроде бы более благополучное. Губернатором здесь в апреле 1993 г. был избран В.М. Зубов, доктор экономических наук, бывший декан экономического факультета местного университета, проходивший даже стажировку в США, короткое время работавший и.о. главы администрации. В.М. Зубов проводит центристскую политику, выступая за осмотрительные рыночные реформы при более последовательном их экономическом регулировании органами исполнительной власти. За это губернатор подвергается критике с разных флангов, однако, как кажется, пользуется уважением многих.

Да и старая власть в лице В.А. Новикова, бывшего председателя крайсовета, в прошлом – лидера красноярских демократов, также ученого, совсем не та, что в Пензе. Совет, хотя и был, как и везде, на $^2/_3$ номенклатурно-коммунистическим, все же вынужден был избрать Новикова после путча 1991 г. от страха и под давлением общественности.

Впрочем, в отличие от старых начальников, знающих, как все прибрать к рукам, «демократическая» власть грешит попустительством. В Красноярске, например, выходит открыто фашистская газета местного отделения партии А.П. Баркашова. В ее последнем номере опубликован, например, список ста евреев, «засевших» во всех сферах российской жизни. Его торжественно возглавляет президент Б.Н. Ельцин. Однако до газеты нет дела ни Москве, ни местным властям. Больше того, специалист Комитета по общественно-политическим отношениям краевой администрации утверждал даже, что газета не нарушает закон и против нее никаких мер принять нельзя.

Однако, несмотря на в целом нормальную ситуацию, глупость московской власти дошла и до Красноярска. Когда кому-то в Москве взбрело в голову предоставить статус субъекта Федерации автоном-

ным округам, входящим в края, никто не думал о последствиях. Хотели усилить свои позиции в верхней палате будущего парламента за счет «покладистых» автономий, которые уравновешивали бы «непокладистые». В результате сложилась абсурдная ситуация: один субъект Федерации входит в другой. В Красноярский край сегодня входит два округа (Хакасия вышла из края ранее), в одном из которых всего 12 тысяч жителей, и в обоих русские – в значительном большинстве. Тем не менее местное начальство округов, тоже, кстати, русское, конечно же хочет командовать независимым «субъектом», в результате чего от края могут отделиться огромные, но безлюдные территории. Больше того, руководство огромного комбината в Норильске хочет прибрать к рукам один из округов, войдя в него административно и выйдя из подчинения краю. Все это вызывает бесконечные споры и конфликты, до которых Москве нет дела.

Приморье: побеждают идеи чучхе и уголовники

Ситуация в Приморском крае сильно отличается от всего, что мне приходилось видеть в нашей стране, и больше всего напоминает северокорейскую. Здесь правят не коммунисты и не демократы, а идеологически неопределившаяся группа с явно уголовными наклонностями. Она установила режим, при котором закрыты все независимые газеты, четыре месяца не работал неофициальный канал телевидения, а люди при разговоре, как в добрые старые времена, просят на них не ссылаться и не упоминать их имен. И не зря. Противников краевой власти здесь, как при большевиках, бьют дубинками, а в квартиру журналиста, недавно осмелившегося критиковать власти, вечером влетела пуля.

Правит здесь губернатор Е.И. Наздратенко, бывший народный депутат России и руководитель горнорудной компании. Его, естественно, назначил президент Б.Н. Ельцин, сняв по каким-то причинам в прошлом году ученого-экономиста В.С. Кузнецова, который ранее был избран председателем исполкома на альтернативной основе. Новый губернатор и его окружение до недавнего времени вполне официально, а с некоторых времен неофициально контролируют крупнейшую корпорацию ПАКТ, которая занимает привилегированные позиции в экономике города. Однако власть администрации не только экономическая. Недавно губернатор поссорился с мэром Владивостока В.И. Черепковым. В.И. Черепков был избран значительным большинством принявших участие в голосовании жителей,

однако это не смутило Е.И. Наздратенко. Мэр был изгнан из здания мэрии ОМОНом, а назначенные выборы представительных органов, где администрация могла проиграть, вообще были отменены под предлогом экономии средств. В.И. Черепкова обвинили во взяточничестве, однако любому, кто его знает, такое обвинение представляется просто смешным. Даже многие противники краевой администрации считают В.И. Черепкова, бывшего военного, недостаточно компетентным руководителем, его можно обвинить в чем угодно, но только не в жажде наживы. В любом случае уничтожения выборного органа государственной власти не было еще ни в одном регионе.

Владивосток – первый случай решения при помощи дубинок конфликта внутри исполнительной власти. Однако приходится признать, что это лишь творческое развитие московской традиции разрешения конституционных противоречий, заложенной осенью прошлого года.

А что Москва? В Москву не только сообщал о ситуации представитель президента В.П. Бутов, который за это лишился должности. Снят с работы и начальник налоговой полиции края А.П. Перепечкин, который занимался в том числе и упоминавшимся ПАКТом. Его заменили работником местного УВД. Министерство юстиции России дало разъяснение о нарушении краевой администрацией законов. Краевое руководство проверяла комиссия контрольного управления президента, которая рекомендовала отстранить Е.И. Наздратенко от должности. Однако, говорят, у губернатора хорошие связи в правительстве и администрации президента. Кто-то убедил президента, что Е.И. Наздратенко – «свой человек», «демократ», а это звание «при дворе» стоит дороже, чем выводы сотен комиссий. Как создается такой имидж, сказать нетрудно. Имеются, например, документы о том, что один из ведущих московских тележурналистов получал деньги в структуре, которой ранее руководил Е.И. Наздратенко, хотя и не работал там.

Насколько «демократично» краевое руководство, кстати, показывают слова заместителя главы администрации края И.П. Лебединца: «Кто собрался в городской администрации? ...Гильгенберг. Ну, кто когда-нибудь в ФРГ или Германии русского назначит управляющим городом?»

Вероятно, прилив русского достоинства позволил И.П. Лебединцу бросить ОМОН против мэрии. Во время операции и.о. мэра В.А. Гильгенберга за руки и ноги выбросили из здания. Интересно, что именно И.П. Лебединцу было поручено представлять Россию на

встрече с А.И. Солженицыным и он на глазах у общественности жал великому писателю руку.

Вероятно, в благодарность за все это, как сообщил Е.И. Наздратенко в интервью газете «Владивосток», президент послал его недавно на презентацию своих мемуаров в США, а тот согласился не сразу, но, «подумав... все же решил участвовать в представлении книги президента». Так у него теперь разговаривает подчиненный с начальником на государственном уровне.

Не будет ничего удивительного, если в результате такого правления «сторонника президента» на следующих выборах приморцы, всегда поддерживавшие Б.Н. Ельцина, дружно проголосуют за коммунистов или за В.В. Жириновского.

Обстановка в трех российских регионах позволяет сделать вывод, что сегодня центр никак не влияет на политическую ситуацию в провинции и у него нет не только никакой политики в отношении регионов, но даже мало-мальского интереса к тому, что там происходит. Кадровые вопросы решаются случайно, и какой-нибудь влиятельный формальный или даже неформальный советник президента в этом случае играет гораздо большую роль, чем официальные органы управления и контроля, созданные самим же президентом.

Фактически происходит процесс вотчинизации регионов. За то, что региональный лидер не противоречит президенту в его делах в центре, подписывает ни к чему не обязывающие договоры о согласии и благосклонно участвует в федеральных выборах, президент дает ему право творить в регионе все, что угодно, и территория фактически превращается в феодальное кормление.

Пенза–Красноярск–Владивосток–Москва

Фашистская угроза и российские власти[1]

Недавно значительным большинством голосов Государственная дума приняла решение провести парламентские слушания на тему «Угроза фашизма в России». За голосовали представители всех фракций, хотя каждая из них явно понимает фашизм по-своему. Одни называют «фашистским» нынешний режим, другие говорят о существовании «коммунно-фашистской угрозы», третьи опасаются «национал-фашистских» движений в некоторых входящих в Россию республиках.

Нужно сказать, что и среди исследователей нет единого понимания того, что называть фашизмом, и это несмотря на широкое распространение этого термина в политической жизни. Например, в сборнике «Современные политические идеологии», изданном в 1993 г. в Лондоне, фашизм назван «проблематичным “измом”»[2]. Некоторые исследователи признают «чистым» фашизмом лишь итальянский вариант, отделяя его от германского «нацизма», другие кроме этих двух движений включают в это понятие также японский режим между Первой и Второй мировыми войнами, режим генерала Ф. Франко в Испании (1936–1975), иногда – первый период правления генерала Х. Перона в Аргентине (1943–1955) или режим А. Пиночета в Чили (1973–1988).

Сам термин «фашизм» возник в 1919 г., когда первые фашистские организации появились в Италии. Слово происходит от латинского fascio, что буквально означает «пучок». Так назывался символ представителя государственной власти в Древнем Риме. Назвав себя фашистами, сторонники Б. Муссолини подчеркивали стремление возродить древнеримские традиции.

В широком смысле фашизм – это политические движения и их идеологии, которые могут быть и враждебны друг другу в конкретной политической практике, но имеют ряд общих черт. К общепризнанным чертам фашизма относится прежде всего крайний национализм, доходящий иногда до биологического расизма, теории культурного, нравственного, а часто и биологического превосходства одного народа или расы над другими. Фашизм возникает в период тяжелого

[1] Впервые опубликовано в газете «Московский Запад» (1994. 2–8 мая. № 18 (140). С. 4).

[2] *Eatwell R.* Fascism // Eatwell R., Wright A. (eds) Contemporary Political Ideologies. London: Pinter Publishers, 1993. P. 169.

кризиса и привлекает массы простотой предлагаемых решений. «Во всех бедах виноваты инородцы, но сегодня мы возьмем исторический реванш и заживем припеваючи», говорят фашисты.

Другая черта фашизма – это оправданное крайним национализмом стремление к территориальным захватам, которое во всех случаях прихода фашистских движений к власти вызывало войны.

Еще одна характеристика фашизма – массовость политического движения и его идеологии, обычно формирующего массовую политическую партию. Идеология фашистского типа апеллирует ко всему «избранному» народу, стремится принести благо и счастье для всех (конечно, кроме инородцев). Это резко отличает фашизм как от делящих людей на классы коммунистов, так и от хотя и жестоких, но элитарных военных или аристократических диктатур, типа режима А. Пиночета и подобных ему правителей некоторых латиноамериканских стран. Фашизм отрицает как коммунизм, так и либеральную демократию на том основании, что они делят общество на части и приводят к ненужному соперничеству между представителями «высшей расы». Чтобы уничтожить такое соперничество, фашисты предлагают запретить все партии (кроме собственной, которая выражает интересы всего народа) и установить твердую власть, а недовольных, подрывающих «общественное единство», изолировать и делают это, придя к власти.

Если исходить из вышеприведенного определения, в России сегодня действует несколько чисто фашистских организаций и довольно много организаций фашистского типа, выходит огромное количество фашистских изданий. Например, чисто нацистская организация – это группа Российское национальное единство А.П. Баркашова. Баркашов не скрывает симпатий к А. Гитлеру, и в изданиях партии единственной ошибкой фюрера считается его нападение на СССР. Из баркашовской печати можно понять, что евреи склонили А. Гитлера напасть на СССР специально, чтобы погубить его. На самом же деле немецкий и русский народы должны были быть союзниками. Так А.П. Баркашов старается «объяснить» гитлеровские теории «высшей расы» и его стремление расчленить Россию, с чем, конечно, русские националисты не согласны. Недавно в интервью газете «Завтра» А.П. Баркашов снова говорил, что при анализе фашизма (который уничтожил миллионы его соотечественников) «выпячиваются моменты, носящие негативную окраску, а про позитивный фашизм, про Аргентину, например, все молчат». Не знаю, что позитивного нашел А.П. Баркашов в аргентинском опыте, может быть, уничтожение

без суда тысяч людей или развязывание недавно свергнутым диктаторским режимом войны с Англией, поражение в которой привело его к концу. Ни режим Х. Перона, ни позднейший военный режим нельзя назвать фашистскими, но уж в чем они точно преуспели, так это в полном развале экономики страны.

Баркашовцы – это лишь один пример десятков подобных групп и группок. Впрочем, гораздо большей популярностью в России пользуются не чистые фашисты, а организации фашистского типа. Самой крупной из них, конечно, является партия В.В. Жириновского. Несмотря на публичное отрицание исторического фашизма, ЛДПР В.В. Жириновского отвечает всем пунктам нашего определения фашистского движения. Это и теория национальной исключительности, и стремление создать массовую партию на основе боевых групп (мы все видели на экранах телевизоров, как вождь отправлял такую группу в Югославию), и стремление к территориальным захватам. Прочитайте, например, знаменитую книгу В.В. Жириновского «Последний бросок на юг», вся композиция которой явно позаимствована у гитлеровской «Майн кампф». Автор призывает Россию выйти на границы с Индией, а российских солдат – омыть ноги в водах Индийского океана.

В существовании русских фашистов в нынешнее кризисное время нет ничего удивительного. В такие времена популярность крайних течений всегда увеличивается. Удивительно другое: полная бездеятельность властей в связи с возрастанием фашистской угрозы и пассивность населения.

Начнем с последнего. У русского народа вовсе нет иммунитета к фашизму. Профашистские черносотенные течения, такие как Союз русского народа, возникли именно в России. Американский исследователь Дж. Стефан в книге «Русский фашизм» прослеживает влияние черносотенной идеологии на А. Гитлера через одного из идеологов нацизма А. Розенберга, который был родом из России. Симпатизировали фашизму и многие эмигрантские организации, например Народно-трудовой союз. Наконец, в Харбине одно время существовала Российская фашистская партия во главе с неким К.В. Родзаевским, казненным после войны[3].

И все же представляется, что народ, потерявший в борьбе с фашизмом более 20 миллионов человек, все же не допустит, чтобы его

[3] *Stephan J.J.* The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945. New York: Harper & Row, 1978.

самого захватила фашистская истерия. Вероятно, популярность партий типа ЛДПР В.В. Жириновского объясняется незнанием ее реальных целей, которые лидеры умеют скрывать во время публичных выступлений. Бесполезно объяснять, что фашизм – это плохо. Мало кто этого не понимает. Но истинные цели русских фашистов показывать нужно. Фашизм – это прежде всего война. Кому нужна война, кто хочет идти воевать за то, чтобы искупаться в Индийском океане, – пусть голосует за В.В. Жириновского.

Второй вопрос – это преступная бездеятельность властей. Да, фашистские тенденции есть во многих странах, но во всех демократических странах Европы, например, фашистская пропаганда, как и создание боевых отрядов, запрещена законом. В Германии, например, недавно были запрещены две неонацистские организации.

В России также есть законы против пропаганды фашизма, пропаганды войны, разжигания межнациональной розни. Однако применяются они крайне редко и, насколько я знаю, серьезного наказания по ним, кроме печально известного К.В. Смирнова-Осташвили, никто не получил. Вряд ли наши демократические власти любят фашистов, они много и пламенно говорят о фашистской угрозе. Безнаказанность фашистов наряду с разгулом преступности, господством мафии, развалом экономики свидетельствуют скорее о параличе государственной власти, которая не способна осуществить даже то, что сама запланировала. Сильное демократическое государство – не то, в котором каждый делает, что хочет, а то, где права граждан обеспечены законом, за нарушение которого следует неизбежное наказание. Если наше государство не окажется способным обеспечить права граждан таким образом, слабую демократию сменит фашистская диктатура.

Ультиматум Гайдара[1]

Заявление об отставке Е.Т. Гайдара с поста первого заместителя премьера российского правительства удивило многих обозревателей. Е.Т. Гайдар, фактический глава российского правительства в 1992 г., многими рассматривался как главный архитектор российских экономических реформ. Для большинства людей за границей и для некоторых в России он остается символом перехода России к рыночной экономике.

Сам Е.Т. Гайдар сказал, что причиной его отставки были серьезные разногласия с другими членами правительства по вопросам экономической политики. В качестве примера он указал на два недавних решения правительства: российско-белорусскую декларацию о вступлении Белоруссии в рублевую зону и решение построить в Москве новое парламентское здание стоимостью 500 миллионов долларов. Последнее кажется скорее предлогом, рассчитанным на сочувствие общественности, чем истинной и серьезной причиной. Идея строительства нового огромного официального здания в центре Москвы в то время, когда жилищная проблема остается в России болезненной темой, выглядит нелепой и способна серьезно повредить имиджу правительства. Однако это не вопрос экономической стратегии. Кроме того, едва ли правительство было главным автором такого решения. Президент Б.Н. Ельцин, очевидно, хотел выселить новый парламент из здания Белого дома, которое стало символом оппозиции его власти и было расстреляно его танками в прошлом октябре. Именно Б.Н. Ельцин санкционировал переезд правительства в Белый дом и строительство нового здания для парламента.

Ситуация с Белоруссией более существенна. В результате визита белорусского премьер-министра В.Ф. Кебича в начале января в Москву Белоруссия в принципе согласилась войти в зону российского рубля. Это означает, что белорусский бюджет будет контролироваться Центральным банком России. Для этого Белоруссия хочет обменять свою валюту на российский рубль в пропорции один к одному (нынешний рыночный курс – 4,5:1) и получить право на покупку российских нефти и газа по внутренним российским ценам, которые в несколько раз ниже белорусских. Некоторые из российских мини-

[1] Написано в январе 1994 г. для газеты «Чжунго шибао».

стров, включая министра финансов Б.Г. Федорова и министра иностранных дел А.В. Козырева, подвергли этот план критике, указывая, что он приведет к ускорению инфляции, которая и так очень высока. Ситуация станет еще хуже, если какие-либо другие страны СНГ последуют примеру Белоруссии. Некоторые из них, такие как Таджикистан и Грузия, где финансовая ситуация катастрофическая, уже выразили свою заинтересованность.

Этот спор – только один из признаков конфликта между «монетаристами» и «промышленниками» в российском правительстве. Монетаристы, возглавляемые Е.Т. Гайдаром, с самого начала утверждали, что стабилизация бюджета – ключевой пункт рыночной реформы. Они полагали, что бывшие республики СССР были обузой для России, и в 1991 г. принесли СССР в жертву этой идее. Сейчас они рассматривают валютный союз со странами СНГ как новую непомерную нагрузку на российский бюджет.

В отличие от них промышленники, в числе которых и нынешний премьер В.С. Черномырдин, полагают, что главная проблема российской экономики – развал производства. Одной из его причин, с их точки зрения, явился разрыв экономических связей между бывшими советскими республиками. Поэтому валютный союз – положительный шаг, который может привести к восстановлению экономических связей и улучшению экономической ситуации в самой России.

Выборы в декабре 1993 г. поставили правительство в новую ситуацию. Блок Е.Т. Гайдара «Выбор России» потерпел поражение. Он составляет крупнейшую фракцию в Государственной думе, нижней палате, но после того, как спикером был избран кандидат антиреформаторского блока, представитель консервативной Аграрной партии И.П. Рыбкин, стало ясно, что «Выбор России» должен готовиться к переходу в оппозицию.

Премьер В.С. Черномырдин понимал, что новое парламентское большинство способно скинуть его правительство открытым голосованием. Он попытался сформировать нечто вроде коалиционного правительства, которое было бы привлекательным не только для радикальных реформаторов, но также для центристов и некоторых здравомыслящих консерваторов в Думе. Начался процесс торгов, обычный для ситуации с отсутствием четкого парламентского большинства. В.С. Черномырдин был готов пригласить в свое правительство таких представителей «Выбора России», как Егор Гайдар, автор приватизационной программы А.Б. Чубайс, министр финансов Б.Г. Федоров и министр иностранных дел А.В. Козырев. Но в то

же время он хотел видеть там одного из лидеров Аграрной партии, министра сельского хозяйства А.Х. Завирюху, а также лидеров Партии российского единства и согласия С.М. Шахрая и А.Н. Шохина. И аграрники, и унионисты имеют значительные фракции в Думе.

Однако решение Е.Т. Гайдара уйти в отставку показало, что «Выбор России» не готов войти в состав широкой коалиции. Е.Т. Гайдар хочет работать в чисто монетаристском правительстве даже после того, как его блок проиграл выборы и стало ясно, что большинство россиян выступает против его политики. Именно это стало главным настроением его воскресного заявления.

Последнее слово в конфликте предстоит сказать Б.Н. Ельцину, который формально назначает министров. В реальности у него есть три возможности.

Во-первых, он может согласиться на условия Е.Т. Гайдара. Но это будет означать отставку наиболее консервативных министров, таких как А.Х. Завирюха, и создание правительства меньшинства. Это также подорвет политику В.С. Черномырдина на восстановление связей со странами СНГ, и тогда своей отставкой может угрожать сам премьер-министр. Б.Н. Ельцину нельзя терять В.С. Черномырдина, потому что назначение нового премьера требует формирования нового правительства, а новому правительству нужно одобрение Государственной думы. Нынешняя же Государственная дума поддержит только кого-нибудь намного более консервативного, чем В.С. Черномырдин.

Но даже если В.С. Черномырдин останется, Дума посредством двух поименных голосований, проведенных с промежутком в три месяца, может отправить правительство в отставку. Если правительство будет абсолютно неприемлемым для Думы, возникнет ситуация, когда Б.Н. Ельцин через три месяца все равно будет вынужден либо избавиться от Е.Т. Гайдара, либо еще раз незаконно распустить Думу и превратить свой режим в открытую диктатуру. Согласно новой конституции, президент в случае поименного голосования не может распустить Думу в течение года после выборов, но даже после новых выборов парламент едва ли станет другим.

Вторая возможность для президента – достигнуть некоего компромисса, либо убедив Е.Т. Гайдара остаться, либо сохранив в правительстве хотя бы других людей из «Выбора России», например А.Б. Чубайса, которого президент всего несколько дней назад назначил вице-премьером, Б.Г. Федорова и А.В. Козырева. Это на какое-то время сохранит хрупкий баланс в правительстве. Если Е.Т. Гайдар

уйдет, проводимая А.Б. Чубайсом программа ваучерной приватизации, уже ставшая объектом жесткой критики внутри правительства, а также жесткая финансовая политика Б.Г. Федорова окажутся под сильным давлением, и их положение станет менее устойчивым. Понимая это, оба могут уйти вместе с Е.Т. Гайдаром. Один из министров из «Выбора России», министр социальной защиты Э.А. Памфилова уже объявила о своей отставке.

Третий вариант – избавиться от людей Е.Т. Гайдара и попытаться создать в Думе центристское большинство без «Выбора России». В любом случае фракции «Выбор России» будет очень трудно вместе с коммунистами и националистами В.В. Жириновского голосовать против другого правительства Б.Н. Ельцина. В этом случае потребуется новый стратег реформ. Сам Е.Т. Гайдар в своем последнем разговоре с Ельциным 13 января сказал, что в случае его отставки на его место можно взять Г.А. Явлинского. Лидер блока «ЯБЛОКО» Г.А. Явлинский – известный реформатор, он был заместителем премьера в правительстве И.С. Силаева в 1990 г., первом российском правительстве при Б.Н. Ельцине. Он также является автором первого российского плана рыночных реформ «500 дней». В отличие от Е.Т. Гайдара, Г.А. Явлинский всегда выступал за сохранение экономического единства бывшего СССР и способен найти общий язык с промышленниками. Однако Г.А. Явлинский – очень независимая личность, он однажды уже уходил в отставку после того, как его план не был принят тогдашним правительством СССР, и, скорее всего, займет этот пост лишь при условии, что будет выполняться его план реформ. Если Г.А. Явлинский будет назначен, придется уйти А.Б. Чубайсу, чью программу приватизации он часто критиковал, и, возможно, А.В. Козыреву, которого Г.А. Явлинский обвиняет в экономическом распаде бывшего СССР. Такие условия будут неприемлемы для президента. Кроме того, Г.А. Явлинский многократно критиковал лично Б.Н. Ельцина, а таких людей президент обычно не назначает.

Если это будет не Г.А. Явлинский, то Б.Н. Ельцину придется искать кого-либо, не вовлеченного в партийную политику, такого как известный экономист Н.Я. Петраков или другой бывший вице-премьер Е.Ф. Сабуров.

В любом случае через несколько дней российскому президенту придется принять окончательное решение о правительстве. На его выбор могут повлиять несколько факторов. Во-первых, Б.Н. Ельцин намерен продолжать рыночные реформы, но он не обладает достаточными экономическими знаниями, чтобы лично решать, какой

вариант реформ будет наилучшим для России. Он доверяет Е.Т. Гайдару, но может и передумать и обратиться к другому экономисту, обладающему имиджем крепкого реформатора.

Во-вторых, изменилась и личная позиция Б.Н. Ельцина. Ему нравились изоляционистские теории монетаристов, потому что они совпадали с его политическими целями, когда он хотел избавиться от центрального правительства горбачевского СССР. Однако сейчас, особенно после роспуска Верховного Совета и принятия новой конституции, наделяющей президента большой властью, Б.Н. Ельцин стал могущественным лидером сильной страны. Теперь ему могут показаться более привлекательными идеи тех, кто выступает за более тесную интеграцию стран СНГ с Россией.

В-третьих, после штурма российского парламента понимание российской ситуации за границей изменилось. Мало кто в развитом мире, от которого Б.Н. Ельцин ожидает получить финансовую помощь, одобрит новый роспуск свободно избранного парламента и сползание режима Б.Н. Ельцина в сторону авторитаризма. Для лидеров мировых демократий совершенно естественно, когда глава партии, не сумевшей создать парламентское большинство, уходит из правительства. Именно так выразился госсекретарь США У. Кристофер, сказавший несколько дней назад, что отставка Е.Т. Гайдара вполне понятна и не станет смертельным ударом по российским реформам.

Станет ли Александр Солженицын следующим президентом России?[1]

21 июля 1993 г. в Москве произошло событие, которое осталось почти не замеченным зарубежными наблюдателями, но может оказать существенное влияние на будущее России. На Ярославский вокзал поездом после 20-летнего изгнания приехал крупнейший русский писатель А.И. Солженицын.

Что же такого особенного в судьбе и личности этого человека? Почему его встречали десятки москвичей, в числе которых были видные представители интеллигенции и многие политики, а некоторые бывшие диссиденты, живущие теперь за границей, даже специально приехали на встречу в Москву? В российской литературе и общественно-политической жизни фигура А.И. Солженицына занимает совершенно особое место – и его произведения, и его поведение, и его взгляды значительно выделяют его из числа других современных россиян. На Западе Солженицын получил всеобщее признание после публикации знаменитого «Архипелага Гулаг» – многотомной публицистической эпопеи о возникновении и адской работе механизма репрессий в коммунистическом СССР. Именно эта книга произвела переворот в западных интеллигентских кругах, заставив левую, часто положительно относящуюся к СССР интеллигенцию 60-х гг. задуматься над тем, что такое реальный коммунизм.

Однако сегодняшняя слава А.И. Солженицына в России складывается не только из этого. Для россиян, возможно, еще более важна его биография, его бескомпромиссная жизненная позиция. Жизнь А.И. Солженицына, которому в декабре исполнится 77 лет, – это сконцентрированная жизнь россиянина XX в. Он родился в 1916 г. в Кисловодске на Северном Кавказе, закончил физико-математический факультет университета в Ростове-на-Дону в 1941 г. и почти сразу же был мобилизован в армию по собственному желанию, несмотря на то что первоначально был признан ограниченно годным по здоровью. После окончания в конце 1942 г. артиллерийского училища в Костроме был направлен в действующую армию. С 1943 г. почти до конца войны будущий писатель провел на фронте, где дослужился до капитана и за героизм получил несколько боевых орденов. Однако

[1] Написано в декабре 1993 г. для газеты «Чжунго шибао».

в 1945 г., незадолго до конца войны, он был арестован и приговорен к восьми годам тюрьмы и бессрочной ссылке: служба безопасности перехватила его письма к другу, в которых он критиковал И.В. Сталина и В.И. Ленина.

В тюрьмах и лагерях А.И. Солженицын заболевает раком и находится на грани смерти, однако болезнь неожиданно отступает. С детства религиозный человек, писатель начинает верить в свою миссию – описать «все как было»: историю коммунизма и коммунистических репрессий. А.И. Солженицын позднее признается друзьям, что до сегодняшнего дня уверен: пока он пишет – у него отсрочка от смерти.

В 1953 г. А.И. Солженицын был отправлен в ссылку, а в 1956-м освобожден «за отсутствием состава преступления». Он живет в Рязани, где пишет и преподает математику в средней школе. **В** 1962 г. журнал «Новый МИР» публикует его повесть «Один день Ивана Денисовича» – первую правдивую историю о сталинских лагерях. Разрешение на публикацию дал лично советский лидер Н.С. Хрущев. Однако в дальнейшем публикует лишь несколько рассказов, остальные произведения запрещаются цензурой. А.И. Солженицын сразу же приобретает мировую известность.

После свержения Н.С. Хрущева А.И. Солженицын подвергается репрессиям. В его доме производят обыски, отбирают рукописи, он выступает с несколькими получившими широкую известность письмами: в защиту осужденных диссидентов, против цензуры и со своим знаменитым манифестом «Жить не по лжи», в котором призывает каждого к моральному отрицанию режима.

В 1966 г. за границей выходят романы А.И. Солженицына «Раковый корпус» и «В круге первом». В 1970 г. ему присуждается Нобелевская премия по литературе, однако писатель отказывается выезжать за границу для ее получения, так как опасается, что его не впустят обратно. К 1972 г. Солженицын закончил работу над «Архипелагом Гулаг» и переправил его на Запад, однако распорядился не печатать пока этот труд, опасаясь за то, что его жизнь станет совершенно невыносимой и он не сможет осуществить другие планы. КГБ развернул настоящую охоту за рукописью «Гулага». В августе 1973 г. писатель узнает, что Е.Д. Воронянскую, которая перепечатывала «Архипелаг Гулаг» и спрятала у себя – без его ведома – один экземпляр рукописи, допрашивали три дня в КГБ и она выдала тайник. После этого Е.Д. Воронянскую нашли повесившейся у себя в комнате. Писатель отдает распоряжение печатать «Архипелаг» на Западе.

Против А.И. Солженицына начинается бешеная кампания в печати. 13 февраля 1974 г. его арестовывают и специальным самолетом насильственно высылают в Западную Германию. С того времени писатель жил сначала в Германии, а затем в США жизнью затворника, очень редко выступая публично и упорно работая над большим историческим романом «Красное колесо».

Сегодня, когда А.И. Солженицын вернулся, в России активно обсуждается возможность его участия в политике, хотя сам писатель отрицает саму возможность этого. Выступая 21 июля перед встречавшими его москвичами, писатель еще раз подчеркнул: «Я уже говорил, что никакого государственного поста – ни по выбору, ни по должности – я не приму. Я остаюсь в моей роли – роли писателя». В то же время он заявил, что использует все возможности, чтобы говорить и влиять[2]. И он уже начал это делать, дав несколько длительных интервью центральному телевидению.

Многие сходятся на том, что перед грядущими президентскими выборами многие политические силы и, что особенно важно для писателя, представители общественности, деятели культуры и искусства будут обращаться к А.И. Солженицыну с просьбой еще раз помочь обществу выйти из кризисной ситуации и выдвинуть свою кандидатуру. И тогда писатель, уверенный в своей исторической миссии, может изменить свои планы.

Чем же привлекает российское общество А.И. Солженицын сегодня? У него есть все, что нужно для того, чтобы быть популярным в России. Во-первых, это судьба бескомпромиссного борца и решительного человека, готового ко всему. Достаточно сказать, что при втором аресте перед высылкой из страны писатель появился перед сотрудниками КГБ в старой полосатой лагерной форме с номером на груди и с небольшим мешком, в котором он хранил все необходимое на случай ареста. Тогда А.И. Солженицын сказал, что специально сохранил эти вещи, так как был уверен, что его все равно арестуют снова, и что он ждал ареста каждый день. Одному из сотрудников КГБ пришлось отдать писателю свой костюм, так как было неудобно отправлять его в таком виде в ФРГ.

Во-вторых, не менее важны его взгляды на российское общество. Ведущий популярной телепередачи «Взгляд», которой писатель дал первое интервью, не без оснований заметил, что «А.И. Солжени-

[2] Цит. по: *Цыганков Д.* Триумф и трагедия лидера «русской партии». http://www.zhurnal.ru/polit/articles/solzh.html.

цын – это совершенно самостоятельный символ: он не за красных, не за белых, он – сам, один».

Действительно, с одной стороны, А.И. Солженицын резко критикует коммунистический режим, и многие новоиспеченные антикоммунисты из сторонников Б.Н. Ельцина говорят о преступлениях КПСС его словами. Но это не сближает его с этой группой, члены которой обычно придерживаются прозападной ориентации. Писатель не менее резко критикует и нынешний ход реформ, утверждая, что бездумное копирование западных образцов привело Россию на грань краха. Он несколько раз заявлял, что сегодня Россия платит за то, что в ней творилось с 1917 г., но платить пришлось бы меньшую цену, если бы не ошибки новых руководителей, выбравших наихудший путь избавления от коммунизма.

А.И. Солженицын много говорит об оторванности московских политиков от провинции, о непонимании ими провинциальных проблем, о том, что шок возросших цен вызвал распад страны на отдельные зоны и привел к тому, что у людей нет денег, чтобы съездить к родственникам или даже позвонить по телефону в другой город. Москва взяла курс на Запад и оторвалась от собственной страны – такие мысли писателя созвучны настроениям большинства российского населения. Даже способ его приезда: не сразу в Москву, а поездом через Владивосток, Сибирь, русскую провинцию, с остановками во многих городах и встречами с местными жителями, безусловно, сильно отличает А.И. Солженицына от большинства других русских, оказавшихся за границей. Кроме того, на россиян производит впечатление, что писатель не эмигрировал сам, а был выслан насильно и при первой возможности вернулся не временно, а навсегда.

Выступая против широкой приватизации экономики сверху, которая приводит к воровству, преступности, спекуляции, писатель призывает к развитию местной инициативы, местной промышленности, кооперации. Особую роль в идеях А.И. Солженицына занимают мысли о российской государственности и положении русских за пределами России. Четыре года назад, еще до распада СССР, в брошюре «Как нам обустроить Россию?» он призвал отказаться от культурно чуждых России республик Прибалтики, Средней Азии и Кавказа и сохранить единый костяк славянского государства из Российской Федерации, Украины, Белоруссии и Казахстана, значительная часть которых заселена русскими и украинцами. Тогда одни обвинили писателя в стремлении разрушить СССР, а другие, напротив, в империализме. Однако сегодня, особенно после недавних прези-

дентских выборов на Украине и в Белоруссии, где победили кандидаты, обещавшие более тесный союз с Россией, стало ясно, что мысли писателя совпали с настроением славянских народов бывшего СССР.

А.И. Солженицын советует и дальше укреплять союз четырех республик и защищать права русских, которые живут в них. Он решительно критикует нынешнее российское руководство за то, что оно бросило на произвол судьбы 25 миллионов русских, живущих за пределами территории Российской Федерации, но призывает защищать их не военными, а политическими средствами, «У нас какая-то странная неясность мнений: или капитулировать и все 25 миллионов пусть там живут как хотят, лишь бы нас не трогали, – или, мол, тогда, война. Ничего подобного! Ни то ни другое: есть возможность политического давления, политических условий. От самого начала – от распада на республики – наше руководство упустило простой, самый простой способ, который применяет весь мир, и применяет веками, – это политические условия», – сказал А.И. Солженицын в телеинтервью на следующий день после приезда.

С точки зрения популярности личности и взглядам А.И. Солженицына сегодня нет равных в России. Он выражает то, о чем думают и чего хотят тысячи россиян, он призывает к спокойной жизни в сильном и эффективном государстве. Среди двух лагерей – пропрезидентского антикоммунистического и оппозиционного коммунно-националистического – он посредине, причем имеет преимущество перед обоими. Он гораздо более известный антикоммунист, чем бывшие коммунисты Б.Н. Ельцин или Е.Т. Гайдар, и гораздо более заслуженный государственник, чем вся оппозиция вместе взятая. С точки зрения избирателей он мог бы быть гораздо более серьезным кандидатом, чем взявший некоторые из его лозунгов, но превративший их в фарс В.В. Жириновский. На практике это может означать, что в случае выборов он получит голоса большей части электората обоих лагерей, всех, кроме ярковыраженных коммунистов и наиболее отчаянных западников, то есть до 60–70% голосов: столько, сколько Б.Н. Ельцин получал в период наибольшей популярности.

Помешать А.И. Солженицыну получить высший государственный пост в России может несколько факторов. Во-первых, это его собственное нежелание участвовать в политике, и здесь прочность его позиции пока неизвестна. Во-вторых, это его преклонный возраст. Однако сейчас, по всеобщему мнению, писатель чувствует себя отлично и вполне мог бы сыграть роль если и не активного президента, то символа национального согласия, как, например, другой

бывший политзаключенный Н. Мандела в Южной Африке, который, кстати, ровесник А.И. Солженицына. И, наконец, это проявляющий серьезное беспокойство по поводу роста популярности А.И. Солженицына президент Б.Н. Ельцин, которые может попытаться отменить выборы. Однако для этого ему придется пойти на открытое нарушение конституции, на принятии которой он так настаивал, что может вызвать коренное изменение всей политической системы России.

Новая конституция и будущее России[1]

Единственный успех президента Б.Н. Ельцина на выборах 12 декабря 1993 г. – одобрение проекта конституции России, подготовленной его советниками. Основная ее особенность – передача значительных властных полномочий президенту.

В чем значение этой конституции и каково будет ее влияние на дальнейшее развитие обстановки в стране?

1. Главное достижение конституции – решение вопроса территориального устройства России

Конституция провозглашает Россию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Важнейшими характеристиками федеративного устройства служат положения о верховенстве федеральных законов на всей территории РФ (ст. 4) и равенстве между собой всех субъектов РФ (ст. 5). Именно эти положения вызывали возражения республик, которые торговались и с президентом, и со старым Верховным Советом, пытаясь добиться особых прав и фактически закрепить статус независимых государств. После устранения Верховного Совета Б.Н. Ельцин воспользовался положением и внес поправки в проект, направленные на укрепление центральной власти. Из конституции было также изъято положение о суверенитете республик.

Нынешняя Государственная Дума вряд ли будет возражать против укрепления центральной власти, так как оппозиция Б.Н. Ельцину настроена еще более централистски. Какие-то возражения могут последовать со стороны некоторых членов верхней палаты – Совета Федерации, большинство которой составят региональные руководители. Однако влияние Совета Федерации вряд ли будет велико.

Тем не менее проблемы с федеративным устройством еще возникнут. Как известно, еще до выборов три республики: Татарстан, Башкортостан и Тува, – провозгласили свои законы выше российских. Теперь это открыто противоречит новой конституции. Для решения этого вопроса со стороны президента и правительства необходима политическая воля, которой ему часто не хватало ранее.

[1] Написано в декабре 1993 г. для газеты «Чжунго шибао».

2. Права и свободы вводятся с оговорками

Сегодня демократическая печать часто утверждает, что значительным достижением новой конституции является глава 2, провозглашающая основные права и свободы человека. Действительно, ст. 19 устанавливает равенство всех перед законом и судом, гарантии прав и свобод независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства и т.д. Очень важными являются также положения о прямом действии конституции и о приоритете международных договоров Российской Федерации над внутренним законодательством. Эти два положения в сумме дают хорошую основу для защиты прав и свобод человека непосредственно в суде, включая международные суды, на основе международно признанных норм.

Однако положение с правами человека не представляется столь уж радужным. Если рассматривать всю конституцию в комплексе, включая раздел 2, называющийся «Заключительные положения», можно прийти к иным выводам.

Например, ст. 22 устанавливает, что «арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов». Однако «Заключительные положения» откладывают введение этого пункта до приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствии с конституцией. Это на неопределенный срок сохраняет практику административных арестов, высылок и т.п. К тому же может сложиться ситуация, когда ни президент, ни парламент не захотят спешить с новым уголовно-процессуальным законодательством. Таким же образом на неопределенный срок откладывается и введение суда присяжных.

Неприкосновенность жилища ограничивается положениями федерального закона. Однако ныне действующий федеральный закон дает возможность проникать в жилище сотрудникам Министерств внутренних дел и безопасности.

Право на выбор места жительства и тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений не ограничивается. Это противоречит действующему законодательству и дает возможность обжаловать неправомерные действия в суде. Режим прописки, например, в последнее время, особенно в крупных городах, только укреплялся, и не совсем ясно, как он будет ликвидирован и к каким это приведет последствиям.

Таким образом, многие положения новой конституции в области прав человека – это шаг вперед, однако положение еще далеко от идеального.

3. Разделение властей

Особенно важны для практической политики в России положения конституции о полномочиях органов власти. В целом конституция дает значительную власть президенту, однако его власть не является неограниченной.

Возражения критиков вызывали положения конституции, ставящие президента как бы над правовой системой страны. Так, в соответствии с конституцией президент «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти». Он также «определяет основные направления внутренней и внешней политики государства». Ранее эта функция принадлежала парламенту. Впрочем, эти декларативные функции не имеют практического значения. Гораздо важнее конкретные кадровые полномочия президента.

Главным здесь является вопрос о правительстве. По конституции только кандидатура председателя правительства должна быть одобрена Государственной думой. Президент может распустить Думу после троекратного отклонения предложенной кандидатуры.

Дума также может выразить недоверие правительству простым большинством, однако президент может не согласиться с этим решением. Если через три месяца Дума вновь выразит недоверие правительству, президент либо соглашается с этим решением, либо может распустить Думу и назначить новые выборы, но лишь через год после избрания Думы.

Это может привести к следующему развитию событий.

1. Президент Б.Н. Ельцин выносит кандидатуру премьера для утверждения Думой. Здесь возможны два варианта:
   а) Б.Н. Ельцин хочет спровоцировать роспуск Думы и выносит заранее неприемлемую кандидатуру, например Е.Т. Гайдара;
   б) он предварительно согласовывает состав правительства с умеренными фракциями и стремится добиться большинства.

Первый вариант будет означать, что Б.Н. Ельцин не признает поражения на выборах, считает его досадной случайностью и надеется на победу на новых выборах. После троекратного отклонения кандидатуры он распускает Думу и назначает новые выборы. Такой вариант

будет большим просчетом Б.Н. Ельцина. Уставшие от выборов россияне наверняка обвинят его в неспособности управлять и выберут еще более консервативную Думу. Кроме того, в этом случае Дума может, утвердив председателя правительства, вынести через день вотум недоверия правительству в целом и застраховать себя от роспуска на год.

Второй вариант будет означать, что президент принял решение внести коррективы в ход реформ. Он должен будет заключить союз с другими демократическими фракциями: партиями С.М. Шахрая и блоком Г.А. Явлинского, договариваться с блоками «Женщины России», независимыми депутатами и составить коалиционное правительство. Недавние увольнения представителей партии С.М. Шахрая из президентской администрации говорят о том, что Б.Н. Ельцин пока далек от этого пути и винит в поражении не себя и свою политику, а тех, кто мог бы стать его союзником. Если эта линия продолжится, то он останется в парламенте в явном меньшинстве.

2. Б.Н. Ельцин не выносит кандидатуру председателя правительства на одобрение Думы. Этот путь законен с точки зрения конституции. В этом случае также возможно два варианта.
   а) Б.Н. Ельцин стремится избежать вотума недоверия правительству, внеся в его состав изменения. Этот путь по вышеизложенным причинам пока маловероятен.
   б) Дума выносит два вотума недоверия правительству с промежутком в три месяца, и Б.Н. Ельцин либо вынужден дать приемлемую кандидатуру, либо выйти за рамки конституции и игнорировать Думу.

Состояние новой конфронтации с парламентом для Б.Н. Ельцина сегодня гораздо опаснее, чем ранее. Во-первых, у президента уже не будет аргументов о том, что новый парламент не избран демократически, непрофессионален и т.п. Во-вторых, если симпатии россиян в прошлом конфликте были явно на стороне президента, то итоги выборов говорят о том, что на этот раз ситуация может быть не такой однозначной. Кроме того, известно, что многие военные части проголосовали за В.В. Жириновского и не известно, сможет ли Ельцин найти в войсках хотя бы ту минимальную поддержку, которую он получил в октябре 1993 г.

Таким образом, у российского президента два пути: либо договариваться с парламентом и изменять политику, либо идти на нарушение своей же конституции, новую конфронтацию с неизвестным исходом.

Смерть Советов и российская государственность[1]

Советы в России пали через без малого 90 лет после своего рождения. Казалось бы, мне, депутату Моссовета, нужно было бы страдать и возмущаться. Но последние события вызывают у меня совсем другие чувства. И не только потому, что впервые получившие реальную власть, избранные по более или менее демократическому закону, Советы превратились в последние годы сначала в места бесполезной болтовни весьма амбициозных, но совершенно бесполезных, часто психически неуравновешенных личностей, неспособных к реальному кропотливому делу государственного управления, а затем в союзников профашистских сил, тормоз преобразований. Все это – черты лишь данных Советов, избранных в перестроечной суматохе, когда наиболее «демократичным» считался самый громогласный кандидат.

Причины гораздо глубже. Крах Советов в России еще раз показал, что сама идея полновластия Советов, то есть представительных органов, не подходит для России. И дело здесь вовсе не в идеологических построениях наших «радикальных демократов» вроде И.И. Заславского или Г.Х. Попова, которые, когда им было выгодно, со всех трибун провозглашали «Вся власть Советам!», а как только перешли в исполнительные органы, стали с ними бороться. «Советская власть», то есть парламентская форма правления, существует во многих странах мира: в Англии с ее бывшими колониями Индией, Канадой, Австралией, а также Италии, Испании, Швеции, Японии... Во многих из этих стран, политическую систему которых никто не называет недемократической, вся местная власть принадлежит советам, в Англии они, например, так и называются «каунсилз», то есть «советы». Англия, колыбель мировой демократии, от этого не становится диктатурой, и никто не стремится свергнуть там «советскую власть».

И тем не менее эта система явно не сработала в России. Советы начиная с 1991 г. сначала добровольно отдали власть исполнительным органам, затем начали с ними бороться и поставили страну на грань гражданской войны. Почему это произошло?

[1] Впервые опубликовано в газете «Московский Запад» (1993. 15–21 ноября. № 46 (116). С. 1, 3).

Я думаю, что причина здесь не в форме правления, не в отличиях российских Советов от английских, а в отличиях нас, россиян, от англичан, в различиях нашей истории, психологии, традиций. В демократических государствах Европы система представительной власти – плод многовекового эволюционного развития, постепенного перехода власти из рук суверена, чаще всего монарха, в руки парламента и органов местного самоуправления. Поэтому с годами эта система получила устойчивость, обросла традициями, и представить себе, что в какой-либо из этих стран кто-то будет отстаивать свои права, стреляя из автоматов, довольно сложно.

В России, где демократические традиции чрезвычайно слабы, где любое противоречие, любой политический спор неизбежно переходят в личную вражду и острый конфликт, где люди в течение долгих десятилетий сталинщины и брежневщины приучились к пассивности, парламентская, «советская» система явно не подходит.

России нужна сильная государственная власть. Но не та, которая расправлялась с неугодными, была очень эффективна в борьбе с частной инициативой и даже с частной жизнью граждан, но ничего не могла сделать для их благосостояния и развития страны. Нам нужна власть, которая обеспечит наши права – будет бороться с преступностью, наведет порядок и чистоту в нашем городе, решительно и в интересах конкретных людей, а не абстрактных экономических принципов, проведет экономические реформы, возродит культуру и духовные ценности народа, защитит права России на международной арене, превратит Россию в сильное, процветающее государство с нормально работающей рыночной экономикой, где богаты не чиновники и государственный аппарат, а в достатке живет все население.

Такой исторический прорыв может обеспечить только сильное целеустремленное государственное руководство. И это вовсе не призыв к диктатуре. Сильная власть – неотъемлемый признак демократического государства. Например, руководство демократических США недавно, нисколько не раздумывая, послало войска для подавления беспорядков в Лос-Анджелесе, которые угрожали мирным жителям, у нас же вся московская милиция врассыпную разбежалась перед горсткой мятежников, а армия полдня раздумывала, «демократично» ли стрелять в бандитов, если они стреляют в народ. Это, конечно, не вина солдат или милиционеров, это преступление политического руководства, не обеспечившего защиту граждан и доведшего дело до кровавого конфликта.

И когда я вижу, как руководители армии, Министерств внутренних дел и безопасности, которые «проспали» мятеж и чуть было не сдали нас в руки фашиствующих молодчиков, а потом вдруг, испугавшись, стали вовсю молотить из танков в центре Москвы, уже не разбирая по кому, получают ордена и поощрения, мне становится страшно. Неужели эти беспомощные люди будут и дальше отвечать за нашу безопасность? Что же нас тогда ждет?

Меня раздражают разговоры наших «чистых» демократов о том, что президент сегодня берет в руки слишком много власти, что Россия скатывается к «мягкому тоталитаризму». Как еще раз показали октябрьские события, у нас царит не мягкий тоталитаризм, а очень даже жесткая анархия. И необходимо как можно скорее наводить порядок. Возьмем, например, историю с режимом регистрации в Москве. Согласно новым правилам, жители ближнего зарубежья, то есть бывших республик СССР, должны будут регистрироваться в столице, а в случае отказа – сначала штрафоваться, а затем высылаться за ее пределы. Очевидно, что эта мера принята для борьбы с преступными бандами, многие из которых состоят из «гастролеров». Честному человеку нечего бояться зарегистрироваться, незарегистрировавшийся же преступник будет легче найден и обезврежен работниками милиции.

Однако после принятия этого решения московское правительство сразу же было обвинено в «нарушении прав человека». И кто же его обвиняет? Это бывшие народные депутаты России, которые переместились из Верховного Совета в мягкие кресла членов президентских комиссий по законодательным предположениям и правам человека. Конечно, в идеале регистрации быть не должно. Но мы живем не в идеальном государстве с четкими границами, надежно защищенными государственной властью. Именно эти депутаты, которые сейчас критикуют режим регистрации, приложили немало усилий, чтобы наши старые границы рухнули, они же забыли принять решения по созданию новых границ, именно они расшатали правоохранительную систему, насадив туда «демократических», но совершенно неспособных к управлению руководителей, то есть создали в стране ситуацию неуправляемости и вседозволенности. Права каких же людей они сегодня защищают – москвичей, которых призывают вновь за себя голосовать, или опять абстрактного человечества, что обычно означает никого конкретно? Особый режим в Москве должен быть сохранен хотя бы до восстановления нормальных государственных границ, именно в этом, а не в абстрактных идеях заключается демократия, которую должно защищать сильное государство.

России нужна сильная, эффективная демократическая власть. В сегодняшних российских условиях, в этот острый переходный период, как многократно писал наш великий соотечественник А.И. Солженицын, только сильная власть способна обеспечить нормальное развитие страны, покой, безопасность и благосостояние граждан. Такой властью в России может быть только сильная президентская республика с сильным профессиональным парламентом. Поэтому не будем оплакивать Советы. Постараемся лишь, чтобы в новые органы власти пришли новые люди. В новом российском парламенте, в президентских структурах должны работать не беспомощные крикуны, а профессионалы, понимающие сложнейшие задачи государственного строительства в России.

Россия: борьба вокруг двух проектов конституции обостряется[1]

Последнюю неделю словесная борьба между сторонниками парламента и президента в России практически полностью приняла форму взаимной критики двух проектов конституции. После частичной победы на референдуме президент Б.Н. Ельцин явно начал вести дело к принятию конституции без одобрения парламентом через специально созванное Конституционное совещание. Разочаровавшись в проекте, подготовленном Конституционной комиссии, созданной Съездом народных депутатов и председателем которой, кстати, является он сам, президент Б.Н. Ельцин поддержал другой проект, составленный заместителем премьера С.М. Шахраем, мэром Санкт-Петербурга А.А. Собчаком и бывшим председателем Комитета конституционного надзора СССР С.С. Алексеевым. Это подтолкнуло Верховный Совет к ускорению работы над собственным проектом, который в основном составил секретарь Конституционной комиссии О.Г. Румянцев.

Оба проекта во многом совпадают. Это касается основных положений, где говорится о демократическом характере Российского государства, правах и свободах граждан, а также статей о разграничении полномочий между центром и субъектами Федерации. И тот и другой проект, как и ныне действующая конституция, включают в себя подписанный в прошлом году конституционный договор.

Главное различие двух проектов состоит в том, что президентский проект дает президенту гораздо больше прав. Сравним два проекта по нескольким основным пунктам.

1. В президентском проекте президент получает гораздо больший контроль над правительством. В президентском проекте президент назначает всех министров и лишь председатель правительства утверждается парламентом. В проекте Конституционной комиссии парламент, кроме премьера, утверждает также министров экономики, финансов, внутренних и иностранных дел, обороны и безопасности.
2. В президентском проекте президент получает гораздо больше прав в отношениях с парламентом. По президентскому проекту

[1] Написано для газеты «Чжунго шибао» в мае 1993 г.

президент получает права объявлять выборы в парламент, а также распускать парламент в случае, если последний не утвердит предложенную президентом кандидатуру премьера, или «в других случаях, когда кризис государственной власти не может быть разрешен на основании процедур, установленных конституцией». Парламент, в отличие от проекта Конституционной комиссии, формально также наделяется большими правами. Так, ему предоставлено право выражать вотум недоверия правительству в целом. Однако это право теряет свое значение в свете постоянной угрозы роспуска парламента президентом.

3. В проекте Конституционной комиссии парламенту предоставляется ряд прав, которые в президентском проекте относятся к полномочиям президента: принимать решения по основным направлениям внешней и внутренней политики РФ, назначать референдум РФ и т.д.
4. В президентском проекте отсутствует должность вице-президента.
5. В президентском проекте, по сравнению с парламентским, значительно сокращены полномочия Конституционного суда. Конституционный суд фактически наделяется только правом рассматривать соответствие конституции актов различных органов власти. Право же интерпретировать конституцию предоставляется Высшему судебному присутствию, состоящему из руководителей Конституционного, Верховного и Высшего арбитражного судов. Создание этого нового, явно лишнего органа в системе правосудия (уже существование двух высших судов: Верховного и Конституционного – явное излишество) преследует политическую цель уменьшить влияние нынешнего состава Конституционного суда, многими решениями которого Б.Н. Ельцин недоволен.
6. В президентском проекте президент получает право приостанавливать действия законов и других актов, если они противоречат конституции, до решения соответствующего суда.

Практически все остальные сколько-нибудь значительные моменты обоих проектов совпадают. Президентский проект составлен в более благоприятных для национальных республик выражениях, однако, по сути, никаких серьезных уступок пока не делается. Обвинения со стороны парламента в том, что президентский проект нарушает права человека, узаконивает договорный характер отношений с республиками, предоставляет президенту возможность править авторитарно, вряд ли можно признать объективными. Даже если этот

проект и будет принят, полномочия российского президента будут лишь слегка превышать полномочия, например, президента Франции. Некоторую возможность авторитаризма президентский проект в себе заключает, однако ее можно устранить, убрав два-три неудачных положения. Сравнив два проекта, сегодня можно сказать, что и тот и другой имеют недостатки, но любой из них гораздо лучше тех разрозненных отрывков, которые сегодня считаются российской конституцией. Принятие любого из них было бы значительным шагом вперед.

Однако само принятие новой конституции сегодня представляется весьма проблематичным. Своим указом от 12 мая Б.Н. Ельцин постановил созвать в Москве 5 июня конституционное совещание, на котором за пять дней должна быть завершена работа над президентским проектом. До 5 июня работу над проектом продолжит рабочая комиссия, в состав которой Б.Н. Ельцин, наряду с руководителями некоторых союзных ведомств, краев и областей, включил также ряд руководителей республик. Однако руководители 11 из 19 входящих в Россию республик за день до этого обнародовали заявление, в котором выразили несогласие и с содержанием президентского проекта, и с намечаемым способом его принятия. Они заявили, что проект игнорирует права республик как суверенных государств и что любая новая конституция должна быть принята в соответствии с действующей, то есть Съездом народных депутатов.

Интересно, что некоторых из подписавших заявление лидеров республик Б.Н. Ельцин включил в рабочую группу. Туда вошли председатели Верховных Советов Башкортостана М.Г. Рахимов, Карелии В.Н. Степанов и президент Якутии М.Е. Николаев. Включен туда и президент Татарстана М.Ш. Шаймиев, который вообще игнорирует российскую конституцию, считая, что отношения между Россией и его республикой должны определяться особым договором. Ясно, что, если даже все они и примут участие в работе группы, окончательный вариант будет совершенно иным, так как руководители республик будут требовать фактически договорного устройства России. Кроме того, они потребуют принятия новой конституции Съездом, который распад России вряд ли захочет утвердить.

Верховный Совет на своем заседании отверг проект президентской конституции и постановил завершить работу над своим проектом в июле. Однако в руководстве Верховного Совета наметился раскол. Заместитель председателя Верховного Совета Н.Т. Рябов выступил за участие в работе конституционного совещания. Н.Т. Ря-

бов, как и некоторые другие депутаты, вероятно, понимают, что реальное противоречие при принятии конституции будет не между президентом и парламентом, а между центром и республиками. Чтобы предотвратить распад страны, они готовы пойти на объединение двух проектов. Предложение Н.Т. Рябова поддержал и председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин, однако оно не было принято депутатами. Верховный Совет принял решение обратиться в Конституционный суд, чтобы последний вынес решение о конституционности действий Б.Н. Ельцина.

В принципе и председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов не возражает против объединения двух проектов. Однако он настаивает на исключительном праве Съезда народных депутатов принимать конституцию.

Вероятно, в ближайшее время президент Б.Н. Ельцин окажется перед выбором: либо объединять свой проект с проектом конституционной комиссии и соглашаться на компромисс со Съездом, либо идти на уступки республикам. В первом случае он вынужден будет согласиться с меньшим объемом полномочий, которые, впрочем, и в парламентском проекте достаточно обширны, однако сохранит целостность России. Он также получит реальную возможность усилить раскол в Верховном Совете и укрепить там свое влияние. Во втором случае он сохранит сильные полномочия в отношениях с парламентом, но фактически перестанет контролировать республики.

Ельцин выдвигает план действий, который трудно будет реализовать[1]

Вечером 6 мая 1993 г., на следующий день после объявления официальных результатов референдума, президент России Б.Н. Ельцин выступил по телевидению с изложением планов дальнейших действий. Результаты референдума, безусловно, воодушевили российского президента. Тот факт, что более 58% принявших участие в голосовании поддержали президента и более 53% – его экономическую политику, значительно укрепил позиции Б.Н. Ельцина. Нельзя не согласиться с его словами: референдум «подтвердил, что россияне действительно хотят радикальных изменений в России»[2].

Для обеспечения этих радикальных перемен Б.Н. Ельцин выдвинул план, который можно свести к нескольким пунктам:

1. Работать, фактически игнорируя Съезд народных депутатов и Верховный Совет, которые, по его мнению, утеряли право выступать от имени народа.
2. Лишить реальной власти активно выступавшего против его курса вице-президента А.В. Руцкого.
3. Принять новую конституцию в обход Съезда народных депутатов через конституционное собрание.
4. В соответствии с новой конституцией пр*и*нять закон о выборах в новый парламент и провести их осенью этого года.
5. Провести кадровые изменения в правительстве.

Если рассмотреть все эти пункты один за другим, можно прийти к выводу, что ни один из них нельзя осуществить на практике без серьезной борьбы, результат которой трудно предсказать.

1. Б.Н. Ельцин, пожалуй, может сегодня игнорировать парламент в том отношении, что деморализованные поражением руководители Верховного Совета вряд ли решатся в ближайшее время созвать Съезд с целью ограничить полномочия президента и тем более отрешить его от власти. Даже в случае, если такие попытки будут сде-

[1] Впервые опубликовано на китайском языке в газете «Чжунго шибао» 13 мая 1993 г.

[2] Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин выступил по российскому телевидению с оценкой итогов Всероссийского референдума 25 апреля 1993 г. http://prohistory.ru/ru/chronics/1993.

ланы, они, скорее всего, будут дезавуированы Конституционным судом, так как результаты референдума с точки зрения закона выше решений Съезда. Кроме того, парламент после референдума практически утерял влияние на центральные министерства, которые открыто игнорируют его. Об этом свидетельствует, например, выступление 6 мая в парламенте министра внутренних дел, который заявил, что милиция будет еще более жестко действовать против коммунистических демонстрантов. Ранее парламентская комиссия признала действия милиции незаконными.

Однако Верховный Совет продолжает контролировать некоторые влиятельные ведомства в центре и пользуется поддержкой всей системой Советов на местах. В центре это прежде всего Центральный банк и прокуратура, руководители которых назначаются Верховным Советом. Центральный банк и его председатель В.В. Геращенко проводят независимую от правительства политику, и правительство уже давно безуспешно пытается отобрать его у парламента. Генеральный прокурор В.Г. Степанков из-за своей двусмысленной позиции лавирует между президентом и парламентом и не принимает решительных мер против откровенно антиконституционных действий оппозиции типа распространения фашистской литературы или создания полувоенных формирований. Последние дни президент оказывает сильнейшее давление на В.В. Геращенко, призывая его уйти в отставку. Уйдет ли В.В. Геращенко и если уйдет, то кто станет его преемником (президент, очевидно, хотел бы видеть на этом посту нынешнего заместителя премьера, известного реформатора Б.Г. Федорова)? Решение этого вопроса послужит показателем реального влияния Б.Н. Ельцина. В своей речи Б.Н. Ельцин на эту тему высказался весьма расплывчато, заявив, что для обеспечения четкой антиинфляционной позиции правительства и Центрального банка «принимаются меры».

2. Б.Н. Ельцин посвятил значительную часть своей речи критике вице-президента А.В. Руцкого. Это еще раз подтверждает черту российских руководителей рассматривать политическую борьбу крайне персонифицированно. Между тем А.В. Руцкой, который еще несколько месяцев назад сравнялся с Б.Н. Ельциным по популярности, своей фактической поддержкой крайне непопулярного Съезда народных депутатов нанес себе огромный вред. Сегодня его популярность настолько упала, что он вряд ли может составить серьезную конкуренцию Б.Н. Ельцину на выборах.

Б.Н. Ельцин особенно опасается приобретения А.В. Руцким весьма популярного в России имиджа борца с коррупцией, который

вице-президент пытается создать себе последними выступлениями. Б.Н. Ельцин действительно может лишить А.В. Руцкого, который по конституции должен лишь выполнять отдельные поручения президента, каких-либо реальных полномочий. Однако это лишь поставит А.В. Руцкого в положение обиженного и развяжет руки для критики президента и правительства. Каких-либо конституционных возможностей заставить А.В. Руцкого уйти в отставку у Б.Н. Ельцина нет, а сам А.В. Руцкой, как он многократно заявлял, в отставку не собирается.

3. Убедившись в том, что Съезд не примет необходимую президенту новую конституцию, Б.Н. Ельцин явно планирует принять ее в обход Съезда через какое-то Конституционное совещание, в котором должны участвовать представители всех субъектов Федерации, федеральной власти, «здравомыслящих политических сил», народные депутаты. Здесь Б.Н. Ельцину предстоит решить множество сложнейших проблем.

Во-первых, такой путь принятия новой конституции полностью противоречит ныне действующей конституции, согласно которой ее должен принимать Съезд народных депутатов. Б.Н. Ельцину придется преодолевать сопротивление не только Съезда, но и Конституционного суда. Здесь может потребоваться новый референдум, однако Съезд вряд ли согласится на его проведение, а Б.Н. Ельцин силами исполнительной власти без поддержки местных Советов не сможет его организовать.

Кроме того, создание некоего органа, состоящего в основном из представителей областей и республик, вряд ли возможно. Большинство республик отвергнет идею ельцинской конституции об уравнении в правах республик и областей. Представители Татарстана и Якутии уже подвергли новый проект критике и потребовали в высшей палате большинства для представителей национальных образований (согласно ельцинскому проекту в высшую палату избираются по два представителя от каждой республики и области, что практически лишает республики влияния, так как областей значительно больше). Непонятно также, кто будет решать, какие политические силы и депутаты являются здравомыслящими, кто представляет федеральные власти. В любом случае Б.Н. Ельцину придется пойти на большие уступки республикам, и в этом случае его проект может оказаться даже хуже, чем проект конституционной комиссии Съезда.

Парламент, кстати, опасаясь, что его обойдут, значительно активизировал работу по разработке своего проекта и собирается принять его осенью на Съезде.

4. Новый закон о выборах и выборы в парламент столкнутся с теми же проблемами, что и конституция. У Б.Н. Ельцина нет никаких законных оснований принимать такой закон в обход парламента. Более того, на референдуме вопросы о досрочных выборах Съезда и президента не собрали необходимого большинства (50% от зарегистрированных избирателей), что будет интерпретировано Съездом и Конституционным судом как голосование против. Поэтому Б.Н. Ельцину нужно будет либо распускать Съезд силой, что он делать пока опасается, либо идти на какое-то соглашение, что сегодня тоже вряд ли возможно.

5. Б.Н. Ельцин, безусловно, может произвести перестановки в правительстве. Последнее время ходят слухи о возвращении туда реформаторов, в том числе Е.Т. Гайдара. Однако Б.Н. Ельцин будет вынужден проявлять значительную осторожность, чтобы не нарушить сложившийся в правительстве баланс между промышленниками-практиками и реформаторами-теоретиками. Лидер практиков премьер В.С. Черномырдин сегодня является одной из важнейших опор Б.Н. Ельцина. Больше того, пожалуй, важнейшим результатом референдума стало то, что курс президента поддержало значительное число разумных промышленников и бюрократов, которые разочаровались в неконструктивной позиции Съезда. Отпугнуть этих людей путем назначения в правительство слишком большого числа политиков-теоретиков, которых они считают неопытными выскочками, было бы сегодня для президента непростительной политической ошибкой.

В любом случае Б.Н. Ельцину предстоит серьезная борьба, исход которой сегодня трудно предопределить. Его позициям угрожают и парламент, и местные элиты, многие из которых, используя неразбериху в Москве, пытаются получить больше прав и власти, и радикальная коммунистически-фашистская оппозиция, которая, проиграв на референдуме, стремится перенести борьбу на улицы.

Россия: коммунисты активизируются[1]

В последнее время наблюдатели уделяют значительное внимание захватывающей борьбе в России между парламентом и президентом Б.Н. Ельциным. Независимо от того, кто в результате возьмет верх, сегодня совершенно ясно, что эта борьба уже значительно расшатала молодую российскую политическую систему и парализовала возможность обеих сторон конфликта принимать серьезные решения в области внутренней политики.

Увлекшись борьбой между собой, две группировки, по-разному понимающие будущее реформ, не замечают, как усиливаются те, кто хочет повернуть Россию в противоположную сторону, те, кто проиграл в августе 1991 г. Особенно опасно то, что и команда президента, и группировка председателя парламента Р.И. Хасбулатова либо открыто заигрывают с радикальной оппозицией, либо демонстрируют нежелание и неспособность принимать меры даже против самых явных антиконституционных действий.

Пользуясь полной безнаказанностью, оппозиция все активнее организует свой «право-левый» блок, состоящий из ортодоксальных коммунистов и радикальных националистов, который приобретает все бóльшую популярность. Конечно, популярность оппозиции во многом объясняется экономическими сложностями, неудачами реформ, падающей поддержкой правительства. Но это лишь отчасти. В условиях стабильной власти, готовой отстаивать законность, любое недовольство правительством канализировалось бы в менее радикальных политических течениях, участие в которых казалось бы более безопасным и перспективным. Только в обстановке полной анархии и вседозволенности, царящей сегодня в России, могут процветать сталинско-коммунистические и открыто фашистские группировки, открыто проповедующие классовую либо национальную вражду и призывающие к вооруженному восстанию.

Активность коммунистов подстегнуло недавнее противоречивое решение Конституционного суда по делу компартии. Рассмотрев конституционность указа Б.Н. Ельцина о запрете компартии и конституционность самой компартии, Конституционный суд принял половинчатое решение, признав незаконными центральные органы

[1] Написано в марте 1993 г. для газеты «Чжунго шибао».

бывшей КПСС, но разрешив ее низовые структуры. Такое решение было, вероятно, обусловлено составом суда, который, как известно, избирался парламентом по представлению Р.И. Хасбулатова, причем кандидатуры рекомендовали фракции. В результате состав суда отражает расстановку сил в парламенте, и коммунистам и сочувствующим там не хватает лишь двух человек для большинства, причем два места в составе суда остаются пока вакантными. Достаточно колебаний одного судьи, и решение может быть принято в пользу оппозиции.

Всероссийский съезд коммунистов, состоявшийся в середине февраля, стал закономерным следствием этого решения. Назвавшись Коммунистической партией Российской Федерации (КПРФ), а не РСФСР, его организаторы избежали формальных обвинений в восстановлении старой компартии, хотя и потребовали ее имущество. Новая организация грозит стать самой многочисленной политической партией в России, уже сегодня заявляя, что в ее рядах – 500 тысяч членов. Лишь благодаря твердой позиции мэра Москвы Ю.М. Лужкова организаторы не смогли провести съезд в Москве и были вынуждены поехать в Подмосковье.

Съезд коммунистов показал, что в сегодняшней России коммунисты, националисты, фашисты – это практически одни и те же люди и опираются они на одни и те же социальные слои. Идеалистические надежды некоторых на то, что на съезде будет создана некая левая организация социал-демократического типа, не оправдались. Более либеральная группа бывшего члена горбачевского ЦК В.А. Купцова потерпела очевидное поражение на съезде, и председателем Центрального исполнительного комитета был избран Геннадий Зюганов, известный своими сталинистскими взглядами, один из лидеров Фронта национального спасения. Вероятно, новая партия займется организацией массовой базы для Фронта национального спасения – этого оппозиционного союза коммунистов, фашистов, националистической интеллигенции, объединенных ненавистью к либеральным реформам и империалистической идеологией.

У КПРФ есть несколько конкурентов. Наиболее активный из них – Коммунистическая рабочая партия во главе с депутатом Моссовета В.И. Анпиловым. Если КПРФ пока в основном партия бывших коммунистических аппаратчиков, пытающихся восстановить свои позиции, то партия В.И. Ампилова, вместе с составляющими с ней одно целое движениями «Трудовая Россия» и «Трудовая Москва» – новая организация боевых коммунистов-сталинцев, выросшая в скандалах и драках с милицией. Конкуренция между парти-

ями В.И. Ампилова и Г.А. Зюганова вряд ли будет идеологической, хотя формально КПРФ и более реалистична (признает конституцию и разные формы собственности). Борьба между ними может быть чисто личной, и на время митингов или выборов, скорее всего, будет оставлена в стороне.

Способность оппозиции объединяться показал антиправительственный митинг в Москве 23 февраля 1993 г. в бывший День Советской армии. Организаторы утверждали, что на Манежную площадь, где еще полтора года назад сотни тысяч людей собирались на демократические митинги, в этот раз вышло от 250 до 500 тысяч человек. Оценки работников правоохранительных органов были правда гораздо скромнее: 10–20 тысяч. Но очевидцы говорили, что демонстрантов было никак не меньше 100 тысяч, что гораздо больше любого предыдущего митинга коммунистов.

В рядах митингующих было много действующих военных. Многие ораторы открыто призывали народ к восстанию (правда, добавляя «бескровному»). Бывший депутат Верховного Совета СССР С.З. Умалатова призвала народ подняться на борьбу, «если хоть один голос упадет с головы оппозиционно настроенных офицеров». Один из лидеров Фронта национального спасения И.В. Константинов заявил, что «время слов прошло и пора приступать к активным действиям». В.И. Ампилов призвал устроить 17 апреля новое Всенародное вече, которое должно перерасти в бескровное восстание.

Итогом митинга стало избрание Комитета национального спасения России (его возглавил генерал А.М. Макашов) и решение о начале формирования «народного ополчения».

Несмотря на явные антиконституционные призывы, за которые в любом демократическом государстве можно легко попасть за решетку, власти на митинг никак не реагировали. Практически не реагируют власти и на другие опасные явления. Так, без последствий для участников прошло недавно официально запрещенное Министерством обороны так называемое «офицерское собрание, призвавшее к борьбе с “оккупационным правительством”». В нем участвовали многие действующие офицеры.

В недавнем телеинтервью генеральный прокурор В.Г. Степанков заявил о наличии у целого ряда националистических групп сети вербовки наемников и переправки их в Молдову, Абхазию и Сербию. Прокурор отметил, что в России нет закона, по которому эту деятельность можно было бы пресечь, и что он направил проект такого закона в Верховный Совет. Единственный случай, по которому про-

куратура все же произвела аресты, – это когда одна из националистических групп под видом Федерации профессионального бокса создала боевой отряд и даже тренировочную базу для него. Всем, однако, известно, что таких отрядов в России существует несколько и прокуратура принимает меры крайне медленно и неохотно. А ведь именно эти боевые отряды и могут начать гражданскую войну уже в самой России, как это случилось, например, в Таджикистане.

Кризис власти губителен для России. Обстановка полного паралича власти начинает сегодня все больше напоминать лето и осень 1917 г., когда демократическая власть, запутавшись во внутренней борьбе, не смогла противостоять вооруженным радикальным группам и рассыпалась, уступив дорогу диктатуре.

Кто такие российские демократы?[1]

Декабрь всегда был судьбоносным месяцем для Советской империи. 30 декабря 1922 г. в Москве был официально образован Союз Советских Социалистических Республик. 27 декабря 1978 г. советские войска вошли в Афганистан и началась жестокая война, ставшая одной из главных причин падения коммунистического режима. В ноябре и декабре 1989 г. антикоммунистическая революция покончила с советским господством в Восточной Европе, и, наконец, 25 декабря 1991 г. первый и последний президент СССР М.С. Горбачев объявил об отставке и Советский Союз официально прекратил существование.

Теперь народ великой империи живет без СССР. Стала ли жизнь от этого лучше? Есть известный анекдот – председатель колхоза объявляет на отчетном собрании: «У меня для вас есть две новости, плохая и хорошая. Плохая новость – в будущем году нам будет нечего есть, кроме навоза. Хорошая новость – навоза у нас много».

Хорошая новость в нашем 1992 г. та, что у нас по-прежнему есть свобода, которой мы обязаны главным образом М.С. Горбачеву. В российской истории никогда еще не было такого долгого периода, когда бы россияне могли свободно выражать свое мнение. У нас нет цензуры, россияне могут ездить за границу и обратно, и никого не судят за убеждения. Еще более важно то, что эта свобода институционализирована в рамках далеко не идеальной, но относительно стабильной властной структуры с тремя работающими ветвями власти: президент, парламент и Конституционный суд.

Но есть и плохая новость: эта свобода досталась отнюдь не всем жителям бывшего Советского Союза. В некоторых новых государствах, таких как Узбекистан и Туркменистан, возникли гораздо более репрессивные, чем социализм в последние годы своего существования, режимы. Руководители некоторых государств, народы которых притеснялись при социализме, начали притеснять собственные меньшинства, как, например, притесняются русские меньшинства в Эстонии и Латвии; а кое-где даже начались этнические войны. Экономические реформы в большинстве бывших республик СССР либо вообще не начинались, либо провалились. Даже в России, где

[1] Написано в декабре 1992 г. для газеты «Чжунго шибао».

у власти целый год находилось правительство реформаторов во главе с 36-летним Е.Т. Гайдаром, экономика близка к коллапсу.

Правительство Е.Т. Гайдара было сформировано в январе 1991 г. со специальной задачей реформирования российской экономики. Е.Т. Гайдар и его команда молодых реформаторов провели ряд решительных мер, наиболее фундаментальной из которых была либерализация цен. Либерализация привела к неконтролируемому росту цен, в то время как приватизация уже сильно запаздывает. В результате государственные монополии смогли увеличить свои доходы, подняв цены и сократив производство.

Одной из главных целей Е.Т. Гайдара была ликвидация бюджетного дефицита, для чего правительство резко сократило кредиты предприятиям. Последующее падение объемов производства было катастрофическим; целые отрасли промышленности грозят остановиться. Более того, бюджетный дефицит в результате не только не был устранен, а наоборот, остается совершенно неподконтрольным.

В социальном смысле такая политика привела к резкому снижению жизненного уровня российского населения. Цены на такие товары первой необходимости, как хлеб, молочные продукты и овощи, поднялись в 100–150 раз, что поставило более уязвимые слои населения на грань нищеты.

Так стал ли распад СССР победой народа? Он, конечно, был неизбежен, но способ проведения реформ оказался не самым лучшим. Большинство западных наблюдателей склонны к упрощенному рассмотрению политических конфликтов в бывшем СССР. Многие из них основным конфликтом считают борьбу между коммунистами-консерваторами и реформаторами-демократами. Но все гораздо сложнее.

Возьмем, например, Россию. Россия почти не обладает традициями демократической политики, и такие западные термины, как либерализм, демократия, консерватизм и патриотизм, понимаются здесь совсем по-другому. В российской политике по-прежнему доминируют кланы. Эти кланы – не семейно-территориальные группировки восточного типа; они объединяются вокруг сильных бюрократических институтов, таких как президентская администрация, Верховный Совет, правительство и т.д. И за власть ведут борьбу российские демократы, центристы и патриоты в качестве представителей различных кланов. Так называемых «радикальных демократов» можно назвать кланом президента. В более широком смысле это прозападный клан. Его главная идея в том, что западная система представляет

собой идеальное «капиталистическое» или «антикоммунистическое» общество, описанное в коммунистических учебниках, и что быстрое построение такого же общества в России приведет к немедленному процветанию. Но название «демократы» не означает, что эти люди собираются использовать демократические методы для достижения своей цели. На самом деле многие российские радикальные демократы полагают, что любые методы достижения быстрого экономического роста приемлемы, и в их среде очень популярны такие фигуры, как генерал А. Пиночет или бывший корейский диктатор Пак Чжон Хи. Похожие на драки в тайваньском парламенте столкновения на сессии Съезда народных депутатов (российского суперпарламента), зачинщиками которых часто бывают демократы, показывают, что по образу мышления последние стоят ближе к Европе XVII и XVIII вв., чем к современным либеральным идеям.

Клан спикера парламента Р.И. Хасбулатова будет критиковать любое правительство, а не только правительство Е.Т. Гайдара, лишь для того, чтобы оправдать перед избирателями свое существование. Эта критика не имеет никакого отношения к коммунистическим идеям многих депутатов. Парламент был избран на пике антикоммунистической волны, почти одновременно с самим Б.Н. Ельциным, и трудно себе представить более коммунистическое происхождение, чем у самого Б.Н. Ельцина или у его советников, многие из которых являются бывшими партийными функционерами. Первоначально Съезд народных депутатов поддерживал Б.Н. Ельцина и даже избрал его своим председателем, но начал критиковать сразу, как только Б.Н. Ельцин покинул парламент и стал президентом. Таким образом, борьба за власть в России идет не между демократами и консерваторами, а между двумя сильнейшими институтами и двумя главными бюрократами.

Конечно, в парламенте есть и настоящие коммунисты, и радикальные националисты, но они не представляют собой серьезной силы и намного менее популярны в России, чем, скажем, Ле Пен во Франции или неофашисты в Германии.

Недопонимание на Западе российской политической жизни приводит к тому, что Запад близоруко оказывает существенную поддержку так называемым демократам, президенту Б.Н. Ельцину и его политике. Полная победа лидера одного из кланов может привести Россию к катастрофе и, возможно, к гражданской войне. России в действительности необходимо поддержание надежного баланса между различными кланами до тех пор, пока не возникнет истинная

демократическая система на основе многопартийной политики. Для Запада было бы разумнее вкладывать деньги не в какую-либо личность или клан, а в развитие цивилизованных форм политики, искусства достижения целей убеждением, а не силой, искусства компромисса. Только развиваясь в этом направлении, Россия в обозримом будущем сможет стать демократическим и стабильным соседом западных стран.

Остановить распад[1]

Многие сегодня спокойно относятся к происходящему на наших глазах процессу распада всех государственных структур, царящему безвластию, да и распаду самой России, надеясь на то, что, когда заработает реформа, все само как-то образуется. Некоторые говорят даже, что это-то и есть демократия. Однако мировой опыт говорит о том, что начавшийся распад будет трудно остановить и понявшие вкус власти местные князьки уже никогда ее добровольно не отдадут. Главная причина стремления к отделению вовсе не в том, что кто-то плохо живет. И более богатые части, и более бедные всегда найдут доказательства того, что их грабит центр. Главная движущая сила отделения – это стремление местной элиты, воспользовавшись слабостью центральной власти, присвоить принадлежащие ей права и привилегии.

Многие страны борются с сепаратизмом, будь то национальный, религиозный или какой-либо иной. Но прежде всего нужно понять его опасность и необходимость борьбы с ним. За единство страны можно выступать по причинам мистическим, как это делают наши крайне правые, стремящиеся восстановить великую Россию в границах 1913 г., поднять национальный дух, а заодно и проучить некоторые несговорчивые нации и народности, которые только и виноваты во всех наших бедах. Этап такой борьбы прошли многие страны (например, Германия) и поплатились за нее. Подобная мистически-фашистская борьба неприемлема для демократического государства.

Можно, однако, добиваться демократического устройства государства и вместе с тем понимать, к чему ведет его беспорядочный распад. В недавно опубликованном докладе Г.А. Явлинского есть интересная карта: темной краской разной интенсивности закрашены районы России, которым наше руководство даровало различные привилегии. Закрашено оказалось больше половины страны. Пусть не везде эти привилегии так велики, как в Татарстане. Но одно тянет за собой другое. Если сегодня налоги отказывается платить Татарстан, то завтра другие спросят: а чем мы хуже? Можно бы во всем соглашаться с реформой Е.Т. Гайдара (хотя это и не всегда легко сде-

[1] Впервые опубликовано в «Независимой газете» (1992. 7 июля. С. 5) под заголовком «Как предотвратить грозящую диктатуру. Нужны жесткость (в рамках закона) и гибкость (не исключающая применение силы)».

лать), но ведь завтра у него для реформы не будет ни одной области. Даже Москва не выполняет сегодня российские законы. Что же правительство будет реформировать завтра?

Последнее время вроде бы даже и сам Б.Н. Ельцин, и Г.Э. Бурбулис начали говорить, что распад страны – дело нехорошее. Однако политика остается бессодержательной. В лучшем случае это реагирование на уже случившийся кризис. Чем же должна быть наполнена политика демократического руководства? По-моему, она должна состоять из четырех основных компонентов.

Государство

Борясь с коммунистической властью, наши демократы приложили огромные усилия к уничтожению государства как такового. Я уже не говорю о том, что излишне поспешно был ликвидирован СССР с его властными структурами, которые могли гарантировать менее болезненное проведение реформ и как-то сдерживали бы конфликты в республиках. Я уже не говорю о том, что сразу после путча была упущена и заболтана возможность консолидировать страну на новой, некоммунистической основе, полностью изменив административное устройство и отдав под суд тех «суверенных лидеров», которые поддержали ГКЧП. Но беспокойство вызывает распад самых основных государственных институтов. Парализована армия. Плохо экипирована и не знает, кому подчиняться, милиция. Неизвестно чем занимается никому не подчиненная госбезопасность. Бездействуют заваленные делами суды. Сквозь пальцы на нарушения закона смотрит прокуратура.

В то же время в любом демократическом западном государстве, на опыт которых так любят ссылаться наши лидеры, отлично известно, что без четкой работы всех этих институтов никакая демократия невозможна. Ведь демократия состоит не только в том, чтобы принять хороший закон, но и в том, чтобы покарать того, кто его нарушает. А сделать это может только сильная государственная власть.

Для этого необходим независимый суд, который принимает дела к рассмотрению не по выбору, а по закону. Для этого необходима уважаемая, хорошо оплачиваемая и экипированная полиция. Для этого необходима эффективная, а не запуганная армия.

Кстати, об армии. За годы правления М.С. Горбачева у нас распространилась демагогическая сказка о том, что армия не должна участвовать в решении внутренних конфликтов. К сожалению, по-

верили в нее и военные. В то же время опыт демократических государств показывает, что неправомерным является лишь применение армии против законных властей, то есть переворот. Что же касается различных внутренних конфликтов, не говоря уже о катастрофах и стихийных бедствиях, то к помощи армии, как последнему средству, часто прибегают самые демократические правительства. За примерами далеко ходить не надо. На экранах телевизоров все только что видели, как четыре тысячи американских солдат были введены в Лос-Анджелес для подавления беспорядков, с которыми не справилась Национальная гвардия. Английская армия поддерживает порядок в Северной Ирландии. Я уже не говорю о таких странах, как Турция, Израиль, Индия, где применение армии для подавления внутренних волнений и сепаратизма – обычное явление.

Роль государства еще более возрастает в период реформ. Во имя их проведения, пожалуй, особенно необходимо придержать демократический пыл и понять необходимость решительных мер. Я здесь говорю не о пустых словах об укреплении исполнительной власти, которыми давно нас пичкают президент и его окружение. На практике мы видим лишь стремление подмять под себя представительные органы при полной беспомощности в отношении своих же подчиненных. Как можно допускать, чтобы назначенный тобой же губернатор ругал твою политику? Такое невозможно ни в одной демократической стране.

К сведению сторонников твердой руки: реформы проходили успешно не только при диктатуре, но и при вполне демократическом режиме, например в послевоенной Германии, Италии, Японии, проходят сейчас в Польше, Чехословакии, Венгрии. Но сильная государственная власть, пробивающая реформы, карающая нарушителей законов, борющаяся с коррупцией, беспорядками, терроризмом, незаконными забастовками (как это успешно делала М. Тэтчер в демократической Британии), крайне необходима.

Единство страны

Наша пропаганда много говорила о зверствах англичан в Северной Ирландии, но многие забыли, с чего все началось. К 1920 г. в Великобритании поняли, что Ирландии придется предоставить независимость. Однако большинство жителей севера Ирландии, где 60% составляют протестанты, хотели жить в Англии. Знакомая нам ситуация. Англия не предала протестантов, которыми сама, хоть и 300 лет

назад, заселила эти места. Она создала на этой территории парламент, который принял решение остаться в Англии. Когда в 60-х гг. в Северной Ирландии усилились беспорядки, а противоборствующие протестантские и католические группировки стали создавать полувоенные отряды, в Северную Ирландию была введена армия, а местные органы власти распущены. Конечно, сегодня в Северной Ирландии действуют террористы, гибнут люди. Однако выполнена воля большинства населения. К тому же не отдели Англия Северную Ирландию, а потом не введи туда войска, началась бы гражданская война, чреватая еще большим кровопролитием. Это признает сегодня и руководство Ирландии и не требует вывода английских войск. Кстати, после поражения коммунистических режимов, снабжавших североирландских террористов оружием, положение в Северной Ирландии может улучшиться.

Самые демократические страны решительно борются с сепаратизмом. США самую кровавую войну в своей истории вели против пытавшихся отделиться южных штатов. Конечно, сегодня не XIX в. Но и сегодня множество развитых стран сталкиваются с проблемой сепаратизма. Существуют движения, выступающие за независимость многих регионов Испании, Шотландии в Великобритании, Квебека в Канаде. Центральные правительства уже не воспринимают эту проблему так остро. Проводятся опросы, референдумы, где большинство, как это было в Шотландии и в Квебеке, высказываются за единство страны. Однако, если большинство захочет отделиться, проблема может быть решена законным путем. Но смешно даже предположить, что какая-то вооруженная националистическая группа навяжет в демократической стране свою волю всему населению, как у нас в Чечне, или кто-то заморочит голову избирателям, как в Татарстане.

Современный российский «демократ» сейчас же замашет на меня руками и скажет, что я призываю к крови и убийствам. Именно таких «демократов» я и считаю главными виновниками кровопролития в нашей стране. Потому что вовремя принятые меры по поддержанию правопорядка и законности, которым они противятся уже несколько лет, предотвращают гораздо большее кровопролитие. Чем дольше ждать, тем больше будет крови. Если несколько лет назад, когда центральная власть была еще сильна, армяно-азербайджанский конфликт можно было более или менее безболезненно разрешить, проведя новое разграничение, то сегодня остановить насилие уже почти невозможно. Если сегодня мы будем опять болтать о гуманизме да миндальничать с террористами, то получим гражданскую

войну между удельными княжествами за ресурсы и территории. Неужели в этом заключаются гуманизм и борьба за права человека?

Ответственность метрополии

СССР была империей, хотя и своеобразной. Она распалась. Такое в XX в. случалось не только с ней. Если бы не глупость и тщеславие политиков, все могло произойти как-то по-другому, однако старого не вернешь. И многие бывшие метрополии: и Англия, и Франция, и Испания – стараются извлечь выгоду из отношений с бывшими колониями. Понимания того, что с бывшими частями СССР у России могут быть совершенно особые отношения, что Россия ответственна в какой-то мере за ситуацию в них и уже безусловно ответственна за судьбу безвинных соотечественников, которых она туда послала и которые неожиданно для себя оказались в другой стране, – такого понимания у нынешнего российского руководства нет.

Обратимся к примеру демократических стран. Франция активно развивает экономические и культурные отношения с франкоязычными странами Африки. Англия проводит такую же политику в отношении стран Содружества наций. Экономическое сотрудничество, различные льготы, помощь приводят к тому, что бывшие колонии стремятся сохранить особые отношения с метрополией, хотя уже и на равноправной основе.

Однако у бывших метрополий есть и свои интересы. В последние десятилетия Франция несколько раз не колеблясь вводила войска в Заир, Чад и другие страны, если там возникала угроза стабильности и французским гражданам. Десять лет назад Англия послала армию на спорные Фолклендские острова, захваченные Аргентиной против воли населения, которое хотело жить под британским флагом. Английское правительство не пожалело усилий для обеспечения прав всего лишь 1800 жителей островов британского происхождения и было поддержано мировым сообществом.

Конечно, незачем всегда использовать армию, это лишь самое крайнее, нежелательное средство. Но активная дипломатическая поддержка своих граждан, пусть даже бывших, безусловно необходима. Хороший пример тому – участие Англии в переговорах по Родезии, где для белого меньшинства удалось выторговать квоту в парламенте.

У России есть все возможности, даже и не прибегая к армии, оказывать влияние на партнеров по СНГ, поддерживая те режимы, кото-

рые благоприятно относятся к русскому населению и России в целом. Она должна нести определенную ответственность за соответствие политики этих режимов международным нормам, обеспечение ими прав человека.

Я предвижу обвинения в призывах к вмешательству во внутренние дела и посягательстве на суверенитет независимых государств. Однако мировым сообществом признается сегодня, что права человека перестали быть внутренним делом одного государства. Об этом много раз писали и знаменитые наши правозащитники А.Д. Сахаров, С.А. Ковалев. И защита их не где-то далеко, а там, где Россия в какой-то степени повинна в создании ненормальной обстановки, тем более защита прав соотечественников – ее исторический долг.

Для этого вовсе не обязательно вводить куда-то войска. У России существует множество других средств проводить тонкую политику сочетания льгот и давления, чтобы помогать обеспечению в этих странах стабильности, сохранять дружественные отношения, препятствовать приходу к власти безответственных религиозных или националистических фанатиков. Но и применения силы, в случае, например, резни русских, я бы полностью не исключал. Это нисколько не противоречило бы международной практике. В этом ответственность России не только перед своими соотечественниками, но и перед всем цивилизованным миром.

Последние заявления нового российского министра обороны П.С. Грачева о защите военных и россиян, где бы они ни находились, обнадеживают. Последуют ли за ними реальные дела – покажет время.

В условиях империи, когда нет четких границ, люди не виноваты в том, что оказались на территории чужого государства. Их жизнь в нем может быть сносной, если государство это дружественно и выполняет взаимные договоренности (в данном случае определенные соглашениями об СНГ): сохраняет прозрачность границ, не требует виз, не строит таможен, не лишает меньшинство гражданских прав. Если же кто-то не соблюдает заранее оговоренные условия, права наших соотечественников нарушаются, то Россия имеет право принять меры по защите меньшинства. Такие случаи история тоже знает.

Вспомним, как развивался кипрский конфликт. В 1960 г. в результате компромисса между двумя общинами: более многочисленной греческой и менее многочисленной турецкой – возникла независимая Республика Кипр. Однако в 1974 г. в результате переворота, организованного правившей тогда в Греции хунтой, к власти в стране пришли силы, заявившие о присоединении к Греции. Начались при-

теснения турецкого населения. Не желавшие жить в Греции турки-киприоты обратились к Турции, и та ввела войска на остров для обеспечения их прав. Начались длительные переговоры, на которых турки предлагали создать федеративное государство, однако греки на это не шли. В результате в ноябре 1983 г. турки в контролируемой ими части провозгласили независимую Турецкую Республику Северного Кипра. Мировое сообщество ее не признало, однако никаких мер против Турции принято не было: все понимали, что она защищает права меньшинства.

Конфликт в Молдове, например, почти полностью повторяет эту историю. Однако никто не хочет учиться на чужих ошибках.

Традиционные союзы

Политики, пришедшие к власти на волне отрицания коммунизма, по инерции сегодня связывают с коммунизмом всю политику, которую проводила страна последние десятилетия. Во внешней политике это означает постоянные попытки превратить наших бывших друзей во врагов, а врагов – в друзей. Если раньше СССР противостоял НАТО и ЕЭС – значит, сегодня непременно нужно в них вступить, если М.С. Горбачев восстановил отношения с Китаем – значит, сегодня надо их непременно испортить.

Однако реальность показывает, что и при коммунизме лишь часть внешней политики СССР определялась идеологическими догмами, другая же ее часть соответствовала традиционным геополитическим интересам страны. Сегодня, после краха одного из блоков и вместе с ним всей системы разделения мира на два враждующих лагеря, не только Россия, но и ее бывшие оппоненты отбрасывают идеологию и возвращаются к традиционной внешней политике. Если мы совершенно верно отказываемся от никому не нужных и дорогих друзей-коммунистов вроде северокорейского или кубинского диктатора, то и США стремится сегодня переложить решение европейских проблем на сами страны Европы, побуждая их активнее действовать, например в югославском конфликте.

В этой обстановке «обратная» блоковость мышления руководителей нашей внешней политики представляется не только наивной, но и вредной. Она сводится примерно к таким представлениям: «Мы уничтожили коммунизм, Варшавский договор, сделали все, что вы хотели. Теперь кормите нас за это и выполняйте все наши требования».

Однако такая схема сегодня не работает. Отделавшись от досадного врага, страны Запада возвращаются к традиционным союзам и вовсе не хотят видеть в нестабильной и бедной России своего основного партнера. Они в большей степени, чем раньше, начинают отстаивать свои собственные интересы. Особенно явно это сегодня проявляется в Европе, где во многих вопросах определяющим стало влияние Германии. Это видно и в односторонней политике ЕЭС в Югославии, ориентированной в основном на поддержку Хорватии против Сербии (Германия на протяжении двух мировых войн воевала с Сербией и поддерживала хорватских националистов), и в международном осуждении Армении в армяно-азербайджанском конфликте (в этом регионе Германия всегда поддерживала политику Турции), да и в самом поспешном признании независимости бывших республик СССР, прежде всего Украины, где Германия всегда поддерживала националистов как противовес России и Польше. Впрочем, в последнем видна и рука Вашингтона, всегда стремившегося ослабить своего основного соперника на континенте.

Конечно, сегодня не XVIII в. И отнюдь не все определяется геополитическим противостоянием, мир изменился, в политике укрепились новые ценности, которые закреплены во многих документах ООН, лежат в основе объединения Европы. И этого нельзя не учитывать. Однако нельзя не учитывать и того, что часто под новыми лозунгами скрываются традиционные интересы.

Увидев то, что ни в НАТО, ни в ЕЭС Россию никто не ждет, а к ее стремлению вступить туда относятся с опасением, увидев стремление США поссорить нас с традиционным торговым и политическим партнером Индией, наши политики стали вроде бы понимать, что только за то, что мы демократы, нас никто любить не будет. России придется либо идти на постоянные уступки, либо проводить нормальную политику, исходя из собственных интересов и приготовившись к тому, что у нас время от времени будут возникать трения с другими крупными державами. Такие трения, впрочем, дело совершенно нормальное, они постоянно возникают между США и Японией, США и Европой, внутри ЕЭС и нормально разрешаются.

А собственные интересы России неразрывно связаны с традиционными партнерами. Не перечисляя всех, скажу лишь, что нам особенно важны сложившиеся отношения с Францией и Германией, Болгарией и Грецией, Израилем и Эфиопией, Китаем. К ним, безусловно, относятся и Сербия, и Индия – наши исторические союзники при всех режимах и правительствах, из-за которых сегодня у нас возникают трения с Западом.

Люди устали ждать, когда наши демократические лидеры по-настоящему овладеют обстановкой в стране. А время не ждет. Я не верю в то, что Россия распадется навсегда, она много раз слабела, но собиралась вновь. Поймут рано или поздно опасность распада России и наши западные партнеры. Конечно, сильная объединенная Россия для них не подарок, но ее альтернатива – распад на удельные княжества с безответственными режимами, контролирующими ядерное оружие и воюющими между собой, – еще более серьезная опасность. Это угроза не только России, но и всей мировой цивилизации, и будут предприняты меры, чтобы этого не допустить.

Но опасность в другом. Опыт 1917 г. показывает, что, если демократическая власть не способна остановить распад, установить порядок и начать отстаивать национальные интересы, это делают другие силы и другими методами, и страна на долгие годы может оказаться под властью диктаторского режима.

Приманка для диктатора. Интеллигенция пришла к власти, но не готова к реформам. Выход в авторитарном режиме?[1]

Углубляющийся кризис, в котором сегодня оказался бывший СССР, становится все труднее списывать на старую власть. Конечно, коммунистическое господство – основная причина кризиса. Однако становится все более очевидным контраст между провозглашенными бывшей оппозицией универсальными рецептами преодоления кризиса, ее постоянными бодрыми заявлениями после прихода к власти и падающей в пропасть страной, вернее, ее осколками.

Уникальная страна

Во многом положение бывшего СССР не оригинально. Задача, которую отчаянно решает сегодня наше общество, стоит по сути со времен Петра. Это – переход из традиционного в современное состояние, от нерыночной экономики к рыночной, от традиционных политических структур к общепринятым в современном развитом мире.

Эту же проблему в последние 20–30 лет пытались решить многие отсталые государства и регионы Азии и Африки. Некоторые из них этот шанс использовали. Многие упустили. Вспомним пример шахского Ирана, модернизацию которого прервала фундаменталистская революция.

Практически во всех случаях успешная модернизация осуществлялась при авторитарных режимах: партия Гоминьдан на Тайване, президент Пак Чжон Хи в Южной Корее, Ли Куан Ю в Сингапуре. Да и система, установившаяся в колониальном Гонконге, до недавнего времени была весьма далека от демократии. Именно такие режимы, иногда по собственному желанию, а зачастую под давлением обстоятельств, оказались способными мобилизовать ресурсы, провести рыночные реформы и силой подавить выступления тех слоев общества, которые что-то теряли в результате реформ. Одновременно такие режимы подчас сознательно, но чаще невольно, создавая современную экономику, повышая уровень жизни населения, готовили почву для современной политической структуры и были вынуждены проводить

[1] Впервые опубликовано в «Независимой газете» (1992. 21 января. С. 5).

демократизацию. «Я управлял Сингапуром так, как управлял, потому что считал, что именно это и было нужно в этой стране», – говорил перед самым уходом в отставку Ли Куан Ю, приведший свою страну от крайней отсталости к благосостоянию, в ответ на вопрос американского корреспондента о все еще действующих в Сингапуре репрессивных законах.

Исторический опыт послевоенной Южной Кореи также подтверждает, что демократия может работать в стране только тогда, когда для этого созрели определенные экономические, социальные, психологические условия.

В апреле 1960 г. некомпетентное коррумпированное правительство Ли Сын Мана, не обеспечившее развитие страны, было свергнуто народной революцией. Несколько месяцев в стране царила эйфория свободы. Однако меньше чем через год наступило разочарование. Пришедшие к власти демократы не только не смогли действовать эффективнее старого режима, а, напротив, ввергли страну в полный хаос: нерешительность в проведении экономических реформ, постоянные фракционные склоки и бесконечные обсуждения мелких вопросов в парламенте, открытое воровство власть имущих, разгул преступности. В результате, когда в феврале 1961 г. под лозунгами порядка, экономического развития, борьбы с коррупцией и преступностью к власти в стране пришел военный режим Пак Чжон Хи, это не вызвало особого протеста уставшего населения.

Новый режим хотя внешне был авторитарным, однако от прежнего отличался главным – решимостью провести модернизацию и мобилизовать для этой цели все ресурсы страны. Права граждан, свобода печати при Пак Чжон Хи были существенно ограничены, однако курс на поддержку бизнеса, широкое сотрудничество с развитым миром позволили Южной Корее именно в то время заложить основы нынешнего процветания. Конечно, с точки зрения Запада политическая система Южной Кореи не может быть и поныне признана вполне демократической, однако процесс демократизации зашел там настолько далеко, что уже вряд ли возможно попятное движение. Главной гарантией от новых социальных потрясений служат стабильная цивилизованная экономика и высокое благосостояние граждан.

Пример азиатских «тигров» свидетельствует о том, что уровень демократизации и вестернизации должен соответствовать общественным условиям. В противном случае процесс выйдет из-под контроля и мир получит режимы, подобные большевистскому в России

или фундаменталистскому в Иране, смысл которых в основе един: они возникли как результат воинственной реакции традиционных слоев общества на ускоренное и неравномерное развитие.

Золотая середина для Поднебесной

О необходимости такого соответствия говорит и опыт Большого Китая, который хотя трудно и непоследовательно, но все же движется по пути модернизации. Конечно, в 1989 г. жестокость пекинских правителей на площади Тяньаньмэнь поразила весь цивилизованный мир. Однако, рассуждая здраво, нельзя не согласиться с главными идеями лидера китайских реформ Дэн Сяопина. «Без политической обстановки стабильности и сплоченности невозможно заниматься строительством и тем более осуществлять политику расширения внешних связей», – говорил руководитель КНР еще в 1987 г.[2]

Реформы Дэн Сяопина объективно подготовили почву для большей демократизации. Расстрел на Тяньаньмэнь свидетельствует, что коммунистические правители старшего поколения этого не поняли. Однако это отнюдь не означает, что в интересах развития Китая было допустить хаос и тем более передать власть студенческой оппозиции, не имеющей к тому же сколько-нибудь продуманной программы. Кстати, многим представителям китайской оппозиции, вынужденным бежать за границу после тяньаньмэньских событий, свойственны все традиционные болезни оппозиционеров слаборазвитых обществ: фракционность, внутренняя борьба, лозунги вместо дел, абстрактные, неосуществимые планы, стремление все получить одним махом. Часть из них даже выступает за вооруженную борьбу, что может привести к краху реформ и анархии.

Предупреждение Петра Струве

Некоторые отечественные и западные историки считают, что Россия была и остается в первую очередь азиатской страной. Возникает вопрос: готово ли российское общество сегодня к широкой демократизации политической системы на западный манер? Оставляя в стороне очевидный факт отсутствия социальных и экономических условий для этого, остановимся на психологии того слоя общества,

[2] *Дэн Сяопин*. Устранять помехи, решительно проводить политику реформ и расширения связей с внешним миром // Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М.: Издательство политической литературы, 1988. С. 203.

который фактически является единственным двигателем модернизации, – интеллигенции. Именно интеллигенция фактически пришла к власти в России после поражения августовского путча, именно она составляет ту политически активную часть общества, которую вне зависимости от более узких политических различий называют сегодня «демократами».

Если, по мысли П.Б. Струве, идеология дореволюционной русской интеллигенции родилась в слиянии в умах передовой части общества русских традиционных идей и атеистического социализма[3], то у сегодняшней «советской» интеллигенции на месте социализма – идеи западного либерализма, пришедшие во времена хрущевской оттепели. Эта новая волна сформировала шестидесятников – тех, кому мы обязаны как бесстрашным началом горбачевских реформ, так и их бездарным осуществлением. Казалось бы, социалистическая уравниловка, вера в «перескакивание» через капитализм, идеи преимущества этики над правом навсегда ушли в прошлое вместе с социалистическими идеалами, и им на смену пришли такие либеральные тезисы, как самоценность свободы, приоритет прав личности над правами коллектива, разделение властей, в экономике – рынок, свободная конкуренция, международное сотрудничество.

Однако все эти идеи усвоены поверхностно и абстрактно. А такие традиционные черты, как анархизм, нелюбовь к власти как к таковой, признание целесообразности выше права, даже пресловутая «вера в народ», – все это осталось неизменным. А разве недавние призывы лидеров многолюдных митингов свергнуть во что бы то ни стало М.С. Горбачева, требования предоставить право на самоопределение любым народностям и даже регионам России, фракционная борьба, споры из-за абстрактных лозунгов не говорят о прежних болезнях и поверхностном понимании своей страны, господстве старого представления, согласно которому «“прогресс” общества может быть не плодом совершенствования человека, а ставкой, которую следует сорвать в исторической игре, апеллируя к народному возбуждению»?[4]

В результате неготовности даже образованнейшей части общества – интеллигенции (выросшей к тому же в тоталитарной «империи зла») – к цивилизованным реформам мы имеем сегодня открытое самолюбование, стремление захватить побольше власти и собствен-

[3] *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция. Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 150–166.

[4] Там же. С. 162.

ности московскими, петербургскими и российскими бюрократами-демократами, беспрецедентную коррупцию и, в то же время, постоянные попытки свалить собственную некомпетентность на старые структуры, поиски врагов в лице незаконно запрещенных коммунистов, навязчивое кладоискательство в надежде найти коммунистические деньги, алмазы и платину, из-за отсутствия которых-де в магазинах ничего нет.

Современная российская демократическая политика очень напоминает короткий период прихода к власти гражданских политиков в какой-нибудь африканской или азиатской стране, который быстро сменяется диктатурой. А ведь России предоставлен исторический шанс – и этот шанс может быть упущен на глазах.

Увы, и эта ситуация отнюдь не уникальна. Вот как оценивал тот же Ли Куан Ю политику, к примеру, правительства К. Акино на Филиппинах: «Конечно, я разочарован. Я полагаю, что госпожа Акино вполне была способна сделать гораздо больше. У нее был шанс, какой бывает раз в миллион лет. К сожалению, вокруг нее не было практиков, а было слишком много правозащитников... Их в первую очередь интересовало, сколько денег присвоил Маркос, они торопились продемонстрировать тысячи пар обуви и платьев его супруги. Это было необходимо для первоначального просвещения народа, но нужно заниматься реальными проблемами, экономикой, землей».

Авторитаризм – не гарантия реформ. Существовало и есть множество авторитарных режимов, лишь тормозящих развитие той или иной страны. Однако при нынешнем состоянии российского общества, близком к анархии, «демократическое» правление интеллигентов-книжников, показавших свою неготовность к этому, вряд ли является благом для общества. Если у нынешнего российского руководства, у президента Б.Н. Ельцина одновременно с ускоренным проведением рыночных реформ не найдется сил честно поставить границы дозволенного, строго следить за соблюдением российских законов, то это сделают другие силы. Но уже без всяких реформ.

Первые недели реформ Ельцина: успех или провал?[1]

2 января нынешнего года Россия вступила в новый этап своей истории. В этот день сделала первые шаги экономическая реформа Б.Н. Ельцина, о которой так много говорили в последнее время. Архитектором плана реформ стал Е.Т. Гайдар, молодой экономист, нынешний вице-премьер и министр экономики и финансов России. Его главная идея – стабилизация финансовой системы и переход к свободной рыночной экономике через приватизацию государственной собственности.

Введение свободных цен рассматривается в этой программе как важный шаг на пути к стабилизации финансовой системы. Именно эта мера была выполнена первой: 2 января отпущены цены на большинство товаров и только для самых необходимых из них объявлен ценовой потолок.

В результате сложилась очень сложная ситуация. Для чего нужны свободные цены в условиях российской экономики, которая по-прежнему в основном контролируется гигантскими государственными монополиями? Истинного рынка в стране по-прежнему нет, и цены все так же устанавливаются правительственными органами, только на этот раз не самим правительством, а производителями-монополистами: разнообразными ведомствами, управлениями и трестами. Свободные цены, которые в условиях свободного рынка были бы стимулом для производителя, при государственной монополии могут даже поощрять крупные предприятия к сокращению производства, позволяя получать сверхприбыль посредством вздувания цен.

И именно это мы видим сегодня. По всей России, несмотря на непомерные цены, в магазинах едва ли стало больше товаров. Население вынуждено стоять точно в таких же бесконечных очередях, как и раньше, чтобы купить предметы первой необходимости, только теперь эти предметы стоят вдесятеро дороже. В то время как в прошлом система ориентировалась на беднейшие слои населения, которые могли купить дешевое масло или мясо, отстояв за ними несколько часов, сегодня недовольны все: у бедных на большинство продуктов

[1] Лекция, прочитанная в Колледже Св. Антония Оксфордского университета в январе 1992 г., оригинал на английском языке.

нет денег, в то время как более обеспеченные по-прежнему не могут купить то, что им нужно, не приложив к этому неких дополнительных усилий.

В этих условиях вполне естественно, что правительственные реформы оказались под огнем критики. Бывшие коммунисты и близкие к ним силы критикуют реформы с традиционалистских позиций, называя курс Б.Н. Ельцина «заговором против трудящихся» и утверждая, что его политика ведет страну к краху. Подобные лозунги неокоммунисты выдвигали еще до начала реформ, однако на их митинги, например в Москве, никогда не собиралось больше 10 тысяч человек. Однако митинг на Манежной площади, состоявшийся вслед за повышением цен, собрал где-то до 50 тысяч человек. Растущее число сторонников твердолобых коммунистов свидетельствует, сколько москвичей, особенно из числа старшего поколения, которые наиболее консервативны и по которым больнее всего ударили новые цены, ищут выхода своему недовольству под красными знаменами. По московским стандартам число протестующих по-прежнему невелико, но, учитывая, что треть девятимиллионного населения Москвы – пенсионеры, было бы разумно предположить, что при ухудшении ситуации число сторонников коммунистов значительно возрастет.

В то же время реформы или, скорее, некоторые меры правительства стали целью критики со стороны известных политиков, включая тех, которые считались сторонниками Б.Н. Ельцина. Наиболее заметными стали, безусловно, публичные заявления вице-президента А.В. Руцкого и председателя Верховного Совета Р.И. Хасбулатова.

В своих многочисленных публичных выступлениях А.В. Руцкой, в настоящее время полностью отстраненный от принятия экономических решений, сформулировал альтернативную концепцию реформы. Не выступая против свободного рынка, он, тем не менее, полагает, что нынешний чрезмерно сильный шок отбрасывает до 90% населения за черту бедности. Кроме того, А.В. Руцкой критикует правительство за его риторику и за неспособность доводить до конца собственные решения из-за противодействия местной бюрократии, действующей в союзе с бывшими местными коммунистами или национальными элитами. Бывший военный летчик А.В. Руцкой утверждает, что реформа невозможна, пока нет эффективной власти, способной гарантировать соблюдение законов и выполнение правительственных решений. Вице-президент всегда был сторонником неделимой России и более жесткого подхода к российским автономиям и бывшим советским республикам.

В то время как А.В. Руцкой уже довольно давно обозначил свою позицию, недавний призыв Р.И. Хасбулатова к правительству уйти в отставку стал сюрпризом. Р.И. Хасбулатов всегда считался одним из самых верных сторонников Б.Н. Ельцина, благодаря чему, между прочим, и был избран спикером. После посещения старинного русского города Рязани к югу от Москвы, где он встречался с самыми разными людьми, но главным образом с директорами предприятий, Р.И. Хасбулатов заявил, что страдания населения слишком велики, а правительство не контролирует ситуацию и поэтому должно уйти в отставку. Он также сказал, что Б.Н. Ельцин совершил ошибку, решив лично возглавить такое некомпетентное правительство. И хотя в более поздних публичных выступлениях Р.И. Хасбулатов смягчил свою позицию, заявляя, что он остается сторонником Б.Н. Ельцина и хочет только скорректировать правительственную программу, его первое выступление стало, возможно, самым серьезным ударом по президенту и его курсу в последние месяцы.

Второй удар Б.Н. Ельцину нанес Конституционный суд. Вскоре после возвращения из Италии, как говорят, прямо на аэродроме Б.Н. Ельцин подписал поспешно составленный указ, объединяющий Министерство внутренних дел и органы государственной безопасности в одно чудовищное сверхминистерство. Очевидная идея этого шага состояла в концентрации власти для гарантии успеха реформ. Новый орган немедленно приступил к разработке программы действий на случай возможных беспорядков из-за скачка цен. Однако такая концентрация власти в одном учреждении вызвала опасения в парламенте и у общественности, хорошо помнившей, к чему привела бесконтрольность органов безопасности при И.В. Сталине. В итоге указ Б.Н. Ельцина был аннулирован Конституционным судом.

Критические выступления А.В. Руцкого и Р.И. Хасбулатова, с которыми отчасти согласны многие экономисты и эксперты, имеют под собой основания. Разумеется, правительственная программа далеко не идеальна. Настораживает уже тот факт, что принятые меры пока не встретили жесткого сопротивления со стороны государственной бюрократии. Неконтролируемые цены в условиях государственной монополии не могли не привести к их многократному повышению. Бюрократия на самом деле всегда относилась к этому положительно, и именно за такие же повышения (между прочим, гораздо менее болезненные) демократы нередко критиковали коммунистические правительства Н.И. Рыжкова и В.С. Павлова.

Вполне очевидно, что реформа начнет работать тогда, и только тогда, когда за повышением цен последует быстрая приватизация государственной собственности. Но именно это вызовет сопротивление бюрократов на всех уровнях, для которых приватизация означает потерю контроля над производством и торговлей, иными словами – потерю реальной власти. Это сопротивление уже происходит кое-где на местах. У Б.Н. Ельцина было множество возможностей увидеть это во время его недавних поездок по провинции. Как русские цари, казнившие или миловавшие на месте, Б.Н. Ельцин прямо во время поездки издавал личные указы, ликвидировавшие государственную торговлю и уничтожающие торговую монополию.

Однако Б.Н. Ельцин едва ли сможет посетить все города России. И встает вопрос: сможет ли правительство начать борьбу с собственным бюрократическим фундаментом и решительно проводить приватизацию? Ответ на этот вопрос решит судьбу реформ. Если они провалятся, повышение цен снова будет сведено на нет неработающей экономикой, высокие цены будут скомпенсированы высокими зарплатами, нынешняя галопирующая инфляция превратится в гиперинфляцию, и неизбежный коллапс всей экономической системы приведет к массовым беспорядкам.

Необходимость быстрой и решительной приватизации подчеркивалась многими известными политиками и экономистами, такими как автор программы «500 дней» Г.А. Явлинский и бывший экономический советник М.С. Горбачева Н.Я. Петраков. Архитектор и исполнитель нынешних реформ, Е.Т. Гайдар обещает приватизировать к концу года 70% непроизводственных предприятий. Эта программа приватизации недавно была представлена президенту Б.Н. Ельцину. Но хватит ли правительству решительности и влиятельности, чтобы сломить сопротивление местной госбюрократии в условиях политической нестабильности и неурядиц? Практически это возможно только при гораздо более сильной центральной власти, которая бы приняла самые решительные меры. И в этом смысле вице-президент А.В. Руцкой совершенно прав.

Другой объект постоянной критики – правительственная налоговая политика. Сегодня налоги так высоки, что они никак не стимулируют производство. На это указывали многие экономисты, а также спикер Р.И. Хасбулатов. Обращаясь к парламенту, Б.Н. Ельцин согласился, что налоги должны быть постепенно снижены. Впоследствии Е.Т. Гайдар объяснил высокие налоги большими затратами России на содержание бывшей советской армии и посольств за границей.

Налоги, пообещал Е.Т. Гайдар, будут снижены после урезания соответствующих расходов. В первую очередь будут ограничены расходы на оборону и на субсидии неприбыльным предприятиям.

Итак, несмотря ни на что, реформы в России идут, Б.Н. Ельцин, по-прежнему пользующийся удивительно большой популярностью, всем своим влиянием поддерживает правительство и обещает улучшение через шесть месяцев. Решив лично возглавить правительство, он связал свое политическое будущее с успехом реформ. Пока что слишком рано делать какие-либо окончательные выводы о будущем реформ Ельцина–Гайдара. Однако ясно одно: впервые за долгие годы у нас есть относительно деятельное правительство. Это правительство состоит из молодых профессионалов, не связанных ни с коммунистическим прошлым, ни с бюрократическими структурами. Эти люди готовы что-то делать в тяжелейших условиях глубокого кризиса.

Пока позиции правительства весьма прочны, несмотря на огонь критики с самых разных сторон. Недовольное население в целом смирилось с новыми ценами, и никаких сообщений о серьезных беспорядках или бунтах не поступало. Угрозы консерваторов пока что тоже никак не оправдывают ожиданий пессимистов. Многие опасались Всеармейского офицерского собрания, которое недавно проходило в Москве. Однако его неорганизованное хаотическое проведение продемонстрировало, что военные способны лишь на угрожающие заявления с трибуны. Офицерский корпус расколот, и, несмотря на общее желание военных сохранить единую армию и, с ее помощью, единое государство (то есть Советский Союз), едва ли следует ждать каких-либо серьезных попыток захватить власть.

Следовательно, единственное, что угрожает правительству Б.Н. Ельцина, – его собственная нерешительность. Будущее этого кабинета определится в течение ближайших нескольких месяцев. Они покажут, способно ли правительство достигнуть политической стабилизации и решительно приватизировать государственную собственность. В противном случае нас ждут хаос и неопределенность.

Успех нынешнего кабинета зависит еще от одной существенной проблемы, от которой, похоже, пока просто отмахиваются. Это – территориальная целостность России. Вполне очевидно, что экономическая реформа может быть успешно проведена только на конкретной территории, на которой повсеместно существует действенная государственная власть, готовая эту реформу осуществлять. Однако сегодня растущий национализм вкупе с саботажем со стороны местных бюрократов ведет к ситуации, в которой целые регионы оказались

выключенными из процесса реформ. Лидеры некоторых российских автономий наживают капитал на тяжелых экономических условиях и росте национализма, который заполняет идеологический вакуум, оставшийся после падения коммунизма. Эти лидеры добиваются еще большей автономии от Москвы, вплоть до полной независимости. Наиболее яркий пример – Чечено-Ингушетия на Северном Кавказе, власти которой во главе со взбунтовавшимся генералом отказываются выполнять приказы Москвы. Следующий в этом ряду – очевидно, Татарстан, парламент которого официально объявил о независимости. За ними могут последовать другие автономии в Поволжье, а также Якутия, Бурятия и Тува. В перспективе может привести к возникновению ряда независимых государств, окруженных со всех сторон территорией России. Жизнь в стране при этом будет парализована.

Националистические настроения лишь частично ответственны за распад России, хотя бы потому, что нерусское население этих автономий в большинстве случаев составляет меньше половины жителей. Только на Северном Кавказе русские в меньшинстве, а в Татарстане они составляют приблизительно половину населения. Кроме того, на отделении настаивают не только нерусские регионы, но и чисто русские. Например, на Дальнем Востоке возникло движение за восстановление буферной Дальневосточной республики, которая существовала в 20-х гг. Некоторые сибирские области также поговаривают об автономии.

Распад страны в действительности стал результатом катастрофической политики М.С. Горбачева. Эта политика привела к полному разрушению старой системы управления страной. И хотя эта система была крайне реакционной и основывалась исключительно на политическом и экономическом подавлении, она, тем не менее, в известном смысле была эффективной и поддерживала кровообращение в стране. После разрушения этой системы на ее месте не было ничего построено: ни новой системы современных рыночных связей, ни новой цивилизованной системы экономического управления. Более того, задерживая экономические реформы и разрушая старую политическую систему, М.С. Горбачев не смог создать социальную основу для демократической системы в России, а именно средний класс. В результате прерывания связей между регионами после падения центральной власти вслед за неудачным августовским путчем страна начала распадаться на феодальные княжества, власть в которых обычно захватывали местные бывшие коммунисты. Б.Н. Ельцин попытался преодолеть эту тенденцию, лично назначая глав местных ад-

министраций (или губернаторов). Однако он не продемонстрировал достаточной решимости во взаимодействии с автономиями, которые формально пользуются все более значительным самоуправлением.

Распад страны угрожает задушить реформы и привести к длительной гражданской войне между различными регионами и этническими группами, как происходило в России после 1917 г. или в Китае во время правления милитаристов. Для предотвращения такого исхода необходима не только быстрая приватизация, но и решительная правительственная политика, которая повернет вспять тенденцию к распаду и обеспечит законность и порядок на всей территории страны.

Однако пока на российском политическом горизонте не видно сил, которые были бы способны на проведение такого курса. Б.Н. Ельцина по-прежнему окружают люди, слишком увлеченные борьбой со старым Центром, чтобы самим решительно проводить политику центра. В последние несколько недель заметную активность развил известный сторонник решительных мер вице-президент А.В. Руцкой. Однако его неумелые попытки удержать Чеченскую Республику в составе России вызывают сомнения в способности не только жестко говорить, но и эффективно действовать.

В любом случае все признаки указывают на растущее в стране недовольство общей неустроенностью и неясностью. Российские лидеры в будущем смогут править, только постоянно сверяя свои действия с настроением общественности. Сильное правительство рано или поздно появится. Но будут ли его силы направлены на проведение реформ и создание цивилизованного общества или на раздувание националистической истерии – определит конкретный расклад политических сил.

Возможно, наилучшей для России была бы политика, проводимая коалицией Б.Н. Ельцина, А.В. Руцкого и тех сил, на которые опираются оба эти лидера, с некоторыми из наиболее разумных партий и общественных движений, выступающих за единую Россию. Если такой альянс не сложится в ближайшем будущем, инициативу могут перехватить откровенно националистические силы, проводящие фашистскую политику.

Новая Россия: парламентская демократия или авторитарный режим?[1]

Советский парламент, Съезд народных депутатов, на своей чрезвычайной сессии в начале сентября формально подвел черту под более чем семидесятилетним существованием СССР. К такому концу дело шло уже давно.

Тоталитаризм, по крайней мере коммунистический тоталитаризм, сгинул – очевидно, навсегда. В стране больше нет сил, способных восстановить старый режим. Неудавшийся путч показал, что даже самые верные опоры режима, армия и КГБ, так сильно изменились за годы горбачевской перестройки, что в переломный момент не сумели проявить достаточно решимости. Сегодня две эти организации парализованы августовским синдромом и не способны ни на какие решительные действия. Их ожидает коренная реформа, после которой их влияние на внутреннюю политику существенно уменьшится.

Коммунистическая партия, которая, конечно, всегда была оплотом режима, вряд ли оправится от удара, нанесенного ей в августе. Основу ее влияния уже давно составляли не идеи. В СССР практически не осталось людей, искренне верящих в коммунизм. Этой основой была власть, собственность, мафиозного типа связи с государственным аппаратом. Потеряв все это, коммунистическая партия, как бы она теперь себя ни называла, лишится подавляющего числа своих членов, после чего будет не способна состязаться с другими политическими силами на свободных выборах.

И все же уход коммунистической партии не означает, что страна автоматически станет цивилизованным обществом. Сразу же после путча население впервые столкнулось с конфликтом, знакомым в большинстве стран мира: конфликтом между представительной и исполнительной властями. Результат этого конфликта в значительной степени определит, какая политическая система установится в посткоммунистической России: демократическая парламентская система или более или менее жесткая автократия.

Начиная с 1985 г. политические настроения в стране прошли несколько этапов. Первоначально на вооружение был взят старый ло-

[1] Впервые опубликовано на англ. яз. в журнале «The Oxford International Review» (1991. Vol. III. No. 1. P. 42–43).

зунг большевиков «Вся власть Советам», на которые смотрели как на единственную реальную альтернативу деспотической власти Партии. Однако сегодня, когда отчетливо видна неэффективность советской системы даже без коммунистов, все чаще говорят о передаче всей власти исполнительным органам. Такую тенденцию можно заметить на всех уровнях власти.

Недавно внимание всей страны было приковано к работе чрезвычайной сессии парламента. Все понимали, что это будет последний Съезд народных депутатов СССР, хотя бы потому, что его состав уже давно не отражает ситуацию в стране. Однако путь, избранный для его упразднения, с самого начала оказался весьма сомнительным. Лидеры республик обратились к законодателям с настоящим ультиматумом, требуя от них самороспуска. Более того, первоначальный проект не предусматривал никаких противовесов исполнительной власти или каких-либо наблюдателей, контролировавших бы ее деятельность. К счастью, некоторые депутаты СССР и России сумели разглядеть неминуемую угрозу. Конституционная преемственность была соблюдена. Однако эта опасная тенденция сейчас проявляется на нижних уровнях власти.

Был ли конфликт на последней сессии Совета конфликтом между коммунистами и демократами? Вряд ли. За полный роспуск парламента, так же как и за сохранение преемственности, выступали и консерваторы, и демократы. Разумеется, о консерваторах можно сказать, что они стремились сохранить свои привилегии. Но почему некоторые из наиболее радикальных и непримиримых критиков Верховного Совета неожиданно встали на его защиту?

Сегодня, когда общество переживает ситуацию, известную во многих странах мира как конфликт между исполнительной и представительной властями, его участников нужно делить не на коммунистов и антикоммунистов, а на защитников законности и на сторонников «революционной» (или «демократической») целесообразности. Об истинной демократии всерьез можно будет говорить только тогда, когда этот конфликт будет решаться цивилизованным путем и каждая из властей, включая судебную, займет в структуре общества подобающее место. Это будет означать торжество законности.

К сожалению, груз истории, бедность демократических традиций, отсутствие социальных слоев, на которые демократические структуры могут опереться, – все это тянет Россию к сильной руке, в пучину авторитаризма, который возникает, когда исполнительная власть подминает под себя власти представительную и судебную.

Такая тенденция в действиях исполнительной власти наиболее отчетливо проявилась в первые дни после краха путча. Приостановление деятельности коммунистической партии и других организаций, которые поддерживали путчистов, было важным и необходимым шагом. Однако почему-то те, кто осуществлял все это, совершенно не заботились ни о юридическом аспекте дела, ни о судьбе конкретных людей. Если относительно коммунистической партии имелось хотя бы соответствующее решение российского парламента, запрет других организаций – ДОСААФа (Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту) и Союза ветеранов – был не более чем произвольным решением московской мэрии, не подкрепленным ни парламентским, ни судебным постановлением. Этот шаг сильно ударил по тысячам совершенно невиновных пенсионеров, лишившихся и без того скудных пайков, и подростков, которые 1 сентября должны были начать учебу в школах ДОСААФ. Но кто заботится о таких мелочах, когда идет революция!

История закрытия исполнительной властью многих газет (сейчас, кажется, ситуация исправлена) также не вызывает ничего, кроме удивления. Было разрешено закрыть газеты, поддерживавшие переворот, отозвав их регистрацию, но только если это сделано по закону. Согласно Закону о печати – между прочим, принятому в результате решительной кампании демократического сообщества – регистрация может быть отозвана только по решению суда. Такого решения, конечно, не было. Тем временем, кроме газет, якобы поддерживавших путч, был приостановлен и выпуск коммунистического еженедельника «Гласность», который даже не выходил во время путча. Вместо законного шага, для которого, разумеется, имелись достаточные основания, мы видим месть нового правительства старому, коммунистическому. Именно так рассматривали ситуацию многие местные и иностранные журналисты, под давлением которых российские власти были вынуждены отменить свое решение.

Другим наглядным примером авторитарных тенденций в демократическом лагере стал конфликт между Моссоветом и мэрией. Освободившись от оков коммунистических комиссаров, новая исполнительная власть, сохранившая прежний кадровый состав и возглавляемая Г.Х. Поповым, уже рассматривает Моссовет как помеху в ее решительных действиях. Возможно, намерения исполнительной власти Москвы сегодня действительно наилучшие (хотя это и вызывает сомнения многих депутатов Моссовета). Но даже в этом случае исполнительные властные структуры, которые сами принимают

свой бюджет и сами же, руководствуясь Указом Президента РСФСР «О полномочиях органов исполнительной власти Москвы», его контролируют, неизбежно сползают к бюрократизму и коррупции. Опыт цивилизованного мира свидетельствует: везде есть бюрократы и взяточники, но только система разделения властей и их взаимный контроль гарантируют исполнительные структуры от вырождения, дают возможность выводить на чистую воду самых высокопоставленных нарушителей закона, будь они даже премьерами или президентами.

К сожалению, непонимание этого сегодня проскальзывает в выступлениях многих демократов. Тормозом реформ (к которым российское руководство, несмотря на принятие ряда благоприятных законов, еще почему-то не приступило) называет Верховный Совет и Съезд народных депутатов РСФСР государственный секретарь РСФСР Г.Э. Бурбулис. Лидеры движения «Демократическая Россия» Л.А. Пономарев и Г.П. Якунин открыто призывают руководствоваться в кадровых вопросах не законом, а политической целесообразностью. Пытается на революционной волне взять больше полномочий в Москве Г.Х. Попов, не считаясь даже с российскими законами.

Правда, можно возразить, что многие законы, как и сама Конституция РСФСР, устарели. Но в цивилизованном обществе для изменения законодательства должны использоваться цивилизованные методы, а не личные указы. Иначе создается прецедент беззакония, которое потом будет невозможно остановить.

Пренебрежительное отношение к закону чрезвычайно опасно само по себе, так как ведет к созданию безответственных административных структур. Но оно чревато еще и тем, что провоцирует недовольство в обществе, ведет к созданию оппозиции демократической власти как из сил разумно, реально мыслящих, так и из сил экстремистских, авантюристических. Эту ситуацию уже можно наблюдать в Москве, где против мэра объединились выступающие в поддержку парламентаризма блок партий «Демократическая Москва», московские предприниматели, а также крайне радикальный Демократический союз, троцкистская Партия труда, часть депутатов Московского и районных Советов, борющихся за сохранение своих прав, и просто всем недовольные крикуны.

Сегодня все устали от противостояния. Остается надеяться, что новая исполнительная власть проявит разум, начнет действовать в рамках закона и активно займется наконец своим главным делом — решительной экономической реформой, что успокоит страсти и будет способствовать движению к цивилизованному обществу. Напра-

вить исполнительную власть на путь истинный должны Верховный Совет РСФСР и Конституционный суд РСФСР, создание которого слишком затянулось. В противном случае нас ждут сползание к авторитаризму, а затем взрыв недовольства и хаос. Пример сегодняшней Грузии – перед нами.

Выбираем «Народное согласие»[1]

Программа созидания, а не разрушения

За последнее время в нашей сложной и напряженной политической жизни произошли очень громкие события, дающие стране серьезный и, вероятно, последний шанс миновать пропасть, куда ее более 70 лет увлекает коммунистическое руководство. А вот такое важное, как создание в рамках движения «Демократическая Россия» конструктивно-демократического блока «Народное согласие», не привлекло к себе широкого внимания. Однако его значение от этого не становится меньше. Дискуссии и споры в «Демократической России» привели к созданию силы, способной объединить все умеренные, разумные оппозиционные силы, которые смогут вывести страну из кризиса.

Декларацию блока «Народное согласие» подписали лидеры трех партий, стоявших у истоков «Демократической России»: председатель Демократической партии России, народный депутат СССР и РСФСР Н.И. Травкин, председатель Российского христианского демократического движения, народный депутат РСФСР В.В. Аксючиц и председатель ЦК Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы) народный депутат РСФСР М.Г. Астафьев (двое последних – члены Координационного совета «Демроссии»). Мы считаем, что авторы декларации, поняв ошибки и слабые места нашего демократического движения, решительно отошли от них и провозгласили программу созидания и объединения, а не анархии и разрушения.

Права личности или суверенитет нации?

«Права и свободы личности приоритетны перед любыми другими, в частности национальными и корпоративными. Наш долг – защищать их во всех случаях независимо от источника их нарушения – союзного, республиканского и иных», – говорится в декларации[2]. Для нас, либералов, членов общества «Мемориал», приоритет прав личности совершенно очевиден. Все демократические деятели всегда

[1] В соавторстве с В.В. Фадеевым. Впервые опубликовано в газете «Куранты» 29 июня 1991 г.

[2] Декларация конструктивно-демократического блока «Народное согласие» // Путь. 1991. № 4 (7). С. 5.

решительно боролись против коммунистических властей, создавших невиданную в истории систему подавления гражданских свобод. Но оглянитесь вокруг, посмотрите на нашу страну, на мир в целом: разве коммунизм – единственная система, угнетающая права человека?

Демократическое движение в России всегда решительно и принципиально поддерживало законную борьбу народов Прибалтики и других регионов за свободу. Вспомним митинги в Москве в январе этого года, которые показали всему миру, что российская общественность не потерпит подавления демократии в Литве. Вспомним решительную и недвусмысленную позицию демократических лидеров, прежде всего Б. Ельцина, Советов Москвы и Ленинграда, их руководства, демократических средств массовой информации.

Однако в последнее время в демократическом движении все чаще и чаще возникает вопрос: должны ли мы, как ведущие правозащитные организации мира, например «Эмнисти интэрнэшнл», осуждать все нарушения человека независимо от их источника или закрывать глаза на беззакония тех, кто называет себя демократами или антикоммунистами? Почему сегодня некоторые демократические деятели, решительно осуждая преступления центра против Литвы и Латвии, склонны вступить в союзы с народными фронтами этих государств, открыто провозглашающих приоритет национальности над гражданскими правами?

Осуждая подобные лозунги в самой России, борясь с расистской «Памятью», нужно проявлять последовательность. Почему, когда азербайджанские боевики убивают мирных жителей-армян, это вызывает гораздо большее негодование некоторых демократов, чем когда то же самое проделывают боевики армянские? Неужели потому, что армянские боевики – антикоммунисты?

Почему демократическая печать в отличие например, от радиостанции «Свобода», боится сказать правду о политике З. Гамсахурдиа, который преследует оппозицию и закрывает независимые органы печати? Не потому ли, что Э. Гамсахурдиа – союзник в борьбе с Кремлем? Должны ли мы следовать принципиальной позиции академика А.Д. Сахарова в защите прав человека или, по ленинскому совету, рассматривать национальные конфликты как социальные, а проще говоря, хвалить всех, кто, так же как и мы, борется с Кремлем, независимо от подоплеки этой борьбы?

В таком случае не станут ли скоро нашим лозунгом слова американского президента Ф.Д. Рузвельта об одном из латиноамериканских диктаторов: «Конечно, это мерзавец, но это наш мерзавец»? Для

нас ответы на эти вопросы очевидны, поэтому мы выбираем «Народное согласие».

Демократическое государство или анархический распад?

Декларация провозглашает необходимость «деидеологизации государственной системы и отказ от коммунистической идеологии как разрушительной утопии». В то же время в документе подчеркивается, что «борьба с коммунистическим режимом, опустошающим нашу Родину, не должна вести к борьбе с государством как таковым, ибо только сильное и демократическое государство является гарантом прав и свобод человека»[3].

Наши коммунистические правители под лозунгом борьбы со старой государственностью создали первое в мире государство-монстр, которое стремилось контролировать все сферы жизни вплоть до частной жизни граждан. Такое государство, основанное на господстве голых идеологических схем, было названо тоталитарным. Сегодня некоторые демократы, борясь с тоталитарным государством, переносят свою ненависть на государственность, как таковую, призывая уже раздробить страну на малые части для удобства борьбы с коммунизмом.

В этих условиях требования суверенитета регионов, областей и даже районов в городах, которые сгоряча поддерживают некоторые демократы, по сути являются выражением феодального распада империи, лишившейся сильного объединяющего центра при отсутствии рыночных связей.

Борьба за «суверенитет» регионов, автономий и некоторых союзных республик – это часто вовсе не борьба угнетенных народов за свободу, а борьба местных коммунистических князьков с московским князем, ведущая к феодальной раздробленности и возникновению местных антидемократических режимов, что затрудняет демократизацию страны в целом.

Эволюция или революция?

Декларация блока провозглашает «отказ от левого и правого радикализма, от всех видов переворотов, потрясений, насилия»[4]. Казалось бы, это общий лозунг демократического движения, то, что корен-

[3] Декларация конструктивно-демократического блока «Народное согласие» // Путь. 1991. № 4 (7). С. 5.

[4] Там же.

ным образом отличает его лозунги от коммунистической идеологии. Однако в последнее время некоторые лидеры демократов, воодушевленные забастовочным движением, стали призывать к силовому свержению власти. Такой курс в наших условиях представляется весьма опасным.

Для становления реальной демократии нам необходим переходный период, в течение которого сильное государство будет способствовать созданию экономических и социальных основ демократии. В противном случае даже крайние демократы, захватившие власть силовым путем, столкнувшись с реальностью общества, рано или поздно эволюционируют в сторону диктатуры, которая, возможно, будет еще жестче старой. Этот путь мы прошли однажды в этом веке, и только люди, не желающие понимать ни истории, ни страны, в которой они живут, могут призывать сегодня к насильственному свержению власти, какой бы плохой она ни была.

Большую роль в создании базиса будущего демократического общества должны сыграть новая система исполнительной власти, разрабатываемая в российском парламенте, и прежде всего президент РСФСР.

Совершенно верным представляется курс блока «Народное согласие» на новые общесоюзные выборы, которые только и могут привести к конституционному демонтажу коммунистической системы. С этой точки зрения необходимо, конечно, приветствовать заявление «9+1». Оно, по сути дела, и явилось тем круглым столом с властью, о котором так долго говорили демократы.

Демократия или антикоммунизм?

Мы всегда считали себя сторонниками либерализма и демократии и вот сегодня пришли к выводу, что на политической арене образовался блок, идеалы которого, по сути, являются либеральными. Мы никогда не были членами КПСС. Но когда люди, только что покинувшие эту организацию, в два дня превращаются в ярых антикоммунистов, призывая не стесняться в методах для борьбы со своими бывшими товарищами, нам становится не по себе. Неужели опять борьба с насилием власти примет у нас насильственные формы? Неужели в который раз в истории правые или левые радикалы затянут нас в круговорот насилия?

По нашему мнению, демократическое движение должно быть антикоммунистическим не по форме, а по содержанию, то есть

не использовать коммунистические методы в борьбе с коммунизмом, а равно противостоять всем радикальным движениям, призывающим к насилию и отдающим права личности в жертву групповым интересам. Будь то классовые, национальные или любые другие. Только так мы сможем вырвать нашу страну из порочного круга войн и революций и вступить в цивилизованное общество. Этим целям отвечает программа блока «Народное согласие».

А паразитам никогда? Демократам лучше не ошибаться. За каждым их шагом следят[1]

Приватизация. Это слово встречалось в программе почти каждого кандидата, считавшего себя демократом, на всех прошедших выборах. И вот демократическая партия сегодня у власти. И в России, и в большинстве крупнейших городов страны ключевые посты занимают те, кто на выборах поддерживался «Демократической Россией». Как же идет приватизация, которую мы все так ждали, которая, по общедемократическому убеждению, должна стать основой новой экономической системы?

В то время как демократические органы представительной власти медлили с принятием законов о приватизации, бесконечно дискутируя о самых тонких деталях, идею приватизации с воодушевлением восприняли старые бюрократические структуры, иногда, впрочем, дополненные новыми людьми. Бюрократы быстро взялись за дело, не дожидаясь никаких законов. Москва здесь, как всегда, шла на шаг впереди.

Во время избирательной кампании в Октябрьском районе столицы один из видных деятелей демократического движения И.И. Заславский немало говорил о частном секторе как о базе благосостояния в районе. Немало слов было сказано и о вреде монополизма, и о благотворной роли конкуренции. Однако, придя к власти в районе, эти люди организуют несколько фирм, во главе которых становятся члены исполкома, получающие монопольные права на те или иные виды коммерческой деятельности. Этим фирмам в первоочередном порядке выделяются помещения, заказы, средства из районного бюджета. И такое происходит во многих районах столицы.

В России тем временем принимаются законы. В одном из них, например, принятом в марте 1991 г., есть статья о недопустимости участия в предпринимательской деятельности должностных лиц органов государственной власти и государственного управления. С.М. Шахрай, бывший в то время председателем Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству, а ныне государственный советник РСФСР, заявил по этому поводу, что любое подобное совместительство недопустимо и аморально, идет ли речь о президенте

[1] Опубликовано в журнале «Новое время» (1991. № 50. С. 15–16).

СССР, о союзном министре финансов или же о председателе районного Совета.

Однако в руководстве России не все согласны с этим мнением. Будучи первым заместителем председателя Моссовета, С. Станкевич вошел в правление одного из коммерческих банков и объяснил, что условия нашей страны отличаются от западных. У нас демократы должны контролировать бизнес изнутри.

Помните знаменитое постановление I Съезда народных депутатов РСФСР? «В РСФСР не допускается совмещение должности руководителя государственного органа власти или управления с любой другой должностью»[2]. Но ведь всем понятно, что постановление это было принято против коммунистов. А как насчет демократов или подчиненных им органов?

Каждый день по коммерческому телеканалу вы можете увидеть зажигательную рекламу акционерного общества «Оргкомитет», занимающегося устройством аукционов по сдаче в аренду нежилых помещений, продаже квартир. Между прочим, генеральный директор «Оргкомитета» – премьер правительства Москвы Ю.М. Лужков. Да что вице-мэр, если пример подает сам мэр. Вряд ли можно сыскать человека, который мог бы перечислить все должности Г.Х. Попова. Он и мэр, и ректор международного университета, и один из руководителей Движения демократических реформ, и политический обозреватель ЦТ. И всем понятно, почему организациям, в руководство которых входит московский мэр, здания выделяются в первую очередь, а некоторые даже захватываются силой. И не важно, что закон не позволяет совмещения. Гавриил Харитонович – сам законодатель.

Что случилось с демократами в Москве? Возможны два варианта ответа. Либо лидеры оказались слишком слабы, чтобы противостоять давлению старого аппарата и обстоятельств, либо им понравилось управлять, и взгляды их меняются по мере вхождения во вкус власти.

Скорее всего, верно и то и другое. Возьмем, например, недавние решения мэрии о приватизации жилья и предприятий торговли. В чем, например, были бы более всего заинтересованы представители старой номенклатуры, получившие квартиры в центре Москвы? Конечно, они захотели бы получить жилье бесплатно. Именно такое решение и принимается.

---

[2] Съезд народных депутатов РСФСР. Постановление от 20 июня 1990 года № 51-I «О механизме народовластия в РСФСР». http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-akty/v3g.htm

А что захотели бы торговые работники? Правильно, они захотели бы получить бесплатно свои помещения, не отдав ни доли другим москвичам. Именно это и делается, когда отдают государственную собственность (то есть принадлежащую всем москвичам) фактически бесплатно (тысяча рублей за метр – это не деньги, если учесть реальную рыночную стоимость торговых помещений).

Налицо явные уступки сильным мира сего на фоне разговоров о демократии и рынке. Кроме того, оба решения явно противоречат российским законам и решениям Моссовета.

Демократическое движение оказалось у нас достаточно сильным, чтобы свергнуть коммунизм, но пока слишком слабо, чтобы вывести страну на цивилизованный путь развития.

Не за личности, а за систему
(Как голосовать на референдуме?)[1]

Выбор, который нам предстоит, действительно непрост. У кого поднимется рука голосовать против «добровольного Союза Суверенных Республик» в то время, когда страны Европы и Азии объединяются в эффективные экономические и политические союзы для достижения общих целей, да еще и против «демократии»? И все же, вчитываясь в вопрос, легко можно узнать знакомый почерк нашей коммунистическо-бюрократической власти. Он составлен так, чтобы каждый в нем нашел, что ему по вкусу: кому – «социализм», кому – «демократия», кому – «союз», кому – «добровольный». По сути дела, наш президент делает ловкую попытку собрать более половины голосов избирателей, в то время как сам, судя по опросам, пользуется поддержкой не более 20%. И нам нужно понять, что референдум – это голосование о доверии к нынешнему курсу центра.

События же последних месяцев свидетельствуют о том, что президент и его команда не смогут обеспечить ни обновления Союза, ни его добровольности, ни демократичности, ни соблюдения прав человека. Поэтому на вопрос союзного референдума я отвечу «нет». А на два других – о необходимости введения постов президента РСФСР и мэра Москвы – дам ответы положительные. И дело здесь не только в том, что на эти посты претендуют лидеры демократического движения Б.Н. Ельцин и Г.Х. Попов.

Конечно, эти лидеры не идеальны, они склонны к некоторому авторитаризму, что, вероятно, объясняется и их прошлым, и личными качествами. Но голосовать мы будем не за личности.

Во введении постов демократически избранных президента России и мэра Москвы я вижу попытку преобразовать большевистскую систему Советов в нормальную систему разделения властей, которая во всем мире и обеспечивает демократию.

Что же касается личностей, то при определении конкретных условий деятельности институтов сильной исполнительной власти, которая смогла бы вывести нас из кризиса, депутаты должны ограничить ее такой системой «сдержек и противовесов», чтобы ни одна личность не смогла сконцентрировать в своих руках слишком большую власть.

[1] Впервые опубликовано в газете «Куранты» (1991. 14 марта. № 48 (63). С. 5).

Сохранится ли Советский Союз до 1991 г.?[1]

В последнее время обстановка в СССР резко обострилась. На поверхности это обострение выражается в некоторых резких высказываниях М.С. Горбачева и не менее резкой критике М.С. Горбачева со стороны руководителей многих союзных республик, прежде всего лидера парламента РСФСР Б.Н. Ельцина. В чем причина нарастающего конфликта центра и республик?

Основная причина здесь – в принципиальных разногласиях о дальнейшем пути развития страны. В СССР всем ясно, что союз не может существовать без России и что в обстановке разногласий между лидерами Союза и крупнейшей республики (РСФСР – это более половины территории и населения страны) никакие реформы невозможны. Именно поэтому к началу августа 1990 г., когда новый лидер России Б.Н. Ельцин достаточно укрепился на своем посту, он вместе с М.С. Горбачевым смог забыть на время старые обиды и споры и договориться о создании совместной программы выхода страны из кризиса. Специально созданная для этого совместным решением М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина группа во главе с известным экономистом, академиком и членом президентского совета С.С. Шаталиным разработала такую программу, получившую название «500 дней».

Основная идея этой программы – осуществление приватизации некоторых отраслей экономики после стабилизации финансово-кредитного хозяйства. На стабилизацию авторы проекта отводили сто дней. После этого предполагалось ввести согласованные со всеми республиками жесткие правила и финансовые ограничения, названные «Финансовой конституцией», соблюдение которой позволило бы резко сократить дефицит государственного бюджета и приблизить к желанному равновесию спрос и предложение на потребительском рынке.

Особенностью этой программы было то, что она фактически создавалась без участия союзного правительства. Его представитель заместитель премьер-министра Л.И. Абалкин, хотя и входил в группу формально, в работе участия не принимал. В качестве альтернативы президентский Совет министров СССР подготовил свою программу, в которой как мера стабилизации финансовой системы предлагалось крупное административное повышение цен с выплатой компенса-

[1] Впервые опубликовано на китайском языке в газете «Чжунго шибао» (1990. 14 декабря. С. 3, 7).

ций за удорожание основных продуктов питания. Правительственная программа предполагала разгосударствление, растянутое на долгие годы. К тому же оно вряд ли сократило бы подавляющую долю госсектора в экономике, поскольку не был продуман сам механизм разгосударствления и сохранялась возможность полного административного контроля за акционерными предприятиями с помощью контрольных пакетов.

Однако, пожалуй, главным противоречием двух программ были проблемы Союза. В отличие от программы президентской группы, предполагавшей проведение реформ совместно с правительствами республик, все механизмы правительственной программы были рассчитаны на унитарное государство, которого с провозглашением республиками суверенитета, с принятием ими ряда мер по ограничению единого рыночного пространства (таможня, ограничения на ввоз и вывоз продукции) уже практически не существует.

Президент М.С. Горбачев вначале поддержал более радикальную программу С.С. Шаталина, однако подвергся массированному давлению со стороны консерваторов в парламенте, правительстве и армии и пошел на уступки, заявив позднее, что оба проекта имеют свои преимущества и недостатки и что их необходимо объединить в один документ. Такой документ и был принят Верховным Советом СССР. Являясь синтезом двух противоположных концепций, он состоял только из общих фраз и не удовлетворил никого. Одновременно Верховный Совет наделил М.С. Горбачева особыми полномочиями для проведения реформ. Президент получил право издавать указы нормативного характера.

Первые указы М.С. Горбачева, изданные в рамках новых полномочий, показали, что они направлены на осуществление программы правительства. Это вызвало новый конфликт с руководством многих республик, прежде всего России, парламент которой одобрил программу С.С. Шаталина «500 дней» и заявил о своем намерении осуществлять решительную приватизацию даже в случае сопротивления центра.

Между СССР и РСФСР практически началась экономическая война. Россия пытается создать свой банк, но центр препятствует этому. Центр принял решение о том, что лица, не выполняющие его распоряжения, будут уволены. Россия ответила введением штрафов за невыполнение распоряжений республиканских органов. Работники многих учреждений сегодня вынуждены решать, что им приятнее – увольнение или штраф. Борьба идет за каждое учреждение и предприятие. Демократические Советы Москвы и Ленинграда

приняли решения поддержать Россию и выполнять республиканские законы в случае их противоречия со всесоюзными. С другой стороны, М.С. Горбачев пытается опереться на консервативное руководство некоторых областей и автономных республик.

Но Россия – лишь одна из проблем М.С. Горбачева, причем не самая острая. Некоторые другие республики вообще отказываются иметь с ним что-либо общее. Три прибалтийские республики: Литва, Латвия и Эстония – заявили, что не будут участвовать в работе каких-либо центральных органов, и отказались даже обсуждать выдвинутую идею нового союзного договора. Недавно к ним присоединилось новое руководство Грузии, к власти в которой в результате выборов, впервые в СССР проведенных по партийным спискам, пришли крайние националисты. Сложна обстановка в Молдове, где противоречия между молдавским большинством и проживающими там русскими, украинцами и гагаузами уже привели к кровавым столкновениям.

Политическая свобода, которую принес М.С. Горбачев своей стране, конечно, бесценна, и в ней заключается, пожалуй, основная заслуга президента. Однако сегодня советский лидер все более демонстрирует свое бессилие перед нарастающей анархией. Решительно распахнув окно для свежего воздуха, он оказался не в состоянии справиться со сквозняком.

В течение долгих десятилетий огромную многонациональную империю, каковой по сути является СССР, сплачивала только сила, военная и административная. Так были устроены все средневековые империи. Политика М.С. Горбачева ослабила административный контроль, но ничего не дала взамен. Создание общесоюзного рынка из-за нерешительности М.С. Горбачева и противодействия консерваторов постоянно откладывалось и теперь уже вряд ли возможно. Видя пассивность союзного правительства, его нежелание решительно проводить курс на приватизацию экономики, многие союзные республики начали действовать самостоятельно.

Провозглашение суверенитета союзными республиками – не просто акт национального возрождения, хотя и оно, безусловно, стало важным фактором в условиях слабеющей центральной власти. Подтверждая свое право на суверенитет, которым они формально пользовались и ранее, республики пытались защититься от неразумной политики центра.

Сегодня уже практически все союзные республики признают действие союзных законов на своей территории только после утверждения их своими парламентами. Более того, Литва официально

провозгласила свой выход из СССР, а Эстония, Латвия и Грузия – переходный период по восстановлению государственной независимости. Благодаря свободным выборам в этих республиках, а также в Армении, также заявившей о стремлении к независимости, к власти пришли некоммунистические правительства.

Однако парад суверенитетов не ограничился союзными республиками. Феодальный распад империи продолжается. К независимости или, по крайней мере, к какой-то форме обособления стремятся сегодня многие более мелкие национальные и административные единицы. Так недавно свой суверенитет провозгласили некоторые автономные республики Поволжья. Татария и Башкирия, населенные тюркскими народностями, в одностороннем порядке повысили свой статус до союзных республик и заявили о выходе из РСФСР. Сепаратистские тенденции проявляют и некоторые народности в Грузии, в Молдове. Эти тенденции подогреваются центральным правительством, которое надеется использовать их как противовес некоммунистическим властям союзных республик.

Однако дело здесь не только в национализме. Целые районы, например, России пытаются достичь той или иной формы самостоятельности, чтобы обезопасить себя от политики центра и самим заняться собственными делами. Некоторые пытаются сделать это в форме свободной экономической зоны (такой статус был уже предоставлен российским парламентом ряду городов и регионов), некоторые поговаривают о восстановлении Дальневосточной республики, буферного государства, существовавшего с 1920 по 1922 г., некоторые заявляют об особой экономической роли Сибири и т.д.

В такой обстановке распада страны, паралича власти и экономического краха в середине ноября была созвана IV сессия Верховного Совета СССР. Этот обычно послушный орган, где прочное большинство удерживают коммунисты, неожиданно взбунтовался. Депутаты критиковали деятельность союзного правительства и президента, говорили, что они теряют реальную власть, что их законы и постановления часто запаздывали, создавались методом «пожарной команды» и, не оказывая опережающего воздействия, были реакцией центра на уже состоявшиеся конкретные события и уже отшумевшие конфликты в тех или иных регионах.

Сессия сорвала обсуждение предложенной президиумом повестки дня, затребовала для доклада о положении в стране президента и председателя Совета Министров СССР, настаивала на принятии конкретных мер по радикальному улучшению обстановки. Первое

выступление М.С. Горбачева, которое было длинным, вялым и неконкретным, зал воспринял без энтузиазма. Президент воспринял критику и выступил вновь с конкретными предложениями по выводу страны из кризиса.

Что же предлагает М.С. Горбачев? «И хватит обороняться, надо наступать», – заявил он. Судя по реакции союзных парламентариев, этот призыв президента воспринят ими с пониманием. Осталось лишь выяснить, в каком направлении советский лидер собирается вести наступление? «Выбор сделан, путь определен» – повторил президент свой излюбленный тезис. То есть направление главного удара – «радикализация общественных преобразований». Три основные цели М.С. Горбачева, которые он последовательно собирается претворять в жизнь, – это строительство рынка на основе синтезированных «Основных направлений», достижение межреспубликанского согласия на основе нового союзного договора, повышение авторитета власти.

Для осуществления данной программы М.С. Горбачев призвал бороться с теми, кто «сбивает нас с толку рассуждениями об отсутствии у руководства страны четкой программы действий», с «новоявленными борцами за суверенитеты» и с теми, кому «хочется дискредитировать президента» и «государственно важные институты»[2]. Здесь, безусловно, имеются в виду руководство большинства республик, которые ставят суверенитет выше союзного договора, пресса и оппозиционные общественные движения, участники антиармейских выступлений, критики КГБ.

Кто же может стать союзником М.С. Горбачева в осуществлении его программы? Сегодня главный интерес президента – это новый союзный договор. Заключение такого договора – его последний шанс остаться у власти цивилизованным способом. В таком договоре заинтересованы республики Средней Азии как наиболее зависимые от центра в экономическом отношении. Поэтому представители Туркмении, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана хотя и с оговорками, но в принципе поддержали идею президента о скорейшем заключении нового союзного договора. Как, впрочем, и большинство автономных республик, чей статус с заключением союзного договора, безусловно, становится более значимым.

2 Верховный Совет СССР. Четвертая сессия. Бюллетень № 44. Совместное заседание Совета Союза и Совета национальностей. 17 ноября. 1990. М., 1990. С. 3–6.

В сохранении политического союза заинтересовано и военное ведомство, чье положение в результате летнего «парада суверенитетов» стало весьма двусмысленным. Вооруженные силы СССР постепенно превращаются в армию несуществующего государства, размещенную на чужой территории. Во многих республиках ведется антиармейская кампания, приняты законы о создании республиканских воинских формирований, призыв в армию значительно сократился за счет отказов служить в ней, многие люди скрываются от армии, пользуясь защитой местных органов власти. Недавно в Латвии принято решение прекратить снабжение «оккупационных» войск. В этой обстановке недовольство военных руководителей распадом страны растет. Главой несуществующего государства может вскоре оказаться и сам президент, если уже в ближайшее время им не будут найдены новые скрепы для расползающегося старого сукна политической карты СССР. И, наконец, на стороне президента Совет Министров, не заинтересованный в сокращении общесоюзной собственности, находящейся под его контролем.

В своем кратком выступлении Горбачев предложил следующие меры, которые и были приняты законодателями:

До 17 декабря – даты открытия очередного Съезда народных депутатов СССР:

1. Наделить качественно новыми полномочиями Совет Федерации СССР, органа, состоящего из председателей парламентов или президентов союзных республик. Из совещательного органа он должен стать действенной структурой координации усилий центра и республик.
2. Упразднить президентский совет и создать при президенте Совет безопасности страны.
3. Осуществить коренную реорганизацию исполнительной власти в центре, подчинив кабинет министров президенту.
4. Ввести должность вице-президента.

К концу ноября:

1. Создать орган по координации деятельности правоохранительных органов в рамках президентского правления, а также специальную службу при президенте для борьбы с организованной преступностью, теневой экономикой, спекуляцией и другими проявлениями преступной деятельности.
2. Создать контрольную палату при президенте, имеющую полномочных представителей во всех регионах страны, для проведения в жизнь законов и указов.

3. Представить перечень неотложных мер по продовольственному снабжению населения до нового урожая.

В кратчайший срок представить Верховному Совету СССР и Верховным Советам союзных республик проект союзного договора.

Незамедлительно принять законы, которые позволили бы армии выполнять свое назначение и обеспечить престиж Вооруженных сил[3].

Парламентарии, почувствовав, что они теряют всякий контроль над страной, приняли почти все предложения президента. Не принято было лишь одно, но, пожалуй, важнейшее из них: наложить мораторий на республиканские законы в случае их противоречия союзным. Впрочем, такой мораторий в ряде конкретных случаев уже многократно налагался, но у М.С. Горбачева никогда не хватало решительности, чтобы его выполнить.

В случае принятия моратория президенту осталось бы два выхода: либо согласиться с потерей власти повсюду, кроме Кремля, либо постараться сохранить союз силой, так как никакая республика сегодня добровольно от своего суверенитета не откажется. Однако теперь предложения М.С. Горбачева превращаются в элементарную бюрократическую перестановку сил: предполагаются кадровые замены, одни властные органы ликвидируются, другие создаются. При этом кадровые перестановки по большей части отданы в руки консервативных премьер-министра и министра обороны. Один из них «готовит предложения» по кадрам будущего коалиционного правительства, другой – «в ближайшие дни внесет предложения по вопросам верхнего эшелона кадров» в армии[4]. В такой обстановке, вероятно, новые органы будут еще консервативнее старых.

Как можно оценить эту программу М.С. Горбачева? Прежде всего, нужно отдавать себе отчет, что внутри страны сегодня уже мало кто принимает слова президента всерьез. Им было уже принято множество указов, решений, проведено совещаний, разработано программ, но ничего из всего этого не выполняется. «Клякса и плакса», называют в народе тандем Горбачев–Рыжков (клякса в русском языке – безвольный, нерешительный человек).

Сегодня большинство населения страны, большинство политических деятелей, как правых, так и левых, убеждены, что президент

[3] Верховный Совет СССР. Четвертая сессия. Бюллетень № 44. Совместное заседание Совета Союза и Совета национальностей. 17 ноября. 1990. М., 1990. С. 3–6.

[4] Там же.

должен принять наконец решительные меры по наведению порядка в стране, ликвидации анархии. Однако если консерваторы призывают путем применения военной силы и введения президентского правления установить в стране диктаторский режим, восстановить империю и вернуться к старому, то наиболее разумное крыло демократического движения считает, что укрепление исполнительной власти необходимо для того, чтобы избежать резни на национальной основе, голодных бунтов и создать благоприятные условия для проведения радикальной экономической реформы.

По какому из этих двух путей пойдет М.С. Горбачев? Пока это не совсем ясно, однако изучение манеры его деятельности и некоторые его последние шаги показывают, что он все более склоняется поддержать консерваторов. Опыт введения военного положения в Азербайджане после погромов на национальной почве, подход М.С. Горбачева к Литве показывает, что он действует следующим образом: сначала своим полным невмешательством и игнорированием острой проблемы доводит дело до опасных последствий, а затем поддается давлению правых и принимает чрезвычайно непопулярные меры, которых ранее можно было бы избежать.

В ближайшем будущем эта схема может сработать по всей стране. Никак не реагируя на рост сепаратизма в стране, на то, что в ряде республик создаются вооруженные формирования, идут столкновения между различными группами населения (указ президента о роспуске таких формирований и их разоружении даже и не начал выполняться), президент сам загоняет себя в угол.

Если три года назад Литва удовлетворилась бы экономической самостоятельностью, а два года назад с радостью подписала бы новый союзный договор, то сегодня только введение военного положения и роспуск парламента может остановить процесс выхода Литвы из СССР.

Последние события и назначения в центральном правительстве показали, что М.С. Горбачев все более и более смещается в сторону консерватизма, его позиция все более и более расходится с позицией большинства республик и, что самое главное, с Россией.

Экономические меры центрального правительства блокируются Россией. Последний пример: попытка повышения цен на «товары не первой необходимости», к которым Н.И. Рыжков отнес даже автозапчасти и холодильники, было отменено на территории России.

В политической области курс М.С. Горбачева также не принимается республиками. Проект нового союзного договора, представлен-

ный им на обсуждение, сохраняет за центром слишком много полномочий, в том числе контроль за экономикой республик, поэтому от его подписания в нынешнем виде публично отказались почти все республиканские руководители. В недавнем интервью председатель российского парламента Б.Н. Ельцин, заявив о своей принципиальной поддержке идеи союзного договора, сказал, что Россия не будет его подписывать до тех пор, пока Верховный Совет СССР и президент не признают декларацию о суверенитете Российской Федерации и пока не будет подписан договор с центром о разделе имущества и передаче собственности. На эти шаги М.С. Горбачев вряд ли пойдет.

Сегодня М.С. Горбачев предпочитает силовые методы. Под давлением крайне консервативной парламентской группы «Союз», лозунгом которой стали слова «Держава, Родина, Коммунизм», он снял с поста министра внутренних дел либерально настроенного В.В. Бакатина и назначил министром партийного функционера Б.К. Пуго, а его первым заместителем крайнего реакционера, кумира военной верхушки, героя Афганской войны генерала Б.В. Громова. Свидетельством приготовлений к силовым действиям явилось и недавнее телевизионное выступление министра обороны Д.Т. Язова, обрушившегося с нападками на демократическое движение и политику реформ.

Сегодня, слушая выступления отдельных депутатов, многие поговаривают о возможности военного переворота. Думаю, что его вероятность не велика. У крайних консерваторов недостаточно сил, нет лидеров, М.С. Горбачев сохраняет контроль над основными источниками власти. Однако крайние антигорбачевские выступления играют свою роль. Они все больше толкают президента вправо. И установление какой-то формы автократического режима мы, скорее всего, увидим в ближайшем будущем. Если такой режим будет установлен самим М.С. Горбачевым, например, введено президентское правление во всей стране или в большей ее части, вряд ли будут ликвидированы все свободы и достижения горбачевского времени. Однако, вероятно, некоторые свободы будут значительно ограничены. Главная проблема здесь – решится ли М.С. Горбачев в условиях усиления собственной власти проводить радикальную экономическую реформу, сможет ли он продолжить свою внешнюю политику или, поддавшись давлению со стороны консерваторов и армии, успокоится на достигнутом или повернет назад.

В любом случае для нерешительности у М.С. Горбачева осталось мало времени. Еще несколько месяцев промедления, и ему придется смириться со своей ролью президента без государства или уступить место более сильному лидеру.

Мирная революция в Москве: оппозиция у власти[1]

Когда М.С. Горбачев начал проводить умеренную реформу избирательной системы, он едва ли представлял, что новые выборы полностью изменят политическую ситуацию в стране. Выборы в Москве, а также в некоторых республиках и крупных промышленных центрах в марте 1990 г. – первые состязательные выборы начиная с 1918 г. – привели к власти новых людей. Кандидаты от правящего аппарата, несмотря на все манипуляции в избирательных комиссиях, потерпели сокрушительное поражение.

Поначалу москвичей охватило чувство эйфории. Многие думали, что демократы возьмут быка за рога и за месяц-другой все изменят. Сегодня, шесть месяцев спустя, не видя значительных перемен, многие говорят, что новый Моссовет не способен ни на что, кроме сотрясания воздуха.

Но что же можно ожидать от нового Моссовета? Для ответа на этот вопрос следует посмотреть, кто пришел в Моссовет и каков истинный расклад сил в нем.

Победу в выборах провозгласил блок «Демократическая Россия». В каждом из 500 избирательных округов борьба была исключительно упорной. На каждое место претендовали в среднем пять–семь кандидатов, а в некоторых их было до двадцати. Почти в каждом округе пришлось проводить второй тур выборов с участием двух кандидатов, получивших наибольшее число голосов.

Поскольку в «Демократической России» отсутствует какая-либо дисциплина и членство в нем открыто для всех, блок был представлен крайне неравномерно: в некоторых округах о своей принадлежности к нему заявляло до четырех кандидатов, а в других – ни одного. Многие вступили в блок по причинам политической целесообразности, осознавая популярность его лозунгов. Немало кандидатов ничего не знало о программе блока, а лишь поддерживало конкретно какого-либо из лидеров оппозиции, другие просто шли за толпой.

После выборов в Моссовете оказалось около трехсот депутатов – членов «Демократической России». Это была довольно пестрая компания: коммунисты-реформаторы из Демократической

[1] Написано в 1990 г. для газеты «Чжунго шибао».

платформы в КПСС, левые «новые социалисты», социал-демократы, «зеленые», лидеры местного самоуправления, защитники следователей Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова, христианские демократы, независимые демократы из Академии наук, члены Конституционно-демократической партии, сторонники Российского народного фронта и даже один член радикального антикоммунистического Демократического союза. В демократическом блоке оказалось и несколько сотрудников милиции и КГБ, включая даже крайне «демократически настроенного» Е.М. Саушкина, следователя КГБ, который вел дело выдающегося правозащитника А.И. Гинзбурга.

Эту разнородную группу объединяла одна главная цель: независимое руководство города. Она была достигнута, когда два известных активиста оппозиции – Г.Х. Попов и С.Б. Станкевич – были избраны соответственно председателем и заместителем председателя Моссовета.

Представители правящей номенклатуры, объединившиеся в блоке «Москва», потерпели сокрушительное поражение. Коммунистические аппаратчики, представленные менее чем 90 депутатами от «Москвы», плюс десяток русских националистов из общества «Отечество» и около 40 «независимых», еще больших реакционеров, чем «Москва», были обречены оставаться в меньшинстве в состоящем из 500 депутатов Моссовете.

Однако после выборов руководства блок «Демократическая Россия» распался и взамен него возникло несколько фракций, каждая с собственной программой. Свои фракции основали новые социалисты, сторонники Демократической платформы в КПСС, Московский союз избирателей, либералы (впоследствии формально вышедшие из «Демократической России») и некоторые другие группы.

Возникло впечатление, что большинство в блоке составляли депутаты-популисты, выступавшие не за решительное разрушение системы, а скорее за уход скомпрометировавших себя политиков. Большую роль здесь сыграла позиция новых руководителей Моссовета, Г.Х. Попова и С.Б. Станкевича, опиравшихся на лидеров Московского союза избирателей и Демократической платформы в КПСС – организаций социалистическо-популистской направленности, занимавших очень осторожную позицию и не желавших ссориться с московской организацией КПСС, которая прежде обладала властью в городе на всех уровнях.

Характерным для позиции нового лидера Моссовета было поведение Г.Х. Попова во время последнего первомайского празднества на Красной площади, когда он впервые поднялся на трибуну Мав-

золея В.И. Ленина вместе с коммунистическими руководителями страны и позже вместе с теми же самыми людьми отвернулся от протестующих москвичей и покинул мавзолей в той же компании, возмущенной лозунгами демонстрантов. Он явно не желал портить свои отношения с М.С. Горбачевым.

Такая осторожная политика в городе, где сосредоточены все силы режима, выглядит вполне логичной. Однако многие москвичи, восхищаясь действиями нового радикального Ленинградского совета, определенно хотят большего.

Из первых шагов, предпринятых новым Моссоветом, возможно, самыми важными были два постановления: о комплексе мер по развитию потребительского рынка товаров и услуг и об основных принципах организации торговли. Первое постановление требует от Московского исполкома разработать программу реорганизации системы торговли в Москве на основе принципов рыночной экономики и представить ее на осенней сессии. Второе постановление разрешает отдельным людям или коллективам приобретать в собственность предприятия обслуживания и торговли. Так что в следующее посещение Москвы ее гость, вероятно, сможет купить свежий батон хлеба в частной булочной или выпить чашку хорошего кофе в частной кофейне.

Другим важным решением Моссовета было объявление всех жилых и нежилых зданий в Москве городской собственностью. В любой цивилизованной стране такое решение рассматривалось бы как незаконная экспроприация. Но в Советском Союзе все наоборот. В прошлом такого понятия, как собственность, не существовало: все находилось во владении государства. Однако после 1 июля 1990 г. все здания становятся собственностью тех организаций, которые их занимают.

Моссовет взял все здания на территории Москвы в свою собственность, тем самым гарантируя, что они будут использоваться в интересах города. В то же время Моссовет заявил, что это лишь временная мера и что жилищный фонд будет передан «в личную собственность москвичей на добровольной основе, бесплатно в пределах установленных социально гарантируемых норм и с соблюдением принципов социальной справедливости»[2].

Точное значение этого заявления станет ясно после того, как соответствующий проект о передаче государственного жилищного

[2] Вестник исполкома Моссовета. 1990. № 15. С. 15.

фонда в личную собственность будет разработан и передан на публичное обсуждение. Очевидно, определенная жилая площадь будет выдаваться бесплатно, а за дополнительные квадратные метры придется платить. Такая система уравняет в правах владельцев небольшого жилья и партийных аппаратчиков, которые ныне в обход закона живут в роскошных квартирах. Через некоторое время москвичи, очевидно, смогут передавать свои квартиры по завещаниям или продавать их.

К числу других важных решений Моссовета можно отнести рекомендацию должностным лицам правоохранительных органов воздержаться от вступления в политические партии и указание городскому Управлению внутренних дел снять милицейские посты из таких зданий общественных организаций, как ЦК КПСС, городской и районный партийные комитеты, партийные дачи и дома отдыха, здания профсоюзов и т.д. Вместо этого милиция должна бороться с преступностью. Наконец, специальная комиссия Моссовета и его исполком начали регистрацию новых общественных организаций и средств массовой информации. Эти меры направлены против монополии КПСС в различных сферах и ее неоправданных привилегий.

Эти и некоторые другие меры постепенно меняют советскую столицу, возвращая ее в цивилизованное общество с многопартийной системой, свободой слова, рыночной экономикой и всеобщим благосостоянием.

Однако за декретами должны следовать конкретные действия. Здесь Моссовет уже столкнулся с некоторыми трудностями. Не имеющий законодательных полномочий Моссовет едва ли сможет проводить свою политику в случае сопротивления союзных и республиканских органов. Последние решения Верховного Совета России обнадеживают. На поддержку Б.Н. Ельцина можно рассчитывать. Однако консервативное союзное правительство премьер-министра Н.И. Рыжкова молча поощряет разрыв экономических связей между столь же консервативными провинциями и демократическими Москвой и Ленинградом, в то время как позиция президента М.С. Горбачева остается неясной.

Другая опасность заключается в составе Моссовета. Тот факт, что многие депутаты не обладают парламентским опытом и не осознают различия между парламентской деятельностью и работой в исполнительных органах, ведет к новой бюрократизации Совета. Многие депутаты уверены, что старый Моссовет работал плохо не из-за изъянов в самой системе власти, а просто потому, что у руля нахо-

дились неправильные люди: «бюрократы» и «аппаратчики». Поэтому сегодня многие «демократы» пытаются установить собственный «демократический» контроль над всеми исполнительными органами и всеми решениями, не давая людям спокойно работать. Более того, многие депутаты стараются войти в руководящие органы всевозможных фондов, ассоциаций и даже коммерческих организаций, искренне полагая, что тем самым гарантируют работу этих организаций на благо людей. Но не с таких ли шагов начинается новая партийная опека, лоббизм и коррупция?

И все же похоже, что все это – болезни роста. Со временем депутаты станут профессионалами, и есть надежда, что волна популизма и лоббизма не полностью затопит Моссовет. Какими бы он ни обладал изъянами, у москвичей сегодня есть орган власти, намного более демократичный, чем раньше, орган, который приступил к работе по улучшению жизни москвичей и который вместе с демократическими Советами других российских городов и российским парламентом станет основой для дальнейшей демократизации.

Гдлян и Иванов: карьеристы или герои?[1]

Третий год имена следователей прокуратуры по особо важным делам Тельмана Гдляна и Николая Иванова не сходят со страниц советской прессы. И все время их упоминание сопровождается конфликтами и скандальными разоблачениями.

Около 40 миллионов телезрителей ленинградской программы собрались вечером в апреле 1990 г. перед экранами телевизоров, когда популярный ведущий А.Г. Невзоров объявил, что Ленинградский городской совет проголосовал за включение в программу выступления народного депутата СССР от Ленинграда Н.В. Иванова. Все знали, что означает это выступление. Больше года Иванов требовал предоставить ему время в эфире, чтобы представить доказательства того, что он и его коллега Гдлян были отстранены от ведения дел не потому, что они нарушили процедуру следствия, а потому, что обнаружили доказательства коррупции в самых верхах кремлевского руководства. Теперь он получил свой шанс.

Через несколько секунд после начала программа внезапно исчезла с экрана и была заменена документальным фильмом о жизни в северных районах страны. Но через 40 минут Иванов с видом победителя вновь появился на экране, очевидно выиграв какое-то закулисное сражение. Оказалось, что группа депутатов Ленинградского совета, стремясь настоять на своем решении, пришла на подчиненное им ленинградское телевидение, отстранила от работы его руководителя и настояла на выступлении следователя.

Три часа подряд Н.В. Иванов комментировал видеозаписи допросов различных свидетелей и обвиняемых по делу о коррупции в Узбекской Республике, расположенной в советской Средней Азии, которое расследовала возглавляемая Гдляном и им группа из более сотни следователей прокуратуры СССР. Один за другим появлялись на экране бывшие партийные и государственные руководители Узбекистана и признавались в существовании целой системы дачи взяток вышестоящим руководителям. Бывший председатель Совета Министров Узбекистана Н.Д. Худайбердыев говорил о том, как он брал и давал взятки все время, пока находился у власти. Секретарь одного

[1] Написано в 1990 г. для газеты «Чжунго шибао».

из местных комитетов компартии рассказал, что заплатил 50 тысяч рублей за то, чтобы вступить в партию.

В заключение Н.В. Иванов показал запись показаний бывшего Генерального прокурора СССР специально созданной комиссии Съезда народных депутатов СССР. Председатель комиссии, бывший диссидент Р.А. Медведев спросил прокурора, знает ли он о свидетельских показаниях, собранных Т.Х. Гдляном и Н.В. Ивановым. Эти показания включали заявления нескольких свидетелей о том, что они давали взятки высшим руководителям, включая члена Политбюро ЦК КПСС Е.К. Лигачева и бывших первых секретарей городского комитета партии Москвы Виктора В.В. Гришина и Б.Н. Ельцина. Четыре свидетеля заявили, что давали взятки самому М.С. Горбачеву.

Руководители страны – взяточники! Это стало новостью номер один. Мало кто обратил внимание на то, что отрывки, показанные Н.В. Ивановым, были хорошо отобраны и что в студии не было никого из его оппонентов, которые могли бы что-либо возразить. К тому же в видеозаписях было больше предположений, чем фактов, больше обвинений, чем доказательств.

Заявления Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова, согласно которым они были уволены только за то, что слишком близко подошли к правде, превратило их в из никому не известных следователей в популярных политических лидеров, народных героев, которые борются со всесильной мафией в высших эшелонах власти. На следующий день после телепередачи ее обсуждала вся страна.

В то же время генеральный прокурор А.Я. Сухарев собрал некоторые свидетельства против самих Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова. Он утверждал, что во время разбирательства в Узбекистане ими были незаконно арестованы около 70 свидетелей, многие из которых долгое время держались в заключении без предъявления обвинения. Другие, согласно прокурору, были просто арестованы для оказания давления на свидетелей, уже находящихся под следствием. За это, заявил прокурор, Т.Х. Гдлян и Н.В. Иванов должны быть уволены и отданы под суд.

Если А.Я. Сухарев хотел этими обвинениями вызвать народное недовольство Т.Х. Гдляном и Н.В. Ивановым, то он просчитался. Нарушения правил следствия, которые так широко распространены в СССР, что никого не удивляют, интересуют простых людей намного меньше, чем коррупция среди партийных руководителей. После 72 лет господства партийного аппарата, который все это время наживался за счет народа, люди в СССР готовы поверить, что этот аппарат способен на все. Если интеллигенция относится к этому делу

осторожно, считая, что Т.Х. Гдлян и Н.В. Иванов еще должны доказать свои обвинения, простые люди любят и поддерживают «борцов с мафией».

В любом случае сегодня можно сказать, что дело Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова стало важнейшим фактором политической борьбы в СССР, который для многих людей означает больше, чем, например, борьба за политические свободы или экономическую реформу. Обвинения Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова и борьба с ними прокуратуры, которой они верой и правдой служили долгие годы, разделили страну на два враждующих лагеря. Более того, их дело стимулировало развитие популистского движения, пробудило опасные черты массовой психологии, на которой играют бывшие следователи, призывая использовать самые строгие меры в борьбе с коррупцией, в частности предварительное заключение до трех лет и широкое применение смертной казни.

А ведь начинали следователи свою деятельность в Узбекистане, пользуясь полной поддержкой руководства, в том числе своего будущего врага Е.К. Лигачева, который в то время вел кампанию за чистоту рядов партии, а также мощного КГБ. Советская печать охотно публиковала фотографии, на которых Т.Х. Гдлян и Н.В. Иванов позировали на фоне миллионов изъятых у взяточников рублей и других ценностей.

Пожалуй, неприятности следователей начались с публикации их статьи в популярном журнале «Огонек», появившейся накануне XIX партийной конференции, в которой они сообщали, что четыре ее делегата брали взятки. Когда на конференции некоторые делегаты выступили с критикой этой статьи, главный редактор «Огонька» В.А. Коротич вышел на трибуну и театральным жестом передал председательствующему М.С. Горбачеву список с именами подозреваемых делегатов.

Осенью 1988 г. вместе с рядом руководителей Узбекистана к суду был привлечен Ю.М. Чурбанов, зять Л.И. Брежнева и бывший первый заместитель министра внутренних дел СССР. Так Т.Х. Гдлян и Н.В. Иванов впервые нащупали связь между взяточниками в Узбекистане и московскими руководителями. Следователи потратили три года на это дело, состоящее из 29 томов. В результате расследования ранее неприкасаемый член брежневского клана был обвинен в получении взяток на сумму 650 тысяч рублей.

Ознакомившись с показаниями более 200 свидетелей, суд признал Ю.М. Чурбанова и еще шесть человек виновными, однако от-

нюдь не все предъявленные обвинения были доказаны. Обвинение смогло доказать лишь три случая получения Ю.М. Чурбановым взяток на общую сумму 90 тысяч рублей, и он получил «только» 12 лет, избежав грозившей ему смертной казни. Более того, дело одного из обвиняемых было послано на дополнительное расследование, а другой был оправдан.

Т.Х. Гдлян в своих выступлениях на телевидении и в печати тут же принялся критиковать суд, намекая на то что судьи, а также известный московский адвокат А.М. Макаров, выступавший защитником на процессе, подкуплены мафией. В то же время в некоторых газетах, в том числе, демократически настроенных и ранее много сделавших для популяризации Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова, стали появляться статьи с сомнениями в их методах.

Большие споры вызвало другое дело, которое вел Т.Х. Гдлян. В 1981 г. благодаря усилиям следовательской группы под его руководством был арестован и приговорен к 15 годам лишения свободы известный академик из Эстонии Иоханнес Хинт, который впервые в СССР перевел деятельность государственной корпорации на коммерческую основу. В 1985 г. И. Хинт умер в тюрьме. Многие в Эстонии были возмущены этим делом и писали жалобы в прокуратуру. Поначалу генеральный прокурор А.Я. Сухарев поддерживал своего подчиненного Т.Х. Гдляна, утверждая, что следствие велось в соответствии с законом, но затем в 1989 г. внезапно изменил свое мнение. 25 апреля 1989 г. И. Хинт был оправдан Президиумом Верховного суда СССР, отменившим свое же решение по этому делу от 1983 г. Т.Х. Гдлян заявил, что Верховный суд изменил свое решение под давлением партийного руководства после того, как он выдвинул обвинения против кремлевских лидеров. Его позиция выглядела очень правдоподобно и была поддержана многими простыми людьми.

Вскоре после этой истории Т.Х. Гдлян и Н.В. Иванов включились в предвыборную кампанию по избранию народных депутатов СССР, в своих выступлениях выдвигая многочисленные обвинения в адрес высокопоставленных руководителей и не приводя при этом никаких доказательств. Так, в теледебатах по Ленинградскому телевидению Н.В. Иванов открыто сообщил об имеющихся у него свидетельских показаниях о взяточничестве всесильного Е.К. Лигачева – второго человека в партии. Эти выступления принесли следователям огромную популярность, и оба они были избраны народными депутатами СССР: Т.Х. Гдлян от одного из районов Москвы, а Н.В. Иванов – от всего Ленинграда. Особенно убедительной была победа Н.В. Ивано-

ва: он обошел 26 соперников, набрав уже в первом туре 61% голосов избирателей многомиллионного города. Большее количество избирателей проголосовало только за Б.Н. Ельцина.

После этого дело перешло в стены Кремлевского дворца съездов на Съезд народных депутатов СССР, где часто вспыхивали острые конфликты между сторонниками и противниками Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова. Многие продолжали их поддерживать, несмотря на отсутствие доказательств их обвинений. В разных городах страны стали возникать комитеты защиты Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова, проводились многолюдные митинги в их поддержку, а некоторые предприятия грозили начать забастовки, чтобы заставить руководство страны рассмотреть доказательства, которые, по словам следователей, у них имелись.

В то же время Т.Х. Гдлян и Н.В. Иванов активно включились в общественную жизнь, выступали на митингах и собраниях, где их обвинения становились все более и более острыми. Так, на митинге в своем избирательном округе в московском районе Тушино Т.Х. Гдлян обвинил самого М.С. Горбачева в растрате государственных средств на строительство новой дачи в Крыму и призвал проверить его доходы и расходы. «Если руки и совесть генерального секретаря чисты, то чего же ему бояться?» – риторически спросил следователь.

Власти не замедлили ответить. Еще в апреле 1989 г. Т.Х. Гдлян и Н.В. Иванов были отстранены от ведения дела в прокуратуре, а само дело разбито на несколько более мелких частей, проверка которых была поручена следователю КГБ А.С. Духанину, поспешившему доказать невиновность почти всех, находившихся под следствием. Позднее следователи были подвергнуты критике на пленумах КПСС и исключены из партии. Вскоре генеральный прокурор А.Я. Сухарев обратился к Верховному Совету СССР с призывом лишить Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова депутатской неприкосновенности, чтобы они могли быть допрошены и уволены из прокуратуры, так как по советским законам депутат не может быть арестован или уволен с работы без согласия выборного органа. В такой обстановке состоялось нашумевшее на всю страну выступление Н.В. Иванова по Ленинградскому телевидению.

Власти страны были возмущены этим выступлением. В ответ на него в общесоюзной программе новостей «Время» выступил председатель комиссии Съезда народных депутатов по делу Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова Р.А. Медведев, который критиковал как следователей, так и саму прокуратуру. Вскоре после этих выступлений были

назначены специальные слушания в Верховном Совете СССР, которые власти постоянно пытались отложить.

В результате острых дебатов, за которыми следила вся страна, депутаты отказались удовлетворить требование прокуратуры, посчитав, что доказательств вины следователей недостаточно. В то же время в принятой резолюции Т.Х. Гдлян и Н.В. Иванов были подвергнуты критике за «необоснованные обвинения» и содержалась угроза лишить их депутатской неприкосновенности в случае, если они продолжат кампанию публичных нападок. В то же время парламент разрешил уволить Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова из прокуратуры, которая также была подвергнута критике за развал работы.

Т.Х. Гдлян и Н.В. Иванов даже не пришли на сессию, заявив, что опасаются ареста прямо в зале заседаний. Одновременно они вступили в предвыборную кампанию в Верховный Совет Армении, куда и были недавно избраны. Этим они обезопасили себя от лишения депутатских полномочий в Москве.

Обсуждение дела Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова в СССР продолжается, но главный вопрос остается: есть ли у следователей доказательства, о которых они говорят. Давление партийного аппарата на прокуратуру очевидно. После выступления В.А. Коротича на партийной конференции три ее делегата были арестованы, однако после начала нападок на следователей освобождены.

В отношении данных, на которых основываются Т.Х. Гдлян и Н.В. Иванов, их методов ведения следствия также имеются серьезные сомнения. В своем выступлении в Верховном Совете Р.А. Медведев заявил: у его комиссии есть много свидетельств того, что следователи обещали подследственным различные льготы, если те покажут, что давали взятки руководителям.

Безусловно, это дело вскрыло недостатки советской юридической системы, во многом сохранившейся неизменной со сталинских времен. Тогда «царицей доказательств» считалось признание обвиняемого, которого следователи добивались путем давления, а часто применяя насилие. Всего 50 лет назад многие руководители страны приговаривались к смертной казни на основании таких неправдоподобных признаний, которые могли быть только «выбиты» из них кулаками следователей. Сегодня положение несколько изменилось, однако презумпция невиновности, официально признанная, все еще часто игнорируется. Другой стороной этой системы является полное подчинение судебной системы партийным властям, которые прилагают все усилия, чтобы следствие не зашло слишком далеко.

Не секрет и то, что методы следствия, практиковавшиеся Т.Х. Гдляном и Н.В. Ивановым, обычны для СССР, поэтому позицию прокуратуры, стремящейся обвинить только двух своих непокорных следователей, можно объяснить попыткой увести от ответственности всю систему контролируемого КПСС беззакония. Почему прокуратура, ранее поддерживавшая Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова, проявила беспокойство только тогда, когда в деле стали фигурировать имена московских руководителей? Почему она заинтересовалась только этим делом, хотя подобных нарушений множество по всей стране?

Вероятно, Т.Х. Гдлян и Иванов со своей следовательской группой действительно подошли к чему-то, однако еще следует установить, действительно ли это коррупция в Кремле или просто всеобщее недовольство привилегиями кремлевских правителей и ненависть к ним. В любом случае дело продолжается. Хотя в последнее время его обсуждение немного затихло, все его обстоятельства всегда могут всплыть с новой силой. Либеральная интеллигенция, много сделавшая ранее для популяризации «борцов с мафией», сегодня с опаской относится к Т.Х. Гдляну и Н.В. Иванову и выступает за объективное разбирательство. Однако популистские силы, стремящиеся использовать любое недовольство для борьбы с властью, еще могут сделать двух популярных следователей своими лидерами.

Политика Горбачева и будущее перестройки[1]

Слово «перестройка» вошло во все языки мира, а ее лидер М.С. Горбачев, сегодня, безусловно, самый популярный политический деятель на планете. Что же означает это слово для самих жителей СССР, в чем причины начала крутого поворота в жизни страны и к чему он может привести?

В 1985 г. я был на стажировке за границей. Без особого энтузиазма, хотя и с некоторым интересом слушал я сообщение по иностранному радио о смерти очередного советского лидера. На сей раз это был К.У. Черненко, уже несколько месяцев находившийся при смерти. «Опять нужно идти в посольство и изображать безбрежную скорбь», – подумал я. Это было довольно утомительно, поскольку еще совсем недавно мы уже проводили в последний путь трех или четырех высших руководителей.

Сообщали, что председателем похоронной комиссии назначен М.С. Горбачев, отвечавший до сих пор за сельское хозяйство. Я знал, что это был наилучший выбор: он закончил Московский университет, произвел благоприятное впечатление во время визита в Англию, был по тогдашним меркам очень молодым. Но все же, если бы тогда кто-то сказал мне, что через пять лет я смогу свободно писать подобные статьи без страха сразу же оказаться в Сибири, я посчитал бы его сумасшедшим.

Итак, какую страну получил в наследство новый лидер? У власти находился репрессивный однопартийный режим. Конечно, режим этот был уже не тот, что при И.В. Сталине, когда не только инакомыслящие, но даже те социальные слои, которые в принципе способны породить инакомыслие, физически уничтожались. Брежневский режим был основан на договоре лжи. Официальной пропаганде уже почти никто не верил, однако необходимо было соблюдать правила игры, повторять или, по крайней мере, открыто не ставить под сомнение тезисы официальной пропаганды, и можно было спокойно существовать. Те, кто выражал открытое несогласие, регулярно отправлялись в лагеря.

[1] Впервые опубликовано на китайском языке в газете «Чжунго шибао» (1990. 4 июля. С. 6).

Вся власть в стране принадлежала партийно-бюрократическому слою. Реальным правительством было Политбюро ЦК КПСС во главе с его генеральным секретарем. Немного ниже членов Политбюро стояли секретари ЦК, каждый из которых курировал определенную область, например идеологию, строительство, внешнюю политику и т.п. Официально высшим органом партии считался съезд, который избирал Центральный Комитет, однако и съезды, и пленумы ЦК уже давно превратились в формальные спектакли.

Совет Министров, состоявший из десятков министров, стоящих во главе отраслевых министерств, занимался конкретной хозяйственной работой. Председатель Совета Министров всегда был членом Политбюро и формально считался вторым человеком в стране. Руководство хозяйственной жизнью страны осуществлялось на основе пятилетних планов, в соответствии с которыми каждому предприятию давались твердые задания, а хозяйственные и партийные власти следили за их выполнением.

Формально высшим органом власти страны считался Верховный Совет СССР, советский аналог парламента. Выборы в него, как и в местные органы власти, были пустым фарсом. Кандидаты назначались сверху из числа партийных чиновников, послушных хозяйственных руководителей и специально отобранных рабочих и крестьян. Никакой конкуренции и агитации не допускалось, кандидат, конечно же, был только один. Практически место в парламенте было привилегией, почетным званием, таким как звание народного артиста или художника. Верховный Совет не имел, да и не желал иметь никакой власти, собираясь один-два раза в год на короткие сессии, чтобы единогласно проштамповать законопроекты, подготовленные в недрах партийного аппарата. Председатель Президиума Верховного Совета, формально высшее лицо в государстве, выполнял чисто ритуальные функции, к тому же в последние годы Л.И. Брежнев совмещал эту должность с постом лидера партии.

На местах вся власть принадлежала местным комитетам партии, а «выборные» органы государственной власти фактически существовали при них. Например, председатель Исполнительного комитета городского совета был приравнен ко второму секретарю городского комитета КПСС.

Откуда же в такой системе появился реформизм М.С. Горбачева? Конечно, роль этой личности в современной истории огромен, однако феномен М.С. Горбачева не возник на пустом месте. В теории и практики большевизма, более 70 лет стоящего у власти в СССР,

всегда были две тенденции. Их можно назвать тенденциями Н.И. Бухарина и И.В. Сталина. К первой можно отнести И.Б. Тито и Дэн Сяопина, ко второй – Мао Цзэдуна, Пол Пота и др. Идеал И.В. Сталина хорошо известен, он в наиболее полной форме реализовался на большей части земного шара. По сути, это возрождение восточной деспотии с использованием современных технических и идеологических средств, то есть то, что сегодня называют тоталитаризмом. Кстати, в том, что сталинизм реализуется в восточных странах, безусловно, есть закономерность. Это доказательство близости такого типа государства к восточной деспотии, на которую указывал еще первый русский марксист Г.В. Плеханов.

Тенденция Н.И. Бухарина, пожалуй, реализовалась только в титовской Югославии. Это и неудивительно, так как сталинизм, победив в СССР, подмял под себя почти все большевистские движения. К бухаринизму можно отнести и период 20-х гг. в СССР, время, когда сталинизм еще не окреп и развитие страны шло еще под знаком В.И. Ленина, вернее, под знаком борьбы различных тенденций, которые включал в себя ленинизм. Сам В.И. Ленин по своему воспитанию и взглядам был, пожалуй, особенно в конце жизни, ближе к бухаринскому направлению, однако это не означает, что сталинизм не вытекает из ленинизма. Напротив, во взглядах В.И. Ленина было много такого, что можно истолковать не иначе, как теоретическую основу сталинизма: нетерпимость, стремление подавить политическую оппозицию, ненависть к интеллигенции.

Тенденция Н.И. Бухарина, конечно, не стремилась к демократическому обществу. Но идеал бухаринцев существенно отличался от сталинского тоталитаризма и типологически был скорее ближе к структурам, возникающим во многих странах Азии и Африки в результате так называемых «национально-освободительных» революций. Это, конечно, полицейское государство с властью партии, олицетворяющей высшую иерархию, однако гораздо менее репрессивное. Репрессии, безусловно, не ведутся против членов собственной партии (в таких репрессиях – главное творческое развитие И.В. Сталиным ленинизма), допускается если не оппозиция, то некоторая доля свободомыслия. Но главное различие – это экономическая модель, допускающая кооперативную и частную собственность, а также интенсивные связи с заграницей.

Бухаринский вариант – менее цельный и устойчивый, чем сталинский, так как сочетает элементы товарного и нетоварного производства, рынка и административного контроля. В этом основа постоянной

борьбы двух фракций, одна из которых тянет систему к полной победе рынка и, следовательно, большим контактам с развитыми странами, большей открытости и, в конечном счете, демократичности, а другая – к ликвидации рыночных тенденций, к продуктной экономике и тоталитаризму в политике. Развитие СССР в 20-х гг., нынешний кризис в Югославии показывают утопичность бухаринского варианта, его противоречивость. Та или иная тенденция рано или поздно должна взять верх. Однако исторически на протяжении довольно длительного промежутка времени их сосуществование возможно.

Остроту ситуации придает еще и то, что сталинская, то есть административно-огосударствленная экономика, которая существовала в СССР до недавнего времени и даже дала определенные результаты (можно говорить о том, что бухаринский вариант дал бы больше для экономического развития страны, однако нельзя отрицать того, что сталинская экономика в течение длительного времени существовала без серьезных внутренних противоречий), во второй половине XX в. практически обречена на крах.

Современные технологии требуют не рабского труда, составляющего основу сталинской системы, а осознанного труда свободного человека, свободного по меньшей мере экономически. Новые технологии, новые методы хозяйствования отторгаются тоталитарной системой, дальнейшее существование сталинизма в СССР вело к экономической отсталости и поражению в соревновании с США, то есть к краху системы. Эта мысль, выраженная, конечно, в соответствующей терминологии, отчетливо прослеживается во многих выступлениях М.С. Горбачева.

Из вышесказанного ясно, что перестройку можно рассматривать как попытку возрождения бухаринской тенденции, которая, несмотря на массовые репрессии И.В. Сталина и брежневский период, в скрытом виде всегда была жива среди партийных руководителей, попытку, предпринятую разумно в качестве единственной возможной меры по спасению системы от краха. Реформы не были подготовлены снизу, скажем, движением инакомыслящих, хотя оно и сыграло определенную роль в создании нового морального климата. Основной движущей силой перестройки, как и хрущевских реформ, были и во многом еще остаются партийные либералы, идейное становление которых пришлось на вторую половину 50-х – первую половину 60-х гг., так называемые шестидесятники.

Эти люди, на которых прежде всего приходится сегодня рассчитывать, к которым относится большинство ярких политических

лидеров перестройки: сам М.С. Горбачев, председатель российского парламента Б.Н. Ельцин, председатели Московского и Ленинградского советов экономист Г.Х. Попов и юрист А.А. Собчак представляют третье советское поколение. Первое поколение – ленинское, делавшее революцию и встретившее ее в возрасте 30–40 лет, – было полностью сметено сталинским террором. Это было поколение жестоких идеалистов, веривших в партийное братство, быстрое начало мировой революции и наступление коммунизма, понимаемого как всеобщее счастье. Второе поколение – те, кто участвовал в революции и Гражданской войне молодыми, поколение Павки Корчагина, героя романа «Как закалялась сталь». Таким был мой собственный дед. Это поколение узколобых фанатиков, для которых партия в лице ее вождей, а потом одного вождя была единственной моралью. Они составили основу сталинских кадров, и то, что многие из них сами были сметены террором, нисколько их не оправдывает. Больше того, когда они сами оказывались в позиции власти, они могли заниматься уничтожением людей, в том числе своих бывших соратников – друзей.

Конечно, не все были такими. Движущей силой хрущевской оттепели стали сохранившие при И.В. Сталине «ленинско-большевистские» идеалы партийцы. Они, конечно, сильно запачкались при И.В. Сталине, но все же сохранили некоторые идеальные представления о новом строе. Такими были сам Н.С. Хрущев, О.В. Куусинен, возможно, А.И. Микоян и, конечно, многие деятели среднего звена. Их двойственная позиция, сочетавшая, с одной стороны, активное участие в сталинской политике, а с другой стремление убрать наиболее отвратительные черты сталинской системы, определила все противоречия хрущевских реформ.

Хрущевская оттепель была быстротечна и непоследовательна. Однако сегодня уже можно сказать, что в то время удалось добиться многого. Во-первых, реформы были достаточно глубоки, чтобы сделать невозможным возрождение сталинизма, во всяком случае чистого сталинизма в форме массового террора. Аппарат устал бояться и даже при Л.И. Брежневе всегда находил в себе силы убирать слишком открытых сталинистов. Во-вторых, необычайно важным было то, что, хотя идеи либерализма в экономике и политике и не победили, они практически в полном объеме были сформулированы, обсуждались в прессе и завоевали прочные позиции в умах молодых аппаратчиков. Эти идеи сформировали в хрущевское время целый широкий слой партийных либералов, которые и составляют теперь

костяк перестройки. Таким образом, уже тогда перестройка была подготовлена как идеологически, так и организационно.

Постепенная ликвидация достижений оттепели привела к поляризации в либеральном лагере. Кто-то вообще отошел от власти и перестал использовать марксистскую фразеологию даже для прикрытия, кто-то был постепенно выдавлен в диссиденты, кто-то изгнан с партийной работы, но остался в официальном кругу, стал либо журналистом, либо публицистом, либо научным работником, но кто-то затаился и остался в аппарате. Именно союз последних двух категорий и дал в конце концов перестройку.

Приход М.С. Горбачева к власти в 1985 г. с точки зрения перипетий внутриполитической борьбы был случайным. Теоретически сторонники других претендентов, например консервативного московского партийного лидера В.В. Гришина, могли оказаться сильнее. Однако кризис в стране неизбежно должен был привести к власти реформатора, необходимость этого понимало большинство партийных руководителей высшего и среднего уровня. Другое дело, что многие из них понимали реформы по-разному. Поддержку М.С. Горбачеву оказал союз двух направлений в партии. Представители одного из них, к которым можно отнести как новых лидеров, таких как Е.К. Лигачев, так и некоторых членов Политбюро брежневского времени, непосредственно не связанных с группой Л.И. Брежнева: министра иностранных дел А.А. Громыко, главу КГБ В.М. Чебрикова, считали, что суть реформ – в устранении явных злоупотреблений брежневской группы, борьбе с коррупцией и распадом дисциплины, но ни в коем случае не в изменении существующей экономической и политической системы. Другая группа лидеров готова была пойти дальше, к идеалу так называемого «гуманистического социализма», представлявшего собой сплав ленинского нэпа, еврокоммунизма, «пражской весны».

Став генеральным секретарем, М.С. Горбачев, вероятно, имел в голове лишь общие соображения относительно необходимости радикальных перемен. Конкретного плана действий у него не было. Первоначально, на апрельском пленуме ЦК КПСС (1985 г.) и затем на XXVII съезде компартии им была принята концепция «ускорения социально-экономического развития страны», суть которой сводилась к выходу из экономического кризиса за счет интенсификации производства, структурной перестройки экономики, ускоренного развития современных отраслей машиностроения, внедрения современных методов экономического управления. Вся эта программа носила уто-

пический характер и во многом была похожа на планы Н.С. Хрущева догнать и перегнать Запад. Именно тогда, во время посещения автомобилестроительного завода в городе Тольятти М.С. Горбачев сказал знаменитую фразу о том, что СССР вскоре станет законодателем мод в мировом автомобилестроении. Все, кто знаком с состоянием этой отрасли в СССР, восприняли это заявление как свидетельство полного непонимания лидером положения в экономике.

Главным изъяном концепции «ускорения» было отсутствие желания изменять существующую экономическую систему и вводить нормальные рыночные механизмы. Однако только такая концепция в то время могла быть поддержана большинством партийных функционеров, на которых опирался М.С. Горбачев, который, пользуясь поддержкой этого большинства, вел активную борьбу с коррумпированной группировкой Л.И. Брежнева.

К 1987 г. крах программы «ускорения» стал очевиден. Экономическое развитие не только не ускорилось, но замедлилось. Вероятно, именно в этот период советский лидер пришел к выводу, что главным тормозом развития страны является не неправильная структура производства, а целая прослойка партийных бюрократов, тормозящих реформы на местах. Этому выводу способствовала дискуссия в прессе, в ходе которой многие экономисты и политологи прямо противопоставляли «командно-административную» и рыночную экономические системы, призывали к переходу к рынку. В то же время отсутствие привычных репрессий привело к оживлению средств массовой информации. Появились лидеры перестроечной прессы: газета «Московские новости» и журнал «Огонек». Под руководством новых главных редакторов Е.В. Яковлева и В.А. Коротича эти ранее крайне консервативные органы перешли к скрытой, а затем и более открытой критике многих сторон системы, к публикации произведений ранее запрещенных авторов. В эту кампанию включились и другие газеты и журналы. Начался второй этап перестройки, этап «гласности».

Новый курс на поверхности выразился в решениях январского и июньского (1987 г.) пленумов ЦК КПСС. На первом из них, посвященном кадровым вопросам, было признано, что ранее партийное руководство недооценило силу сопротивления консервативной части аппарата. Июньский пленум принял так называемую программу «коренной экономической реформы», предусматривавшую расширение самостоятельности предприятий и уменьшение роли центрального планирования.

К этому времени брежневская группировка была полностью отстранена от руководства, из Политбюро были выведены почти все активные проводники старой политики: Г.В. Романов, В.В. Гришин, Г.А. Алиев, Д.А. Кунаев, заменено значительное количество партийных руководителей среднего уровня. Приземление на Красной площади немецкого спортивного самолета дало М.С. Горбачеву повод для смены руководства армией. Однако на новые посты пришли отнюдь не сторонники реформ, за редким исключением новые люди поддерживали курс Е.К. Лигачева, который был в то время вторым лицом в партии и занимался кадрами.

В это время впервые наметились трения между сторонниками радикальных перемен и группировкой консерваторов во главе с Е.К. Лигачевым. М.С. Горбачев вынужден был лавировать между ними и иногда, несмотря на стремление к реформам, как в случае с Б.Н. Ельциным, радикальным московским партийным лидером, подавшим в отставку под давлением консерваторов, поддерживал более сильную группу Е.К. Лигачева.

Суть нового курса М.С. Горбачева заключалась в следующем: если раньше он предполагал идти вперед при помощи старого партаппарата, то теперь было решено подхлестнуть реформы в партии и в стране созданием новых центров силы: дать реальные права выборным органам в политике и предприятиям в экономике. Программа таких реформ была принята на XIX партконференции в конце июня – начале июля 1988 г. Она санкционировала выборы в новый верховный орган государственной власти, Съезд народных депутатов СССР, которые хотя еще далеко не были свободными, но все же впервые проводились из нескольких кандидатур.

Выборы прошли в марте 1989 г. на большом общественном подъеме. На Съезде народных депутатов впервые за долгие годы страна услышала не заранее подготовленные, санкционированные свыше выступления, а действительные мысли новых законодателей. И сразу же выяснилось, что план М.С. Горбачева получить дополнительную поддержку не удался. Около трех четвертей съезда, избранных от консервативной провинции и среднеазиатских республик, критиковали новую политику гласности и демократизации справа. А примерно четвертая часть депутатов, в основном представители Москвы, Ленинграда, других крупных городов, объединившись в Межрегиональную депутатскую группу, критиковали М.С. Горбачева за медлительность и нерешительность.

С этого времени демократизация в стране получила собственное развитие, а события стали выходить из-под контроля М.С. Горбачева и партийного руководства. Сегодня крайне трудно сказать, в чьих руках находится власть и в какую сторону пойдет развитие событий. Последние год-два из-под контроля центра практически вышло большинство республик. О своей независимости объявили Литва, Латвия и Эстония, близки к принятию аналогичных решений и практически неподвластны Кремлю Молдавия, Грузия и Армения, сильны сепаратистские настроения на Украине, особенно в ее западной части. Среднеазиатские республики, которые практически управляются средневековыми кланами, лишь формально перекрасившимися в коммунистические цвета и крайне недовольными прозападным курсом Москвы, незаметно формируют консервативный альянс, выбирая своих республиканских президентов в противовес М.С. Горбачеву и развивая региональные связи.

Многие считали, что, став президентом, М.С. Горбачев использует новый пост для создания реального противовеса власти партаппарата. Однако до сих пор ему не удалось создать сильную систему президентской власти. В президентский совет кроме тех, кто и так обладал властью по партийной и государственной линиям, вошли не политики, а представители общественности: писатели, ученые, многие из которых придерживаются крайне консервативных взглядов.

Серьезные удары авторитету М.С. Горбачева с разных сторон нанесли прошедшие недавно Съезд народных депутатов РСФСР и Съезд компартии РСФСР. Хотя между новыми Председателем российского парламента реформатором Б.Н. Ельциным и Первым секретарем компартии РСФСР крайним консерватором И.К. Полозковым нет почти ничего общего, их кандидатуры сходны в одном: против обоих активно выступал М.С. Горбачев и избрание обоих прошло вопреки его желанию. Это означает, что из четырех опор власти: традиционных партаппарата, армии и КГБ, а также усиливающихся в последнее время Советов М.С. Горбачев контролирует лишь армию и КГБ, да и то неизвестно, до какой степени. Съезды компартии РСФСР, а затем и СССР показали, что М.С. Горбачеву не удалось реформировать партию и большая часть партаппарата представляет консервативную оппозицию реформам. Принятие же декларации о суверенитете России говорит о том, что в случае ее успешной реализации Кремль потеряет контроль над большей частью экономики крупнейшей союзной республики.

Судьба перестройки сегодня зависит от того, смогут ли перемены в СССР продвигаться с одной стороны достаточно решительно, чтобы удовлетворить нарастающее недовольство экономическим крахом, резко изменить к лучшему положение в экономике, а с другой – достаточно медленно, чтобы новые политические формы стали привычными для людей, органично вошли в политическую систему. Для этого стране крайне необходим союз реформаторов всех направлений, всех, кто левее (в реформаторском смысле) центра. Хватит ли у М.С. Горбачева политической мудрости договориться с крайними реформаторами о реальных реформах, а у радикалов понимания того, что прямое народное действие сегодня не менее опасно для страны, чем приход к власти консерваторов, покажет время.

В противном случае один из двух сценариев развития неизбежен: либо захват власти союзом партийных консерваторов и русских националистов и возврат к партийно-военной диктатуре сталинского типа, либо полный распад страны под ударами забастовок и национального движения, который может привести к самым непредсказуемым последствиям, как это было в 1917 г. Оба этих варианта крайне нежелательны, но с развитием событий они становятся все более и более вероятными.

Судьба Горбачева решается в эти дни[1]

Великие исторические перемены, происходившие в последние месяцы в Восточной Европе, отвлекли внимание западноевропейской общественности от ситуации в двух коммунистических гигантах – СССР и Китае.

Тем не менее многое в Восточной Европе по-прежнему зависит от результатов политической борьбы в Советском Союзе. Она может развиваться либо по образцу венгерской и польской моделей, либо по китайскому пути. По какой из этих дорог идет Советский Союз, до сих пор неясно.

Советская политическая культура отличается и от восточноевропейской, и от китайской, представляя собой, скорее всего, что-то среднее между ними. Западная печать подчеркивает успех китайских реформ, обширность китайского рынка, повышение уровня жизни, а иногда говорит даже о вестернизации китайского общества и о необратимости перемен в Китае. Однако, когда экономические реформы там начали приносить плоды, почувствовалась необходимость в политической реформе. Старая бюрократическая система замедляла развитие экономики. Но, несмотря на предложения провести политическую реформу, никаких серьезных шагов по ее воплощению сделано не было, а требования реформы со стороны общественности жестко подавлялись. Однако этим негативным явлениям уделялось мало внимания и в советской, и в западной печати, столь велика была эйфория от результатов столь наглядного продвижения Китая к рыночной экономике и демократии.

Ситуация в СССР сегодня приблизилась к решающему этапу, который во многих отношениях напоминает ситуацию в Китае в начале 1989 г. Разрыв между темпами политических и экономических реформ все более резко увеличивается, хотя в СССР, в отличие от Китая, степень политической свободы беспрецедентна и находится в резком контрасте с ухудшением уровня жизни и пустыми полками в магазинах.

Запад видит признаки прогресса в сферах демократии и прав человека в Советском Союзе, а также в его позиции на мировой арене. Однако ситуация там крайне нестабильна, и проведение экономиче-

[1] Впервые опубликовано на английсков языке в газете «The Guardian» (1989. December, 8. P. 23).

ских реформ сталкивается с отчаянным сопротивлением и открытым саботажем бюрократического аппарата.

В последнее время сопротивление реформам со стороны консерваторов усилилось. Поначалу многие из консервативных «товарищей» М.С. Горбачева считали его политику и слова не более чем обычными шагами для стабилизации ситуации. Но сейчас, осознав серьезность его намерений, они сплотили ряды, объединившись в реакционную оппозицию.

На практике они представляют союз всех антидемократических сил, который состоит из партийных и правительственных чиновников среднего звена, функционеров официальных профсоюзов и других официальных «общественных организаций» (комитеты ветеранов и женщин, Союз писателей и т.д.), действующих с молчаливого одобрения консервативных руководителей из верхних эшелонов. Недавно в союзе с консервативными чиновниками начали действовать различные российские националистические группы, включая «Память». Но в лагере реформаторов сегодня нет единства. Налицо даже явный раскол между умеренными сторонниками М.С. Горбачева и более радикальными критиками его политики.

Многие влиятельные реформаторы, такие как Ю.Н. Афанасьев и А.И. Стреляный, выражают нетерпение и полагают, что М.С. Горбачев действует недостаточно решительно. Некоторые из этих критиков выступают даже с такими нелепыми заявлениями, типа «Горбачев стал наиболее консервативной силой в руководстве», «Горбачев хуже Брежнева» и т.д.

Особой популярностью пользуются популистские лидеры, такие как Б.Н. Ельцин и Т.Х. Гдлян, выступающие с решительными, хотя и довольно противоречивыми заявлениями. Б.Н. Ельцин в своих выступлениях, с одной стороны, говорит о необходимости реформ и рыночной экономики, но с другой – призывает к социальному равенству и уравниванию доходов. Благодаря такой внутренне противоречивой программе бывший первый секретарь Московского комитета партии пользуется поддержкой самых разных социальных слоев и в настоящее время является наиболее популярным политическим лидером в стране.

В последние месяцы популярные лидеры выступают со все более и более решительной критикой руководства. В условиях критики слева и справа, а также постоянного падения уровня жизни популярность М.С. Горбачева и его политики падает во всех уровнях общества, а его позиции становятся все более шаткими.

М.С. Горбачев – превосходный тактик политической борьбы, возможно, самый лучший после И.В. Сталина. Он успешно удалил из руководящей верхушки почти всех консерваторов, представлявших для него угрозу, и смог существенно укрепить собственные позиции. Однако если мы посмотрим на три традиционные «опоры трона» в коммунистическом государстве: партийный аппарат, армию и машину государственной безопасности, то увидим во всех них признаки растущего недовольства.

В условиях, когда три главные опоры власти не вполне надежны, всегда может появиться лидер потенциального правого заговора, в данный момент не входящий в верхушку руководства. В этом смысле ситуация в некоторой степени напоминает последние два года правления Н.С. Хрущева или середину 80-х гг. в Китае, когда по различным причинам все общество – аппарат, массы и интеллигенция – было недовольно руководством.

Сегодня М.С. Горбачев представляет единственную опору перестройки. Для укрепления своей позиции он активно пытается обуздать традиционные силовые структуры и создать новые, на которые может положиться.

Грядущие в марте 1990 г. выборы в большинстве округов на местном и республиканском уровнях могут создать прочную основу для поддержки реформаторов. Однако консерваторы хорошо это понимают, и поэтому последние месяцы перед выборами будут наиболее опасными.

В этих условиях критика М.С. Горбачева, выражающаяся в антиправительственных заявлениях и забастовках, проходящих в России и других республиках, выглядит прогрессивно, но на самом деле смертельно опасна для страны и самоубийственна для самих критиков, по крайней мере пока не создана действительно прочная база поддержки перестройки.

События в Китае показали нам, каким хрупким может быть положение реформаторски настроенных групп в руководстве огромной партийно-государственной системы, привыкшей действовать только средствами подавления. На примере Китая видны последствия удаления либеральных фракций из партийного руководства в период социальной напряженности. Диалог с либеральными лидерами страны – единственное, что может принести плоды; их следует поддерживать, но в то же время давать им чувствовать социальное давление, чтобы вынуждать на более решительные действия. Путь конфронтации может вести только к кровопролитию, как произошло в Пекине.

Этот урок дает нам не только китайская история, но и советская история и события, предшествовавшие введению чрезвычайного положения в Польше. Западные наблюдатели должны помнить, что гласность – не единственное, что происходит в Советском Союзе, и что международный престиж М.С. Горбачева, хотя и явившийся результатом значительных внешнеполитических успехов, тем не менее никак не укрепляет его положение в СССР. В конце концов, Н.С. Хрущев в 1964 г. тоже часто ездил за рубеж.

Сторонники жесткой линии, как и в Китае, уже опробовали свои силы в Тбилиси, Ереване, Казахстане, Белоруссии и Молдавии. Сегодня нельзя удивляться ничему, что может произойти. Ясно одно: советский лидер, вероятно, более, чем кто-либо, заслуживает помощи и поддержки.

Раздел 3
ОБРАЩЕНИЯ, ПРОГРАММЫ, ИНТЕРВЬЮ

Отцы и дети[1]

У вице-спикера Госдумы и видного яблочника Владимира Лукина два сына. И оба умные. Или по крайней мере не дураки. Старший, Александр, – политолог-востоковед, младший, Павел – историк. Конечно, пошли, Господи, всякому таких детей, особенно известным людям, чтобы не вырастали из отпрысков «мажоры». Откровенно говоря, я после нашего разговора так и не поняла, какие книжки надо читать и какой кормить манной кашей, чтобы из детей получались нормальные люди. Может, читатель сам разберется?

Александр Лукин: У Макса Вебера есть статья «Политика как призвание и профессия». По-английски и по-немецки «призвание» и «профессия» – одно слово. В СССР профессии политика не было, а призвание у отца было. И ему надо было как-то выходить из положения. Или идти по партийной линии, или в диссиденты. Последнее быстро заканчивалось лагерем, иммиграцией или Институтом Сербского. Он выбрал легальный путь.

После защиты диссертации его послали в Прагу, в международный журнал «Проблемы мира и социализма». Журнал был знаменит своей либеральной атмосферой, там работали многие известные люди – академик А.М. Румянцев, Ю.Ф. Карякин, Е.А. Амбарцумов.

Но случились известные события 68-го г. – СССР ввел в Чехословакию войска. Отец сказал не то, что надо, – и нас быстро выслали: вначале меня и маму, а потом его. В Москве какое-то время он не мог найти работу, в конце концов Г.А. Арбатов позвал его в создававшийся тогда ИСКАН (Институт США и Канады).

Для брежневского времени у отца был неправильный круг общения, это тоже создавало ему проблемы. Он еще со студенческих лет

[1] Впервые опубликовано в журнале «Огонек» (2002. 19 мая. № 20. С. 12).

дружил с Петром Ионовичем Якиром – сыном расстрелянного при Сталине генерала И.Э. Якира. Петр завел кружок: собирались люди, обсуждали разные политические вопросы, прокламации писали. Отец не то чтобы активно участвовал, но было достаточно, что он туда ходил.

Он не был диссидентом. Просто он, как любой нормальный человек, не мог взять и порвать с институтскими приятелями (хотя некоторые так и делали). Изменились не люди, а ситуация: та деятельность, которая при Н.С. Хрущеве казалась нормальной, при Л.И. Брежневе воспринималась как антисоветская. В конце концов П.И. Якира и еще несколько человек посадили. А отец на долгие годы стал невыездным.

Людмила Лунина. Вы, Павел, родились в семье преуспевающего советского ученого, вхожего в высшие политические круги. И как оно – номенклатурное детство?

Павел Лукин. Что касается номенклатуры, я могу вам, как историк, дать четкое определение: это должности, которые утверждает высшая власть. Мой отец никаких должностей не занимал, он был завсектором в ИСКАНе. Другое дело – к номенклатуре принадлежал его начальник Г.А. Арбатов. Он (точнее, весь институт) писал аналитические записки в ЦК. К большому сожалению, сегодня в России связь властей с научным кругами утрачена. В советниках ходят совершенно случайные люди, приехавшие кто откуда.

А что касается преуспеяния нашей семьи, оно было весьма относительно. Квартира, где я родился и жил в детстве, была коммунальной. Конечно, как доктор наук и профессор, отец получал зарплату выше среднего. Но это в мои времена, брат помнит и другие. Машины у нас не было, дача появилась лишь в середине 80-х. Ну да, ездили отдыхать в Прибалтику. Но полстраны туда ездило.

А.Л. В ИСКАНе отец занимался отношениями США и Китая. У СССР тогда были плохие отношения с Китаем. Советский генералитет пугал Политбюро неизбежностью войны. Это давало Минобороны дополнительные деньги из бюджета, звания, льготы. Страна вынуждена была держать на границе огромную группировку.

В году 86-м отец вместе с Г.А. Арбатовым совершили одну из первых неофициальных поездок в Китай, написали М.С. Горбачеву развернутую аналитическую записку. Наверное, она была не единственной, но в том числе и она повлияла на потепление советско-китайских отношений. Это – как пример реальной политики в советское время.

Через год-два М.С. Горбачев поехал во Владивосток, открыл город для иностранцев. У меня есть проект речи, которую писал отец, – М.С. Горбачев ее повторил почти полностью.

Л.Л. Павел, у вас есть комплекс младшего брата?

П.Л. А что это такое?

Л.Л. Ну, это как у Никиты Михалкова: он все время пытается доказать, что он в семье главный: и родину на баррикадах защищал, и «Оскара» получил.

П.Л. Насчет Никиты Михалкова не знаю. У меня никаких комплексов не было. У нас очень хорошие отношения с братом, проблем никогда не возникало. Может, потому что большая разница в возрасте – 11 лет.

Л.Л. А отец и брат не давили на вас авторитетом?

П.Л. У нас достаточно свободные отношения, вряд ли кто-то из нас уж так задавлен. Я занимаюсь вещами, радикально отличающимися от занятий отца и брата. Я историк, моя специализация – русское Средневековье. С политикой это никак не связано.

А.Л. У нас в семье есть разделение ролей. Самый эрудированный – брат. Он книгу издал по XVII в., сейчас занимается Киевской Русью. Самая умная – мама. Я, наверное, самый практичный: единственный машину вожу, больше никто не осилил.

Л.Л. Обычно у родителей и детей разные взгляды на процесс воспитания: первые хотят привить одно, а вторые улавливают и запоминают совсем другое. Что вы помните – как вас воспитывали? В духе либеральных ценностей?

А.Л. В школьные годы я был активным и болтливым, у меня все время двойки по поведению стояли. Как я сейчас понимаю, родители боялись мне говорить, что они думают, например, о той же политике, чтобы я не проболтался и всем нам не стало хуже. Отец уже тогда ни в какой социализм с человеческим лицом не верил, но я все познавал сам, мне никто ничего не рассказывал.

Были отрывочные сведения. Книги в дом попадали, «самиздат» и «тамиздат», А.И. Солженицын, А.А. Зиновьев, Дж. Оруэлл, «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака. Книги от меня прятали, я их находил.

Был такой анекдот: женщина просит отксерить ей «Войну и мир». «Зачем? Книга-то в каждом магазине продается!» – «Сын ничего, кроме “самиздатовской” литературы, в руки не берет. А я хочу, чтобы он Толстого прочел».

Родители брали меня в свои взрослые компании. К нам приходили латиноамериканские революционеры, либеральные полудисси-

дентские деятели, интеллектуальная элита. Отец дружил с Давидом Самойловым, Александром Городницким, с философом Мерабом Мамардашвили. Как, например, я про И.В. Сталина узнал? В кругу друзей отец прочитал просто блистательную лекцию о политической истории 20-х гг. XX в. Нормально, не как в учебнике. Я в уголке все подслушал, потом одноклассникам пересказывал.

П.Л. Мы с братом сильно различаемся по темпераменту: он больше экстраверт, а я, условно говоря, наоборот. Я всегда общался со значительно меньшим количеством людей и в школе политические беседы не вел.

Лет в десять я нашел у отца на столе «Москву–Петушки» и, естественно, прочитал. Тогда книга мне не понравилась, я в ней мало что понял. Еще отец очень любил «Мастера и Маргариту», а в романе значительная часть текста была вырезана по цензурным соображениям. Отец читал вслух – полностью, без купюр. Естественно, это каким-то образом на мое мировоззрение влияло. Но сказать, что меня сознательно воспитывали в духе либеральных ценностей, я не могу. Тогда таких слов и не произносили. Влияла общая атмосфера. Никаких проповедей не было, у нас в семье принято несколько ироническое общение, но было ясно, что есть нечто важнее карьеры, денег и материального благополучия.

Л.Л. Поэтому вы занялись Средними веками?

П.Л. Это не был артистический жест, дескать, я ухожу в башню из слоновой кости. Мне это интересно. Сейчас для меня нет ничего важнее русской истории XII в. Влияние семьи сказалось вот в чем: я выбирал занятие, которое меня увлекало, а не престижность и материальные перспективы. Достичь успеха можно лишь в том деле, которое любишь.

А.Л. К концу школы я уже все про нашу замечательную жизнь понимал. Я собирался поступать в МГИМО, а для этого требовалась характеристика из райкома партии и безупречные оценки. МГИМО – заведение специфическое: половина детей Политбюро, половина рабфак, ребята после армии, с трудом приходившие в себя после двухлетней муштры.

Параллельно со мной учились внук Л.И. Брежнева, сын Г.А. Алиева. Так что не могу сказать, что по сравнению с другими у меня был крутой блат.

Л.Л. Вы, Александр, занялись Китаем, в пику отцу, который специализировался на США?

А.Л. Почему в пику? Наоборот, он мне и посоветовал. В конце 80-х в Китае еще шла «культурная революция», ничто не предвещало перемен. Но он сказал, что это мощная, перспективная страна, – и оказался прав.

П.Л. В МГИМО я не хотел поступать категорически. Ничего не хочу сказать плохого про это замечательное заведение, но ни атмосфера, ни весь этот чиновничий и дипломатический мир меня никогда не привлекали.

То, что я хочу заниматься историей, мне было известно с пятишести лет. Это была моя цель, в своей будущей профессии я не сомневался. Но в середине 80-х, когда я собрался на истфак МГУ, вдруг развернулась тотальная мобилизация, в армию стали забирать даже студентов. Я сказал, что все равно пойду на истфак. К счастью, в год моего приема студенческий призыв отменили.

А.Л. В 84-м я попал в одну из первых групп, которая по обмену поехала учиться в Китай. Потом по инерции два года проработал в нашем посольстве в Пекине. Когда вернулся, срок моего комсомольского возраста подходил к концу, а в партию вступать я не собирался. К тому же из посольства на меня написали характеристику-донос, что я склонен к несанкционированным контактам с иностранцами. Кстати, тот, кто писал эту характеристику, потом стал премьер-министром Казахстана.

В общем, я переключился на науку, ушел в Институт востоковедения. А в 1988-м меня захватила общественная деятельность. Я начал активно работать в обществе «Мемориал», в районе мы создали мощный штаб, фактически районную партию. Поддерживали вначале А.Д. Сахарова, потом крупного либерала И.И. Заславского. В 90-м меня выбрали в Моссовет, а отца – в Верховный Совет от «Демроссии».

Л.Л. Павел, бурная политическая активность родственников не вызывала у вас иронической реакции?

П.Л. Это вообще не мой тип реакции. Я с большим одобрением ко всему этому относился. Отец политик по призванию. Как только появилась реальная возможность настоящей политикой заняться, он это сделал. Брата избрали в Моссовет, и я, учась в последнем классе школы, активно ему помогал: помогал писать концепции и раздавал листовки. Я и сейчас вполне сочувствую их деятельности.

Л.Л. Вы работу отца дома обсуждаете?

П.Л. Подвергаем ее решительной критике. Он иногда обижается, но обычно терпит и слушает. У Дж. Оруэлла в романе «1984» были пятиминутки ненависти. Отец нашу критику называет так же.

Л.Л. Мне кажется, семья должна восхищаться каждым своим членом. В другом качестве она не имеет права на существование.

П.Л. Восхищение нужно слабым. Понятно, что в случае беды или опасности мы будем вместе. И помогаем мы достаточно, и восхищаемся. Но ведь что часто с политиками случается? Они начинают верить в собственную гениальность. И помощники им все время говорят: «Единственный ваш недостаток – плохая походка». В результате человек полностью утрачивает связь с реальностью. В той или иной степени это неизбежный путь каждого, кто оказывается в эшелонах власти. Так вот семья должна играть роль противовеса – возвращать политика в реальный мир, чем мы по мере сил и занимаемся. Я думаю, отцу это на пользу.

Л.Л. Но не получается так, что вы, простите, лезете с советами в те области, в которых некомпетентны?

П.Л. Мы советы не даем. Ему они не нужны. Я помню, М.С. Горбачев рассказывал, как они лежали в кровати с Раисой Максимовной, и она ему что-то рассказывала про Ф.М. Достоевского. Об этом речи не идет. Наша семья реагирует на действия отца, как реагируют обычные избиратели.

Л.Л. В биографии Владимира Лукина был еще один очень яркий момент – несколько лет работы послом РФ в США. У вас остались какие-то воспоминания, как это было?

А.Л. Отец вместе с делегаций Верховного Совета был в США с официальным визитом. В Штаты в это же время прилетел Б.Н. Ельцин. Отец пошел его встречать. Б.Н. Ельцин, сходя с трапа самолета, сказал ему: «Вот и новый посол!» Так случилось это назначение.

П.Л. Я тогда учился в университете, к родителям ездил на каникулы. Провел в Штатах два лета. Отец был первым нашим послом, который стал встречаться с эмигрантами первой волны, общаться с православными священниками. Он радикально отличался от послов советских: прорубил окно в секретном посольском кабинете, отказался от охраны. В принципе, это совершенно нормальное поведение, но воспринималось оно как полная неожиданность.

Л.Л. А Америка вам как?

П.Л. У меня осталось двойственное впечатление. Поколение моих родителей по понятным причинам тянулось к западной, прежде всего американской, культуре и ее идеализировало. В Америке есть что любить, кока-кола, например. Но поведение и стиль мышления многих американцев мне глубоко чужды.

Ко всяким бурным реакциям в США надо относиться с долей иронии, потому как они носят чрезвычайно формальный характер. Как и общение, эмоции. Я в таком жанре общаться умею, но не люблю.

Нам кажется, что в Штатах разгул сексуальной свободы, а на самом деле там пуританское ханжество. Там вообще многие темы табуированы, а вместо них обсуждаются псевдопроблемы типа харрассмента, женского равноправия, положения сексуальных меньшинств. Возможно, это все важно, но не главное. А расовые и межнациональные отношения, которые в Америке составляют главную проблему, вообще замалчиваются.

Американцы очень любят спорить: одни выступают за то, чтобы идти к женскому равноправию одним путем, а другие – чтобы идти другим. Но если ты вклинишься и спросишь, а нужно ли женское равноправие в принципе, на тебя посмотрят как на сумасшедшего. Или они обсуждают, как развивать демократию в Афганистане, абсолютно не задумываясь, возможна ли она в этой стране.

Отец по роду занятий должен был все американские споры отслеживать, а я иногда в шутку говорил, что у американцев мнения собственного нет, все думают одинаково. Там даже партии ничем не отличаются: одна выступает за демократию, а вторая за республику.

Л.Л. В 93-м г. был создан блок «Яблоко», прекратившийся со временем в мощную партию. Но вам не кажется, что «Яблоко» переживает сегодня не лучшие времена?

П.Л. Если переживает, то вместе со всей страной. У нас в связи с укреплением вертикали власти возможности политической деятельности резко сократились. Все знают, как проходят выборы. Существуют большие сомнения, что они соответствуют реальной картине. Изменения в стране идут в сторону некоторого подмораживания.

А.Л. С точки зрения сохранения личной независимости, сейчас лучшее место в независимой партии, в КПРФ или «Яблоке». Все остальные организации в большей или меньшей степени являются партиями власти. Особой радости это, естественно, вызвать не может.

Отец с большой надеждой относился к В.В. Путину, говорил, что нужно подождать, пока он себя проявит. В принципе, он и сейчас к президенту, и особенно его внешней политике, относится положительно. Мы с братом настроены более скептически.

У нашего президента есть сайт в Интернете. Читаешь – ну прямо как при Л.И. Брежневе, все так хорошо и правильно. Но практически ничего не делается, экономические проблемы не решаются. Да, вос-

становлена государственность и ликвидирован сепаратизм регионов. И все. И такая политика всерьез и надолго.

Л.Л. Вас не пугает подобное подмораживание? Вам не хотелось уехать за границу навсегда?

А.Л. Ну, эта концепция устарела. Я долго учился в Англии, только прошлым летом вернулся из Америки, где провел десять месяцев. На Запад можно уезжать преподавать. Но лично мне гораздо комфортней в России. Жизнь ведь не ограничивается политикой, есть же еще привычки, климат, родственники и знакомые. Политика вообще не главное. Сложность в том, что в России трудно заработать. Я преподаю в МГИМО, и получаю там 3–4 тысячи рублей. Если бы платили нормально, я бы никуда не уезжал. У меня принцип такой: жить можно до того, как наступает угроза жизни. А все остальное ерунда.

П.Л. Вопрос состоит из двух частей: технической и всего остального. На Западе довольно сложно найти работу. Конечно, я мог бы поехать на полгода-год преподавать историю СССР в каком-нибудь университете штата Огайо или Айова, нормально там жить, и чисто теоретически это возможно. Но я не хочу. Мне здесь лучше.

Л.Л. А как вы оцениваете перспективы работы вашего отца?

П.Л. Отец – политик, он не пророк, не совесть русской нации. Люди, которые занимаются критикой власти или обличением нравов, не ориентированы на решение конкретных проблем. А политик должен вести себя по-другому. Он действует в реально существующей обстановке. Сейчас рычаги влияния ослаблены: публичная политика играет все меньшую роль, а все большую – коммерческие закулисные махинации. Но возможности все равно есть.

А.Л. Политик всегда должен хотеть что-то изменить. Желание безумное, тем более что мы с вами знаем, что ничего изменить нельзя, а если изменишь, то станет только хуже. Но политик как спортсмен: он не может не бежать, ему хочется. Отец – настоящий политик. Это как М.М. Жванецкий говорил: «Очень трудно менять, ничего не меняя. Но мы будем».

Людмила Лунина

Неприкосновенный запас[1]

За отправку нас в военные лагеря отвечает в Министерстве обороны генерал-полковник Владислав Путилин. Его точка зрения: никто призываемых в военные лагеря в армию отправлять не собирается. Речь идет только о том, чтобы учить молодежь военному делу. Опасения россиян на совести журналистов. Это они подняли волну по поводу «совершенно рядового указа». У нас в Чечне воюют только части постоянной готовности. Что же касается армии, состоящей только из профессионалов-контрактников, то, словами Путилина, о такой армии мечтает любой профессиональный военный. Но, к сожалению, сказал генерал-полковник, «на войнах, которые ведутся в мире, воевали и воюют призывники»... Такова позиция Минобороны. Ее комментирует Александр ЛУКИН, директор Независимого института политики и права.

– В разных государствах проблема выбора между профессиональной армией и армией призывников решается в зависимости от конкретной ситуации. В Швейцарии, по традиции, граждане имеют право на ношение оружия, и каждый мужчина проводит ежегодно какое-то время на военных сборах. Но при этом Швейцария не воюет уже более 150 лет. В Израиле все под ружьем. Но Израиль имеет враждебное международное окружение... Всегда можно найти опыт того или иного государства в подтверждение своей убежденности.

Нам нужен опыт, пригодный для больших стран, которым угрожают местные внутренние конфликты. Прежде всего, это опыт США, которые от призывной армии перешли к армии профессиональной. Это оправданно для крупных государств, которым сегодня не грозит нападение извне. Из мировых лидеров в обозримом будущем на нас не собирается нападать никто. Наши угрозы – локальные. Россия, разумеется, имеет интересы за рубежом, однако для их обеспечения нужны небольшие по численности, высокопрофессиональные и мобильные части.

У нас самые протяженные в мире и довольно беспокойные границы. Для их защиты необходимы пограничники и способные справиться с боевиками профессионалы. Громадная и небоеспособная

[1] Впервые опубликовано в газете «Культура» (2000. 17–23 февраля. № 6) и газете «Общество» (2000. 23–29 февраля. № 8) под названием «Сначала в лагеря, а потом?..».

призывная армия, доставшаяся России от СССР и доведенная до крайнего истощения, не обеспечивает национальную безопасность. Тем более что население страны уменьшается, здоровье нации заметно ухудшается и действительно здоровых призывников становится меньше. Служат призывники с неохотой. Их надо обучать азам. Контрактники – более эффективные, опытные, образованные и крепкие военные.

– Но как быть с тем, что в армии недобор?

– Армия действительно в плачевном состоянии: в ней не хватает и военной техники, и образованных офицеров, и рядовых. Тем не менее я убежден, что в армии должны быть только те, кто этого хочет. Сегодня у нас создалась абсурдная ситуация: многие молодые люди служить не хотят, их принуждают, они идут на всякие уловки, чтобы избежать призыва. С другой стороны, множество профессионалов, которые хотели быть в армии, уволены по сокращению. Между тем многие готовы служить в силу своего отношения к военному делу, традиционному в России. Многие люди хотят рисковать жизнью за деньги. Контрактникам надо платить. Платить как полагается.

– По средствам ли нам создание профессионального войска?

– Для поддержания призывной армии также нужны большие средства. Возвращение начальной военной подготовки в школы в качестве обязательного предмета (указ об этом недавно подписан В.В. Путиным), содержание военных кафедр в сотнях вузов, проведение военных сборов, связанный со сборами отрыв специалистов от народного хозяйства (который компенсирует Министерство обороны). Все это деньги. Деньги сегодня платят контрактникам, которых набирают в армию не по плану, а чтобы заткнуть дыры, возникающие в связи с сокращением призыва. Платят довольно много. А на войне в Чечне, в миротворческих операциях – например, в Югославии – приходилось еще большие средства платить и призывникам. Наша призывная армия все равно недофинансируется. Указ Президента Б.Н.Ельцина о том, что расходы на оборону должны составлять не менее 3,5% ВВП, не выполняется, армия не получает и половины того, что требуется.

– А если бы дали эти 3,5%, за какие сроки в России сформировалась бы профессиональная армия?

– Полный переход мог бы быть осуществлен в 2010 г., а переход в основном – к 2005-му. Главная проблема в том, что в первые несколько лет сокращение армии обходится дороже, чем ее поддержание на прежнем уровне. По закону офицеру, уволенному в запас,

должно быть выплачено 20 месячных окладов. Если у него нет жилья, ему предоставляется квартира или дом и деньги на переезд к новому месту жительства. Это примерно в два-три раза больше, чем расходы на службу офицера в течение одного года. Сокращение окупается через три-четыре года. В Минобороны, похоже, не думают на три-четыре года вперед.

– А есть концепция профессиональной Российской армии?

– Да. Но вместо движения к профессиональной армии дело идет к расширению обычного призыва.

– Выбор между призывниками и профессионалами занимает власть более 10 лет. Как изменилось отношение к профессиональной армии и к призыву со времен Ельцина до Путина?

– Создание профессиональной армии – наряду с демократией и рыночной экономикой – было одним из любимых лозунгов российских демократов с горбачевских времен. Б.Н. Ельцин подписал документ о постепенном переходе к профессиональной армии к 2000 г. Во время избирательной кампании 1996 г. главнокомандующий обещал, что те, кому тогда было 14 лет, весной 2000 г. призываться уже не будут. Как и большинство ельцинских обещаний, эти оказались блефом. Однако Б.Н. Ельцин не считал возможным отказываться от перспективы профессиональной армии. В этом смысле он пытался противостоять давлению военных. Так произошло, когда после протестов студентов, преподавателей и творческой интеллигенции он восстановил отсрочку студентов вузов от военной службы.

Нынешнее руководство, кажется, приняло решение отказаться от этой части ельцинского наследия. В день, когда Б.Н. Ельцин объявлял о своей отставке, премьер В.В. Путин подписал Постановление Правительства РФ № 1441 «Об утверждении Положения о подготовке граждан РФ к военной службе». Постановление ввело обязательную подготовку граждан к военной службе. Оно возвращает в школу начальную военную подготовку как обязательный предмет для мальчиков двух последних лет обучения. Тех из них, кто не пройдет этого курса, по достижении 16 лет военкоматы направят в специальные «учебные пункты». Подчеркну: если бы новое руководство страны всерьез относилось к созданию профессиональной армии, отлавливать школьников для прохождения основ воинской службы было бы не нужно. Средства пошли бы на набор и обучение профессионалов-контрактников.

Готовится указ о призыве в армию выпускников вузов с военной кафедрой. Логичным продолжением этой политики станет отмена для студентов вузов отсрочки.

Наконец, с 1 февраля вступил в силу Указ и.о. президента о призыве на военные сборы военнослужащих запаса. Указ восстанавливает систему ежегодных военных сборов, которые не проводились в полном объеме со времени прихода к власти Б.Н. Ельцина в 1991 г. Мощь Российской армии теперь будут поддерживать не только недавние школьники, но и научные работники, госслужащие, инженеры и сотрудники частных компаний, которых будут периодически обучать военному делу в «лагерях».

– **Почему генералы возражают против создания профессиональной армии?**

– Профессионал, подписывающий с Министерством обороны контракт, – не бессловесный призывник. Фиксируются обязательства обеих сторон и точные функции каждой. Контрактник лучше воюет, но его не пошлешь на картошку или строить генеральскую дачу. Если ему не заплатить положенного, он уволится. Офицеры теряют возможность безраздельно распоряжаться судьбой подчиненных. Им придется учиться разговаривать с подчиненными как со служащими. Нести перед подчиненными ответственность. Не все начальники это любят. В этом дело, а не в том, что профессиональная армия дороже. Между тем призывная армия в нашей стране все равно не сможет существовать. Огромные потери в Чечне показали, что плохо обученные призывники не справляются с поставленными задачами. Из-за демографической ситуации и изменившихся социальных условий призыв через несколько лет сведется к минимуму.

Беседу вел *Александр Мидлер*

Александр Лукин: «Мне дорого Подмосковье, здесь прошло мое детство»[1]

– Александр Владимирович, это правда, что Вы наш, из Подмосковья?

– Да, практически все детство я провел в Мытищах. Мои бабушка и дедушка жили в Перловке. Я жил у них, затем часто гостил во время школьных каникул и просто приезжал в гости – мне здесь очень нравилось. Их дом до сих пор стоит на улице Семашко, я люблю приходить к нему. Вспоминать... Конечно, микрорайон очень изменился, много новых современных домов построили – так, наверное, и должно быть, жизнь не стоит на месте. Но мне жаль нашей спортивной площадки, где мы с друзьями летом играли в футбол, а зимой – в хоккей. Сегодняшним мальчишкам негде погонять мяч...

Мой дед, Петр Лукин, был комиссаром дивизии ополчения Бауманского района, сформированной из жителей Москвы и Подмосковья, которых мобилизовали осенью 1941 г. для обороны столицы. Вместе с дедом воевала и бабушка. Дивизия, состоящая из простых, плохо вооруженных людей, несколько дней в тяжелых условиях держала фронт. Мои родные попали в окружение, долго выходили из него. На Можайском шоссе стоит памятник подвигу их дивизии...

Потом дед был назначен комиссаром танкового полка. Победу встретил в Праге 9 мая. Сразу после демобилизации его направили в Мытищи секретарем парткома на завод «Метровагонмаш» – восстанавливать мирное производство. Это был очень ответственный человек, умеющий работать с полной самоотдачей. Знаете, в моей семье дружба, честность, порядочность, служение обществу всегда ставились на первое место. И я решительно не понимаю тех, кто сегодня стремится выбросить из нашей истории все, что случилось после 1917 г. Разве могу я забыть своего деда? Все, что есть в нас хорошего, наши успехи и победы – от тех, кто нас вырастил и воспитал.

– Александр Владимирович, а что вы считаете удачей в своей жизни, что вам особенно удалось?

[1] Впервые опубликовано в сокращенном виде в газете «Наше Подмосковье» (1999. 8 декабря. С. 6–7).

– Сложный вопрос. На мой взгляд, человек должен быть собой недоволен, тогда у него есть стимул для совершенствования. Мне очень повезло, что я живу в интересное время. Детство и юность прошли при Л.И. Брежневе, и первые двадцать лет моей жизни в стране ничего не происходило – время было стабильное, хотя общий уровень жизни постепенно ухудшался. Впрочем, те годы многие сегодня вспоминают с теплотой, потому что то, что случилось потом, во многом проигрывает в сравнении с прошлым.

За несколько лет произошло столько перемен! И, с одной стороны, мне повезло, что я был очевидцем этого, но, как говорит китайская мудрость: «Самое плохое, что может быть, – это жить в эпоху перемен».

Что я считаю удачей в жизни? Наверное, то, что, когда я стал депутатом Моссовета, мне и моим друзьям удалось помочь многим людям, смягчить для них удары «реформ». Мы организовали Центр социальной помощи, который я возглавлял, давали бесплатные юридические консультации, помогали обманутым вкладчикам МММ, РДС и прочих финансовых пирамид вернуть свои деньги, просто разобраться в сложной житейской ситуации, советовали, как лучше разрешить спор с чиновником-бюрократом. Наиболее нуждающихся поддерживали материально: организовывали распространение бесплатной гуманитарной помощи домам ребенка, инвалидам, ветеранам, многодетным и неполным семьям.

Как ученый я много работал, исследовал экономику стран, которые находятся на переходном этапе от диктаторских систем к демократическим, и, когда сегодня мои коллеги высоко оценивают мои работы**,** не скрою, мне это лестно.

Я изучал эти процессы в Китае и считаю, что там реформы были проведены более разумно: не разрушив политическую систему, реформаторы в этой стране сумели изменить экономику без тех страшных потрясений, что выпали на нашу долю. И сегодня Китай имеет устойчивый экономический рост порядка 10% в год, в России же производство по сравнению с советским временем упало на 50%, соответственно снизился и уровень жизни. Честно говоря, наши перемены реформами-то нельзя назвать.

– Наверное, в вашей жизни есть и то, о чем вы сожалеете?

– Конечно. И в первую очередь о том, что наша страна пошла по пути, который привел ее к такому состоянию. Вспомните, при М.С. Горбачеве, в первые годы правления Б.Н. Ельцина у нас появились большие надежды, и, я считаю, весьма обоснованные, постро-

ить страну с сильной эффективной экономикой, значительно лучшей, чем она была прежде. Но, к сожалению, тогда к власти пришли люди, плохо понимающие свою страну, свой народ, которые пытались копировать какие-то абстрактные образцы, уже давно отвергнутые Западом. И вместо сильного демократического преуспевающего государства был создан криминально-бюрократический режим. И теперь выходить из этого положения будет гораздо сложнее, чем из того, что у нас сложилось в середине 80-х гг. Тогда, несмотря на все недостатки, мы имели большую страну, огромные ресурсы, у людей было горячее желание действовать и они принимали перемены с энтузиазмом. Сегодня ничего этого нет. Тем не менее опускать руки нельзя, надо попытаться переломить ситуацию. Ради этого я и принял решение баллотироваться в депутаты Госдумы по нашему округу.

– Вы что, действительно считаете, что у страны есть шанс выбраться из этой пропасти?

– Шанс есть всегда. Хотя я понимаю, что это займет длительное время. Прежде всего, как правильно говорит Г.А. Явлинский, нам надо начать настоящие реформы: создать условия, чтобы люди нормально жили и им было выгодно честно работать. Для этого надо изменить всю налоговую систему и структуру промышленности. Сегодня же, если человек ведет свой бизнес легально, он должен отдать в налоги около 100% прибыли. Считается, что, беря большие налоги, мы хоть как-то наполняем бюджет, для того чтобы платить зарплату, пенсии, детские пособия, обеспечивать льготы ветеранам и вообще решать социальные проблемы. Но на самом деле эта политика привела к сокращению производства и к тому, что наполняемость бюджета постоянно падает. Объединение «Яблоко» предлагает снизить налоги до 10%: элементарные расчеты показывают, что при этом поступления в государственную казну не уменьшатся, а, наоборот, увеличатся, потому что людям будет выгодно платить налоги и они не станут от них бегать. Скажем, вы сдаете квартиру условно за тысячу рублей. С этой суммы вы вряд ли захотите отдать государству 450 рублей и даже 350, а 100 рублей заплатите, чтобы оформить все по закону и оградить себя от возможных волнений и обмана. То же самое и в бизнесе, где сегодня надо платить не 35%, а почти 100%. И все мы знаем, что из-за этого происходит: зарплата выплачивается черным налом, многие люди вынуждены скрывать свои доходы, делать вид, что они безработные. Это унизительно. Мы единственная страна в мире, в которой существует идиотский налог на фонд заработной платы – чем больше вы платите своим работникам, тем менее

выгодно вам становится. Это вместо того, чтобы поощрять высокую зарплату! Ведь совершенно очевидно, чем выше доходы населения, тем больше они покупают товаров, стимулируя рынок производства и услуг, которые начинают развиваться и расти. Понимаете, что происходит? Начиная с 1991 г. вся наша налоговая политика направлена на то, чтобы задавить экономику.

Г.А. Явлинскому говорят, что его предложение нереально, что с десятипроцентными налогами страна не проживет. А сейчас она что, живет? Бюджет России равен бюджету одного крупного западного города и постоянно уменьшается и скоро станет таким, что мы вообще никому ничего не сможем платить: у нас не будет ни армии, ни милиции, ни образования, ни здравоохранения. Вот тогда мы действительно не проживем.

– Как вы думаете, почему проводится именно такая политика, это что – заведомое вредительство или некомпетентность?

– В отличие от наших крайних течений, которые видят в этом заговор, я считаю, что команда Е.Т. Гайдара и А.Б. Чубайса, чья политика продолжается и сейчас, просто плохо представляет себе, в какой стране живет. Эти кабинетные теоретики из Москвы и Ленинграда читали книги западных экономистов, но вряд ли хоть раз были на реальном заводе, в колхозе. Они не знали, как на самом деле работает российская экономика, а Б.Н. Ельцин под их влиянием действительно был уверен, что после начала реформ полгода у нас будет спад, а потом начнется бурный рост производства, подъем экономики, люди заживут счастливо и богато. Они просто не смогли предвидеть другой исход событий. Но когда вы ошибаетесь в своих расчетах, например, при игре в шахматы, то просто проигрываете, кладете короля в карман и уходите. В экономике такой большой страны, как Россия, подобная недальновидность приводит к трагедии: у нас появились нищие, голодающие дети, старики. Жертвами этого эксперимента стали простые люди. Сами-то реформаторы живут очень неплохо, даже лучше, чем раньше: покупают дорогие квартиры, получают большие гонорары.

Власть оказалась в руках «малограмотных» людей, ведь образование – это не только количество прочитанных книг, но и знание жизни. Любой человек, долгое время проживший, например, в деревне, лучше разбирается в проблемах сельского хозяйства, чем наши горе-реформаторы. Вы помните, с какой теорией они тогда выступили, кстати, многие до сих пор ее отстаивают? Дескать, в СССР много неэффективных предприятий, выпускающих никому не нужную про-

дукцию, и задача состоит в том, чтобы они перешли на рыночную основу и занялись производством того, что пользуется спросом. Для этого надо единоразово ввести рыночные цены, население перестанет покупать у этих предприятий продукцию, а одновременно возникнут производства, выпускающие качественные товары, которые пойдут нарасхват. Таким образом, одни закрываются, другие нарождаются. Схема хороша для маленькой отсталой страны, но не для России. У нас множество предприятий принадлежит военно-промышленному комплексу. Они выпускают продукцию, нужную только государству. Таким образом, реформы вообще вывели из экономики значительную часть нашей промышленности. А что это значит? Остановились огромные производства – только на «Метровагонмаше» работают тысячи людей, не меньше – в НПО «Энергия». Многие остались без работы, без средств к существованию. Начались проблемы и на крупных предприятиях, таких как «Пролетарская победа», «Химволокно», птицефабрика в Солнечногорске, они вынуждены были сокращать производство, увольнять работников. Кто подумал, как и на что они будут жить? Реформаторы это обстоятельство вообще в расчет не брали.

А во что у нас вылилась приватизация? В воровство. Кто такой Б.А. Березовский? Это человек, который присвоил государственное телевидение и поэтому стал богатым. Что он создал? Ничего. В Китае, например, есть директора государственных предприятий и миллионеры, которые заработали свой капитал, сделав что-то новое, наладив производство недостающих стране товаров. Вот почему там экономика так бурно развивается и все говорят о китайском чуде. А то, что мы имеем сегодня в России, – следствие неразумной политики, незнания реальной ситуации в стране, недооценки роли и нужд реальных людей. По теории наших правых, человек только мешает идеальной экономической схеме. Сколько раз мы от них слышали, что пенсионеры – это нахлебники у государства, что они уже свое отработали и не надо их брать в расчет. Реформаторы разрушили все то хорошее, что у нас было: лучшую в мире систему образования, надежное здравоохранение. Они почему-то решили, что все должно стать платным, дескать, по этому принципу живет весь мир. Но это же не так! Например, и среднее, и высшее образование в Европе бесплатное, в Германии и Англии – бесплатная медицина. Как видите, совсем не обязательно, что при рыночной экономике пенсионеры должны лечиться за деньги, а родители платить за обучение своих детей.

Сегодня идеологи и организаторы российских псевдореформ пытаются оправдаться тем, что им не дали довести начатое дело до конца,

что им всячески мешали. Они создали свои политические партии, избирательные блоки и снова стремятся встать у руля. Наша задача – даже близко не допустить их к реальному управлению страной, оградить правительство и Госдуму от их последователей и единомышленников.

– Итак, вы считаете, что реформы надо не продолжать, а начинать. Но с чего?

– Прежде всего с того, что перестать слепо копировать западный или иной опыт. У нас есть свой путь, основанный на наших условиях и традициях. Но в первую очередь в России наконец должен появиться сильный здоровый президент и сплоченное правительство профессионалов, активно проводящих политику экономических преобразований. Именно к такой сильной власти стремились лучшие люди России, такие, например, как П.А. Столыпин. Но тут важно, чтобы крепкая рука и дисциплинированные исполнители не толкнули нас в объятия диктатуры, что вполне возможно в нынешних условиях. И как бы ни были скомпрометированы интеллигентами-книжниками идеи демократии, отказываться от них нельзя.

– Александр Владимирович, допустим, 19 декабря вас изберут депутатом Государственной думы, чего я вам искренне желаю. Чем вы намерены заняться в первую очередь?

– Я могу работать по нескольким направлениям. Например, в комитете по законодательству. Я востоковед, опыт депутата Моссовета, директора Института политики и права позволит мне профессионально подойти к разработке давно необходимых стране законов. Кстати, много в этом направлении мой институт уже сделал: некоторые наши законопроекты, которые депутаты «Яблока» предлагали к рассмотрению Госдуме, уже одобрены, в результате чего все пенсии увеличены на 50 рублей, зарплата врачей и учителей – на 50%, было принято решение в случае несвоевременной выплаты индексировать зарплату. И, я считаю, в этом направлении надо идти дальше. В нашем округе средняя зарплата учителя составляет 775,3 рубля, врача – 896 рублей, а зарплата самого мелкого чиновника – 1944,5 рубля. *Вот я и хочу приравнять ставки врачей и учителей к ставкам чиновников. Думаю, что это будет справедливо.*

Мы должны сделать все, чтобы наши пенсионеры, честно отработавшие многие годы, воевавшие на фронте, голодавшие в цехах во время войны, в конце своего пути не становились нищими и не ходили по улицам, роясь в помойных баках или прося милостыню.

Должен и у молодежи появиться шанс выжить, встать на ноги. Наверное, надо принять закон о льготных договорных кредитах,

чтобы можно было на эти деньги получить образование, начать собственное дело, купить в рассрочку квартиру или машину.

Еще меня очень интересует работа в комитете по безопасности. Я достаточно значительное время провел на дипломатической службе, знаком с нюансами взаимоотношения нашей страны с другими государствами и знаю, какой должна быть общая стратегия развития России в этом направлении. Например, нам необходима продуманная военная доктрина, которая бы четко обозначила, какие виды вооруженных сил надо развивать. И вообще давно пора определить, какую внешнюю политику следует проводить, чтобы наша страна окончательно не потеряла своего положения в мире.

Я мог бы работать в комитете по СНГ. В Моссовете я был избран председателем подкомиссии по межрегиональным связям, которая приложила немало усилий, чтобы сохранить партнерские отношения столицы с другими городами и регионами страны. Это помогло нам обеспечить снабжение Москвы продовольствием в тяжелейший период в начале 1990 г. Принцип формирования и развития таких связей, думаю, неплохо было бы перенести и на межгосударственный уровень. Мы слишком легкомысленно и беззаботно разорвали связи с ближайшими соседями, от которых зависело наше экономическое благосостояние, направив все силы на дальнее зарубежье. И в результате оказались отрезанными от целых отраслей, хотя нам было бы значительно выгоднее, например, покупать сельхозтехнику в Беларуси, чем в Германии и тем более чем налаживать собственное производство.

– Не секрет, что многие депутаты после выборов сразу же забывают о тех, кому они обязаны своим вхождением во власть. Намерены ли вы оказывать своим избирателям конкретную помощь?

– Безусловно. Но, думаю, не следует сводить эту работу к каким-то чисто бытовым проблемам. Депутат, особенно Государственной думы, не должен чинить крышу и подметать дворы, хотя во многих случаях, когда местная администрация нагло игнорирует интересы людей, вмешательство депутата необходимо. Я категорически против позиции прежнего нашего депутата С.Н. Юшенкова, который четыре года почти не показывался здесь. Но все-таки главным в моей работе должно стать решение крупных проблем нашего округа, помощь большим производствам, от которых зависит наполнение местного бюджета, а значит, и ваше благосостояние, в том числе и обустройство улиц, дворов, ремонт тех же крыш.

Что касается производства, то меня очень волнует ситуация в космической отрасли, особенно судьба НПО «Энергия». Я решительно

выступаю за сохранение космической станции «Мир» и как депутат употреблю все свои полномочия, чтобы предотвратить ее уничтожение. Это наша национальная гордость, символ достижений отечественной науки и техники, к тому же станция еще может плодотворно работать – безнравственно и неэкономично топить ее в океане. И, вообще, космическая отрасль должна финансироваться в необходимом объеме, ведь вкладывая в нее деньги, мы получим много новейших технологий, которые принесут стране бóльшую прибыль.

Не менее сложная ситуация в сельском хозяйстве: посевные площади, поголовье скота сокращаются, неудивительно, что продукты питания дорожают день ото дня. Только вчера яйца были по 11 рублей за десяток, а сегодня уже по 15–16, хлеб скоро до 6 рублей дойдет. Разве на те деньги, что получают многие мои избиратели, можно нормально жить с такими ценами? Нет, конечно. В нашем округе – два больших сельскохозяйственных района, Мытищинский и Солнечногорский, разве они не могут прокормить население? Могут. Надо прикинуть потребности городов, сформировать муниципальный заказ, профинансировать его заранее, наладить перерабатывающую базу, которая тоже есть в районах, одним словом, заняться делом, а не тратить время на теоретические споры.

Думаю, конкретной работы у меня будет предостаточно, например, я знаю, что во всех городах и селах Мытищинского избирательного округа остро стоит телефонная проблема. И я намерен серьезно заняться ею. Это полный беспредел, когда без согласия владельцев спаривают телефоны или просто отключают их. И дело здесь не в общем экономическом кризисе, на который так любят ссылаться в последнее время, а в работе конкретных чиновников. Вот с ними и надо разбираться, а то они уже додумались до того, что решили вводить платные телефоны. Государству вполне по силам найти средства и возможности, чтобы не усложнять людям и без того нелегкую жизнь.

Общий для всех и очень больной вопрос – жилье и благоустройство. Домов сегодня строят много, но все квартиры в них в основном платные, очереди на улучшение жилплощади не сокращаются, а увеличиваются. Значит, надо добиться, чтобы при выделении земли под застройку администрации районов обязывали строительные фирмы часть квартир отдавать в муниципальный фонд или, например, в сельской местности проводить газ, горячее водоснабжение, ремонтировать дороги и колодцы.

Социальная сфера вообще самое слабое место. Сколько раз президент с грозным видом давал задание остановить рост цен на ле-

карства. И что же? Цены растут, а дотации на бесплатные лекарства сокращаются. В Мытищинском районе, например, на них выделено 58 тысяч рублей в месяц, а тех, кто имеет право на рецепт со скидкой, – 80 тысяч человек. Это значит, что каждому льготнику государство от доброты душевной положило меньше рубля. Но мы знаем, что, например, упаковка «Но-шпы» стоит уже более 60 рублей.

Волнует меня и проблема десятых классов в средних школах. Чиновники-педагоги весьма превратно поняли положение Конституции об обязательном базовом среднем образовании и искусственно сокращают количество десятых классов, лишая возможности всех желающих продолжить учебу. Не директор школы и педсовет, а сам ребенок и его семья должны решать, где и чему учиться после девятого класса.

Этот вопрос тесно связан с проблемой призыва в армию. Недоучившиеся мальчишки, два года проболтавшиеся без дела, попадают в казармы, в обстановку жесткой дисциплины, сложных, порой жестоких отношений – и не выдерживают такой нагрузки.

– К сожалению, наши мальчишки попадают не просто в казармы, они участвуют в военных действиях в Чечне, контролируют ситуацию в Таджикистане, Югославии. Александр Владимирович, я знаю, вы были в Чечне и Югославии в самый разгар «горячих событий» и сами испытали весь ужас войны. Как вы считаете, нужна России профессиональная армия?

– Моему сыну 12 лет, и понятно, что этот вопрос волнует меня так же, как и моих избирателей. Безусловно, армия должна быть профессиональной. Те, кто хочет служить, а таких, я знаю, немало, пусть заключают контракт на несколько лет. Их не надо будет каждые два года заново учить – повысится профессиональный уровень армии. С другой стороны, тех, кто может более эффективно работать в гражданских отраслях, не придется отвлекать от своих обязанностей. Кстати, и президент, и многие депутаты давно говорят о профессиональной армии, но ничего не делают для этого. Военная реформа затянулась, и сегодня нам приходится вести войну в Чечне теми средствами, которые у нас есть, – бандиты не будут ждать, пока мы реорганизуем армию. Ситуация сложная, но и оставлять Чечню в прежнем состоянии нельзя.

Наше руководство уже пыталось закрыть глаза на проблему Ичкерии. И что? Прогремели взрывы в центре России, чеченские бандиты, своровав все, что было в их стране, начали совершать вылазки на территории соседних республик. Думаю, если бы мы не прореаги-

ровали на это жесткими действиями, то потеряли бы весь Северный Кавказ, а Юг России превратился бы в террористическую зону.

– То есть вы считаете, что в Чечне надо идти до конца?

– Конечно. Но сначала надо определить, что стоит за этим понятием. Предположим, что российские войска установят контроль над всеми крупными городами и населенными пунктами Чечни, но это не значит, что конфликт будет исчерпан. Отдельные боевики и банды все равно продолжат свои вылазки, будут убивать и похищать людей. Даже при советской власти в Средней Азии басмачи воевали 20 лет, а на Западной Украине, несмотря на все меры И.В. Сталина, националистическое партизанское движение существовало до 50-х гг. Чеченцы не менее упорные. Поэтому только репрессивными мерами утихомирить Чечню нельзя. Да, с бандитами надо разговаривать с позиции силы, их надо уничтожать. Но одновременно следует формировать мирную политику. Это сейчас делается, но, на мой взгляд, недостаточно активно.

– Став депутатом Госдумы, какую позицию в этом вопросе вы займете?

– Конечно, с одной стороны, надо обеспечить гражданам Чечни мирную жизнь на освобожденных территориях, с другой – среди бандитов, бывших боевиков, просто чеченцев необходимо искать местные авторитетные силы, которые были бы ориентированы на Россию. Либо это люди, которые симпатизируют России, либо те, кто устал от беспредела, кому надоело воевать, – одним словом, надо сформировать в республике национальную оппозицию режиму А.А. Масхадова, которой бы доверяло население. Пришлым спасителям они все равно до конца не поверят, нужна своя, чеченская эффективная власть. Только тогда можно будет гарантировать мир на этой территории.

Г.А. Явлинскому ошибочно приписывают мнение, что надо срочно остановить все военные действия и начать переговоры с А.А. Масхадовым. Он говорил совсем о другом. Вы же понимаете, что сегодня А.А. Масхадов нам не союзник, он практически присоединился к террористам, назначил их командующими. Кстати, в истории есть такой пример: в Израиле долго обсуждали, нужно ли вести переговоры с Я. Арафатом, но начали их только после того, когда он публично осудил террористов, разоружил их и отправил в тюрьмы. Г.А. Явлинский как раз и предлагал переговоры с А.А. Масхадовым на этих условиях, то есть после того, как он выдаст нам организаторов терактов.

– Александр Владимирович, вам всего 38 лет, но вы столько успели добиться в жизни: действительный член Русского географического общества, член российских ассоциаций востоковедов и китаеведов, директор института, депутат Моссовета, возглавляете Центр социальной помощи, написали книгу об экономических и политических проблемах современного Китая, опубликовали множество статей в «Аргументах и фактах», «Новом времени», «Независимой газете», в «Веке XX и мире», «Новой ежедневной газете», в «Собеседнике». Кажется, живи и радуйся – пожинай плоды сделанного.

– Да, я мог бы и дальше заниматься наукой и тратить горы бумаги на экономические исследования и политические прогнозы. Но мне стыдно будет после 19 декабря сидеть у телевизора и скорбеть о том, что снова к власти пришли болтуны. Вы говорите, радоваться и пожинать плоды... Чему радоваться-то, что в стране такой развал? Большинство моих публикаций посвящено проблемам внутренней и внешней политики России, поиску наиболее оптимальных путей экономических реформ с учетом опыта Китая и других стран Дальнего Востока. Теперь я хочу воплотить все это в жизнь. Обществу нужна стабильность для проведения экономических реформ, пора начать решительно бороться против коррупции и мафии, научиться мирно решать внутренние и внешние конфликты. Во время работы в Центре социальной помощи мне стало совершенно ясно, что *наши гражданские права никогда не будут обеспечены, а жизнь не наладится до тех пор, пока законы не будут составлять те, кто не на словах, а на деле знает нужды людей, пока закон не приобретет реальную высшую силу.*

Я никогда не входил ни в какие официальные структуры, но все-таки согласился баллотироваться в Думу от объединения «Яблоко», потому что эта партия наиболее близка к моим взглядам. Тем не менее я не захотел быть «спущенным» сверху по партийным спискам и решил обратиться за поддержкой лично к каждому жителю Мытищинского округа.

У меня много друзей и сторонников, есть команда профессионалов экономистов и юристов, которые вместе со мной будут работать в парламенте, если меня изберут. *Наш девиз:* вся власть закону, который не столько карает, сколько помогает. *Наша цель:* решение конкретных проблем конкретных людей. Я буду делать это независимо от итогов выборов, *но, став депутатом, смогу сделать еще больше.*

Беседу вела *Татьяна Юрьева*

Абсолютно хорошо или абсолютно плохо?[1]
Интервью с Александром Лукиным

– Если можно, два слова о себе скажите, пожалуйста.

– Я родился и вырос в Москве, окончил Институт международных отношений, по профессии – китаист. В Америке до моего нынешнего приезда был всего два раза, в тот период, когда отец работал послом России в США. Это было сразу после перестройки. В последнее время я занимаюсь больше Россией. И здесь, в Гарварде, куда меня пригласили на год, я буду сравнивать Россию с Китаем.

– Я уже слышала о вашей книге, так что давайте сразу перейдем к ней.

– Давайте. Книга основана на моей диссертации, которую я недавно защитил в Оксфорде. Называется она так: «Политическая культура российских “демократов”»[2]. А если простыми словами, то речь идет о политических взглядах участников демократического движения. Изучаемый период – это с 1985-го по 1991-й. Книга состоит из трех частей: что думали демократы о России того периода, о котором идет речь, как демократы представляют себе идеальное устройство общества, то есть что они вкладывают в понятие «демократия», и последняя часть посвящена тому, как они видят будущее России, каково ее место в мире.

– Вот это интересный вопрос: и что же они думают о ее месте в мире?

– Вы знаете, что каждая страна, когда издает географическую карту, себя печатает в середине? Каждая большая страна, я имею в виду: Китай, Россия, Америка. Они всегда в центре, а все остальные по бокам.

– Смешно. Но возвращаемся к демократам. Они же очень разные люди, правда? И по уровню, и по возрасту. Так вы что, охватили все многообразие, все несовпадения людей, накрытых общей шапкой слова «демократия»?

– Я к самому понятию подошел несколько иначе, чем это принято на Западе. На Западе определяется сначала термин, а потом, исходя из определения, решается, подходит ли под этот термин человек. А я просто спрашивал: «Скажите, вы демократ?» Книга моя постро-

[1] Впервые опубликовано в газете «Новое русское слово» (1997. 30 июля. С. 17).

[2] Русское издание: Невежество против несправедливости. Политическая культура российских «демократов» (1985–1991). М.: Научная книга, 2005.

ена на интервью. Ну, и когда мне отвечали: «Да, я демократ!» – тогда я и начинал разговор.

– С чего вы начинали?

– Я говорил: «Ну, объясните, что вы вкладываете в это слово? Что такое, по-вашему, демократия?» Я обнаружил, что, несмотря на все различия, определение демократии включает в себя общие моменты. Во-первых, русское представление о демократии и вообще о мире значительно отличается от того, которое принято в западном мышлении, в западной теории. И хотя на Западе тоже разные люди думают по этому поводу разное, но есть все-таки некоторое общественное мнение, которое может сформулировать, что такое демократия. Я не думаю, что есть какое-то вечное русское представление о чем бы то ни было, включая демократию, но я могу выхватить несколько любопытных общих черт, которые в интерпретации демократии присутствуют. Во всяком случае, тогда присутствовали.

Например, то, что демократия – это социально справедливое общество. Очень часто путали понятие социалистического общества и демократического. Говорили, что то общество, которое было в Союзе, было обществом нарушенной на практике идеи социальной справедливости. Осуждали большевиков, власть, но идею социализма принимали как демократическую. Настоящая демократия – это такой вот социализм, только без искажений.

– Подождите, тогда наивный вопрос: вы считаете, что общество социальной справедливости, в принципе, возможно на этом свете?

– Моя работа не посвящена тому, что я думаю. Она обращена к другим людям, к другим точкам зрения. Я просто комментирую то, что думают другие. Но если вам интересно, что именно я думаю... Пожалуй, прежде всего нужно установить, что такое демократия, а потом уже отвечать на вопрос, возможна ли она.

– Демократия как общество социальной справедливости – возможна?

– Существует точка зрения, что справедливость вообще не имеет отношения к демократии. Идея справедливости заключается в идее равенства всех – независимо от происхождения – перед законом. Идет это, как мы знаем, от французской революции. Что касается материального равенства, то тут еще больше разных мнений. Так что труднее всего – при наличии огромного числа разных теорий и точек зрения – определить, что такое демократия.

– Простите, но я все хочу подвести вас к ответу на вопрос: по-вашему, возможно установление хоть какой-то социальной справедливости в нынешней России? В такой, какая она есть?

– Если говорить о современной России, то там не может быть никакого равенства перед законом, потому что там нет законов. То есть не то что нет самих законов, но нет их исполнения. У нас полный провал всех юридических учреждений и систем. Я хорошо с этим познакомился во время избирательных кампаний, когда был кандидатом. Я два раза баллотировался в Думу, не прошел, но все равно знаю, что такое избирательная кампания. Обычному человеку, если у него нет связей, совершенно некуда обратиться.

– Это сейчас, а раньше?

– Раньше тоже было много несправедливостей, но, по крайней мере, технически судебная система работала. Для относительно небольшого круга людей, которые проходили как политические нарушители, эта система была, конечно, фикцией, и это мы даже не обсуждаем, но в принципе – во всех остальных делах – любой человек мог обратиться в суд, ну хоть по какому-нибудь квартирному вопросу, и его дело рассматривали. Бывали случаи давления властей, бывали всевозможные нарушения, но все это мелочи по сравнению с тем, что делается сейчас. Сейчас человек просто технически не может даже приблизиться к суду. Там огромная очередь дел. Это первое. Сейчас стали брать деньги за обращение в суд. В других странах тоже берут так называемый депозит, но его потом возвращают, а у нас ничего не возвращают.

Деньги берут за все: за бланк, за то, чтобы напечатать заявление, за то, чтобы обратиться к юристу. Я не очень знаком с американской юриспруденцией, но в Англии, например, существует блестящая система, по которой любой человек может воспользоваться юридической помощью. Если у него есть деньги, то он может сам выбрать себе юриста, но если у него денег нет, то это берет на себя государство. Кроме того, существует огромное количество всяких *charities*, которые дают бесплатные консультации, а в России ничего даже похожего нет. Но самое страшное то, что, даже если решение суда принято, оно часто и не исполняется. Это одна из самых наших абсурдных проблем. Я с этим без конца сталкивался, когда был кандидатом. Приходит человек, на руках – решение суда. Ну, скажем, какой-то фирме присудили заплатить этому человеку сколько-то там миллионов. А они говорят: «Не будем мы платить, идите вы все вон отсюда!» Ну, что делать? Выше суда ведь инстанции нет, правильно? Можно, конечно, написать в Верховный суд, а что писать? Решение ведь принято, есть решение суда. Ни в какой стране такое даже представить себе невозможно!

– Вы думаете, что с этим когда-нибудь можно будет справиться?

– Ну, справиться можно с любыми трудностями. Просто нужно решать их постепенно. Вот Гарвард сейчас помогает русской демократии. Они пишут, что русская демократия развивается хорошо, потому что есть нормальные выборы, русские хорошо освоили западную технологию избирательных кампаний, очень хорошо идут экономические реформы. Да, но это только одна сторона. Понимаете, смысл выборов теряется, если ты не можешь опротестовать неправильное решение. Суды контролируются хуже, чем при советской власти. При советской власти ты хоть мог написать письмо в ЦК, там, конечно, могли не разобраться, но могли и разобраться, потому что сидели референты и отвечали. А сейчас провинциям предоставлена свобода и все зависит от того, какой попадется губернатор. Если он человек демократических убеждений, то хорошо: значит, там есть оппозиционные газеты, но ведь часто может быть и просто диктатура, и тут уж ничего не поделаешь. Как во Владивостоке, например.

– Во Владивостоке – диктатура?

– А вы не знаете эту историю? Там выбрали мэра города лет пять-шесть назад, В.И. Черепкова, а губернатором был Е.И. Наздратенко. Они поссорились. Губернатор его подставил: пришел с милицией, якобы из-за того, что В.И. Черепков брал взятки. Началась долгая тяжба, но через несколько лет мэра все-таки восстановили. Сейчас он опять там. А я был во Владивостоке в тот период, когда его не было. Там были просто закрыты телестанции, газеты, которые были оппозиционно настроены к губернатору, покушения были, стреляли в журналиста, ну и так далее. Я был в нескольких регионах, и везде все поразному: в нескольких городах все вообще как при советской власти – телефоны подушками закрывают, боятся слово сказать. А в Красноярске, например, все нормально, никто никого не боится, любые газеты выходят, даже фашистская. «Русский порядок» называется.

– Так что же все-таки такое – русская демократия?

– Это интересное этнографическое явление. Надо сказать, что отношение к Западу и к западной демократии у России было идеалистическим. Вы знаете, мне очень часто доводилось слышать, что демократия – это такое общество, в котором каждый человек может раскрыть все свои возможности, реализовать весь свой творческий потенциал.

– Что, вот так наивно и говорили?

– Я не знаю, наивно это или еще как-то. Это просто глубоко укоренившееся представление об идеальном обществе. Оно было перенесено с коммунизма на демократию. Звучит это примерно так: ком-

мунизм нам не обеспечил развитие всех творческих возможностей, а демократия должна обеспечить. Вот на Западе она уже обеспечила.

– Они что, действительно считают, что Запад – это идеальное общество?

– Да, большинство. У многих русских вообще завышенное представление о западном устройстве, поэтому они очень часто разочаровываются, когда сюда попадают. В российском сознании нет представления о том, что в разных обществах могут быть разные проблемы. Русский человек считает, что все может быть только абсолютно хорошо или абсолютно плохо. Но я должен сказать, что впервые западническое движение в России согласилось, что Россия будет младшим партнером Запада и будет у него учиться. Может быть, намеки на это были у марксистов и у большевиков, но последние считали, что Россия может себе позволить учиться у Запада только тогда, когда во всем мире победит социалистическая революция. Но раз она не победила, то об ученичестве и говорить нечего, Россия так и осталась «передовой», таким образом все вывернулось наизнанку: Запад – «отсталый», а Россия – «передовая». У социал-демократов, правда, был такой миф, который отчасти использовал потом и М.С. Горбачев: что настоящий социализм существует в Швеции, отчасти в Австрии, то есть в тех странах, где долго правили социал-демократы. Для более радикальных людей таким идеалом стали США или Великобритания с М. Тэтчер, которая в России была и остается самым популярным политиком по всем вопросам.

– Скажите, ваша книга – описательная или она ставит какую-то проблему?

– Я хотел доказать, что российские демократы – это некое уникальное явление. Они уникальны с точки зрения своих политических представлений. Есть, конечно, элементы преемственности того или иного, но в то же время на основе этой преемственности выросла целая философия, которую практически не с чем сравнить. Я защищал свою диссертацию в западном университете, моя работа написана по-английски, но на любом языке будет понятно, что мы сталкиваемся с парадоксом национального мышления. Что происходит в России? В России практически каждый человек считал себя демократом. Если подойдешь к кому-то на улице и спросишь: «Вы демократ?» – то ответ был, как правило, утвердительным. Так было в то время, когда я занимался этой работой. Но сейчас времена изменились. Сейчас многие говорят: «Да вы что? Я ненавижу демократов!» Потому что в России и на Западе слово «демократ» означает разные вещи. В Рос-

сии под демократом теперь понимается вор, который развалил страну. Демократия начала ассоциироваться не с ценностями западной демократии, как это было раньше, а с деятельностью тех людей, которые, называя себя «демократами», набили себе карманы, вот и все. Отняли у пенсионеров последние сбережения.

– Так в чем же все-таки уникальность?

– Уникальность – в той интерпретации, которую вкладывают русские люди в само понятие демократии. Уникальность – в их точке зрения, совершенно отличной от западной. Это не что-то такое чудовищное, что совершенно противоречит всему историческому опыту. Люди довольно часто вкладывают свои представления в общеупотребительные слова, Россия в этом смысле не изобрела ничего нового. Но при этом русская демократия становится явлением уникальным. К ней надо присматриваться и присматриваться, ибо она ни с чем привычным не совпадает. Вся моя книга – об этом.

Беседу вела *Ирина Муравьева*

Помогите нам еще раз!
(Открытое письмо молодых политиков А.И. Солженицыну)[1]

Уважаемый Александр Исаевич!

Мы обращаемся к Вам как к последней инстанции, высшему и единственному сегодня моральному авторитету в России, и просим о помощи не для себя, а для многострадальной страны нашей.

Все мы – относительно молодые люди, большинству нет еще и 40. Мы узнавали Ваши произведения еще в неясной машинописной копии, слушали сквозь шум и свист глушилок по радио или из зачитанных до дыр страниц «перестроечных» журналов. Они произвели переворот в наших душах и заставили заняться конкретной общественной деятельностью, чтобы ликвидировать коммунистический режим и изменить жизнь России к лучшему. Каждый из нас в своем городе и области создавал независимые общественные группы политического и правозащитного характера, многие участвовали в работе выборных органов и администраций. Но сегодня большинство из нас не считает возможным связывать себя ни с властью, ни с какой-то из нынешних активно действующих политических партий. И причина этому – в одном. Та политическая система, та структура власти, тот путь экономического развития, наконец, та моральная атмосфера, которые сегодня складываются, – это совершенно не то, к чему мы стремились. Более того, мы уверены, что нынешние власти вольно или невольно ведут Россию в пропасть.

Начиная свою посильную борьбу с коммунистическим режимом (пусть уже совсем не в то время, как Вы, и совсем не так рискуя, но руководствуясь теми же идеалами), мы надеялись, что великая Россия, освободившись от коммунизма, возьмется за внутреннее развитие, начиная с того, что нужнее всего людям, то есть с возврата земли крестьянам, развития пищевой и легкой промышленности, что могло быть обеспечено, прежде всего, активным экономическим развитием на местах, возрождением российской провинции, многочисленных и разнообразных российских регионов. Демократия, о которой так

[1] Впервые опубликовано в сокращенном виде в «Независимой газете» (1995. 11 января).

много говорили, а по-русски – народное самоуправление, могла бы быть устойчива и эффективна в стране с глубокой деспотической традицией, в которой все корни самоуправления были вырваны в 1917 г. и стерты в народной памяти, только при последовательном и вдумчивом ее развитии с самого низу, с уровня районов, постепенно входя в привычку и становясь естественной необходимостью для каждого.

К сожалению, Россию втолкнули на другой путь. В ажиотаже нового, на этот раз «демократического» возбуждения страна была разрезана по живому, а на экономику и политическую жизнь постарались в несколько дней напялить самый современный западный наряд, который и там не всякому еще по плечу. Как лагерник-доходяга, который может погибнуть не только от голода, но и от случайно доставшейся слишком большой порции, так и страна наша умирает, объевшись тем, ко вкусу чего другие привыкали столетиями.

Разрыв экономических и человеческих связей, беженцы, «малые» войны с большой кровью, полновластие бандитов на улицах городов и их растущая слитость с теми, кто призван нас от них защищать, тысячи нищих и неимущих, почти полная остановка всякого (далеко не только военного и неэффективного) производства, бедность большинства населения на фоне политической трескотни только в столице и существующих партий, беспрецедентной даже для видавшей виды России болтовни, беспомощности, мздоимства и безответственности власть имущих, которые уже несколько раз привели к кровопролитию в самой России, – разве этого хотели те, кто выступал против тоталитаризма?

Должны признать, что в случившемся есть и наша вина. Ведь некоторые из нас, поддавшись всеобщему возбуждению, какое-то время требовали только «долой», не задумываясь о последствиях. Однако задолго до сегодняшнего дня, перечитывая Ваши статьи, мы поняли, что есть другой путь. Вы говорили о нем еще до высылки из страны, в знаменитых «Письме к вождям Советского Союза», письмах к А.Д. Сахарову, и уже совсем четко – в четырехлетней давности «Как нам обустроить Россию?», говорили мужественно, несмотря на насмешки и издевательства «демократической общественности».

Мы не собираемся пополнять многочисленную группу подхалимов, которые заранее согласны с каждой Вашей запятой. Нам не кажутся бесспорными все без исключения Ваши идеи, да и между собой вовсе не во всем мы едины. Но мы согласны в главном: Россию надо спасать снова, и чем скорее, тем лучше, пока нынешнее неокоммунистическое руководство, которое, как иной священник-расстрига,

ставший вдруг неистовым атеистом, сменило коммунистическую спесь на абсолютное прихлебательское западничество, не завело нас в пропасть.

И путь спасения один – политический порядок и стабильность, отход от стандартных, да еще и превратно понятых и с неофитским рвением осуществляемых экономических догм, развитие российского рынка на основе поощрения собственно российского производства, начиная снизу, с деревни, с малых городов, с провинции, беспощадная борьба с преступностью и коррупцией невзирая на лица, начиная с самого верха, прекращение бесконтрольного разворовывания государственных богатств под видом приватизации и введение этого процесса в законное русло, мирное, но решительное восстановление единства российских земель, во внешней политике – приоритетное развитие отношений и широкого сотрудничества с ближайшими соседями, прежде всего славянскими, активная защита наших соотечественников, оказавшихся за рубежом из-за бездумной политики руководства, достойное сотрудничество с Европой и Азией и прекращение высокопарной болтовни о «глобальной стратегии».

Эта программа настолько ясна, что даже само нынешнее руководство провозглашает многие из ее пунктов. Но способно ли оно провести ее в жизнь? Сейчас уже каждому ясно, что нет. Свою полную неспособность к систематической работе по управлению огромной страной оно уже продемонстрировало более чем ярко. Для нас ясно, что нынешняя власть – это анархия, хаос, распад страны, локальные войны и новые социальные волнения, от которых Россия может не оправиться еще столетие.

Какова же альтернатива? К сожалению, мы видим, что на предстоящих президентских выборах, если власть их, конечно, допустит, у нас выбор невелик – либо продолжение анархии, либо возврат к старому, если и не к коммунизму, то к чему-то отнюдь не лучшему, отдающему фашистским душком. Странноватые и совершенно безответственные выскочки, претендующие на победу, выступают за восстановление России в границах СССР и, по Вашему меткому выражению, как будто специально созданы, чтобы скомпрометировать идею патриотизма, а в их глазах – отнюдь не патриотизм, а лагеря и расстрелы. Диктатура или хаос – вот к чему может свестись наш незавидный выбор летом 1996 г.

Мы убеждены – в стране есть силы, способные реально противостоять этому безумию. Но эти силы разрознены и обезглавлены. Силам возрождения России необходим Ваш моральный авторитет. Только

Вам еще способны поверить во всем разуверившиеся россияне, только в Вас они видят действительного патриота, выступавшего за истинные российские интересы, когда нынешние наши славные «патриоты» бомбили афганских крестьян и работали в комсомольских журналах. В Вас они видят и действительного противника диктатуры, восставшего против коммунизма, когда нынешние наши славные «демократы» сидели в обкомовских и министерских креслах или учили нас диаматоистматовской премудрости на кафедрах научного коммунизма.

Мы призываем Вас, не ради себя, конечно, ведь того, чего Вы уже достигли в жизни, не достичь ни одному президенту, – а ради России нашей, ради нас и наших детей, подумать о возможности согласия быть избранным на высшую должность в государстве.

Мы хорошо представляем себе возможные возражения. Мы понимаем, что Вы прежде всего писатель, что Вы многократно говорили о нежелании занимать какой-либо пост в России. Мы знаем, что эта должность скорее уменьшит, чем увеличит вашу популярность, – ведь от Вас будут ожидать, как всегда в России, всего и сразу, да и всем в такой должности мил не будешь. И все же, и все же...

На это естественно возразить, что Вам будет не обязательно играть роль президента-политика, но Вы, как Нельсон Мандела или Вацлав Гавел, могли бы стать символом нации, моральным маяком, вокруг которого объединились бы и активно взялись за дело ее лучшие люди, которые зажаты сейчас между двух огней. Вы один сможете объединить их всех, подобрать честных, способных специалистов, которые всерьез занялись бы конкретными вопросами государственного управления.

Но даже не это главное. Главное в том, что в случае Вашего отказа Россию ожидает еще одна трагедия, которую никто другой сегодня не в состоянии предотвратить. В этой ситуации мы призываем Вас согласиться помочь всем нам еще раз, как Вы делали это, готовя, а затем публикуя «Гулаг», подвергая опасности свою жизнь. Помогите нам еще раз, Александр Исаевич! Если понадобится, мы и наши единомышленники во многих городах России готовы оказать Вам любое содействие, хотя, вероятно, в России и без нас найдется много достойных людей, которые, при первом Вашем слове, будут работать с Вами ради нашей страны.

Борис Ханкин,
сопредседатель ассоциации «Зеленый мир»,
г. Астрахань

Владимир Махора,
директор регионального историко-культурного центра морской славы, бывший заместитель управляющего городом,
г. Владивосток

Александр Несмеян,
президент торгово-промышленной корпорации «Собор»,
г. Владивосток

Алена Васильева,
директор информационного агентства «Экспресс»,
г. Владивосток

Александр Лукин,
бывший член КС объединения избирателей Октябрьского района и депутат Моссовета, г. Москва

Валерий Фадеев,
бывший член правления Московского «Мемориала» и депутат Моссовета, г. Москва

Анатолий Замятин,
председатель профкома А.К. «Домостроитель»,
организатор независимого рабочего движения,
г. Пенза

Алексей Урусов,
бывший депутат облсовета,
г. Пенза

Андрей Щеркин,
сопредседатель Псковского общества «Мемориал», г. Псков

Борис Некрасов,
член объединения «Экологическая инициатива»,
г. Томск

Наталья Агафонова,
председатель Детского экологического центра,
г. Омск

Заявление о роспуске Моссовета[1]

ЗАЯВЛЕНИЕ

В связи с подписанием президентом РФ Б.Н. Ельциным 21 сентября 1993 г. указа «О постепенной конституционной реформе в Российской Федерации»[2] считаем необходимым заявить:

В последнее время Верховный Совет и Съезд народных депутатов РФ, попавших под полный контроль сил, выступающих за возврат к тоталитаризму, превратились в тормоз нормального развития страны, в подрывную силу внутри государства. Ситуация паралича государственной власти, постоянной борьбы, разжигания ненависти, инспирирование саботажа реформ, смыкание с националистическими и сепаратистскими силами в регионах и республиках России, которую создавала деятельность Верховного Совета и Съезда, не могла продолжаться бесконечно.

Указ президента явился решительной и крайне своевременной мерой высшего должностного лица России по сохранению и упрочению государственного строя и нормального функционирования государственных органов. Он дает шанс объединить общество, более эффективно продолжить начатые экономические и политические реформы, он делает возможным сохранить единство РФ и укрепить ее государственный строй, создать условия для объединения вокруг сильной России независимых республик бывшего Союза, бороться с коррупцией и другими видами преступности, процветающей в период ослабления государственной власти.

Мы приветствуем решимость президента твердой рукой навести порядок в стране и провести новые выборы как нового парламента, так и президента. Это смелый и решительный шаг, необходимость которого назрела уже давно.

Мы призываем жителей Москвы соблюдать спокойствие и порядок, поддержать меры, изложенные в указе президента «О поэтапной конституционной реформе в РФ» и принять активное участие в подготовке и проведении выборов в декабре 1993 г.

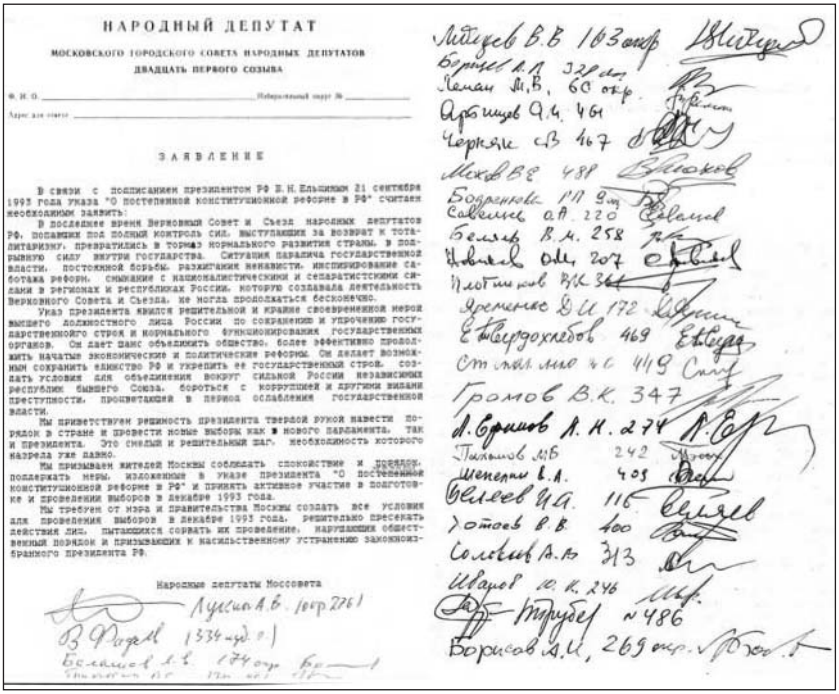
---

[1] Заявление о поддержке роспуска группы Моссовета составлено А.В. Лукиным в конце сентября 1993 г. Подписано 28 депутатами (из 500).

[2] В оригинале «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» http://cjnstitution.garant.ru/history/active/172280/

Мы требуем от мэра и правительства Москвы создать все условия для проведения выборов в декабре 1993 г., решительно пресекать действия лиц, пытающихся сорвать их проведение, нарушающих общественный порядок и призывающих к насильственному устранению законноизбранного президента РФ.

Народные депутаты Моссовета
(28 подписей)



НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ

МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО СОЗЫВА

ЗАЯВЛЕНИЕ

В связи с подписанием президентом РФ Б. Н. Ельциным 21 сентября 1993 года указа "О поэтапной конституционной реформе в РФ" считаем необходимым заявить:

В последнее время Верховный Совет и Съезд народных депутатов РФ, поставшими под полный контроль сил, выступающих за возврат к тоталитаризму, превратились в тормоз нормального развития страны. В попытках силу внутри государства. Ситуация паралича государственной власти, постоянной борьбы, разжигания ненависти, инспирирование саботажа реформ, сношения с националистическими и сепаратистскими силами в регионах и республиках России, которую создавала деятельность Верховного Совета и Съезда, не могла продолжаться бесконечно.

Указ президента явился решительной и крайне своевременной мерой высшего должностного лица России по сохранению и упрочению государственного строя и нормального функционирования государственных органов. Он дает шанс объединить общество, более эффективно продолжить начатые экономические и политические реформы. Он делает возможным сохранить единство РФ и укрепить ее государственный строй, создать условия для объединения вокруг сильной России независимых республик бывшего Союза, бороться с коррупцией и другими видами преступности, процветавшей в период ослабления государственной власти.

Мы приветствуем решимость президента твердой рукой навести порядок в стране и провести новые выборы как в нового парламента, так и президента. Это смелый и решительный шаг, необходимость которого назрела уже давно.

Мы призываем жителей Москвы соблюдать спокойствие и поддерживать меры, изложенные в указе президента "О поэтапной конституционной реформе в РФ" и принять активное участие в подготовке и проведении выборов в декабре 1993 года.

Мы требуем от мэра и правительства Москвы создать все условия для проведения выборов в декабре 1993 года, решительно пресекать действия лиц, пытающихся сорвать их проведение, нарушающих общественный порядок и призывающих к насильственному устранению законноизбранного президента РФ.

Народные депутаты Моссовета

Лукин А.В. (округ 276)
Фарид (334-мд.о.)
Белашов А.Е. 174 окр.

Лебедев В.В. 103 окр.
Борисов А.А. 220 окр.
Лемак Н.В. 60 окр.
Арбатцев О.А. 461
Черняк С.В. 467
Москвин В.Е. 481
Бодренков Г.П. 2 окр.
Савелич А.А. 220
Белый В.А. 258
Новиков О.Н. 207
Плотников В.К. 364
Ярмонов В.И. 172
Свердохлебов 469
Столяров 419
Громов В.К. 347
Ермолов А.Н. 274
Пилипов А.В. 242
Шепелин В.А. 409
Беляев Ю.А. 116
Котов В.В. 400
Соловьев А.Ю. 313
Шаров Ю.К. 246
Трубец № 486
Борисов А.И. 269 окр.

Гражданский союз. К России единой, сильной, демократической, процветающей[1]

Проект программы

Москва, 1992

Содержание

1. Гражданский союз и сегодняшняя Россия
2. Общие цели
3. Государственное устройство
4. Государственная власть
5. Россия – федеративное государство
6. Наука, культура, образование, медицина
7. Россия и ближнее зарубежье
8. Россия в современном мире
9. Армия и общество

Проект подготовлен группой экспертов и членов Политсовета ДПР под общим руководством члена Политсовета ДПР А. Лукина.

От Политсовета ДПР в работе участвовали: А. Линец, А. Лукин, Е. Надкин.

Состав группы экспертов:

В. Аверчев (посольство РФ в США), *О. Адамиевич* (ДПР), *С. Гончаров* (МИД РФ), *А. Домрин* (Комитет по международным делам

[1] Впервые опубликовано отдельной брошюрой в 1992 г. Данный документ был подготовлен в качестве программы политического блока «Гражданский союз» в качестве проекта Демократической партии России (ДПР) во второй половине 1992 г. Его текст принят за основу Политсоветом ДПР на заседании 15 октября 1992 г., но не был официально одобрен руководством «Гражданского союза» (см.: *Ступаков Д.А.* Демократическая партия России: идейные принципы и основные этапы развития (1990–2000). Дис. к.и.н. М., 2001. С. 72–73). В то же время, проект стал достоянием общественности и сыграл определенную роль. В частности, есть основания считать, что известное выступление министра иностранных дел А.В. Козырева на сессии Совета министров иностранных дел СБСЕ в Стокгольме 14 декабря 1992 г. стало реакцией на его ознакомление именно с этим документом (см., например: Андрей Козырев: настоящий камикадзе. 28.09.2011. http://www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/74501-andrei-kozyrev-nastoyashchii-kamikadze).

и внешнеэкономическим связям ВС РФ), *К. Кирюхин* (Парламентский центр РФ), *В. Михеев* (Институт мировой экономики и политики РАН), *К. Плешаков* (Институт США и Канады РАН), *С. Рогов* (Союз «Обновление»). Каждый из экспертов не обязательно согласен со всем текстом проекта и не несет за него ответственности.

При работе над проектом использованы программные и другие официальные документы ДПР, фракции «Смена», НПСР, Союза «Обновление», РСМ.

К России единой, сильной, демократической, процветающей

(Политическая программа Гражданского союза)

1. Гражданский союз и сегодняшняя Россия

Наша Родина, великая Россия переживает сегодня переломный момент своей истории. Ее естественное развитие было прервано в 1917 г. кровавым большевистским переворотом, а последовавшие семь десятилетий коммунистической диктатуры привели к уничтожению лучших людей России, порабощению населения, к тому, что страна отошла от магистрального направления мирового развития и сегодня вынуждена предпринимать новые усилия, чтобы вернуться в семью развитых держав мира.

Попытка реформ, предпринятая М.С. Горбачевым, привела к краху коммунистической системы, к демократизации общества. Однако политика горбачевского руководства характеризовалась непоследовательностью, постоянными попытками балансировать между различными взаимоисключающими интересами и отсутствием ясно сформулированных конечных целей. В результате вместе с коммунистической диктатурой было уничтожено само государство, в котором она господствовала, нарушены экономические и политические связи, зашла в тупик экономика, резко снизился жизненный уровень населения. Политика перестройки М.С. Горбачева потерпела крах.

В августе 1991 г. последняя попытка коммунистических консерваторов сохранить власть закончилась поражением. К руководству в стране пришли те, кто называет себя «демократами».

Победа над путчистами дала новым властям России уникальную возможность сплотить страну на основе новых, демократических идей, укрепить ее единство, сделать решительный рывок в сторону цивилизованного мира, эффективной экономики, демократического политического устройства.

К сожалению, эта возможность была упущена. Сменив коммунистическую идеологию на «демократическую», новая власть так и не смогла сформулировать ясной и последовательной политики, выражающей интересы российских граждан. Опасное экспериментирование, импульсивность, несогласованность, шараханье из стороны в сторону стали основным содержанием действий президента и правительства. Создается впечатление, что каждое конкретное решение есть результат борьбы различных приближенных к власти группировок, баланса интересов, причем невозможно предугадать, кто именно возьмет верх в каждый конкретный момент.

В результате последний год характеризовался развалом основных государственных институтов, углублением кризиса доверия к государственной власти, еще большим падением жизненного уровня населения. Отсутствие у нынешнего руководства ясного понимания национальных интересов России ставит саму нашу страну перед угрозой распада.

Сегодня, в момент тягчайших испытаний, переживаемых Россией, в период, когда нынешнему поколению россиян предстоит ответить на вопрос – будет ли и далее существовать тысячелетнее государство или мы позволим погубить его, самое время задуматься над словами великого русского писателя Александра Исаевича Солженицына: трагедия нашей России извечно состояла в том, что, подчиняя всю мощь и изобретательность служению непонятным нам самим вселенским теориям, мы забывали о самом важном – о том, как гибнут деревни и малые города нашей Родины, как дичают и становятся похожими на уродливые бетонные надолбы большие города.

Нам раз и навсегда предстоит усвоить – нет такой идеи, которая оправдывала бы ущемление интересов людей ради «светлого будущего». Только ставя во главу угла заботу о собственных гражданах, государство способно заслужить уважение в мире, стать достойным членом мирового общества. Нам нужно решительно покончить с положением, когда Россию уважают вообще, расстилая под ногами ее руководителей красные ковры в зарубежных аэропортах, и презирают ее в частности – в лице каждого из ее обычных, не облеченных государственной властью граждан.

И еще один исторический урок, который мы не должны забывать. Ни при каких обстоятельствах Россия не должна быть ввергнута в очередной виток революционных потрясений и гражданских войн. Нам хватит политического радикализма, крикливых митингов и нескончаемых воинственных заявлений. Нам нужна кропотливая, кон-

структивная работа во имя возрождения Отечества, и в основе такой работы могут лежать только общественное согласие и гражданский компромисс.

Предлагая собственную политическую программу, мы надеемся: ситуацию еще можно исправить. Гражданский союз представляет эту программу на суд общественности. Мы намерены всеми конституционными способами убеждать парламент, президента и правительство в необходимости коренных изменений нынешнего курса.

В случае же проведения парламентских и президентских выборов (сроки которых пока не определены) Гражданский союз готов бороться за реализацию программы путем проведения своих представителей в органы власти.

2. Общие цели

Гражданский союз открыто провозглашает свои цели, которые, по нашему мнению, соответствуют коренным национальным интересам России. К этим целям относятся:

1. Завершение построения демократической системы, гарантирующей основные права и свободы человека.
2. Переход к рыночной экономике и интеграция российской экономики в мировое хозяйство.
3. Безусловное сохранение целостности России как демократического, федеративного, надэтнического государства при действенном уважении прав национальных меньшинств и малых народов.
4. Активная и консолидирующая роль России в СНГ.
5. Создание условий для вхождения России в сообщество передовых государств мира в качестве великой державы, проводящей собственный политический курс.
6. Активная региональная политика, использующая уникальное положение страны как евроазиатской державы, имеющая целью формирование добрососедских отношений с окружающими СНГ государствами.
7. Обеспечение национальной безопасности, в том числе путем выработки и реализации соответствующей оборонной стратегии.

3. Государственное устройство

Гражданский союз исходит из того, что современная демократическая политическая система наиболее соответствует коренным интересам России. Исторический опыт показывает, что только в условиях демократии могут быть обеспечены основные политические

и экономические права человека, демократия создает наилучшие условия для экономического процветания общества. Россия, долгие столетия находившаяся под гнетом авторитарных и тоталитарных режимов, должна стать свободной. Свобода личности для Гражданского союза является абсолютной ценностью.

Перспективная цель Гражданского союза – создание в России демократической системы разделения властей, основанной на принципе сдержек и противовесов. Сложившаяся система Советов должна уступить место смешанной, парламентско-президентской форме правления.

Демократическая власть не может быть слабой властью. Система разделения и баланса властей не должна превращаться во враждующие друг с другом удельные «государство президента», «государство парламента» и т.п. Гражданский союз считает своей важнейшей задачей вернуть уважение народа к демократическому правлению, покончить с хаосом, безвластием, постоянными конфликтами между различными кланами, придворными группировками и непомерно амбициозными лидерами.

Высшим органом законодательной власти должен стать профессиональный Федеральный парламент, избираемый всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием всеми гражданами. Парламент состоит из двух палат: Совета Республики и Совета Федерации.

Президент РФ выбирается, как и парламент, всем народом. Правительство Федерации (кабинет министров), состоящее из премьер-министра и министров, назначается президентом РФ и ответственно перед парламентом. Парламент имеет право, с согласия 2/3 депутатов, ставить вопрос о соответствии своей должности президента, премьер-министра и министров за преступное нарушение конституции и законов Федерации.

Конституционные конфликты разбирает Верховный суд (Конституционный суд). Вводится система суда присяжных. Суды полностью независимы и подчинены только закону.

Церковь отделена от государства, школа – от церкви. В РФ допускается полная свобода веры и совести, обеспечивается равенство всех религий.

Гражданский союз выступает за введение этой системы путем принятия новой конституции. Однако необходимость скорейшего принятия конституции не может служить оправданием для каких-либо действий, угрожающих возрождением в России авторитарного режима. Нынешние институты государственной власти, как законо-

дательной, так и исполнительной, далеки от совершенства, их деятельность часто неэффективна и подвергается обоснованной критике. Тем не менее утверждение и существование в течение самого длительного периода в истории России основных институтов и атрибутов демократического государственного устройства: демократически избранных президента и парламента, местных органов власти, Конституционного суда, политических партий, независимой прессы является важнейшим достижением последнего периода. Исходя из этого Гражданский союз решительно отвергает попытки различных экстремистских сил ликвидировать одну из ветвей власти либо позволить одной из них подмять под себя другую. Воспроизводство демократической системы обеспечивается не просто избранием того или иного органа (вполне демократически избранный лидер может установить диктатуру, как это сделал, например, А. Гитлер), но балансом между различными ветвями власти. В России такой хрупкий баланс существует, и попытки сломать его могут привести к восстановлению диктатуры. Необходимое перераспределение функций должно проводиться с большой осторожностью, постепенно и только конституционными методами.

4. Государственная власть

Одно из самых тревожных явлений нынешней ситуации в России – практически полный паралич большинства государственных структур. Это лишь частично результат политики прошлых властей. В значительной степени ответственность за распад Российского государства несет нынешнее руководство, которое подошло к делу государственного строительства неподготовленным, без четкого плана действий и без понимания всей сложности ситуации и особой роли государства в нынешних условиях.

Распад государственной власти представляется одной из основных неудач нынешнего руководства. Он ведет к росту преступности, бездеятельности правоохранительных органов, росту политического экстремизма, открытым выступлениям с призывами к насильственному свержению существующего строя, к росту сепаратизма и национальной розни.

Российские граждане теряют надежду на защиту их безопасности государством. В результате нарастает разочарование в политической системе демократии как таковой.

Демократическая система вовсе не означает слабости государства. Демократия не есть некая форма политического бессилия и бес-

конечных безрезультативных уговоров, как, судя по всему, полагает российское руководство. Гражданский союз выступает за укрепление всех ветвей власти: независимого суда, профессионального, небольшого по численности, избранного на партийной основе парламента, эффективной исполнительной власти. Только сильная, дееспособная государственная власть может обеспечить права и свободы граждан, успешно бороться с преступностью и политическим экстремизмом, обеспечить быстрое и эффективное проведение экономических реформ.

Особое внимание мы считаем необходимым уделить укреплению правоохранительных органов, повышению технической вооруженности, профессионального уровня и материального положения их сотрудников. Никакая реформа невозможна без строгого соблюдения всеми без исключения принятых законов. Наведение порядка в наших городах и селах, обеспечение безопасности граждан – ее важнейшая цель. Все выступления с антиконституционными лозунгами и призывами, с требованиями насильственного изменения существующего строя должны решительно пресекаться с применением всех средств, предусмотренных законом.

5. Россия – федеративное государство

Россия как федеративное государство находится сегодня на стадии становления. Подписанный недавно федеративный договор – новый этап в ее развитии. К сожалению, тенденция к распаду государственности затрагивает и отношения между федеральными и местными властями.

Тенденции, которые привели к распаду СССР, продолжают действовать и в Российской Федерации. Они связаны не только и не столько с накопившимися межнациональными проблемами, сколько в первую очередь с недопустимой затяжкой экономических преобразований, с авантюрной тактикой их проведения, с растущими поползновениями региональных властей, освободившись от власти «российского центра», превратиться в неких удельных князей. Сказывается как стремление регионов уйти от последствий действий центра, так и эгоистическое желание части местных элит «приватизировать» в свою пользу доступные им регионы Российского государства, зачастую прикрывающееся националистической демагогией и различного рода сомнительными историческими аргументами.

Нынешнее руководство России не предложило какой-либо последовательной политики в области федеративных отношений. Су-

дорожные непоследовательные попытки силового решения при первой неудаче сменяются ничем не обоснованной капитуляцией перед радикалами-националистами. Даже только что подписанный Федеративный договор соблюдается далеко не всеми, и руководство России не находит политической воли для того, чтобы обеспечить его соблюдение.

Гражданский союз убежден, что интересы российских граждан и самой России может обеспечить только единое федеративное государство. Цель Гражданского союза – поэтапное построение надэтнической федерации, субъектом которой являются земли с равными правами. Ее основы таковы:

Каждая земля имеет свой парламент и свою конституцию. Содержание последней в основном должно соответствовать федеральной конституции. Земли должны иметь республиканское устройство, всеобщее, прямое и равное избирательное право и ответственное министерство.

В круг исключительного ведения федеральной власти входят: международные отношения, организация обороны, государственная безопасность, федеральные налоги, денежная эмиссия, гражданство, почта и телеграф, таможня, управление энергетической системой и железными дорогами, а также газо- и нефтепроводами. Кроме того, федеральной власти дается право устанавливать единство основ законодательства в целом ряде областей, прежде всего в сфере гражданского и уголовного права, причем право Федерации должно иметь перевес над правом земель. Выполнение федеральных законов возлагается на федеральные органы и государственный аппарат земель. Должно быть обеспечено верховенство российских законов над местными в сфере полномочий Федерации и исполнение российской конституции, обеспечение равных прав и свобод граждан на всей территории России.

Федеральной власти будет принадлежать право надзора. Все конституционные конфликты (как между Федерацией и отдельной землей, так и между землями) разрешаются Верховным судом (или Конституционным судом) РФ.

Такая Федерация – дело будущего, ее основы должны быть закреплены в новой конституции. Однако уже сегодня необходимо четкое разделение полномочий между центральными и местными властями на базе Федеративного договора, ставшего частью российской конституции. Попытки местных властей не выполнять условий этого договора должны решительно пресекаться с использованием всей мощи государства.

Гражданский союз считает политику, подрывающую территориальную целостность Российской Федерации, тягчайшим преступлением против граждан России и будет стремиться принять Закон о защите Федерации, предусматривающий уголовное преследование за призывы к насильственным действиям, направленным на расчленение Российской Федерации.

В основе национальной политики Гражданского союза лежит понимание российского народа как исторически сложившейся многоэтнической, многоконфессиональной общности. Все этнические интересы граждан России должны неукоснительно соблюдаться. Главным средством реализации таких интересов мы считаем эффективную политику культурно-национальной автономии, предусматривающую создание и деятельность культурно-национальных центров, развитие сети национальных школ и университетов, обучение всех желающих национальному языку, издание литературы и развитие средств массовой информации на национальных языках.

6. Наука, культура, образование, медицина

Ход нынешних реформ привел к глубокому кризису практически всех областей науки, культуры и образования, медицины. Врачи, учителя, научные и музейные работники и ранее не были в числе состоятельных, но теперь превратились в беднейший слой общества и их доходы часто меньше доходов неквалифицированных работников. Закрываются музеи, библиотеки, научные учреждения, бедствуют университеты. Крупнейшие деятели культуры, науки, образования, медицины покидают Родину. Такое положение абсолютно неприемлемо для всех, кто не на словах, а на деле заботится о настоящем и будущем России.

Конечно, старая система финансирования научных, учебных и медицинских учреждений должна быть изменена. Бездумные расходы на огромные институты, эффективность работы которых весьма сомнительна, часто существовавшие только для идеологических целей, «изучения» и «развития» марксизма-ленинизма, для обслуживания КПСС, должны быть прекращены. Наша «бесплатная» медицина также показала свою полную неэффективность, в ней процветали непрофессионализм и коррупция.

Даже в самые глухие коммунистические годы россияне могли проявлять свой талант в различных сферах науки, культуры, образования, медицины. Весь мир признавал лидерство ряда важнейших отраслей нашей фундаментальной науки, в России жили и работали крупнейшие писатели, ученые, врачи.

Сегодня потерять лучшее из того, что было накоплено в этих областях в прошлом, было бы настоящим преступлением. И это преступление совершается.

Необходимо срочно выделить приоритетные, крайне необходимые обществу наиболее передовые области знания и значительно увеличить их финансирование. Людям, работающим в приоритетных областях, ученым с мировым именем необходимо обеспечить нормальное материальное положение на уровне мировых стандартов. Только так можно остановить «утечку мозгов» из России. В то же время необходимо решительно ликвидировать все ненужное, устаревшее, малоэффективное.

Мы должны во что бы то ни стало сохранить национальное достояние России, ее музеи, библиотеки, памятники архитектуры и искусства. В то же время необходимо бороться с пассивностью бюджетных работников, их привычкой все получать от государства, стимулировать в разумных пределах их предприимчивость для облегчения бюджетного бремени.

России нужны здоровые, образованные, всесторонне развитые граждане. Гражданский союз приложит все усилия, чтобы сохранить все лучшее из имеющегося у нас опыта развития бюджетных отраслей и приумножить его на принципиально новой основе. От этого зависит будущее нации.

7. Россия и ближнее зарубежье

Поспешная и весьма сомнительная с точки зрения конституционной законности ликвидация Союза ССР вместо его преобразования была крупнейшим просчетом нынешнего руководства России. Частично он объясняется личными политическими амбициями российских лидеров, частично – идеалистическими представлениями о возможности быстро провести реформы только в России. Ликвидация Союза не решила ни одной из проблем, жизненно важных для его народов.

Одним из самых тяжелых наследий распада коммунистической империи является то, что территория исторической России сократилась до границ XVII в. Большая часть современной истории России, всего того, что составляет историческую память, гордость и формирует национальное самосознание россиян, оказалась за пределами ее нынешних границ. Многие из приобретений исторической России, особенно на западе и юге, оказались под контролем национальных наследников коммунистической империи, которые поспешили объ-

явить результаты партийно-административного произвола «государственными границами». С этой точки зрения Россия оказалась едва ли не единственной из бывших союзных республик, которая понесла серьезные территориальные, экономические и психологические потери. На этом фоне провокационными и абсурдными являются утверждения об «имперских претензиях» демократической России.

Распад целостного экономического пространства колоссально затрудняет выход из кризиса, осуществление реформ. Углубляющиеся противоречия между в большинстве своем национал-коммунистическими или национал-фундаменталистскими политическими элитами бывших союзных республик отзываются миллионами человеческих трагедий. Неурегулированность ряда военно-стратегических вопросов, в том числе ядерных, заставляет мировое сообщество смотреть на пространство от Бреста до Владивостока как на источник опасности.

Осуждая политику расчленения СССР, Гражданский союз, тем не менее, признает существующие реальности. Восстановление СССР в прежней форме невозможно. Попытки силового воссоздания единого государства могут привести к гражданской войне и, следовательно, противоречат коренным интересам России.

В сложившейся ситуации Гражданский союз считает, что территория бывшего СССР является сферой особых, жизненно важных интересов России. Это основывается на ряде объективных факторов:

— сохраняющаяся экономическая взаимозависимость государств;
— тесные научные и культурные связи;
— прямая зависимость безопасности России от положения в сопредельных регионах бывшего СССР;
— моральная и политическая ответственность России за судьбы русскоязычных меньшинств;
— исключительная роль России в сдерживании распространения и распыления военных арсеналов бывшего СССР (в том числе ядерного оружия и его носителей);
— естественный статус России как ядра военно-политической стабильности в континентальной Евразии.

Мы считаем, что реализации этих интересов России в наибольшей степени соответствовало бы укрепление содружества на конфедеративной основе по следующим направлениям:

— единое экономическое, информационное, научное и культурное пространство, отсутствие таможенных и прочих барьеров;

— согласованная политика в проведении экономических реформ;
— создание института гражданства Содружества;
— унификация гражданского законодательства;
— согласованная политика в решении проблем «горячих точек»;
— согласование внешней политики в рамках Содружества;
— единые профессиональные вооруженные силы, подчиненные коллегиальному органу управления Содружества и имеющие единственную цель – охрану внешних интересов и внешней безопасности Содружества при сохранении Национальной гвардии и внутренних войск государств-участников;
— создание необходимых координирующих органов Содружества.

Гражданский союз не сомневается, что развитие Содружества на указанных принципах отвечает интересам всех народов СНГ. Однако движение в этом направлении должно осуществляться постепенно, только на добровольной основе и только с теми государствами–членами СНГ, которые будут к этому готовы. Любые формы силового давления должны быть полностью исключены, так как они неизбежно приведут к противоположному результату.

Имея в виду главную цель – интеграцию Содружества, Россия одновременно с этим должна строить отношения с другими независимыми государствами в духе добрососедства и сотрудничества, исходя из собственных национальных интересов. В основе такой политики лежит несколько основополагающих принципов.

Гражданский союз считает, что в межгосударственных отношениях с республиками бывшего СССР для России безусловный приоритет имеют следующие направления внешнеполитической деятельности:

1. Поддержание стабильности в сопредельных с Россией регионах бывшего СССР является одним из главенствующих принципов. Создание действительно демократических институтов является внутренним делом народов, и Россия не намерена вмешиваться в соответствующие внутриполитические процессы, поддерживать одну фракцию против другой, навязывать тех или иных политических лидеров или партии, нарушая тем самым суверенитет независимых стран. Однако Россия намерена всеми силами поддерживать стабильность, сотрудничая в этом деле с теми правительствами, которые привержены неагрессивной политике в отношении соседних стран, а также обеспечивают соблюдение всех прав человека в отношении своих собственных граждан, независимо от их национальной принадлежности. Если строительство полноценной демократии – вну-

треннее дело народов, то стабильность на пространстве бывшего СССР затрагивает интересы не только 15 новых государств, но и планетарные интересы мирового сообщества.

2. Не вмешиваясь в естественные мирные политические процессы ближнего зарубежья, в которые вовлечены все этнические группы населения на основе общепринятых цивилизованных норм, Россия не может оставаться безучастной, когда речь будет идти о попрании основных прав человека. Если вопрос о политическом строе есть внутреннее дело сопредельных государств, то вопрос о правах человека – проблема, подлежащая контролю со стороны мирового общества. Россия, на территории которой проживают представители всех без исключения народов бывшего СССР, словом и делом гарантирует их равноправный статус как граждан России и вправе ожидать от других стран строжайшего соблюдения таких же принципов.

В случаях нарушения прав русскоязычного населения Россия намерена обращаться к мировому сообществу и привлекать в случае необходимости отдельные государства в качестве посредников. Если агрессия в отношении русскоязычного населения будет носить абсолютно нетерпимые формы (угроза личной безопасности, ущемление имущественных прав, отстранение от участия в политической жизни государства – например, запрет избирать и быть избранными в органы власти), Россия оставляет за собой естественное право вводить санкции в отношении соответствующих правительств, использовать все законные средства, имеющиеся у великой державы, добиваясь поддержки этих мер мировым сообществом. Мириться с положением русскоязычных как изгоев и заложников или граждан второго сорта Россия не намерена и на компромиссы не пойдет.

3. Россия будет продолжать курс на то, чтобы не допустить распространения ядерного потенциала бывшего СССР. Как главный правопреемник бывшего СССР Россия намерена сосредоточить на своей территории ту его часть, которая необходима для поддерживания евразийской и глобальной стабильности.

4. Россия будет рассматривать как крайне опасные, а потому неприемлемые попытки той или иной страны дальнего зарубежья создать сферы влияния на территории бывшего СССР, те или иные коалиции держав. Соответствующие попытки могут привести только к раздроблению единого геополитического пространства, новым острым конфликтам и нестабильности.

5. Россия не считает необходимым немедленное решение спорных территориальных вопросов между государствами Содружества.

Однако наличие этих проблем должно быть зафиксировано в двустороннем, а где это невозможно – в одностороннем порядке. В любом случае Россия выступает за решение территориальных споров исключительно цивилизованным путем, в порядке принятия мирно согласованных межгосударственных решений.

Эти приоритеты должны соблюдаться и в двусторонних отношениях России с новыми государствами на территории бывшего СССР.

Украина, Белоруссия и Казахстан являются главными партнерами России по поддержанию стабильности на постсоветском геополитическом пространстве, сдерживанию и урегулированию конфликтов, обеспечению прав человека, разработке координационных экономических механизмов сотрудничества. После того как безъядерный статус этих государств станет фактом, Россия готова взять на себя те обязательства в области совместной обороны, какие могут оказаться для них желательными.

Украина и Россия объективно связаны настолько прочно, что обострение отношений между ними способно привести только к трагедии для народов обоих государств. Возникающие противоречия должны решаться на ранней стадии, ни в коем случае нельзя допускать их эскалации и перехода в стадию хронического недуга. Уже сейчас обозначился конструктивный подход к проблеме Черноморского флота. Вопрос о Крыме должен решаться самими гражданами Республики Крым на основе их волеизъявления и с учетом жизненных интересов как Украины, так и России. Ни в коей мере нельзя вести здесь дело к конфронтации. Россия заинтересована в том, чтобы ни один из регионов Украины не превратился во второе Приднестровье. Россия высоко оценивает готовность Украины обеспечить равенство своих граждан буквой закона и повседневной практикой. Россия намерена прилагать все усилия для того, чтобы межнациональная или межконфессиональная вражда на Украине не разгорелась. Россия и Украина могут совместно сделать очень многое для стабилизации ситуации на территории бывшего СССР.

Белоруссия рассматривается Россией как одна из основных несущих конструкций СНГ; Россия также смотрит на Белоруссию как на важного посредника в урегулировании конфликтов на территории Содружества.

Казахстан в глазах России – важнейший партнер по взаимодействию в СНГ и, особенно, в исламских районах бывшего СССР. Исключительно велика роль Казахстана как государства, наиболее последовательно выступающего за интеграцию Содружества. Россия

является естественным союзником Казахстана в этом вопросе. Россия намерена также развивать тесное сотрудничество с Казахстаном во всех областях, в частности прийти к взаимоприемлемому (и одобренному другими заинтересованными сторонами) соглашению об использовании той части космического комплекса бывшего СССР, которая сосредоточена на территории Казахстана. Россия надеется, что равноправие граждан Казахстана вне зависимости от их этнической принадлежности будет надежно гарантировано и впредь.

Россия намерена развивать добрососедские отношения со странами Прибалтики. Однако в настоящее время в отношениях с Латвией и Эстонией наметились серьезные проблемы. Права русскоязычного населения нарушаются, причем нетерпимым образом. Закрепляющаяся практика недопустима с точки зрения мировых цивилизованных норм и общепринятых понятий о правах человека. Ответственность России за судьбы национальных меньшинств не имеет ничего общего с «имперскими амбициями». Создается впечатление, однако, что существующая на сегодняшний день странная отстраненность России от судеб русскоязычных только усугубляет их положение.

Гражданский союз заявляет, что, если такая дискриминация будет иметь место и впредь, Россия оставляет за собой право прибегнуть к комплексу мер, имеющихся у нее для их защиты. Как крайнее средство давления на те страны Прибалтики, которые утверждают свое национальное «я» за счет других, может быть применен набор жестких экономических санкций, обращение в ООН и СБСЕ и даже отказ от переговоров о выводе российских войск из соответствующих стран Прибалтики до тех пор, пока противоположная сторона не продемонстрирует уважение прав человека вне зависимости от национальной принадлежности. Мы заявляем ясно и четко: с любыми формами дискриминации и сегрегации, фактически – апартеида – Россия мириться не должна и не будет.

Молдова – независимое государство, и вопрос об изменении форм ее государственности должен решаться только путем национального консенсуса многонационального народа Молдовы. Россия считает, что непродуманные решения здесь могут привести к крайне негативным последствиям, и будет использовать свое влияние для того, чтобы способствовать стабилизации ситуации в стране. Вооруженная конфронтация представляется России здесь недопустимой. Россия будет прилагать все усилия для полной ликвидации нынешнего конфликта. Как представляется, важную роль могла бы сыграть здесь Украина.

В Закавказье как регионе параллельно развиваются несколько межнациональных и межгосударственных конфликтов, что вызывает у россиян наибольшую тревогу. Россия намерена прилагать усилия по их разблокированию и дальнейшему урегулированию. Вместе с тем недопустима ситуация, в которой российские войска становятся заложниками хаотических военных действий, подвергаясь нападениям и не имея четко определенного статуса. Поэтому надо поставить вопрос так: если та или иная страна заинтересована в присутствии российских войск на ее территории, она обязана предоставить соответствующие гарантии безопасности российских военнослужащих. Недопустимым является положение, при котором российские военнослужащие, выполняющие свой долг, становятся объектом судебных (и тем более внесудебных) преследований. Россия намерена решительно положить конец неконтролируемой утечке оружия из ее арсеналов в этом регионе.

Любые попытки поставить под угрозу территориальную целостность России на Северном Кавказе будут однозначно трактоваться Россией как мятеж против законной власти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

России представляется необходимым оградить права русскоязычных в Средней Азии. Рассчитывая здесь на помощь Казахстана, Россия будет добиваться полного соблюдения прав русскоязычного населения. В Средней Азии сегодня возникли конфликты, в которые вовлекаются определенные государства. Эта тенденция представляется России крайне опасной. Мы готовы употребить свое влияние и возможности (например, по эффективной охране границ стран СНГ в регионе), но только в том случае, если российским представителям будет гарантирована безопасность, а статус российских войск будет обеспечен двусторонними соглашениями, дух и буква которых будут выполняться. Россия считает, что предотвратить массовую миграцию русскоязычных из стран Средней Азии – в коренных интересах народов этих стран, где русскоязычные глубоко вовлечены в обеспечение экономической жизнедеятельности.

Гражданский союз выступает за разработку концепции и принятие закона о режиме наибольшего благоприятствования, который может быть распространен на дружественные соседние государства.

8. Россия в современном мире

Россия находится в процессе нового самоопределения в современном мире. Гражданский союз считает, что национальным интересам

России и интересам международной безопасности серьезный урон был нанесен бездарной, непрофессиональной, идеологизированной внешней политикой времен «нового политического мышления», которая в еще более примитивном варианте продолжается и по сей день.

Мы подтверждаем приверженность общечеловеческим ценностям европейской цивилизации, к которой принадлежит и Россия. Но между идеальными устремлениями и практической политикой лежат ясно понимаемые и энергично отстаиваемые национальные, государственные интересы. Их забвение новыми идеологами от внешней политики имело результатом хаотический уход сначала СССР, а потом и России из зон своих жизненных интересов в ближнем и дальнем зарубежье, ничем не оправданную сдачу многих позиций в вопросах обеспечения безопасности страны. Были разрушены наши традиционные и новые союзы, а в образовавшемся геополитическом вакууме немедленно начались кровавые конфликты, стал возрождаться дух, казалось бы, давно похороненных империй – Османской, Австро-Венгерской и даже Германской.

Россия, подчеркивая и подтверждая свои партнерские, дружеские отношения с США, вместе с тем не считает оптимальным положение, при котором Соединенные Штаты максимально приблизились к политической монополии в мире. В ряде случаев последнее обстоятельство приводит к тому, что США начинают диктовать свои условия мирового общежития, принимать на себя роль мирового арбитра, носителя истины в последней инстанции. Наша дипломатия зачастую пассивно наблюдает, как отношения «партнера и друга» превращаются в отношения «отца и сына».

Россия считает, что чем сильнее развивается многополюсность в мире, тем стабильнее он будет, тем легче будет приходить к согласованному решению острых вопросов. Россия не ставит своей целью «расколоть» Запад. Однако она считает, что после краха миропорядка холодной войны многополюсность мира будет становиться фактом, содействовать мировой стабильности, и намерена исходить из понимания этого.

Восточная Европа. Восточная Европа находится сегодня в процессе болезненных трансформаций; это сопряжено с демонтажем социализма и поисками новых ориентиров политики. Россия понимает, какой горький осадок остался у народов Восточной Европы после длительного пребывания в составе советского блока. Вместе с тем Россия не может игнорировать последствия длительной взаимоза-

висимости Восточной Европы и бывшего СССР. У России нет и не может быть стремления включить Восточную Европу в сферу своего влияния. Однако у нее есть желание наладить тесное сотрудничество с восточноевропейскими странами, опираясь на объективные показатели, на богатые позитивные традиции политических, деловых и культурных связей.

В течение долгого времени экономики стран Восточной Европы и бывшего СССР находились в состоянии тесной взаимозависимости. Понятно, что сегодня и страны Восточной Европы, и Россия ищут новые ориентиры политики и новых партнеров. Однако быстро переориентировать экономику весьма трудно. Мудрее было бы вспомнить об уже сложившихся хозяйственных связях и, отрешившись от неэффективного СЭВа, строить взаимовыгодное экономическое сотрудничество на новом, равноправном уровне. Можно предположить, что это был бы путь наименьших издержек и в таком взаимодействии наши страны могли бы наиболее безболезненным путем удовлетворить потребности друг друга в целом ряде необходимых товаров – от нефти и нефтепродуктов до продукции машиностроения и фармакологии.

Связи, сложившиеся между нашими странами в эпоху тоталитаризма, были неравноправными. Но они были тесными, и в Восточной Европе лучше понимают русский язык, чем в Западной. Долгое время русский был языком угроз, теперь он становится языком сотрудничества.

Западная Европа. Западная Европа видится России как один из центральных регионов нынешнего мира, от которого во многом зависит, какие формы примет новый мировой порядок.

Россия приветствует западноевропейскую интеграцию, хотя и понимает, с какими трудностями столкнутся ее участники при осуществлении этой грандиозной задачи. В то же время Россия объективно не заинтересована в превращении Европы в замкнутый экономический и военно-политический союз, равно как и в появлении в ней подавляющего гегемона.

Россия не хочет строить свои отношения с западноевропейскими странами на основе преференциальности в отношении одних и игнорирования других. Вместе с тем понятно, что отношения с Великобританией, Францией, Германией имеют для России особое значение.

Россия видит в западноевропейских странах своих близких партнеров и ценит тот задел в двусторонних отношениях, который уже

имеется, например, в экономических отношениях с Германией. В то же время Гражданский союз озабочен ростом реваншизма и крайне правых настроений в современной Германии, а также стремлением некоторых германских кругов к доминированию в Европе. Россия, как государство, в наибольшей степени пострадавшее во время Второй мировой войны, естественно, чрезвычайно чувствительна к этим тенденциям.

Тенденция к доминированию германских интересов в европейской политике в наибольшей степени проявляется на Балканах. Положение в Югославии – острейшая проблема современной Европы. Здесь особенно заметно, как на словах единая Европа в действительности под давлением Германии проводит традиционную германскую политику разделения Югославии, поддерживая Хорватию против Сербии. К сожалению, нынешнее российское руководство в данном случае фактически полностью ориентируется на Германию, забывая о российских интересах.

Россия в Югославии не должна защищать ни одну из сторон. В то же время, помня о своих традиционных связях с Сербией, необходимо проводить объективную политику, признавая ответственность всех сторон за конфликт. В этом плане Россия должна выступать за принятие равных мер как против Сербии, так и против Хорватии и других сторон.

Проблемы Сербии близки России как исторически, так и политически. Поэтому Россия должна выступать за единство Сербии либо за международную конференцию по справедливому пересмотру границ.

Россия считает, что западноевропейские страны могут оказать позитивное воздействие на урегулирование конфликтов на территории бывшего СССР. Так, страны Скандинавии могли бы сыграть важную роль в российско-прибалтийских отношениях, являясь заинтересованными, но объективными посредниками в деле устранения конфликтных моментов. Механизм СБСЕ, к которому подключились республики бывшего СССР, может привести к координации усилий по стабилизации положения на территории бывшего СССР. Понятно, что при этом неприемлем принцип «двойных стандартов»; стандарты должны быть едины и основываться на правах человека, гражданском мире в обществе и интересах стабилизации ситуации в Евразии в целом.

Россия и Америка. Гражданский союз считает российско-американские отношения одним из главных внешнеполитических приори-

тетов для России. Мы приветствуем провозглашенное руководителями двух государств стремление установить партнерские отношения. Геополитическое положение наших стран создает естественные предпосылки для сотрудничества, а решительный переход России на демократический путь развития делает впервые реальным партнерство двух держав по самому широкому кругу проблем современного мира.

Вместе с тем мы убеждены, что для построения такого партнерства нам предстоит пройти долгий путь, на котором потребуется понимание, терпение и добрая воля обоих государств в осознании и признании законных интересов друг друга в различных районах мира.

Мы считаем, что в этот сложный момент нашего развития серьезный урон российско-американскому стратегическому партнерству может нанести автоматическое следование в фарватере американской внешней политики. Какими бы комплиментами с американской стороны ни сопровождался такой курс, он опасен тем, что формирует у США ложный образ России, какой она никогда не будет.

Мы признаем общечеловеческую ценность американского исторического опыта строительства демократического гражданского общества и правового государства, готовы активно его использовать в строительстве новой России и будем благодарны за посильное содействие со стороны США в этой работе. Но это все-таки наша работа, и строить рыночную экономику, институты гражданского общества и государства для России обязаны мы сами. И отнюдь не по готовым рецептам американских консультантов или стандартным западным учебникам экономики. Нет универсальных ответов на все вопросы. В современном мире процветают и пользуются уважением только те государства, у лидеров которых хватило мужества, терпения и уважения к истории и традициям своего народа, чтобы идти к экономической и политической демократии своим путем.

Гражданский союз исходит из того, что национальные интересы России и США диктуют необходимость их сотрудничества в деле строительства безопасного и стабильного мира. Наши государства уже прошли значительный путь в направлении снижения уровня ядерной опасности, заключенные между ними договоры о сокращении стратегических вооружений являются фундаментом не только для двусторонних, но и многосторонних усилий по дальнейшему сокращению военных арсеналов.

Но сокращение вооружений не является самоцелью. Накопленный опыт доверия в этой деликатной области должен стать основой расширяющегося сотрудничества двух стран в создании международ-

ных структур предотвращения и ликвидации локальных конфликтов, блокирования экспансионистских режимов.

Россия готова взять на себя свою часть ноши, прежде всего в геополитическом пространстве бывшего СССР и прилегающих районах. Мы признаем особую роль США в такого рода многосторонних действиях в регионах их жизненно важных интересов и ожидаем от США такого же подхода к роли России на основах взаимности.

Россия и США в силу своих размеров и геополитического положения имеют общность интересов в противодействии тенденциям к распаду мира на замкнутые региональные группировки, являются естественными партнерами в активном строительстве механизмов и институтов глобальной экономической интеграции, совместных усилиях в решении глобальных проблем.

Мы отнюдь не считаем, что в будущем российско-американские отношения будут совершенно безоблачными. Вхождение России в мировую экономическую систему не только открывает новые возможности, но и создает уже сейчас реальные конкурентные угрозы. К этому надо готовиться заранее и США, и России. Уже сейчас в отношениях между двумя странами возникло напряжение из-за выхода России на ряд рынков высоких технологий. США делали попытки вытеснить Россию с рынков вооружений. К этим конфликтам обе страны должны отнестись как к возможности выработать механизмы конструктивного их разрешения и тем самым придать партнерству реалистический характер на будущее.

Россия и Азия. В Азии долгосрочный стратегический интерес России состоит в том, чтобы, поддерживая ровные, сбалансированные отношения с Китаем, Японией и другими крупными странами, не содействовать ни одной из великих держав региона в претензиях на господство в нем.

Особенно, как политически, так и экономически, важны отношения России с Китаем, которые по своей приоритетности должны быть поставлены вровень с европейским и американским направлениями. Главная задача здесь – достижение такого уровня сотрудничества, при котором ни одна из сторон не смогла бы вернуться к одностороннему конфронтационному курсу в отношении другой.

Мы хотели бы развития дружбы и сотрудничества с Японией, однако постановка вопроса нынешним японским руководством о безусловной передаче Японии четырех Курильских островов для нас абсолютно неприемлема. Никто не может разговаривать с Россией языком ульти-

матумов. Мы признаем наличие трудных проблем, искренне стремимся к достижению взаимоприемлемого компромисса, однако считаем, что спорные вопросы должны решаться постепенно, по мере развития взаимовыгодного сотрудничества и изменения общего климата в наших взаимоотношениях. Решения споров прочны только тогда, когда они воспринимаются как победа обеими сторонами.

9. Армия и общество

Положение армии сегодня – это боль и позор России. Армия, по своей сути единый, управляемый из одного центра организм, сегодня раздроблена, разграблена, деморализована. По существу, Вооруженные силы перестали быть инструментом государственной политики, защищающим интересы государства и находящимся под защитой государства. Командный, да и весь личный состав в целом потеряли ориентиры и лишены четкого политического контроля и поддержки со стороны государственного руководства.

Жалкое положение Вооруженных сил – во многом результат политики прежних лет, когда бывшее союзное руководство удовлетворяло нужды высшего командного состава, игнорируя интересы тех, из кого состоит и на ком держится эта мощная организация. Однако раздел Вооруженных сил, углубивший давно накопившиеся проблемы, – это результат распада СССР. Бесправное положение сотен тысяч солдат и офицеров, захват оружия и боевой техники и «национализация» целых воинских соединений, положение, когда российского солдата или офицера может безнаказанно взять в заложники любая банда, когда все чаще бывшие товарищи по оружию воюют друг против друга, – все это на совести нынешних лидеров России и других государств бывшего СССР.

Гражданский союз считает, что положение в Вооруженных силах должно быть коренным образом изменено. Звание российского солдата и офицера должно стать почетным; необходимо развивать патриотические традиции русской армии, ее моральные и духовные ценности, привести армию в соответствие с новым демократическим государственным строем России.

Военная реформа, проведения которой давно добивались демократические силы и настоящие профессионалы в самой армии, оказалась сорванной. Сегодня нам нужна уже не просто военная реформа. Нам нужна другая армия – не то неповоротливое порождение идеологии и милитаризма, которое десятилетиями наводило ужас на весь мир, а разумных размеров высокопрофессиональные, мобиль-

ные и эффективные Вооруженные силы, способные защитить национальные интересы России, обеспечить ее безопасность. Для создания такой армии, которая будет любима народом и уважаема обществом, Гражданский союз считает необходимым предложить новую концепцию военной политики, которая исходит из следующих реальностей:

— Главная угроза безопасности России сегодня исходит изнутри, является следствием обострения экономических, социальных, национальных проблем, способных взорвать общество, разрушить единство Российского государства, привести к его раздроблению и гражданской войне.
— Непосредственная военная угроза России как на Западе, так и на Востоке сегодня отсутствует, но опасность возникновения военных конфликтов не ликвидирована полностью. Система коллективной безопасности СНГ, по существу, лишь декларирована, но не создана на практике. Военно-политический союз государств Содружества пока создать не удалось.
— Наиболее реальной является опасность приграничных и локальных конфликтов, в том числе между бывшими советскими республиками.
— Россия сегодня впервые за долгую свою историю не имеет союзников; процесс формирования международной системы безопасности затягивается.
— Россия унаследовала от СССР лишь часть его мощи и возможностей (примерно 60% ВНП, населения, территории) и не в состоянии нести бремя гонки вооружений, которое было слишком тяжелым и для всех 15 союзных республик.
— Россия унаследовала лишь часть Вооруженных сил Союза. Лучшие войска и самая современная боевая техника находились за пределами России. Почти треть находящихся под ее юрисдикцией войск дислоцирована в Германии, Польше и на территории бывших советских республик. Вооруженные силы ослабляются в результате нарушения сложившихся каналов управления, контроля за их деятельностью, снижения уровня боевой подготовки и боевого обеспечения всех видов и родов войск, политического расслоения и национальных конфликтов, нарастания среди личного состава армии и флота политического и социального недовольства пренебрежительным отношением к их нуждам и запросам.

Боеспособность Вооруженных сил приближается к критической черте. Армия не имеет военной доктрины, лишена эффективного

государственно-политического руководства. Такое положение представляет угрозу и для самой армии, и для общества в целом.

Гражданский союз считает, что восстановление необходимой связи между армией и Российским государством требует четкого контроля высших органов исполнительной и законодательной власти над вооруженными силами. Военная политика России должна быть составной частью политики государства в сфере национальной безопасности.

Россия никому не угрожает и никого не считает своим врагом и выступает против применения силы или угрозы силой для разрешения политических и экономических споров.

Россия будет стремиться к организации военно-политического союза государств Содружества в интересах их общей безопасности, создания региональных систем безопасности в Европе и Азии, способствовать выполнению Организацией Объединенных Наций ее функций по поддержанию международного мира и безопасности.

Но мы заявляем ясно и определенно: Россия не намерена разоружаться в одностороннем порядке. Военная сила остается одним из инструментов обеспечения государственных интересов, защиты суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, выполнения обязательств по поддержанию международного мира и безопасности.

Вооруженные силы необходимы России для защиты жизненно важных интересов, сдерживания агрессии против России, а в случае вооруженного нападения – срыва агрессии и восстановления мира на справедливых условиях, а также для защиты конституционного строя и законности в Российской Федерации.

Вооруженные силы Российской Федерации должны быть достаточными для отражения возможных угроз в пограничных и локальных конфликтах, сдерживания крупномасштабной войны с применением обычных средств вооруженной борьбы и предотвращения ядерной войны.

Унаследованная Россией армия не отвечает этим требованиям и вместе с тем требует непосильных для нашей разваливающейся экономики расходов. Сокращение оборонных расходов неизбежно, но оно должно осуществляться не хаотично и импульсивно, а в строгом соответствии с приоритетами военного строительства.

Отсутствие реальной военной угрозы в краткосрочной перспективе и наличие у России мощного сдерживающего ядерного потенциала позволяет в относительно короткий период осуществить

коренную реорганизацию Вооруженных сил в соответствии с потребностями и возможностями России.

Гражданский союз предлагает следующую программу военного строительства для России.

1. Вместо упора на гигантские сухопутные силы, поглощающие огромные людские и материальные ресурсы, приоритет при строительстве Вооруженных сил Российской Федерации должен быть отдан развитию высокотехничных и высокомобильных видов и родов войск, способных эффективно парировать реальные, а не гипотетические угрозы безопасности России. Стратегические силы сдерживания, ВВС, ВМС, высокомобильные силы общего назначения позволят при тех же или меньших затратах поддерживать качественный паритет с любым потенциальным противником.

2. Нельзя откладывать сокращение Вооруженных сил до уровня в 1,5 млн человек до 2000 г., иначе произойдет «саморазвал» армии, лишенной необходимого материального обеспечения и социальной защиты. Сокращения армии должны быть осуществлены в 1993–1995 гг. и тесно увязаны с выводом в Россию находящихся за ее пределами войск. Россия не может и не должна превращаться в военный лагерь или строить вокруг своих границ новую линию Мажино.

3. Важнейшим приоритетом должно стать немедленное осуществление Общегосударственной программы социального обустройства увольняемых военнослужащих. Офицеры и прапорщики должны получить денежную компенсацию, гражданские профессии, работу, жилье за государственный счет (безвозмездно или в кредит). Бывшим военнослужащим необходимо предоставить особо льготные условия для адаптации к рыночной экономике. Эти меры должны распространяться и на российских офицеров, уволенных из Вооруженных сил в результате национализации армии бывшими советскими республиками.

4. Сохранение ядра офицерского корпуса – основа для дальнейшего строительства Вооруженных сил России. Требуется незамедлительное осуществление мер по обеспечению социально-правового статуса профессиональных военнослужащих (обеспечение гражданских прав, денежное довольствие, жилищные условия, нормирование служебных функций, рациональное пенсионное обеспечение и т.п.), ликвидация коррупции и протекционизма в армии.

5. Качественный состав Вооруженных сил может быть обеспечен только в том случае, если современную боевую технику будут обслуживать настоящие профессионалы. Сегодня в армии служит

1,5 млн профессионалов – офицеров и прапорщиков – и примерно столько же призывников. Поэтапное сокращение призыва и увеличение набора по контракту позволит по завершении реорганизации иметь Вооруженные силы численностью 1,3–1,5 млн человек, комплектуемые исключительно на добровольческой основе.

6. Огромные арсеналы устаревшего оружия и военной техники, необходимость выполнения международных обязательств России по сокращению вооружений, сокращение военного бюджета существенно затрудняет модернизацию материальной части армии. В этих условиях при неизбежном сокращении массового тиражирования быстро устаревающих вооружений необходимо сохранить приоритетные направления оборонных НИОКР, которые в дальнейшем позволят оснастить Вооруженные силы Российской Федерации самыми современными средствами вооруженной борьбы. Мы не можем допустить военно-технологического разрыва с наиболее развитыми державами на мировой арене.

7. Ядерное оружие в обозримом будущем останется основой сдерживающего потенциала России. Это позволит сохранить стратегическую стабильность, упрочить ядерное сдерживание. Россия должна сохранить и часть тактических ядерных средств, которые при определенных обстоятельствах также могут играть сдерживающую роль.

8. Необходимо уделить особое внимание оптимизации системы руководства Вооруженными силами, их надежному обеспечению средствами боевого управления и связи. Без преодоления отставания в этой области боеспособность Вооруженных сил будет резко подорвана.

9. Большое значение имеет обеспечение условий для нормальной боевой и психологической подготовки личного состава Вооруженных сил. Защитники Родины должны быть готовы выполнить любой боевой приказ в полном соответствии с конституционными нормами, законодательством и Уставами, отсутствие которых создает опасный вакуум.

10. Армия станет надежным инструментом государственной политики только в том случае, если она не будет политизироваться, вовлекаясь в борьбу противоборствующих партий и группировок. Вооруженные силы должны быть последовательно департизированы, не вмешиваться в политику. Только в этом случае армия сможет выполнить свою консолидирующую и стабилизирующую роль в обществе и государстве.

Большевизация Моссовета[1]

Весной 1990 г. лишь 80 человек из почти 500 депутатов первого демократически избранного Моссовета вступили в прокоммунистическую фракцию «Москва». Летом 1992 г. сессия Моссовета, приняв за основу проект одного из членов бывшей коммунистической фракции, практически поддержала требования демонстрантов-коммунистов по предоставлению им эфира и предупредила милицию против принятия решительных мер.

Комиссия, созданная Моссоветом для расследования событий 22 июня, практически полностью поддержала версию самих демонстрантов, в своих расследованиях опиралась лишь на их свидетельства и игнорировала данные ГУВД, врачей, независимых свидетелей.

В чем причина такого поворота? Представительные и исполнительные органы в Москве давно ведут борьбу за власть. С одной стороны, мэрия Москвы, нарушая законы и опираясь только на указы президента, последовательно старается отстранить районные и городские Советы от всякой власти. Сегодня ей это во многом удалось: на практике Моссовет лишен рычагов воздействия на решения администрации, не может ее контролировать (мэрия, вопреки закону, не предоставляет документы). Даже городской бюджет известен Моссовету лишь примерно на четверть.

С другой стороны, депутаты, ссылаясь на явно устаревшее законодательство, прикрывают им стремление сохранить за представительным органом всю власть, в том числе право назначать всех представителей администрации, право распоряжаться собственностью, то есть, по сути, сохранить старую советскую систему без КПСС.

И та и другая позиция исходят из одной идеологии – желания распоряжаться и давать указания всем и вся. Идея разделения властей, которую все сегодня провозглашают, к сожалению, не приживается в нашем городе.

С точки зрения законодательства позиция депутатов более правомерна. Поэтому, несмотря на наше несогласие с сутью некоторых законов, мы всегда поддерживали конституционные требования Моссовета. Ведь плох закон или хорош, он должен действовать, иначе наступает беззаконие.

[1] Впервые опубликовано в газете «Куранты» (1992. 30 июня. № 124 (389). С. 4).

Но логика борьбы, к сожалению, сегодня завела многих депутатов слишком далеко. Большинство из них (как показывают результаты голосования) для того, чтобы сместить московскую администрацию, готовы призвать в союзники и И.В. Сталина, и А. Гитлера, и В.И. Анпилова, и самого черта. И вот уже многие из них сами поддерживают незаконные действия коммунистов, идут впереди их колонн, вступают в схватки с милицией или, по меньшей мере, покрывают беззаконие. Такая позиция напоминает старый анекдот об исключенном из партии Рабиновиче, которому приснилось победоносное вступление американской армии в Москву под лозунгом «Восстановите Рабиновича в партии!».

Это типично большевистская позиция. Ведь кто, как не В.И. Ленин, был готов поддержать кого угодно, даже Германию, в войне с собственной страной, лишь бы прийти к власти.

Беззаконием нельзя бороться с беззаконием. Своими последними решениями депутаты демонстрируют, что личные интересы, желание сохранить неожиданно полученное на выборах солидное положение важнее для них, чем интересы страны. Как объяснить иначе, что именно в тот период, когда наше правительство наконец, кажется, взялось за ум и стремится принимать меры по защите интересов страны за рубежом и прекращению ее распада, они поддерживают силы, призывающие свергнуть это правительство вооруженным путем. Им непонятно даже, что, если анпиловцы придут к власти, одной из их первых жертв станет экс-демократический Моссовет.

Те же настроения сегодня захлестнули и районные Советы. Я уж не говорю о тех из них, которые с самого начала были прокоммунистическими. Но даже в демократическом Октябрьском райсовете депутаты от вполне понятной борьбы со злоупотреблениями исполнительной власти практически перешли к поддержке требований большевистско-национального блока.

19 августа прошлого года один из нас подошел к председателю райсовета, избранному, кстати, и в Моссовет по спискам «Демократической России», и спросил его о том, как он собирается бороться с путчистами. Он ответил что-то вроде того, что ситуация сложная и неоднозначная и ГКЧП формально выступает за сохранение представительных органов. Тогда стало ясно, что с такими людьми нам не по пути. Но в то время большинство депутатов все же активно поддерживало законную власть. Сейчас, случись новый путч, расклад сил был бы иным.

Сегодня коммунисты открыто и нагло призывают к оружию, к национальной розни, их лозунги полны антисемитизма и ненависти к «инородцам». Камеры телевидения бесстрастно засвидетельствовали их нападения на сотрудников милиции с применением колов и палок, избиения сотрудников телевидения. Налицо нарушение нескольких статей уголовного кодекса. В любой демократической стране такие действия были бы жестоко подавлены. И сегодня необходимо поддержать московскую милицию, которая хотя и поздно, но все же приняла решительные меры. Москвичи получают шанс пожить хоть немного спокойно.

В противостоянии в Москве виноваты обе стороны. Виноват и Верховный Совет России, затягивающий принятие предусмотренного Конституцией закона о статусе Москвы. Этот закон мог бы снять многие противоречия.

Что касается городского и районных Советов, то органы государственной власти, обязанные следить за законностью и фактически поддерживающие беззаконие, ожидает печальная судьба. Надеемся, депутаты задумаются над этим.

А. Лукин,
председатель подкомиссии Моссовета
по межрегиональным связям

Л. Балашов,
председатель подкомиссии Моссовета
по делам общественных организаций

В. Фадеев,
председатель подкомиссии Моссовета
по правам человека.

В союзники записать поторопились[1]

«Московская правда» на свой лад истолковала выступление народных депутатов Моссовета на волнах Би-би-си. Однако, судя по всему, партийные журналисты этих депутатов в союзники записать поторопились.

7 октября «Московская правда» перепечатала наше с Валерием Фадеевым интервью радиостанции Би-би-си, открыв им дискуссию о проблемах Моссовета. Крайне удивило, почему газета московских коммунистов вместо того, чтобы обратиться к любому из депутатов напрямую, использует для этого материалы «вражеского голоса».

А дело объясняется просто. В своем интервью мы критиковали нынешнюю структуру Моссовета и позицию его лидеров по некоторым вопросам. На этом основании коммунисты, использующие любую возможность, чтобы «подцепить» новую, демократическую, власть, вероятно, поспешили записать нас в свои союзники. Но сделали они это напрасно.

Если бы мы знали, что нас опубликует «Московская правда», то сказали бы кое-что еще, исходя из естественного желания акцентировать внимание на разных проблемах в зависимости от печатного органа и его аудитории. К своим словам, уже опубликованным «Московской правдой», мы добавили бы, что для нас весьма удивительно, почему к нам обратилась газета, прославившаяся своей крайне реакционной позицией, травлей всего прогрессивного в городе, выступлениями против демократически избранного Моссовета, его депутатов, лидеров демократического движения. Вспомним хотя бы травлю на ее страницах ныне народного депутата РСФСР А.М. Тарасова, народного депутата СССР В.А. Логунова, травлю Б.Н. Ельцина с помощью письма рабочего В.П. Тихомирова и многое другое.

Мы сказали бы, что критика – явление нормальное, свидетельство здоровья организации. Моссовет действительно несовершенен, но он молод, и многое наладится, несмотря на огромные трудности. Кстати, 90% этих трудностей созданы в прошлом и создаются сегодня, в том числе и МГК КПСС.

Мы сказали бы, что, несмотря ни на какие разногласия, мы едины с руководством Моссовета в одном – время КПСС прошло, и она

[1] Впервые опубликовано в газете «Куранты» (1990. 22 ноября. № 10. С. 6).

должна отдать народу награбленное добро и прекратить поощрять саботаж решений городских властей.

Письмо с выражением своей позиции и собственными дополнениями я отнес редактору «Московской правды» В.П. Лысенко. Посмотрим, найдет ли он возможность опубликовать его в порядке партийного плюрализма, или нам придется снова выступать по Би-би-си.

Однако история на этом не кончилась. Серьезность своих намерений «Московская правда» продемонстрировала 13 октября, опубликовав статью известного партийного социолога И.В. Бестужева-Лады «В Москве отменяют карточки», написанную в лучших ленинских традициях ведения дискуссии. Я уж не говорю о развязном, прямо-таки хамском тоне этой статьи, на который приличному человеку и реагировать как-то странно. Прочитаю лишь первое предложение: «Депутаты Моссовета В. Фадеев и А. Лукин, гуляя по Лондону, случайно встретились с диктором Би-би-си Б. Максимовым. И заболтались». Через несколько строк слова Б.Е. Максимова названы «вздором». Не знаю, может быть, И.В. Бестужев-Лада привык разговаривать подобным образом со своими друзьями, но как ученый он должен знать, что в серьезных дискуссиях такой тон не принят.

Обозреватель «Московской правды» ошибся несколько раз в одной фразе. Во-первых, мы не гуляли по Лондону, а находились там с кратким визитом, организованным английским Форин Оффис для изучения работы органов муниципальной власти. Кстати, за свой счет. С Б.Е. Максимовым мы встретились тоже не случайно. Борис – мой школьный друг. Благодаря усилиям некоторых крупных партийных ученых и других деятелей его оставили в СССР без куска хлеба и без образования, и он вынужден был эмигрировать. Так что тут вовсе не над чем потешаться. Одним словом, у И.В. Бестужева-Лады получилось как в старом анекдоте: «И не тысячу рублей, а сто, и не в шахматы, а в преферанс, и не выиграл, а проиграл».

Ошибившись в таких простых вещах, партийный журналист демонстрирует поразительную осведомленность о личной жизни депутатов. Ему известно, что мы молоды, женаты и даже что я еще не оформил себе визитку. Такое впечатление, что те, кто попросил написать статью, положили перед автором подробные наши анкеты, гораздо более подробные, чем те, что мы заполняли при отъезде в Англию.

Странного здесь вообще много. В комментарии к нашему интервью сказано, что оно передано в «Московскую правду» «по каналам Гостелерадио». Однако в Гостелерадио нам сказали, что они действи-

тельно выпускают бюллетени с записями зарубежных радиостанций, но в «Московскую правду» их не отправляют. Откуда же газета и ее авторы черпают свою информацию? Не в том ли ведомстве, где, как недавно говорил бывший генерал О.Д. Калугин, есть информация на всех, кроме высших коммунистических чиновников?

Но это так, к слову. Что же по существу не понравилось И.В. Бестужеву-Ладе в нашем интервью? Прежде всего, наше выступление против введения в городе карточек или визиток.

Разумеется, каждый волен иметь свою точку зрения. Но уместны ли намеки на то, что «антикарточники» – то есть мы – трижды в день питаются исключительно в спецбуфете? Ответственно заявляю, что все это существовало в старом, «партийном» Моссовете. Сегодня в нем нет ни спецбуфетов, ни спецзаказов и вообще никаких заказов и распродаж из тех, что бывают на любом другом предприятии.

На наш взгляд, введение карточек не гарантирует наличия товара (как это уже ясно из опыта с сахарными талонами), социального равенства. Карточки породят новый взрыв спекуляции – новый слой бюрократии, распределяющей эти карточки.

Я с пониманием и вниманием отношусь к позиции нынешних руководителей Моссовета, считающих, что без карточек не удастся обойтись. Понятно их стремление защитить московский рынок, который распадается под ударами разгильдяйства и блокады партийных чиновников. Однако защита не должна строиться на фактическом отказе от экономической реформы, на отгораживании от других частей страны, на феодальном распаде империи. Любые экономические реформы должны проводиться по меньшей мере в рамках РСФСР. И есть все основания полагать, что российское правительство окажет здесь Моссовету полную поддержку.

А. Лукин,
депутат Моссовета

Выступление на Второй сессии Московского городского Совета народных депутатов Двадцать первого созыва[1]

Уважаемые депутаты!

Наша фракция сформировалась во время подготовки и проведения первой сессии нового Моссовета, когда выявились существенные расхождения наших позиций с позициями других сформировавшихся депутатских групп, а также с руководством Моссовета. Вот и сегодня мы хотели бы предложить план работы сессии, дополняющий план, исходящий от Президиума.

По нашему мнению, сессия должна обсудить четыре основных вопроса.

Первое. Нам представляется необходимым принять принципиальные решения сессии о положении Москвы в стране. Депутат Ю.А. Прокофьев, выступая здесь ранее, говорил, что наши решения должны корреспондироваться с законодательством как России, так и Союза. Однако сегодня в столице, как и в России в целом, сложилась парадоксальная ситуация. На одной территории одновременно действуют союзные и республиканские законы, которые противоречат друг другу. Это создает путаницу и благоприятные условия для злоупотреблений. В этой обстановке мы должны сделать свой выбор и решительно поддержать усилия российского парламента по проведению радикальных реформ. Мы должны заявить, что в условиях навязанного нам выбора мы подчиняемся российским законам. Такое решение внесет ясность в деятельность правоохранительных и юридических организаций Москвы и послужит большой поддержкой демократическому российскому парламенту и его председателю. Кстати, соответствующий проект решения роздан депутатам.

Второе. Мы хотели бы привлечь внимание к необходимости решать проблемы московского хозяйства, реально идя к рынку. В целом, мы согласны со многими программами, о которых говорил здесь председатель Совета. Однако хотели бы обратить внимание на следующее.

[1] Выступление от имени либеральной депутатской группы в ходе обсуждения доклада Председателя Моссовета Г.Х.Попова 11 ноября 1990 г. Текст выверен и отредактирован по стенограмме.

В предлагаемых программах речь в основном идет о приватизации сферы распределения, предприятий сферы обслуживания. Мы считаем, что такой подход не приведет к наполнению рынка товарами. Необходима решительная приватизация средств производства. Только она может спасти нас от упорно навязываемых нам руководителями Совета и Исполкома карточек, которые, как показала практика, увеличили спекуляцию и бюрократизацию, но не дают больше товаров. Например, талоны на сахар у нас, как известно, есть, а сахара нет.

Наконец, сессия, принимающая решение о переходе к рынку, обязана обсудить вопрос о мерах социальной защиты москвичей в этот трудный период и тем самым развеять домыслы и страхи, которые сами по себе могут сорвать движение к рынку.

Третий вопрос – это принятие радикальных программ. Нам кажется, что принятие радикальных программ, их реализация тормозится в настоящее время Исполкомом, состав которого, несмотря на свои предвыборные обещания, руководители Совета пытаются защитить от критики депутатов. Сегодня нам на утверждение вновь в основном предлагают кандидатуры старых хозяйственных руководителей, людей, ответственных за развал хозяйства Москвы, а их утверждение предлагают сделать даже менее демократичным, чем в Верховном Совете СССР. Ни одна из этих кандидатур не обсуждалась соответствующей депутатской комиссией. Голосовать за них предлагается списком. Мы считаем необходимым заслушать отчеты начальников всех управлений Исполкома и объявить, по примеру Ленинграда, открытый конкурс на эти должности, в котором старые руководители могут участвовать на общих основаниях. Только обновленному Исполкому мы можем доверить больше прав в управлении городским хозяйством.

Важнейшим вопросом сессии должно стать обсуждение статуса Москвы и организации городского управления. Как сообщалось в прессе, предложение Председателя Моссовета - сформировать комиссию по определению статуса Москвы при Президенте СССР. Переговоры велись лично между председателем и президентом. Хотя Председатель Совета не уполномочивался вести такие переговоры, насколько нам известно, ни Сессией, ни даже Президиумом Совета. Фактически подготовка нового статуса Москвы ведется втайне от депутатов, которые со многим могут не согласиться. Мы, безусловно, согласны с мнением нашего председателя, что система советской власти сегодня полностью обанкротилась, ее необходимо менять. Но странно, что те люди, которые на выборах говорили о своей привер-

женности системе разделения властей, получив власть, не стремятся ее делить. Это касается как рядовых депутатов, так и руководителей Советов.

Сегодня структура Советов фактически воссоздает старую систему коммунистической власти. Вместо горкома КПСС мы имеем даже не утвержденный Сессией Президиум Совета, который, как раньше, все решает, но ни за что не отвечает. А вместо отдела горкома – депутатскую комиссию, члены которой считают себя вправе вмешиваться в оперативную работу Исполкома, городских организаций, дают рекомендации правоохранительным органам и даже суду. Интересно, что поддержка такой структуры прозвучала сегодня в докладе Председателя Совета, когда Гавриил Харитонович говорил о том, что комиссия Совета должна стать высшей инстанцией в городе по всем вопросам. Кроме того, некоторые депутаты занимаются коммерческой деятельностью, используя свое положение, вступают в правление различных фондов, ассоциаций, оказывают им услуги.

Мы согласны, что в условиях наступающей анархии нам необходима сильная городская власть. Однако это не значит, что вся власть должна быть сконцентрирована в одних руках. Необходимо четко разделить функции Совета, обладающего установительной властью, и Исполкома, несущего всю ответственность за претворение в жизнь программ Совета, но обладающего значительной свободой действий.

Схема здесь проста. Сессия Совета приняла программу, Исполком взялся за ее исполнение. В случае ее неисполнения, руководство Исполкома теряет свои посты. Однако весь период конкретной реализации программы депутаты не имеют права вмешиваться в работу Исполкома.

Собственно, эта система и принята действующим законом РСФСР о местном самоуправлении. Однако наш президиум его не исполняет, постоянно вмешивается в решение конкретных вопросов. Это же касается и депутатских комиссий.

Мы предлагаем по примеру Ленинградского Совета принять специальное решение о разделении функций советов и исполкомов. Необходимо также принять кодекс поведения депутатов, где оговорить условия коммерческой деятельности, зарубежных поездок и т.д. Ряд проектов имеется по этому поводу.

Мы также решительно против плана руководства Совета придать Москве какой-то особый статус, вывести Москву из под руководства российского парламента, т.е на практике подчинить ее центру. Конечно, нам приятно будет заседать не в горсовете, а в Верховном Со-

вете Московского региона. Но мы пришли в Моссовет не за постами. Мы против распада страны на отдельные княжества, будь они демократические или антидемократические.

Москва – столица России, и нам не нужно особого положения о ней. Мы – за демократическую Москву – столицу демократической России. Мы требуем, чтобы судьба Москвы решалась не в частных, дружеских беседах руководителей Совета с Президентом СССР и секретарем горкома КПСС где-нибудь в кулуарах Кремля или на гробнице коммунистического тирана, а в Москве самими москвичами.

Да, у Моссовета нет законодательных прав. Но мы можем и должны выработать свой проект закона о статусе Москвы и вынести его на всемосковский референдум. От такого закона трудно будет отмахнуться и центральной, и московской власти.

Уважаемые депутаты!

В докладе Председателя Моссовета слишком радужно была оценена ситуация в городе. Давайте смотреть правде в глаза. Политика коммунистических правителей завела страну в тупик. Мы стоим на пороге серьезных социальных катаклизмов. Наш народ не может больше терпеть положение, когда говорится много слов, но делается мало дел, когда сказать можно все, но есть нечего. Пока наши лидеры, наши депутаты играют в амбиции, думают назваться «президентом», «мэром» или «императором», в какую еще страну съездить, терпение народа кончается.

Сами того не заметив, многие нынешние демократические политики могут вскоре оказаться в одной камере и там продолжить исторический спор о темпах и методах перехода к рынку.

Моссовет и рынок[1]

У микрофона **Борис Максимов**.

В политической и экономической ситуации в Москве не все выглядит однозначно. Например, Московский городской совет, с одной стороны, выступает за введение рыночной экономики, а с другой – активно ограничивает функционирование рынка путем введения карточной системы. В Лондоне сейчас находятся два депутата Моссовета – Валерий Фадеев, председатель подкомиссии по правам человека, и Александр Лукин – член комиссии по национальным отношениям и межрегиональным связям. Они побывали у нас в студии, и я спросил их, не является ли подобная политика Моссовета несколько парадоксальной? Первым отвечает **Александр Лукин***:*

«Здесь есть, конечно, определенные противоречия между, во-первых, желаниями новых людей и их теоретически положительным отношением к рынку и практикой разрухи, которая сейчас существует. То есть, с одной стороны, все понимают, что надо переходить к рынку, надо проводить приватизацию, и, в общем, такие долгосрочные программы в Моссовете разрабатываются, и принципиальные решения были приняты на первой сессии, и вот сейчас на второй сессии должны быть приняты конкретные программы. Но в то же время город новым силам достался в таком страшном положении, что совершенно ничего нет. Поэтому депутатам приходится во многом делать работу, которая им несвойственна, которую они вообще не должны делать, то есть заменять исполнительную власть. То одно пропадет, то другое, то сигареты пропали, значит, в Моссовете был создан штаб по сигаретам, где несколько человек бегали по Москве, и, в общем, занимались тем, чем должны заниматься по идее исполнительные органы».

В.В. Фадеев: Самое-то интересное, что в данной ситуации вообще трудно прогнозировать, принесет ли пользу данное решение или нет. Вот, например, все принимается с закрытыми глазами, фактически. И Г.Х. Попов, и все другие, пришедшие к власти, абсолютно некомпетентны во многих вопросах. В частности, недавно нам сказали из ГУВД города Москвы, что введение карточек сильно ударило по паспортному контролю и по снабжению города продуктами еще

[1] Впервые опубликовано в газете «Московская правда» (1990. 7 октября. № 230 (21448). С. 3).

больше, чем раньше. Почему? Потому что сегодня карточка поддельная, которую можно отоварить в Москве, стоит 75 рублей, а прописка не одну тысячу стоит, то есть товаров станет поступать в Москву меньше, а вывозить их могут теперь так же или даже еще больше.

Б.Е. Максимов: Ни один из вас не ответил на мой вопрос. Карточная система – это антирыночная система. Как это укладывается с риторикой о введении рыночной экономики?

А.В. Лукин: Официальное руководство Моссовета, в частности Г.Х. Попов, не считает это антирыночной мерой. Согласно его теории, карточки должны быть введены на товары самой первой необходимости для того, чтобы не было социальных взрывов. Остальные же товары должны быть пущены в свободную торговлю. Многие возражают, в том числе и я, считая, что это не совсем правильно. Однако, видимо, решение все-таки будет принято именно такое.

Б.Е. Максимов: Почему вы считаете, что это неправильно?

А.В. Лукин: Неправильно это потому, что все же рынок есть рынок и введение карточек на определенные виды товаров все равно не улучшит положения, это откроет только возможности для лишней спекуляции.

В.В. Фадеев: Может быть, Г.Х. Попов просто хотел совместить сначала две эти системы, но, по-моему, конечно, они несовместимы, и само слово «карточки» исключает слово «рынок», это взаимоисключающие системы. Может быть, как политик он пытается маневрировать, пытается найти форму, пригодную для сложившейся обстановки. Но, конечно, идя назад, нельзя прийти вперед. И в данном случае очевидно, что мы не продвигаемся в сторону рынка, как раз наоборот, мы идем, мы сползаем, как бы пятимся к системе карточного распределения всех продуктов вообще.

А.В. Лукин: С другой стороны, мы тут выходим на более важную проблему – это, так сказать, психология, социальный состав нынешнего руководства Моссовета и вообще депутатского корпуса, которые называют себя демократами. Мне кажется, что в России вообще политическая культура очень низкая и практически не существовало никогда демократического общества. Люди в основном считают, что демократизм заключается не в методах управления, а в том, что люди, которые раньше правили, назовем их коммунистами или бюрократами, они были нехорошими, а вот если сейчас придут хорошие люди и установят точно такой же контроль, но со своей хорошей точки зрения, то общество будет более эффективным. Поэтому как бы сама собой восстанавливается старая структура, но с другим названием.

Вот, например, в структуре Моссовета – комиссии Моссовета, многие депутаты в этих комиссиях пытаются контролировать исполнительные органы, не заниматься выработкой решений, то есть тем, что свойственно, собственно, законодательной деятельности, а контролировать соответствующие управления Исполкома, давать им разные указания, некоторые даже пытаются оказывать давление на суд, звонят в суд, требуют принять какие-то решения. И причем они искренне считают, что это правильно, просто теперь это «демократическое давление», а раньше было коммунистическое давление – это нехорошо.

В этом состоит большая проблема. Мне кажется, пройдет еще довольно много времени, прежде чем депутаты действительно поймут необходимость изменения самой структуры власти и ее механизмов.

Б.Е. Максимов: То есть парадокс выявляется: старая система заменяется новой, которая мало отличается от старой?

В.В. Фадеев: Тут нужно добавить, что реальная ситуация еще интереснее: есть же депутатский корпус и руководство в составе президиума и председателя президиума Гавриила Харитоновича Попова. Что интересно, после первой же сессии, развернувшей перед глазами москвичей весь блеск дискуссионного мастерства наших депутатов, он стал очень бояться сессий и сейчас очень не хочет ее созывать. У него буквально развилась такая болезнь: «депутатофобия». Он ходил, я помню, встречался с нашей фракцией, либеральной, и с другими фракциями и говорил: «Как бы нам избежать вот этой неэффективной работы?» Чтобы создать нечто вроде Верховного совета в нашем Совете, ведь у нас почти 500 депутатов, то есть, ну, хотя бы сто. Он совершенно разочарован в сессиях, депутатах, он не видит возможности работать. Из этого один вывод, что работать должна небольшая группа людей, окружающих председателя, которым он доверяет, то есть фактически сейчас Моссовет управляется автократически. Мы еще очень далеки от той формы управления, хотя на словах она называется вроде «Демократическая Россия», эта организация, но она привела к очень знакомой форме, когда начальника окружают знакомые, близкие ему люди, и он советуется только с ними и не хочет или любыми способами избегает решений коллективных.

ОТ РЕДАКЦИИ. Жаль, конечно, что анализ деятельности Моссовета нам приходится начинать с подачи Би-би-си. Но полученная по каналам Гостелерадио информация нам показалась достаточно интересной, чтобы ее не утаивать от читателей. В то же время обращаемся ко всем депутатам Моссовета с предложением продолжить начатый в Лондоне разговор.

Обращение к Верховному Совету СССР[1]

В последние дни как в Москве, так и в стране в целом сложилась критическая, взрывоопасная ситуация, грозящая вылиться в экономическую, политическую и социальную катастрофу, общенациональный кризис с непредсказуемыми последствиями.

Причина этого в необдуманных, неумелых действиях Совета Министров СССР во главе с Н.И. Рыжковым, пытающегося под вывеской «регулируемого рынка» или «планово-рыночной экономики» провести крупное повышение цен на основные продукты, тем самым в очередной раз заставив народ заплатить за просчеты экономической политики правительства.

Стремление любым путем сохранить контроль над экономикой, политика препятствования созданию новых, эффективных экономических структур, блокирование рыночных отношений привели нынешнее правительство к полному банкротству.

Мы просим Верховный Совет СССР отвергнуть проект очередного административного повышения цен, предложенный правительством, которое приведет к значительному снижению уровня жизни москвичей и жителей всей страны.

Мы обращаемся к Верховному Совету СССР с призывом незамедлительно выразить недоверие правительству Н.И. Рыжкова и сформировать правительство национального доверия из деятелей, пользующихся наибольшим авторитетом в народе.

Народные депутаты Моссовета
(73 подписи)

[1] Обращение группы депутатов Моссовета составлено А.В. Лукиным в мае 1990 г. в связи с планом Совета Министров СССР во главе с Н.И. Рыжковым повысить розничные цены без их либерализации. Подписано 73 депутатами.

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ

МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО СОЗЫВА

Ф. И. О. _____ Избирательный округ № _____

Адрес для ответа _____

ОБРАЩЕНИЕ

к Верховному Совету СССР

В последние дни как в Москве, так и в стране в целом, сложилась критическая, взрывоопасная ситуация, грозящая вылиться в экономическую, политическую и социальную катастрофу, общенациональный кризис с непредсказуемыми последствиями.

Причина этого в необдуманных, неумелых действиях Совета Министров СССР во главе с Н.И.Рыжковым, пытающегося под вывеской "регулируемого рынка" или "планово-рыночной экономики" провести крупное повышение цен на основные продукты, тем самым в очередной раз заставив народ заплатить за просчеты экономической политики правительства.

Стремление любым путем сохранить контроль над экономикой, политика препятствования созданию новых, эффективных экономических структур, блокирование рыночных отношений привели нынешнее правительство к полному банкротству.

Мы просим Верховный Совет СССР отвергнуть проект очередного административного повышения цен, предложенный правительством, которое приведет к значительному снижению уровня жизни москвичей и жителей всей страны.

Мы обращаемся к Верховному Совету СССР с призывом незамедлительно выразить недоверие правительству Н.И.Рыжкова и сформировать правительство национального доверия из деятелей, пользующихся наибольшим авторитетом в народе.

Народные депутаты Моссовета

1. Лукин А.В. (276)
2. Мельников А.Ю. 86 окр.
3. Прудников А.В., 76 окр. А. В. Прудников
4. Баламов Л.В. 174 окр.
5. Фадеев В.В. 334 окр. Фадеев
6. Дмитриев С.Т. 248
7. Иванов В.К. 463

Телефон на троих[1]

Докладная записка
Председателя КГБ СССР В.А. Крючкова
Президенту СССР М.С. Горбачеву

Совершенно секретно

О планах по созданию в Моссовете «группы независимых демократов»

(Из разговоров депутата Моссовета, сотрудника Института востоковедения А. Лукина за 22 марта)

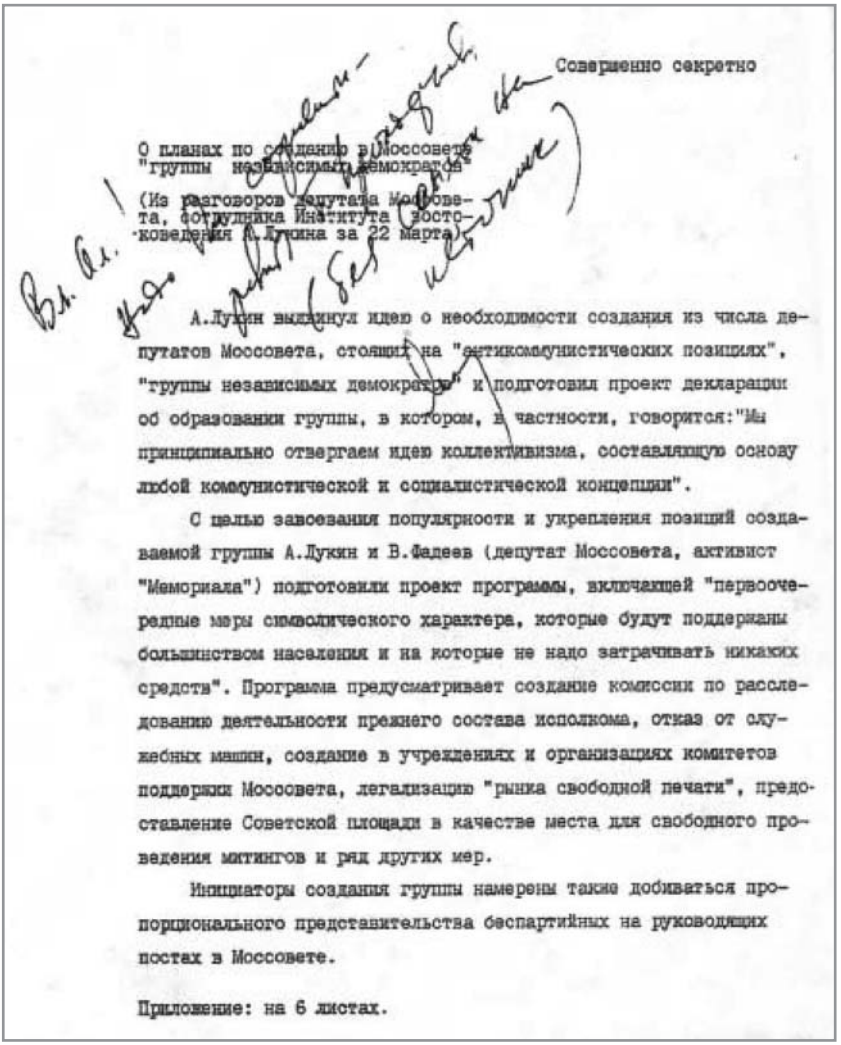
А. Лукин выдвинул идею о необходимости создания из числа депутатов Моссовета, стоящих на «антикоммунистических позициях», «группы независимых демократов» и подготовил проект декларации об образовании группы, в котором, в частности, говорится: «Мы принципиально отвергаем идею коллективизма, составляющую основу любой коммунистической и социалистической концепции».

С целью завоевания популярности и укрепления позиций создаваемой группы А. Лукин и В. Фадеев (депутат Моссовета, активист «Мемориала») подготовили проект программы, включающей «первоочередные меры символического характера, которые будут поддержаны большинством населения и на которые не надо затрачивать никаких средств». Программа предусматривает создание комиссии по расследованию деятельности прежнего состава исполкома, отказ от служебных машин, создание в учреждениях и организациях комитетов поддержки Моссовета, легализацию «рынка свободной печати», предоставление Советской площади в качестве места для свободного проведения митингов и ряд других мер.

[1] Документ опубликован в книге В.Г. Степанкова и Е.К. Лисова «Кремлевский заговор: Версия следствия» (М.: Огонек, 1992 г.) в главе «Телефон на троих». Авторы – в то время генеральный прокурор РФ и его заместитель. Факсимиле документа воспроизведено в журнале «Огонек» (1992. Сентябрь. № 36–37. С. 16) в качестве одной из иллюстраций к отрывку из анонсируемой книги. Резолюция М.С. Горбачева на документе гласит: «Вл. Ал.! Надо бы сориентировать т. Прокофьева (без ссылки на источник)». В.А. Крючков в то время – председатель КГБ СССР, Ю.А. Прокофьев – первый секретарь Московского городского комитета КПСС.

Инициаторы создания группы намерены также добиваться пропорционального представительства беспартийных на руководящих постах в Моссовете.

Приложение: на 6 листах.



Совершенно секретно

О планах по созданию в Моссовете "группы независимых демократов"

(Из разговоров депутата Моссовета, сотрудника Института востоковедения А.Лукина за 22 марта)

А.Лукин выдвинул идею о необходимости создания из числа депутатов Моссовета, стоящих на "антикоммунистических позициях", "группы независимых демократов" и подготовил проект декларации об образовании группы, в котором, в частности, говорится: "Мы принципиально отвергаем идею коллективизма, составляющую основу любой коммунистической и социалистической концепции".

С целью завоевания популярности и укрепления позиций создаваемой группы А.Лукин и В.Фадеев (депутат Моссовета, активист "Мемориала") подготовили проект программы, включающей "первоочередные меры символического характера, которые будут поддержаны большинством населения и на которые не надо затрачивать никаких средств". Программа предусматривает создание комиссии по расследованию деятельности прежнего состава исполкома, отказ от служебных машин, создание в учреждениях и организациях комитетов поддержки Моссовета, легализацию "рынка свободной печати", предоставление Советской площади в качестве места для свободного проведения митингов и ряд других мер.

Инициаторы создания группы намерены также добиваться пропорционального представительства беспартийных на руководящих постах в Моссовете.

Приложение: на 6 листах.

Лукин А.В.

Л 84 Россия на рубеже веков. Работы по политологии и российской политике / А.В. Лукин. – М.: Издательство «Весь Мир», 2016. – 688 с.

ISBN 978-5-7777-0632-4

Настоящая книга – плод размышлений автора, известного российского политолога А.В. Лукина, над проблемами изучения политики в целом и российской политики в частности за без малого три десятилетия: с конца 80-х гг. XX в. до сегодняшнего дня. Все работы, написанные за эти годы, разделены на три раздела. В первом разделе помещены статьи и материалы научного характера, в которых имеется теоретический элемент. Второй раздел, напротив, составлен из публицистичных работ. Третий раздел включает выступления, интервью и составленные автором документы. Работы посвящены анализу российской политики, политической ситуации в стране, политическим изменениям, происходившим в горбачевский, ельцинский и путинский периоды, изучению эволюции российского политического режима, перспективам развития страны. Автор предлагает собственные подходы к пониманию российского политического процесса, дает острую критическую оценку политическим деятелям и проводимому ими курсу. Книга представляет интерес для политологов, специалистов по современной истории и политике России, а также для всех, кто интересуется политическим развитием нашей страны.

УДК 323(47)''1980–2016
ББК 66.3(2Рос)6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ:

Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений

Под ред. А.В. Лукина. М.: «Весь Мир», 2013. С. 704. Илл., врезки.

ISBN 978-5-7777-0548-8

Данная книга призвана решить две важные задачи: представить российской академической аудитории и экспертному сообществу глубокую научно-обоснованную картину российско-китайских отношений с момента их возникновения до настоящего времени и дать преподавателям и студентам в области международных отношений первоклассное учебное пособие. Авторский коллектив монографии составили ведущие российские ученые и дипломаты: А.И. Денисов (МИД), Е.П. Бажанов, А.В. Лукин (Дипломатическая академия), А.В. Иванов (МГИМО), В.Л. Ларин, Г.Н. Романова (ИИАЭ ДВО РАН), В.Г. Дацышен (СФУ), А.А.Писарев (Тайвань), Н.А. Самойлов (СПбГУ). В книге показано возникновение и развитие российско-китайских отношений, дана взвешенная характеристика важнейших двусторонних договоров, оцениваются различия в их трактовке в российской, китайской и мировой научной литературе, особо рассматривается сложный процесс развития культурных связей.

Книга снабжена иллюстрациями и научно-справочным аппаратом, в том числе на китайском языке, а также содержит тематические и биографические врезки, облегчающие восприятие и запоминание текста.

Спрашивайте в книжных магазинах книги и другие издания издательства «Весь Мир»,
заказывайте их в интернет-магазинах
или через сайт издательства «Весь Мир»
www.vesmirbooks.ru

А.В. Лукин

Поворот к Азии.
Российская внешняя политика на рубеже веков и ее активизация на восточном направлении

Дипломатическая академия МИД России.
М.: Издательство «Весь Мир», 2014. С. 640.

ISBN 9785-7777-0644-7

Сборник статей известного китаеведа и специалиста в области истории международных отношений, проректора Дипломатической академии А.В. Лукина посвящен восточному направлению российской внешней политики. Опубликованные за последние десять лет в различных научных журналах, коллективных монографиях и периодической печати статьи дают чрезвычайно полное представление о тех вызовах, с которыми Россия сталкивается на Дальнем Востоке. В книге содержатся оценки развития российской внешней политики в целом и роли ее восточного вектора, приводится анализ существующих возможностей и трудностей.

Спрашивайте в книжных магазинах книги и другие издания издательства «Весь Мир»,
заказывайте их в интернет-магазинах
или через сайт издательства «Весь Мир»
www.vesmirbooks.ru

Лукин А.В., Лукин П.В.

Умом Россию понимать.

М.: Издательство «Весь Мир», 2015. С. 384.

ISBN 978-5-7777-0638-6

Современному политологическому дискурсу об исторической судьбе России, о ее настоящем и будущем не хватает действительно научного подхода. Авторы этой книги — историк-медиевист и политолог — объединили свои усилия в попытке привнести подлинно научное начало в дебаты по этой проблеме, «вернуть политологию истории». Они рассматривают процесс складывания политической культуры российского общества, подробно разбирают и критикуют мифы и стереотипы «об извечном российском авторитаризме», «слабости самоуправления» и т.п.

Особое внимание уделяется ими анализу политической системы России, сложившейся в 90-е годы XX в., с характерной для нее системой кланов и клик. С использованием данных зарубежных и отечественных социологических исследований авторы внимательно изучают соотношение политических идеалов и отечественных политических реальностей. В книге анализируется экономическая политика постсоветской России, в которой парадоксальным образом обнаруживается больше вполне традиционных черт, чем новизны. Исследование опирается на широкую источниковую базу, авторами использованы практически все наиболее значимые и важные работы российских и зарубежных ученых. Монографии предпослано предисловие одного из крупнейших историков и политологов современности проф. Арчи Брауна.

Книга адресована широкому кругу профессиональных политологов, историков, преподавателям и студентам, журналистам и экспертам. Она будет без сомнения интересна и широкому кругу читателей.

Спрашивайте в книжных магазинах книги и другие издания
издательства «Весь Мир»,
заказывайте их в интернет-магазинах
или через сайт издательства «Весь Мир»
www.vesmirbooks.ru

А.В. Лукин

РОССИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ
Работы по политологии и российской политике

Редактор: *А.С. Рысляева*
Корректор: *М.Г. Смирнова*
Художник: *Е.А. Ильин*
Верстка: *С.А. Голодко*

Подписано в печать 30.05.2016 г.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 43,0
Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»
125009, Москва, ул. Моховая, 11, строение 3 «В».
Тел./факс: (495) 276-02-92
E-mail: info@vesmirbooks.ru
http:// vesmirbooks.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87

ISBN 978-5-7777-0632-4

ЛУКИН
Александр Владимирович
(1961) – доктор исторических наук, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России (с 2004 г.), руководитель Департамента международных отношений НИУ «Высшая школа экономики» (с 2014 г.).

После окончания МГИМО (1984) стажировался на философском факультете Пекинского университета, работал в МИД СССР, Посольстве СССР в КНР, Институте востоковедения АН СССР. В 1990 г. был избран депутатом Моссовета, возглавлял подкомиссию по межрегиональным связям. В 1997 г. получил степень доктора философии по специальности «Политика» в Оксфордском университете, в 2007 г. – доктора исторических наук в Дипломатической академии МИД России, в 2013 г. – диплом о профессиональной переподготовке по программе «Теология» в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете.

Работал в США – в Гарвардском университете, Институте имени Брукингса, Университете им. Дж. Вашингтона. С 1999 по 2007 гг. – доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО. С 2010 г. – профессор кафедры международного права и прав человека Московского университета МВД. В 2011–2014 гг. – проректор Дипломатической академии МИД России. С 2014 г. – в НИУ «Высшая школа экономики».

Член редколлегии журналов «Asian Politics and Policy» (США), «Международни проблеми» (Сербия) и «ASAN Forum» (Республика Корея), в 2005–2008 гг. – главный редактор журнала «Россия–Китай. XXI век», почетный исследователь Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян (КНР), в 2000–2012 гг. – советник губернатора Московской области по внешнеэкономическим связям.

ВЕСЬ МИР
www.vesmirbooks.ru